

Порог

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

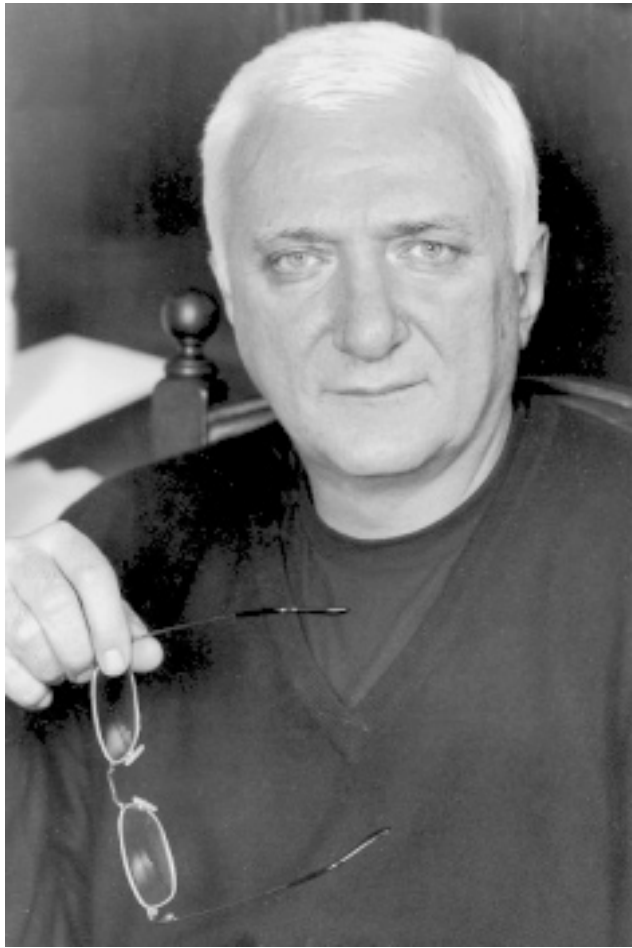

Фото Владимира Мусаэяна

Александр Потёмкин

ИЗГОЙ

Роман

ОТРЕШЕННЫЙ

Рассказ

Издательский Дом «ПоРог»
Москва 2014

УДК 82-3

ББК 84-4

П 64

Александр Потёмкин

ИЗГОЙ, роман, ОТРЕШЕННЫЙ, рассказ, —

М.: ИД «ПоРог», 2014— 768с.

ISBN 978-5-902377-50-4

Печатается по изданию:

Александр Потёмкин, ИЗГОЙ, роман,

М., 2003, ООО ИД «ПоРог»

© А. Потёмкин, 2003

© Издательский Дом «ПоРог», 2003

© И. Резников, оформление, 2003

ISBN 978-5-902377-50-4

П 64

ИЗЛОЙ

«ИЗГОЙ», или ЗОВ РУССКОЙ ВЕЧНОСТИ

Читателя этой книги ожидает подлинное открытие. Он познакомится со странным, но удивительно привлекательным виртуальным собеседником - французским аристократом с русско-итальянскими корнями князем Андреем Константиновичем Иверовым, финансовым гением мирового фондового рынка. Он ощущает очарование его незаурядной личности, его изысканного стиля жизни, где, казалось бы, есть все, что душе угодно, - и вместе с тем недостает чего-то очень важного, к чему неизменно стремится его мятежный дух.

К слову сказать, жизнь высших слоев французского общества социологически изучена очень мало. Соотечественники главного героя романа, французские социологи М. Пэнсон и М. Пэнсон-Шарло (Культура господствующих классов: между знанием и достоянием / Вопросы социологии. 1996. Вып. 7) объясняют это не только духом корпоративной замкнутости француз-

ской элиты, но и социально-психологическим феноменом «завороченности» исследователя своим объектом. Социолога - представителя среднего класса - настолько пленяет блистательность изучаемого объекта, утонченность вкусов и изысканная учтивость его манер, его столь властно влечет к нему, что он не в состоянии соблюсти должную дистанцию, отвечающую требованиям объективности социологического наблюдения. Подобная «завороченность объектом» мешает социологу критически оценивать жизненные ситуации в высших слоях французского общества и вовремя увидеть признаки грядущего духовного кризиса в ослепительном сиянии аристократического величия. Поэтому, прочтя роман А.П. Потемкина «Изгой», мы узнаем о стиле жизни французской элиты куда больше, чем из солидных социологических изысканий. Мы сможем ощутить и утонченное обаяние их повседневности, и понять их острейшие духовные коллизии, чего не в состоянии дать не только труды социологов, но даже социальных психологов или психоаналитиков. Именно литература - точнее то, что французы называют *belle letter*, родившееся вместе со стилем французского романа, - способно открыть взору человеческого душу культуры.

«Но позвольте, - в недоумении воскликнет интеллигентный российский читатель, едва сводящий концы с концами, что мне терзанья какого-то французского миллиардера? Мне бы выжить бы в современной России! Он, герой романа А.П. Потемкина, «сверхбогач, сверхкавалер, сверхэксперт, сверхпотребитель, сверхинтеллектуал» бежит в свой виртуальный мир от бремени сверхпотребления. Я же, интеллигент

в N-ом поколении, с трудом дотягиваю до полочки. Так что это - не для меня!»

Но таково лишь первое, мимолетное впечатление. С первых же страниц романа «Изгой» понимаешь, сколь нужен он российскому читателю: ведь речь в нем не только о проблемах французского аристократа а о темах общечеловеческих, а тем самым - и наших с вами. И вряд ли случайно, что написан он немцем с русской душой.

Тут самое время представить читателю автора. Александр Петрович Потемкин родился в Сухуми, где прошли его школьные годы. Студентом факультета журналистики МГУ он начинает печататься в газете «Комсомольская правда»: от заметок в несколько строк до очерков и событийных репортажей. По окончании университета А. П. Потемкин сразу же получает приглашение на работу штатным корреспондентом в центральный аппарат «Комсомолки». Здесь он попадает в круг известных в стране журналистов: Виталия Игнатенко, Константина Щербакова, Геннадия Бочарова, Юрия Роста и др. «Каждый из них по-своему способствовал моему профессиональному становлению», - вспоминает А. П. Потемкин. В конце семидесятых он подает документы на выезд в ФРГ. Мать Александра Потемкина - Beate Корр - была немкой; поэтому формальное основание для выезда - воссоединение семьи. В Гамбурге А. П. Потемкин изучает германистику и экономику. С тех пор экономика становится его основной профессией. По возвращении в Россию он поступает в аспирантуру экономического факультета МГУ, где и защищает кандидатскую диссертацию на тему «Становление и развитие фондо-

вого рынка России». С тех пор он много печатается в российских СМИ. Ведет рубрику «Колонка финансиста» в «Российской газете». Тема его докторской диссертации - «Мировые финансовые рынки в условиях глобализации хозяйственной деятельности». Начало тысячелетия знаменует собой наступление эпохи его творческой зрелости. Одна за другой выходят его книги: «Виртуальная экономика и сюрреалистическое бытие» (2000), «Элитная экономика» (2001), «Международный финансовый рынок в условиях глобализирующегося мира». Готовятся к изданию «Теория денег и виртуальных платежных средств» и «Бюрократическая экономика». В 1997-1998 г.г. А. П. Потемкин служит начальником департамента крупнейших налогоплательщиков Федерального налогового ведомства России. В настоящее время он работает старшим научным сотрудником Института международных экономических и политических исследований Российской академии наук.

Экономист А. П. Потемкин сумел понять в нашей российской жизни многое, сокрытое не только от поверхностного взгляда, но и от заинтересованного внимания ангажированных адептов российского реформаторства. Он с горечью констатирует, что с уходом коммунистической идеологии «на российский народ опустилась непроглядная тьма - коррупционная, циничная, античеловеческая в своей дьявольской разрушительной энергии бюрократическая идеология... Бюрократическое иго, пришедшее на смену монголо-татарского и коммунистического, вновь закабалило россиян своим варварским кодексом: плати - работай, неси дань - занимайся бизнесом, стань крепостным моей воли - кормись

у корыта власти» (см. «Элитная экономика», с. 352). В оппозиции к безоглядным апологетам монетаризма «Чикагской школы» с их методологически невзыскательной апологией «невидимой руки рынка» как универсального средства решения всех социальных проблем, А.П. Потемкин доказывает, что современная российская экономика, принимающая все более виртуальный характер, не в состоянии долго сохранять равновесие сама по себе. Условием ее успешного развития была бы умелая и продуманная государственная политика Российского правительства, т.е. политическая воля и разум - саморегулированием этого достичь невозможно. В этом пункте мысль профессионального экономиста явно перекликается с мнением философа - критика монетаристской системы: «Монетаризм, - убежден А. С. Панарин, известный политолог, лауреат Солженицынской премии 2002г., - больше, чем одно из экономических течений. Он является сегодня, может быть, самой агрессивной доктриной, требующей пересмотра самих основ человеческой культуры - отказа от всех традиционных сдержек и противовесов, посредством которых любое общество защищалось от власти денежного мешка». (см. Панарин А. С. «Искушение глобализмом». М., 2002. С. 176). Могулишь добавить, что стремление взвалить ответственность за допущенные просчеты и упущенные возможности на «объективные и непреложные» законы рынка, т.е. с дурной головы управленцев на пресловутую «невидимую руку» рынка, - досадный для методологического самосознания современной науки рецидив механического детерминизма 19 века, пригодный для описания лишь сравнительно простых типов взаимодействий.

Профессионально занимаясь экономикой как академической дисциплиной, А.П.Потемкин по-человечески глубоко переживает социальные последствия неоправданно жесткой компрадорской приватизации, приведшей к обнищанию большей части населения страны и невиданной в послепетровской истории России люмпенизации интеллигенции. И это не случайно. В детстве и сам автор романа изрядно хлебнул нищеты в послевоенном голодном Сухуми. С четырех лет он остался на попечении бабушки, Евгении Александровны, служившей уборщицей Сухумского домоуправления номер 2, расположенного по улице Кирова, 4б. Ее месячная зарплата, в переводе на нынешний курс, составляла около 5 долларов. «Бабушка подрабатывала, заполняя для беспомощных в кириллице горожан различные бланки: прописки, постановки на учет, анкеты военкомата и т.д. Клиенты платили ей продуктами: кто конфетку, кто мандаринку, кто яблоко. Так, вдвоем мы и жили в бедности: в комнате - керосинка, в желудке - непреодолимое ощущение голода, на теле - перелицованная, заштопанная ветхая одежда», - читаем мы в послесловии А. П. Потемкина к его «Элитной экономике» (с.352). Но что изменилось, с горечью вопрошает автор, для подавляющего большинства граждан нашего Отечества по прошествии сорока лет? «Европейцы, азиаты, американцы увеличили свое благосостояние в тысячи, сотни, десятки раз. А наш народ? Почувствовал, ощутил ли он какие-нибудь изменения к лучшему? Надел ли он приличное платье, насытил ли свой желудок калорийной пищей, построил ли себе удобный теплый дом, благоустроил ли свой быт, явилась ли ему национальная идея успеха, будущего? Ничуть не бывало! Ни-

чего такого не произошло. Хотя нет. Был народ бедным, стал нищим» (там же, с. 353). «Бедность - не порок, нищета - порок», - утверждал Ф.М. Достоевский. Задумаемся, пока не поздно...

Новый роман А. П. Потемкина «Изгой» - первый роман трилогии «Тернии духа» о постперестроечной российской жизни. Но если в его предыдущих литературных сочинениях сюжетная событийность мощно раскрученного действия явно довлела психологической реконструкции мыслей и поступков героев, то художественная пластика романа «Изгой» иная. Здесь сюжетная разверстка минимальна. В его первой части, повествующей о жизни А. Иверова во Франции, почти ничего не происходит, - не считая его внезапного отъезда в Россию. Нет в нем ни одержимых религиозным прозрением охотников за человеческими душами (И.Г. Черноголов), ни напряженной драматургии авантюрно-приключенческого действия, лихо закрученного потемкинским «Игроком» в вагонах мчащего в столицу фирменного экспресса. Главное действие нового романа разворачивается не в казино или на фондовой бирже - оно в душе человеческой. Это внутренние действия-переживания, обращенные на постижение происходящего и в мире, и в самом себе (и то, и другое переливаются друг в друга и сливаются друг с другом - такова нагрузка понятия «виртуальности» в его литературном прочтении). Смысловой стержень романа - глубокие раздумья о назначении человека, о судьбах современной цивилизации, культурно-антропологической цене прогресса, экономических и социальных последствиях глобализации. В нем автор впервые поднимает планку социально-экономических обобщений до подлинно фило-

софского уровня, задаваясь вопросами воистину все-человеческого масштаба.

Первоначальный замысел названия романа - «Идитот» - роднит его с одноименным романом Ф. М. Достоевского; да и задуманные автором последующие части трилогии - «Грех» и «Покаяние» - тематически перекликаются с романами великого русского писателя - «Преступление и наказание» и «Бесы». Сметающий любые преграды авантюризм Алтынова состязается с цинизмом Ставрогина, а душевная уязвимость и кристальная чистота детски-непорочной души князя Мышкина во многом сродни душевному аристократизму и безупречной порядочности князя Иверова. Но есть между князем Мышкиным и князем Иверовым одно существенное различие: герой Достоевского болен душевно, Потемкина - духовно. Духовные искания Иверова - это культурные усилия умного, психически вполне здорового человека обрести свое место в современном мире, технизированном и отчужденном, отмеченным синдромом «ускользающего бытия» и «смерти субъекта». «Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное», - вещал св. апостол Павел в Первом послании к коринфянам (15, 46). В литературе, как в жизни...

Но А. К. Иверову удалось-таки обрести синтез душевного и духовного - в современной России. Но где? В психиатрической клинике им. Сербского! Именно в этом закрытом учреждении - то ли больница, то ли тюрьма - он впервые на протяжении всего романа находит достойных собеседников, равных себе по эрудиции и интеллекту. Впервые ощутил он здесь «роскошь человеческого общения»! (Л. Н. Толстой). Быть может, российская психушка - та самая точка соци-

альной вселенной, где он обрел духовную гавань, признание как личность, а не повелитель золотого тельца, способный по-царски оплачивать внимание мировых знаменитостей. Прорыв к свободе, купленный валютной «зеленью», не радует его, и он идет навстречу любимой женщине с горькой укоризной на устах. Досрочно оставив обитель, он так и не досказал того, чем не с кем было поделиться за всю его прежнюю прожитую жизнь.

О детстве главного героя романа «Изгой» - князя Андрея Константиновича Иверова - мы узнаем немного. Роман повествует о том, что дед Иверова, потомственный русский князь Константин Андреевич Иверов, взрастил внука на скрижалях великой русской литературы. На полках семейной библиотеки Иверовых - А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, а сам Андрей Иверов прекрасно говорит по-русски. И если, по словам Н. Бердяева, «Толстой и Достоевский привлекают западного человека как экзотическая пища, непривычно для него острая» (Бердяев Н. «Судьба России». М., 1990. С. 9), то для А. Иверова она привычна с детства. Быть может, дремлющие в глубине подсознания полудетские сопереживания героям Достоевского исподволь отвращали чувствительную душу молодого человека от свойственных людям его сословия потребительских излишеств, увлекая в виртуальный мир идеальных стандартов добра и справедливости. «Личное счастье, - убежден А. Иверов, - продукт виртуальности. Оно нравственно, т.к. не посягает на чужую собственность, мораль и свободу. Если же мое личное счастье - товар реальный, а значит, неизбежно затрагивающий интересы других, то

в нравственном отношении это меня не устраивает». Как тут не вспомнить слов Ивана Карамазова о возврате Богу «счастливого билета» в грядущий «рай на земле», если в основании этого «царства справедливости» - хотя бы одна слезинка невинного ребенка? А. П. Потемкин - один из немногих современных писателей, кому удалось стать достойным преемником великих традиций психологического романа золотого века русской литературы. Роман «Изгой» - апология напряженных духовных исканий «лишнего» человека, столь характерного для русской литературы в ситуации, когда «распалась связь времен».

Конец XX века запечатлен в нашей памяти как эпоха стремительных перемен во всех сферах природного и общественного бытия человека. А. П. Потемкин тонко уловил и языком художественных образов поведал о мощнейших катаклизмах на европейском культурном ландшафте начала третьего тысячелетия. Шквал последствий «обвальной приватизации» в России намного превысил уровень человеческой способности приспособления к социальным переменам. Разлом повседневности - одна из главных причин потрясенного российского общества «антропологического кризиса», разрушения базисных структур понимания и ориентации в жизненном мире, синдром утраты жизненного пространства и смысла жизни вообще. Шок от непонимания инспирирует уход в «иные миры». Удастся ли связать распавшиеся нити социальных коммуникаций, восстановить утраченную палитру человеческого общения, непрерывность повседневного течения жизни? Вопрос не праздный, ибо от ответа на него зависит будущее нашего народа.

Лучшие страницы романа А. П. Потемкина посвящены описанию процесса душевного самоопределения героя, его поиска основ персональной идентичности - человеческих «зацепок» в отчужденном бытии. Подобно героям Ф. М. Достоевского, А. Иверов много размышляет о бытии «на грани» и «за гранью». Что побудило его замыслить самоубийство, усмотреть в нем единственный способ одним махом разрубить гордые узел всех личных духовных проблем? Ответ - в самом названии романа. Он изгой, а значит - лишний на этом свете. В Древней Греции изгнание из родного города приравнивали к смертной казни, изгойничество - к смерти. Но А. Иверов никем и никуда не изгнан - он во внутреннем, «виртуальном» изгнании. Любимец всей Франции, он живет в доме своих предков - великолепном поместье Сен-Поль де Ванс на Лазурном берегу Ниццы. Стены его родового гнезда украшают полотна величайших живописцев: Ван Дейка, Д. Веласкеса, Эль Греко; к его услугам - чудо-яхта «Святой дух» и парк шикарных автомобилей - безраздельных властелинов европейских дорог. Он владеет лучшими реактивными и моторными самолетами, богатейшей коллекцией минералов и оружия - от боевых топоров древних германцев до гранатометов талибов, стерших с лица земли гигантские статуи Будды в провинции Дамиан. Его исполинские аквариумы соперничают с богатством Мирового океана, а со страниц его фотоальбомов сияют лучезарными улыбками лица красивейших женщин современности. Его состояние оценивается в миллиарды долларов. Но, один из богатейших людей Франции, А. Иверов испытывает не только душевный дискомфорт, но в еще большей мере - духовную неудовлетворенность.

Со страниц романа мы узнаем, что его виллу в Сен-Поль де Ванс посещают звезды политики и шоу-бизнеса, топ-модели и знаменитые артисты. Его светские воистину королевские рауты славятся изысканной утонченностью вкуса; к услугам его поваров прибегают первые лица государства, а прославленные дизайнеры обуви и знаменитые кутюрье считают за честь снять мерку с его ноги и фигуры. Но нет ли и у вас, читатель, ощущения того, что наш финансовый гений «покупает» внимание именитых гостей на час-другой, подобно тому, как он закупает - на год вперед - ласки модных красавиц? Каковы его душевные и человеческие привязанности, не считая почти сыновней преданности своему юристу Элизабетт Понсэн? Мы знаем, что он финансирует крупнейшие дипломатические саммиты и дорогостоящие кинофестивали, щедро спонсирует бывших соотечественников, не уклоняется от массивного участия в битвах крупнейших супервалют. Но с кем из заметных фигур современной культуры он дружит, кому пишет письма не моды или престижа ради, но по зову разума и сердца, когда гаснут огни его феерических карнавалов? С кем говорит по душам? С обитателями российской психушки, да - раз в год - с таким же, как он, финансовым аналитиком, г-жой Крайд.

И все же в роковой момент итоговых раздумий о смысле прожитого у подножья старого маяка А. Иверов находит в себе силы ухватиться за край ускользающего бытия, отогнать навязчивую идею оборвать нить жизни на 42 году на дне океанской пучины - под давлением «человеческого, слишком человеческого» (Ф.Ницше) в его натуре. Квинтэссенцией человеческой

субстанции он полагает свободу. «Неужели я готов уподобиться гигантскому науку, в безысходной ситуации убивающему себя ядом»? - с горечью размышляет А. Иверов. Осознание своего бытия как свободного, не заданного природной необходимостью и побуждает его в роковое мгновение перед прыжком в ничто круто изменить выстраданное решение и в лихорадочном поиске новых смыслов жизни обрести «российскую» траекторию своей дальнейшей судьбы. Бросить все и уехать в неведомую Россию, на родину предков, в «империю зла»! Именно там замыслил он обрести «радикально иной формат бытия» - абсолютную противоположность, изнанку наличного. От безграничного наслаждения - к безутешному страданию. К унижению, побоям, отбросам. ... Ибо «без страдания нельзя познать истинного величия духа». Так зов русской вечности превозмог искус мрака вечной пустоты.

Неизбывное бытийное изгойничество А. Иверова имеет глубокие социально-культурные корни. Психологически «культурное отчуждение» переживается как обостренное одиночество сюрреалистического бытия, рельефно выраженное философским экзистенциализмом. «Заброшенность в мир» (М. Хайдеггер), «тошнота» (Ж.-П. Сартр), пребывание в «пограничной ситуации» (К. Ясперс) - таков далеко не полный перечень символической метафорики неизбывного бытийного изгойничества и экзистенциальной бездомности человека в современном мире. Человек в отчужденном мире не живет, а функционирует. Вместо любви - секс, вместо надежд - программы, вместо счастья - успех. В упомянутом экзистенциализме стремление человека замкнуться в мире собственного сознания философс-

ки означает онтологизацию субъективной реальности, отождествление бытия с субъективностью. В нем Другой явлен не иначе, как узурпатор моей свободы, и потому - неизбежно Чужой. Все люди - друг другу изгой. В экзистенциальном изгойничестве - истоки неотвязной устремленности к виртуальному миру на изломе сюрреалистического бытия.

Помимо культурных, изгойничество А. Иверова имеет и социально-экономические корни: триумф финансового капитала над промышленным, виртуализацию экономики в экономически продвинутых странах Европы. Решающие предпосылки этой победы во Франции заложила революция 1848 г., и продолжавшаяся на протяжении последующих полутора веков борьба завершилась установлением безраздельного господства финансового капитала в экономическом пространстве постсовременности. В Предисловии к «Элитной экономике» А. П. Потемкин-экономист определяет виртуализацию экономики как «резкое ослабление обычных причинно-следственных связей, практически полный отрыв денежно-финансового рынка от реалий производственной сферы» (с.5). Погрузиться в виртуальную экономику, ставшую базисом «реального» производства, - словно витать в миражах. «Жить в современном фондовом рынке, иметь в нем успех - означает поэтапную виртуализацию сознания», - убежден его герой. Виртуализация сознания не только размывает грань между реальным и нереальным, но и саму возможность, онтологический смысл подобной дихотомии. «Да была ли эта встреча на самом деле? - задается вопросом А. Иверов, пытаясь отыскать взглядом невесть куда запропастившуюся Светлану Симакову.

- И стоит ли вообще делить восприятие бытия на две составляющие: «на самом деле» и «не на самом деле»? Где край бытия?» - философски размышляет он.

Но социально-экономические корни изгойничества А. Иверова куда глубже, чем его личная увлеченность виртуальной финансовой игрой. И состоят они в том, что культурная легитимация виртуальной экономической деятельности в самосознании европейской культуры так и не состоялась. Ибо краеугольным камнем экономического сознания Запада, конституировавшего Модерн в качестве особого социокультурного мира, является описанный М. Вебером тип продуктивной экономической деятельности, основанный на протестантской этике честного служения профессиональному долгу (*das Beruf*). Извлечение же прибыли «из воздуха», путем ростовщичества, грюндерства и разбоя, не укорененных в продуктивном предпринимательстве, автор «Протестантской этики» считал авантюрным, противоречащим духу подлинного капитализма. «Стремление к предпринимательству», «стремление к наживе», к денежной выгоде, к наибольшей денежной выгоде само по себе ничего общего не имеет с капитализмом, - утверждал М. Вебер. - Это стремление наблюдалось и наблюдается у официантов, врачей, кучеров, художников, кокоток, чиновников-взяточников, солдат, разбойников, крестоносцев, посетителей игорных домов и нищих - можно с полным правом сказать, что оно свойственно *all sorts and conditions of men* всех эпох и стран мира, повсюду, где для этого существовала или существует какая-либо объективная возможность. Подобные наивные представления о сущности капитализма принадлежат к тем истинам, от которых раз

и навсегда следовало бы отказаться еще на заре изучения истории культуры... Капитализм может быть идентичным обузданию этого иррационального стремления, во всяком случае, его «рациональному регламентированию» (Вебер М. «Протестантская этика и дух капитализма». Ч. 1. Предварительные замечания // Избранные произведения. М., Прогресс, 1990. С. 47-48). Но именно такова биржевая игра - современная модификация авантюрного предпринимательства в условиях «Виртуальной экономики». Повседневность А. Иверова - финансиста никак не походит на описанную М. Вебером аскезу трудового подвижничества продуктивного предпринимателя, встающего на зорьке и день-деньской колесящего по городам и весям в поисках сырья и покупателей его продуктов. Он - биржевой игрок, с гениальной прозорливостью просчитывающий отдаленные ходы и неизменно выигрывающий путем виртуозного лавирования в тенетах бесчисленного множества финансовых ловушек. И оперирует он не реальными физическими объектами (массами сырья, товаров и средств производства), а абстрактными объектами, которые существуют в памяти компьютеров - да и в его собственной - как обитатели виртуального мира. А. Иверов действует в идеальном пространстве чисто теоретических объектов, весьма удаленных от мира человеческой повседневности. Великий немецкий философ XX века Э. Гуссерль усматривал в отрыве математизированных образований науки от жизненного мира человека истоки кризиса европейских наук и европейского человечества вообще (Гуссерль Э. «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология». Пер. с нем. // Его же - «Фило-

софия как строгая наука». Новочеркасск, 1994). Такова цена промышленного прогресса. И ее всегда платят.

Слово «виртуальность» сегодня у всех на слуху. Ныне виртуальным стали называть все, ранее обозначавшееся терминами «дух», «душа», «сознание», «психика». «Вся культура виртуальна!» Но подобная риторика бессильна в решении собственно культурных проблем. Строго говоря, не любое идеальное виртуально. Идеальные объекты культуры обретают виртуальный статус лишь тогда, когда заступают на место реальности, претендуют на ее подмену. «Нарисуй мне барашка, - просит маленький принц героя сказки А. де Сент-Экзюпери, - и довольствуется изображением контейнера для перевозки животных. - «Здесь спит твой барашек». Виртуальное - симулякр, знак неподлинного, властно претендующий на подмену бытийствующей реальности - в ситуации, когда от такой реальности бегут. В семантическом универсуме виртуального мира вещественность замещается отношениями и функциями, куда человек вовлечен одним лишь сознанием - ущербной, «частичной персональностью». Но по мере разрастания «внутреннего», воображения, деградирует «внешнее», окружение. Это симптом энергетического упадка человека и мира - «убыль формостроительной способности и воли» (С. С. Хоружий). Пленник компьютерного зазеркалья с трудом вырывается из пут всемирной паутины, ставшей для него единственно реальной. Но, обживая виртуальные миры, человек вырабатывает специфически виртуалистские стереотипы поведения и деятельности, весьма отличные от земных. Взять, к примеру, виртуальное «творчество», разлив которого мы уже наблюдаем: творчество без

принятия ответственности и без притязаний на истинность, творчество полу-понарошку, творчество для пробы, для понта, для стеба, для прикола» (Хоружий С. С. «Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности» // Вопросы философии. 1997. №6. С. 67). Такова характерная черта «виртуалистской» эстетики: абсолютизация творческого жеста на фоне все деградирующего духовного содержания культуры. Ибо для полноценного творчества нужна мотивация, идущая от реальной жизни, от вовлеченности в нее, от страстей и страданий, от полноты и глубины бытия. И победа над собственной телесностью - пиррова.

А. Иверов ищет в виртуальности оплот духовной свободы, пресупающей нуты торжествующего грубого утилитаризма. Он жаждет прорыва туда, где «дух бродит, где хочет» (Гете). Это платоновский мир подлинных эйдосов - сущностей, в сравнении с которыми вещи - лишь бледные тени на стенах пещер, удел которых - не бытие, но бывание. В виртуальном прибежище абсолютной свободы А. Иверов жаждет обрести экологическую нишу от перенасыщенного раствора искусственной среды, дегуманизирующего воздействия безудержного потребительства, инспирированного железной поступью техногенной цивилизации. Ибо удел современного человека - не материнское лоно живой культуры, но бездуховное пространство мертвой цивилизации, где животворящее семя культуры, прорастая, отвердело в скелетах машин и механизмов. В их железных объятьях культура заметно утратила изначальный гуманистический потенциал. В модернистском сознании она довольствуется инструментальной ролью гуманитарной упаковки современ-

ной техники. В этом качестве культура парадоксальным образом отрицает самое себя, обращаясь в досуговые технологии, - продолжение техногенных интенций современной цивилизации.

*Виртуальный порыв А. Иверова устремлен в вечность, ибо человек современной цивилизации утратил контроль над будущим, природа покорена и омертвела в технопарках, а жесткие социальные технологии управления человеком привели к удручающему разгулу массовой культуры с присущим ей оголтелым эротизмом. Безвкусица масс глубже укоренена в действительности, чем рафинированный вкус интеллектуалов, полагал Брехт. Но как же трудно принять современную прагматическую инверсию массового сознания, где вместо морали - расчет, вместо ценностей - проекты, вместо общения - связь! Любовь редуцируется к сексу и на следующем витке отчуждения сублимируется в транссексуальность. Сколько же усилий, дьявольских (колдовской порошок Папалардо) и профессиональных (эротический танец), пришлось приложить восхитительной красавице Ж. Марч, чтобы покорить А. Иверова всего лишь на время их единственного любовного свидания! Но ему самому так и не удалось отворотить Валентинова от обаявшей его мании трансвеститства, побудить его свернуть на стезю виртуальной телесности. Ибо виртуальная телесность бессмысленна по определению. Лишь живое общение, а не виртуальный «контакт» развивает эмоционально-эмпатическую сферу духа, учит взаимопониманию, обогащает опытом интерсубъективности. Коварный замысел Папалардо родит иверовского наследника *in vitro* - явление того же порядка. Ребенок, рожденный от сово-*

купления шприца с пробиркой, безроден. Он изгой по определению, по способу рождения. Так в кознях неистой охотницы за иверовским капиталом социальное изгойничество А.Иверова претендует на обретение биологической основы в его предполагаемом наследнике. Уступая дьявольскому наваждению, человек покусился на святое право матушки-природы: задавать пол потомства в кульминационные моменты земной любви. Символично, что встреча Иверова с глашатаем трансвеститства Валентиновым происходит в Интернет-кафе - повседневном прибежище hi-tech, - где щелчок «мышки» распаивает окна-дисплеи в виртуальные миры. Рукотворное действие трансвеститства выражает нарастание абиотических тенденций современной цивилизации, триумф искусственного над естественным, психологически достоверно представленное автором в достойном жалости образе Валентинова. Дело, однако, в том, что человеческая телесность в значительной большей мере обусловила морфологию и смысловое содержание культуры, чем полагают приверженцы концепции культуры как сублимации чистого духа. Имей мы иные формы телесной организации и способы продолжения рода, человечество породило бы и доселе неведомые способы самовыражения в культуре. Мы никогда не поймем романтической недосказанности поэтического образа («Свеча горела на столе...»), отвлекаясь от телесной организации человеческого индивида, ибо для «чистого» сознания и «Я помню чудное мгновенье...» - всего лишь звук пустой. И то, что современная культура в значительной мере «фаллоцентрична», отражает реальный факт доминирования мужского начала в современной цивилизации.

Осознание ценности человеческой телесности в самосознании европейской культуры происходит в контексте критики модернистских устремлений техногенной цивилизации. «Стальные руки-крылья, а вместо сердца - пламенный мотор» - сколь же чудовищен сегодня этот образ - метафора времен социалистической индустриализации! А чем лучше другой образ - оценка писателей как «инженеров человеческих душ»? На рубеже тысячелетий «футуришок» от докладов Римского клуба 60-80 г.г., похоже, сменился самоуспокоенностью и покорным принятием цивилизационных преобразований как неизбежных - без всякой попытки соотнесения их с человеческой природой. Так повелел извечный антагонист Бога - Дьявол. Именно он, трудясь денно и ночью, превратил род людской в жаждущий власти и богатства «человейник» (А. Зиновьев). В полемике А. Иверова с Дьяволом - философски точно очерченное сопоставление культуры и цивилизации, начало которому положил в первые десятилетия прошлого века выдающийся немецкий философ О. Шпенглер в труде под весьма символическим названием «Закат Европы» («*Untergang des Abendlandes*»). Человеческая телесность обретает новую аксиологическую размерность во второй половине XX века, когда глобальные экологические проблемы впервые проблематизировали саму возможность продолжения биологической жизни на земле, выживание рода человеческого. Соотечественник князя А. Иверова, французский «археолог гуманитарного знания» М. Фуко заложил традицию систематического изучения («раскапывания» из-под более поздних культурных напластований) истории телесных практик в европейской культуре: истории сексу-

альности, систем наказаний, пенитенциарной системы. Языком Фуко и его последователей европейская культура заговорила о телесности как письменах истории, в которых власть запечатлела свои императивы. И расшифровывая эти письмена, мы узнаем о телесных практиках разных времен: надзирать и наказывать, казнить и миловать. Виртуализация же телесности подобна «зазеркальной» улыбке Чеширского кота из детской сказки Льюиса Кэрролла: телесность пропала, остались ее знаки-символы! Знак самодостаточен, он - симулякр телесности, ее полномостный заместитель. Копия превзошла оригинал!

Драматизм напряженных духовных исканий А.Иверова сопряжен с трагическими коллизиями современной эпохи: ломкой модернистских ценностей в процессе перехода экономически продвинутых обществ от индустриальной к постиндустриальной эпохе, отказом от идеалов прогрессизма, покорения природы и создания нового человека. Переход к постиндустриальной, посттехнегенной цивилизации знаменует собой утверждение ценностей «неэкономического» порядка: образования, свободного времени, здоровья и сопутствующих им интенций ограничения потребления во имя сбережения здоровья и природно-культурных ландшафтов от натиска культурных воплощений инструментально-прагматического разума, подчинение экономики целям благополучия человека как родового существа. Подобное представление отчасти реставрирует ценности «детства человеческого рода». В древней Греции, где зарождалась общественная экономика, полагалось, что богатства нужно ровно столько, чтобы воспитывать достойных граждан - не больше. Се-

годня соотечественник главного героя, выдающийся французский социолог П. Бурдье настаивает на все возрастающем влиянии на социальный статус человека «символического капитала» - сложной констелляции ресурсов образования, престижа, публичного влияния, репутации, известности и уж потом - собственности. (Бурдье П. «Социальное пространство и генезис классов» // Бурдье П. Социология политики. М., Socio-Logos, 1993).

Подобную «смену вех» в самосознании европейской культуры А. Иверов переживает как драму собственной жизни. Она обернулась его личной духовной болезнью. Трещина мира проходит через сердце поэта виртуальной экономики. Тонкая, чувствительная душа Иверова, его отточенный в виртуальных финансовых схватках острый аналитический ум чутко реагируют на тектонические смещения духовных пластов самосознания европейской культуры рубежа тысячелетий. Канули в Лету унесенные ветром прогресса итоги крупных духовных инициатив (Ренессанса, Реформации) и масштабных культурных проектов: Просвещения, человеческой эмансипации, трудовой этики, гуманизма. Удивительно чуткий к малейшим колебаниям культурного климата, А.Иверов острее других ощущает пока что едва заметный перелом настроений на вакхическом пиру постсовременности. Погрузившись в дионисийское буйство раскрепощенной чувственности - погоню за очередным предметом вождения - будь то человек, вещь, экзотический зверек или коллекционный экспонат - он мгновенно охладевает, тотчас теряя к нему былой интерес по достижении цели. Триумф победы повергает во мрак пустоты, в

*Ничто, и он с равнодушным презрением взирает на недавний предмет возжеления, теперь ничуть не нужный ему как предмет потребления. Более того, он всем сердцем отвергает объект своей победы. Его влечет лишь азарт игры, погони, схватки, консолидации всех социальных, финансовых и интеллектуальных ресурсов. Игра стала метафорой его жизни, его интеллектуальной и эротической страстью. Ибо в ней - напряжение жизни, ее драматизм, ее полнота. И то, что сходное разочарование по завершении игры испытывает не только обремененный усталостью сверхпотребления миллиардер А. Иверов, но и азартные охотники за его богатством Ж. Марч и С. Папалардо, - знамение времени. Отхватив изрядные куски его состояния, обе дамы ощущают холодок сходного разочарования: исход борьбы, всепоглощающей и вероломной, не оправдал блистательных надежд! Ибо горький привкус обокравшей душу победы лишил желания желать. Но игра - удел *homo ludens*, и герои романа делают в ней непомерно высокие ставки.*

Последним капризом изощренного потребительского тщеславия А. Иверова становится «самая роскошная, грациозная, самая красивая юная дама календаря 2001-02 годов» - двадцатилетняя модель из Лондонского дома высокой моды австралийка Жаклин Марч. На обретение этого сокровища он, не задумываясь, бросает 20 миллионов долларов, помноженных на отточенное мастерство поднаторевшей сводницы - личного агента по деликатным поручениям Анны-Валери Болль. Но вот годичный любовный контракт подписан. По-женски уязвленная внезапным охлаждением князя, красотка назвала его «удивительно странным

субъектом». Сетовать на то, что мир устроен неправильно, рассуждать о пагубных последствиях глобализации с обнаженной, извивающейся в эротическом танце королевой подиума, жаждущей лишь поскорее покорить, подчинить себе тело А.Иверова, дабы приступить к выполнению статей сулящего заоблачные дивиденды договора - не глупость ли это чистой воды? Увы. Равнодушие князя к прелестям некогда желанной красавицы - синдром телесной отрешенности от чувственной реальности в пользу виртуального бытия. Развоплотиться! Обратить себя в чистый дух, сознание, воображение! Обладать желанными диковинами не в их вещно-телесном исполнении, а в виртуальном мире идеальных объектов! Тогда усилия воображения заменят мирскую суетность, а на место оголтелой погони за очередным потребительским фетишем вступит умиротворенность виртуального всеобладания. Материальная и социальная реальность тускнеет, меркнет, теряет значение. «Будете ли Вы со мной здесь или нет - мне безразлично, - молвит князь вконец опешившей красотке Марч. - Я могу любить Вас и наслаждаться Вашей любовью виртуально». Но телесность властно берет свое и предъявляет права на душу в любовном жесте, перечеркивающим все виртуалистские рассуждения А.Иверова, когда в нем, взбодренный дьявольским зельем Папалардо, властно разыграл «основной инстинкт» в исконном, адамовом смысле слова. И потрясенная напором иверовской страсти, Ж. Марч переживает чудо душевного преображения: отныне не богатство, а близость любимого становится для нее желаннее всего на свете. Надолго ли... Обувявшее А.Иверова стремление обрести духовное при-

станции в изнанке бытия, культурную усладу - в эстетизации безобразного - типичное проявление пост-модернистского синдрома «культурной усталости» *homo ludens* на почве избыточного потребления. В том числе и женской красоты.

Но что же мешает А.Иверову полностью раствориться в виртуальности? Облик человеческий, воспитание, с которым ничего не поделаешь. «Бог создал мир из ничего, но материал всегда чувствуется» (П. Валери). «Во мне слишком много человеческого, - заключает он, - той самой красной глины, из которой господь слепил человека думающего». И, добавим, чувствующего, переживающего, страдающего. Ибо игра в виртуальность и ее экономическая разновидность - биржевая игра - свидетельство внутреннего перегрева Модерна. Она допустима лишь в тех социальных контекстах, где фундаментальные потребности людей удовлетворены. Но, услада *homo ludens* в условиях избыточного потребления, она - насмешка Мирового разума над теми, кому отмерены жалкие крохи на его Лукулловом пиру. Российский народ - самый виртуалистский в мире, рассуждает экономист А.Иверов. Ему всего не достаёт, а он радостен и весел. Светлане Симаковой для счастья хватает двух бутылок дешевого портвейна в день. Ну не усмешка ли это вездесущего дьявола? Вспоминаю эпизод из романа А.А.Зиновьева «Зияющие высоты», опубликованного еще до падения Берлинской стены. Немецкие солдаты надувают резиновую лодку, чтобы в учебном порядке форсировать небольшую речушку. Это называется «тренировка в особо сложных условиях, приближенных к боевым». И вот общий ободряющий гул зевак прорезал отрезвляющий голос авто-

ра: «Вам никогда не одолеть русских!» - «А что надо иметь, чтобы одолеть русских?» - слышались голоса. «Надо ничего не иметь! Ибо ваша армейская тренировка в сверхсложных условиях не идет ни в какое сравнение с тяготой российской повседневности». И все же роман А. П. Потемкина заряжает неистребимой надеждой вновь обрести ту умиротворяющую гармонию телесного и духовного, которой отмечено детство европейской культуры, «восстановить (курсив авт.) некогда разрушенный гордиев узел греческой культуры» (Ницше Ф. «Рождение трагедии из духа музыки» // Ницше Ф. «Стихотворения. Философская проза». Пер. с нем. СПб, 1993. С. 134), накрепко связавший духовное и телесное в человеке в до сих пор потрясающую нас своей красотой и величием органическую целостность.

Роман «Изгой» - словно ожившее полотно постперестроечной российской реальности. А. П. Потемкин с беспощадной правдивостью повествует о нравах, царящих в российском бизнес-сообществе, которое, надо полагать, познал «изнутри» как «вовлеченный наблюдатель». Более полутора лет возглавляя департамент крупнейших налогоплательщиков федерального налогового ведомства России, он собрал и художественно осмыслил такие типажы российского предпринимателя, от которых в ужасе отшатнулись бы и А. Н. Островский, и Ф. М. Достоевский. Их собирательным образом является Платон Филиппович Буйносов - живое воплощение жизненных устоев акул российского капитализма. Его жизненное кредо - «деньги любой ценой» - демонстративно попирает все нравственные устои человеческие. Он - машина, генерирующая масштабные финансовые проекты и тончай-

шие денежные аферы. Его подельник Ю. Алтынов и того круче: ни один финансовый поток не обогнет его мастерски расставленных ловушек, не обронив хотя бы капли. И хотя объекты его охоты - госпожи вараскины, а отнюдь не мы с вами, дорогой читатель, для нравственного здоровья общества его проделки не столь уж и безобидны. У потрепанного волнами бездушного меркантилизма и коррупции российского читателя нет и тени сомнений в том, что ему с Буйносовым вполне по плечу устроить побег Иверова откуда угодно, будь то закрытая тюрьма строгого режима или зорко охраняемая психиатрическая клиника. «Der Rubel rollt» - деньги сметают все преграды! Полковник столичной милиции, его жена и дочь - на содержании плутовки Вараскиной. А чего стоит юродивый духом Гришика Кутерьма, готовый за 10 целковых куражиться на кутежах Буйносова! Шуты боялись короли, но не буйносовы. И если б только в шута - в раба готов обратить человека Буйносов. Именно так и замыслил он поступить с А.Иверовым в обмен на свидетельское показание о непричастности князя к мнимому ограблению и покушению на честь г-жи Вараскиной. Шантажом пытаясь принудить ни в чем не повинного человека к 3 годам подневольного труда, г-н Буйносов умиляется собственному бескорыстию! Разнузданно-агрессивный, криминальный, попирающий человеческое достоинство жизненный стиль значительной части российского бизнес-общества - вот, по-видимому, главная причина того, что социальная легитимация частного предпринимательства в российском общественном мнении так и не состоялась.

Однако не кажется ли Вам, дорогой читатель, что даже и такой беспардонно-напористый, уверовавший в собственную безнаказанность тип российского бизнес-буйвола Буйносова все же несколько идеализирован? Одержимый идеей обрести 100 миллионов долларов, Буйносов начинает свой бизнес с розничной торговли. Поначалу - дабы составить первоначальный капитал - он торгует в розницу и с видимым усилием шаг за шагом восходит к вершинам финансового успеха. В образе Буйносова явно проглядывает веберовская модель генезиса духа капитализма, слишком идеализированная даже для классического капитализма эпохи свободной конкуренции. Вспомним описание М. Вебером идеального типа носителя духа капитализма. Его труд вдохновлен протестантской этикой беспримерного служения профессиональному долгу во имя обретения знаков божественного избрания к спасению, а общественно-нормальный доход составляет всего 5-7 процентов! М. Вебер, как уже отмечалось, настаивал на том, что лишь четко разводя подобное продуктивное предпринимательство с авантюрным, грюндерским, ростовицическим можно постичь генезис духа капитализма как специфического феномена рационалистической западноевропейской культуры. Но еще современник М. Вебера В. Зомбарт, как известно, доказывал, что оба упомянутых автором «Протестантской этики» типа предпринимательства вносят свою лепту в становление духа капитализма. И наш опыт постсоветской модернизации воочию свидетельствует о том, что авантюрный тип предпринимательства не только «вносит свою лепту», но и способен безраздельно господствовать в экономическом пространстве.

«Номенклатурная» приватизация государственной собственности постсоветского образца - обмен власти на собственность - носила ярко выраженный грондерский характер, далекий от первоначального накопления капитала личными трудовыми усилиями. Приватизацию в России окрестили «черным переделом». И надежды на то, что она выполнит ту же роль, что и первоначальное накопление капитала на Западе, не оправдались. Типичен ли бизнес-рывок обычного «совка» Буйносова, равно как и его аскетический быт, для элиты российского бизнеса? Об этом судить читателю. Я же ограничусь констатацией того, что рождение российского капитализма на практике обернулось гибелью веберовского капитализма в культуре. А вот безудержное стремление к утолению самых низменных желаний - гротескная зарисовка смакования кровопролитных петушиных боев и вакханалия чревоугодия в феишенбельном столичном ресторане «Белое солнце пустыни» - словно ожившая картинка с натуры. Но солнце сие светит не нам с вами. Оно озаряет пустыню человеческого духа. Ибо господа - созерцатели петушиных боев и эротических танцев - демонстрируют не аскетическую этику первоначального накопления, а гедонизм разнузданной богемы, тяготеющей к предельной чувственной раскованности и асоциальности нравственного инфантилизма.

Однако пора представить читателю и женское общество главного героя. В центре хоровода женских образов романа - подруга А. Иверова «по договору», королева подиума 2001-2002 г. г. красавица Жаклин Марч. Автор явно любит ее им же вылепленным образом, скрупулезно выписывая тончайшие нюансы ее внешне-

сти и туалетов. Мы узнаем, что ее отличала необыкновенно-белоснежная, с едва уловимым розоватым оттенком чувствительная кожа. Ее фигура - «91-58-89», ее огромные, с грецкий орех, зеленые, почти бирюзовые глаза и томно приоткрытые пылкие чувственные губы разбивали сердца кавалерам всех европейских столиц». На сцену жизни А. Иверова она выходит походкой дефиле в огненно-красном («фаворит всех подиумов») брутально-открытом неимоверно провоцирующем, агрессивно-сексуальном обтягивающем платье с разрезами вдоль бедер. Чувственную завершенность ее облику придает тончайшая голубая лента, словно посланец нежности, обвивающая ее высокую шею.

В душе же ее причудливо перемешаны низкие страстишки (алчность, исступленная жажда богатства) и неизбежно живущая в женском сердце потребность в глубокой и пылкой любви. Поначалу дружиной ее интриги с А. Иверовым становится неистовое стремление заполучить обещанный ей баснословный гонорар (20 млн. долларов!) за совместное проживание с князем в течение года. Бесцеремонно вытолкнув из своей жизни прежнего любовника и расторопно втолковав юристу Иверова, что примирение со странностями ее клиента потребует от нее огромных душевных затрат, красоте почти удается взвинтить гонорар до 30 млн. долларов. И вот она уже близка к цели, как князь внезапно исчезает. Однако испытав потрясение первого любовного свидания, Ж. Марч переживает чудо душевного преображения. Искренность ее чувств к Иверову по его отъезду в Россию не вызывает сомнений. Но и они не отвратили ее от того, чтобы, ничтоже сумняшеся, взломать его компьютерный банковский код и,

не моргнув глазом, похитить у любимого миллионы! Воистину из кричащих противоречий соткано сердце красавицы!

Подобную же противоречивость нравственных чувств мы обнаруживаем и у дочери российского дипломата Виолетты Шиндяпкиной. Искренне сокрушаясь по поводу царящих в России лжи и коррупции, она с угодливой готовностью поддерживает клеветнический навет плутовки Вараскиной, щедро сдобренный пяти тысячной долларовой взяткой милиционерскому чиновнику. Что это? Извечная противоречивость женской природы или же шизофреническая раздвоенность современного сознания, для которого «шизоанализ» (Ж. Делез) становится наиболее действенным средством познания? Вопрос не праздный.

Эксцентричной расчетливости Ж. Марч противостоит неистовая напористость в погоне за чистоганом А.-В. Болль и С. Папалардо. Образ итальянской авантюристки - воистину идеальный тип описанного М. Вебером авантюрного предпринимателя, и в то же время - бесспорная творческая удача автора. Ее ффеерическая, неумная жажда обогащения, замешанная на беспардонном мошенничестве и моральной вседозволенности, позволяет ей идти напролом, безжалостно сметая с пути бывших сообщников. Авантюризм ее мышления и вероломство в отношении бывших союзников заволаживающе изобретательны. Точно просчитанные па дьявольской пляски ее азартного темперамента обнаруживают в ней человека новой породы, агрессивная пассионарность которого возносит ее над исконными человеческими понятиями добра и зла. Вот вам человек виртуального мира,

живущий на потребу низменных страстей! Чего стоит одна ее гениально-прозорливая затея с распиской продажного российского чиновника Шиндяпкина о якобы полученных им деньгах на организацию охраны А. Иверова в России! Торговля страхом за дорогого юристу Иверова человека принесла ей баснословные дивиденды, сделав миллионершей. Автор откровенно любит азарт матерого игрока на струнах человеческих пороков, мощной энергетикой бешеного темперамента итальянской колдуньи. Но ее российский прототип, Софья Никандровна Вараскина, вызывает лишь отвращение. Если ее итальянская коллега, силой и хитростью зажимая противника в угол, все же не способна пустить его по миру обобраным до нитки (а иногда и платит отступные, как в случае с Болль), то упаси вас Бог, читатель, оказаться в цепких объятьях 2-жи Вараскиной с ее представлением о русском бартере: «Ты мне - состояние, я тебе - жизнь!»

Юрист Иверова, Элизабетт Понсэн, - единственный женский персонаж романа, вызывающий безоговорочное сочувствие и уважение. По-матерински преданная А. Иверову, она, в отличие от Болль, искренне обеспокоена не только строем его мыслей и чувств, но и сохранностью его имущества. Но именно на этих благородных струнах ее души и играет лукавая Папалардо, дабы урвать от иверовского состояния 170 млн. долларов! Такова трагическая диалектика жизни: не вооруженная опытом сопротивления злу добродетель сама становится орудием зла.

Щемяще-трогателен в своей сюжетной незавершенности образ Милы Семирадовой - студентки-практикантки вечернего отделения экономического

факультета МГУ. Она с первого взгляда покоряет А. Иверова своей светлостью и женской деликатностью. Взгляд ее задумчивых синих глаз приводит в восторженный трепет самые чувствительные, тонкие лирические струны в душе А. Иверова, мощно разыгравшиеся на земле его предков. Целомудренная стыдливость сковывает руку автора при описании священного на все времена таинства зарождения любовного чувства. Но сколь узнаваема эта невеста откуда взявшаяся боязнь поднять глаза и встретиться взглядом!

Столь же лаконично — в сравнении со скрупулезным описанием внешности и туалетов Жаклин — явлен читателю и облик Семирадовой. В отличие от брутально-эротического стиля Ж. Марч, прошедшей по жизни Иверова походкой дефиле на шпильках от Jeremy Scott, облик Милы исполнен чистоты и целомудрия. Одета в простую голубую блузу, джинсы и кроссовки, она — словно не тронутая волшебной палочкой феи скромная Золушка на балу жизни прекрасного prince (игра слов: prince в переводе с французского и принц, и князь). Образ Милы подернут дымкой романтической недосказанности. Это недопетая лирическая песня героя, прерванная на самой высокой ноте. Но ее роль в судьбе Иверова значительна. Событием их встречи она — хочу верить — полагает предел привычной личной жизни князя: любовным союзам по контрактам, тщеславия ради и сердцу вопреки. Что-то «человеческое, слишком человеческое» сквозит в смущенных взорах влюбленных, и в их неярком свете меркнут мириады огней европейских столиц. Сбудется ли событие их личной, упоительно-любовной встречи? Как знать!

Роман «Изгой» открывает новую трилогию А. П. Потемкина «Тернии духа», в которую - наряду с «Изгоем» — войдут романы «Грех» и «Покаяние». В них мы найдем и дальнейшую блистательную разверстку хитросплетений судеб полюбившихся героев, и сюжетную завершенность событийной канвы «Изгоя». Не менее важно и то, что в последующих романах культурное напряжение, рожденное драматической коллизией реального и виртуального, возрастая, обретет новые, доселе неведомые характеристики, требующие глубокого философского и литературного осмысления. Начало этому процессу и кладет роман А. П. Потемкина «Изгой», знаменующий собою новую веху в истории русского психологического романа.

Н. М. Смирнова,
доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ИФ РАН

январь 2003

Изгой - от слова *гоить, гоити - жить, житье*.
В средневековье, в XI - XII веках, на Руси так назывались люди, выбитые из привычной колеи, - изгнанные, «выжитые» в силу обстоятельств из своего привычного состояния, из общественного положения. Упоминания об **изгоях** встречаются в «Русской правде», в Уставной грамоте 1150 года смоленского князя Ростислава Мстиславовича, в других средневековых юридических и церковных документах. Но есть и междометие «**гой**» (**гой еси** - приветствие: «**гой еси, добрый молодец!**») На иврите «**гой**» - чужак, не еврей, посторонний.

Глава I

Лучи утреннего, усыпанного ромашками облаков солнца скатывались с Альпийских гор на покрытый мелкой галькой берег царской Ниццы, бесследно пропадая в голубизне моря. Обласканная светилом, лазурная лигурийская вода слепила господина Иверова яркими бликами, а он упрямо, с какой-то болезненной сосредоточенностью смотрел на сияющие на дне камушки и игру света на зеркальной глади залива. Казалось, что время и пространство запутались в его мыслях, пересеклись и застыли. Он лишь изредка переводил задумчиво-унылый взгляд на медный купол гостиницы «Негреско». Андрэ Иверов позабыл, зачем именно госпожа Болль — его агент по деликатным поручениям — пригласила к завтраку на яхту «Святой Дух» Жаклин Марч, лондонскую красавицу из Дома высокой моды. Еще два месяца назад, выслушав от своей доверенной эмоциональный рассказ, а после подробный отчет о том, как обсуждалось его предложение по e-mail, — он улыбался. Предстоящая интрига с красивейшей юной дамой календаря 2001-2002 годов занимала его. Но сегодня воображение господина Иверова уже не волновали картин-

ки интимных встреч и эротических восторгов, вкус к этому медленно угасал и таял в прошлом. В последнее время он выполнял обязанности кавалера не по зову страсти или в порыве влюбленности, а едва ли не для соблюдения традиционных правил этикета. Андрэ Иверов был избалован вниманием красивейших женщин Европы, и теперь им двигало только тщеславие: он имел один из самых замечательных дворцов в предместьях Ниццы, в Сен-Поль-де-Ванс, залы которого были украшены творениями гениальных художников. Здесь можно было встретить полотна Ван Дейка, Веласкеса, Давида, Греза, Эль Греко. У Иверова были лучшие автомобили, самые дорогие яхты, реактивные и моторные самолеты, богатейшая коллекция минералов. Хранил он и уникальное собрание оружия — от боевых топоров германских варваров до гранатометов талибов, недавно размолотивших древнейшие изваяния Будды, высеченные в скалах провинции Бамиан. Надо сказать, что в детстве Андрэ увлекался ихтиологией: огромные его аквариумы с тьмой-тьмущей всяких видов морской фауны соперничали с богатством мирового океана. Со страниц его дневников сияли лица самых известных, неповторимых по красоте женщин: Шаде, Хьюстон, Синди Кроуфорд, Наоми Кэмпбелл, Ким Бессинджер, Клаудиа Шиффер, Линда Евангелиста, Шэрон Стоун — предмет восхищения мужской половины человечества. Господин Андрэ Иверов был властелином окружающего его мира — ненавязчивым, деликатным, одаренным вкусом, с чувством собственного достоинства и уважения к окружающим. Но если в тридцать лет он перелистывал страницы своей жизни с самоупоением и радостью — успехи в бизнесе и покорении мира доставляли истинное наслаждение, — то к сорока годам у него развились пресыщенность, глубочайшая апатия к за-

веденному порядку жизни. Тотальная виртуализация его финансовой деятельности, иррациональная игра на фондовом рынке мирового капитала коренным образом меняли его привычки, быт, сознание. Иверова потянуло к виртуальным ощущениям с куда большей страстью, чем к плотским радостям и простым чувствам. Экзотические фрукты воспринимались им теперь лишь как аксессуары бытового дизайна. Великолепные соцветия дендрария, призванные ласкать взгляд, уже не пленяли — глаза скользили поверх этого райского великолепия. Породистые собаки, выдрессированные немецкими кинологами, казались частью покоренной природы. Орнамент шелковых персидских ковров напоминал ему о хрупкости мироздания, а флорентийские мраморные полы с античным рисунком — о неумолимом беге времени.

За роскошными портъерами высоких окон дворца открывался вид на Лазурный берег, на бухту Ангелов, на Средиземноморье и на весь мир. Но в последнее время Андрэ Иверов видел перед собой одну-единственную точку — средоточие мистической пустоты. Пустота захватывала, втягивала его в себя все более настойчиво и властно. Если еще вчера Торговый дом высокой моды Cherutti поставлял ему белье, великий Versace в его замке на берегу Жиронды демонстрировал свои модели, а знаменитые творцы обуви считали за честь снять мерку с его ноги, то сегодня это самоупоенное отношение к собственной жизни у господина Иверова куда-то испарилось. Если он и хотел теперь что-то приобрести, чем-то обладать, то это стремление шло не от сердца, не от страсти душевной, а в силу инерции, повинувшись устоявшемуся стилю жизни, традиционному тщеславию людей высшего света.

Должно быть, совершенно невероятно — ощущать себя владельцем всего этого товарного, материального мира. Возможно, это и порождает в человеке то болезненное безразличие, ту коварную отрешенность, душевную прострацию и глубочайшую пустоту, в которую погружалась душа Андрэ Иверова. Сартр назвал это состояние тошнотой. Слабый, невыразительный образ. Господин Иверов видел себя гораздо пронизательней: в моменты душевной опустошенности он самому себе, как бы по секрету, признавался в чем-то вроде идиотизма.

Самопознание беспредельно.

А между тем капитан яхты «Святой Дух» господин Пьер Дюлар дал уже два коротких приветственных гудка, когда при въезде на пирс острова Красоты появился голубой «Бугатти» ЕВ 16,4 Вейрон. Автомобиль-мечта медленно катил по бетонке, совсем как любующаяся собой знаменитость на параде звезд Каннского кинофестиваля: 1001 лошадиная сила — как 1001 ночь, заключенная в такую великолепную форму. Гипноз линий, чарующая магия цвета и объема. Мировое автомобилестроение еще не создавало такого шедевра. F-1 — не более восьмисот пятидесяти сил и только для специальных трасс. А тут — четырехзначная цифра! Для обычных городских улиц и площадей, для автострад и тоннелей! С места в карьер, за три секунды — скорость 100 километров! А напротив, с противоположной стороны пирса, стояла белоснежная мега-яхта А 240 класса супер-люкс. Чудо морского судостроения, созданное стилистом Марком Пином, было способно пересекать океан со скоростью 35 узлов. Интерьер сего дивного творения напоминал великолепный дизайн гостиницы «Мамовния» в Маракеше. Встреча двух чудес света на пирсе Пленеф-Валь напоминала саммит

королевских особ: величественная королева морских лодций и властвующий король автострад всех континентов. Пилот «Бугатти», швейцарец Кали Древес, личный водитель Иверова в парадном мундире с золотыми нашивками, вышел из автомобиля и взглянул на капитана Дюлара. Это был взгляд, обращенный к равному сопернику, достойному конкуренту. Взаимное приветствие было коротким, и каждый занялся своим делом. Древес открыл дверцы машины и помог дамам ступить на пирс, прямо у трапа яхты. Крупная дама — выше 180 — была одета в стиле 80-х: блузка с объемными рукавами, юбка из шелкового джерси агатового цвета, стянутая плетеным ремнем из черной кожи, скрывали ее полноту. Широкий браслет и серьга в виде креста от Givenchy, а также отделанная перьями шляпка подчеркивали ее утонченный вкус. Госпоже Болль было около сорока пяти лет, но, несмотря на тучность, выглядела она превосходно. Впрочем, было заметно, что борьба со старением кожи у нее началась. Вторая дама — юная Жаклин Марч — решила поиграть с огнем. Красный цвет, фаворит всех подиумов, обрел на ней необыкновенную напористость и чувственную завершенность. Броский, брутально вызывающий, намеренно провоцирующий, агрессивно сексуальный стиль обтягивающего платья с разрезами вдоль бедер обнаруживал твердость намерений этой красавицы. Австралийка Жаклин Марч была дивой из команды лучших моделей Рассела Вильсона. Ее отличала необыкновенная, не ко времени белоснежная, с каким-то едва уловимым розоватым оттенком чувствительная кожа. Зимой 2001 и весной 2002 года имя Жаклин Марч было у всех на устах. О ней говорили как о богине красоты и эротики. Ее объемы — 91-58-89 -кружили головы, а огромные, с грецкий орех, зе-

ленные, почти бирюзовые, с оттенком голубизны глаза и томно приоткрытые, пыльные, чувственные губы разбивали сердца кавалеров европейских столиц.

Обе женщины прекрасно умели скрывать волнение. Анна-Валери Болль собиралась завершить сделку и получить приличный гонорар. Он составлял десять процентов от 20-миллионной суммы контракта, которую обещал заплатить прелестной модистке¹ потомственный русский князь, плюс пять процентов в придачу уже от самой очаровательной двадцатилетней бестии. Воскресное утро 23 июня 2002 года могло принести ей три миллиона евро. Жаклин Марч прибыла на Ривьеру со своим другом Александро Тимпери. Уже несколько месяцев они жили вместе. Сыну владельца одной из крупнейших миланских фирм, торгующих изысканными тканями, было около тридцати. Ему чрезвычайно льстило, что он, не очень богатый малый из традиционно торговой еврейской семьи, обладает таким замечательным существом. Тимпери подумывал даже сделать Жаклин предложение и вступить с ней в законный брак. Но боялся признаться в этом и матери, и любовнице. Самой Жаклин весьма нравился обходительный и деликатный молодой человек. Он никогда ничего не требовал и пользовался вниманием австралийки только когда ей самой этого хотелось. В их отношениях была некоторая недомолвка: интимная близость вполне устраивала красотку из Лондона, однако Марч стеснялась и даже противилась тому, чтобы появляться с ним в свете. Общество, которое он мог ей предложить, было неинтересным и скучным: средней руки коммерсанты текстильного биз-

¹ Автор предлагает забытое в современном русском языке слово «модистка» использовать вместо слова «модель».

неса, имеющие доход порядка десяти-пятнадцати миллионов евро в год. Влюбленность Алесандро Тимпери, его тонкое, слегка небритое лицо художника, изысканный стиль одежды, абсолютная покорность и преданность были недостаточным аргументом для долговременной связи. Она мечтала попасть в высший свет и сделать блестящую карьеру: капитал, положение в обществе — и лишь затем выгодное замужество. Ей вспомнился тоскливый, едва ли не отчаянный взгляд Тимпери, стоявшего на балконе гостиницы «Негреско». Он видел, как она садилась в «Бугатти» с шофером в золотых галунах и, конечно же, понял: владелец этой сказки вознесет ее на другие, недостижимые высоты удовольствия, туда, где между фантазиями и реальностью стерты всякие границы. Впрочем, его обреченный взгляд не вызвал в ней ни тени жалости. Все ее мысли занимала предстоящая встреча с Иверовым, которая должна, непременно должна была завершиться полным успехом. Столь крупный гонорар — двадцать миллионов евро — ей еще никто никогда не предлагал. Это была просто сумасшедшая цена для Европы. Да что там для Европы — в самой Америке звездам платили меньше. Джулия Робертс за роль в фильме «Красотка» получила 16 миллионов, Адриано Челентано за «Блеф» удовольствовался 5,3 миллиона, Орнеле Мутти за роль в фильме «Укрощение строптивого» достались 3,7 миллиона! А ей, Жаклин Марч, предложили двадцать! Такая невероятная сумма сводила модистку с ума. Ее нынешний годовой доход составлял около пятисот тысяч евро. И вдруг двадцать миллионов! Только процентов по депозиту на эту сумму наберет около миллиона в год. «Во что бы то ни стало необходимо добиться этого контракта. Будь он хоть извращенцем, изо рта которого несет ацетоном или душком общественных кло-

зетов. Пусть даже у него вместо интимных частей тела — протезы, пусть даже он сам дьявол, наркоман, коммунист, мошенник, я не буду особенно переживать. Это мой первый шанс раздвинуть границы возможного, одним махом обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь. Эти деньги дадут мне полную независимость: исчезнет трепет перед Вильсоном, кутюрье Балестрой, Луи Феро, Пако Рабаном, Кристианом Лакруа. Моя походка на подиумах мира станет магически твердой, весь мой облик обретет замечательную уверенность, абсолютную свободу, из которой и рождается истинное величие. Я обязана сойти с корабля с подписанным договором в руках. Один год жизни с незнакомцем распахнет передо мной врата рая. С радостью иду я на риск, с гордостью принимаю вызов судьбы, без трепета бросаюсь в объятия Иверова! Никогда себе не прощу, если подписание договора не состоится и двадцать миллионов проплывут мимо меня», — в волнении размышляла Жаклин Марч, приближаясь к трапу белоснежного чуда. Самое мистическое понятие человеческого разума — свобода. Это слово как мощный магнит притягивает умы человеческие, возбуждая их наркотической силой вселенского масштаба. И счастлив тот, кто уверовал в идею: он обречен, он в вечном поиске, он в двух шагах от истины!

Капитан яхты «Святой Дух», мужчина пятидесяти лет, вышколенный, подтянутый, с широкой доброжелательной улыбкой, помог дамам взойти на борт. «Я, капитан судна Пьер Дюлар, приветствую вас, дорогие дамы, на нашем замечательном корабле». — «Спасибо, дружок!» — сказала госпожа Болль. «Благодарю вас, господин капитан», — Жаклин старалась выглядеть спокойной и улыбчивой. «Уважаемые дамы, прошу вас в гостиную. Господин Иверов присоединится к вам в ближайшие минуты. Что предложить

вам в это чудесное утро?» — «Мне кампари, но не более двадцати грамм с апельсиновым соком», — заторопилась госпожа Болль. «Пожалуйста, коктейль из соков свежих фруктов», — сказала Жаклин. — «Киви, грейпфрут, яблоки, черешня, клубника?» — «Лучше без черешни». — «Никаких проблем. Желание угодить женщинам — у французов в крови».

Прошло около получаса. Дамы уже начали проявлять беспокойство. Наконец в дверях возник Андрэ Иверов. Он был одет в легкий светло-голубой костюм и розовую сорочку. Из верхнего кармана пиджака выглядывал бордовый шелковый платочек, сложенный в форму розы. Такого же цвета брючный ремень и туфли из кроко¹ завершали утренний наряд французского аристократа. Черные, с легкой серебряной проседью жесткие волосы, смазанные гелем из лаванды, ярко блестели. Сухое лицо было загорелым. Выразительные глаза князя Иверова — русского по отцу и потомка пьемонтских графов Де-Монгаро по матери — были скрыты за темными стеклами солнечных очков. В руках князь держал книжку Луи Ланвиля «*Buthus occitanus*». Законченность его образа произвела на Жаклин Марч сильное впечатление. Иверов задержался на пороге гостиной, внимательно, даже как-то задумчиво рассматривая женщин, постоял, как бы припоминая суть вопроса, который предстояло им обсудить, и лишь затем подошел к госпоже Болль. «Доброе утро, дорогая. Как вы чувствуете себя на «Святом Духе?» — «Великолепно», — поторопилась ответить Анна-Валери. «Кстати, кому принадлежала идея встретиться за завтраком именно здесь, а не в замке в Сен-Поль-де Ванс? Или в Коаразен, самом солнеч-

¹ Интернациональный термин для обозначения крокодильей кожи

ном месте французской Ривьеры?» Голос Иверова звучал спокойно и безучастно. Ничего, кроме деликатности, уловить в нем было невозможно. «Мой дорогой друг, — проникновенно продолжала госпожа Анна-Валери Болль, — я очень рада видеть тебя в отличной форме. Будь мне двадцать лет, я влюбилась бы в тебя по уши. Признаюсь, что идея встретиться на твоей яхте принадлежит именно мне. А это моя юная приятельница Жаклин Марч — спешу представить тебе это божественное создание...» Тут князь подошел к креслу, в котором сидела красавица-модистка, и протянул ей руку: «Иверов!» Возникла недолгая пауза. Вдруг, как бы опомнившись, он добавил: «Доброе утро. Андрэ Иверов». Она встала, чтобы князь увидел ее фигуру, и, сверкая зелеными с голубизной глазами, представилась: «Жаклин Марч. У вас просто сказочно». Красотка прошлась по гостиной, разглядывая картины на стенах. Ей очень хотелось подать себя во всех ракурсах. «Эти импрессионисты — подлинники?» — «Прошу прощения, минутку. Так что ты хотела мне сказать, Анна-Валери?» — «Я покровительствую своей юной приятельнице. Она великолепная модель, сама тонкий стилист и будущий кутюрье мирового класса. Мне подумалось, что ей будет весьма полезно побывать на твоём корабле — этом восьмом чуде света. Хотя мы не откажемся после завтрака и осмотра яхты побывать в деревушке Коаразен, часовне святого Себастиана и выпить кофе у Гастона де Песто». Тут она перешла на итальянский язык: «Мой друг, это ангельское создание прибыло сюда, чтобы завершить обсуждение известного тебе контракта. Не затягивай это дело, тем более что ты уже успел обворовать ее. Впрочем, можешь ли ты вообще кому-нибудь не понравиться?» Господин Иверов молча прошелся по гостиной. Он честно старался сосредоточиться на деле, к которому

возвращала его Анна-Валери, но совсем другие мысли занимали его теперь. Он не хотел больше следовать шаблонам поведения, стилю и образу жизни людей своего круга. От всего прожитого, нажитого, перечувствованного в последнее время веяло холодной тоской ведовской силы. Разочарование и меланхолия властно вытесняли другие чувства и желания. Ему теперь хотелось чего-то совсем иного, но определить эту новую сущность он был не в силах, отчего часто погружался в болезненную отрешенность.

Господин Иверов вышел на палубу. Лучи солнца, ласкающее дуновение ветра, морская гладь, подобная упругому девичьему телу, вернули его к реальности. Он широко улыбнулся и вернулся в гостиную. «Моя дорогая Анна-Валери, ты прекрасно знаешь, что все щекотливые вопросы, связанные с договоренностями такого рода, ведет мой адвокат, госпожа Элизабетт Понсэн» — «Мне необходимо знать твое мнение, дорогой Андрэ, согласен ли ты на годовой контракт? Если помнишь, мы обсуждали сумму в 20 миллионов ...» — «Прошу тебя, не разбрасывай листья адамантины. Ничего не предвещает дизажио¹, и курс ценностей имеет стабильную тенденцию. Впрочем, мне думается, что эта история станет последней. На ближайшую перспективу, может, даже на всю жизнь — больше никаких контрактов. Юрист Иверова на «Святом Духе» готова обсудить с вами подробности договора». — «Мой друг, ты влюбился в это ангельское создание?» — «На этот раз, дорогая Болль, тебе не хватило проницательности. В последнее время со мной происходит что-то странное — я начинаю ненавидеть самого себя. Моя одержимость кра-

¹ Отклонение в сторону уменьшения рыночного курса денег и ценных бумаг.

сота́ми этого мира затухает, а я, как посох Моисея, превращавшийся в змея, оборачиваюсь Петрушкой, цирковым клоуном. Прости, что не уделяю достаточного внимание твоей Жаклин». — «Не моей, твоей, твоей Жаклин. Она обязательно вылечит тебя от твоих душевных переживаний». — «Что, она владеет секретами африканского племени псиллы? Если такое невероятное случится... Впрочем, подождем». Князь Иверов нажал кнопку связи и пригласил в гостиную своего адвоката. Потом он обратился к лондонской диве: «Вы спрашивали меня о работе Ван Гога «Кофейная терраса вечером?» Оригинал ли это?» — «У вас прекрасная память», — в ее улыбке можно было заметить скрытую страстность. «Да, перед вами оригинал». — «А это лицо старушки из прошлого? Как оно выразительно! Но мне кажется, полотно совсем новое. Такое чувство, что краски легли на холст только вчера. Кто этот художник?» — «Вы удивительно проницательны. Это портрет русской женщины. Но эта старая дама не из прошлого, она из современной России. Что за страна! Она остановилась в своем социальном развитии, и знакомство с ней, как говорят мои друзья, напоминает путешествие в середину девятнадцатого века. А портретист действительно замечательный. Это Александр Шилов».

Князь начинал по-настоящему нравиться Жаклин Марч. Она едва была способна поверить, что человек, от агента которого пришло столь невероятное, расточительное предложение, в жизни окажется весьма интересным мужчиной. Изначальное предчувствие, что безумный приз за год совместного проживания может предложить лишь ущербный от природы человек, щемило ее сердце. Мужчина, платящий за свое дерзкое желание двадцать миллионов евро, должен обладать каким-то пороком, изъяном

или болезнью. Фотографии, показанные ей госпожой Болль, были в основном среднего плана, что только питало эту уверенность. Теперь ей пришлось думать иначе: почему красавец, аристократ готов заплатить столь невероятную сумму? Вполне возможно, что она сочла бы за честь и удачу дружбу с таким человеком, не говоря уж о близости с ним. А тут еще бешеный, сводящий с ума гонорар! Нет, здесь что-то нечисто, и это что-то еще проявит себя. «Мне необходимо подписать контракт и получить деньги, а там видно будет», — повторяла она про себя. Иверов снял очки и внимательно посмотрел на нее. Жаклин показалось, что глубиной и силой своих магических глаз он проникает в каждый закоулок души, в каждую клеточку тела. Она испугалась этих черных пронизательных глаз больше, чем прежних своих наваждений. «Кто он, в конце-то концов? Что хочет от меня получить? Чего не хватает этому аристократу-богачу в жизни? Смогу ли дать ему то, что он ждет от меня? — лихорадочно размышляла Марч. — До встречи с ним мне казалось, что главный его интерес — это секс... Но он совсем не тот человек. Ему необходимо нечто иное. Что же?» Ей захотелось спрятаться от парализующего взгляда Иверова, но он, словно бесовский магнит, околдовал ее. От сильного волнения перехватило дыхание, кончики пальцев превратились в ледышки, ладони повлажнели. Еще минута — и она упала бы в обморок.

Князь взял ее под руку и пригласил пройти на корму. Кашпо и вазоны из розового итальянского мрамора благоухали по всей палубе тысячами чудесных цветов. Их аромат привел ее в чувство. Окружающий мир показался Жаклин фантастическим: как будто само море слилось с цветущим дендрарием. Андрэ Иверов успокаивающе поглаживал руку женщины, словно ощущал ее смятение. Он сам до

конца так и не понимал, зачем она ему сейчас нужна. Всмотреваясь в ее глаза, казалось, еще не тронутые обидой на окружающий мир, он вдруг проникся к ней доверием. Никакого другого чувства он не находил в своем сердце. Оно осталось невозмутимым, а душа все упорнее сопротивлялась уму, наполняясь желанием найти что-то новое, пока еще неизвестное ему самому. Но что нового можно найти в утонченной роскоши и безбрежном богатстве? Вот над чем сейчас ломал голову господин Иверов. «Спасибо, что пригласили меня в этот райский уголок». Летящая масса ее удлиненного «каре» подчеркивалась «тупым» контуром. Волосы на затылке были пострижены чуть короче, чтобы подчеркнуть красоту их падения. Она в который раз поправила изящную бриллиантовую заколку. Открытые плечи и грудь были бледно-розового цвета. «Мне нельзя долго оставаться на прямом солнце. На будущей неделе мы работаем в Париже на подиуме в Квадратном дворе Лувра. Загар до июля запрещен. Таковы строгие правила. Хотите показать мне свой корабль?» — «...Прошу прощения, но господин Дюлар знает «Святой Дух» значительно лучше, чем я. Он с огромным удовольствием расскажет вам обо всем». — «Разрешите воспользоваться вашей любезностью несколько позже и сделать это вместе с госпожой Болль», — она боялась расстаться с ним. «Рад быть вам полезным».

Снова наступило молчание. Чайки носились над судном, крича и требуя пищи. Разговор не клеился. Жаклин Марч не могла понять причин полного равнодушия Иверова. Проявление светского высокомерия? Попытка коммерсанта сбить цену? Стиль повесы, желающего получить женщину без лишних усилий? «Может, ему необходима партнерша для торжественных приемов, званых вечеров

или женщина — торшер, шкаф, живая скульптура, до которой всегда можно дотронуться, не опасаясь встретить сопротивления? Но за что же тогда двадцать миллионов евро?» — «Вас ожидает мятежная судьба. Я знаю многих, которые вам позавидовали бы. Иногда хочется вырваться из этой умиротворенности и броситься в водоворот человеческих страстей, испытать горькие страдания, пережить удары судьбы, гром и молнию фатума», — внезапно начал Андрэ Иверов, смотря куда-то в небо. «Откуда вам известна моя судьба?» — тут же подхватила лондонская модистка, толком еще не понимая, радоваться ей или огорчаться. «Я увлекаюсь ауспициями — предсказаниями по полету птиц. Вчера утром чайки и вороны старательно чистили перья, негромко вскрикивая, что обещает бурную жизнь...» — «Что же они вам поведали? Я начинаю волноваться». — «Радоваться надо, и даже завидовать. Птицы не рассказчики сюжетов и не толкователи жизненных линий, они концептуальные предсказатели. Ничего более подробно объяснить вам не смогу». — «Вы хотите сказать, что я буду несчастна?» — «Как все знатные римляне во времена античности, птицам я верю больше, чем кофейной гуще, гадальным картам и атмосферным явлениям. Я доверяю им больше, чем собственным сновидениям. Если вас интересуют сакральные источники знаний, которыми я располагаю, вы можете получить для чтения авгуральные книги Авля Гелия и Исидора Севильского. В моей библиотеке можно найти и записи этрусской коллегии жрецов, посвященные тайнам, — «*Disciplina etrusca*». — «Да чему же здесь радоваться?» — «Пожалуйста, вы можете называть меня Андрэ». — «Жаклин!» — «Спасибо. Я не имею права давать рекомендации, касающиеся построения жизни. Для этого необходимо искать общество идеологов. В офисе фран-

цузской социалистической партии на улице Солферино, в Париже их достаточно, а Ватикану служат тысячи, сотни тысяч проповедников. Но у каждого своя Vita, единственная и сугубо личная. Каждый должен познать собственную истину. Она может корреспондировать с вечными, непреходящими понятиями, но это вовсе не обязательно. Если иудейский царь Саул для окончательной победы над ведовством стал повсеместно обрезать ветки ашпионовой Киноцефалии, то с чем он боролся — со следствием или причиной? С истиной или ее проявлением? С добром или злом? Мое восприятие — лишь отношение следствия к причине. У каждого своя причинность, свой баланс категорий. Мне бы не хотелось становиться провозвестником этических норм, критериев человечности. Мне бы с собой разобраться...» Тут неожиданно Иверов перешел на шепот, глаза его заблестели, голова склонилась к самому уху госпожи Марч: «Мир неправильно устроен. Человек обязан вмешаться в генную инженерию. Глобализация погубит планету...» — тут он замолчал и быстрыми шагами стал ходить из угла в угол. «Более странного субъекта я никогда не видела, — мелькнуло в обескураженном мозгу юной дамы. — Неужели плакали мои двадцать миллионов?» От волнения ей захотелось выкурить сигарету, но она решила воздержаться, не зная отношения Иверова к курящим женщинам. Она вообще не позволяла себе быть собой — свободной в проявлении желаний. Навязчивая в своей гипнотической силе цифра — двадцать миллионов евро! — не давала Жаклин покоя, сковывала ее мысли и чувства. И сейчас, когда он вдруг стал излагать ей бредовые идеи, она совсем растерялась и не знала, как поступить и что предпринять.

Глава II

Анна-Валери Болль сидела в кресле гостиной мегаяхты «Святой Дух», попивая кампари с апельсиновым соком. С Андрэ Иверовым она была знакома уже семнадцать лет. 28 сентября 1985 года около 2 часов пополудни в кафе «Де Маго» на бульваре Сен-Жермен в Париже молодой француз русско-итальянского происхождения, аристократ Андрэ Иверов праздновал с друзьями дневную версию своего дня рождения. «Де Маго» остается одним из самых популярных парижских кафе, излюбленным местом отдыха европейских знаменитостей. В конце XIX века здесь часто бывали Поль Верлен, Рембо, Стефан Малларме. Четверть века спустя завсегдатаями известного кафе становятся Пикассо, Сент-Экзюпери, Эрнест Хемингуэй, Сергей Дягилев, Жан Жироду. Пролетело еще четверть века — и сюда стали захаживать Жан-Поль Сартр, Жорж Сименон, Альбер Камю. В сентябре 1985 года Анна-Валери Болль вместе с Марчелло Винченцо Мastroяни, его подружкой Элис Бонделли и еще двумя приятелями оказалась в «Де Маго». Они отмечали день рождения итальянского актера. Именно тут и произошло знакомство с Иверовым. Столи-

ки, за которыми сидели две компании, стояли рядом. Вдруг несколько официантов запели «Happy birthday» и покатали в их сторону тележку с бисквитным тортом, зажженными свечами и огромным воздушным шаром, на котором было написано: «С днем рождения!» Навстречу праздничному песнопению встал радостный Мastroяни. Он обнял официанта, стал благодарить и ловить шар. Официанты смутились, и поспешили объяснить известному артисту, что они направляются к столику его соседа. После такого конфуза все рассмеялись, объединились и стали отмечать оба дня рождения вместе. Одному из них исполнилось в тот день 63 года, другому — 25. Позже Иверов пригласил всех на вечернюю версию в знаменитый ресторан «Тур де Аржан» на набережной Турнель. Со временем Болль стала его агентом по особым поручениям. За время совместного сотрудничества ей, вращающейся среди знаменитостей культурного бомонда европейских столиц, не раз приходилось выполнять его самые невероятные задания. Желания Иверова часто обгоняли мысли, действия опережали обычную логику, а разум не поспевал за страстью. Он желал женщин по рассказам, по голосу, по запаху забытых аксессуаров, по телепередачам. Его болезненное стремление заполучить объект охоты было так сильно, что могло разрушить самые мощные преграды, взломать невероятно прочные сердечные замки, вскрыть суперсекретные сейфы. Когда перед ним вставала цель, объект чувственного познания и восхищения, он включал все возможные рычаги: интеллект, капитал, авантюризм, связи и вдобавок свою странную особенность — при всей мощи напора — сохранять застенчивость, переходящую в юношескую робость. И часто случалось так, что после удачного поединка, когда он становился полным хозяином

вещи, человека, экзотического зверя, коллекционного экспоната, он не хотел уже иметь с предметом обладания ничего общего. Более того, порой он начинал всем сердцем отторгать объект своей абсолютной победы. Но это его свойство было скрыто от окружающих. О нем не знал никто, даже не догадывался: застенчивая робость полностью скрывала его презрение. Если князь Иверов перед кем-то робел, стеснялся, если прятал глаза, это несомненно означало одно: он презирал этого человека, сторонился и не желал его общества. Как от крика корня мандрагоры сходят с ума, так и господин Иверов после очередной победы уходил в сторону и замыкался в себе. Еще недавно источником его жизненных сил было постоянное, неодолимое стремление к обладанию окружающим и воображаемым миром. Именно такую философию он и исповедовал. Но время шло. Из баловня судьбы, молодого повесы, фаворита самых красивых, известнейших женщин, самолюбленного богача он постепенно превращался в вечно задумчивого, неудовлетворенного, меланхолического господина. Если раньше его интересовали материальные и духовные сокровища мира, если прежде он подчинялся самым невероятным своим желаниям и порывам, то теперь в его сознании произошли существенные перемены: все отчетливей проявлялось стремление постичь моральный смысл бытия. Поиск новых критериев, пока еще смутный и не оформленный, побуждал рассматривать изнанку жизни как непрременную составляющую человеческого счастья, его истинности. Где-то в глубине души родилось понимание: без страдания нельзя познать истинное величие духа, открыть в себе источник добра и сострадания к ближнему. Именно такие, еще не вполне четкие мысли овладевали в последнее время его сознанием. Иверов начинал

понимать, что та жизнь, которую он вел, потребительская философия, которой он еще в молодости доверился, эгоизм как приводной ремень общения с миром — все скрепы его, казалось бы, прочного существования — теперь странно пошатнулись. Князь стал уклоняться от посещения вечеринок, концертов, балов. И по мере того как замирала его светская жизнь, исчезали и прежние критерии и привычки. Рушились эстетические основы его бытия, и он вступал в эпоху личного декаданса. Но нынешний упадок интереса к роскошной, богатой жизни имел свою отличительную особенность: углубляющуюся виртуализацию сознания. Госпожа Болль чутко замечала эти перемены, эту невесть откуда взявшуюся опустошенность на фоне неимоверного богатства и безграничных возможностей. Она боялась, что подобное состояние приведет Иверова к наркотикам. Многие из ее друзей, представители политической и культурной элиты Старого Света на рубеже миллениума искали в них спасение от душевной пустоты, от разочарования в слишком одномерном быте, кризисе интеллектуальных и любовных влечений. Вот почему госпожа Болль торопилась завершить все формальности, касающиеся подписания контракта с Жаклин Марч. Этим объяснилась ее нервозность и торопливость.

В гостиную вошла адвокат Иверова госпожа Элизабетт Понсэн. На ней был классический деловой костюм: белая блузка с воротничком-стойкой, синий шелковый платочек на шее и такая же синяя юбка. Женщина была среднего роста, изящна, подтянута, несмотря на шестидесятипятилетний возраст. В руках у нее была папка бумаг. Весь вид госпожи Понсэн говорил о том, что она настроена на деловую дискуссию. «Добрый день, Анна-Валери, — приветство-

вала она госпожу Болль. Они давно знали друг друга и не раз участвовали в составлении различных контрактов самого деликатного свойства. — Сегодня какое-то необыкновенное утро. Тишина сказочная. Кажется, сирокко заблудился где-то на Корсике. Воздух буквально замер. К полудню наступит невыносимая духота. Так что лучше не покидать корабль. Надеюсь, Жаклин не захочется погулять по набережным Ниццы? Иверову не нравятся манеры провинциалов — бежать осматривать город. В последнее время я замечаю в нем нечто странное... — У Понсэн была особенность: после каждой значимой фразы она с грустным видом откидывала голову назад и как-то театрально вздыхала. — Моя жизнь замирает, потому что шеф перестал проявлять былой интерес ко всему, чего раньше всем сердцем желал и душой требовал. Час-два в день он еще занимается финансами, дает указания агентам на мировых биржах, но прежнего азарта у него нет, он приобретает какие-то виртуальные черты. Как ты думаешь, Анна-Валери, сможет ли эта красотка воскресить в нем былой интерес к жизни?» — «Дорогая Элизабетт, я сама чрезвычайно взволнована изменениями, которые замечаю у патрона». — Госпожа Болль многозначительно сдвинула тонкие, хищные брови, ее облик стал встревоженным, а в голосе появились зловещие нотки. Она понизила голос: — «Не могу понять, что с ним случилось. В марте, после парижского фестиваля мод он несколько раз звонил мне. Жаклин его сильно увлекла, и он настойчиво требовал скорейшего заключения с ней годового контракта. Мы обсуждали с ним многие конфиденциальные детали: патрон настаивал, чтобы она после работы вылетала к нему в Сен-Поль-де Ванс. Экипаж самолета «Challenger» и три сменных водителя «Rolls-Royce Silver Seraph» переходили в Лондоне в ее пол-

ное распоряжение. Он велел дворецкому в особняке Чаринг-Мелл в Сент Джеймсе приготовить для Жаклин апартаменты и принять ее со всеми почестями, как хозяйку дома. Иверов предложил ей непостижимый годовой гонорар. Мне пришлось тут же взяться за работу. Провести десять дней в гостинице «London bridge» с окнами на Темзу, в этом скучном амбициозном Лондоне — весьма мучительно. Каждые пятнадцать минут в номер с улицы доносился голос из мегафона: «В Темзе самая чистая речная вода в мире. Замок Тауэр — крупнейшая тюрьма прошлого». А Бастилия, а замки Ив, Святого Ангела, а Нил, Ла Плата, Амазонка? О-о-о, эти вруны англичане, задиристые островитяне! — Она опять сдвинула свои тонкие брови. — Декада гипноза, вечера «бури и натиска», нескончаемые рассказы о превосходных качествах патрона, а в финале — приз! Двадцать миллионов евро — сумма сногшибательная. Ну и, конечно, она не смогла устоять. В моей карьере не было ни одного прокола. Некоторые коллеги начинают игру грубо: сразу заводят разговор о гонораре! О, потом бывает уйма проблем. Мой стиль более изящный, деликатный, доверительный. На десятый день Жаклин дала согласие на встречу с Андрэ. Для подписания договора. И деньги сыграли в этом деле отнюдь не главную роль. У девушки возникла к нему симпатия, она заинтересовалась подробностями его жизни, образом мышления. Я всей душой радовалась за патрона. И вдруг неожиданно все изменилось: он потерял интерес к этой истории, стал забывать и ее имя, и свои обязательства. Ситуация более чем пикантная. Скажите, дорогая, что вам известно? Какое поручение вам дали на сегодня? Я в смятении, его безразличие к любовной интриге пугает меня...» — «Думаю, что все обойдется, и эта девушка вернет его нам полностью возрожденным. Такое

обязательство необходимо заложить в договор. У меня на этот счет есть некоторые идеи... Что касается шефа, то сегодня утром он разбудил меня около семи часов и сказал, что вместе с вами на завтрак прибудет молодая дама из Лондона и что необходимо подготовить договор сроком на год и оплату обязательств по договору в размере двадцати миллионов. — Она откинула назад голову, иронически приподняла верхнюю губу и глубоко вобрала воздух. — Вот так в миг становятся богачками. Но я всегда на страже интересов работодателя. Как говорили римляне — «*Verba volant, scripta manent*»¹.

Удивительное женское чутье и профессиональная интуиция помогли юристу Иверова подготовить текст договора об обязательствах сторон, способный повергнуть в смущение и растерянность как Жаклин Марч, так и госпожу Болль. Она была далеко не проста, эта Элизабетт Понсэн. За долгие годы работы в законодательном поле Франции она великолепно освоила мастерство лавирования в лабиринтах чувственных устремлений и юридических обязательств, воплощенных в документах. Она виртуозно овладела приемами правового обуздания безрассудства вождедеющей чувственности. Она еще не видела прелестную лондонскую модистку, но априори не питала к ней ни малейшего расположения. По-матерински любящая Иверова, она при всяком удобном случае пыталась внушить ему, что счастье не покупается. И чем выше ставка гонорара за любовь, за совместное проживание, за условности светского общества, тем призрачнее надежды на искреннюю радость сердца, восхитительные дары любовного восторга. При всей своей служебной аккуратности и пе-

¹ «Слова улетают, написанное остается» (лат.).

дантизме она никак не могла понять Иверова, ей были чужды нравственные устои его общества, законы шикерии. А он, Андрэ Иверов, был истинным представителем этого мира. Он получил огромное наследство: недвижимое по всей Франции и Италии, собственное в Лондоне, на Лаго Маджори в Швейцарии. В двадцать один год, оставшись один, стал властелином семейных счетов в Banque France, Credit Lyonnais S.A., Credit Schwiss, в Berkly Bank с общей суммой, превышающей триста семьдесят миллионов долларов. С юношеским пылом страсти он отдался игре на фондовом рынке и играл, как одержимый. Его интересовали фьючерсы и варранты, голубые фишки и опционы. Он скупал акции одних компаний, ждал роста котировок и вбрасывал их на рынок. К тридцати годам Иверов прочно встал на ноги — он раньше других почувствовал перспективу акций hi-tech, а чуть позже — Интернет-компаний. Он покупал акции за центы, а позже продавал их за сотни евро. Князь одним из первых понял, что фондовый рынок перегрет и необходимо быстро избавиться от портфеля акций. Его годовой заработок взлетел на несколько сотен миллионов евро. И лишь один год его карьеры оказался не вполне удачным — 1998. С самого начала чутье игрока подсказывало ему, что эта затея авантюрна. Но, солидаризируясь с коллегами и приятелями по бизнесу, он должен был наброситься на гонконгский доллар, чтобы обескровить его, превратить в пустышку и заработать огромные дивиденды. В атаке на гонконгскую валюту участвовал пул невероятного капитала — 130 миллиардов долларов США. Такой битвы история финансовых войн еще не знала. С обеих сторон в сражении было задействовано более сотни банков и хеджевых фондов, свыше пятидесяти тысяч банковских экспертов и невероятная по мас-

штабам денежная сумма — свыше трехсот миллиардов долларов. Только стодолларовыми купюрами — это тысяча груженых трейлеров или шестьсот вагонов ассигнаций. Такое движение капитала породило крупнейший финансовый кризис в Юго-Восточной Азии. Напряглись финансовые мускулы двух супергигантов — США и Китая. В самый захватывающий момент схватки, когда американский и европейский капитал добился максимального снижения цен на акции гонконгской биржи, когда котировки на фьючерсы упали ниже разумно допустимых отметок, китайцы сделали гениальный ход. Они ужесточили правила биржевых сделок и тут же провели агрессивную интервенцию на фондовом рынке. За несколько часов были выкуплены упавшие в цене акции на сумму около тридцати миллиардов долларов. Соотношение спроса и предложения радикально изменилось, и финансовая атака титаническими усилиями была отбита. Американский пул в этом историческом сражении потерял свыше 25 миллиардов. Рухнули национальные валюты Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда, Южной Кореи. Первая битва супервалют закончилась ничьей. Китайские финансы выстояли. Лично господин Иверов в этом сражении потерял около четверти миллиарда долларов. Но последующие годы принесли ему большие дивиденды и покрыли потери финансовой войны.

В кругу высшего финансового света, к которому принадлежал господин Иверов, были своя мораль, свои нормы поведения. Неписанные законы этого света гласили: любой человек, вошедший в этот круг с другого этажа жизненного достатка, по природе своей завистник и враг. Официальный брак, долгий ли короткий, любовный, эротический, интеллектуальный роман, распавшись, обяза-

тельно завершатся материальными претензиями. Время, проведенное с вами, будет декларироваться как упущенная прибыль, беседы о жизни — как советы для успешного ведения бизнеса, включение телевизора, читка газет вслух, варка кофе, напоминание о деловой встрече, разговоры на политико-экономические темы — как прямое соучастие в бизнесе, требующее своей доли в прибыли, полученной в период любовного альянса. Суды Франции, других стран Европы завалены подобными исками. А судебное решение всегда одно: «...По делу финансовых претензий госпожи N. к господину С. Удовлетворить требование о вознаграждении в сумме ... миллионов евро». Нет, не случайно господин Иверов и люди его круга предпочитают заключать со своими фаворитками временные контракты.

«Будем ждать Жаклин или начнем обсуждать статьи договора?» — вернулась из забвения госпожа Понсэн. «Дорогая Элизабетт, подождем это ангельское создание. Я не имею полномочий обсуждать ее вопросы. Мне бы выполнить поручение патрона». — «Тогда предлагаю рассмотреть вопрос выплаты твоего гонорара», — предложила юрист. «Охотно». — «Мы с тобой единого мнения, что Андрэ в последнее время изменился. У него появились странности в поведении, провалы в памяти. Явные признаки какого-то надвигающегося кризиса. Я не имею права возражать против контракта с Марч, это поручение моего работодателя, но в силу высказанных выше предположений у меня есть особая точка зрения». Госпожа Болль многозначительно сдвинула брови и, предельно сосредоточившись, стала слушать госпожу Понсэн. «Дорогая Анна-Валери, твой договор тесно связан с контрактом Жаклин Марч. К этой особе у меня есть ряд совершенно новых предложений. Они поневоле корреспондируют с

выплатой твоего гонорара. Конечно, размер премии не пересматривается. Но... — после короткой паузы продолжила юрист: — Странность Иверова не дает гарантий, что в течение всего года он будет вполне здоров и сможет получать те удовольствия в обществе Жаклин Марч, на которые рассчитывал еще три месяца назад. Надо максимально заинтересовать юную особу в том, чтобы вытянуть Иверова из кризиса и с помощью женских секретов вернуть его к полноценной жизни, и я буду предлагать следующую схему расчета: в день ее переезда к нему мы переведем на специальный лондонский банковский счет в Berkly Bank сумму в двадцать миллионов евро. Но списываться в пользу Марч она будет ежедневно в десять часов по Гринвичу. Что это означает? Двадцать миллионов мы делим на триста шестьдесят пять дней. Получаем пятьдесят четыре тысячи семьсот девяносто четыре евро. Если она провела с ним сутки или по уважительной причине и только с моего согласия отсутствовала, ей зачисляется суточный гонорар. Но если он будет тосковать в одиночестве, а она носиться по свету, платежи приостанавливаются». — «Я вас умоляю, не делайте этого! Она же не путана, чтобы вести с ней суточный расчет. Такая схема оплаты прежде всего оскорбит нашего патрона. Ему нужен друг, а не суточная любовница». В ужасе от услышанного госпожа Болль свела свои узкие брови у самого носа. Предложение о том, что выплата гонорара может растянуться на 365 дней, вызвала у нее сухость во рту и боль в висках. Но она вовсе не собиралась сдаваться. Анна-Валери решила продолжить натиск. Кто добровольно откажется получить кругленькую сумму в три миллиона? «Дорогая Элизабетт, ты интеллигентная женщина и опытный юрист, поищи другой вариант оплаты, не позорь наши

имена. Мы известны во многих странах. Трудно даже представить размах скандала, если банкиры сбросят эту информацию газетчикам. Меня сведет в могилу статья в «Либерасьон» под заголовком: «Известный финансист Иверов платит топ-модели Жаклин Марч пятьдесят тысяч евро за ночь». А что будет с самим патроном? Ты о нем подумала?» — «Согласна, риск огромен. Но не исключено, что этот скандал поможет ему вновь обрести себя. — Госпожа Понсэн откинула голову, задумчиво и неподвижно уставилась на собеседницу: — А что, если ваша барышня, сославшись на недуг шефа, упорхнет на гастроли или целое лето провозится со своим любовником Алесандро Тимпери? Она у вас настолько легкомысленна, что даже в Ниццу, где решается фундаментальный вопрос ее жизни — получения двадцати миллионов, — приехала со своим сожителем и поселила его в гостинице «Негреско», оплачиваемую Иверовым. Она не ценит его денег, а значит, и договоренности. Вряд ли она устоит перед таким соблазном, как половая страсть. Кого же мы хотим сблизить с Иверовым? Кого вталкиваем в его личную жизнь? Кто эта вертихвостка, которая в сложное для него время будет рядом с ним? Не имея твердых гарантий, что она всей душой и сердцем будет с Иверовым, я вынуждена оплачивать посуточно». — «Какой еще Алесандро Тимпери? Откуда вы взяли, дорогая? Я ничего не знаю...» — госпожа Болль была искренне смущена и растеряна. «Извини меня, Анна-Валери, это делается просто. Мы по электронной почте получаем исчерпывающую информацию о всех реквизитах поселившихся. В день приезда на моем компьютере высветилось это имя. Ты знаешь, дорогая, вся моя теперешняя жизнь, мое будущее связаны только с Иверовым. Я отдала ему двадцать лет почти материнской забо-

ты и правовой помощи. При всей своей былой задиристости, юношеском беспутстве, влюбчивости, капризности богача и жесткости финансиста, он — ангельское создание. Более верного друга невозможно представить. И ты предлагаешь мне, чтобы сегодня, когда он на распутье, я своими руками отдала его непонятно кому — лондонской манекенщице Жаклин Марч? Да никогда! Единственное, в чем я готова уступить, — это платить ей на тех же условиях, но еженедельно. Каждый понедельник в десять часов по Гринвичу, после моего «О'кей» на ее счет будут списываться триста восемьдесят четыре тысячи шестьсот пятнадцать евро. Это мое последнее слово. Ты, соответственно, каждые семь дней получаешь тридцать восемь тысяч четыреста шестьдесят одно евро. Другого не жди, иначе я круто изменю ваш план и немедленно вызову сюда Доменник Пасарелли. Кстати, она тоже была твоей клиенткой. В девяносто седьмом году ты привезла ее в Сен-Поль-де Ванс. Доменник работала в Париже у блестящего кутюрье Роберто Сиропа. Именно она стала настоящим другом Андрэ. Мне казалось, что они любили друг друга. Она мечтала остаться с ним. Но без оплаты ее пребывания он и думать об этом не хотел... А она уже не могла брать деньги. Из своего гонорара Доменник сама покупала ему дорогие подарки. Финал: каждый остался со своими принципами, и они разошлись. Жаль! Они могли стать замечательной супружеской парой. Стоит мне только позвонить Доменник...» — с чувством превосходства, уверенная, что переиграла своего партнера по переговорам, Элизабетт привычно откинула голову назад, иронически приподняла верхнюю губу и бросила победный взгляд на госпожу Болль. Наступила напряженная, гнетущая тишина. Каждая думала о своем подборе аргументов

и доказательств, чтобы продолжить поединок за 20 миллионов. Но если госпожу Болль интересовала, в основном, меркантильная сторона дела, то юрист была искренне озабочена судьбой Андрэ Иверова.

Глава III

Жаклин Марч силилась нащупать ту формулу успеха, которая позволила бы ей, сохранив видимость благопристойности, выиграть невероятный приз. Интуиция опытной оболстительницы подсказывала ей, что общение с Иверовым лучше начать с расспросов о вещах, которые он хорошо знал и любил. Госпожа Болль рекомендовала задавать ему вопросы по вождению и устройству судов, обсудить богатейшую фауну Лигурийского моря, завести беседу о моде, театре или виноделии. Но князь, пребывая в состоянии полнейшей отрешенности, не проявил к беседе никакого интереса. Юная женщина, уже теряющая надежду на баснословный гонорар, решила действовать самостоятельно, не дожидаясь пробуждения интереса со стороны этого странного мужчины. «Господин Иверов, — модистка тронула его за плечо, — я как-то прочла о вымпельном ветре. Что это такое? Можете ли вы объяснить?» Он как-то быстро пришел в себя: «Такой термин можно найти только в специальной литературе. Никак не пойму, что вы читали? У мореплавателей существует три основных понятия ветра: истин-

ный ветер — это ветер, фактически дующий в районе плавания, курсовой ветер — это встречный поток воздуха, имеющий скорость судна, но направленный в противоположную его курсу сторону, и вымпельный ветер, или кажущийся. Его можно определить по равнодействующей истинного и курсового ветров». Жаклин кокетливо рассмеялась: «Поняла. А можно еще вопрос?» — «Слушаю». — «Мне говорили, что вокруг нас много китов. Это правда?» — «В фигуральном смысле — да. Они в открытом море. В двадцати-тридцати милях по направлению к Корсике можно наблюдать стада серых китов». — «Они опасны?» — «Это совершенно мирные существа около двадцати-двадцати пяти метров в длину. Я их часто встречаю». — «О, как бы я хотела на них посмотреть, — бросила она, а про себя подумала: «Ну скажи, что приглашаешь меня взглянуть на китов». — «У вас вся жизнь впереди, успеете. Впрочем, вы можете взять мой самолет «Challenger 604-M» или вертолет французской фирмы «Eurocopter», и за пятнадцать--двадцать минут пилоты доставят вас к китам». — «Спасибо! Когда-нибудь я воспользуюсь вашим любезным приглашением. Помните, что до июля мне запрещено загорать? Может, вы спрячете меня от солнца?» — «Пожалуйста, пройдемте в гостиную. Прислуга даст вам специальный защитный крем». — «Великолепная идея. Хочу еще спросить, но боюсь». — «Спрашивайте». — «Сколько стоит ваша яхта?» — «Дорого». — «Не хотите отвечать?» — «Шестьдесят один миллион евро». — «Ого! — с искренним изумлением воскликнула она. — Да-а! Обещаю ни о чем подобном больше не спрашивать». Они вошли в гостиную. Свежий, прохладный воздух, нагоняемый кондиционером, принял их в свои объятия. «Этот человек обладает каким-то загадоч-

ным очарованием. Его притягательная, прямо-таки мистическая сила неотразима, она действует на меня гипнотически. Не влюбляюсь ли я?» — подумала модистка.

Госпожа Понсэн впервые внимательно осмотрела Жаклин Марч. Это был пристальный, испытующий взгляд опытной женщины, оценившей на своем веку десятки красавиц с мировыми именами. Про себя она отметила, что черты лица модистки из Лондона благородны, бирюзовые глаза чисты, фигура великолепна, а облик девственно непорочен. Но какие-то таинственные черточки вокруг губ и подбородка, легкий, одним мазком опытного художника нанесенный макияж, нервные чувствительные пальцы с новой силой заставили Элизабетт Понсэн задуматься: способна ли эта австралийская красавица, полная самолюбленности, голого практицизма и озорства юности, взять на себя ту особую миссию, которую юрист собиралась на нее возложить и от выполнения которой во многом зависела судьба обожаемого шефа. «Господин Иверов, — начала она, пожалуй, несколько театрально, — мне бы не хотелось видеть вас участником наших женских посиделок. Могли бы вы ненадолго оставить нас одних?» — «Замечательно. Прошу прощения, милые дамы, сегодня утром я стал читать занятную книгу Луи Пастера «Борьба с микробами». Это увлекательный мир мельчайших организмов, наделенных феноменальной памятью и невероятной разрушительной силой. Я продолжу погружение в мир малых величин у себя в каюте. Чао!» — «Мы пригласим вас на подведение итогов конференции», — во взгляде юриста было много нежности. Князь чему-то обрадовался и быстро вышел из гостиной.

«Итак, дорогие дамы, пришла пора договариваться или прощаться, — сказала деловым тоном Элизабетт Понсэн.

Она решила усилить психологическое давление, навязать свой сценарий и выиграть партию. — Как вы сами убедились, Иверов не проявляет былой заинтересованности к договору с Жаклин Марч. Речь тут идет не о личных качествах. Я согласна с Анной-Валери: вы — милейшее создание, я бы искренне порадовалась вашей дружбе с Иверовым. Но начнем разбирать ситуацию по деталям: что у нас есть и чего нет? Есть двадцать миллионов. Есть два фигуранта — красотка Марч, которая согласна заключить договор и взять огромный гонорар, и умнейший, обаятельный мужчина, готовый заплатить деньги. Но нет сверхзадачи, для чего все это затевается? Для эротической связи, любовных игр? Никаких намеков на это в данный момент нет. Для духовной близости? Для делового союза? Фигуранты находятся на разных этажах интеллектуальной и финансовой иерархии. Что может объединить их, какова польза от их временного союза? Их совместного проживания? Вот главный вопрос, на который ни у кого нет ответа, — госпожа Понсэн выдержала долгую паузу, испытующе разглядывая собеседниц, и вдруг бросила резко, наотмашь: — Но у меня он есть!»

Надо быть великой актрисой, чтобы в самый напряженный момент дискуссии вложить только в одну короткую фразу столько чувств, энергии, страсти и подчинить себе аудиторию. Собеседницы оказались словно под сильнейшим гипнозом и теперь заворожено слушали юриста. «Есть два соображения, заставляющие меня желать срочно перевести на ваш специальный счет двадцать миллионов. Первое и главное — в последнее время в поведении господина Иверова появились некоторые странности. Он часто уходит в себя, использует эзоповский стиль общения, перестает интересоваться вещами, которым ранее уделял много

времени. У меня ощущение, что он в поиске чего-то нового, пока что мне непонятного. Я опасаясь развития этого состояния отрешенности». — Она церемонно откинула голову, уставилась в потолок, словно подыскивая схему дальнейшей аргументации, и продолжала: — «Ему нужен человек, способный вывести его из чрезмерной задумчивости в мир развлечений и азарта. — В этом пассаже юриста заключались надежда и ожидание. — Второе, тоже весьма важное обстоятельство: он здоровый человек, и ему необходима женщина. Я не желаю, чтобы через несколько лет он заболел простатитом. В последнее время в сексуальном плане Иверов ведет пуританский образ жизни. Его стремление иметь лучших женщин вовсе не означало, что он испытывал к ним половое влечение. Это привычка богача окружать себя красотой, владеть объектом, недоступным простому смертному. Прошу прощения за откровенный цинизм, но вам необходимо знать все, как есть. Если женщина не требует его сама, если она не возбуждает его инстинкты, не будоражит его чувства, то он отдает предпочтение не ее обществу, а чтению, интернету, размышлениям наедине с собой. Господин Иверов не просто принадлежит к высшему свету, он — его ярчайшая звезда, финансовый гений, историк и философ. Готовы ли вы, милая, взять на себя такую миссию? Способны ли выполнить требования, которые я ставлю перед вами? Имеется ли у вас резерв душевных сил для такой неординарной задачи?» — «Мадам! Мне рассказывали, что князь влюблен в меня, десять дней уговаривали принять совершенно другие предложения. Я популярна, у меня свой зритель, обширная клиентура, любимая работа. Поверьте, не только деньги толкнули меня согласиться на годичный контракт. Меня всерьез заинтересовала личность Иверова, стиль и образ его жизни. О'кей, мадам! Скажу вам

откровенно: конечно, мне хочется пообщаться с людьми его круга. Это будет совершенно новая страница в моей жизни. Взглянуть на шикерию высшего света, хотя бы ненадолго стать ее частью, блеснуть талантом и красотой. Можно ли осуждать подобные мечты двадцатилетней женщины? Но, мадам, то, что вы мне предложили — абсолютно другая история. Я жаждала романтики, приключений, я грезила бальными вечерами в загадочных замках, я представляла себя в самых роскошных ложах мировых театров, в фешенебельных гостиницах и ресторанах. Теперь вы говорите, прошу прощения, о реабилитации не совсем здорового человека, функциях сестры милосердия, сиделки. Это уже совсем другой бизнес. Если в первоначальном сценарии от меня за двадцать миллионов евро требовались влюбленность, преданность, послушание, то теперь вы хотите получить от меня сострадание, душевную опеку, полу врачебный стиль общения, а значит — целиком все мое время. В этом случае для успешного исхода всего предприятия от меня потребуются значительно большие затраты душевных сил. Мадам! Если вы действительно хотите, чтобы я вернула Иверова к привычному образу жизни, — повысьте гонорар. О'кей! За тридцать миллионов я готова взяться за работу». Жаклин Марч, ужаснувшись произнесенным словам, запнулась. Нет, это вовсе не она высказала такую дикую идею. В ней заговорила жажда богатства. Еще секунду назад такой суммы у нее и в мыслях не было. Сколь притягательна мистическая сила денег! Она способна управлять человеческой психикой, как дирижер оркестром. Но сногшибательная цифра была названа, и модистка едва сдерживала истерику. Гордость и смятение переполняли ее сердце. Жаклин изо всех сил старалась выглядеть спокойной. Она поправила на своей головке заколку, потом вдруг вообще вырвала ее из во-

лос. «За тридцать миллионов вы сможете вернуть его нам в полном душевном здравии?»- Элизабетт Понсэн вся напряглась. «Да! Мадам, я готова взяться за эту сложнейшую работу немедленно. И уверена в успехе». — «Простите, на чем основывается ваша уверенность?» — «О'кей! На моем таланте актрисы. Весь ваш персонал должен в течение года работать на меня — тогда Иверов вновь обретет вкус к жизни». — «Оплата по конечному результату?» — «О'кей. Но пятьдесят процентов вперед». — «Нет, так не пойдет. Если вы приступаете к выполнению задания немедленно, то тут же на ваш счет мы переведем двадцать миллионов. Они будут списываться помесечно: один миллион шестьсот шестьдесят шесть тысяч. Именно в тот день, когда Иверов вновь обретет жажду познания окружающего мира, вы, милочка, получите всю оставшуюся сумму. Если это произойдет через пять недель, то вы получите свободный доступ к сумме в двадцать шесть миллионов шестьсот семьдесят тысяч. Но обязательство пробыть с ним целый год — до двадцать третьего июня две тысячи третьего года — останется за вами. Впрочем, он может освободить вас от этой роли. Если Иверов обретет былую энергию и вкус к жизни, то замок в Сен-Поль-де Ванс опять наполнится гостями. Музыкальные вечера будут сменяться встречами философов, дискуссии о новом экономическом порядке, о создании зон трех супервалют, о проблемах глобализации соберут в Ницце ярчайшие умы научного мира, а дни высокой моды — известнейших кутюрье и самых красивых женщин планеты. — Юрист опять привычно откинула голову, глаза ее загорелись надеждой. — По рукам, Жаклин Марч. Мне необходимо время, чтобы подготовить текст нового соглашения. Уверена, к обеду контракт будет готов. Начинайте выполнять намеченную программу. Сочиняйте распорядок дня, фантази-

руйте. Для успешной реализации проекта пользуйтесь всеми возможностями, которые предоставляет состояние Иверова. Я открою вам неограниченное финансирование для воплощения ваших самых дерзких затей, самых сногшибательных причуд. Нам нужно взбодрить шефа, разжечь его чувственность, пробудить в нем интерес к жизни. Теперь я ваш ангел-хранитель». Как ни старалась Жаклин Марч скрыть волнение, краска залила ее лицо, а на полуоткрытой груди выступили бордовые пятна. «Она или великолепная актриса, или исчадие ада, — подумала Элизабет Понсэн. — О, милочка, боюсь, вы ошибаетесь в прогнозах. Но хочу вам верить, надеяться на ваш талант». — «Дискуссия закончена? Начнем репетировать незнакомую роль соблазнительницы. Когда будут переведены деньги?» — «Сразу после вашей подписи на контракте. Дорогие дамы, я вас покидаю. Пойду в рабочий кабинет». Адвокат взяла папку, послала собеседницам воздушный поцелуй и вышла из гостиной. Общение с этой самоуверенной, пожалуй, даже дерзкой красавицей из лондонского Дома высокой моды пробудило в ней радостное предчувствие. Обуреваемая профессиональной гордостью, она устремилась к компьютеру.

«Я никак не ожидала от тебя такой решительности, браво, Жаклин, умница, — Анна-Валери Болль во время всего диалога наблюдала за своей протеже. Болль гордилась ею: Жаклин Марч была из той породы женщин, которых мечтает покорить вся мужская половина человечества. — Я опасалась, что зануда Понсэн победит тебя, но ты блестяще выиграла поединок. Тридцать миллионов евро! — брови посредника по деликатным поручениям многозначительно поднялись. — Ты уверена, что сможешь выполнить условия контракта? Иверов — человек необыкновенный. Одной внешностью его не покоришь». — «Госпожа Болль,

передайте Элизабетт, что следует дополнить договор весьма существенными пунктами. Вся сумма контракта, за исключением месячных платежей, располагается на депозите. За такие огромные деньги можно легко получить четыре процента годовых, а это немалые дивиденды. Они тоже должны принадлежать мне. И еще: вы получите от меня пять процентов только от двадцати миллионов. К дополнительному моему призу в десять миллионов евро вы никакого отношения не имеете. Это исключительно мой бизнес». — «Как так?» — попыталась возмутиться Анна-Валери, но запнулась. От глубокого возмущения вздулись вены на ее шее, в легких не хватало воздуха. «Вот, паршивка, — подумала она. — Невоспитанная молодежь начинает управлять миром. Но я оставляю за собой последний ход. Партия только начинается». А вслух произнесла: «Дорогая, я принимаю твое решение. Пойду к Элизабетт передать твои пожелания. Салют!» Болль выдавила из себя улыбку и вышла. Звонкий, радостный голос прозвучал в пустой гостиной: «Ты будешь моим, Иверов». Гордячка, она уже не сомневалась, что приручит и покорит аристократа. «Теперь я смогу обдумать и выстроить план развития отношений с князем. Да, кстати, пора прощаться с Тимпери. Сегодня я скажу ему «прощай». Милый Алесандро, закончилась твоя история. Я ничего с тобой не потеряла, но и выигрыш минимальный. Что принесет будущее? Мне надо спешить очаровывать князя», — с этими мыслями Жаклин Марч стала звонить в гостиницу «Негреско».

Одиночество — удел душ мятущихся. Андрэ Иверов валялся на кровати в своей спальне мега-яхты «Святой Дух». Он разглядывал картину американца Арчила Горки «Агония», висящую перед ним на стене, листал газеты, журна-

лы, всматривался в морскую даль. Ничего не хотелось. Весь мир был у его ног, а он пренебрегал им. Вялый и нерешительный поиск новых смыслов бытия, побудительных импульсов к действию не давал результатов. Голова раскалывалась от мрачных мыслей: не пора ли все закончить и тихо уйти. Неудовлетворенность и апатия пронизывали все его существо: иссякли желания, тело позабыло о блаженстве, душа умолкла, словно ушла за кулисы. Опустошенность, бессмысленность давили все сильнее. А Иверов все глубже погружался в непостижимый мир виртуальности. В сорок два года, когда владеешь несметным богатством и капризным, тонким умом, можно легко подцепить декадентскую заразу, способную полностью разрушить человека.

Стук остался безответным, и Жаклин осмелилась войти в спальню на свой страх и риск. Иверов лежал на кровати полностью погруженный в себя. «Раскройте причину вашего уныния, — начала она энергично. — Вы кажетесь владельцем счастья, а мне так его недостает. Скажите, Андрэ, что это за состояние — самопожертвование? Это филантропия, лекарство для успокоения души или горестный самообман, спекуляция идеями?» Врожденное чувство такта помогло Иверову скрыть недовольство бесцеремонным вторжением модистки. Впрочем, он поймал себя на мысли, что ему все это уже более чем безразлично. Тишина повисла в спальне. Вопрос остался без ответа. Молчание Иверова, полнейшее пренебрежение ее обществом отнюдь не покорили Жаклин. Марч наперекор всему рвалась к своей цели — получению тридцатимиллионного гонорара. Поначалу она решила примерить роль инженерю, но женское чутье подсказало ей, что такое амплуа лишь отодвинет желаемый финал. И она решилась идти напролом. Брутально и агрессивно. Именно этот стиль поведения сегодня

востребован для успешного построения карьеры и приумножения собственного капитала. Она подошла к кровати Иверова и присела на краешек. Дама была уверена в том, что чувства имеют способность умирать и возрождаться. Юному возрасту свойственны жизнелюбие и вера в будущее. Однако ей не удалось разжечь эротические желания Иверова. Задумчивость, отрешенность князя и даже гримаса равнодушия не смутили юную даму. Жаклин несколько раз провела рукой перед его глазами. «Мне нравится, как вы спите с открытыми глазами». Он очнулся и стал приходить в себя. «Рад вас видеть, Жаклин. Вы пришли за августальной книгой Исидора Севильского или записками этрусской коллегии жрецов? Помнится, вы интересовались тайнами предсказаний». — «Мне хотелось побыть с вами». — «Вы посягаете на мою свободу. Я не жалею людей, чей эгоизм попирает мое право на одинокое размышление о тайнах бытия и познания. Макс Планк искал галактики в пространстве в один миллиметр в минус пятьдесят шестой степени. А вы в просторной спальне ищите невидимые, эфемерные нити общения. *«A quoi bon chercher ce qui n'existe pas. Je ne suis pas une chose, pour dire d'appartenir a quelqu'un»*¹. Жаклин растерялась. Саркастическая манера общения была ей незнакома. У мужчин, говоривших с ней, тон был обычно ласковый, угоднический, лексика понятна и проста. Они заискивающе вглядывались в ее глаза, жадно смотрели на тело. А этот, уставившись в потолок, даже не удостоил взглядом. Но искушение призом оказалось превыше обид и недоумений. Впрочем, господин Иверов заметил растерянность гостьи. Ее замешательство

¹ Чего нет, того не ищи. Я же не вещь, кому-то принадлежащая. (франц.).

взбодрило его, вызвало простодушную улыбку. Он тотчас же смягчился, внимательно взгляделся в ее глаза и сказал: «Хотел понять, какая тяжесть лежала на сердце Реми Николы, или Николая Ремигия, судьбы времен Средневековья, по вердикту которого было сожжено около тысячи ведьм. Многие из них были юные, непорочные создания. Как можно жить с такой ношей? Впрочем, обскурант Ремигий в конце жизни все же познал истину — он тайно ушел в лес, развел из ясеня и бука костер и сел в него. Гонитель ведовства захотел испытать на себе муки Божьего Суда. Их соразмерность преступлению. Суровый солдат Инквизиции и верный страж Священного Писания решил узнать: так ли страшно быть сожженным на поленьях вековых деревьев? Теперь я сам прихожу к выводу: чтобы понять истинную суть вещей, необходимо взглянуть на предмет с изнанки. Эта навязчивая идея преследует и поглощает меня. Я утратил духовную стойкость. Какая-то мистическая сила дробит меня по стволовым клеткам, я никак не могу собрать себя воедино». Иверов замолчал так же неожиданно, как заговорил. И опять погрузился в раздумья, не обращая никакого внимания на пристальный взгляд юной особы. Ему казалось, что он уже нащупывает путь из темного лабиринта к новым ориентирам и ценностям. Ему нужно лишь ухватиться за нить Ариадны, чтобы обрести потерянный смысл бытия. «Представьте себе, что в вас влюбилась молодая женщина, — опять начала Жаклин. В ее голосе чувствовались волнение и упрямство одновременно. — Как вы сможете отозваться на ее чувства?» — «Что вы сказали?.. — он окинул ее недовольным взглядом и, обойдя молчанием вопрос, продолжил: — Мадам! В Кань-сюр-Мер, в родовом замке князей Гримальди — правителей Монако происходит странное явление: вот уже более трех-

сот лет каждый год двенадцатого марта в двадцать три часа в каминном зале «Энрико» ровно на двенадцать минут появляется из тысяча пятьсот девяносто третьего года принц Альберт со всей своей свитой. И вот уже более шестидесяти лет ведется фото- и телесъемка. Персонажи остаются прежними, не стареют их лица, не меняется платье, но содержание беседы имеет свое продолжение. Что это? Вероломное вторжение одного времени в другое? Мистификация? Эстрадное шоу иллюзионистов?» Иверов замолчал. Жаклин почувствовала себя глубоко оскорбленной. Она дрожала от отчаяния. Ее смятение было столь велико, что она готова была броситься вон из спальни. Но магическая сумма — тридцать миллионов — остановила ее. В растерянности Жаклин Марч никак не могла понять, как поступать дальше и что ждет ее впереди. Горящие, неподвижные, зеленые с бирюзовым оттенком огромные глаза, в которых отражалось отчаяние, казалось, впились в задумчивого Иверова. Полная неспособность сделать следующий шаг к заветной цели, связанность обязательствами контракта породили в юном сердце затаенную злобу, ярость женщины, чью красоту просто не замечают.

Между тем приступ полного безразличия к окружающему целиком захватил Иверова. В такие минуты внутренний голос повелевал им безраздельно. Неутоленная потребность души в неслыханных переменах с чудовищной силой вторгались в его сознание. Такое состояние настойчиво требовало от него решительного изменения привычной жизни, смены привязанностей, толкало к поединку с самой человеческой природой. Его одолевали сомнения даже в своем праве пользоваться нажитой собственностью, всеми благами цивилизации вообще. Потребность отречься от всех желаний властно овладевала сознанием. Все на-

стойчивей обращал он свой взор к оборотной стороне жизни, к ее изнанке. Отвращение ко всему прежде столь желанному все более крепло, прокладывая дорогу от принца к нищему, от баснословного богатства к убогости и скудости. Громадное наследство, заветы родителей и блестящая образованность утратили для него всякий смысл, а христианские заповеди обернулись аллегорическим морализаторством. Князь еще не понимал, каким должен быть его следующий поступок, что конкретно он должен сделать, чтобы сознательно подготовиться к переходу из одного мира ценностей в другой. Но убеждение, что он на правильном пути, росло и крепло. «Только в себе можно отыскать Бога. Вокруг одна предательская пустота, — размышлял он. — Как в мистике Божество определяется понятием «я», обладающим беспредельным содержанием, так и во мне искушение своей обособленностью является источником поиска истины. Сотворением Бога в себе». Он пытался обнаружить основу бытия в мистическом образе из мира трансцендентного. Господин Иверов стал отдаваться внутреннему созерцанию таинственности жизни больше, чем реальному участию в ее бытовых проявлениях. Путь к таинствам грез обретал для него абсолютную значимость, а общество Жаклин Марч явно лежало вне этой области.

23 июня 2002 года стало одновременно самым удачным и самым тяжелым днем в жизни юной модистки. Два важнейших события обрушились на нее одно за другим. Юную даму охватило радостное волнение, когда в гостинной яхты «Святой Дух» родился столь замечательный проект, благодаря ее ловкости и уму оцененный в тридцать миллионов евро. Час спустя ей довелось пережить удруча-

ющую сцену общения с этим странным господином. Иверов явно внушал ей страх, граничащий с замешательством. Пережитый психический стресс дурно сказался на ее состоянии, небывалый эмоциональный всплеск сменили растерянность и разбитость. «Я так долго не выдержу, — повторила она. — С ним совершенно невозможно общаться. Он говорит о каких-то непонятных вещах и вдобавок равнодушен ко всему на свете. Может, он уже мальчиков полюбил?» Но внутренний голос требовал не отчаиваться, а продолжать борьбу за выполнение контракта. Завеса пренебрежительного молчания, столь оскорбительная для Марч, сковывала ее мысли и движения, не позволяла сосредоточиться, преподнести себя с выигрышной, завораживающей стороны.

Вдруг совершенно неожиданно господин Иверов как бы невзначай спросил: «Как вы думаете, что слаще для души и плоти человеческой: сжимать желанную женщину в объятиях или грезить о ней? В чем больше наслаждения и творчества?» Эта фраза оказалась пока что единственной соломинкой, за которую могла ухватиться Жаклин Марч. Князь же вполне сознательно подбросил этот полемический вопрос. На какое-то мгновение господин Иверов пришел в себя и осознал ситуацию, в которую по его вине попала юная дама. Его охватило искреннее сочувствие, и он решил помочь топ модели из Лондона. Она же, пока ни о чем не подозревая, на лету подхватила тему: «Я читала, что великие шахматисты получают истинное удовольствие от игры на расстоянии, когда всю расстановку фигур они держат в уме. Их игра действительно носит виртуальный характер. Ваш вопрос тоже из этой области? Так вот, мне, молодой женщине, хочется телом чувствовать объятия любовника, а не грезить о них». Она не хотела останавливать-

ся, потому что он впервые по-настоящему слушал ее. В то же время она не была готова к такому повороту разговора и стала на ощупь импровизировать: «Впрочем, если вы научите меня виртуальным чувствам, я готова изменить свое мнение. Честно говоря, сегодня я всю ночь занималась с вами любовью. Это было потрясающее наслаждение, я поражалась энергии вашей страсти. Нынешняя ночь стала самой незабываемой в моей жизни. — Руки Жаклин коснулись его черных с проседью волос. — После этих эротических грез вы стали мне очень близки. То, что произошло нынешней ночью, — примечательный пример виртуализации чувственных способностей человека. Не признак ли это каких-то коренных изменений в человеческом восприятии мира?» Она вспомнила, что Иверов занимается теоретическими вопросами развития виртуального рынка ценных бумаг. Марч умолкла, не зная, что к этому добавить. «Замечательно. У вас острый ум. Совсем не часто так рассуждают молоденькие женщины». Иверов широко, обаятельно улыбнулся, а про себя подумал: «Ловко придумала ночную сценку. Молодец, модистка. Страсть к деньгам — демоническая сила. Достаточно убедить землян, что на Луне или в выгребной яме свободно лежит золото, и человечество за несколько лет переселится на соседнее небесное тело или начнет жить в канализационных стоках». — «Я и впрямь занимаюсь проблемой виртуализации экономики, преимущественно финансового рынка и денег. И вы правы: на нынешнем этапе развития человеческой природы происходят глобальные изменения психики людей. Условность обретает черты материального, а сущность испаряется. Пару лет назад со студентами Лионского университета я проделал трехнедельный эксперимент: были отобраны десять девушек и семь парней. Для них были приго-

товлены два помещения. В одном — специально оборудованные спальни. Восточные благовония, настойка шафрана и специально подобранная классическая музыка создавали идеальные условия для сновидений. Другое помещение было гостиничного типа, роскошно обставленное, с телекоммуникационными системами. Если в первом помещении участник эксперимента обязан был остаться один, то во втором — ему предоставлялась свобода выбора. Понравились друг другу — спите вместе. С сексом или без него. С выпивкой, фильмами, книгами, самой разной музыкой или без них. Как вы думаете, Жаклин, каковы оказались результаты эксперимента?» Она долго собиралась с мыслями. Ему самому пришлось ответить: «Объединилась лишь одна пара. Остальные участники теста выразили желание не выходить из спальни даже на время приема пищи. Мир иллюзий захватил их целиком. Они предпочли грезы физическим наслаждениям, они упивались снами, а не чувственными прикосновениями к живому телу, они жертвовали реальностью, чтобы обнять несуществующий, навеянный фантазией и грезами мир. Помимо тестов и опытов, проводимых в других институтах, я повсеместно наблюдал эти картины в реальной жизни. В человеке зарождается и крепнет виртуальное чувство, со временем оно станет главным. Иначе нельзя покорить Вселенную. Бурное развитие современных технологий требует от природы таких изменений. Ваш сверхъестественный сон стал продолжением процесса, смысл которого — формирование нового восприятия мира. Приближается полная власть грез. Этот мир виртуальных чувств во всем своем многообразии беспардонно стучится к нам в сердце — от ярких, сладких, эротических до болезненно-мнительных. Возникает брезгливость к собственности. Я сам во власти таин-

ственных мечтаний. Я испытываю радость не от самой вещи, не от ее физической оболочки, а лишь от ее мыслеобраза. Сегодня я не хочу иметь корабль, самолет, деньги, женщину. Само сознание того, что я владею всем этим, для меня куда важнее. Гнетущее величие непомерной собственности душит, раздражает меня. А мечтательные сновидения помогают сбросить оковы, освобождают разум и душу от бремени реальности». Казалось, что Иверов с кем-то яростно спорит. «День необходимо начинать с яиц, а заканчивать яблоками. Так учили своих детей римские патриции. К чему это я? Завтрак! Вы были приглашены на завтрак. Он ждет вас в столовой!» — «А можно принести кофе сюда?» — с опаской спросила Жаклин. «Еще вчера я бы не разрешил этого. Я люблю запах кофе, но только в кофейнях или ресторанах. В спальне он вызовет у меня раздражение и дурной сон». — «Что вдруг изменилось? Почему сегодня вы разрешаете доставить кофе в спальню?» — смеясь, спросила она. «Я хочу сегодня спать на открытой веранде, а завтра съехать со «Святого Духа». Так что мои планы по использованию инфраструктуры могут закончиться завтра поутру.. Я переселюсь в мир грез и размышлений, в мир одиночества и тишины». — «Где вы отыскивали такое райское место?» — смело спросила Жаклин. «В Сен-Поль-де Ванс», — воскликнул он, как будто разговаривая с самим собою. «У вас там десятки слуг. Они будут уволены? А как вы поступите со мной? Ведь я приехала к вам на целый год?» — «Право, не знаю... Вами будет заниматься мой юрист. Я не против, чтобы вы пользовались всей моей собственностью». — «Не хотите ли взять попутчика в свое путешествие в виртуальный мир чувственных наслаждений? Немного словного, но с фантазиями в мыслях и причудами в поведении?» — «Вы имеете в виду себя?» — «Да, но позвольте до-

полнить мое предложение. Первое время попутчик может иметь статус стажера. Если через три недели этот стажер не сдаст экзамены, то в команду путешественников он зачислен не будет. А свой маршрут вы продолжите один». — «Три недели — долгий срок. Двух-трех дней хватит сполна». — «Князь, прошу вас исполнить только одну мою просьбу. В понедельник я должна быть в Париже. Мы показываемся в Квадратном дворе Лувра. Фестиваль мод закончится в пятницу. Ваш стажер будет возвращаться в Сен-Поль-де Ванс в девятнадцать часов, а утром в восемь тридцать улетать в столицу. И так все пять дней. Согласны ли вы с таким графиком стажировки?» — «Мадам! Я не хочу брать на себя никаких обязательств. Теперь у меня новое оригинальное увлечение: принадлежать только самому себе. Госпожа Понсэн откроет вам доступ в мой дом, ко всему моему имуществу. Пользуйтесь этими благами, ищите себе развлечения среди этого богатства. Но моя душа не вещь, она суверенна и никому не принадлежит. Вы производите приятное впечатление, но у меня теперь совершенно иные устремления. Мне необходимо найти смысл своего бытия, вам — жизненную опору. Я в поисках духовного обновления, вы — богатства и материальных благ. Дороги у нас совершенно разные. Две параллельные прямые не пересекаются. Ваш маршрут определен возрастом и положением, мой — свободой и совестью. Я близок к пониманию бессмысленности своей жизни, вы лишь приоткрываете дверь в мир радостей и развлечений. Я не отказываю вам в своем обществе. Но, пожалуйста, никаких обязательств. Если вы случайно окажетесь со мной в комнате, в парке, в постели, я не могу заранее предположить, какие чувства во мне возобладают: желание быть с вами рядом или потребность немедленно, может быть, даже без слов,

расстаться. Возможно ли с таким типом, как я, договариваться? Положиться на мое слово? Нет! Лучший переговорщик для вас — госпожа Элизабетт Понсэн. По моему поручению она выполнит все обязательства. Вовремя и в полном объеме. Не сердитесь на меня...» Тут он хотел было сказать: «Оставьте меня одного», — но не смог. Врожденная деликатность не позволила ему этого. Он вынужден был подобрать иные слова: «А я пройдуь по пирсу».

Глава IV

Часы на башне церкви Сен-Мартен-Сент-Огюст пробили полдень. Жаклин Марч сидела в пустой гостиной и обдумывала дальнейший план действий. Возможность получить неслыханный приз вновь и вновь вынуждала Жаклин напряженно искать способ обольстить этого несносного господина Иверова. Ради спасения столь заманчивого проекта юная дама, прибегнув к бесстрастному и холодному расчету, предпочла макиавеллиевский метод достижения цели — вероломство, коварство и ложь. Множество людей одобрили бы ее выбор: 30 миллионов — цифра умопомрачительная! Жаклин всегда чувствовала себя счастливой: на подиумах, в театрах, на публике, когда ее бесподобный облик вызывал восхищение и комплименты, когда на ее интернетовский почтовый адрес приходило несметное количество любовных посланий и сногшибательных предложений. Такова власть красоты! В ее головке уже вырисовывались контуры нескольких хитроумных планов, но тут в гостиную вошла госпожа Болль. «Салют! Жаклин, ты все еще здесь?» — спросила она. Вид у нее был приветливым. Болль волновал главный вопрос, но она попыта-

лась подойти издалека: «Я очень беспокоюсь за тебя. Мне хочется, чтобы у вас получился настоящий любовный роман. Со стороны показалось, что Андрэ тебе понравился. А ты ему? Что он? Будем отмечать подписание контракта?» Госпожа Болль хотела, чтобы ее посвятили во все детали и тайны общения главных фигурантов. Но непроницаемое лицо юной дамы разочаровало ее. Тогда она спросила прямо и без обиняков: «У проекта есть перспектива? Нужна ли тебе моя помощь?» Жаклин Марч не торопилась с признанием. Ее тонкий расчетливый ум продолжал искать ключ к сердцу Иверова. На оболечение князя красотой и чувственностью шансов практически не было, и она уже отменила эту мысль. Но оставалось немало возможностей смутить его дерзкой интригой или искушить какой-нибудь плутовской приманкой. И пока они не исчерпаны, Жаклин Марч будет думать только об одном — как именно подчинить себе, переиграть Андрэ Иверова. «Болль ждет от меня отчета. Но исповедоваться в незавершенном деле — дурная примета». Однако чтобы не обострять отношений с доверенным лицом Иверова, Жаклин проникновенно, вкрадчивым тоном сказала: «Я действительно влюбляюсь в него». У нее промелькнула мысль, что эта легенда великолепна для осуществления созревшего коварного плана. Госпожа Болль не заметила никакой фальши. Она лишь сказала: «Он умница! Он красавец! Бог тебе в помощь. Но скажи, дорогая, почему ты выбросила меня из десятиллионной премии? Так не поступают. Впереди еще долгая дорога, а мы сидим в одном автомобиле. Ты должна мне довериться, Жаклин, тогда больше шансов на победу нашего проекта». — «О'кей! О'кей! Мне совершенно нечего скрывать. Но, госпожа Болль, вы-то должны знать, что Иверов очень непростой, чрезвычайно неудобный для быст-

рого сближения человек. В нем нет никакой распущенности. Его толерантность мне очень нравится. Я вижу в нем доброту, тончайшую интеллигентность, поразительные знания и острый ум. Таких людей я еще не встречала. И этим он привлекает меня, становится мне неожиданно дорог». Жаклин Марч тщательно примеряла на себя роль влюбленной женщины, чтобы, согласно своему секретному плану, самостоятельно пробиваться к желаемой цели. «Видимо, я чрезмерно бережлива, не люблю расточительности. Тревога за будущее, извилистый путь к которому долог и тернист, не позволяет мне легкомысленно расставаться с деньгами. Но, Анна-Валери, я отлично помню ваши претензии на дополнительный гонорар. Этот вопрос еще не закрыт. Изначальное желание провести год в безмятежной роскоши с богатым красавцем и получить за это еще и немалую сумму денег отступает перед совсем другими чувствами. Борьба за призовой фонд как таковая уже не столь интересует меня. Я, дорогая госпожа Болль, начинаю влюбляться в этого человека. А это уже совсем другая история. Может быть, чувства потребуют от меня сдержанности, смирения. Известно, что любовь преобразует человека, его душу, внешность, его привычки и желания. Не будем торопиться. Мы рядом, и все, что будет происходить здесь, между нами, обретет конкретность и завершенность быстрее, чем можно предположить. Шаг за шагом. День за днем. Но мне нужно время, чтобы разобраться в себе, в своем сердце». Юной модистке самой нравилось, как артистически она раскрывала образ влюбленной женщины. «Неизвестно, как будут дальше развиваться события. Такая легенда мне всегда пригодится, — думала Жаклин Марч. — Кроме того, это просто хороший тон: говорить больше о любви, чем о деньгах».

Сама природа щедро одарила женщин терпением. Но чрезмерные испытания временем таят опасность коренного изменения человеческого характера. А сделка с совестью, которую планировали обе дамы, сидящие в гостинице на яхте «Святой Дух», заражает вседозволенностью и развивает нравственную распущенность. Там, где вращаются миллионами евро, мир устроен совершенно иначе. Госпожа Болль не очень-то доверяла Жаклин Марч. Она явно склонялась к мысли о том, что юная модистка прикрывается влюбленностью, дабы уклониться от обсуждения деталей их взаимоотношений. «Но почему она неискренна, — размышляла Анна-Валери, — что надумала, что скрывает? Необходимо потолковать с ней по душам. Никогда бы не подумала, что в ней столько коварства. Как бы Жаклин не прибрала к рукам Иверова. Тогда она сможет вынуть из него веревки». Смешная привычка поднимать высоко узкие брови опять изменила выражение ее лица. Госпожа Болль сообразила, что ловкая девица может затеять собственную тайную игру с князем, чтобы поднять ставку гонорара еще выше. Никто и знать об этом не будет. Суевверное предчувствие какой-то мрачной интриги взволновало ее. Встревоженная и рассерженная, Болль подумала, что в самое ближайшее время ей самой необходимо напрямую поговорить с Андрэ Иверовым. В прежние времена, когда за князем ничего странного не наблюдалось, она никогда не бывала допущена на кухню переговоров. Ее миссия всегда завершалась представлением новой кандидатуры на контракт, светской беседой за кофе или обедом. Потом из рук госпожи Понсэн она получала конверт и тут же исчезала, чтобы на следующий день по чеку Иверова получить свой гонорар — безналоговую наличность в Андорре или Люксембурге. Но нынешняя история явно вы-

падала из схемы. Неудачно скрываемое напряжение витало в гостинной яхты «Святой Дух» и в душе Анны-Валери Болль.

Тревожный судовой колокольчик возвестил о сирокко — сухом и знойном ветре, налетающем на Средиземноморье. Застучала ткань флагштока, чайки стали зависать, качаясь на воздушных волнах, море покрылось полосками ряби. Андрэ Иверов в задумчивости сидел на ступеньках маяка в нескольких шагах от яхты. Брызги от набегавших волн окатывали его с ног до головы. Но он не замечал или не хотел замечать этого. Уединение успокаивало князя, даря великолепную возможность продолжить поиск своей мечты, способной вернуть ему смысл жизни. Пожираемый внутренней пустотой, князь никак не мог вновь обрести контакт со временем. Казалось, оно остановилось, сжалось в точку, а размеры Вселенной сузились до масштабов его остановившегося взгляда. Вдруг Иверова осенила идея. Усердие, с которым он начал обдумывать свое будущее, убедило его в высокой нравственности своего поиска. «Путь к истине кажется бесконечным, — размышлял он. — Не свидетельствует ли это о том, что меня прельщает лишь сам поиск, а не конечный результат? Финал всегда бесплоден. Нельзя найти то, чего нет. В таком случае мне остается одно: камень на шею и — на дно моря. В промозглую мглу вечности. Если ничего более подходящего в голову не придет, то завтра ранним утром, когда чуть побледнеет луна, я выйду в море в свой последний путь. У меня еще есть несколько часов, чтобы подготовить последние распоряжения: после моего ухода должен остаться полный финансовый и юридический порядок. Все права на собственность необхо-

димо передать госпоже Понсэн. Персоналу выдать зарплату за десять лет вперед. Закрывать все свои места на мировых биржах. Продать все акции. Послать десятиллионный прощальный привет моим женщинам — от Габриеллы Сомерс до Корнелии Пинч. Девушке Жаклин Марч надо не забыть выписать чек на двадцать миллионов евро. Что еще ей полагается за оскорбленные чувства? Пусть завтра же возвращается в Лондон. Дом в Париже и особняк на Лаго Маджори я подарю Доменник Пасарелли. Моя дорогая Доменник. Единственная женщина, которую я любил». Последнее воспоминание пробудило у Андрэ Иверова странные переживания. То, что завтра поутру он уйдет в небытие, успокаивало, но мысль, что его не было в дни Сотворения мира, что день его рождения был отодвинут в пространстве и времени и выпал на миллиарды лет позже, почему-то оскорбляла сердце. Иверов усматривал в этом глубокую, затянувшуюся несправедливость. Впрочем, эти неожиданные переживания сменила презрительная усмешка. Иверова захватили другие размышления: «Мой гениальный мозг и добрейшее сердце завтра обратятся в прах. А миллиарды дебилов будут по-прежнему осквернять этот прекрасный мир. Жесток Бог, допускающий столь вопиющую несправедливость. Самое время уйти в мир призраков. В гущу тьмы». Тут лихорадочное безумие охватило князя. Нескончаемый поток бессвязных, невразумительных мыслей утомил Иверова. Он почти пал духом и, казалось, заснул под палящим полуденным солнцем на ступеньках маяка «Пленеф-Валь». Брызги прибоя летели на его измученное тело. Соленая вода крупными каплями стекала по отрешенному лицу, а беспорядочно слипшиеся волосы напоминали прическу оборвыша. Через два часа господин Иверов очнулся. Пер-

вое, что он почувствовал, было желание выпить холодной воды. Он осмотрелся вокруг, судорожно потянулся и медленно поплелся на яхту «Святой Дух». В тяжелой голове осталось одно лишь саркастическое недовольство. Такое бывает после бесплодной умственной работы. Страшно было вспомнить, что совсем недавно тысячи самых противоречивых мыслей, словно компьютерный вирус, атаковали сознание. Он прежде и не подозревал, что такая чушь может лезть в голову. Его успокаивало только сознание того, что решение уже созрело. Но главная мысль пока что заперта в тайниках памяти. Чтобы поощрить свои воспоминания, Иверов решил вернуться к ступенькам маяка. В этих местах есть такая примета. Он потоптался на бетонной лестничной площадке, и в его воспаленном мозгу всплыли подробности предполуденного сна-яви. Взрыв смеха рассыпался среди волн: «Самоубийство! Вот к чему я пришел. Ха-ха-ха! Неужели именно такой конец ожидает меня?» Тут он вспомнил про свое завещание. Сознание стало холодным и расчетливым. Иверов заторопился в свой кабинет, чтобы как следует подготовиться к завтрашнему дню. Впервые за последние недели у него, наконец, появилась конкретная задача: привести все дела в надлежащий порядок, чтобы никто не был забыт или обижен. Месть была совершенно чужда его натуре. Он желал щедро отблагодарить всех, кто служил у него, дружил с ним, делил с ним постель. Такой порыв не типичен для финансиста, склонного к философии и преумножению капиталов. В эти минуты Андрэ Иверов ощущал сладостную власть филантропии. Милые сердцу идеи тороватой благотворительности целиком овладели его помыслами. Благочестивые чувства буквально распирали его щедрую натуру и как коварный допинг возбуждали со-

знание. Он сейчас напоминал крестьянина, который в первый солнечный день весны торопится разбросать по полю семена будущего урожая.

Он очень спешил сделать добро, поэтому прибавил шаг, взбежал на яхту «Святой Дух» и бросился в кабинет.

Глава V

Подиум высокой моды — один из ярчайших символов эпохи. Это весьма сложный и опасный бизнес. Из-за невероятно высокой конкуренции девушки вырабатывают в себе особенные свойства, прежде всего — железную волю. С первых дней работы в лондонском Доме Рассела Вильсона, чтобы избежать неприятностей в общении с коллегами, Жаклин Марч приучила себя никогда не конфликтовать. Не замечать мелких интриг. Сдерживать себя в самых возмутительных случаях. Таить раздражение в душе, давать решительный отпор собственным эмоциональным всплескам. Ее девиз во всех конфликтных случаях жизни и карьеры всегда оставался неизменным: всеми способами настаивать на мирном соглашении. В семнадцать лет ее пригласили в Лондон, и два с половиной года она строила свои отношения с внешним миром на этих принципах. Но Ницца и возможности, о которых она раньше не могла и мечтать, выбили ее из колеи. Представления о нравственности разом пошатнулись. Двадцатимиллионный гонорар, взвинченный ею до тридцати миллионов, околдовал ее разум и сердце. Жаклин Марч никак не хоте-

ла унизить себя в собственных глазах. Модистка из Лондона уже несколько раз признавалась себе, что такой неумной страсти к деньгам она в себе прежде не замечала. Что это для нее совершенно новое и незнакомое чувство. Но внутренний голос властно требовал от нее поиска любых, пусть даже недозволенных путей для получения этих баснословных денег. Впрочем, как и многие представительницы ее профессии, она блестяще имитировала величие, когда примеряла на себя маску внутреннего благородства. Сейчас ей на ум приходили самые фантастические варианты развития событий. Перед ее мысленным взором проносились различные картины изощренного наступления на господина Иверова. Мелькали и более значительные цифры. И она охотно, с упоением отдавалась этим иллюзиям.

Анна-Валери Болль была поверенной многих тайн своего патрона. За долгие годы работы агентом по деликатным поручениям госпожа Болль обрела весьма тонкую и богатую интуицию. И это изощренное чутье сводницы, никогда не подводившее ее, равно как и профессиональная наблюдательность подсказывали, что модистка из Лондона замышляет собственную игру. Подгоняемая болезненным эгоизмом, госпожа Болль вступила в разговор: «Ангел мой! Вижу, что любовь, возникшая на моих глазах, изменила твоё настроение. Ты задумчива и грустна. Чем помочь тебе, нежное создание? — Своей добродушной лексикой она хотела расположить юную даму к доверительному разговору. — У нас общие интересы, одна цель. Я считаю своей обязанностью помочь тебе. Помимо глубокой симпатии, которую я питаю к тебе, душечка, я еще и деловой партнер, и премию мне выдадут только при одном условии — если ты сможешь исцелить недуг Иверова, вер-

нуть его обществу. Хотя он нужен прежде всего тебе самой. Держись за него, он человек незаурядный. Проблемы, о которых говорила нам госпожа Понсэн, я вижу совсем иначе. Андрэ пресытился шалостями, мечтает по-настоящему полюбить женщину, чтобы иметь от нее детей, вступить в долгосрочные отношения. Ему уже сорок два года, а наследников нет. Одна подруга была на четвертом месяце беременности, но не получилось. Если ты его полюбила, давай обсудим план покорения твоего Иверова. Я готова во всем тебе помогать, и много мне не нужно — достаточно пяти процентов! Таких низких ставок в нашем бизнесе нет. Давай договариваться. Потому что вдвоем нам будет легче покорить его странный нрав. В нем таится интерес к тебе — я знаю, о чем говорю. Вот уже пятнадцать лет я работаю с ним. И все это время я старательно и до тошно изучала красивых молоденьких женщин. Пожалуй, ты единственная, кто не просит моей помощи. Но мне кажется, что сама ты не справишься. Любовь — это нечто весьма таинственное. Откуда она возникает и куда исчезает, никто не ведает. Тут не властны ни деньги, ни собственность, ни даже внешний вид. Полнейшая загадка. Лишь мы, опытные, талантливые сводницы, способны создать ауру, в которой воцаряется любовь. Давай, ангел мой, объединим наши усилия. Цель у нас одна — очень крупные деньги!» Глаза женщины с особой нежностью остановились на Жаклин Марч. Ее узкие брови поднялись вверх, а лицо вытянулось от напряженного внимания. Она явно была уверена, что признание лондонской модистки не заставит себя ждать. Действительно, искушение было велико! Интриганка до мозга костей, она ничуть не удивилась, что Жаклин не торопится отвечать. Юная дама рассматривала свои тонкие красивые пальцы, старательно отводя

взгляд. Она думала, как поступить. С чего начать легенду. Ласковые слова иверовской посредницы не расположили ее к откровенности. «О'кей. Я огорчена, я в легкой депрессии, — начала она. — Дорогая Анна-Валери, простите меня за упрямость. Впервые в жизни я серьезно увлечена мужчиной. Но, увы, дорога к его сердцу лежит через терновые заросли. Я взяла на себя обязательство покорить его, но задача эта весьма трудна. Он человек элитного сознания. С ним не сработают стереотипы, на которые можно, как на гвоздь, накалывать наши ничтожные хитрости: приподнять юбку или опустить лямку лифа, пройтись перед его носом в купальнике, даже голой — пустое дело. Не повернется, глазом не моргнет, рта не откроет. Многие бывают довольны, лишь взглянув, удовлетворены, что локоть, обнаженную грудь увидели. Иверов совсем другой! Он лишь в душевном порыве к телу прикоснется. С глубокими чувствами в постель ляжет. А его взгляд? Его мало интересует внешний облик. Он прозревает душу, выворачивая наизнанку человеческую суть. Вспомните, пожалуйста, что еще вы знаете об Иверове? Слабое место, любимая тема, хобби?» — «Перед таким серьезным разговором, ангел мой, я хотела бы определиться в вопросе премирования. Согласна ли ты дать мне пять процентов всех иверовских денег? Ведь если он влюбится в тебя с моей помощью, ты с него все сто миллионов сорвешь. А мне-то что же? — прищурившись, поинтересовалась госпожа Болль. — Мы не будем составлять договор а ля Понсэн. Твоего слова мне достаточно. Итак, что ты скажешь, Жаклин?» Анна-Валери была асом психологической обработки. Постоянно меняющиеся, вкрадчивые интонации ее голоса оказывали сильное эмоциональное воздействие на юную модистку. «Я не возражаю», — выдавила Жаклин Марч. «Ангел мой, так не

договариваются. И слова произносят другие. И в глаза смотрят», — ласковым, задушевым голосом продолжала парижанка. «Так научите же меня!» Жаклин не хотела отвлекаться от своих мыслей и говорила с госпожой Болль через силу. «В подобных случаях говорят так: «Спасибо за предложение. Я согласна заплатить вам пятипроцентный гонорар со всех финансовых активов, который получу от Иверова. Вот мое последнее слово».- «О'кей. Спасибо за науку. Я готова заплатить вам пятипроцентную премию всего иверовского капитала, за исключением денег и ценностей, полученных от него по завещанию, разделу имущества, даров. О'кей?» — «Не совсем, дорогая, — госпожа Болль воспряла духом и решила усилить натиск, а про себя подумала: «Как далеко смотрит девка — завещание, раздел имущества. Appetit у нее, как у Гаргантюа». — Мой ангел! Высшая справедливость требует в таких случаях полного дележа всех полученных финансовых ресурсов, кроме нарядов и украшений. С моей стороны было бы совершенно несправедливо ставить вопрос о пяти процентах на всю жизнь. Вполне возможно, в будущем вас ожидает брак, ребенок и так далее и тому подобное. Поэтому ты, мой ангел, возьмешь на себя обязательства только на время действия настоящего контракта плюс шесть месяцев, — тут узкие брови Анны-Валери поползли вверх, и она пристально взглянула на Жаклин Марч. — По истечении восемнадцати месяцев весь доход от Иверова только твой, а письменная договоренность о пяти процентах теряет силу». — «Вы говорили об устной договоренности...» — раздраженно заметила юная дама. «Ангел мой! Вдумайся, вникни в мои аргументы. Человек по своей природе жаден и завистлив, и я сама не являюсь исключением. Андрэ Иверов публично заявил, что контракт с тобой последний в его жизни.

Понимаю, возможны возражения — мало ли что скажет мужчина в сорок два года? Вся жизнь еще впереди. Но ведь может быть и другое — а что, если он и впрямь сдержит обещание? Ведь я тогда остаюсь без дохода. Пятнадцать лет я работала исключительно на Иверова и ничем более не занималась. А в мои сорок пять пора подумать о старости. Итак, мы не будем заключать с тобой договор. Упростим процедуру... — Она подошла к столу, взяла бумагу и ручку. — Довольно будет, мой ангел, если ты напишешь, следующий текст: «Я, Жаклин Марч, 1982 года рождения, Австралия, обязуюсь выплатить Анне-Валери Болль, Париж, в течение 18 месяцев со дня подписания настоящего меморандума со всех видов капитала, полученных от господина Андре Иверова, пятипроцентный агентский гонорар. Подпись». Составив такую бумагу, ты, мой ангел, прежде всего лично гарантирована от моей зависти и жлобства. И чтобы я не судилась с тобой в будущем, поскольку суды Франции всегда на стороне интересов посредников, я дам тебе встречное заявление. «Я, Анна-Валери Болль, 1957 года рождения, Франция, после 18 месяцев со дня подписания настоящего меморандума обязуюсь не иметь по отношению к госпоже Жаклин Марч, 1982 года рождения, Австралия, никаких финансовых претензий касательно моей посреднической деятельности и представления ее интересов в общении с господином Андрэ Иверовым». Эти две короткие записки позволят каждой из нас спать спокойно. согласишься ли ты со мной, что во всех неприятностях повинна человеческая зависть? Только представь себе, ты купаешься в роскоши, владея немеренным капиталом, а я дважды в день прохаживаюсь со своей болонкой по улочке Рю Барбет де Жуи. Утро я провожу за свежим круасаном и «Фигаро», а на ужин я смогу позволить себе пучок

салата, ломтик рокфора и бутылочку бордо ноль триста семьдесят пять миллилитров. Как ты думаешь, что я предприму? Зависть, мой ангел, вынудит меня обратиться в суд. Такова человеческая природа. Так давай подпишем эти письма? Оговорим в них все возможные превратности судьбы? Ты получишь знатность и состояние, я — небольшой капитал, позволяющий беззаботно жить на проценты. К пятидесяти годам стать рантье — признак отменного вкуса и добрая примета», — ее голос выдавал волнение опытного игрока. «О'кей! О'кей! Пишем встречные бумаги. Но уверены ли вы, что сможете мне эффективно помочь?» — «Это в моих интересах!» — «Надеюсь...» Дамы написали письма и обменялись ими. Госпожа Болль почувствовала легкое головокружение и першение в горле. Обычно такое ощущают холерики после исполнения своих замыслов, когда дополнительная порция адреналина впрыскивается в кровь. Зажав синицу в руках, госпожа Болль стала мечтать о журавле в небе. Теперь будущее секретных договоренностей двух дам всецело зависело от продуманности последующих шагов. Арсенал знаний и опыта профессиональной сводницы следовало использовать во всех деталях предстоящего заговора. «С чего начать? — думала про себя парижанка. — Десять процентов я имею от иверовской премии в тридцать миллионов, пять процентов от Жаклин Марч. Это даст мне цифру в четыре с половиной миллиона евро. Ведь если удастся князя, в его состоянии полного безразличия к окружающему, приучить к обществу этой девчонки, он одарит ее, как царь Саул одарил Аэндорскую волшебницу».

В современном мире есть одна особенность, впрочем, характерная для всех времен и народов. Если у вас есть деньги, за ними разве что очередь не выстраивается. Один

мечтает их выманить, другой хочет украсть, третий перехитрить вас, чтобы ваше богатство поменяло адрес, четвертый в желчной зависти жаждет вашего разорения, пятый нацеливается убить вас и стать владельцем всего состояния. Как правило, в этой очереди стоят люди из вашего же ближайшего окружения. Жены, любовницы, родственники, друзья. Какая бешеная ненависть возникает в их сердцах, если какому-то неизвестному грабителю или мошеннику пришел на ум тот же самый план, и он успешно осуществил его. Громы и молнии будут метать на его голову. Несчастный вор и не подозревает, какой шквал лютой зависти вызовет он, но не у самого ограбленного, а у людей из его окружения. Как тут не прислушаться к советам старых мудрых евреев: не кичитесь богатством и не дразните людей роскошью. Плачьте, что бедны, причитайте по поводу своей нищеты, кричите всему миру, что у вас понос от голода, от гнилой дешевой пищи. Что по вашему телу ползают вши, а голова ваша больна и бездарна. Что вы не способны зарабатывать деньги. Это замечательный образец защиты от зависти, самый прочный панцирь против ненависти, мощное орудие вашей суверенности и спокойствия. Составлять же завещание — дело неблагодарное и прискорбное. В этом занятии присутствует много эмоционального, а значит, несправедливого. Лучше после смерти прослыть забывчивым, нежели человеком без совести. Пусть лучше вспоминают о ваших поступках и делах всей жизни, а не о последней воле. Пусть претенденты через суд решают, что, кому и сколько положено. Ошибки суда вызовут ненависть и раздражение по отношению к власти. А вот несправедливость завещателя взбудоражит родственников, предвзятость породит гнев и негодование наследников. Итак, если ваше

здоровье подорвано и болезнь принимает опасный характер, — вызывайте не нотариуса, приглашайте священника! Думайте о вечном, а не о разделе имущества. Сохраните свое имя непорочным для наследников. Уйдите в мир иной с чувством собственного достоинства и мудрым спокойствием.

Именно такие мысли роились сейчас в голове Иверова. Покончив с оформлением разных распоряжений и завещательных бумаг, князь облегченно вздохнул, как человек, сбросивший со своих плеч непосильный груз. Но он почувствовал не одно только физическое облегчение. Его душа обрела то дивное умиротворение, о котором князь мечтал все последнее время. Нет, не телом, а всем своим существом он сделал шаг к вечности. И Андрэ Иверов ликовал. Он походил на человека, неожиданно нашедшего письма собственной судьбы. Листая страницы этой мистической, воображаемой рукописи, князь снова и снова останавливался на последних строках. «24 июня, понедельник, 8.20 утра. 43 градуса 8 минут северной широты, 8 градусов 6 минут восточной долготы. Между Ниццей и Кальви, Корсика. Глубина 1753 метра. Дно из ракушечника. Температура 3,5 градуса по Цельсию. Время погружения на грунт — 27 минут. Давление — 190 атмосфер. С момента прыжка в воду смерть наступит на пятой минуте. Итак, 24 июня в 8.25 мое сердце остановится. Произойдет переход из состояния временности, неподлинности бытия в истинно вечное бессмертие, в категорию бесконечного отсутствия». Иверов закрыл глаза... Вдруг где-то в подсознании почувствовал дуновение смерти, и плотная стена черноты стала наваливаться на него. Могильный холод облил все его тело. Вторжение этого мрака вызвало у него протест и негодование. Иверов сделал невероятное, неслыханное

усилие, чтобы освободиться от крошечной завесы. Он даже стал как-то странно размахивать руками, желая высвободиться из этой беспросветности. «Может быть, сама судьба дарит мне предчувствие завтрашнего события? — подумал он. — Все будет происходить именно так: вначале погаснет свет, потом пропадет звук, потухнет разум, исчезнет пульс. И погружение в бездну времени и пространства начнет набирать скорость. Да! Да! Сама смерть подсказывает мне, как именно будет происходить мое пленение вечностью. Чтобы хищники не разодрали меня в клочья, чтобы мое тело невредимым легло на грунт, необходимо надеть на себя костюм из плотной ткани. На ноги надеть ботинки альпиниста, лицо скрыть под маской ныряльщика. Правда, утопленники нередко всплывают. Поэтому необходимо себя утяжелить. К ботинкам можно привязать якорь. В судовом ангаре я найду подходящий: около ста фунтов, пожалуй, будет достаточно. Главное, быстрее добраться до дна. Там и будет мое вечное пристанище». Человек, целенаправленно готовящий самоубийство, именно так, скрупулезно расписывает в воображении последовательность поступков, ведущих к концу. Князь Иверов позвонил своему помощнику старику Вяшону и отдал распоряжение подготовить к пяти утра необходимое снаряжение для выхода в море. В ответ на удивление слуги по поводу столь странной экипировки Андрэ не мог придумать ничего другого, как заявить, что ему, быть может, вздумается вызвать вертолет, чтобы слетать к вечным снегам Альп. «Но для чего маска и старый якорь?» — с удивлением подумал верный Вяшон.

Между тем князь, уверовав, что нашел единственно правильное решение, заканчивал приводить дела в образцовый порядок. Папки с файлами для каждого, с кем он

хотел проститься, перед кем выполнить свои последние обязательства, одна за другой ложились на жесткий диск его компьютера. Его кабинет походил сейчас на офис нотариуса, а образ мыслей вполне соответствовал бы умонастроению стряпчего окружного ведомства перед визитом ревизора. Господин Иверов настолько увлекся составлением различных финансовых распоряжений, что в какой-то момент совершенно запамятовал о категорическом решении уйти из жизни утром, но тут чей-то настойчивый стук бесцеремонно вторгся в его занятия. Он машинально взглянул на часы. Было 19 часов три минуты. Пребывая в благодушном филантропическом расположении духа и плохо осознавая, что происходит вокруг, он открыл дверь. Но там никого не было. «Что за наваждение? — пронеслось в его голове. Тут он вспомнил о своем главном решении и усмехнулся. — Смерть напоминает о себе, торопит в дорогу». Перед его мысленным взором с какой-то неотвязной настойчивостью стали проплывать картинки самоубийства. «Нужно срочно собираться в дальний путь. Сколько красивых и дельных мыслей давеча осаждали меня. Сколь замечательные подробности ухода являлись мне. А я ровным счетом ничего не сделал. Чтобы на рассвете выйти в море, нужно спешить. А гроб и венок будет нести сам покойник, — князь рассмеялся. — Никогда не думал, что к такому банальному решению приведет меня собственный разум. Неужели это действительно все, на что способно мое «я»?» Иверов с грустью осмотрел свой кабинет и случайно зацепился взглядом за книгу Луи Ланвиля «*Vuthus occitanus*». — «Членистоногое, жалящее, ядовитое существо. Скорпион, оказавшись в безвыходной ситуации, убивает себя смертельным ядом». Неужели мне предстоит уподобиться этому паукообразному, с его самоубийственным

инстинктом? Но почему? Неужели мой мозг не найдет ничего более захватывающего? Что за слабый финал! «Мир — это воля моя, мое представление о мире», — вспомнил Иверов Артура Шопенгауэра. — В последнее время я постоянно внушал себе, что сей мир мне наскучил. Что нет в нем ничего такого, что могло бы меня заинтересовать. Но энергетическая стихия сознания еще переполняет меня всего. Вполне возможно, что идеально подготовленный конец бытия вовсе не так закономерен и гармоничен. Я хочу развоплотиться! Но, может быть, на этом этапе стоит попробовать ревоплотиться? Усложнить, разнообразить задачу, внести в нее элемент парадокса? Потянуться к некоему антимиру, распахнуть ворота в трансцендентность, перейти в виртуальность? А что, если попробовать? Ведь с точки зрения вечности умереть сегодня или через год, десять, сто лет — несущественно, вопрос упирается лишь в собственную волю к жизни. Но она гаснет во мне... Что же тогда мешает познать все уголки сознания, его закоулки и неразгаданные тайны? Открыл ли я себя до конца? Понял ли свою суть полностью? Я познал лишь благополучие. Я знаком лишь с одной стороной медали. А как быть с другой? С темной, не освещенной солнцем? Пронизанной скорбью, униженной бедностью? Если к этой стороне жизни я совершенно равнодушен, тогда вперед, в глубины океана! Но так ли это? Могу ли я, стоящий на плахе, поклясться, что всецело познал самого себя? Нет! Такую клятву из меня не вырвешь! Можно ли выбросить недочитанную книгу, если в первой части она увлекала словом и сюжетом? Вопрос не к здравому смыслу. Видимо, так всегда, перед казнью у осужденных вдруг возникает желание произнести последнее слово. Именно такая потребность пробудилась во мне сейчас. Да! Так. Перед тем как развопло-

тяться, необходимо понаблюдать за собой в виртуальности. Потянуться к грезам сознания, попытаться найти себя в трансцендентном. В изнанке мира! Кроме того, меня всегда будет успокаивать то обстоятельство, что приспособления, помогающие мне убраться из земного измерения, всегда под рукой».

Именно в этот момент Иверову вдруг открылся новый путь, иная стезя. Душа и сердце князя властно потребовали от него прибиться к стае обездоленных, вкушать на пиру нищих, ютиться в подвалах. Нежданный вихрь странных желаний захлестнул и ошеломил князя дикой новизной и силой чувств. Болезненное, давно зревшее и наконец прорвавшееся наружу влечение к изнанке мира, предстоящий фантастический путь к абсолютной убогости существования и одновременно — к новым философским высотам бытия показался прозрением. «Я знал, я был уверен, что мой разум отыщет какой-то неординарный, но единственно верный путь к познанию масштабов человеческой сути. Изнанка разума, изнанка повседневного, привычного бытия — обратная сторона роскоши, светского времяпрепровождения, вседозволенности. И антимир, антикрасота — вот что мне предстоит испытать, чтобы признаться самому себе: «Есмь человек!» Из князи — в грязи, добровольно, по своей охоте. Еще не испытанные чувства будоражат меня своей новизной. Я был властелином финансового мира, отныне стану господином зловонных трупов. Я безудержно удовлетворял желания, присущие многим сильным мира сего. Теперь же буду наслаждаться тем, чего все остерегаются и избегают, — убожеством и смрадом. Я был завсегдаем многих известных домов Европы — теперь стану обитателем ночлежек и подворотен. Я носил одежду известнейших кутюрье — теперь облачусь в перелицован-

ные лохмотья из мусорных свалок. Меня приветствовали хвалебными речами — теперь же я стану выслушивать хулу, терпеть издевательства. Я был вознесен выше всех, я принадлежу к мировой элите — теперь я паду ниже низкого, стану князем отбросов, сточных и выгребных ям. А ведь совсем недавно, еще мгновение назад я хотел покинуть этот мир, не испытывав, не прочувствовав его изнанки. Какое невосполнимое упущение! Человек должен познать на собственной шкуре, что милее его сердцу и разуму: радость славы, власти и безмерного богатства или позор, унижение и нищета».

Похоже, господин Иверов обрел, наконец, свой собственный рецепт, как возбудить угасший интерес к жизни. Он нашел глубокий смысл в том, чтобы сменить маску успеха на карнавал нищеты. Казалось, он уже был готов отправиться в это порожденное душевным кризисом путешествие, чтобы познать страдания, поругания, злобу. Стать затравленным изгнанником, пасть на самое дно общества. Но один простой вопрос «где?» ставил его в тупик. Где найдет он такой антимир? Как в Ницце, на Лазурном берегу, в Париже, во всей Франции отыскать общественное дно? Чудовищную клоаку, а не ступени Нотр-Дам или клошаров под мостами Парижа. «А почему, собственно, в Ницце или в Париже? — подумалось ему. — Может, податься в Египет, Нигерию? Нет... Нет! Россия! Именно Россия! Страна великих контрастов! Земля моих предков. Да! Да! Необходимо собираться в Россию. Это как раз то место в мире, где унижается личность, где попирается право, где правит насилие! Вперед, в Москву. Навстречу унижению, произволу, мракобесию. В России проще всего удовлетворить желание быть униженным и оскорбленным». Он вспомнил своего деда — Андрея Константиновича Иверо-

ва. Добрейшей души человек, именно ему Андрэ обязан тем, что научился испытывать гордость за свое русское происхождение. Именно он приобщил внука к великой культуре талантливого народа, живущего — от берегов Балтии до Курил и от Черного до Белого морей. В его памяти всплыл голос деда: «Наш странный народ в несчастье и горечи постигает блаженство жизни. Если ты потеряешь себя здесь, попробуй найти себя в России, где память и следы твоих предков. В России совсем другая жизнь, там Бог и дьявол живут под одной крышей. Чтобы познать все стороны современного мира, необходимо пожить в этой стране». Россия становилась для Иверова пленительной мечтой, новой точкой опоры, Ангелом-спасителем болезненной души. Приняв решение, он по-настоящему воспрял духом и начал строить долгосрочные планы. Он вспомнил, что имеет двойное гражданство. Во времена Горбачева советский посол во Франции господин Дубинин вручил ему паспорт и настоятельно рекомендовал посетить историческую родину. Власть имущие эпохи перестройки заигрывали с французской элитой, искали контакты с соотечественниками. Но красный паспорт лежал в сейфе невостребованным. Андрэ Иверов так и не удосужился побывать в России. «Он уже просрочен, но это не беда. В понедельник утром необходимо оказаться в Марселе в Генеральном консульстве. Продление паспорта не займет много времени. А как мой русский? — спросил он себя. — В последний раз я говорил на нем четырнадцать лет назад на приеме в посольстве СССР во Франции по случаю визита Горбачева. Впрочем, я читаю достаточно много русской классики. Особых проблем в общении не будет. Но у меня теперь совсем другая философия: чем хуже, тем лучше. Открытие это необходимо держать в строжайшем сек-

рете. Чтобы за мной не понеслись толпы людей моего класса из мира упадка и декаданса. Знаю, слышу, догадываюсь: многие из нас в таком же поиске новой философии. Тирании вещизма, положительному сальдо капитала и собственности, миру стяжательства и глобализации может противостоять мироощущение открывателя новых чувств, душевных движений, источников радости. На дне находить жемчужины счастья, в побоях и оскорблениях — отраду самоуничужения. Это ли не всеохватное постижение человеческой природы? Ее диапазон — от высочайшего из Божественного к низжайшему из дьявольского. Радость грехопадения должна быть столь же возвышена, как праведное деяние, продиктованное десятью заповедями. Наказуемым пусть останется лишь убийство. Все остальные давно стали анахронизмом. Увы! Если эта тема будет задевать меня и дальше, я буду вынужден сесть за написание нового Домостроя». Господин Иверов стал размышлять над необходимостью обновления нравственных устоев средневекового христианства как культурного фундамента современного мира. Новые идеи понемногу оттесняли в его взбудораженном сознании план переезда в Россию, настоятельное требование души обновить смысл собственного бытия. Мгновенно вспыхнувшее стремление стать религиозным реформатором, подобно Лютеру, свидетельствовало о нездоровом состоянии духа. Воспаленные мысли, обгоняя друг друга, неслись нескончаемым потоком, словно вереницы автомобилей, вынырывающих из тоннеля под Монбланом. Полная виртуализация происходящего совершала с князем чудеса: казалось, никакая сила во вселенной не смогла бы убедить его, что он грезит наяву, находясь в плену большого воображения. Иверов почувствовал себя спокойным и удовлетворенным, как и большин-

ство счастливых людей, не подозревающих, что обмануты хитросплетениями собственного «я».

Перед ним висела литография картины Гогена «Автопортрет с «Желтым Христом». Черные мечтательные глаза Андрэ Иверова смотрели на Спаса, словно желая воскресить его. Но именно в этот момент неведомый голос нашептал Иверову древнюю мудрость: «Блажен и отрешен, кто открыл в себе истину, кто поощряет фантазию пылкой души».

Глава VI

Красотка Жаклин Марч и тучная дама Анна-Валери Болль возвращались на «Вейроне» ЕБ 16,4 из деревушки Коразен в Ниццу, на мега-яхту «Святой Дух». Всю вторую половину дня они провели в долгих разговорах за столиком рестораника Гастона де Песто. Дамы приступили к обсуждению плана, как именно построить игру, чтобы получить тридцатимиллионный гонорар. И почему, собственно, только тридцать? Есть ли шансы получить больше? Стоит женщинам, в которых вселилась страсть к наживе, начать плести интриги, тут уж держись! Никто лучше их не владеет тонкостями хитроумных ходов и комбинаций.

Солнце неторопливо погружалось в морскую пучину. Алые отблески озаряли белоснежную яхту и скалистые склоны заснеженных Альп. Было около восьми вечера. Капитан яхты господин Пьер Дюлар стоял на пирсе. Он отвечал на вопросы публики, разглядывающей судно. «Святой Дух» вызывал всеобщее любопытство. Со всех сторон щелкали фотоаппараты, жужжали камеры, комментарии капитана записывались на диктофоны и в блокноты, а корабль, как ни в чем не бывало, царственно покачивался на

бирюзовой глади бухты Ангелов. «Господин Иверов на судне?» — спросила капитана Анна-Валери Болль. «Да, мадам!» — «А госпожа Понсэн?» — «Нет, мадам. Но через полчаса она вернется. А я к вашим услугам», — мило улыбаясь, сказал Пьер Дюлар. — «Спасибо. Мы посидим в гостиной». Капитан помог обеим женщинам подняться на борт яхты, а сам остался с публикой.

Гостиная была пуста. Госпожа Болль разлила сок в два стакана. «Тебе с кампари?» — обратилась она к Жаклин Марч. «Нет, благодарю. Лучше чистый сок. Я сегодня выпила слишком много кофе. Скажи, пожалуйста, где мне искать Иверова?». — «Piano, Signora. Un momento». Давай спокойно выпьем, а потом ты можешь отправляться к нему. Ты найдешь его в спальне или в кабинете. Сегодня вечером начинается операция «беременность». Если князь совсем тронется умом, а ты возьмешь и родишь ребенка, то все его состояние перейдет к тебе. Помни это, партнерша!» — «О'кей! Но я не очень полагаюсь на этот вариант. Ему за сорок, а детей у него все еще нет. Может, он стерилизован?» — «Нет же. Только мне известны три беременности. В первом случае был выкидыш, второй раз он откупился, не желая иметь от нее ребенка, в третьем — женщина была замужем, и ей пришлось делать аборт. Видимо, были и другие истории... Около восьми вечера к нам прибудет госпожа Паппалардо из Италии. Ее услуги оплачиваются в шестизначных цифрах евро. Не волнуйся! С помощью этой великой мастерицы мы немедленно вводим в игру методику «приворачивания». Берется сироп из розовых цветков рододендрона с подножья Везувия, порошок из высушенных морских голубых перьев пеннатулы со скалистого дна острова Капри, соус из измельченных корней тутовни-

ка, коракоидная кость мышцы Кимберли и варится зелье, способное приворожить самого Люцифера. Правда, мне придется профинансировать тебя. Но я не зря вступила в игру и рискую своим скромным капиталом. Мне очень хочется переплюнуть эту чертовку с задиристым носом, госпожу Понсэн. Она и не подозревает, с какой демонической силой ей предстоит вступить в борьбу. К концу недели мы введем тяжелую артиллерию: под руководством Холгера Урмерсбаха начнем выполнять тайные рекомендации черной магии. Магистр Урмерсбах в быту большой шалун. Когда он обнимает мою грудь, он мурлычет себе под нос: «Mein sechs Schnitzel Busen. O, mein sechs Schnitzel Busen. Wahnsinn! Ich bin der grosse Fresser meiner Leidenschaft!»¹. Как тебе нравится — шестишнитцелевая грудь? Когда магистр целует мои губы, он поминутно повторяет: «Die schmecken wie Ulmer Rotwurst»². Не правда ли, жуткий образ: ульмские красные сосиски? Тьфу. Это чисто по-немецки. У них во всех ощущениях присутствует желудок. Я уверена, что у немцев есть и такое выражение высшего удовольствия: «Эта женщина доставила мне в любви наслаждение, равное десяти выпитым кружкам пшеничного пива». Или: «Меня тянет к этой красотке как к хрустящей голенке с квашеной капустой и гороховым пюре». По методике Урмерсбаха, дорогая, у тебя трехшнитцелевая грудь. Немцы могут еще сказать: «Грудь размером с клецку по-швабски». Странно, нас разделяет всего лишь стометровое русло Рейна,

¹ «Моя шестишнитцелевая грудь. О моя шестишнитцелевая грудь. Сумасшествие. Я одержим страстью великого обжорства». (нем.).

² «Они вкусны как ульмские сосиски». (нем.).

а Германия для меня — все равно что другая планета, terra incognita где-то на краю земли, — госпожа Болль пригубила кампари с апельсиновым соком и продолжала: — Жаклин, разум Иверова обессилел, как сирокко у вечных Альп. Мозги человеческие такое долго не выдержат. Вот тогда-то Элизабетт Понсэн безраздельно завладеет всем огромным состоянием князя Иверова. А я умру от зависти. Ей самой уже за шестьдесят пять. У нее в жизни нет никого, кроме бурого капуцина. Помимо постоянных забот об Иверове, у нашего юриста осталась одна-единственная радость — кормить своего питомца. Она накапает экзотических фруктов и глазееет, как фавн по кличке Мишель поедает их. Я совсем не удивлюсь, если юрист напишет завещание в пользу смышленной обезьянки, из почивших сородичей которой чародеи и магистры черной магии готовят таинственные яды. Тьфу! Нынче во Франции модно завещать состояние домашним животным. У нас теперь тысячи новых миллионеров: попугаи, питоны, макаки, хаусы, тарпаны, скалистые даманы. Необходимо действовать. Решительно и изобретательно. Нельзя допустить такое вероломство и несправедливость». — «Вы слишком далеко зашли в своих фантазиях, — с раздражением сказала модистка. — Иверов на судне. Его рассудок не вызывает у меня никакого беспокойства. Более того, Анна-Валери, способность князя оригинально мыслить, очаровательно общаться и нравиться открыли мне в моей собственной душе такие тайники, о которых я совершенно не подозревала. Я почувствовала себя обновленной. Какая-то неведомая сила властно манит меня к благородству. По дороге из Кроазен во мне произошло раздвоение личности: меня то резко бросало в сторону оголтелого коварства, то тяну-

ло к нежности, к желанию не только по-настоящему нравиться Иверову, но и любить его всем сердцем». — «Чушь. Не хочу слушать эту галиматью. Остановись, женщина! — вскричала госпожа Болль. — Князь не может никого и ничего любить, кроме абстрактной идеи или символа. Он не человек в собственном смысле слова. Он ангел, он бестия, он фабрика фантазий. Ему недостает постоянства, свойственного цельному мужчине. Иверов в вечном поиске, в неизбывных сумасбродных желаниях. С состоянием в несколько миллиардов евро можно позволить себе быть странным, непонятным, загадочным. Можно создать себе имидж идиота и наслаждаться им от всего сердца! Со всей пламенной страстью! Люди, владеющие миром, пробуждают в себе мучительную любовь лишь к непостижимому, — от волнения Анна-Валери закурила. — Постарайтесь немедленно забыть ваши сердечные причуды и раздвоение сознания. Перед нами — больное, пока что живое, симпатичное существо. И у нас детально разработанный проект. Нас всерьез интересует капитал этого странного господина, состояние, к которому он сам совершенно безразличен. Более того, именно это огромное богатство наносит князю непоправимый вред, ухудшает его душевное здоровье. Вся глубина моей привязанности и уважения к Иверову убеждает меня, что его полное разорение пойдет ему самому только на пользу. Впрочем, теперь я думаю не о нем, а о тебе, Жаклин, и о нашем проекте. Пять процентов его капитала, письменно обещанные мне, — кругленькая сумма, дорогая Марч. К слову, мои расходы на итальянскую колдунью и немецкого магистра черной магии после завершения проекта я вставлю тебе в счет со ставкой либор плюс три процента». — «О'кей! О'кей! Я пройду по палубе. Мне хо-

чется побыть одной», — австралийская красотка походкой «дефиле» вышла из гостиной.

Голова Жаклин Марч шла кругом. Смешанные чувства роились в ее взбудораженном сознании: злобное презрение к планам госпожи Болль и нежность к Андрэ Иверову чередовались с пламенной мечтой стать владелицей несметного состояния. Время шло. Жаклин всматривалась в дали Лигурийского моря, словно надеялась получить подсказку от самой природы. Но ответа не было. Беспорядочные мысли лишь усиливали ее отчаяние, а собственная несамостоятельность и безволие ужасали. Она выкуривала одну сигарету за другой, но сумбур в голове лишь усиливался. Жаклин Марч готова была сбежать с мега-яхты «Святой Дух», чтобы попытаться обрести себя вновь в толпе гуляющих по Английской набережной Ниццы. И вдруг она услышала за спиной незнакомый женский голос с итальянским акцентом: «Добрый вечер. Вы — Жаклин Марч? Я — Сисмонда Паппалардо из Флоренции, с правого берега реки Арно». Модистка обернулась: в нескольких метрах от нее стояла остроносая худючка — дама слегка за сорок, с рыжим каре. Брови черной дугой, казалось, брали в плен большие, агатовые, колдовские, с прищуром глаза незнакомки. Она склонила голову, как послушница во время обряда пострижения, а ее острый нос, длинный, выразительный подбородок и смуглый цвет кожи делали ее похожей на загадочные персонажи фресок Бронцино. Темно-рыжее до пят платье госпожи Паппалардо гармонировало со странным отливом ее волос, и весь облик незнакомки был окутан таинственностью. Красотка из Лондона, внезапно оторванная от своих тягостных размышлений, внезапно почувствовала какую-то непонятную силу в глазах итальянки. «Я прибыла

сюда, чтобы с помощью своего ремесла положить к вашим ногам князя Иверова — как жертву глубокой любви и полной покорности», — ее голос звучал странно глухо. Она подошла вплотную к юной особе и сжала ее руку. Прямо глядя в ее глаза, она властно произнесла: «Отныне вы будете слушать только меня. Теперь я — повелительница вашей души и тела, я — Сисмонда Паппалардо, Кассандра из Флоренции — становлюсь хранительницей всех ваших тайн». Сногсшибательный гипнотический удар обрушился на преуспевающую модистку. Она словно окаменела. Таинственная внутренняя сила флорентийки, весь ее властный облик, загадочный голос, казалось, полностью подчинили себе госпожу Марч. На глазах модистки выступили слезы отчаяния. Паппалардо костлявым указательным пальцем начала рисовать на ее лице какие-то непонятные знаки. «Орошай свою душу слезами, — шептала ей Сисмонда, — изгоняй из себя безволие, наполни свое сердце страстным желанием подчинить себе Иверова, встрой в свой мозг чип, постоянно заставляющий тебя обладать и повелевать этим человеком. Настрой свое «я» на мою эзотерическую волну и поминутно слушай приказ: «Ты должна победить князя». Итальянская ведьма крепко-накрепко прижала к себе Жаклин Марч. «Мы выиграем этот поединок. Чем сильнее твой дух, тем ближе заветная цель. Чем дальше от сомнений, тем ближе к Иверову... Да, кстати, где моя приятельница Анна-Валери? Ну-ну, милочка. Приди в себя. Будь моим гидом на этой сказочной яхте и разыщи мне Болль».

Когда две женщины вошли в гостиную, госпожа Болль готовила себе кампари с апельсиновым соком. «Oh, mia cara fiorentina. Ti saluto sulla Costa Azzura. Grazie per aver trovato la possibilita di venire a Nizza. Ti aspettano un soggetto

interessante e un lavoro ben pagato»¹. Анна-Валери подняла узкие брови и устремила на итальянку исполненный доброжелательности взгляд. «Я уже приступила к ней. Твоя клиентка — миленькая девчушка. Впрочем, я совсем не уверена, что ее характер столь же мил, как и ее внешний вид. Но мужчины клюют на внешние эффекты. Надеюсь, она не понимает итальянского. Мне бы теперь хоть краем глаза увидеть другое действующее лицо интриги — самого князя Иверова». Постукивая худющими пальцами по вытянутому подбородку, госпожа Паппалардо заинтересованным взглядом осматривала гостиную. Блеск агатовых глаз выдавал в ней человека, в чьей голове рождались увлекательные мысли. «Выпьешь чего-нибудь?» — спросила Болль. «Да! Пожалуйста, минеральную воду с лимоном. Дорогая Болль, мне припомнился один неаполитанский анекдот, — Сисмонда вплотную подошла к Анне-Валери. — Ранний клиент вошел в парикмахерскую и поинтересовался, сколько стоит сбрить бороду. «Семь тысяч лир», — ответил цирюльник. — «Семь тысяч?» — «Да! Семь тысяч». — «За семь тысяч я согласен». — «Прошу в кресло». Мастер намылил клиенту бороду и принялся брить. После того как с одной стороной лица было покончено, он бросил бритву, сел в кресло и развернул газету. «В чем дело?» — поинтересовался клиент. — «После девяти утра мой тариф увеличивается в два раза...» — «Так что мне делать?» — «Платить четырнадцать за все лицо или семь за его половину», — закончила Паппалардо. «Насколько ты желаешь поднять сумму контракта?» — прищурившись, спросила

¹ «А, моя дорогая флорентийка. Я приветствую тебя на Лазурном берегу. Спасибо, что нашла возможность прибыть в Ниццу. Интересный сюжет и хорошо оплачиваемая работа ждут тебя». (Итал.)

флорентийку госпожа Болль. Колдунья побарабанила пальцами по стойке бара, взяла стакан и стала потягивать минералку. «Дорогая Болль. История о влюбленной девушке и избалованном женским вниманием богаче, которую ты мне рассказала по телефону, представляется мне несколько опозитизированной. Я успела разглядеть в душе Жаклин, кроме общего житейского хлама, заинтересованность совсем иного свойства. Расшифровать ваш план не составило большого труда, а ваша цель очевидна и прозрачна. Капитал! «Money, money, money», — взывает весь мир. Дорогие дамы, в этом хоре я слышу и ваши очень громкие, несмолкающие голоса. Упаси Бог, я отнюдь не осуждаю вас! Более того, я хочу присоединиться к вашему хору. Надеюсь, что вы сможете услышать и различить и мой клич. «Money, money, money» Это пьянящее сочетание букв, категория абсолютной свободы, субстанция почти божественная. Чем больше денег — тем шире мир познания, слаще вкус жизни, тем глубже ощущение радости бытия. Берите меня в партнеры, протяните мне кусочек этого вкуснейшего пирога — и я открою перед вами сердце и душу Иверова. Он будет послушен Жаклин, как зверь дрессировщику, как ревностный католик — Папе Римскому. Я жду ваших предложений, чтобы использовать богатейший инструментарий магии и оккультизма для ломки и подчинения души человеческой», — глаза Сисмонды полыхали невероятной страстью. «Сколько же вы хотите?» — сухо, глухим голосом спросила красотка Марч, растерянно взглянув на итальянку. «Семь процентов от всех активов». — «Как? — изумилась госпожа Болль. — Мы согласовали сумму в сто пятьдесят тысяч евро». — «Вы намерены взять сотни миллионов, а главному строителю этого замечательного дела предлагаете сто пятьдесят тысяч? Да это гра-

беж, милые дамы. Меньше чем о семи процентах я и слышать не хочу. Мои вещи в гостинице «Виндзор». Я с удовольствием проведу воскресный вечер в ресторане «Шантеклер». Обожаю здешних улиток в соусе из винного уксуса, кориандра, базилика, оливкового масла и ягод можжевельника. «Да» — или я сегодня ужинаю одна!» Ответ не заставил себя долго ждать. «Я согласна», — прошептала Жаклин Марч. Она была утомлена обрушившимися на нее переживаниями и чувствовала себя совершенно разбитой. Внутренний голос подсказывал, что именно эта дьявольская женщина поможет ей покорить столь заоблачную вершину, как князь Иверов. «Я готова подписать документ, обязывающий выплатить вам семь процентов от всех активов, которые перейдут мне от Андрэ Иверова. Но что конкретно вы сможете сделать? Госпожа Болль взяла с меня аналогичную расписку, но насколько я понимаю, ее миссия закончилась на знакомстве с вами. Остальную работу вы берете на себя? Или появится кто-то еще? Тут шла речь и о магистре черной магии». — «Детка, великие художники рисуют картины. Но ведь холст еще не товар, не деньги. Живописец может творить, но он беспомощен в продаже своего труда. Поэтому он несет картину галеристу, как грешник свою душу — дьяволу. Галерист получает еще не товар, а идею в образах и цвете. Этот продукт становится товаром, когда продавец обогатит его множеством завораживающих слов. Эффектно продать идею — здесь требуется великое мастерство. Шарлатанство! Поэтому за проданную картину галеристы берут в два-три раза больше, чем остается художникам. Возьмем наш случай. Ты, например, это картина, идея, инструмент. Я или мы — галеристы, реализаторы, продавцы этой идеи. Так что по стандартам современного бизнеса ты обязана отдать более пяти-

десяти процентов так называемым «галеристам». Потому что без них тебе не достигнуть заветной цели. Если для дела понадобится магистр черной магии, значит, нужно брать и его в команду и выплачивать ему долю от всего бизнеса. Цифру определит он сам. Мы же не требуем деньги вперед. Только после успешного завершения дела, когда ты станешь владеть миллиардами. Так что пиши обязательство о семи процентах и будь готова для достижения цели платить еще и еще. Скажи, дорогая Анна-Валери, какой суммарный капитал у князя?» — «Я думаю, около шести миллиардов евро». — «Ты уверена?» — «Во всяком случае, не меньше. Прошу вас быстрее готовить ваши документы. Скоро появится госпожа Понсэн. Тебя я представила своей подругой. Ты менеджер спортивных звезд. В свободное время любишь раскладывать пасьянс и гадать на картах. Может, ей захочется погадать, и ты поймешь, что у нее на уме».

Едва Жаклин Марч подписала свои обязательства, а госпожа Паппалардо подготовила два похожих на чайные мешочки приворота по рецептам древних магических книг, как в гостиную вошла юрист князя Иверова. Юрист была явно чем-то обеспокоена. Казалось, за последние часы произошло нечто такое, что основательно встревожило ее. «Что случилось, дорогая Элизабетт? — обеспокоено бросила Анна-Валери. — На тебе лица нет. Познакомься, это госпожа Сисмонда Паппалардо, моя приятельница из Италии. Я тебе о ней рассказывала». — «Добрый вечер, мадам», — сказала итальянка. «Добрый вечер, добрый вечер! — торопливо ответила Элизабетт Понсэн. — Жаклин, у меня плохие вести. Андрэ дал распоряжение своему помощнику Вяшону подготовить к пяти часам утра глассер, плотный костюм, тяжелые аль-

пинистские ботинки, веревку и старый, в сто фунтов якорь. Ума не приложу, зачем могут понадобиться такие странные вещи ранним утром в открытом море. В шесть утра уже тепло — двадцать-двадцать два градуса, а он в тяжелых ботинках альпиниста. И этот старый якорь... Не знаю, что и думать!» Сказанное госпожой Понсэн глубоко взволновало и озадачило присутствующих. Первой пришла в себя Анна-Валери Болль. «Моя дорогая Сисмонда, разложи карты. Может быть, они подскажут нам, что происходит с нашим другом Иверовым? Что за странные сборы наметил он на завтрашнее утро? А если это самоубийство? — почти вскрикнула она. — Не может быть! Я его не выпущу из спальни! Надо запереть его вместе с Жаклин, и пусть она вернет его нам!» — «Минутку! Не торопитесь впадать в истерику. Мои карты сейчас покажут все», — флорентийка наспех разложила карты. Десятки треф и семерки пик на столе не оказалось. Паппалардо собрала карты, тщательно перемешала, и они опять в строгом порядке легли на стол. Гадалка не сводила глаз со своих инструментов, помогающих ей вглядываться в будущее, подобно капитанам судов, рассматривающим морские карты, чтобы нанести на них лоции. Дамы окружили ее, с волнением наблюдая за происходящим. Длинные, костлявые пальцы колдуньи бегали по картам, как руки пианиста по клавишам. Казалось, Паппалардо хотела дотронуться до каждой из них, чтобы чутьем уловить таинственные сигналы, подаваемые разноцветными изображениями коронованных особ. «Не вижу я никакого самоубийства, — сказала она. Ее агатовые, полные внутренней энергии глаза, излучали демоническую силу. — У него завтра встреча в казенном доме с каким-то крупным чиновником. Чиновник получит от Иверова какую-то до-

рогостоящую вещь, и эта встреча для князя закончится полным успехом. Он решит все свои проблемы. Но внутреннее состояние персоны, которая нас интересует, улучшается. Он нашел ответ на волнующий его вопрос и собирается в дальнюю дорогу». — «В Сантьяго, на встречу акционеров компании «Naryde»?» — нервно заинтересовалась юрист. «Технология моего мастерства и искусства отличается от методов и стиля работы телеканала F-3, ведущего съемки по следам событий. Я смотрю в будущее, они же в своих передачах отражают настоящее. Ко всему прочему, я не профессионал. Гадание на картах и кофейной гуще — мое хобби. В одном я вас могу заверить — завтра у Иверова будет ничем не примечательный деловой день с мелкими хлопотами и обычными человеческими переживаниями». — «Хочу верить, но боюсь. Сердце предсказывает какую-то беду. Для чего ему понадобился старый якорь?» — Понсэн откинула голову назад, и тень легла на ее лицо. — Если князь уйдет из жизни, я последую за ним. Что еще удерживает меня на этом свете?» — «Дорогой друг, Элизабетт, — голос госпожи Болль дрожал, — моей приятельнице Паппалардо можно довериться. Она прекрасная гадалка и предсказательница и говорит, что не видит ничего страшного. Я ей верю. Но это не означает, что угроза полностью миновала. В какую дорогу он собирается, каким будет его следующий шаг? Вот о чем нам следует подумать, чтобы предотвратить худшее. Сейчас самое время послать к Иверову Жаклин». — «Я попрошу его выйти ночью в море на яхте «Святой Дух», — с озабоченным видом начала модистка. — Но в каком направлении?» — «В сторону Корсики, это около ста сорока миль к юго-востоку. Если он откажет тебе, сославшись на важное дело, не оставляй его одного ни на минуту, — бедняж-

ка Понсэн была серьезно обеспокоена всем происходящим. — Если тебе понадобится помощь, немедленно звони мне по судовому телефону ноль пять или нажимай красную кнопку. Она установлена во всех помещениях и во всех проходах. Он сейчас в своей спальне. Поторопись». — «Паппалардо, проводи красотку, — сказала Анна-Валери, — подскажи барышне, как лучше вести себя с мужчиной». — Итальянке на ухо она шепнула другое: — «Consegnale tutti tuoi incantesimi segreti e dille come usarli. Mi sembra che l' obiettivo sia molto vicino»¹ — «Пойдем, милочка», — флорентийка взяла Жаклин под руку. Обе женщины вышли из гостиной на залитую вечерним солнцем палубу мега-яхты «Святой Дух» и направились в сторону спальни князя Андрэ Иверова. — «Вот тебе мешочек, в нем порошок, который ты должна рассыпать по всей кровати. Он вызывает у мужчин сильное эротическое возбуждение. Содержимое второго мешочка ты должна высыпать в наволочку князя. Это зелье погрузит нашего героя в блаженную нирвану, в сладостный сон счастливец. Он должен полностью забыться, и ты сможешь творить с ним все, что тебе заблагорассудится. Возьми с собой еще вот этот флакончик, — госпожа Паппалардо передала Жаклин пузырек с широким горлышком. «А это для чего?» — недоуменно, почти в испуге, спросила Жаклин Марч. «Ты должна, ты обязана забеременеть. Иногда одного контакта достаточно. А если нет, — ее рыжие волосы упали на горящие глаза, делая ее настоящей ведьмой, — в момент первой близости постарайся сама получить его семя, во втором контакте собери его сперму в этот флакончик. Мы

¹ «Передай ей свои привороты и объясни, что с ними делать. Достижение цели, кажется, очень близко. Помогите нам, Господи!» (итал.).

получим уникальную возможность на многоходовые попытки через *in vitro*¹ вызывать беременность». — «Но как это сделать?» — совершенно теряя голову, спросила лондонская модистка. «Не так сложно. Необходимо...» — женщины удалялись на корму, продолжая вести негромкий деловой разговор.

В отличие от реальной жизни мечты и сновидения виртуальны. Но если виртуальная реальность все более властно вторгается в нашу повседневность, то мысль о том, что ирреальный мир скоро придет на смену обыденному, вовсе не кажется столь уж безумной, наивной или болезненной. Уже миллионы людей предпочитают владеть вещами и собственной персоной не в реальном, но в виртуальном пространстве. Один из них, господин Андрэ Иверов, 23 июня 2002 года на своей мега-яхте «Святой Дух» после мучительного внутреннего поиска решил владеть и управлять собой и осязаемым миром самым что ни есть необыкновенным образом. То есть моделировать жизненные ситуации и имитировать чувства, не сходя с кровати, прямо в доме или на яхте. Он даже усомнился, а надо ли вообще переезжать в Россию, чтобы изведать изнанку жизни? Ведь вполне достаточно грезить наяву в домике к западу от Дъепа или рядом с монахами-бенедектинцами в Шамони у подножья Монблана. Впрочем, опыт практика-игрока фондового рынка на площадках крупнейших мировых бирж подсказал ему и другую очевидную истину — виртуальное мышление пленяет лишь натуры, виртуозно владе-

¹ Искусственное зачатие (лат.)

ющих своим знанием. Необходимо досконально знать саму суть той материи, в которой желаешь пребывать виртуально. «Если бы я вдруг оказался нищим, — подумал он, — мне не составило бы большого труда всем своим существом ощущать себя богачом и властелином мира в реальности нового измерения. Подлинное погружение в мир грез возможно лишь тогда, когда сознание в состоянии объять все богатство неисчерпаемой действительности, претворять в калейдоскоп фантазий многоцветную реальность бытия. Разве свободное репродуцирование и преобразование вымышленного — в реальное, желаемого — в действительное, виртуального — в осязаемое не является свидетельством божественной природы человека? Не доказывает его сверхъестественное происхождение и предназначение? Ведь только в реальности нового измерения человек может окунуться в бесконечность, постичь самую сокровенную суть природы, а значит, обрести изначальную сопричастность божественному. Конечность или ограниченность свойственна массовому сознанию, а бесконечность или ирреальность — показатель культурной элитарности. Он взялся за бумагу, чтобы придать своим мыслям графическую четкость. Итак, если А — способность к виртуализации — потенциально бесконечна, — то «А» означает чисто божественное. Человеческие способности к виртуальному больше нуля, но меньше бесконечности. Если способности к виртуальному больше нуля, но меньше В, а В — это способность человека к инакомыслию, переосмыслению теорий и правил, то этот человек — субъект массового сознания. Если же А меньше бесконечности, но больше В, то это человек элитарного сознания:

1. $A > ?$ — Бог.
2. $? > A > 0$ — человек.
3. $B > A > 0$ — человек массового сознания.
4. $? > A > B$ — человек элитарного сознания.

Субъекту массового сознания чрезвычайно трудно, почти невысказимо представить себе такой объект, как виртуальная реальность. А реальна ли виртуальность вообще? Божественна ли эта среда, или ноуменальный мир¹ — уловка дьявола, где воображаемое спорит с божественным? Где с величайшей точностью и правдоподобием воссоздается лживый, искривленный лукавством бесовский мир? Что произойдет с миром в результате полной виртуализации сознания, утраты реальной действительности? Станет ли мир дьявольским или обретет божественность? Именно от этого зависит, пребудет ли человек на земле с Богом или же станет скитаться в просторах Вселенной в бесплодных поисках Спасителя, чтобы избавиться от обманчивого лукавого призрака виртуализации бытия. А мне ... Мне все же лучше в Россию, скитаться среди теней прошлых поколений, искать радости жизни в изнанке бытия, в новой экзистенции, чтобы обрести то истинное, возвышенное и духовное, что я никак не могу найти во Франции. Сможет ли вообще Россия, где я по болезненному наитию мечтаю найти изнанку цивилизации, стать Меккой для моего духовного паломничества и прозрения? Разумно ли в стране до недавних пор богоборческой искать божественное исцеление? В коллективном извращенном разуме — здоровую индивидуальность? Блуждать по московским улицам в поисках необъятности виртуального, взыскуя в ни-

¹ Кантовский термин: непознаваемая «вещь в себе».

щете повседневности богатства внутреннего мира? Призрачными видениями обогащать виртуальный мир сознания? Я, конечно, рискую. Но надежду на Россию как страну обетованную в моем сердце посеял еще дед Андрей Константинович, мой болезненный разум жадно впитал и ее. Утром надо ехать в Марсель, в российское генеральное консульство. А уже вечером вылетать в Москву. Требуется лишь абсолютная конспирация. Кстати, — подумал Иверов опять о другом, — признает ли когда-нибудь христианство страсть как божественное начало, помогающее совершенствовать саму природу человека, или будет и впредь предавать ее анафеме, как флюиды Люцифера?» Андрэ Иверов стал пристально всматриваться в закрытые глаза Спасителя на литографии Гогена «Желтый Христос». Иверов словно ждал, что они вот-вот приоткроются. Утомленный напряженными размышлениями, мозг князя настоятельно требовал отдыха. Его одолевала истома, как после фундаментального научного открытия или успешно проведенной финансовой операции. А философские находки дарили душевное успокоение. Ни двигаться, ни думать, ни есть, ни пить — ничего не хотелось. Вновь обретенный смысл жизни — с головой окунуться в ее изнанку — сменил размышления о необходимости написания Домостроя-2. Он принял новую программу действий, деловито и трезво, успокоился и лег отдохнуть. Он стоял на пороге больших перемен в собственном сознании, в образе жизни, в общественной иерархии. Князь готов был полностью изменить себя, перевернуть все с ног на голову. Правда, столь кардинальное преобразование можно наблюдать, пожалуй, лишь среди пациентов желтого дома. Впрочем, там не позволяют больным осуществлять свои сумасбродные идеи — независимо от того, как они возникли, — их при-

нимаются лечить. Но действительно ли завеса самообмана скрыла от воспаленного сознания Андрэ Иверова истинные ценности? Или в этой новой концепции собственного бытия князь стал ближе к идеальной сфере бытия человеческого? Князь Иверов лежал с отрешенным видом, когда услышал настойчивый стук в дверь. «Войдите». На пороге возникла Жаклин Марч, обольстительно взирая на лежащего в задумчивости французского аристократа. Неотъемлемое качество прелестных женщин — твердая уверенность в том, что их лукавая, озорная улыбка, требующая мужской снисходительности и щедрости души, обязательно возымеет действие, и кавалеры не смогут устоять перед соблазном открыть им свое сердце и исполнить любое их желание. Именно такая улыбка сияла на лице модистки. Она больше доверяла своей красоте и сексапильности, чем колдовскому зелью госпожи Паппалардо. «Добрый вечер, Андрэ. Я целый день провела в Ницце, но почти ничего не узнала о флоре и фауне Лигурийского моря. Я уверена, что вы превосходно владеете этим предметом, — Жаклин присела на край кровати. — Расскажите мне, пожалуйста, что-нибудь». — «Для разговора о ботанических ресурсах Лазурного берега вы слишком легкомысленно одеты, — сказал он с легкой досадой в голосе, — а чисто-сердечное признание в невежестве — один из трюков молодых дам, известный прием обольщения. В моей библиотеке найдется уйма книг с рисунками и фотографиями флоры и фауны Средиземноморья». — «Вы дерзите двадцатилетней девушке? А каким были вы сами в двадцать лет? Неужели все знали, а любопытство считали пороком?» — Жаклин Марч продолжала смотреть на него влюбленным взглядом, только верхняя губа слегка подергивалась, словно при нервном тике. «Дорогая Жаклин, не обижай-

тес. Меня так захватили открытия в собственном миропонимании, что я совершенно отрезился от окружающего мира. Но не волнуйтесь, завтра утром вы получите от госпожи Понсэн свой гонорар в полном объеме. Вы совершенно свободны от каких бы то ни было обязательств, тем более эротического свойства. Снимите маску влюбленности и подумайте о том, как более выгодно пристроить свой капитал в двадцать миллионов евро. Я же хочу побыть один, чтобы продолжить свое путешествие в неведомую страну виртуальных наслаждений. Созерцание уносит меня из мира холодных, мертвых вещей и ощущений в виртуальный мир человеческих страстей, дарующих возможность перемещаться в пространстве, свободно воспарять из преисподней к небесным апартаментам ангелов, покидать собственные душу и тело, проникая во внутреннюю сущность и внешний облик других людей». — «А у вас нет желания переместиться ко мне в душу, чтобы измерить степень ее чистоты? Иверов, на моем лице нет маски влюбленности. Экстравагантный стиль общения с женщинами мешает вам понять их. Вам только кажется, что вы их знаете. Ваше заблуждение можно сравнить с ошибкой кассира банка, меняющего по просьбе клиента английские фунты на евро, но выдающего швейцарские франки. Природа такой ошибки — невнимательность и самоуверенность. Если вы примете мое предложение и заглянете в мое сердце, то убедитесь, что я по-настоящему влюблена в вас. Мне не нужны ваши деньги, я отказываюсь от двадцати миллионов. Или лучше сказать так: я возвращаю вам эти двадцать миллионов, чтобы вы взглянули в мою душу и поставили точный диагноз». — «Душа — это божественный источник. А все божественное — неизмеримо и непостижимо. Так что, милая Марч, непостижимой материи ставить диагноз,

увы, невозможно. Да дело, в общем, не только в этом. Легче всего обмануть самого себя. Я человек не для любви. Тем более страстной. Например, я знаю, что Элизабетт Понсэн любит меня как человека. Мне это нравится. Но если кто-то любит меня как мужчину, это доставляет мне беспокойство, дискомфорт и даже страх. Этим объясняется, как вы выразились, мое «экстравагантное» общение с женщинами. Раньше я легко отдавался эротической страсти, но не любви. Теперь я открыл в себе совершенно новое желание получать сексуальное удовлетворение виртуальным способом. Для этого мне совершенно не нужна партнерша. Грезы наяву мне больше по нраву, они вызывают необыкновенное по силе влечение, превосходящее реальное. В своем воображении я способен нарисовать любую по красоте женщину, воссоздать форму ее тела по своему желанию, наделить ее такими чертами характера, которые созвучны моим представлениям и требованиям. Разве не к такому идеальному миру движется человечество? Когда другие люди научатся виртуально получать эротические удовольствия, сколько жизненных проблем разрешится, какой невероятный моральный груз будет снят с души человечества! Но сколько граждан устоит перед грехопадением?» — «Вы так интересно об этом рассказываете, — сказала лондонская красотка, — что мне захотелось провести эту ночь в виртуальном контакте с вами». — «Я не возражаю», — князь опять взглянул на «Желтого Христа», словно ожидал, что с ним должно что-то произойти, — но только самым настоящим виртуальным образом. — «Прошу прощения, — Жаклин Марч улыбнулась еще шире, — но как это? Я действительно не совсем понимаю...» — «Где вы остановились?» — «В «Негреско». — «Все очень просто. Вы ложитесь спать в своих апартаментах в гостинице, а я —

на яхте «Святой Дух». Силой своего виртуального воображения я вызову вас к себе и положу рядом с собой на эту кровать...» — «Зачем силой воображения вызывать меня, — рассмеялась красотка, — я сейчас разденусь и лягу с вами». — «Такой вариант не очень желателен, но возможен. Впрочем, главное не в том, где именно мы будем физически находиться во время виртуальных утех, а в том, что между нами не будет физического соприкосновения». — «Неужели вы сможете лежать с женщиной под одним покрывалом и желать ее не плотски, а виртуально?» — в глубокой растерянности произнесла Жаклин Марч. «Не только смогу, но и действительно получу больше сексуального удовлетворения» — «Это что, одна из форм сексомании?» — смущенно спросила она. «Я открываю неведомую страницу человеческих возможностей — ухода из реального существования в трансцендентную реальность. Спиритуальное сознание сможет проделывать со мной такие чудеса не только в сексе, но на всех площадках жизнедеятельности. Любая впечатлительная натура, способная развить в себе виртуальное сознание, предпочтет фантастическую реальность банальному ходу вещей. Моя новая технология жизни увеличивает объем удовольствий, накал страсти, глубину переживаний. Виртуальный мир околдовывает, завораживает сознание прежде всего отсутствием пустого, реального быта. Человек подходит к сути вещей, к пьянящему ощущению радости жизни без утомительного груза реальности. Конечно, есть процедуры, без которых не обойтись: зайти в ванную, съесть кусок сыра, надеть теплую или легкую одежду, но все остальное — аромат вина и женского тела, запахи яблок и свежееотпечатанных купюр, перемещение в пространстве и во времени, владение ритетом или признание своей национальной принадлеж-

ности — можно без риска быть обманутым отнести к виртуальным чувствам. Я — богатый человек, и зависть окружающих к тому, чем я владею, пугает меня. В реальном мире я никогда не смогу поверить женщине, что она полюбила меня. Нежность, рожденная в ее душе и рассудке, никогда не сможет пересилить желания обладать или управлять моим капиталом. Видимо, именно это обстоятельство привело меня к виртуальному миру. Мне спокойней, а поэтому и слаще иметь женщину, да и все прочее, лишь в запредельной реальности. В виртуальном мире нет лжи, обмана и воровства. Этот мир чист, как божественное начало. Человек владеет им полностью, но главное — каждый думает, что этот мир принадлежит только ему. В реальности ничего подобного нет, он принадлежит лишь наделенным властью или капиталом. И человеку, не имеющему ни того, ни другого, невозможно представить себя хозяином мира».

— «Как тяжело вам жить, — задумчиво произнесла Жаклин Марч, — не могу себе представить, что такое возможно: мужчина лишен способности поверить, что он по-настоящему любим. Зачем тогда богатство, если душа ваша закрыта для чувств? Разве собственность и капитал не умножают радость влюбленности, а внимание и подарки любимой не усиливают остроту ощущений? Впрочем, князь, возможно, вы угадали — каждый хочет жить по собственным правилам... Но уже половина десятого. Пора готовиться к ночи. Я с огромным удовольствием принимаю ваше предложение и остаюсь у вас для виртуальной любовной близости. Полная новизна ощущений влечет, интригует меня столь необыкновенно и заманчиво, что мурашки бегут по коже. Надеюсь, вы не передумали?» — «Собственно говоря, я вас вовсе не приглашал. Да, я не стану возражать, если в моем сознании возникнет виртуальная сексуальная

сцена с вами. Но для этого вовсе не обязательно, чтобы вы лежали со мной в одной постели». — «Андрэ, эта ночь может стать моей первой виртуальной любовной историей. Но вдали от вас — не имея никакого опыта в виртуальных чувствах, я, кроме кошмарного сна одинокой женщины, ничего не увижу и не почувствую. Давайте выпьем по бокалу вина и ляжем по краям вашей огромной кровати. Красное вино повергает меня в сон быстрее, чем снотворное. Я обещаю не нарушать ваш покой, более того, мне действительно очень хочется испытать на себе, что это такое — виртуальная эротическая связь. О'кей?» — «О, это поистине божественная сила. Я помогу вам открыть ее». — «Андрэ, у меня есть вопрос, но я стесняюсь его вам задать». — «Слушаю», — Иверов впервые улыбнулся. «Для виртуального секса насколько важно, чтобы партнер нравился? Способствует ли влюбленность радости виртуальных отношений в сексе?» — «Виртуальность ума — это божественная свобода человеческого духа, — черные глаза Иверова разгорелись. — Чем более виртуально сознание, тем значительнее проявления божественного в человеке. Необыкновенное чувство абсолютной виртуальной свободы превышает всех прочих чувств и переживаний. Любовь или ненависть становятся лишь искрой, воспламеняющей виртуальную эротическую игру, как, впрочем, и крик чайки, звездное небо, обувной шнурок, лежащий на ковре в причудливой форме или бегущие к берегу барашки волн. Роль реальной влюбленности в виртуальных утехах ничтожна. Но виртуальная влюбленность имеет куда более прочные основы и глубокие предпосылки. Это уже совершенно другое измерение». — «Значит, платоническая любовь монахини к Богу может стать искрой, из которой разгорится виртуальный сексуальный порыв к Иисусу? Или даже связь

с ним?» — «Я уже говорил: чем глубже виртуализация ума — тем ближе человек к Богу. Согласно этой последовательности и Бог, имеющий черты человека, и человек, имеющий черты Бога, оказываются в одном формате времени и пространства. Поэтому сексуальные отношения трансцендентного характера между ними вполне возможны. Главное — желание сторон. Какое вино вы предпочитаете?» — «Калифорнийское. «Мондави». — «Калифорнийское вино во Франции? Это недоразумение, дорогая Жаклин! Мы в стране лучших мировых марок, а вы предпочитаете малоизвестного середнячка, американца Роберта Мондави? Только не у меня, госпожа Марч, только не на яхте «Святой Дух». — «Что вы можете предложить?» — «У меня на судне приличная коллекция. Вообще-то я предпочитаю вина Бордо всем другим. Могу рекомендовать вам из коммуны Пойак: Латур, Мутон-Ротшильд и Пишон-Лонгвиль-Комтесс-де-Лаланд девяностого года, из Сен-Жюльен: Дюкрю-Бокайю, Грюо-Лароз и Леовиль-Лас Каз восемьдесят девятого года, из Южного Медока и Марго...» — «О'кей! О'кей! Столько новых имен. Как будто изучаешь новый язык. Пожалуйста, Андрэ, я не против того, чтобы перед виртуальным путешествием в эротические грезы отведать «Мутон-Ротшильд!» Звучит просто и красиво. Надеюсь, у меня правильный выбор?» — «Отличный. Я сам схожу за этим божественным напитком».

Князь вышел из спальни. Оставшись одна, Жаклин Марч заторопилась. Она быстренько извлекла из сумочки мешочки госпожи Паппалардо. Содержимое одного мешочка — мелкие частицы неизвестных корней, цветов и еще всякой всячины — она высыпала в наволочку Иверова, а содержимое другого — мельчайший белый порошок, похожий на муку или сахарную пудру, — по всей кровати.

От второй волшебной субстанции легко потянуло пряностями итальянской кухни. Затем красотка Лондонского дома высокой моды достала из сумочки флакончик духов «Paloma Picasso» и стала распылять его на простыни. Она очень надеялась, что колдовские заготовки флорентийки принесут ожидаемые результаты. Впрочем, тягостные мысли все же не оставляли ее. Манипуляции с приворотным зельем, растерянные поиски тем для разговора, искренняя тяга к Иверову, полное неумение навязывать себя и при этом — страстное желание стать владелицей огромного состояния князя — взбудоражили ее сердце и вызвали пуганицу в мыслях. В тайниках души ей хотелось сделать все по-другому: без посредников, таинственной алхимии, преследования и заговоров. Но состояние здоровья князя, его манера вести разговор, а главное, постоянное стремление к непонятной виртуальной любви и совершенно чужому ей миру иного измерения, когда окружающий мир так прекрасен, — все это настойчиво склоняло ее к тому, что другого варианта для победы над его душой, разумом и капиталом в ее арсенале нет. Одержимая страстью успешно завершить намеченный проект, Жаклин Марч разделась. Она небрежно сбросила туфли на высоких шпильках от Jeremy Scott, пурпурное в продольных разрезах платье перекинула через раму картины Арчила Горки «Агония», висевшую на стене. Шелковое бежевое нижнее белье в белоснежных кружевах, желая подразнить князя реальным эротическим аксессуаром, набросила на литографию Гюгена «Желтый Христос». Жаклин подметила, с каким усердным постоянством Андрэ Иверов смотрел на это произведение. Обнаженная, уверенная в великолепии своего нежно-бархатного тела, она взглянула на себя в зеркало, по-детски состроила рожицу и шагнула в ванную.

Иверов деликатно постучал в дверь. Никто не ответил. Он постучал вновь и вошел в спальню. Одежда и белье госпожи Марч не произвели на князя никакого впечатления. Он, скорее всего, их вовсе не заметил. Мужчина достал два бокала, поставил их на тумбочки по обе стороны кровати, поднес бутылку «Мутон Ротшильд» 90-го года к графину и стал декантировать вино. Рубиново-лиловый напиток наполнял изящный старинный сосуд. Князь вдохнул аромат знакомого букета с оттенками винограда, жженого дуба, шоколада и черной смородины. На мгновение он мысленно вернулся к своей прежней жизни, наслаждаясь великолепием изысканного напитка. Но вскоре ностальгические чувства угасли, он вновь замкнулся в себе, обуреваемый мыслью о скорейшем отъезде в Россию. Состояние гнетущей тоски усиливалось, и князь постепенно терял восприятие окружающего мира.

Одна из самых красивых молодых женщин весны — лета 2002 года, обнаженная Жаклин Марч вышла из ванны, надела туфельки на шпильках и эротической походкой стала прохаживаться по спальне, выставляя напоказ свою необыкновенную фигуру для престранного, скучающего зрителя. Ради него одна молодая дива, имя которой не сходило с уст всех известных бонвиванов Европы, давала свой завораживающий спектакль. Опочивальня хозяина мега-яхты «Святой Дух» составляла около сорока квадратных метров, и это пространство целиком перешло во владение лондонской модистки. Жаклин подчинила его своему фантастическому телу, как музыка Моцарта — площадку фестиваля «Волшебная флейта» на Боденском озере. Изящная походка австралийки придавала всему ее облику волшебный, захватывающий эротизм. Грудь играла на упругом, подтянутом теле, как бубенцы танцующей цы-

ганки, округлости бедер ерзали как смычок Ванэссы Мэй, язычок с пьянящей негой облизывал бесподобные губы, словно покрытые нектаром Тоблерона. Жаклин Марч упивалась ощущением собственной царственной власти. Она то приподнималась на кончики пальцев, вытягивая лебединую шею, вскидывая длиннющие руки высоко вверх, то склонялась, мгновенно меняя позу, то раздвигала соблазнительные коленки — и по телу пробегала волна эротических судорог. Этот подавляющий сознание стриптиз нельзя было назвать молчаливым. Магнетизм Жаклин Марч сбивал с ног. Она могла бы вызвать сексуальный приступ у хронического импотента, ее чувственные телодвижения воскресили бы мертвого, обдали кипятком страсти обмороженного лапландца. Бог-создатель и бес-соблазнитель как будто слились воедино в едином образе.

Как всем доброжелательным людям, Андрэ Иверову была свойственна снисходительность. Он пристально и заинтересовано наблюдал за дефилирующей Жаклин, но видел совсем другое. Князь ничего не мог поделать со своими мыслями, упрямо уносящими его из реальной жизни в мир трансцендентного. Это стало чем-то большим, чем наваждение, это стало постоянной потребностью его мышления — искать и находить себя только в виртуальном пространстве и времени. Сейчас он вновь вспомнил о самоубийстве. Иверов представлял себя поглощаемым глубинами Средиземного моря, в заранее приготовленном костюме и тяжелых ботинках альпиниста. На голове маска ныряльщика, а к жесткому поясу прочной морской цепью привязан стофунтовый якорь. С острым наслаждением он мысленно уходил в беспросветную мглу морских глубин. Но именно тут ему на ум пришла совершенно неожиданная мысль: можно ли радоваться движению, ведущему к

смерти? И тут же другая мысль, наступающая, опережающая предыдущую, жестко усмехнулась ему: а разве вся жизнь человеческая - не радостное шествие к самоуничтожению? Все это напомнило Иверову почти забытые стихотворные строки Гюго. Грезя наяву, Андрэ Иверов продекламировал их:

*И толпы прокляты, и разразились громы
Над одинокими. Покоя не найдем мы
Здесь, в мире сумрачном. Как пропасти без дна -
Священники: их тьма кошмарами полна.*

*Копнешь — все рушится. Взлетаем для паденья.
Тоска смертельная!
Увы, кругом смятенье.
Так много наших грез ниспровергает век!
Так много призраков встает! А человек?
Добыча ночи он. И ей помог священник.
Ведь это человек взывает со ступенек
Ужасной лестницы мучений: «Надо так!»
Плутает род людской вслепую. Через мрак
Мерещится ему лишь дикий пламень бездны.
Итак, все пагубно? Надежды бесполезны?
Жизнь — долг, расплата — смерть, у власти Сатана,
И зло — закон, и всем геенна суждена.*

Обнаженная Жаклин Марч остановилась ошеломленная. Стихотворение неизвестного ей поэта потрясло ее и убедило окончательно в том, что князь душевно болен. Лишь этим могла она объяснить столь открытое пренебрежение и невнимание к ней. Юная особа едва сдерживала слезы. Она совсем растерялась, не ведая, как поступить

дальше и что еще предпринять. Злоба и ненависть захлестнули сердце. «Неужели и привороты Паппалардо не срабатывают?» — думала огорченная Марч. Из богини любви, способной обольстить и победить хоть сатану, она превратилась во взбалмошную, сумасбродную девчонку. Вспыхнувший на белоснежном лице румянец выдавал уязвленное самолюбие. «Он самый настоящий идиот! Читает какие-то заплесневелые стихи, когда я дарю ему себя». Поникшая и опустошенная, она дошла до постели, взяла графин и резко толкнула Иверова в плечо: «Налейте мне вина». В этот момент она готова была задушить его. Ее нетрудно было понять: в минуты своего фантастического танцевального стриптиза она, словно шаманка, погрузилась в самоабвенный транс — ей страстно хотелось любить и быть любимой. А в ответ — обескураживающее равнодушие. Такого не простит ни одна женщина. Если раньше она бывала оскорблена, когда кавалер касался ее платья, то сейчас гнев и негодование вызывало то, что мужчина не разглядывал ее с упоением и не посягал на нее. Впрочем, она довольно быстро взяла себя в руки, и ей на ум пришел другой, куда более оригинальный сюжет. Жаклин даже тихо усмехнулась: как это, дескать, такое пришло мне в голову, какая нечистая сила подсказала мне это. «Да... — приходя в себя, произнес Иверов. — Я немного забылся. Вы что-то сказали?» — «Пожалуйста, угостите меня вашим «Мутон Ротшильдом», — комок все еще стоял у нее в горле. Князь принял из ее рук графин с вином и только тут заметил, что она стоит в чем мать родила. Он усмехнулся, почесал затылок и стал разливать вино. «Что за стихи вы мне читали?» — «Я читал вам стихи? — он был глубоко озадачен вопросом. — А я запомнил. О чем они были?» — «Это был какой-то устаревший язык, и что-то такое о священнике,

злых духах и неизбежности смерти». — «Увы, Жаклин... — Иверов как-то странно, болезненно улыбнулся. Это вечные темы человечества». — «Мне вспоминается одно мудрое решение аборигенов Австралии. Интересно, как бы вы лично справились с этим. Потом я сделаю вам одно предложение. Итак, в Австралии была объявлена амнистия для всех осужденных, имеющих срок от одного дня до пожизненного заключения. Срок наказания сокращался наполовину. Имеешь год, срок сокращается до шести месяцев и так далее. Но никак не могли найти условие для осужденных на пожизненное заключение. Как быть с ними? Потом было найдено простое, но гениальное решение. Пожалуйста, ваше мнение, каким именно оно было?» — «Я так далек сейчас от всего этого... Сдаюсь. С меня подарок. Каково же было это решение?» — «А какой подарок?» — «Вы живете в Лондоне?» — «Да!» — «Тогда последняя модель «Ягуара» класса «X-8». — «О'кей! Вердикт был следующим: день сидят, день гуляют». — «Действительно, гениальное решение. С меня «Ягуар». Какой цвет предпочитаете?» — «Серебристый металлик. Иверов, есть особый смысл в том, что я рассказала вам эту историю». — «И каков он?» — «Хочу предложить вам следующий план — один день вы живете в реальном мире, другой — в виртуальном. Разве это не великолепно? День мы имеем физическую близость, другой — обнимаемся в грезах». — «Жаклин, я мечтаю полностью переселиться в виртуальный мир не потому, что испытываю затруднения в эротических играх, не по болезни или из-за навязчивой идеи. Я хочу уйти в него полностью потому, что глубоко убежден: этот мир — будущее человеческого существования. Меня чрезвычайно привлекает идея стать пионером этого мира. Только в виртуальности можно двигаться в самых разных измерениях и быть абсолют-

но свободным. Вы понимаете, что означает быть абсолютно свободным?» — «О'кей!» — бросила красотка. — Рассказывайте!» — «Современная цивилизация оказалась в тупике. Она резко затормозила перед шлагбаумом нравственных и экологических проблем. Вот важнейшее основание моей настоящей потребности существовать в виртуальном времени и пространстве. Другого ключа к будущему у человечества нет и быть не может». — «Андрэ, скажите, пожалуйста, чем вам не нравится ваша жизнь, жизнь ваших друзей и знакомых? Что мы делаем неправильно? Неужели вы единственный, кто прозрел? Не пугает ли вас это обстоятельство?» — за наивной простотой вопроса скрывалось намерение, только что родившееся в голове у Жаклин Марч, — начать атаку на образ мыслей Иверова. Она прекрасно осознавала разный уровень знаний между собой и князем. Но ей захотелось примерить на себя роль, молоденькой злочки, наивной и задиристой. «Если между нами не возникнет отношений любовников, стоит попытаться выстроить отношения, какие бывают между старшим, опытным и совсем юной, неискушенной и дерзкой от своей неграмотности молодой особой», — подумала она. «Больше всего меня пугают две проблемы: глобализация экономики и стереотипизация, массовизация общественного сознания, — продолжал он. — Элемент индивидуального в бизнесе и культуре почти полностью утрачен. Он исчезает безвозвратно, как прошедшее время. На смену ярким личностям шестидесятых-семидесятых годов приходят посредственности, люди-однодневки. Сегодня чрезвычайно трудно найти человека, с которым можно побеседовать на исторические темы, обсудить проблемы финансового рынка, провести философский диспут, поговорить о литературе, живописи, музыке. Задаешь вопрос

и наперед знаешь, каков будет ответ. Есть ли смысл с кем-то знакомиться, иметь дружеские отношения? Ведь заранее знаешь, что перед тобой плод массовой культуры. Что все страсти человеческие брошены к ногам четырех идолов: деньги, секс, кревоугодие, внешность. Мне скучно в реальном мире, поэтому я твердо решил переселиться в его виртуальный формат». — «Позвольте спросить вас, Иверов, совсем о другом: что вам больше всего нравилось в интимной близости с женщиной? Должны же вы были получать удовольствие?» Он задумался, глотнул вина, помедлил и, сделав еще маленький глоток, промолвил: «Вытирать полотенцем ее вспотевшее лицо, грудь, спину... Наблюдать за ней во время оргазма. В это время какой-то свет пронизывает женщину, ее лицо становится добрым и прекрасным, какая-то чудесная сила переполняет ее. Эти мгновения интимной близости всегда были для меня самыми удивительными». — «Вы описали их как истинный знаток-любownik. Перебирая эти воспоминания, не ощутили ли вы желания возбудить меня своими образами? Скажу вам откровенно — у вас это получилось. Я с трепетом жду ваших горячих объятий. Не прячьте свой взгляд, посмотрите на меня, любуйтесь моим телом, возьмите его, Иверов». Наступила долгая пауза. Каждый думал о своем. Красотка из Лондона мечтала, чтобы снадобья госпожи Паппалардо не подвели. Андрэ Иверов окинул взглядом всю ее великолепную фигуру, взглянул в преображенные страстью глаза, но продолжал думать об утренней поездке в Марсель, в российское генеральное консульство. «А вдруг они откажут мне в продлении срока действия паспорта?» — думал он. Молчание явно затягивалось. Очаровательная модистка не хотела сдаваться и продолжила натиск. Она положила руку на грудь Иверову и кончиками пальцев стала поглаживать

его. «Когда в последний раз вы были с женщиной? Быть может, вы просто потеряли уверенность? У мужчин это бывает. Я готова помочь вам...» — ее рука опускалась все ниже. Жаклин коснулась губами его загорелого лица, прильнула к щекам, подбородку, к черным загадочным глазам... и уже собиралась впиться со всей своей наигранной страстью в губы Иверова, как мужчина сам требовательно прижал к себе и стал целовать ее губы, грудь, все великолепное тело. Казалось, страсть охватила его. Его руки ласкали ее грудь, обнимали ноги, стискивали бедра: все это он проделывал в каком-то самозабвении. Лондонская модистка каждой клеточкой ощущала упругость и напряжение его мускулов. Шли минуты, и красотка Марч почти поверила, что победила князя, как вдруг Андрэ Иверов вскочил с кровати и закричал: «Боже, дай мне силы вырваться отсюда! Помогите мне переселиться в другой мир!» «Опять он о своем, — раздраженно подумала женщина. — Но нет, дружок, от меня ты не уйдешь. Вопреки всем твоим желаниям переселиться куда-то, во что бы то ни стало сегодня ночью ты будешь мой! Я обязана родить наследника твоего состояния. При таких мозгах, как у тебя, оно все равно быстро превратится в прах». Мужчина быстро вошел в ванную, холодной водой плеснул на воспаленное лицо, смочил голову и вернулся в спальню. «Дорогая Жаклин, — Иверов взглянул на нее, словно читая в ее душе, — не пытайтесь сделать из меня человека, пошедшего за мылом и угодившего в выгребную яму. Повторяю, что на ваше имя выписан чек на двадцать миллионов. Вы свободны от каких-либо обязательств. Впрочем, зачем ждать до завтра. Сейчас я вызову госпожу Понсэн, и она вручит вам чек немедленно». — «Прошу вас, Андрэ, не делать этого. Обещаю вам, что буду смиренно лежать на своей стороне кровати и ждать наступления грез

виртуальной любви. Пожалуйста, не поминайте больше о деньгах... С самого начала меня интересовали только вы сами, и лишь в самой ничтожной степени мой гонорар. О'кей?» — «Начнем готовиться к переезду в виртуальный мир, в сказочное пространство, где время замерло, а страсти бушуют, как океанские цунами. Впрочем, необходимо выспаться. Завтра у меня тяжелый день, я должен успеть побывать в Марселе. Так что встать придется рано». Он снял трубку и сказал: «Кали, друг мой, выезд завтра в шесть утра. «Вейрон» остается с моими гостями. Подготовь Rolls-Royce. Со мной едет Жан-Луи. Ты остаешься в распоряжении госпожи Понсэн». — «Можно мне отправиться с вами?» — кротко спросила Марч. «Пожалуйста, но с одним условием — никакой физической близости. Начинаем погружаться в фантастический мир. Там мы найдем секс, истинную любовь, интеллектуальных партнеров и огромный мир доброты и сердечности. Мы на пороге желанного мира... До встречи в ином измерении».

Глава VII

Виртуальный мир полностью овладел господином Иверовым. Его грезы казались настолько реальными, что он полностью утратил ощущение времени и пространства. А между тем был вечер. Только-только прошел мелкий дождик, и лучи вечернего солнца с трудом пробивались сквозь причудливые клочья тяжелых облаков. Господин Иверов вошел в гостиницу «Эксельсиор» на Via Vittorio Veneto в Риме, излюбленное место встреч американской элиты. Андре был приглашен на ужин госпожой Эбби Крайд, известным аналитиком фондового рынка. Они давно знали друг друга, нередко перезванивались, а иногда и встречались. Иверов не только испытывал уважение к профессионализму госпожи Крайд, но и чувствовал к ней чисто человеческую симпатию. Помимо этого он несколько раз пользовался услугами известнейшей консалтинговой фирмы «Мэрилл Линч», где служила Эбби Крайд, чрезвычайно деликатно и активно работающая в финансовом бизнесе. Посещая Европу, Крайд всегда искала встреч с Иверовым. За ужином они обсуждали мировые финансовые проблемы, положение на крупнейших биржах, фондовые рынки, ко-

тировки и доходность акций, процентные ставки и прочее. Андрэ Иверов был ярким игроком крупнейших фондовых площадок, а госпожа Крайд — известнейшим аналитиком. Их встречи приносили обоюдную пользу и всегда замечались профессиональной прессой. Весь второй квартал мировой фондовый рынок лихорадило. Высказывались самые различные прогнозы, и Иверов был заинтересован в том, чтобы выслушать мнение признанного эксперта.

Вестибюль и зал приемов гостиницы «Эксельсиор» утопали в цветах. Госпожа Крайд в белой открытой блузке и бежевых брюках стояла у ротонды с фонтаном и разглядывала мозаичное панно. В руках она держала несколько толстых журналов. Князь подошел к ней и поцеловал руку. Они обнялись. «Ты прекрасно выглядишь, Эбби, похудела. Аэробика, спортивный образ жизни, стресс?» — «Привет, счастливчик. У меня неплохая память, дружок. При каждой встрече ты непременно сообщаешь, что я похудела. Если суммировать все твои замечания, я должна была бы уже умереть от истощения. Как твои дела, Андрэ?» — «Все замечательно».

Они вошли в ресторан. Она заказала спаржу, шпинат и норвежского лосося, он — королевские креветки и ложку риса. Госпожа Крайд предложила Иверову выбрать вино. «Итальянское или на мой вкус?» — спросил он. «Ты известный знаток, поищи что-нибудь необыкновенное». Князь выбрал «Ла Мисьон-О-Брион» 89 года от герцогини Де Мучи. Этот волшебный напиток был действительно одним из самых лучших во всей Франции. «Как идут дела?» — «Неплохо, неплохо. Скажи, пожалуйста, почему в апреле ты пошла против Баффета и Сороса и дала прогноз, что рынок стабилизируется и намечается рост до-

ходности? Для такого вывода тогда не было никаких оснований». — «Минутку, дорогой. Вначале ответь мне на вопрос: ты консультируешь эту старую лису Сороса по hi-tech? Я уверена, что он озвучивает твои мысли. Он давно потерял чутье к рынку и полагается только на тебя и советы Бернара Перродо и Клода Бартона». — «О, Эбби, история учит нас не трогать статуи. Когда они рушатся, можно заработать серьезную черепно-мозговую травму. Старик ушел из действующей части рынка, но гениален в своих теоретических рассуждениях. Я с удовольствием читаю его книги. В конце марта он звонил мне несколько раз и интересовался моим видением развития ситуации на фондовых биржах. Мой прогноз тебе известен: в апреле-мае рынок должен был обвалиться. И это произошло... Как спаржа?» — «Итальянский соус делает ее более пикантной. Говорят, Баффет нынешней осенью готовит крупную операцию против евро. Ты знаешь что-нибудь об этом?» — «Они напуганы тем, что впервые в истории объем еврооблигаций, номинированных в евро, превзошел объем еврооблигаций, номинированных в долларах, а на товарных фьючерсных торгах евро-контракты тоже обошли доллары. По моей информации, в конце октября будут атакована Франкфуртская и Лондонская биржи. Есть планы опустить евро на три-девять процентов, чтобы на сильные доллары скупить главные доходные активы европейцев». — «Ты входишь в их команду?» — «Они пытались втянуть меня в эту авантюру, но из этого ничего не выйдет. Как в девяносто восьмом в Гонг- Конге ничего не получилось, так и в две тысячи втором европейцы легко отобьют любые атаки американских игроков. Финансовые мускулы старого континента крепчают. Американцы со своими амбициями не замечают многих важ-

нейших нюансов происходящего в мире европейских финансов. Сейчас в Европейское Сообщество стучатся семнадцать близлежащих стран. Израиль, Турция, Египет, Польша... Через десять — пятнадцать лет Европейское сообщество будет насчитывать около миллиарда человек. ЕС уже доминирует на рынках Восточной Европы, России, стран СНГ. Финансовый центр мира переместится из Нью-Йорка в Европу. У США есть только один шанс противостоять старому континенту — они должны объединиться с Россией. Других существенных ресурсов я не вижу. Дорогая Эбби, я вообще ухожу с рынка, да и из светской жизни. У меня появился иной интерес в жизни». — «Что ты имеешь в виду? Такой человек, как ты — куда он может уйти?» — «В последние два года рынок стал напоминать мне надоедливому соседу, который постоянно будоражит своими вздорными претензиями. Теряется радость игры, пропадает желание выстраивать многоходовые комбинации и хитроумные планы... А просто зарабатывать деньги мне совершенно неинтересно. Ну, а как вино? Волшебное?» — «Бесподобное. Отличный выбор. Что ты теперь будешь делать?» — госпожа Крайд надела очки, чтобы получше присмотреться к Иверову. — «Прошу прощения за напоминание, но сегодня двадцать четвертое июня. Предлагаю пари, и пусть проигравший оплатит следующий ужин. Итак, вот мой прогноз — начиная с двадцать седьмой недели фондовый рынок столкнется с глубоким кризисом. Рынок США упадет на сорок — пятьдесят процентов. Обанкротятся крупнейшие фирмы высоких технологий. Если власти США не найдут правильную концепцию по стабилизации рынка, тогда кризис может быть катастрофическим. Особенно пострадает сегмент hi-tech. А курсы акций компьютерных и интер-

нет-компаний упадут в четыре-пять раз. Они потянут вниз акции, котирующиеся на Нью-Йоркской, Лондонской, Парижской, Франкфуртской биржах. Курсы европейских бумаг снизятся в два раза. Завтра утром я даю поручение брокерам сбросить все мои активы из этого сегмента и расположить их самым консервативным образом. Тридцать процентов я направлю в казначейские обязательства США, двадцать процентов в годовые федеральные облигации, а пятьдесят процентов в еврооблигации, номинированные в евро. Если мой прогноз сбудется, я сэкономлю стоимость ужина и заработаю к концу года три и три десятых процента или около сорока двух миллионов». — «У меня другой прогноз...» — «Какой, дорогая Эбби?» — «До конца июля ничего существенного не произойдет. На тридцать первой неделе рынок качнется и упадет на два — пять процентов. Но в середине сентября, числа тринадцатого-четырнадцатого, NASDAQ потеряет около семи процентов, а DOW JONES и SP-500 — около трех процентов. Впрочем, в нашей игре, как на сцене, можно просто споткнуться или вдруг чихнуть. Скажи лучше, что с тобой случилось? Не хочу верить, что ты пристроил свой капитал консервативно, как старая провинциальная вдовушка. Куда девались твоя энергия, твой расчет и полет мысли? Если такие, как ты, уйдут с рынка, то молодежь его изменит — и весьма кардинально. Мы станем уже не востребованы. Попасть обратно в бизнес, на финансовые площадки нашему поколению будет просто невозможно. Помнишь, как мы вытесняли в семидесятые-восемидесятые акул старого образца? У тогдашних игроков тоже возникла апатия, и очень скоро рынок для них был потерян». — «Я говорил тебе, что биржи у меня уже не вызывают вдохновения. Это даже не усталость, скорее профессио-

нальное разочарование. Помимо этого, деньги меня никак не интересуют. Я ищу для себя новый смысл существования, и фондовому рынку в нем нет места». — «Да, а кстати, отчего ты никак не женишься? А вино действительно великолепное». — «Я сам долго думал об этом. Может быть, мой ответ тебя не устроит, но я другого не знаю: всему виной мой огромный капитал. Вот если бы я получал пять-семь тысяч евро в месяц, у меня уже давно была бы миленькая женушка и трое-четверо детишек. Я просто никому не верю. Нет четкой шкалы оценок, чего больше в женской привязанности — любви к деньгам или к мужчине? К телу и духу — или к роскоши и стилю жизни? Мой опыт подсказывает, что для современного человека власть и капитал важнее духовных сокровищ. Этот вывод стал для меня диагнозом неизлечимой болезни, вот почему мне необходимы сегодня новые критерии, свежие жизненные основы». — «Сильные мужчины к сорока пяти годам становятся сентиментальными. Нужно ли вам вообще знать, какие чувства в женщине преобладают? Не анахронизм ли это? Посмотри современные фильмы, почитай романы — тема сильной, преданной любви в них совершенно отсутствует. Любовь сегодня — это совокупность интересов, обоюдный честолюбивый порыв пробиться в жизни или выстроенная система мер защиты от превратностей судьбы. Желание получить сексуальное удовольствие преобладает над радостями высокой любви, а чисто человеческий инстинкт, толкающий к привычному и стабильному, легко заменяет страстную влюбленность. Нынешняя реальность такова, что влечение к деньгам и власти доминирует над всеми другими чувствами, а любовь стала дьявольским колодцем в душе человеческой. Когда я слышу, что моя приятельница или приятель влю-

бились, я уверена, что в их душу вселился бес. Любовь еще можно найти в странах нерыночной экономики, с примитивным укладом жизни. Я недавно была по делам в Румынии. Любовь можно искать там, где человек зарабатывает около пятидесяти евро в месяц. Его чувства к огромному миру свободны, не востребованы, и весь свой человеческий потенциал он может направить на объект чувственного увлечения. Но совершенно пустая затея — пытаться найти любовь в казино Монте-Карло, на Английской набережной Ниццы, в кварталах Манхэттена или на Парк Лайн в Лондоне. Там правят бал капитал и секс, и нет места истинному чувству, архаичному, как у Фолкнера, Томаса Манна, Достоевского. Мир любви уступил место идеологии прагматизма и целесообразности, самосохранения и комфорта. Главным губителем любви стал свободный рынок. Конкуренция на рынке труда и капитала, товаров и производства «насаждает» философию соперничества за обладание телами и душами людей, за право первой ночи, за то, чтобы получить во временное или долгосрочное пользование красивую, модную вещь, — то есть, увы, человека. Этот современный подход — прежде всего к самому себе, а потом уж к окружающему миру — разрушает многие традиционные институты прошлых эпох. Сохранится ли брак в будущем — тема последних исследований социологов. Ты красивый мужчина, почему тебе трудно пользоваться новыми социальными стереотипами? Я знаю, что ты очарован сейчас австралийской Жаклин Марч. Прекрасная молодая женщина. Женись, пусть она рождает тебе детей. Если встретишь другую — разведешься. Простота и отсутствие обязательств в личных отношениях — это так современно. Впрочем, может, в тебе глубоко укоренилась ваша национальная

черта — русские именно в неудобстве жизни ищут радость общения с миром. Я тебя об этом никогда не спрашивала, скажи, пожалуйста, друг мой, сохранились ли у тебя родственные связи?» — «По итальянской линии очень слабые, по русской — совсем никаких. Но я поддерживаю виртуальный культурный контакт. Я постоянно читаю русских авторов — Гоголя, Владимира Соловьева, Достоевского, Михаила Булгакова. Я с большим удовольствием бываю в Италии, каждый раз обязательно посещаю музеи Боргезе, Уфицци Патти, Виллы Джулия, Сан Марко. Я горжусь своим русско-итальянским происхождением. Это сочетание мистической русской духовности, глубинного поиска самого себя в окружающем мире с гениальным воспроизведением материи в архитектурной и художественной формах». — «В твоих итальянцах нет почти никакой экзистенциальной глубины и сумеречности. Другое дело — русские, это нация изгоев. Такое ощущение, что Бог определил им вечное наказание, непреодолимое горе от ума, от неумности души. Поклонение абсурду сближает их с поэтической вольностью изощренных эстетов Средневековья». — «Может быть, может быть... — как-то между прочим, даже равнодушно сказал Иверов. — Что, действительно планируется диффузия между «Кредит Лионе» и «Банком Агриколь»? — «Я слышала об этом. Замечательная идея. Но я совершенно не понимаю европейцев. Их банковская система никак не реструктуризируется. Слухи о том, что «Дрезднер Банк» и «Коммерцбанк» объединяются, пока не подтверждаются. А впереди ожидаются долгие схватки между долларом и евро. Я рекомендовала членам банковской комиссии Европейского Сообщества объединить несколько крупных банков. Например, «АБН Амро», «Дрезднер Банк» и «Банк ди Рома»,

далее — «Ферейн унд Вест Банк», «Агриколь» и «Банк Милано», кроме того — «Барселона Активо», «Комерц Банк» и «Фортис Банк». Следующий конгломерат могли бы создать «БНП Парибас», «ИНГ», «Шведен коммерц» и «Бельжик Кредит». С появлением таких мощных игроков на финансовой площадке оживится конкуренция. А от идеи создания единой центральной европейской биржи у меня просто дух захватывает. Страсти начнут бушевать неумные. Эта биржа станет прекрасной ареной для твоих фантазий и творчества».

Разговор экспертов фондового и финансового рынков длился еще около тридцати минут. Говорили обо всем, но как бы проходя, между прочим — именно так чаще всего обмениваются мнениями знатоки своего дела. Их лексика выходила за рамки повседневного словарного запаса обычного европейца, и в этой истории совершенно незачем давать пояснение таким словам и терминам, как Федеральное агентство ФИКО, маргинальный счет, парижский рынок обращающихся опционов, акулий репеллент, ориентир роста денежной массы в обращении, плакированная монета, косвенная ипотечная ссуда, мультивалютная оговорка и так далее и тому подобное, которыми собеседники часто пользовались в беседе. Наконец госпожа Крайд встала из-за стола и протянула Иверову руку. «Это был славный вечер, Андрэ. Звони, не забывай друзей. Надеюсь встретить тебя в Давосе», — сказала американка. «Целую тебя, Эбби. Бог даст, свидимся», — ответил Иверов и быстро направился к выходу.

Шел уже одиннадцатый час. Рим был погружен в море огней. Но римский вечерний свет особенный, более деликатный и загадочный, чем в других столицах мира. В нем нет парижского или нью-йоркского навязчивого шика-

ного блеска. Система римского городского освещения устроена так, чтобы в тени деревьев и под сводами вековых строений продолжали жить тайны и мифы Вечного Города. Князь Иверов любил этот оазис величия. Двадцать семь веков исторической глубины олицетворяли вечность в ее человеческом измерении. Он смотрел сейчас на приглушенную суету улицы Via Vittorio Veneto и в тысячный раз его будоражил вопрос: кто я? Француз, русский, итальянец, гражданин мира, пылинка Вселенной? Что для меня важнее — углубленно созерцать этот мир или вдохновенно, творчески страстно изменять, развивать его? Тут его посетила мысль, все чаще возникавшая в последнее время: где я? В реальном или в виртуальном мире? Если в реальном, то почему я абсолютно забыл о плане переезда в Россию? Если же в трансцендентном, то почему столь очевидная, принудительная реальность окружает меня? Впрочем, если в виртуальной реальности мне всегда хочется жить по-старому, то в реальном мире — у меня постоянная потребность радикально изменить себя и найти совершенно новый смысл жизни. Иверова раздражало, что он никак не мог отыскать ответы на навязчивые вопросы: где, в каком именно мире он находится? Действительно в Риме, или на своей яхте «Святой Дух»? Может, в ирреальном измерении? Он никак не мог воспроизвести в своей памяти момент расставания с соблазнительной модисткой. «Почему, собственно, я не подчинил себе ее прелестное тело?» — подумал он. Это обстоятельство вызвало у него досаду. Князь сел в машину. «Пожалуйста, Via Cadlora, гостиница «Кавальери Хилтон». Он опять подумал об австралийке. «А как найти эту дамочку? Она бы скрасила мою одинокую ночь. Ее лондонский мобильный телефон... Это был номер 0044 795 782 3549». Тут произошло невероятное: плоть и дух

Иверова, словно разрезанное яблоко, развалились пополам. Тело князя оставалось на кровати в спальне его яхты у пирса «Пленеф-Валь», а душа переместилась в такси, несущееся по улицам Вечного Города. Он набрал номер ее телефона. «Да, это Жаклин», — она говорила из реального измерения, он же воспринимал ее в виртуальном пространстве. У Жаклин было явное преимущество — рядом с ней на кровати лежал Иверов, грезящий наяву. «Это Иверов. Не помешаю?» — спросил он. «Салют, Андрэ! Рада вас слышать. Я ждала вашего звонка». — «Но я в Риме, в гостинице «Кавальери Хилтон», — сказал он. «Странно, я в той же гостинице. Отдыхаю в своем номере после рабочего дня. Могу чем-нибудь помочь?» — лондонская модистка еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться. Она не предполагала такого развития событий. «Мне помогает зелье госпожи Папалардо», — мелькнуло у нее в голове. «Действительно, невероятно. Мой номер пятьсот одиннадцать, — недоуменно сказал князь. — Ваша новость ошеломила меня, я запомнил, почему искал вас». Он запнулся. Наступила пауза. Каждый обдумывал свой следующий шаг. «Кажется, я хотел вас услышать или, может быть, увидеть», — нерешительно, с опаской признался князь. «Я знала, что вы позвоните, и ожидала вас у телефона. Прекрасно, что вы набрали мой номер не слишком поздно. Мне бы не хотелось выглядеть перед вами усталой. Закажите мне фруктовый салат и бутылочку «Мутон Ротшиль». Через пятнадцать-двадцать минут я загляну в ваш номер. «О'кей?» — «Да, конечно. Я так и сделаю... Откуда она могла знать, что я позвоню ей?» — в растерянности подумал Иверов.

Князь торопливо вошел в вестибюль гостиницы «Кавальери Хилтон». По своему обыкновению, не воспользовавшись лифтом, он направился к лестнице и буквально

взбежал на пятый этаж. В свой номер Иверов влетел, как опаздывающий на свидание. Тут он стал быстро переодеваться. «Почему я так взволнован и тороплив?» — мелькнуло у него в голове. Ответа на этот вопрос не нашлось, а вечерний деловой туалет он как-то машинально сменил на свободный стиль. Князь предпочел бледно-салатового цвета брюки, трикотажную тенниску цвета морской волны, а на босу ногу надел мягкую, закрытую обувь цвета хаки. Потом он позвонил в «Room service» и сделал соответствующие распоряжения. Зал его гостиничных апартаментов составлял около семидесяти квадратных метров. Он был выполнен в викторианском стиле. Красная мебель с начищенными бронзовыми вставками великолепно гармонировала с поблескивающими гардинами из натурального плотного в несколько слоев шелка. Официант уже стоял за стойкой бара с безупречно-строгим видом, напоминая скорее морского офицера, чем служащего гостиницы. Рядом была помощница — полноватая молодая женщина с короткой стрижкой и в мужском галстуке. Ее лицо было таким же каменным, как и у изваяния на мраморе камина в правом углу зала.

Жаклин Марч вошла в гостиную без стука, походкой уверенной в себе женщины. Зеленые глаза излучали влюбленность. На ней был голубой топ, прикрывающий лишь упругую, соблазнительную грудь и талию. Вокруг пупка красовалась разноцветная, манящая к поцелуям татуировка — миниатюрная ваза с цветами. Стрейчевые короткие шорты синего цвета облегли восхитительно высокие бедра. Волосы были убраны назад, они оттягивали кожу с висков и лба и делали ее лицо совсем юным и еще более прекрасным. Андрэ Иверов не сводил с нее глаз. Лондонская модистка приближалась к нему великолепной професси-

ональной походкой. Каждая часть ее тела источала эротическую экспрессию. Она всматривалась в его черные глаза взглядом соперника, оценивающего способности спаринг-партнера. Марч положила руки ему на плечи, опрокинула князя на диван и осыпала его лицо быстрыми, как падающие капли летнего дождя, поцелуями. Открытыми влажными губами она целовала его глаза, щеки, лоб, мочки ушей, жесткие, смоляные волосы. Жаклин Марч налетела на него эротической бурей, не давая ему никакой возможности опомниться, сказать слово, стать полноправным участником этого чувственного спектакля. «Что со мной? Меня куда-то уносит», — мелькнуло в голове Иверова. Любовный инстинкт прорвался из глубины и увлек его. Мир сжался до размеров ее чудесного тела. Князь был заморожен пылкой страстью. Первый любовный натиск, наконец, прервался. Лондонская модистка шепнула ему: «Пожалуйста, отпустите прислугу. Теперь мы сами будем заботиться друг о друге. О'кей?»

Они остались одни. Жаклин Марч увлекла его в спальню, выключила свет, сбросила с себя легкую одежду и стала раздевать князя. Границы между реальностью и виртуальностью стерлись окончательно. Она действовала наяву, он — в грезах, но интрига имела одну единственную основу — эротическое влечение. Каждый находился в тумане грез. Но если поведение Андрэ Иверова повиновалось лишь чувственности и инстинктам, то сознанием юной красотицы, помимо сексуального опьянения, руководили рекомендации госпожи Паппалардо, и она то и дело нащупывала под подушкой пузырек флорентийки — в него необходимо было собрать сперму для рождения наследника баснословно богатого европейского аристократа. «Я влюбилась в тебя, Андрэ. Ты самый красивый, самый ум-

ный, самый чудесный мужчина из всех, кого я знаю. Ты единственный, кто захотел получить мое сердце, мою душу, а не только мои ласки, — в слезах шептала она ему. — Тебе нужно от женщины нечто большее, чем обычным мужчинам, ты хочешь разглядеть в ней то сокровенное, что скрывается под флером вежливости и воспитанности, знаний и красоты», — Жаклин Марч намеренно изъяснялась высокопарным стилем. Она уже знала, что князь предпочитает именно этот слог. Лондонская красотка старалась говорить громко, чтобы быть услышанной в другом, виртуальном измерении. «Ты заглядываешь в душу, как священник перед проповедью — в Священное Писание, ты всматриваешься в глаза человеческие, как Люцифер, высвечивающий изъяны души. Я очень хочу тебя, Иверов. Ты должен стать господином не только моей плоти, но и моей души, моего внутреннего «я»

И первая же совместная ночь подарила Жаклин Марч полную победу. Она с блеском выполнила всю программу, начертанную ей госпожой Паппалардо. К трем часам утра она уснула, утомленная сексуальными играми и абсолютно счастливая. Легкая качка мега-яхты «Святой Дух» способствовала крепкому, безмятежному сну.

24 июня Иверова разбудила мелодия будильника ручных часов «Вашерон Константин». Это была музыка Оливье Мессиана «Пробуждение птиц». В 5.30 утра лучи кораллового солнца, натолкнувшись на плотные гардины, веером разбежались по потолку спальни, напоминая причудливые геометрические фигуры. Казалось, к потолку прибили ковер с рисунком в стиле постмодерн. Князь проснулся, протер глаза. Ощущение неземного блаженства, пережитого в ночном виртуальном видении, быстро гасло и

пропадало в сознании. Он огляделся: на другой стороне кровати, сжав обеими руками подушку, лежала на боку обнаженная Жаклин Марч. Из-под полуоткрытых губ блестящие жемчужные зубы. Она спала. Румянец на щеках подтверждал, что молодая женщина пережила бурную страсть. «Прошедшей ночью я столь реально, как никогда прежде, испытал виртуальное блаженство. Вот обетованный приют для моей страждущей души. Человечество, веками искавшее новое измерение, едва не утратило его в суете сует. Не заметило! А жаль, что не начался тотальный исход к виртуальности, к изменению массового сознания, к спасению цивилизации. Для меня это новое пространство становится все более привлекательным, — думал он, — именно в этом измерении человек по-настоящему может проявить все качества и таланты, свойственные ему как венцу творения. Здесь сила и явственность ощущений значительно превосходят чувственные аффекты. Я совсем не обманулся — виртуальная связь с этой прекрасной девушкой подарила мне счастливую ночь. Но если бы все это было наяву, с каким отвращением я бы проснулся? Любовные игры в реальной жизни не для меня. Впрочем, не только любовь, но и все остальные дела, переживания и планы я с огромным удовольствием и любопытством переносил из этого ненавистного мира в виртуальную жизнь. Но скорее в Россию, к изнанке существования, к бытию в грезах». Иверов безучастно взглянул на закрытые глаза Иисуса с литографии «Желтый Христос», усмехнулся чему-то своему, встал с кровати и пошел в ванную. Пробыв там несколько минут, свежесбривший, благоухающий, он опять появился в спальне. Открыл платяной шкаф, выбрал черную рубашку с короткими рукавами, такого же цвета льняной легкой костюм, вложил в верхний карман бордовый плато-

чек, натянул на ноги черные мягкие туфли, прихватил с собой солнцезащитные очки и, не обращая ни малейшего внимания на спящую нагую красавицу, вышел вон, направляясь к своему бюро. Он достал российский и французский паспорта, взял из кассы пятьдесят тысяч евро и сошел с мега-яхты «Святой Дух» на пирс. Никакого желания прощаться со своим бытом, собственностью, персоналом у него не было. Он буквально бросал все, как бегущие от этнических чисток балканцы. С той лишь разницей, что в душе его царило божественное спокойствие, и покидал он свой привычный мир с тихой радостью. С удовлетворенностью человека, открывшего заповедную сторону жизни. Быстрыми шагами князь подошел к Rolls-Royce Seraph, стоявшему в нескольких метрах от судна. Богосиан уже ждал его. «Доброе утро, господин Иверов, — второй личный водитель открыл перед ним дверь. — Какой у нас маршрут?» — «Салют, Жан-Луи. Прости, что рано поднял тебя. Сперва в Сен-Поль-де Ванс, потом в Марсель, в российское генконсульство, потом на кладбище Сен-Пьер. Поехали», — произнес князь и уселся на заднем сидении. «Зачем мне понадобилось ехать к себе домой, что я там забыл? Для жизни в России, в виртуальной реальности мне совершенно ничего не пригодится. Одежда, картины, коллекции, мебель, семейные фотографии, деньги, кредитные карточки — все это стало для меня пшиком. Ничего не значащими вещами. Так что же я оставил в Сен-Поль-де Вансе? Зубную щетку? Мне не нужны красивые, здоровые зубы. Крем для кожи, гель для ногтей, одеколон, пену для бритья? Косметика потеряла для меня всякий смысл, мой внешний вид, имущественная и финансовая собственность уже перестали интересовать мое «я». Но почему же подсознание толкнуло туда? Чтобы еще раз взглянуть на просторы Лигурий-

ского моря, с высоты птичьего полета увидеть старинные кварталы и улицы Ниццы, фантастические пилястры и карнизы дворца Ласкарис, площадь Массена, украшенную фонтаном с бронзовыми фигурами, серпантин замкового холма, ведущий к террасе Ницше, зеленые в золотых линиях купола православного собора святого Николая, святые места моего детства и юности? Неужели мною движет неведомая сила воспоминаний, удерживающая меня от полного погружения в изнанку существования, в ирреальный мир, в виртуальную реальность? Неужели сознание так подчинено памяти тела, бытовым привычкам, инстинктам, генетическому коду? Нужно немедленно бежать отсюда, — размышлял князь. — Дружище, сворачивай на восьмую дорогу. Я тороплюсь в Марсель. У меня уже нет никаких дел в Сен-Поль-де Вансе».

Глава VIII

Жаклин Марч не спешила выходить из сладкой дремы. Фантом Иверова продолжал сжимать ее в объятиях, доставляя блаженство. Сексуальный восторг, нахлынувший на нее нынешней бурной ночью, превосходил все, что бывало у нее с другими мужчинами. Она даже не подозревала, как много можно пережить за одну ночь. После этой фантастической ночи все прежнее стерлось в памяти. Ей даже показалось, что лишь теперь она по-настоящему стала женщиной. И что Андрэ Иверов открыл ей таинственную природу сладострастия, о мощи и богатстве которой она прежде не имела никакого представления. Случившееся перевернуло ее представление о себе, ее понимание счастья, планы на будущее.

Жаклин приподнялась и осмотрелась, но князя в комнате не было. Впрочем, это обстоятельство совершенно не смутило и не расстроило ее. Лондонская топ-модель продолжала находиться в состоянии блаженства. Никаким богатством не купить такую безграничную радость души и тела — поняла сегодня утром Жаклин Марч. Она была покорена и ошеломлена невероятной энергией иверовской

страсти. Поражало то, что Жаклин Марч не только не хотела, но и совершенно не могла сосредоточиться на выполнении Паппалардовских планов. Да, ее плоть получила изрядное количество иверовского семени, а известная бутылочка была полна спермы и находилась в холодильнике бара. Казалось бы, колдовская интрига успешно реализована, — ликуй, женщина! Но все обстояло совсем иначе. Невероятная сила любовных ощущений настолько потрясла молодую женщину, что ни о чем другом она не могла думать. Жаклин Марч взяла подушку, хранившую запах мужской туалетной воды «Lanvin», стала прижимать ее к своему лицу и целовать каждый сантиметр ароматной ткани. Такой счастливой она еще никогда не была. Ей хотелось думать только об Иверове и предстоящем свидании с ним. Тут раздался телефонный звонок. Было уже 9.40 утра. «Привет, Жаклин, это Паппалардо, — услышала она голос с итальянским акцентом, — можешь говорить?» — «Да!». — «Как дела?» — «Все о'кей!» — «Зайди в гостиную. Мы с Анной-Валери ждем тебя».

Когда госпожа Марч вошла в зал яхты «Святой Дух», обе дамы что-то бурно обсуждали на итальянском. Перед ними на столике дымились сигареты и чашечки с кофе. Лицо Анны-Валери хранило следы бессонной ночи: казалось, она постарела на несколько лет. Сисмонда Паппалардо, напротив, выглядела свежей и энергичной. «А вот и главное действующее лицо, — улыбаясь, протянула флорентийка, — а где жертва заговора? Куда он укатил ранним утром? Не за лекарством ли от любви?» — «Почему ты позволила ему уехать одному?» — вскричала госпожа Болль. «Она всю ночь стонала, как великая грешница на покаянии. Утомилась, бедняга, и проспала», — госпожа Паппалардо несколько раз быстро затянулась сигаретой, затем выдохну-

ла клубы дыма, в который погрузилось ее насмешливое лицо. «Я в него влюбилась, — неожиданно призналась модистка Лондонского дома высокой моды, — я себя совершенно не узнаю. Такое ощущение, что это не я его очаровывала с помощью вашего зелья, а он за одну ночь полностью меня околдовал». Госпожа Болль с раздраженной гримасой посмотрела на Паппалардо. Ее тонкие брови поднялись до середины лба: «*Che assurdità va dicendo? Sei sicura di averle consegnato le erbe magiche giuste? Invece di un principe incantato abbiamo una donna drogata. Guardola un po. Ha degli occhi impazziti. Avrà certamente dimenticato il nostro piano d'azioni. Proprio non sopporto avere a che fare gli anglosassoni*»¹. — «Успокойся. Дай ей возможность высказаться». Сисмонда взяла мягкую руку красотки Марч, стала поглаживать ее и шептать: «Расскажи подробно, дорогая Жаклин, что произошло ночью. Что удалось тебе вчера? Что сделаем мы сегодня? Вполне возможно, что мешочки для приворота возымели действие и на тебя. Вы же спали в одной постели?» — «Да!» — сказала Жаклин. «Что случилось?» — заговорщически спросила госпожа Паппалардо. — «Все!» — «Что все?» — нетерпеливо бросила Анна-Валери. «Мы несколько раз любили друг друга, а флакончик со спермой стоит в холодильнике. Я выполнила всю программу, которая была намечена, но поняла, что влюбляюсь в этого человека, что покорена, заморожена князем». — «Это быстро пройдет, — раздраженно заметила Болль. — Девичья любовь — это секс, и ничего другого. Когда муж-

¹ «Что за вздор она несет? Ты уверена, что дала ей то, что нужно? Вместо привороженного князя мы получили одурманенную партнершу. Посмотри, какие у нее сумасшедшие глаза. Наверняка она забыла наш план действий. Терпеть не могу работать с англосаксами» (*Итал.*).

кая потенция ослабевает — а это вопрос сезона, активности солнца, возраста, физического и духовного состояния, — иллюзия любви испаряется, возникает потребность в новом партнере для эротических утех. Успокойся, дорогая Жаклин, выбрось это из головы и давай сосредоточимся на нашем плане. Когда у тебя миллиарды евро — ты можешь позволить себе любую радость души и тела». — «Да, милочка, любовь — это алхимия, великое таинство слияния душ человеческих, — рассмеялась госпожа Паппалардо. — Андрэ признавался тебе в своих чувствах? О чем вообще вы говорили? Пожалуйста, расскажи подробно, мне очень важно знать все детали». — «Никакого прямого разговора между нами не было. Он попрощался со мной и ушел в свой виртуальный мир. Честно говоря, я не совсем понимаю, что это такое. Мне казалось, что он просто заснул. Но сон его был очень странным. Вначале он вслух разговаривал с какой-то дамой, потом с водителем и, наконец, со мной. Его лицо постоянно меняло свое выражение. Князь то прогнозировал финансовый кризис, то смеялся, и слезы радости текли по его щекам, то жестикулировал и выстраивал монологи, используя малознакомые экономические термины. Иверов жил какой-то своей собственной интенсивной жизнью и был чрезвычайно счастлив в ней. Таким довольным я его не видела. Если бы в реальной жизни он мог обрести свой рай». — «Не понимаю, значит, он любил тебя в бессознательном состоянии? — Анна-Валери была в полном недоумении. — Как можно заниматься реальным сексом в виртуальном состоянии? Я ничего не понимаю. Ты сама-то уверена, что вы занимались любовью? Может, тебе все это приснилось? Или зелье нашей флорентийки внушило тебе эту навязчивую идею, это навяждение?» — «Нет, нет! Сегодня была самая фантастичес-

кая сексуальная ночь моей жизни. Тело продолжает стонать от судорог любви, а душа переполнена счастьем. Я хочу, чтобы вы меня поняли: этой ночью я по-настоящему стала женщиной». — «А Тимпери? — высоко подняла брови госпожа Болль. — Неужели он был таким немощным лентяем?» — «Я теперь совершенно счастлива, и у меня нет никакого желания вспоминать этого серенького человечка, — Жаклин Марч встала, подошла к стойке бара, налила себе апельсинового сока, отпила глоток и продолжила — Не стану утверждать, что у меня родилась идея в одностороннем порядке выйти из игры и перечеркнуть наши прежние договоренности. Я не так наивна, чтобы полагать, что, имея мои письменные обязательства, вы оставите меня в покое и сейчас же съедете с яхты «Святой Дух». Да и вообще я так вопрос не ставлю. У меня, однако, есть к вам одна просьба: прошу не торопить события и дать мне самой разобраться в своих чувствах и намерениях. Что все-таки для меня важнее — капитал Иверова, беззаветная любовь к нему или и то и другое? Он сказал, что дал распоряжение госпоже Понсэн сегодня утром выдать мне весь годовой гонорар. Это двадцать миллионов евро. Так что, Анна-Валери, после того как появится эта дама, вы сполна получите свои комиссионные — один миллион сто тысяч евро. Помимо этого, я готова авансировать госпожу Паппалардо и дать ей сегодня сто тридцать три тысячи евро. Я не транжира. Рациональность — постоянный спутник моих размышлений и действий. Так вот, я желаю сохранить в своем сознании, в своей памяти эту необыкновенную атмосферу любви и гармонии и выиграть время для принятия правильных решений относительно наших планов овладеть иверовским капиталом. Нужен ли он мне в таком количестве? Или я предпочту князя, этого очень странно-

го, но дорогого мне человека? Вот в чем главный вопрос». — «Можно дать ценный совет? — приглушенным голосом встала озадаченная Сисмонда. — Во все времена умные женщины находили компромисс между чувствами и богатством. Они сохраняли первое и брали второе! Они раздвигали границы чувственных наслаждений с таким же рвением, с каким приумножали собственный капитал и дивиденды своего окружения. Кто не признает, не учитывает уроков истории в построении своей судьбы, тот чаще проигрывает и оказывается в очереди за социальными пособиями. — Тут госпожа Паппалардо повысила голос и начала говорить быстро, желая полностью заморозить лондонскую модистку — Дорогая Жаклин, капитал — это такая материя, которая по силе почти сравнима с самой природой. Большие деньги дают их владельцу безграничную свободу, возможность совершать самые безрассудные поступки, украшающие жизнь, будоражащие фантазию, окрыляющие творческую мысль. Пишут, что Элтон Джон ежедневно тратит на цветы двадцать тысяч. О, примитивная англосаксонская фантазия! Когда мы вместе получим ключ к толстым банковским счетам Иверова, нашей фантазии тратить деньги и создавать вокруг себя совершенно сумасшедший, гениальный мир позавидует Вселенная. Госпожа Болль оценивает финансовый ресурс Иверова в десять миллиардов евро. Это значит, что только по депозитной ставке в год ты будешь получать более трехсот миллионов евро, совершенно не прикасаясь к основному финансовому телу. А это почти один миллион евро в день. Сумасшедшая арифметика! Невероятные возможности! Один миллион в день тратишь на свои фантазии, а десять миллиардов по-прежнему спят на твоих банковских счетах. Имея такое богатство, ты становишься фавориткой само-

го Господа! Человек живет около тридцати тысяч дней, минус семь тысяч дней на детство и отрочество. Итого — двадцать три тысячи дней. Тебе двадцать лет. Твоя активная жизнь будет продолжаться до семидесяти. Это значит, у тебя впереди восемнадцать тысяч дней. Если тратить один миллион в день в течение всей жизни — то сколько самого невероятного можно создать для духовного обогащения и совершенствования самого себя, своих близких, человечества. По примеру Папы Римского Юлия Второго, собравшего гениев своей эпохи — Леонардо да Винчи, Браманте, Микеланджело, Рафаэля, Перуцци, Боттичелли, — можно окружить себя талантами из всех стран мира для сотворения новых чудес света, сравнимых с собором Святого Петра в Риме. Ты понимаешь, дорогая Жаклин, сколько радости получит твое сердце, если на духовные фантазии ты будешь тратить миллион евро в день? Какое богатство мысли ты родишь? Сколько шедевров получит мир? Нет, заклинаю тебя, не влюбляйся по уши, не становись рабой своего чувства, не запирай сердце для одной радости, не воплощай в одном мужчине весь богатейший мир мужского сословия, эротических наслаждений, сексуальной страсти. История наказывает таких женщин, время ломает их судьбы. Беззаветная любовь — это вообще анахронизм! Остаточные явления неандертальской стадности. Влюбленность — вот пароль времени! Умная женщина позволяет себе легкий чувственный порыв. Не шторм любовных страстей, не ураган душевных переживаний, не цунами чувственной боли, а любознательное желание подчинить себе еще одного кавалера! Открыть еще один, непохожий мир мужчины, чтобы порадовать и обогатить себя. Но не больше! Ни на сантиметр дальше! Ни на йоту глубже! Легкость в творчестве — признак гениальности, неве-

сомость в любви — показатель богатейшего ума. Вспомни, дорогая Марч, кто из великих был глубоко, до самозабвения погружен в любовную страсть? Микеланджело? Вивальди? Веласкес? Шопенгауэр? Планк? Эйнштейн? Таких не было! Безрассудная любовь — это медицинский диагноз, подобные чувства необходимо скрывать от публики, как деликатно обходят тему смертельной болезни. Как умалчивают о своих пороках, как прячут злокачественные опухоли. Тема глубокой любви — только материал для поэтов, писателей, художников, режиссеров. Как ты можешь серьезно относиться к любви, если я, Сисмонда Паппалардо, способна в один миг создать ее в твоем сердце, а потом щелчком двух пальцев разрушить? Я в силах, я способна сотворить с тобой чудеса: сегодня ночью ты влюбишься в капитана яхты, а завтра — в госпожу Болль». — «Умоляю вас, только не в Болль!» — совсем обескураженная, вскрикнула Жаклин Марч. «Как ты можешь говорить о какой-то любви, если всю нынешнюю ночь Иверов был не в себе, предаваясь грезам, паря в виртуальном мире? Он не подозревает, что спал с тобой, что его сперма собрана в склянку и ждет своего часа в холодильнике? Что час *in vitro*, согласно договору, определяю я! Помимо этого, детка, почему ты желаешь дать мне сто пятьдесят тысяч евро, когда, в соответствии с известным документом, ты обязана мне семь процентов от всех полученных активов? Я жду от тебя один миллион четыреста тысяч евро. Естественно, в том случае, если госпожа Понсэн выдаст тебе сегодня твой гонорар! Да, кстати, — флорентийка закурила, — Иверов сказал тебе, куда он так рано отправился?» — «Нет, и словом не обмолвился. Но я же спала... Я готова выдать вам необходимую сумму. Я так возбуждена, что забыла о своих обязательствах. Простите. О'кей?» — «Мы не дадим тебе ника-

ких шансов забыть о твоих обязательствах, но и о своих будем помнить, — госпожа Паппалардо выпустила густой клуб дыма прямо в лицо красотки из Лондона и многозначительно посмотрела на Анну-Валери. — Не правда ли, коллега Болль?» — «Все верно, дорогая. Но позвольте, я слышу шаги Элизабетт. Давайте быстрее согласуем версию: Иверов не давал Жаклин покоя всю ночь. Малышка ошарашена невероятным сексуальным натиском князя. Он ей признался в сильных чувствах», — госпожа Болль замолчала, быстро взяла сигарету и щелкнула зажигалкой. В этот момент на пороге гостиной появилась юрист Иверова. «Какие новости, уважаемые дамы? — заинтересованно бросила она. — Как успехи, Жаклин? Я наказывала тебе, дорогая, не отпускать Иверова одного. Как так случилось, что он уехал один в такую рань?» — «Оставь ее, Элизабетт, бедняжка еле жива. Князь только под утро выпустил ее из своих объятий, и она, утомленная любовью, заснула крепким сном. А Андрэ, словно жаворонок, чуть свет упорхнул из спальни. Мы надеемся, что в ближайшее время он вновь появится на яхте». — «Госпожа Понсэн, — начала Сисмонда Паппалардо, — есть одно странное обстоятельство, которое не дает мне покоя. Со слов Жаклин, прошедшей ночью Иверов сказал ей, что завтра утром, то есть сегодня, она из ваших рук получит полностью свой двадцатимиллионный гонорар. Почему он так решил? Дал ли князь вам на этот счет соответствующее распоряжение?» — «Первый раз об этом слышу. Впрочем, сейчас только десять часов. — Понсэн удивленно закинула голову назад и приподняла верхнюю губу. — Вероятно, он еще позвонит. Но действительно странно. Обычно такими деликатными вопросами занимаюсь исключительно я». — «Как вы можете прокомментировать этот его жест?» — флорентийка бросила ис-

пытующий взгляд на юриста князя Иверова. «Никак. Не знаю. Он разрешает мне пользоваться мобильной связью в исключительных случаях, — как бы оправдываясь, произнесла юрист. — Может, такой момент наступил? Я сошлюсь на запрос Жаклин о выдаче ей гонорара. Это и будут особые обстоятельства». — «Не делайте этого, — взмолилась красotka Марч. — Прошедшей ночью я несколько раз говорила ему, что отказываюсь от гонорара, потому что влюблена в него, и деньги меня не интересуют. Прошу вас не спрашивать князя о миллионах...» — глаза австралийки повлажнели, и по щекам медленно покатились слезинки. Эта сентиментальная сцена растрогала госпожу Понсэн. «Вы в самом деле отказываетесь от гонорара?» — поинтересовалась она. Наступила тишина. Дамы напряженно смотрели на Жаклин Марч. Лондонская манекенщица всем своим существом чувствовала горький упрек, адресованный ей сообщницами, но ответить на прямой вопрос однозначно никак не могла. Голова шла кругом. Рожденные этой ночью глубокие чувства к Иверову боролись в сознании с философией ее среды, ее общества, требующего извлечения денег из всех возможных и невозможных источников, каналов связи, профессиональных и побочных контактов. Для такой философии фетиш богатства и накопительства был выше всех других целей жизни. Наконец на помощь пришла госпожа Сисмонда: «Эти ее высказывания являлись лишь частью легенды, работающей на наш заказ: вернуть Иверова в лоно привычного ему общества, в бизнес, в круг друзей и созданной им собственной инфраструктуры. А поводом для телефонного звонка может быть что-то совсем другое: Жаклин Марч собирается уезжать, а вы, не имея никаких рекомендаций на этот счет, спрашиваете князя, как поступить и что предпринять». — «Доро-

гая Элизабетт, этот вариант действительно легче откроет нам ближайшие планы Андрэ. А у Жаклин всегда остается возможность передумать и остаться в Ницце», — поддержала свою коллегу Анна-Валери. Помощница князя вытаскивала из сумочки мобильный телефон и стала набирать номер патрона: «Понсэн. Доброе утро, господин Иверов. Вы можете говорить?» Она включила программу громкой связи, чтобы его голос слышали все. «Салют. Слушаю тебя». — «Не знаю, как поступить, поэтому хочу знать ваше мнение. Вопрос деликатного свойства». — «Слушаю, дорогая». — «Жаклин Марч собирается уезжать. Каковы должны быть мои действия?» — «Жаль. Она всю ночь снилась мне. В виртуальном мире нынешней ночью она была со мной очень ласкова и эротична. Зайди, пожалуйста, в мое бюро. Там найдешь мои последние распоряжения. Среди прочих бумаг — конверт с ее именем. В нем лежит банковский чек на двадцать миллионов евро. Он принадлежит ей». — «Какие будут еще распоряжения?» — «Спасибо тебе, дорогая Элизабетт. Я всегда гордился тобой, твоим профессионализмом и человечностью. В ближайшее время я уезжаю. Искать меня не нужно и бесполезно. Может быть, я сам выйду на связь или появлюсь в Ницце снова. Прощай, дорогая. Я буду тебя всегда помнить и любить. Я выключаюсь. Салют. Целую тебя». — «Алло, алло, Андрэ...» Голос Иверова исчез, и в эфире образовалась пустота. Госпожа Понсэн была потрясена услышанным, ей казалось, что она теряет рассудок. Мадам ничего не понимала: похоже, мир, в котором она так уютно жила, вдруг лопнул, развалился, рассыпался в прах. У нее было дурное предчувствие, но ей и в голову не приходило, что развязка последует так скоро и будет такой горькой. Чтобы найти хоть какие-нибудь объяснения и попытаться разгадать мотив бегства Андрэ,

юрист бросилась в иверовский кабинет, в каюту на второй палубе. Другие женщины поспешили за ней. Их лица были бледны и тревожны. На физиономии Паппалардо, напротив, застыла ироническая улыбка. Казалось, она знала намного больше, чем все остальные. Она шла за дамами уверенной, спокойной походкой, и в ее голове рождался какой-то свой план. Пожалуй, именно сейчас Паппалардо своей изощренной интуицией ощутила близость огромных денег французского миллиардера. Она уже видела перед собой мешки, набитые ассигнациями высшего достоинства, ожидающие исключительно ее распоряжений. Весьма двусмысленная гримаса проступала на ее лице, когда она перешагнула порог иверовского кабинета. Госпожа Понсэн уже вскрывала один за другим подготовленные князем конверты, но, кроме банковских чеков и благодарственных слов за добросовестную работу, там ничего не было. Почему и куда сбежал князь Иверов? И сбежал ли? Но даже намек на ответ обнаружить не удалось. Начисто забыв о профессиональной этике, требующей абсолютной конфиденциальности в работе с бумагами такого рода, отчаявшаяся юрист растерянно произнесла: «Он рассчитал весь свой персонал с выплатой оклада на десять лет вперед, и я совершенно не понимаю, что мне делать дальше...» — «Прости, дорогая Элизабетт, — озабоченно промолвила Болль, — а мне он не забыл оставить чек?» — «Нет-нет, вот, пожалуйста, возьми свой конверт». — «Благодарю». Анна-Валери взяла адресованное ей послание, осторожно, как карточный игрок, приоткрыла кончик платежного поручения и с облегчением увидела цифровую и словесную запись — 2.000 000 (два миллиона евро). Получатель г-жа Болль». У нее отлегло от сердца. Впрочем, она тут же задала следующий вопрос, волновавший ее: «А где чек

для Жаклин?» — «И где она сама?» — спросила Понсэн. «Я здесь». — «Она стоит за тобой», — поспешила добавить Болль. «Возьми свой конверт», — сказала Элизабетт и растерянно оглянулась на модистку. Жаклин Марч молча взяла послание и вышла на палубу. Сердце у нее разрывалось. Все произошло так молниеносно: и исчезновение Иверова, и получение двадцати миллионов евро, и разрушение иллюзий любви, и крах планов завоевания всего иверовского капитала, — что Жаклин оказалась совершенно сбитой с толку. Она никак не могла понять, с чего начать осмысливать ситуацию, в которой она оказалась. Огромный гонорар не обжигал ее руки и не грел сердце. О нем лондонская красотка не думала. Неужели князь для нее навечно потерял? Только эта мысль занимала сейчас ее воображение. Вышедшие следом Болль и Паппалардо шептались на итальянском: «Bisogna pretendere da Jaqueline che ci paghi oggi stesso. Se no lei se ne andra a Londra. Poi valla a trovare e a mettere di mezzo avvocati e tribunali. Hai capito?» — «Dalle mie mani non scappera. Le strapperò il mio milione e mezzo di euro, come se fosse una spina dal corpo». — «Mi auguro che cio avvenga non a danno del mio onorario»¹ — как бы между прочим бросила Болль. Тут они вплотную подошли к Жаклин Марч. «Ты заработала свой минимум, — улыбнулась Анна-Валери, — теперь будем вместе думать, как заработать максимум. Еще ничего не потеряно. Попросим нашу Кассандру установить место его пребывания». — «Разве

¹ «Надо требовать у Жаклин гонорар уже сегодня, иначе эта красотка упорхнет в Лондон, и поди ищи ее, нанимай адвокатов и таскайся по судам. Понятно?». — «Она из моих рук не выпорхнет. Полтора миллиона евро я вырву из нее, как занозу из собственного тела». — «Только не в ущерб моему гонорару». (*итал.*)

такое возможно?» — заинтересованно спросила молодая женщина. «В понедельник гадание на картах возможно после девяти вечера, во вторник — на кофейной гуще после захода солнца, — убедительно ответила флорентийка. — Я смело могу обещать, что через пару дней мы точно установим, где находится твой Иверов». — «Припоминаю, как ты по фотографии обнаружила исчезнувшую жену богатого фабриканта. Это было феноменально, Паппалардо», — подбросила нужное словечко Анна-Валери. «Давайте вместе подумаем, что нам делать дальше, — продолжила Сисмонда. — Находиться на яхте нам больше не следует. Душевный кризис госпожи Понсэн будет усугубляться, и пребывать рядом с ней станет весьма тяжело. Скажи, пожалуйста, Жаклин, у князя есть номер твоего мобильного телефона?» — «Да, ночью он звонил мне. Не могу объяснить, как это произошло, но, находясь в своем виртуальном состоянии, он вдруг взял телефон и набрал мой номер, и, хотя я лежала рядом, мне пришлось говорить с ним по мобильнику...» — «Непонятно», — сказала Болль. «В нашей истории много загадочного, — ухмыльнулась госпожа Паппалардо. — К этому надо привыкать, но главное мы знаем: Иверов имеет телефон нашей красотки. А ты, Жаклин, имеешь ли ты номер мобильной связи с князем?» — «Увы...» — «Анна-Валери?» — «И у меня нет его номера». — «Пока Элизабетт находится в психологическом шоке, быстро возьми ее мобильник якобы для звонка в гостиницу. Мы узнаем последний номер набора. Его телефон нам необходим, — в голосе флорентийки послышались совершенно новые властные интонации. — Правда, Андрэ в любой момент может его выбросить или заменить. Но это уже другой вопрос. Теперь о дальнейших планах: мы должны немедленно съехать с яхты, направиться в мою гостиницу и зайти в

банк. Там мы завершим наши финансовые дела первого этапа — именно сегодня необходимо получить причитающийся нам гонорар. Потом начнем размышлять, как найти и обуздать Андрэ Иверова. Затем обед у Алена Дюкаса в ресторане «Луи Пятнадцатый» в Монте-Карло. После великолепной французской кухни — прогулка по Английской набережной, а вечером ужин в «La Palme d'Or». К слову, обед и ужин сегодня оплачивает госпожа Болль, твоя покровительница, дорогая Жаклин. Затем начнем раскладывать карты, которые укажут нам дорогу к князю. Как вам, дорогие дамы, подходит такой распорядок дня?». — «О'кей!» — коротко ответила лондонская дива. Она вообще не очень следила за всем происходящим и думала исключительно о князе. «Я считаю, что за ужин должна платить Марч. При двадцати-то миллионах она может себе это позволить. Кроме того, все расходы по твоему пребыванию в Ницце и гонорар за проезд на Лазурный берег должна оплатить не я, без пяти минут пенсионерка, а наша прелестная богачка. Так что, Сисмонда, списывай с меня обещанные сто тысяч евро и получай эти деньги непосредственно от главного источника финансирования всего нашего проекта. Ну, я пошла к Понсэн за телефоном», — закончила госпожа Болль. А про себя подумала. — «Ох, эта Паппалардо! Почему заставить меня раскошелиться доставляет ей такое удовольствие?» «Ну и стерва эта Болль, французы все такие. На голом месте заработала состояние и скупердяйничает, отказываясь заплатить за ужин», — мелькнуло в голове у флорентийки.

Глава IX

Rolls-Royce Seraph несся по 8-й дороге из Ниццы в Марсель. Водитель Жан-Луи Богосиан слушал музыку. Толстые губы мурлыкали слова какой-то песенки, а большая голова в служебной фуражке покачивалась в ритме, ведомом только ей одной. Место водителя было отгорожено толстым, специальным стеклом. Шофер не мог видеть, что происходило в салоне, хотя сам был как на ладони. В автомобиле было тихо. Компьютерный навигатор имел два экрана — один для водителя, другой для пассажиров, и оба они были включены. На мониторе проносились кадры, похожие друг на друга, как близнецы. Камера внешнего наблюдения передавала на экран лишь кусты цветущего олеандра, густо посаженного вдоль разделительной полосы автобана. Андрэ Иверов дремал, его сознание работало в щадящем режиме. В голове теснились пустые, случайные обрывки мыслей, мешая окончательно погрузиться в сон. «Почему Богосиану сшили бордовую униформу? Темно-зеленый цвет подошел бы ему куда больше. Кстати, а каков цвет служебного платья остальной прислуги? Что-то я забывал...» Мысли катились одна за другой: «Никогда не

подозревал, что англичане такие сентиментальные. Назвать автомобиль «Ангелом»? Это скорее из немецкого романтизма». — «Почему я ни разу не попадал в аварию? Иные бьются часто. А у меня за всю жизнь и царапины не было. Может, неведомая сила охраняет меня?» Внезапно Иверов задумался, почему госпожа Понсэн предпочла капуцина из Южной Америки другим животным. «Есть ли вообще какая-то связь между привязанностью к этому экзотическому созданию и глубокой преданностью мне? Несомненно, здесь существует своя скрытая закономерность. Может быть, я так же экзотичен, как варан амейва?» И снова совсем неожиданное: «Почему Эбби Крайд столь подозрительно относится к моим контактам с Соросом? Кого она ревнует, Джорджа или меня? Каковы истоки этого чувства — женское самолюбие или соображения финансового характера?» Разброс мыслей прекратился, ум Иверова стал работать более напряженно и целенаправленно: «У меня ни разу никто ничего не украл, мне никто никогда не изменял, ни женщины, ни прислуга, ни сотрудники. Почему, черт побери? А результат весьма печальный — я совершенно не знаю, что такое обида, разочарование, ревность. Я слишком не похож на других, не вписываюсь в окружающий мир. На меня можно указывать пальцем, проводить смотрины моей человеческой нетипичности. А сколько во мне вообще человеческого? Что сближает меня с моими соотечественниками во Франции, с другими представителями рода человеческого? Из прошлой или настоящей истории? Быть может, фокус моего философского интереса к жизни? Моя трактовка извечного вопроса этики — понятия о добре и зле? Собственное понимание тайны человеческого существа? Личные заповеди телесного и духовного бытия? Отягощающие сознание инстинкты? Страсть

к познанию мира потребления и его изнанки? Нет, нет, больше различий, чем сходства. Противоречия, несовпадения, парадоксы встают передо мной, когда я стараюсь сравнить себя с обычными людьми. Я хочу быть человеком, стремлюсь походить на него, но как невероятно трудно чувствовать себя потомком Адама, рожденным женщиной, счастливым сыном земли. Меня постоянно влечет за пределы сознания, за тесные строчки Библии, за границы природных инстинктов. Мои мысли, слова, дела не согласуются с общечеловеческой логикой поведения, они поражены хронической язвой греха. Я как Лемех на исповеди, как мученик на Голгофе. Мне поминутно требуется что-то новое: из другого мира, иного измерения, виртуального сознания, иного бытия. Я никак не могу найти смысл и счастье жизни: ни в Священных Писаниях иудеев, ни в посланиях апостолов, ни в пророчествах Магомета, ни в усыпляющем ум буддизме. Кто я? К какому племени, сословию, этносу себя причислить? Потомок шумеров, отпрыск атлантов, правнук эллинов, сородич римлян, плоть от плоти инопланетян? Полнейшая путаница в голове, хаос в сердце. Приходит на ум только одно слово, единственно верный диагноз: юрод! Кто же другой захочет ютиться в грязных подвалах, смердеть уриной, биться с крысами за кусок хлеба, целовать отечное, в ссадинах лицо бродяги, дрессировать вшей? Кто же другой мечтает часть жизни прожить в антимире и углубиться в изнанку бытия? Я похож на монаха Джироламо Савонаролу, предавшего анафеме роскошь. Флорентийские земляки Савонаролы тоже считали его юродивым фанатиком и казнили, усмотрев в его воззрениях опасность для умов современников. Иногда же я напоминаю себе ученика александрийского Оригена, который первый указал, что сотворение мира Созда-

тель задумал как длящийся вечно процесс. Подобно Оригену я также считаю, что душа человеческая совершенно неизбежно воссоединится с Богом, и новое существо расселится по всей Вселенной. Ориген, как полоумный, был брошен в кесарийскую тюрьму и забит насмерть. Изгой раздражает человека массового сознания. Он мстит им за непохожесть в мыслях, идеальность устремлений и странность в мечтаниях... Мне, как Апулею из Мадавры, — продолжал думать Иверов, — еще, видимо, придется написать выстраданную «Речь в защиту самого себя», отводя обвинения в сверхъестественных силах души. Но, позвольте, господин Иверов, кто, собственно, может бросить вам обвинения, кроме вас самого? Разве найдется кто-либо, способный понять, уловить, разгадать ваши помыслы и желания? Фантастическую реальность ваших грез, снов неведомого измерения и виртуальных чувств? В нынешние времена, когда почти утрачена культура внутреннего, индивидуального мира, таких людей найти практически невозможно. Как бы не пришлось писать самооправдательную исповедь в утешение самому себе. Дескать, не идиот я, не проводник и почитатель эзотерических культов, а искатель идеальной среды обитания. Если Алкмеон из Кротона впервые стал вскрывать трупы и практиковать вивисекцию для точного определения причины смерти, то я, Иверов из Ниццы, впервые хочу практиковать вскрытие и освобождение души человеческой для новой жизни, для ее свободного перемещения из мира реального в мир трансцендентный. Именно я хочу положить начало бегству из нынешнего разоренного, разграбленного, опустошенного мира в виртуальную целину вечной свободы. Это я жажду распахнуть обратную сторону жизни, обрести второе дыхание, пытаюсь разглядеть в нищете и падении скры-

тые вершины человеческого духа, красоту плоти, широту добродетели и глубину страсти. В противном случае я, Иверов, с дьявольской энергией продолжающий облачаться в несущественное и извращенное, очень скоро превращусь в парию материи, в изгоя духовности и навсегда исчезну из списка Божьих тварей. Но что необходимо сделать для этого? Ничего особенного и вполне мне доступное: изменить самого себя. И ничего более! Но как преобразится в этом случае мир! Сколько гениев снова начнет рождать наша земля! А что теперь? В семнадцатом веке людей было в пять раз меньше, а какие замечательные личности украшали его: Рубенс, Вивальди, Ньютон, Декарт, Кеплер, Рембрандт, в восемнадцатом — золотыми буквами вписаны в скрижали культурной истории Моцарт, Вольтер, Лавуазье, Бах, Смит, Кант, Гёте. Деятнадцатый век подарил нам созвездие гениев, блистательно возвысивших род человеческий: Гаусс, Бетховен, Ницше, Достоевский, Шопенгауэр, Чайковский, Рикардо, Гюго. Сколько фигур вселенского масштаба окружало нас в начале двадцатого века: Планк, Эйнштейн, Пуанкаре, Ферми, Бор, Гильберт, Гейзенберг, Манн. И вот порог двадцать первого века: нас уже больше шести миллиардов — и никаких великих имен. Одни представители массовой культуры. И я, я, Андрэ Иверов, утратил Бога в себе, поддался дьявольскому соблазну — азарту биржевых игр, позволил увлечь себя философией вещизма, под натиском досуговых технологий стал обычным потребителем массовой культуры». Тут он вспомнил последний фестиваль фольклорных ансамблей народов мира в Палермо. Американцев представляла группа «Идол». Они показали мужской стриптиз. От Франции выступал коллектив «Де си де ля». Их «Канкан» длился сорок минут. От Швеции — эротический театр «Любовь, еще раз любовь».

И так далее. «Неужели мы, пробившиеся сквозь толщу веков, пришли к столь печальному культурному финалу? Вот он, омут, затягивающий меня, подменяющий вечное — сиюминутным, сакральное — греховным, божественное — дьявольским. И вот я принял мудрое решение: уйти, сбежать в виртуальный мир и открыть новые возможности поиска Бога. Он исчез из привычной повседневности. Ведь чем ближе к церкви, тем, увы, дальше от Бога, чем теснее общение с клириками — тем тише глас священных заповедей Слова Господня. Что может помешать осуществлению моей цели? Капризы чиновника российского консульства? Транспортная авария? Вперед, в Россию, в «империю зла»! Может быть, именно там еще сохранились следы и дух Иисуса Христа. Именно потому, что Россия отстала в своем развитии на века от нашей западной цивилизации, и эпидемия потребительства еще не заразила ее народ, я и смогу отыскать там лагуну для поиска сокровенно человеческого. В моем нынешнем мире этого уже не осталось. Прагматизм, серость, меркантильность восторжествовали над духовностью и индивидуальностью. На вопрос российских таможенников в аэропорту Москвы: «Что ввозите в страну, господин Иверов?» — мой ответ будет прямым и бескомпромиссным: «Уважаемые господа! Здесь, в России, я мечтаю обменять Джагера — на Евангелие, Мадонну — на Чайковского, цветущую Францию — на нищенствующую Россию, капитал — на честь, самообогащение — на богоугодное дело. На что рассчитывать в Германии, если Томас Готтшальк увлекает умы немцев больше, чем Фридрих Ницше или Томас Манн? Что даст мне Англия, если футбольная команда «Манчестер Юнайтед» собирает миллионы зрителей, а Британская королевская библиотека — десятки читателей? Нет, скорее в Россию, в

мир отсталого сознания, в империю зла! Если привычное мне окружение считает Россию таковой, то я, Иверов, абсолютно убежденный в том, что мир вокруг меня духовно разграблен, должен глубоко усомниться в подобной двухмерной характеристике России. Не является ли мнение Запада о стране моих предков отголоском идеологической войны? Итогом девальвации вечных и истинных ценностей? Самообманом заблудшего грешника? Наваждением порочного образа мыслей? Теперь я задумываюсь о потоке черной клеветы, исторгаемой элитой моего общества, тем сильнее я хочу бежать в Москву, чтобы объяснить самому себе, что в этом мире по-настоящему истинно и вечно. От результата поездки во многом будет зависеть, произойдет ли мое полное исцеление и возвращение в реальную жизнь, или мне, подобно Агасферу, суждено до скончания века странствовать и скитаться». — «Господин Иверов, разрешите заправиться на автобане, чтобы не застрять в марсельской сутолоке», — услышал князь голос водителя. Иверов ничего не ответил. Жан-Луи Богосиан, за много лет хорошо изучивший привычки своего патрона, не обратил внимания на его молчание и, свернув с автострады № 8, подъехал к бензоколонке «Agip». В нескольких километрах к юго-западу лежал Марсель.

Российское генеральное консульство находится на рю Барбетт де Жуи. Андрэ Иверов в нем никогда не бывал. Этот особняк времен Третьей Республики располагается в аристократическом районе и имеет весьма респектабельный вид, можно сказать, украшает квартал. В восемь двадцать утра, когда Rolls-Royce Seraph подъехал к зданию, перед коваными воротами консульства стояла длиннющая очередь.

Человек сорок-пятьдесят. Князь никогда не стоял в очередях, поэтому вначале даже испугался. Что у него может быть общего с этими людьми, какое совпадение интересов может объединить их? Тут он поймал себя на мысли, что жизнь, к которой он стремится, вот так просто возникла перед ним и готова его принять. Жан-Луи Богосиан остановился прямо перед воротами генерального консульства, выскочил из машины и открыл дверь патрону. Публика из очереди с любопытством оглядывала столь важную птицу. Но Иверов не торопился выходить из автомобиля. Он как будто врос в кресло салона. Замешательство с каждой минутой усиливалось. Сотрудники консульства уже начали поглядывать на происходящее из окон здания, любопытствуя, кого это привез ранним утром 24 июня к стенам российского консульства шофер в ливрее с галунными на одном из самых дорогих лимузинов. Такое случается не часто. В этот момент двери консульства растворились, и на пороге появился крупный мужчина лет сорока пяти. Закатанные до локтей рукава сорочки, неумело завязанный, приспущенный узел галстука, расстегнутый воротник, засаленные темные, приглаженные волосы поразили Иверова. Он никогда не видел человека подобного облика. «Вот он, простой русский чиновник, — подумал князь, и непонятный страх еще больше овладел им. — Чего я, собственно, испугался? Почему никак не решаюсь выйти из машины? Неужели длинная очередь малоинтересных людей и этот экзотический господин нагнали на меня такой страх? А я считал, что обладаю силой, позволяющей покончить с шаблонами моей жизни и осознанно принять новые ценности. Но при первом же столкновении с незнакомым, чуждым мне миром я так внутренне съежился, что весь проект оказался под угрозой срыва. Инерция челове-

ческой психики — сильнейшая штука...» Тем временем к автомобилю подошел тот самый чиновник российского консульства и на плохом французском языке решительно обратился к Жан-Луи Богосиану: «В чем дело? Кого вы ждете? По какому праву здесь встали, кто с вами в машине? Стоянка здесь запрещена для всех». — «Прошу прощения, пожалуйста, говорите потише, — улыбаясь, начал Богосиан. — В салоне находится мой патрон — русский князь Андрэ Иверов, человек, которого знает и любит вся Франция. Он приехал в ваше учреждение по важным делам». — «Почему же он не выходит? Я — вице-консул Кузьма Иванович Шиндяпкин. Надо уважать других людей. Что он там так долго делает?» — «Мне кажется, что он готовится к диалогу с вами», — бросил иверовский водитель почти в самое ухо господину Шиндяпкину. «Нельзя ли его поторопить? У меня куча дел». — «Такими правами я не располагаю», — парировал Богосиан. «Может, мне попробовать?» — «Отказывать вам, господин вице-консул, меня никто не уполномочивал». Кузьма Иванович Шиндяпкин с очевидной опаской заглянул в салон «Rolls-Royce» через открытую заднюю дверь. Прямо в упор на него смотрели большие застывшие черные глаза.

Андрэ Иверов впал в оцепенение и никак не мог взять себя в руки. Разум и тело совершенно не подчинялись ему. Его бил озноб, руки и ноги мелко дрожали, эмоции были подавлены, как после тяжелой психической травмы. Такое состояние медики называют псевдодеменцией. «Господин Иверов, вы к нам приехали, в генконсульство?» — спросил Шиндяпкин. Князь молча смотрел на незнакомого господина широко раскрытыми глазами. Его лицо приняло глуповатое, смущенное выражение. «Позвольте, что же вы молчите, я готов вам помочь, но вы должны объяснить мне

суть вашей проблемы. Вы вообще владеете русским?» — продолжал напористым голосом дипломат. Князь молчал. Психический шок, который испытал Андрэ Иверов при столкновении с обычной житейской суетой — длиннющей очередью простых людей и чуждым ему своей плебейской неуклюжестью русским чиновником, — вдруг вызвал у французского аристократа сумеречное состояние и полнейшую заторможенность. «Что за идиот, дать бы ему затрещину, быстро пришел бы в себя», — мелькнуло в голове у Кузьмы Ивановича. Сотрудник генконсульства был человеком легко возбудимым, крайне нетерпеливым и не вполне адаптированным к современному технологическому миру. Впрочем, как и многие из новой когорты российских чиновников. Однако роскошный Rolls-Royce Seraph не только сдерживал его раздражение и досаду, но и возбуждал любопытство. «Каков же доход у этого типа, если он позволяет себе иметь такую машину и шофера в ливрее? — думал он, прикидывая, как поступить дальше и что именно предпринять, чтобы растормошить столь странного субъекта. — Наши-то люди посмышленней, да куда им до этого француза. Болван в униформе или его так называемый князь, да и все они тут- одно дерьмо! Особенно эти, с маленькой ножкой. Не с нашей лапой да походкой, а все в изящных туфельках, со скорым шажком насекомого. Ну, прямо, как парша на душе русского... И противны же мне эти французики. Но ведь умеют жить! На каких машинах ездят, какими домами владеют!? Если бы дали власть, прихватили бы мы их Францию, а этот козел князь передо мной бы в ливрее стоял, по утрам стакан водки с икорочкой подносил. Русский князь, да какой он, на хрен, русский? Француз он чёртов! Я должен денег с него содрать, как шкуру с подстреленного медведя. Чтобы его кошелек

обмяк, а мой затрепал от упругости, чтобы он обозлился, а я возрадовался, чтобы он горькую слюну проглотил, а я бы водкой накушался. Что за дело привело его к нам? Может, ресторан в Москве или Питере открыть хочет? Так у нас свой Аркадий Новиков есть. Сеть магазинов, домов одежды, парикмахерских, зубных лечебниц, спиртовых заводов? Пусть конкурирует с Брынцаловым, Киркоровым, Юдашкиным, Лившицем, Мельяном! Они не подарок, когда дело идет о коммерческом соперничестве, и такого идиота, как этот, в Rolls-Royce, разорят и глазом не моргнут». Господин Шиндяпкин взглянул на часы. Было восемь часов тридцать две минуты. «Надо торопиться», — подумал он. Кузьма Иванович в нежном возрасте мечтал учиться в цирковом училище. И вот почему: его мать после операции на гортани лишилась нормального голоса. Тамбовские логопеды обучили ее псевдоголосу, образуемому в пищеводе при прохождении воздуха через псевдоголосовую щель. Так что безгортанная матушка господина Шиндяпкина отлично владела чревовещанием и без проблем общалась на «местном наречии» со своими друзьями. Любознательный подросток, будущий дипломат Кузьма Иванович, довольно ловко освоил приемы и навыки воспроизведения псевдоголоса, более того — овладел этим редчайшим искусством на самом высоком уровне. Его псевдоголос звучал зычно и твердо. Он мог петь даже военные песни, обильно сдобренные патриотической лексикой. Тут уместно сказать несколько слов об удивительной методике воспроизведения утробного голоса. Когда человек говорит этим голосом, рот у него закрыт. Представляете ли вы собеседника, который активно жестикулирует, рассказывая вам последние светские новости, но язычок его не выпрыгивает, и щечки не чмокают при словах «мороже-

ное-пирожное», потому, что губы сложены, как ни в чем не бывало. Так вот, отрок Шиндяпкин забавлял сверстников своими способностями на улицах областного города и мечтал поступить учиться на клоуна, мастера уникального эксцентрического жанра. Кое-кто из соседей даже прочил ему звездную карьеру. Но жизнь рассудила иначе, и комсомольца Кузьму Шиндяпкина направили на работу в закрытое учреждение. Впрочем, в особых житейских случаях, когда господин Шиндяпкин хотел, чтобы на него обратили внимание, он применял свои навыки и всегда производил впечатление редкого оригинала. И так, ему в голову пришла мысль обратиться к странному французскому аристократу русского происхождения, используя свой псевдоголос. «Может, тогда он, наконец, от неожиданности очнется? — мелькнуло в голове у Кузьмы Ивановича. Дипломат опять нагнулся, заглянул в салон автомобиля и увидел те же застывшие, ничего не выражающие огромные черные глаза. Вначале они даже напугали господина Шиндяпкина, он осекся, на мгновение забыл о своем намерении. Но быстро пришел в себя и, глядя прямо в лицо Иверову, на свой особенный манер произнес: «Думается мне, что вы желаете подарить свою машину российскому благотворительному фонду «Инвалиды чеченской войны» или внести ее в бюджет строящегося мемориала подводникам атомохода «Курск»? Если вы еще не решили, какому именно фонду, частному или юридическому лицу подарить автомобиль, то я смог бы помочь вам». — «Какая удивительная способность у русских общаться с собеседником виртуальным голосом. Ведь рот этого господина плотно закрыт, — действительно очнулся Андрэ Иверов. — Бьюсь об заклад, что это не наваждение, а сущая реальность». Наблюдательный российский дипломат заметил,

что в глазах Иверова вспыхнула искорка заинтересованности. «То-то», — мелькнуло у него. Воодушевленный первым результатом, Кузьма Иванович продолжал чревоуважать: «Вас интересует бизнес в России? Положитесь, уважаемый, на меня. У Шиндяпкина самые полезные связи в Москве, в Питере, в других промышленных центрах среди чиновников и коммерсантов. Кого вы представляете? Какой у вас бизнес? Какую фирму вы хотите создать?» — «Что это, обман чувств, ложное восприятие мира, сумасшествие? — размышлял князь. — Я слышу его голос, различаю слова, понимаю их смысл, вижу лицо говорящего прямо передо мной, а губы сжаты, рот на замке. Мистификация или моя собственная болезнь? Галлюцинация или кассета магнитофона? Но, может быть, русские уже освоили технологию виртуального голоса? Они часто придумывают такое, от чего мир шарахается и беспокойно вздыхает. А если направить ему свое виртуальное послание, высказаться таким же манером по поводу его вопросов? Может, у меня тоже получится? Вдруг он умеет не только виртуально говорить, но и виртуально слышать? «Уважаемый господин русский, — начал говорить про себя Иверов, в надежде, что слова будут услышаны его визави, — мой российский паспорт просрочен. Что необходимо сделать, чтобы его продлить? Чтобы паспорт стал действительным? Не через неделю или месяц, а сегодня, сейчас же. Я приму все ваши условия». — «Давайте начнем с другого, — продолжал навязывать себя господин Шиндяпкин, — сколько вы хотите инвестировать в ваш проект? Пятьдесят тысяч евро, сто тысяч... О какой сумме идет речь, или вы пока желаете только осмотреться в России и подумать?» — «Он меня услышал, — обрадовано заметил господин Иверов, — я владею искусством виртуального голоса». Не сдерживая потока поло-

жительных эмоций, князь вытащил из портфеля пятьдесят тысяч евро, а из кармана просроченный российский паспорт и положил их на сидение автомобиля перед самым носом господина Шиндяпкина. «Пожалуйста, вот вам инвестиционные деньги», — запинаясь, сказал князь и смущенно отвел глаза в сторону. «Что это такое, — молниеносно пронеслось в голове Кузьмы Ивановича, — провокация? Нет, не похоже. За что он отвалил мне столько? Не понимаю, что происходит. Видимо, этот богач — полный кретин». Он прикрыл распахнутую дверь машины и своим огромным телом заслонил заднее сиденье. «Что вы, господин Иверов, имеете в виду?» — шепотом, слегка дрожащим голосом спросил Кузьма Иванович. «У меня просрочен российский паспорт. Мне необходимо его немедленно продлить или выдать новый. Фотографии прилагаются. Вы сказали, что в этот проект нужно инвестировать пятьдесят тысяч. Пожалуйста, вот они, возьмите. Но паспорт мне нужен через пятнадцать минут». С господином Шиндяпкиным происходило нечто невообразимое. За служебные услуги он частенько обкладывал соотечественников, постоянно проживающих на юге Франции или находящихся в командировке и на отдыхе, мелкими поборами. Сто евро, двести, один раз за все время его шестилетней службы некая дама за липовую справку о том, что ее дочь не состоит в браке, предложила ему целых пятьсот евро. Но пятьдесят тысяч? За продление паспорта? За минутное, плевое дело? У российского чиновника пересохло в горле и голова пошла кругом. Он никак не мог найти объяснение случившемуся, и это совсем затуманило его разум. Господин Шиндяпкин поднял голову, взглянул на голубое утреннее небо, услышал легкий шелест платанов, пение птиц. Наконец он пришел в себя, быстро перекрестился еле за-

метным движением руки и, нагнувшись в салон автомобиля, сказал: «Мне нужна газета и полиэтиленовый пакет. Через пятнадцать минут я верну вам паспорт. Все будет в ажуре». Князь почти ничего не понял, поэтому по-прежнему молчал и смотрел в сторону. Кузьма Иванович, уже сообразив, что незнакомец болезненно странен, обратился с той же просьбой к шоферу в ливрее. «Да, кстати, может, у вас найдется что-нибудь выпить для моих коллег? Вон, в окнах, сколько любопытствующих взглядов». — «У нас в холодильнике только Эвиан, Пилигрино и пиво Хайнекэн», — сказал Богосиан. «И больше ничего? — разочарованно протянул Кузьма Иванович. — Положи все, что есть, в пакет. Не забудь паспорт и эту пачку денег. Я через пятнадцать минут выйду, подвези еще пару бутылок коньяка... Не скупись на бренды. Можно и виски. Япония — Страна восходящего солнца, Россия — стаканного звона. Понял?» Расторопный Жан Луи быстро выполнил поручение дипломата, и господин Шиндяпкин исчез в дверях российского генерального консульства.

Rolls-Royce Seraph медленно двинулся по городским улицам.

Глава X

24 июня 2002 года, в понедельник, по телу Платона Филипповича Буйносова прошел взбадривающий сигнал будильника ручных часов «Вашерон Константин». Было семь утра. Квартира на Фрунзенской набережной в доме 34 на пятом этаже уже наполнилась теплыми лучами яркого летнего солнца. Напряженный план нынешнего дня был составлен заранее самим Платоном Филипповичем, поэтому после пробуждения он, долго не раздумывая, вскочил с кровати и стал готовиться к выходу. Господин Буйносов занимался бизнесом. Это был мужчина тридцати пяти лет, высокий, правильного спортивного телосложения, светловолосый. Сосредоточенное лицо казалось бледным и жестким. Он был одержим. Идеей фикс был капитал. Его тотальное сохранение и агрессивное наращивание. В 1986 г. он вернулся из армии, а в 1991 г. окончил Высшее техническое училище имени Баумана по специальности «ядерная энергетика». Хотел посвятить себя проблемам использования плазмы в энергетическом комплексе. Но крах СССР и последующий закат академической науки вынудили господина Буйносова искать себя в предприниматель-

стве. Стремление выжить в тяжелейших условиях, каковыми оказались для миллионов граждан огромной развалившейся страны девяностые годы, найти способ обеспечить себе минимальный достаток изменили представления Платона Филипповича о жизни и собственной судьбе. Вначале молодой ученый стал продавать мороженое в вагонах поездов южного направления, отходящих от Курского вокзала. Потом торговал пивом, вином, водкой с переносного лотка на улицах города. В то время не требовалось лицензии на торговлю, санинспекция не воевала против собственноручно сбитых из столярных отходов так называемых торговых лотков, а налоговая служба только зарождалась. В 93-м он стал мелким оптовиком. Платон Филиппович с раннего утра до поздней ночи — более пятнадцати часов в день — развозил по киоскам крепкие напитки. Водка давала до шестидесяти процентов чистой прибыли — декларирование доходов еще не стало нормой жизни. К 95-му году капитал господина Буйносова составлял уже около трехсот тысяч долларов. Именно в этом году он решил создать торговую фирму по дистрибуции известных мировых брендов. Через год он уже реализовывал в месяц более двадцати вагонов водки «Абсолют», тридцать вагонов водки «Смирнов», десятки вагонов продукции известных производителей фирм UDV, Seagram, Alla Domeque, Danisco Distillers. К 97-му году оборот фирмы Буйносова составлял около семидесяти миллионов, а чистая прибыль была на уровне пятнадцати процентов. После дефолта 1998 года он потерял несколько миллионов долларов, но твердо решил не бросать бизнес, а расширять инвестиционный портфель в других отраслях и выйти к 2010 году с годовым доходом в 100 миллионов долларов. Эта мысль так увлекла его, что молодой человек полнос-

тью посвятил себя предпринимательству. Господин Буйносов не позволял себе никакой личной жизни. Правда, раз два в неделю он звонил в агентство Циммерманна и говорил: «Будьте любезны, за триста долларов лекарство для простаты на всю ночь на Фрунзенскую». Кроме девушек Циммерманна, в его жизни никого не было. Молодой человек думал исключительно о приумножении собственного капитала и ни о чем другом. Теперь ему самому не верилось, что когда-то он мечтал стать теплофизиком и посвятить себя изучению проблем высоких энергий. Мысль о ста миллионах захватила его целиком. Господин Буйносов совершенно не имел времени и желания подумать, а почему, например, именно сто миллионов, а не семьдесят или сто сорок? Что это за такая магическая цифра — сто миллионов? Странные мечты бывают у людей с развитым воображением. Но в своей морфологии они очень часто связаны с событиями грядущего. Еще не распознанный внутренний голос нередко навязывает нам непонятные, порой сумасшедшие идеи.

Молодой человек торопился. В девять утра в гостинице «Мариотт» на Петровке начиналась первая дискуссия по пилотному проекту «Pakistan — flower's paradise»¹. Впервые этот план был озвучен в мае сего года. На первый взгляд проект выглядел несколько громоздким, капиталоемким, но вполне интригующим. Суть сводилась к следующему. Мировой бизнес цветов составляет около двадцати миллиардов долларов. В современном мире сложились крупнейшие цветочные биржи, и одна из самых значительных — Амстердамская. На нее прибывают цветы со всей Голландии, из Европы, Северной Африки, Израиля, Латинской

¹ «Пакистан — цветочный рай» (англ.).

Америки. Потом цветы развозятся по всем городам Старого Света, Восточной Европы и стран СНГ. Необходимо было найти консолидированных инвесторов, чтобы создать производственные площади для выращивания цветов в Пакистане и цветочную биржу в Москве для всех стран СНГ и Балтии. Климатические условия и качество земли в Пакистане лучше, чем в Северной Африке, и он в два раза ближе к Москве, к другим восточноевропейским столицам. Цветочная идея быстро закрепились в мозгу Платона Филипповича, и он стал с жаром искать заинтересованных лиц. Около года назад у него появилось тонкое чутье к большим деньгам. В начале 2001 года господин Буйносов стал управляющим консультационной фирмы «Investing Advice» и уже работал на самых разных финансовых площадках Москвы. Кроме фирмы по торговле мировыми брендами, он приобрел множество других коммерческих структур. Молодой человек слыл великолепным менеджером высокорентабельных проектов. За последние несколько лет он во многом преуспел: подружился с нужными людьми из правительственных кругов, создал клуб «Восемь звезд», в который входили торговые представители стран «большой восьмерки». Консультировал Кудрина и Грефа, получил рычаги влияния на руководство «Единства» и СПС, нередко появлялся в обществе Лужкова, банкирши Парамоновой, депутата Хаккамады, певицы Аллы Пугачевой, финансиста Орлова, известных столичных коммерсантов Михаила Мельяна и Зураба Цагарели. Его капитал уже составлял десятки миллионов долларов, но он был скромнен в личных расходах и чрезвычайно щедр в дружбе с представителями административного ресурса. Господин Буйносов, конечно, понимал, что на пакистанский проект у него уйдет около десяти лет, но предвкушал

блестящий финансовый успех. На дискуссию в «Мэриотт» был приглашен посол Пакистана в России господин Маршед со своими ассистентами, а также крупнейшие голландские цветоводы Хедде ван дер Люгт, Тон Блей и менеджер Амстердамской цветочной биржи Макс Вилантер. Предстояло обсудить множество вопросов, связанных с развитием цветочного бизнеса. В программе встречи значился обед в гостиничном ресторане «Аврора». Впрочем, уже в 15 часов в ресторане «Ле Колонн» на Неглинке предстояла другая важнейшая дискуссия. По своему размаху и авантюренности этот проект можно было бы назвать суперзахватывающим. Господин Буйносов хотел впервые представить кругу израильских, российских и китайских инвесторов проект, дающий возможность участникам бизнеса заработать несколько миллиардов долларов. Суть его заключалась в следующем: согласно закону Франции, только в северо-западной провинции Шарант из местного винограда Уни блан можно выкуривать коньячные спирты, а затем из этих спиртов готовить коньяки. Другие варианты категорически запрещались, и все винодельческие страны мира акцептировали французское законодательство. Город Коньяк (Cognac) — главный город провинции. В нем есть свои винокурни у всех крупнейших коньячных фирм, имеющих мировые бренды: «Hennessy», «Courvoisier», «Remy Martin», «Camus», «Otard», «Martell». Торговая марка «Hennessy» на рынке стоит от трех миллиардов долларов, «Remy Martin» — около двухсот миллионов. Весь мировой коньячный бизнес стоит приблизительно десять миллиардов. Но вся земля провинции Шарант, на которой только и можно выращивать виноград для изготовления коньяков, стоит не более трехсот пятидесяти миллионов евро. Скупить все виноградники Шаранты — дело непростое,

хлопотное, но вполне возможное. Единственная официальная преграда — антимонопольное законодательство Франции. Впрочем, совершенно не требуется покупать земли на одно юридическое лицо. Технологии бизнеса позволяют сккупить виноградники, оформив покупки на десятки фирм и сотни физических лиц. Таким образом, авантюрный проект молодого человека предполагал, что за триста пятьдесят миллионов можно крепко взять за горло бизнес в десять миллиардов. Это дало бы инвесторам совершенно новые перспективы и уровень финансовой игры. В восемнадцать часов в ресторане «Желтое море» была намечена встреча с деловыми людьми для обсуждения еще одного проекта — первого в Москве аукционного дома, в котором можно продавать все с молотка. А в двадцать часов в самом изысканном ресторане — «Бисквит» собиралась группа инвесторов, чтобы обсудить проект платной двадцатитрехкилометровой автодороги — «МКАД — Сосны» по Рублево-Успенскому шоссе под рабочим названием «Полет над гнездами новых русских». Авторами этой идеи были Платон Буйносов и Александр Бочарников. Они назвали свой проект пилотным. По его образу и подобию планировалось в будущем построить еще несколько ключевых транспортных развязок между центром города и периферийными комплексами индивидуальной застройки. В двадцать два часа он собирался со своими сослуживцами по Арктическому пограничному округу отмечать пятнадцатилетнюю годовщину окончания службы в армии. Так что предстоящий понедельник требовал от господина Буйносова большого напряжения умственных и физических сил. Впрочем, он чувствовал необыкновенный прилив энергии и неизбывную уверенность в успехе своих начинаний. Чем напряженнее выглядел его распорядок

дня, тем больше адреналина мозг гнал в его кровь, и упоение жизнью переполняло его душу. Если бы телешаман Владимир Познер пригласил его в студию первого канала, чтобы выяснить, зачем человеку столь огромные финансовые ресурсы и способны ли они одарить человека дополнительными возможностями, то основательно смутил бы Буйносова простотой вопроса. Действительно, что такое деньги и почему большая часть человечества уже многие сотни лет с необузданным рвением стремится умножать их до бесконечности? Посвящает этому целую жизнь, попирая заветы и нарушая нормы? Одни говорят, что деньги — это власть, другие — независимость, третьи — инструмент для испытания самого себя, четвертые — ключ ко всем тайнам бытия. Наконец, кое-кто видит в них чуть ли не субстанциальную основу мира — наряду с землей, водой, огнем, воздухом и плазмой, без которой сама материя безжизненна и не пригодна для проживания. Маркс считал, что капитал — это самовозрастающая стоимость. Изжитый нынешним временем и финансовым развитием постулат, давно уже ставший анахронизмом. Буйносов склонялся к мысли, что капитал — это реализованная возможность сохранить плоды своего труда. Чем больше денег, тем выше чувство собственного достоинства. Без воды и воздуха человек погибает физически, без денег в нем умолкает голос разума, угасает духовность, набирает силу возвратное движение от человека к неандертальцам и троглодитам. Взгляните на жителей беднейших стран. Мы разнимся не только одеждой, рационом питания и нормами поведения — интеллектуальная и духовная пропасть лежит между нами. Культурная несовместимость китайской стеной встала между народами. Именно так и считал Платон Филиппович, но свойственная ему природная

стеснительность не позволяла публично высказывать свои мысли. Господин Буйносов был влюблен в деньги, как в какой-то универсальный фетиш, он искренне верил в то, что лишь огромный капитал может приблизить его к божеству, к сверхчеловеку, и это обстоятельство придавало его честолюбивым помыслам оттенок сакральности. К людям высокого положения он всегда относился с почтением, вниманием и доброжелательностью, прекрасно понимая, что для достижения поставленной цели необходим административный ресурс. Но стоило чиновнику потерять кресло, как он вычеркивал его из списка обожаемых и перемещал на лист ожидающих внимания. Ну, а если бюрократа изгоняли из ведомства, то господин Буйносов в мгновение ока не только терял к нему всякий интерес, но и попросту изгонял его из своей памяти. Последний случай произошел совсем недавно. Стоило господину Н.А. утратить значимое место начальника департамента налогового ведомства, как Платон Филиппович тут же забыл все, что связывало их в прошлом.

Иногда он сам себя ловил на мысли, что его дружба с крупными чиновниками сродни продажной любви девушек господина Циммермана. Девицы эти работали во здравие Платона Филипповича, а столичные бюрократы были полезным инструментарием для реализации его сверхидеи — получать в год сто миллионов долларов. Помимо чиновников самого разного ранжира, вокруг Буйносова крутились многочисленные посредники: народные артисты, именитые режиссеры, космонавты, генералы МВД и КГБ, заслуженные спортсмены, священники, банкиры-неудачники, куртизанки, открывающие доступ к высшим чиновникам. Как тунцы следуют за китом, питаясь царскими обедами, так весь этот московский люд постоянно вьет-

ся вокруг новых русских, чтобы при случае отхватить шальные деньги или, по крайней мере, полакомиться за чужой счет. Нынешняя Россия — не место для идеалистов, людей чести и праведников. Наоборот! Пароль времени чужд высоким идеалам! И не то чтобы Платон Буйносов был нуворишем, человеком, не принятым обществом. В его отечестве вот уже десять лет шла вынужденная борьба, навязанная российскими традициями «государственности», борьба между людьми, способными к коммерции, и людьми ничтожными, без полета мысли, но с бюрократическими полномочиями. Чиновники успешно создавали препоны бизнесу, а потом за мзду устраняли эти завалы. За такими схватками, чаще имевшими полюбовный исход, молча, порой с завистью наблюдала интеллигенция. Она никак не могла для себя решить: на чью сторону стать? Бизнес она ненавидела генетически, как, впрочем, и бюрократ. Хотя все же большая часть современных российских интеллигентов предпочла бы истинной свободе предпринимательства усиление полномочий чиновников. Платон Филиппович был полностью вовлечен в этот публичный, с помощью бульварной прессы подогретый социальный спектакль: бизнес искал свободы, бюджет требовал увеличения налоговых отчислений, бюрократ с помощью инструкций и постановлений притеснял коммерцию и требовал взятки, а интеллигенция, толком не определившись, но тяготея к «государственникам», под прикрытием гуманитарной идеи выбивала у бизнеса средства к существованию, у чиновников — налоговые льготы. Молодой человек хорошо знал слои своего общества. «Ох и мудрецы российские интеллигенты советской закалки, им бы в бизнес пойти, пирожками торговать, мелкое предпринимательство развивать, — частенько размышлял он. — Гля-

дишь, наконец были бы при деле». Именно в этой дьявольской игре господин Буйносов выделился и достиг завидных успехов. Его положению в иерархии бизнеса и связям с административной элитой многие могли бы позавидовать. Именно такие, как Платон Буйносов, стали подлинными хозяевами современной российской жизни.

Итак, Платон Филиппович торопился жить, чтобы заработать огромное состояние. Он встал и прошел в ванную. Его небольшая трехкомнатная квартирка с окнами на Москву-реку и Парк имени Горького была почти не обставлена. В правом углу большой комнаты находилась широкая двуспальная кровать, рядом пара венских стульев, заваленных одеждой. У самого окна на ящике, покрытом старыми газетами, стоял небольшой телевизор. Рядом на пыльном полу беспорядочно валялись несколько пар обуви. И больше ничего в комнате не было. Дверь из ванной направо вела на кухню. Там стоял небольшой столик, старый, в царапинах холодильник «Юрюзань» и газовая плита. На стене висели два шкафчика. В первом хранились посуда и кухонная утварь, во втором — продукты: сахар, в примятом мешочке кофе, начатая упаковка овсяного печенья, а в широкой пиале — тыквенные семечки. Весь непотребный вид кухни свидетельствовал о том, что хозяин пользовался ею чрезвычайно редко. За кухней была вторая комната. Не считая спортивной беговой дорожки и нескольких прожравевших гантелей, в ней тоже ничего не было. В третьей комнате стояла гладильная доска. Раз в неделю к Андрею Андреевичу приходила соседка со второго этажа, которая за двести рублей в день прибирала квартирку, стирала, гладила белье и приводила в порядок одежду одинокого владельца скромного жилища. На стенах комнатки, на гвоздях висели множество костюмов,

сорочек, пуловеров и прочего мужского платья. Вот и вся обстановка. Никто из посещавших его никогда бы не подумал, что здесь живет очень богатый человек, имеющий виды на баснословное состояние. Редкие приятели, попав в квартиру господина Буйносова, смущались и ни о чем его не спрашивали. Был, правда, случай, когда один из его партнеров по бизнесу, весельчак Михаил Мельян, попавший на Фрунзенскую, оторопел от увиденного и без обиняков брякнул своему приятелю: «Миллионер в берлоге? Чудак ты, брат Платон. Твоя завидная способность делать бизнес лишила тебя таланта жить красиво. Чего в тебе больше — скряги или безумца? Все это, — Мельян окинул взглядом убогое пристанище, — очень трогательно, если не знать или напрочь забыть о твоей финансовой мощи. Что ты хочешь сказать самому себе или мне своей неприкаянностью? Человек неисчислимых возможностей, прозябающий в нищете, бередит мою сердобольность. Душа богоносно-го еврея вспыхивает гневом и страстным желанием помочь тебе избавиться от наваждения убогости. Купи себе приличный дом в Барвихе, заведи двух-трех постоянных любовниц, найми служанок. Живи, как сильные мира сего. Дать тебе кредит? Вызвать агента по недвижимости? Заказать мебель? Запросить предложения антикварщика? Познакомить тебя с моделями из «White Star»? Очнись, Платоша! Мир так красив и заманчив для богатого и так мрачен и ничтожен для нищего. Наши иудейские пророки говорили: если мир несправедлив, это совершенно не означает, что он должен быть разрушен или не востребован». Эти слова приятеля потом частенько приходили на ум господину Буйносову, но никогда не вызвали в нем желания по-настоящему осмыслить себя, поразмышлять над собственной философией жизни, над подлинными и мнимы-

ми ценностями. Господин Буйносов всегда торопился, у него не было времени остановиться, взглянуть чуть дальше своего потаенного желания иметь огромный капитал, некогда было разглядеть в этом мире что-либо другое, кроме денег, денег, денег. Впрочем, в этом он явно не оригинален, большая часть сильной половины человечества обладает именно этими признаками. В современном мире редко встретишь мужчину, озаренного идеей альтруизма или бескорыстного служения музам.

Молодой москвич вышел из ванны, оделся, заглянул на кухню, съел одно киви, выпил стакан минеральной воды, взял портфель, осмотрел себя в зеркале и вышел из квартиры. Он так молниеносно проделал все эти процедуры, что складывалось впечатление, будто он не человек вовсе, а робот. Стоит отметить еще одну особенность молодого москвича: он никогда не пользовался лифтом. Поднимался и спускался господин Буйносов исключительно пешком и категорически отказывался принимать приглашения на деловые или личные встречи, проходящие выше девятого этажа. Видимо, его вестибулярный аппарат был совсем расстроен. Так вот, молодой человек сбежал вниз. У подъезда дежурил охранник, а рядом стоял «BMW» 750 модели. «Привет, — сказал он своему водителю. — Поезжайте к Крымскому мосту. Мне хочется пройтись пешком. Погода сегодня великолепная. Ждите меня у светофора». С этими словами Платон Буйносов передал шоферу плотно набитый портфель и зашагал через двор в сторону набережной Москвы-реки. Важно было додумать систему доказательств в дискуссиях по цветочному проекту «Pakistan — flower's paradise». Он уже давно стал асом по умению инвестировать чужие финансовые ресурсы в собственные проекты.

Глава XI

Новый красный паспорт лежал в кармане Андрэ Иверова. Но странное дело: если раньше сей документ он совершенно не замечал, как будто его и не было, то сейчас он вызывал в нем какое-то странное, гнетущее чувство. Временами ему казалось даже, что лежащий в кармане паспорт прошибал его ознобом, душа князя холодела, а строчки из этого документа будоражили сознание. «Иверов Андрей Константинович», «паспорт действителен до 24 июня 2006 года». «Андрей Константинович» — так его никто не называл. Сможет ли он привыкнуть к новому имени? «Неужели они все такие, как этот дипломат? — пронеслось в голове. — Общение с подобной публикой обернется для меня вечной мукой. Тут не нужны ни подвалы, ни крысы, ни пропойцы в обнимку. Не изнанка жизни, а изнанка всего лишь одного лица. Чуждая физиономия одного человека, посмотришь — и жить уже не хочется. А если вся страна состоит из таких лиц? А если этот Шиндяпкин в русском понимании — примерный гражданин, едва ли не ангел? И впереди меня ждут шиндяпкины в минус пятой, в минус двенадцатой степени? Не стоит ли мне отказаться

от этой сумасбродной идеи и просто стать отшельником в Сахаре, в джунглях Амазонки, среди вечных снегов Аляски? Может, построить или купить огромный парусник и стать водоплавающим скитальцем? Или летучим голландцем на дирижабле? Диггером? Диггером — очень заманчиво, — размышлялся князь. — Спуститься под землю и бродить по лабиринтам страны Андеграунда. Искать ходы Средневековья, купаться в невидимых реках, встречаться с привидениями, стать постояльцем авгиевых конюшен подземелья, «квинтэссенцией праха», как говорил Гамлет. Стать очевидцем процесса разложения, когда вещь приобретает свой окончательный вид. Кстати, — подумал Иверов, — московское подземелье должно быть преинтереснейшей страной. Ее начал создавать Аристотель Фиораванти, архитектор и строитель Кремля. Там прятали свои тайны и находили утешение многие московские князья. Говорят, что царь Иван Грозный схоронил свою уникальную библиотеку, Петр Первый — коллекцию поименных боярских бород, Иосиф Сталин — списки своих мучеников. Еду в Россию!» Он тут же принялся звонить своим дежурным летчикам, чтобы они готовили «Challenger» для вылета в Москву. Но быстро опомнился. Никто из его знакомых и работающего персонала не должен знать о месте его пребывания. Тогда князь решил позвонить в справочную, чтобы узнать о ближайшем рейсе на Москву. Салон был плотно закрыт, так что водитель Богосиан слышать ничего не мог. Андрэ набрал номер справочной службы аэропорта Ниццы. Ему ответили, что рейс «Эр Франс» транзитный, через Париж. Время вылета — 10.40 Самолет «Аэрофлота» вылетает прямым рейсом в 15.00. Прилет в Москву в 18.50. Князь собрался было спросить о наличии мест и забронировать себе билет, но вдруг сдержался, решил повременить

с этим, не торопиться и все еще раз обдумать. В кармане у Андрэ Иверова были два паспорта: французский и российский, в бумажнике лежали три тысячи евро и несколько кредитных карточек. Никакого багажа у него с собой не было: ни сменного белья, ни одежды, ни других личных вещей, ни адреса, по которому его кто-либо ждал. Во всей России у него не было ни одного знакомого. Такие сложности при любой, даже незначительной местной поездке, не говоря уже о долгосрочном путешествии в незнакомую далекую страну, способны озадачить и напугать каждого. Но князь, напротив, именно в этой незавидной ситуации испытывал все возрастающую радость. Его душа ликовала: судьба дарит ему столь замечательный шанс сбежать в Россию, в страну отчаяния, к неизведанному бытию. Где еще можно укрыться от гнетущего сознание образа мыслей, условностей этикета, от собственного фантастического капитала, от навязчивого окружения элитного сословия?

Господин Иверов верил и убеждал себя в том, что Россия — именно то место на земле, где он сможет обрести самого себя, изведать глубину своего внутреннего мира, расставить жизненные приоритеты. «Изнанка жизни в России, — рассуждал он, — представлена богатейшей палитрой, а виртуальный мир намного ближе к человеку, чем где-либо. Там не должно быть существенной разницы между виртуальным и реальным миром. Я чувствую, что души и тела россиян «ипостасно» постоянно меняются. Какое-то необъяснимое, перманентное заколдованное движение. Поэтому меня так неистово, необузданно тянет в Россию». Чрезвычайно довольный тем, что опять нашел веские аргументы для переселения в Москву, господин Иверов задумался о бытовых мелочах. Он вспомнил, что Россия — долларова страна. А американских денег у него с собой не

было. «Нужно заехать в ближайший банк и взять с собой немного американской валюты, — начал размышлять князь. — Но сколько «немного»? Казалось бы, не вопрос для обладателя миллиардов, финансиста и эксперта фондового рынка. Но именно этот вопрос застал его врасплох. «Нужны ли мне деньги вообще при горемычной изнанке существования? Как рассчитать, чтобы хватало на самую малость, на чуть-чуть, чтобы отличаться от животного? Тысячу долларов, пятьсот, триста? Я совершенно не знаю потребительской корзины России, расценок на товары и услуги. Сначала мне надо определиться, где я буду жить и как ладить с миром. Может, и вовсе отказаться от денег, довольствоваться милостыней? Какое великое разрушение гордыни, сколь заманчивое очищение души от светских стереотипов ждет меня, как изменюсь я сам, если стану на московской улице с протянутой рукой? Мне только и нужно, чтобы прохожие смотрели на меня с презрением или жалостью, с ненавистью или сочувствием. Но удастся ли все это свершить? Я, Иверов, — без гроша в кармане? У меня с рождения всегда был безразмерный кошелек, а тут просить подаяние у нищего российского прохожего, когда мой собственный капитал сравним с бюджетом всей этой страны? Не замучает ли меня совесть, не омрачится ли душа от сознания, что я обираю обездоленных россиян в угоду своему весьма экстравагантному, чрезвычайно эгоистичному проекту? Это я мечтаю изменить свою жизнь, мой разум переживает кризис, моя совесть ищет новую духовную опору. Но вправе ли я рассчитывать на сострадание, сердобольность российского народа, чьим подаянием хочу обеспечить свое, пусть и убогое, существование? Каждый вправе бросить в меня камень с упреком: «Мерзавец, богатей, с жиру бесится, а просит нашей помощи». Но все же,

какое это наслаждение, мне, Иверову, просить подаяние и вместе с воронами собирать объедки на мусорных кучах. Да, тут уж кардинальная ломка сознания и разрушение философии собственного «я». Сгинет корпоративная мораль, погибнет ложное чувство собственного превосходства, навсегда умрут напускная скромность и респектабельность. А как изменятся потребности желудка и мои гастрономические привычки? От королевских креветок — к прогнившим капустным листьям, от альпийского ягненка — к червивым яблокам из мусорных куч. Возвысится ли мой дух в результате такой метаморфозы или окончательно переселится в виртуальный мир? Растает ли привычное «я», и воскреснет ли обновленный человек? Андрэ Иверов! Точнее, Андрей Константинович Иверов! Сверхсущество, обуздавшее самого себя! Но как измерить чудо — силу восстания интеллекта против им же придуманного вероломства?» Господин Иверов был в замешательстве, как же именно собираться ему в дорогу и, устав от противоречивых рассуждений, по привычке бросил водителю Жан-Луи Богосиану: «В ближайший банк». Там он снял с кредитной карточки десять тысяч долларов и стал прогуливаться по авеню Клебер. Каким-то отсутствующим взглядом, вернее, с внутренним отчуждением князь скользил по витринам магазинов, невысоким марсельским домам, украшенным металлической вязью старинных балконов, плывущим навстречу лицам прохожих и голубям, воркующим на площади.

Когда князь Иверов вышел на площадь Руссо, он решительно вытащил из кармана телефон и набрал номер аэропорта Ниццы. «Салют. Пожалуйста, могли бы вы заказать мне на сегодня билет на рейс «Аэрофлота» Ницца — Москва?» — «Минутку... да, пожалуйста, — услышал он, —

на чье имя и какой класс?» — «Андрэ Иверов, первый класс». — «Все замечательно, как будете платить? Где заберете билет, куда его прислать?» — «Мадам, я ошибся, — торопливым голосом сказал Иверов, — мне не первый класс, а самый обычный, дешевый». — «С удовольствием, но в наличии только первый класс. Поставить вас на лист ожидания?» — спросил голос из Ниццы. — «Спасибо, не надо. Запишите мою фамилию и мой номер «Мастер кард». Окончив разговор, господин Иверов зашел на почту. Он вытащил из бумажника все кредитки, просмотрел их, обратно вложил лишь одну, номер которой продиктовал в Ниццу. Остальные запечатал в конверт и хотел уже было проставить на нем адрес госпожи Понсэн, но остановился, посмотрел в потолок и, видимо, передумал. «К чему эта ненужная суета?» — пронеслось в его голове. Князь подошел к окошку почтового служащего, попросил у него ножницы, разрезал кредитные карточки на мелкие кусочки, бросил их в урну и вышел на улицу. До отправления самолета оставалось чуть больше четырех часов. Нужно было торопиться в аэропорт. Из Марселя до Ниццы на такси, — а именно на такси решил он отправиться в аэропорт, — дорога могла занять два с половиной часа. Господин Иверов позвонил в Rolls-Royce Богосиану и сказал ему, чтобы тот возвращался в Ниццу. «У меня дела, — бросил князь, — некоторое время я буду отсутствовать. Если ты мне понадобишься, я вызову тебя по телефону. Салют». «Не могу себе представить, — подумал Иверов, — что никогда больше не увижу людей, которые долгие годы служили мне. Но не только этого я не могу вообразить, — продолжал он размышлять. — Неужели смогу я пройти через это испытание — жить на задворках общества и обрести в этом состоянии духа умиротворенность? Неужели стереотипы и при-

вычки жизни люкс-класса не возьмут верх над моими химерическими мечтаниями о юродстве, не вынудят меня прервать эксперимент и броситься в пятизвездочную гостиницу? Надеюсь, в Москве есть такие... Или, может быть, жизнь среди нищеты и произвола пробудит во мне новый импульс вернуться в известный, хорошо знакомый формат существования, где я опять окунусь в дьявольский омут потребительского мира? Нет! Уж лучше наложить на себя руки или потерять рассудок». — «Не зарекайся», — вдруг мелькнуло у него в голове, и князя как током прошибло от этой явной неожиданности. Чтобы понять, откуда пришел этот предательский внутренний голос, Иверов заговорил с самим собой: «Ты хочешь сказать, — обратился он сам к себе, — что я не выдержу лишения, чудовищного быта и сбегу назад на Лазурный берег? Ни черта ты меня, брат, не знаешь. Я обязательно дойду до конца. Или окажусь на самом дне общества, или полностью переселюсь в виртуальный мир. Другого пути нет, и не будет». — «Поживем — увидим», — опять как-то нахально вставил тот же голос. Именно в этот момент Иверова толкнули в плечо, и он услышал русскую речь и узнал знакомый голос: «А я следил за вами. Пятьдесят тысяч евро взять и не узнать, что вы за птица, — это, знаете ли, не по-русски». Князь обернулся. Перед ним стоял Кузьма Шиндяпкин. «Скажите, Андрей Константинович, почему вы мне такую уйму денег за пустяковое дело выложили? Ведь уйма же?! Я бы вам безо всякой платы паспорт продлил. Дипломат Кузьма Шиндяпкин взятки не берет. А ваше щедрое подношение я, скромный российский дипломат, воспринял как помощь могущественного соотечественника. Теперь я вам любое дело сварганю, только прикажите». В облике российского дипломата мало что изменилось, лишь тон стал слегка угодливым и выражение

лица — откровенно заискивающим. Впрочем, Иверов не собирався его разглядывать. Князь опять задумался, так как не мог понять: говорил ли с ним этот несимпатичный субъект виртуально или же вполне обычно. Тут князь поймал себя на мысли, что по новому его миропониманию, им же изобретенному, не следует шарахаться от этого скверного типа. «Тут противоречие какое-то. Не все так просто! — подумалось ему. — В России я стану таким, каким мечтаю быть», — успокоил он себя. Потом он подумал совсем о другом: «Но как он тут появился? Что ему нужно? Шпионит?» — «Спасибо, с паспортом все благополучно», — не зная, что говорить, бросил Иверов. «Чем еще могу служить? Может, у вас дельце какое есть? Помощь нужна? — спросил Шиндяпкин обычным голосом. — Вы что, в Россию собрались? Я просмотрел ваше дело — вы в первый раз, видимо, решились историческую родину посетить. Иначе, зачем вам действующий паспорт иметь? Простая логика. Но почему так спешно? Бизнес горит, сделка срывается? Может, какое событие позвало в дорогу?» Кузьма Иванович действительно просмотрел имеющееся в консульстве досье на князя Иверова. В нем российский дипломат нашел для себя очень много интересного. Различные источники — агенты, информаторы, пресса — сообщали, что князь Андрэ Иверов совершенно аполитичен, что он богатейший человек юга Франции, меценат. В российский фонд «Детям Чернобыля» князь уже тринадцать лет регулярно переводит пять миллионов долларов в год. После землетрясения в Армении он направил на специальный московский счет десять миллионов долларов на восстановительные работы в Спитаке. Оплатил прием, устроенный советским посольством в Париже по случаю визита Михаила Горбачева во Францию. Тогда посол Дубинин

пригласил шестьсот человек — высшую политическую и финансовую элиту Франции в ресторан гостиницы «Бристоль». И меню составлял гастрономический консультант князя Иверова знаменитый Патрик Бланшерон. Это был один из самых респектабельных вечеров, которые помнил Париж XX века. Андрэ Иверов был постоянным спонсором дней российской культуры, проводимых в последние годы в Каннах. Он оплачивал пребывание советских и российских артистов на международном Каннском кинофестивале и многое другое. Просмотрев материалы об Андрэ Иверове, господин Шиндяпкин смекнул, что оставлять без внимания такую известную персону, как богатч Иверов, непозволительно глупо и расточительно. Он перебрал в памяти несколько проектов и наметил темы, способные, по его мнению, вызвать коммерческий интерес или человеческую жалость у Андрея Константиновича. Но пружиной его предложений, с которыми дипломат собирался обратиться к князю, было стремление поживиться за счет его капитала. Впрочем, господин Иверов никак не желал вступать с этим типом в разговор. «Как же от него избавиться? — только и думал князь. — Прошу прощения, я должен сейчас ехать на кладбище Сен Пьер. Вы можете связаться со мной как-нибудь в другой раз. Прощайте», — Иверов протянул руку. «Минутку, у меня есть еще несколько вопросов, — Шиндяпкин неуклюже улыбнулся. — У меня двадцатилетняя дочь Геня. Французские власти не дают ей вид на жительство, так как она уже совершеннолетняя. Только дети дипломатов пользуются таким правом. Она очень красива и прекрасно владеет языком. Могли бы вы предложить ей работу и легализовать в стране? Она сейчас живет в Москве и мечтает только об одном — работать во Франции. Я подготовил для вас резюме дочери, — он протянул

Иверову сложенные листы писчей бумаги, — обратите, пожалуйста, внимание на мою Геню. А вы, Андрей Константинович, женаты? Многие французы мечтают иметь русских жен, вы человек русского происхождения, была ли у вас такая идея?» — «Любезный мой, — начал князь, — я тороплюсь к могилам родственников на кладбище Сен-Пьер и погружен в свои мысли. Надеюсь, вы меня понимаете? Благодарю. Обещаю просмотреть досье вашей дочери и по возможности помочь ей. Сейчас я хочу остаться один. Пожалуйста...» — «Еще один маленький вопрос. Я задержу вас на две минуты ... У меня с партнерами есть коммерческий проект. Суть его в следующем — у нас есть участок земли в престижном квартале Москвы. Мы хотим построить пятизвездочную гостиницу. Но денег, как понимаете, у нас пока нет. Не желаете ли вы поучаствовать в этом ликвидном бизнесе? Вы полностью финансируете строительство и получаете пятьдесят процентов в собственность...» Князь его не слышал, лишь обрывки фраз доносились до его сознания. Он торопился и машинально бросил: «Подумаю». — «Может, вас заинтересует строительство самого престижного казино в...» — Шиндяпкин не успел закончить изложение своего проекта. Иверов не дослушал, быстрым шагом перешел авеню Клебер и понесся по противоположной стороне к площади Руссо. У магазина «Риволли» он влетел в такси: «Пожалуйста, быстрее, кладбище Сен-Пьер».

«Странный человек этот Андрей Константинович. Впрочем, богатые, видимо, все с причудами, — подумал господин Шиндяпкин. — Интуиция подсказывает мне, — продолжал размышлять он, — что именно сегодня наш богач отправится в Москву. Зачем же еще ему так срочно потребовался паспорт? Теперь как угорелый понесся на

кладбище. Нет, неспроста все это, неспроста. Если задумки направиться в Москву не было, он бы так не торопился. Сейчас мы все узнаем». Кузьма Иванович кого-то вызволил по мобильной связи. «Алло, Валентиныч, посмотри в компьютере, есть ли среди пассажиров сегодняшнего рейса фамилия Иверов? ... А, есть, ну благодарствую. Найдешь время, забегай, по чарке пропустим. Прощай. Умник, от меня убежать захотел, нет, батюшка, не выйдет у тебя ничего, ты теперь постоянно будешь под моим зорким оком», — радостно подумал дипломат. Тут господин Шиндяпкин набрал еще один номер. «Генечка, чем занята? Слушай, сегодня «Аэрофлотом» в двадцать пятьдесят прилетает один очень богатый мужчина. Русский князь Андрей Константинович Иверов. Аэрофлотовец Валентиныч только что подтвердил это. Я смотрел его личное дело — он холост. И женатым никогда не был. Ему сорок два года... Что говоришь? Да какое тебе дело, гомосексуалист он или импотент. Бери его сразу у трапа. Подойди к Т., дай ей двадцатку зелени, чтобы она тебя к самолету подвела. Поняла? Ты же знаешь, какая это канава, Шереметьево. Запоздаешь — уведут богача. Там множество охотников до ловли мышей. Кстати, он взялся тебе помочь устроиться на Западе. Поговори на эту тему. Так что бросай все дела и не отходи от Иверова. Приготовь ужин, пригласи на квартиру. Кто знает, может, клонет. Одним словом — действуй. Ночью набери, расскажешь». Довольный тем, что он все так быстро организовал и устроил, господин Шиндяпкин зашагал в сторону российского генерального консульства. На душе у него было радостно. Еще бы, так ловко расставил сети известному богачу. Кто знает теперь, чем все это кончится? «Под лежащий камень вода не течет», — повторял Кузьма Иванович утробным голосом.

Такси подкатило к кладбищу. «Прошу прощения, — обратился к водителю Андрэ Иверов, — я задержусь здесь минут на десять. Затем я отправлюсь в аэропорт Ниццы, если вы принимаете к оплате «Мастер кард» и не возражаете проехать со мной по этому маршруту». — «Никаких проблем», — учтиво сказал таксист. Князь вышел из машины, подошел к цветочному магазину, купил букет белых лилий и направился к могиле своего деда князя Андрея Константиновича Иверова. Он провел там меньше времени, чем намечал. В горле сразу пересохло, на глаза навернулись слезы, воспоминания уносили его в далекие годы детства. Чтобы не разрыдаться, он быстро пробормотал: «Милый дед, я еду в твою Россию, прощай», — и пошел прочь. Таксист развернул «Рено» и взял курс на Ниццу. Князь откинулся на заднем сидении и задремал. Аэропорт находился в двухстах километрах восточнее Марселя.

У стойки «Аэрофлота» Андрэ Иверов выкупил билет, получил посадочный талон и направился на посадку. Вместе с ним шли какие-то люди, внешность и манеры которых выдавали в них не привычных европейцев, а скорее всего, обитателей той земли, куда направлялся сейчас господин Иверов. Князь впервые оказался в столь плотном окружении россиян. Он уловил в себе какую-то непреодолимую телесную робость: мурашки бегали по коже стремительно и беспорядочно. Впрочем, это ощущение постепенно отпустило его. Иверов стал поглядывать на пассажиров, с которыми ему предстояло лететь, и выражение их лиц вызывало в нем возрастающий интерес.

Проходя мимо магазина «дьюти фри», он разглядел «Корбет-Мишот» 95-го года. Вино было неплохого качества, свойственного Медок Крю. Все остальное показалось ему унылым и блеклым. Не зная ассортимента аэрофло-

товского бортового сервиса, князь купил две бутылки. Красное вино показалось ему последним приветом того мира, который он покидал. Со всем остальным Андрэ Иверов расставался легко, без угрызения совести. Князь никого не забыл, всем воздал должное, а маниакальное движение к самопознанию и страсть к перемещению в неведомую даль для поиска нового смысла жизни нельзя рассматривать как предательство родных корней. Разум заставил его полностью подчиниться собственной сверхидее, умяля стереотипы прожитого и привычного. Согретый чувством победы над собой, Андрей Константинович побрел на посадку.

Самолет «Аэрофлота» рейса под номером 209 взял курс на Москву.

Глава XII

Виолетта Шиндяпкина, в семье и ближайшем окружении — Гёня, гримировалась перед зеркалом. Молодая особа накладывала на свое лицо выразительный макияж. Линии бровей устремились к вискам, косметический карандаш изменил овал глаз, а темный крем-тон, наложенный на крылья носа, сделал его узким и длинным. От подбородка к вискам пролегли темные линии тонального крема, приподнимающие скулы. Контурное перо для губ слегка изменило их очертание. Округлое лицо Гёни преобразилось в овальное. Манипуляции такого рода молоденькая москвичка проделывала весьма часто, мастерски владея искусством перевоплощения. Сегодня, 24 июня, с 12 до 14 часов пополудни перед Большим театром был назначен митинг московской общественности в поддержку молодого дарования — певца Ника Баскакова. Золотой голос России никак не мог прорваться на сцену академического театра, дабы занять достойное место в оперном репертуаре. Группа фанов белокурого таланта, принадлежащих фармакологическому бизнесу, взялась преподавать своеобразный урок администрации и артистам

Большого. Чтобы улучшить слух дамам и господам известного учреждения культуры, защитники молодого гения решили использовать насильственные инъекции двухпроцентного орингана. А для усиления остроты зрения — принудительные капельницы с малоизвестной лечебной жидкостью миртилена форте. Именно для этих целей перед колоннами театра уже в 11.40 утра выстроились пять специально оборудованных машин скорой помощи с опытным медицинским персоналом из известной столичной клиники. В списке участников митинга значились весьма важные лица — руководители нескольких комитетов Государственной Думы, вице-премьер правительства, глава одного из федеральных округов, командующий армией и другие персоны, искусно владеющие богатейшим арсеналом приемов демократического убеждения. Самой Гене этот Ник Баскаков был совершенно безразличен: она принимала участие в его судьбе исключительно из корыстных соображений. Час пребывания в «колонне митингующих» давал ей пять долларов безналоговых денег. Организатор московских протестных тусов Софья Никандровна Вараксина, некогда активно практикующая представительница второй древнейшей профессии, платила гонорар своему коллективу без квитанций и подписных ведомостей. Это обстоятельство помогало ей собирать необходимое количество митингующего электората. В пятнадцать часов, как значилось в рабочем календаре Виолетты, состоится выступление в защиту красноярского олигарха Анатолия Быкова. Перед зданием Верховного суда России на Биржевой площади защитники конституционных прав граждан должны были дружно выкрикивать новорусские пароли: «Свободу Анатолию Быкову!» и «Позор судьям России!». После

тридцатиминутного скандирования всем выдавали воздушные шарик с изображением бизнесмена и подписью «Мужественный герой России». Двумя часами позже — перед Домом правительства — собирался митинг с требованием закрыть толлинг, а в 18.50 Геня уже должна была прибыть в аэропорт Шереметьево, чтобы встретить Андрея Иверова. Сегодня госпожу Шиндяпкину ожидал шестичасовый рабочий день и солидная выручка — тридцать долларов. Впрочем, эта, казалось, нетрудная работенка — топтаться на месте и скандировать лозунги — таила в себе изрядную опасность. Защищать коммерсанта Анатолия Быкова? На сей счет опасения Виолетты Кузьминичны вызывали российские спецслужбы. Они жаждали посадить известного господина с берегов Енисея и всякого, посягнувшего на их замыслы, записывали на видеокассеты, устанавливали личность и вносили в черные списки для более глубокой разработки. Но особенно опасалась молодая москвичка участвовать в акциях против коммерческих структур, оплачиваемых конкурентами. «Росспиртпром» был против «Союзэкспортспирта», «Руснефть» против «Трансконсалтинга», «Газпром» против «НТВ», «Ростэк» против «Спецстроя», «Росалмаз» против «Дебироко» и т.д. Тут легко можно физиономию на всю жизнь попортить. Или даже сложить голову. Вот почему Виолетта Кузьминична перед каждым рабочим днем так старательно меняла свой облик. Она стала искусным мастером-визажистом и с помощью современных косметических средств преображала себя до неузнаваемости. «Девушка с тысячей лиц», — шутливо называла ее госпожа Вараксина. Иной раз Шиндяпкина переодевалась в молодого мужчину, другой раз — в женщину с треугольным лицом или в даму с короткой стрижкой и длинным носом. С

помощью линз она меняла цвет глаз, а многочисленные парики, губная помада и карандаш для бровей создавали великое разнообразие людских образов. Кроме того, Виолетта Кузьминична всегда носила двустороннюю одежду. Плащ с одной стороны бежевый, с другой — синий; куртка красная, с изнанки — зеленая; блузка желтая, на выворот — оливковая; а голубая юбка одним движением превращалась в черную. Так как свободных денег наряды у нее не было, юная москвичка сама научилась подбирать необходимые ткани и искусно шить платья. Хотя текучесть кадров у Софьи Никандровны была высокая, Гения прочно закрепилась в основном составе митингующих, и участие в подобных мероприятиях стало основным видом деятельности Виолетты Шиндяпкиной. Ранее изредка, а в последнее время все чаще она получала от работодателя Вараксиной задания и более деликатного свойства. Например, регулярно звонить по определенному телефону и каждый раз спрашивать: «Скажите, пожалуйста, а Леонид Леонидович еще не умер?» Или уже другому абоненту регулярно задавать навязчивый вопрос: «Который теперь час?» Иногда госпоже Шиндяпкиной поступал заказ написать в прокуратуру донос на известное лицо. В другой раз она выступала в суде на стороне защиты, как, впрочем, в ином случае — на стороне обвинения. Ее показания всегда тщательно редактировались самой госпожой Вараксиной — импровизации тут были неуместны. Случалось, что она получала задания, совсем, казалось, не имеющие никакого смысла: например, пойти на прием к хирургу-косметологу профессору Аркадию Аркадьевичу Африкантову в Институт красоты и буквально со слезами просить отрезать ей собственные уши, а вместо них пришить миниатюрные, искусственные, усыпан-

ные бриллиантами. А то поручалось Гене часик-другой полежать одной на арабских цветных подушках в купе ресторана «Маракеш» на Страстном бульваре и жалобно просить официанта подать к кальяну марихуану из азербайджанского города Гянджа. Или сделать вид, будто она готова броситься под автомобиль. В этом случае несколько крупных парней подвозили ее к парковочной площадке казино «Кристалл», и по сигналу она должна была инсценировать попытку самоубийства под колесами «Мерседеса». Выполнение таинственных поручений требовало от госпожи Шиндяпкиной спортивных и артистических навыков. Но Виолетта Кузьминична была девушкой весьма работоспособной и старательной, поэтому заказчица Вараксина не имела к ней никаких претензий. Современный рынок труда в России все больше требовал именно таких талантов: многоликости чувств и эластичности морали, порочной изобретательности и фальсифицированного благоразумия.

Итак, молодая особа завершила создание своего нового образа: женщины тридцати лет с узким лицом, карими, близко посаженными глазами и прической с боковым пробором, мягкой волной волос на лбу, завитками на щеках. Владея искусством творить из кусков ткани любую одежду, она смастерила из двухцветного платка блузку типа «дольче вита», а из двух других платков-перевертышей оливкового цвета — шаровары в турецком стиле «анталья». Бежевые, на низкой платформе сабо изящно гармонировали с верхней одеждой. Госпоже Шиндяпкиной, впрочем, достаточно было на минуту найти укромное место для смены образа, как ее наряд тут же менялся до неузнаваемости, обретая совершенно иные формы и цвета. Желтый платок легко оборачивался зеленой блуз-

кой «монако», а из двух оливковых платков, ранее служивших турецкими шароварами, возникла бежевая юбка «сурабаджа». Узкое, продолговатое лицо становилось плоским, глаза зелеными, волосы подобраны на затылке, а уши открыты. Сейчас Виолетта Кузьминична старательно упаковала в свою сумочку аксессуары, позволяющие мгновенно изменять собственный образ. Она взяла с собой косынку-перевертыш, летний шарфик, способный преобразовываться в галстук «коко», носовой платок для создания шапочки «декаданс» или «маленький ниндзя». Сумочка пополнилась пудрой, румянами, тональными кремами, маскирующими карандашами, тенями, тушью, помадой разных цветов, блестками. Москвичка надела очки с меняющимися цветными стеклами и взглянула в зеркало. Выразительный образ митингующей женщины был готов. «Неплохо, неплохо, я похожу на даму, собравшуюся на речную прогулку», — мелькнуло у нее в голове. Госпожа Шиндяпкина прихватила из соломенного блюда мобильный телефон, мелкие денежные купюры, ключи от подержанного «Рено» 205 и вышла из квартирки. От Померанцевого переулка до Большого театра езды было не больше пятнадцати минут.

Автомобиль «Рено» остановился на Большой Дмитровке. Конспиративный стиль жизни заставил молодую женщину припарковать машину подальше от места проведения тусовки и пробираться к коллегам со стороны Театра оперетты. Едва Виолетта Кузьминична вышла на залитую солнцем площадь, как перед ней открылась широкая панорама: все пространство от театральной колоннады до Охотного ряда было заполнено людьми. Их было не менее двух тысяч. У госпожи Шиндяпкиной возникло ощущение, что на митинг явилась сама нечистая сила. Во всем

происходившем было что-то демоническое, как в грезах, как в видениях одурманенного, как в призрачном мире. Случайному прохожему зрелище показалось бы неправдоподобным. Это было как пробуждение в королевстве кривых зеркал, в мире невозможного, в стране порока, в царстве богемы. Десять долларов — ресурс неслыханный для обездоленных граждан нашего Отечества. Взмыленные июньской жарой и беспрестанной беготней в «Седьмой континент» посыльные никак не могли насытить публику водочной энергией. Как синантропы с ожесточенным упорством искали огонь, так и митингующие с безотчетной настойчивостью жаждали, требовали адской жидкости. Подхлестываемая песнями, музыкой и криками в поддержку Ника Баскакова, группа молодых людей стучала в такт известной мелодии зубами, да так громко, словно вороны били клювами. Несколько пар извивались на асфальте в эротическом экстазе. Студентки суриковского училища разукрашивали гуашью свои лица под Баскакова. Компания безногих инвалидов чеченской войны, после каждой рюмки, выстреливала из рогаток в памятник классика русской драматургии Островского и дружно скандировала на армейский манер: «Бас-ка-ков! Бас-ка-ков! Бас-ка-ков!». Одни активисты жгли чучело директора театра Имрасанова, другие — фанерный муляж музыкального критика Туровского. Десятки курсантов-артиллеристов с бесшабашной вольностью лезли на фонарные столбы, чтобы, сбросив одежду, сыграть на гитаре «Цыганочку». Два известных депутата Государственной Думы Мармышкин и Вандыбин вместе с заместителем министра культуры Куроедовым и чиновником аппарата администрации президента Мурковым с истошным криком «Дай, сволочь, роль золотому голосу России!» втаскивали в карету скорой помо-

щи солиста Большого театра Петра Голикова. Господин Голиков на сцене Большого пел тенором, но сейчас на площади его истерический голос звучал как раскаты грома. Санитары клиники К-ко помогали митингующим, натягивая на ошарашенного артиста смирительную рубашку. Тут же хор послушников из общества адвентистов седьмого дня распевал библейский псалом номер семь: «...Рыл ров и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил: злоба обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя...» Один из чернорубашечников, представляющих национально-патриотическое движение, орал в громкоговоритель: «Граждане! Оголите ягодицы чиновников Большого театра! Я сам готов колоть им тройные порции орингана!» Молодчики из «Союза правых сил» безудержно требовали изменить название Большого театра. По их версии, отраженной на многочисленных плакатах и транспарантах, с нынешнего дня он должен стать Большим театром Бориса Немцова и Ника Баскакова. Первый — золотой оратор России, второй — ее золотой голос. Товарищество демобилизованных российских воинов из всех родов войск в знак протеста против негативного отзыва о таланте Баскакова публично мочилось на портреты Галины Вишневской и Владислава Расторговича. Стоявшие рядом попы, смахивающие на беременных женщин бальзаковского возраста, в унисон с девицами в светленьких платочках и с потупленными взорами, молились о здравии раба Божьего Николая Баскакова и желали многая лета его голосу. Здесь же представители общества нетрадиционной ориентации в красных и синих повязках вокруг шеи и розой из шелка на левой стороне груди требовали у Минкультуры защитить от бюрократов и завистливых оперных солистов вокальное чудо страны. Граждане постарше изры-

гали самые бессовестные проклятия в адрес буржуев всех стран. Подростки шарили по чужим карманам, а политизированные особы, брызжа слюной, чихвостили власть. Отдельные персонажи с озорными лицами раскидывали карты. Так что воспаленное воображение участников столличного шоу нашло благоприятный повод для самовыражения. Капитал аптекарских королей оказался бессилен в борьбе с безбрежной вольницей. Дисциплины не было. Ну какой порядок можно организовать на российском митинге протеста? У фонтана, на подиуме, сооруженном из мусорных чугунных урн, стояла худощавая тупоногая дама. Ее сумрачный взгляд вызывал в памяти видения подземелий и застенков отнюдь не только седой старины. Она пристально и злобно, словно надсмотрщица, следила за рабочими, сбивающими из кучи привезенных обрезков нечто похожее на виселицы. «Что это за чудовище?» — шептались в толпе. «Что за баба-яга?» — посмеивались вокруг. На самом деле это была организатор тусовки, сама госпожа Вараксина, она же — главный менеджер оплачиваемых «народных бунтов» Москвы. Мерзкая работа, полная низости и злоключений, уподобила ее физиономию морде обездоленной, изголодавшей, потрепанной старой гиены. Эту изъеденную пороком физиономию знали все спецслужбы, политические и коммерческие интриганы, режиссеры грязных предвыборных спектаклей, сборщики прямых и косвенных налогов и вся нечисть, разъедающая основы национального достоинства и нравственности. А любимая Вараксиной поговорка «Всяк сверчок знай свой шесток» стала расхожей в желтой прессе. Но именно Софья Никандровна была востребована в высоких кругах столичной элиты как лучший организатор провокаций. По замыслу госпожи Вараксиной, на перекладине эшафота

должны были висеть чучела солистов Большого театра, не признающих вокального гения молодой белокурой бес- тии — Виталия Валдая, Сергея Терешенко, Бартоломео Ай- сурадзе, Элеоноры Трилевой. Различимые на аэростате, привязанном к медной квадриге, черно-белые изображе- ния известнейших преподавателей московской консерва- тории — Газначенко, Агрипининой, Бисаренко и Масло- бойниковой — были перечеркнуты красной краской, а слова «Бой профессорам! Накажем злодеев семипроцент- ным оринганом, чтобы прочистить слух этим господам, и пятидозовой инъекцией миртиллене форте, чтобы улуч- шить их зрение» — жирно написаны по трафарету. Для Ника Баскакова фармацевтические короли группы под- держки, заказали коммерсанту-ваятелю Цагарели, дирек- тору городского центра строительных технологий, весь- ма оригинальную бронзовую сцену. По их эскизам глав- ный архитектор столичных площадей должен был сваять сценическую площадку, покоящуюся на плечах атлантов с лицами известных мастеров шоу-бизнеса: Киркорова, Ле- онтьева, Лещенко, Газманова, Юлиана и других. Этот об- раз призван был символизировать четкую грань между плебеями — всей национальной шоу-тусовкой — внизу и ее патрицием, несравненным голосом России — наверху. По замыслу режиссера спектакля, апогеем митинга должен был стать выход на бронзовую сцену самого героя. По сиг- налу вся площадь умолкает, замирает движение по Петров- ке и Охотному ряду, и над всей страной разливается золо- той голос России. «Браво! Браво! Браво!» — ревет публика на площади. Врата Большого распахиваются настезь, и ат- ланты «вносят» Ника Баскакова на великую сцену. Миро- вая премьера гениального тенора начинается. Поверью вопреки успешный выход удается с первого раза. Самая ху-

дожественно продвинутая передовая часть столичной публики — участники митинга — радуются победе справедливости. Финал: слышится ружейная пальба. Ура! Бис! Bravo! Занавес! Вараксина раздает участникам тусовки долгожданные десятидолларовые купюры. Наступает момент истины! Довольный народ несется на Биржевую площадь к Верховному суду на следующий спектакль — защищать честь и свободу красноярского олигарха Анатолия Быкова.

Госпожа Шиндяпкина с лукавыми мыслями, но благочестивым взором подошла к режиссеру начинающегося спектакля. «Маман, тут все пронизано вашим духом. Ваш гений вселился в каждого участника митинга, — начала Виолетта Кузьминична слогом опытного льстеца. — Вы возбудили публику, вызвали в ней экстаз и повиновение нашим мыслям. Она ваша! Она покорена! До феерической победы остались считанные минуты. Начинайте, маман, я, послушница Виолетта, жду приказа открыть занавес». — «А, привет, девушка с тысячей лиц. Ты как в воду смотришь. Умница! У меня к тебе особое поручение. Выполнишь?» — Софья Никандровна смотрела на нее глазами удава, гипнотизирующего кролика. «Я всегда безропотно служу вашей милости», — промолвила молоденькая москвичка, преисполненная усердия. «Сколько времени потребуется тебе, чтобы изменить свой облик? Преобразить себя в закоренелую провокаторшу? Сменить миловидность на вульгарность, откровенную женственность — на стиль уличного лидера молодежного движения». — «Пять минут. Я забегу к знакомой в театральные кассы и мигом вернусь». — «Скудный бюджет митинга мешает осуществлению грандиозного проекта. Силы оставляют меня, обида жжет мое сердце. Я, лучший сценарист и режиссер эпохи рос-

сийского реформаторства, не могу позволить себе работать за такой унижительный, ничтожный в сравнении с размахом моего профессионализма гонорар. Толстосумы рынка лекарств заказали из дерьма сделать золотой голос России. Я близка к заветной цели. Две тысячи человек собрани на площади. Они бьют в барабаны! Визжат от радости трубы! Льются восторженные речи! Здание театра трещит под напором разгневанной толпы, требующей открыть нашему герою сцену Большого! Еще десять минут, и я сотворю чудо, подвластное лишь философскому камню: обращу мусор в слиток золота, булжжик примет образ Давида, вышедшего из-под резца Микеланджело, а дворняжка с Ордынки преобразится в королевского пикинеса Кремля. Я хочу потрясти этих фармацевтов, выбить из них зеленые купюры. Надень маску разгневанной активистки, налей глаза кровью ненависти, кидайся на меня с неистовым выражением лица, требуя удвоить, утроить ставки своей команды из пятисот митингующих! Отправляйся на смену имиджа. Когда увидишь меня у колонн театра, в обществе троих главнейших аптекарей, бросайся к моим ногам и визжи как резаная. Твой ультиматум должен быть прост и понятен: деньги или неуправляемый натиск толпы! Как можно больше крикливости и истеричности. Обнажи душу, раздираемую низменными инстинктами, обернись омерзительной стервой шантажа. Чем настойчивее ты будешь требовать денег, тем обильнее должна быть пена алчности на твоих губах. Ты поняла меня? Отправляйся в свою «гримерную». — «Не волнуйтесь, маман, роль маркизы де Помпадур будет исполнена на бис», — бросила на ходу Шиндяпкина и мигом шмыгнула к театральным каскам. «Способная, каналья. Через пару лет из нее выйдет знатная негодяйка, современная Лукреция Борджиа. Сто-

ит придержать ее для себя, денег на ней заработаю немально. А покуда можно пользоваться ее актерским даром перевоплощения и гипнотической лексикой льстеца», — смекнула Вараксина. Сценарист и режиссер описываемого представления ненадолго задержалась перед сооружаемыми виселицами. Какой-то оборванный молодой плотник с густой смоляной шевелюрой, чьи щеки, лоб и шею уже избородили морщины, приблизился к ней и, дрожа от страха, промолвил: «Господыня, потрибно дати бильше грошей за добру працю... Сухоробрик невмирущий позаздрив бы таким шибеницам». Вараксина его не расслышала, голос работника затерялся в общем гуле толпы. «Чего тебе?» — выкрикнула она и подставила ему свое ухо. «... Потрибно дати бильше грошей за добру працю», — чуть смелее пробормотал он, робея перед долговязой, тощей особой. «Денег больше хочешь, что ли?» — «Так!» — подтвердил плотник. «У нас воровство оплачивается богаче, чем работа. Иди на широкую дорогу, грабь первого встречного, продавай любого, потроши каждого... Слушай, холоп малоросский, когда я буду у тех колонн, — Вараксина указала на парадный вход в Большой театр, — подойди ко мне с тем же вопросом. У колонн я всегда щедрая, глядишь, брошу тебе доллар — другой сверх договора. Понял?» — «Розумию, але не пийду. Перед церквою у керивникив просити гроши не можна». — «Где же церковь видишь, дурень?» — «А ци колонны ...Мени казали, що гришникив будуть страчувати, для цього будують шибеницю». — «Это театр, холоп ты хохляцкий, а вокруг тебя — спектакль. Кино снимаем. Понял?» — «Розумию, тоди прийду». — «Ты не робей, проси у меня громко, требуй денег с топором в руках». — «А що скаже милиция?» — «Это же кино, холоп. Да ну тебя, бестолковый», — бросила Софья Никандровна и пошла к

театральной лестнице. Она принадлежала к той породе людей, которые привыкли решать проблемы приступом. В жизни и бизнесе госпожа Вараксина была заклятой противницей богоугодных дел и филантропических жестов. Ее натуре были чужды такие понятия. «Добро наказуемо», — нередко вспоминала она чьи-то слова. Но не только деньги интересовали ее. Ею двигала, в ней жила потребность унижить простого смертного, оскорбить его достоинство, растоптать его честь, причинить физическую боль. Вот что доставляло ей истинное наслаждение. В ней было что-то от мучительницы и душегубки Марфы Посадницы. Чем хуже становилось человеку, имевшему с ней дело, чем более обездоленным он себя чувствовал, чем тоскливее было у него на душе — тем радостнее билось ее сердце, тем слаще казался ей вдыхаемый воздух. Госпожа Вараксина ежедневно проводила Мистерии. Драматургия ее митингов и демонстраций имела одну постоянную и отличительную особенность: счастливый финал принадлежал исключительно Софье Никандровне. Другие участники шоу оказывались обжегоренными. Взбалмошная и вероломная по натуре, она наловчилась умело вытягивать жилы из своих заказчиков, словно мастерица скрипичных струн, тянущая их из буйволиных мускулов. В этих гадких упражнениях она находила своего рода поэтическое наслаждение. Госпожа Вараксина, разрабатывая проекты поступивших заказов, начинала работать сразу в трех форматах. Первый гарантировал ей признание и славу: достижение цели, поставленной патроном, оплачивающим действия «возмущенной толпы». Второй — торжество над сверхприбылью: как можно ниже оплатить труд «демонстрантов» и общую себестоимость митинга. Третий — триумф над работодателем: изыскать изощренные способы выбивания допол-

нительного бюджета. Именно третий формат возбуждал в Софье Никандровне творческий подъем. Тут ее безошибочный нюх расторопно находил хитрые уловки, чтобы заполучить дополнительную порцию финансового ресурса. Госпожу Вараксину обуревало неодолимое стремление прижать патрона к стенке неопровержимыми доводами из хитрейшего, до мелочей продуманного сценария. Худющая, похожая на жердь, с острыми плечиками, щербатым ртом, страшная, напоминающая жертву хронического гепатита, с изрытым оспой лицом, она неслась к колоннам Большого театра. Обезноженные инвалиды чеченской войны продолжали скандировать: «Да здравствует Бас-ка-ков! Да здравствует Бас-ка-ков! Да здравствует Бас-ка-ков!» Хор Церкви адвентистов седьмого дня уже распевал текст из Евангелия от Матфея: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию...» Желтые каски и черные лица дигтеров вынырнули из водосточных колодцев, словно сказочные андеграундские привидения. Они ползли по площади среди толпы митингующих, волоча за собой хвосты бутафорских цепей, на которых красовались копии сто долларовых купюр, символизирующих эпоху великой коррупции. Пожарные расчеты открыли брандспойты, соорудив конструктивистский фонтан, в котором с пьяным ревом плескались полураздетые десантники. Митинг достиг апогея. Все недовольные, все страждущие, все нуждающиеся, все безработные, все бездельники, собравшиеся на площади перед Большим театром, не оставляли без внимания только одну особу. Театрализованный народный гнев вот-вот должен был вспыхнуть. Сотни, тысячи глаз, горящих пламенем необузданного бунтарства, ждали команды лишь одного неприлично-скверного с виду существа — госпожи Вараксиной. Софья Никандровна стояла

на лестнице Большого театра в окружении королей российской фармацевтики, как Марина Мнишек на лобном месте среди своих покорных бояр. Этой минуты она ждала весь день, весь период подготовки к нынешнему грандиозному шоу. На глазах режиссера триумф аптекарей должен был перерасти в торжество ее тайной прихоти, в победу ее коварного ума. Никто и представить не мог, сколь исступленно она ждала этого сладчайшего мига, с какой неимоверной страстью она готовилась к этому достижению! В этот момент к ней подбежал молодой кавказец. Он дерзко растолкал митингующих, аптекарскую элиту и, приблизившись к Софье Никандровне, протянул ей две сигнальные ракеты. «Госпожа Вараксина, — обратился он к ней со слабым южнорусским говором, — штаб по проведению митинга направил меня, чтобы вручить вам эти две ракеты. После выстрела зеленой Ника Баскакова на бронзовом постаменте внесут в театр, и вся толпа ворвется в Большой, чтобы чествовать золотой голос России. При выстреле желтой ракетой люди сворачивают декорации и расходятся». — «Спасибо, дружок! — бросила Софья Никандровна материнским тоном. — Я почти готова, до двенадцати часов остались считанные минуты». Вдруг к ее ногам бросилась молодая, ярко накрашенная блондинка с раздирающим душу воплем: «Ой, простите, Софья Никандровна! Не губите меня! Я ничего не могу поделать. Моя публика отказывается митинговать дальше и хочет разойтись». — «Но почему? — вскричала зычным голосом Вараксина. — Я свои обязательства выполняю! Обещанный гонорар они получают в конце шоу. Брось, девка, держи своих ребят на площади до выстрела зеленой ракеты. Не то все плохо кончится». — «Ой, не удержу, не слушаются, не подчиняются они мне, требуют увеличить плату. Гонорар

слишком мал...» — «Как так?! Вы демонстранты или грабители с большой дороги? Сколько же они хотят?» — «Боюсь признаться...» — «Говори, стерва, времени нет». — «Ой, боюсь вашего гнева... Требуют утроить жалование». — «Как утроить, псы вы бешеные? Откуда мне взять такие деньги? Весь бюджет израсходован. Смотри, стерва, какой спектакль закатили». — «Митинг превосходный, да вы платите маловато...» Тут к толпе подошел все тот же оборванец с густой черной шевелюрой, в которой застряли желтые опилки, и, размахивая топором, бросил Вараксиной: «Прошу заплатить за добру працю бильше грошей». — «Что, и тебе денег? Это что, бунт пролетариата или агонизирующий рэкет безработных? Помолчите, дамы и господа, прислушайтесь к голосу своей совести. Договор, как говорится, дороже денег. Никто не заставлял вас участвовать в нашей церемонии в поддержку золотого голоса России. Всем была известна ставка, и каждый получил работу в соответствии со своим аппетитом. О чем сейчас говорить? Тем более, что аванс уже выплачен». — «Треба бильше грошей», — упрямо повторил украинец. — Добра праця, гарна плата». — «Невыносимое зрелище, — обратилась режиссер шоу к одному баскаковскому фану. — Что прикажете делать? Если уйдет одна команда, за ней потянется другая, и победа, которая почти в наших руках, будет упущена». — «Платите!» — сказал аптекарский король. Он был маленьким, обрюзгшим, с раздраженной гримасой на лице. «Откуда я возьму деньги? — вскричала Вараксина. — Я вложила их в каждого из этих героев. Я в полной растерянности, а ничто так не толкает на безрассудство, как отчаяние. Если вы откажетесь увеличить бюджет нашего шоу в три раза, чтобы закрепить успех, я буду вынуждена выпустить желтую ракету, и митинг, не достигнув цели, бесславно закон-

чится. Победа будет безвозвратно упущена. Это вам нужно? Неужели вы этого хотите, за миг до триумфа вашей идеи?» — Софья Никандровна говорила очень убедительно. Она уже вытянула правую руку с желтой ракетницей. «Дай ей денег, — сказал другой король аптечного бизнеса. — Мы обязаны подарить золотой голос нашему Отечеству». Говоривший был еще ниже первого, болезненно худой, с потухшим взглядом карих глаз. Обрюзгший аптекарский магнат подозвал к себе помощника, чей вид внушил бы страх и трепет самому удалому смельчаку, и что-то шепнул ему на ухо. Верзила со шрамом вдоль щеки исчез, но буквально через минуту появился вновь с бумажным свертком в руке. «Вот, возьми, здесь девяносто тысяч зеленых», — сквозь зубы процедил он режиссеру митинга. Потом со звериным оскалом бросил ей в самое ухо: «Руки на тебя чешутся, сволочь». Госпожа Вараксина улыбнулась змеиной улыбкой и шепнула на ухо громиле: «Улыбнись, гадина, не то поручу своим молодцам вырезать твоё хозяйство. Запоешь нежнее евнуха». В ее словах было столько внутренней силы, что верзила со шрамом дрогнул, и лицо его стало расплываться в судорожной улыбке. «Так-то лучше, гадина, — рассмеялась она, — теперь вечно будет литься голос Ника Баскакова по всей России». Тут Софья Никандровна выстрелила зеленой ракетой. Толпа на площади взорвалась диким восторгом и пошла приступом на Большой театр. Ника Баскакова поставили на сцену, явившую миру еще один шедевр директора стройкомплекса и мецената, друга весьма высокопоставленных граждан нашего Отечества. Впрочем, перед самыми колоннами золотому голосу пришлось спрыгнуть на асфальт. Бронзовое творение никак не удавалось внести в прославленное здание. Его кинули прямо наземь, как гильзу выстрелившего

снаряда. Огорченный господин Баскаков раздраженно бросил ближайшему окружению: «Вот, черт, поганая примета — спрыгивать через рампу. Как бы чего худого не вышло». Он заметил стоящих невдалеке аптечных олигархов, исподволь поприветствовал их своей ручонкой. Впрочем, многие заметили это неуклюжее движение артиста, но ничего предосудительного в этом не усмотрели. Мало ли с кем может поздороваться герой шоу и звезда отечественного вокала. Толпа ворвалась в здание Большого театра, как буря в распахнутое окно: партер, амфитеатр, ложи, балконы, бельэтаж были моментально заполнены митингующими. От криков, беготни, топота, грохота рекламных щитов и агитплакатов старое здание театра пошло ходуном, как при землетрясении. От квадриги оторвался аэростат, призывающий карать профессоров консерватории. Он взметнулся ввысь и исчез в желтоватом небе. Правая часть главного занавеса упала прямо на сцену. Полураздетые, мокрые добровольцы из десантников бросились оттаскивать гору пурпурной ткани с гербом Советского Союза. Они не придумали ничего лучшего, как просто сбросить тяжелый занавес в оркестровую яму. Левую же часть занавеса сорвать никак не удавалось: стоял и гвалт и свист, как на футбольном матче. Группа молодчиков поймала Баскакова, подняла его над головами и стала передавать по рядам. Наконец обладателя золотого голоса внесли на всемирно известную сцену. «Баскаков, пой! Баскаков, пой! Баскаков, пой!» — требовала возбужденная толпа. Потом вдруг — «Отелло! Даешь Отелло! Даешь Отелло!» — стала скандировать публика. «Где микрофон? Микрофон где?» — совершенно растерянный, пытался общаться с залом золотой голос России. Долгое время его никто не слышал. Но вдруг из передних рядов партера кто-то крикнул: «В Боль-

шом театре поют без микрофонов!» — «Как без микрофонов?» — удивился вконец растерянный Баскаков. «Даешь Отелло! Даешь Отелло», — не унимались митингующие. «Откроем дорогу в мир вокальному гению страны», — завизжали с балконов. Из правой директорской ложи в артиста впились встревоженные глаза аптечных королей. Жирный мизинец поманил его к себе: «Надо петь, голубчик. Мы собрали здесь всю мировую и российскую прессу. Петь надо! Твой голос застрахован на два миллиона долларов! Пой!» — требовательно сказал один из магнатов. «Без микрофона я боюсь. Достаньте микрофон». — «Слышишь, пой, козел вонючий. Мы вгрохали в тебя огромные бабки», — жилы на короткой шее олигарха вздулись, как шланги под напором воды. «Хорошо. Но я не гарантирую...» — «Пой же, козел вонючий!». Господин Баскаков встал посреди сцены Большого театра и поднял правую руку. Зал замолчал. Он принял вызов. Артист запел: «Честь и слава! Мы победили турецкий флот...» — голосовые связки Ника Баскакова не выдержали нагрузки высокой ноты, он запнулся и замолчал. Тут поднялись визг и топот. «Браво! Браво! Браво! — скандировал зал, сотрясая стены нескончаемыми аплодисментами. — «Риголетто!» Даешь Риголетто! Даешь Риголетто!» — стонала публика. Господин Баскаков начал было: «Сердце красавицы склонно к измене и к перемене, как ветер мая...», — но ему не хватило дыхания, чтобы взять нужную ноту, и он сорвался и раскашлялся. «Бис! Бис! Бис!» — заревели митингующие. «Кармен!» Даешь Хозе! Даешь Хозе!..»

Тем временем на площади перед Большим театром госпожа Вараксина беседовала с Виолеттой Шиндяпкиной. «Я бы не сказала, что ты отменно сыграла свою роль. Возьми десять долларов за участие в митинге и десять за невыра-

зительное перевоплощение в стерву из отряда беснующихся». — «Спасибо, маман. Я побегу сейчас на Биржевую площадь на следующий митинг». — «Так ты скоро миллионершей станешь. Валяй, — съязвила Вараксина, — через четверть часа я сама там буду».

Глава XIII

Вечер 24 июня выдался в Москве душным. Низкое небо, прорезанное редкими солнечными расщелинами, зыбкая, синеватая дымка, окутавшая горизонт, предвещали проливной дождь и молнии. Метеокатаклизм зарождался прямо на глазах и выросал, как призрак, из мрачных туч и порывистого ветра, из знойной тишины и угрюмой архитектуры небесного свода. Бешеный ритм танца с саблями Арама Хачатуряна, казалось, вот-вот увлечет за собой всю атмосферу. Такие явления в столице можно наблюдать сравнительно редко: между днем Рождества Иоанна Предтечи и днем Ивана Купалы. Москвичи любят яростную, взбалмошную погоду. Она вызывает в них страсть к жизни и жажду самосохранения перед неистовостью стихии. Пробуждает инстинкт упрямого противоборства человека с природой, увлекает азартом этой вечной борьбы.

В 19.25, с десятиминутным опозданием, в аэропорт Шереметьево прибыл лайнер «Аэрофлота» под номером 209 из Ниццы. Самолет подкатил к шестой стоянке в западной части аэропорта. Пассажир «First class» господин Иверов был первым приглашен к трапу. Едва очнувшись

от безмятежного сна, он попросил стюардессу принести влажную салфетку и протер ею заспанное лицо. Тут торопливый российский люд стал подгонять его к выходу. Не успел Иверов опомниться, как оказался на верхней площадке трапа. Иверов остановился... и замер. Он вдруг почувствовал себя человеком, вброшенным в иную временную реальность. Неужели это Россия? Тот самый чаемый, неведомый мир — с его бескрайними просторами, девственными дугами и белоствольными березовыми лесами? И именно здесь будет суждено ему обрести единственный и главный смысл жизни? Никто не подсказал ему этот маршрут. Это был его собственный выбор. А может, сама судьба взялась отыскать ему новую среду обитания? Что встретит он здесь: империю зла и царство произвола или именно то, по чему он тоскует? Одинокая фигура князя, застрявшая на вершине трапа, поистине являла собой безмолвный и, увы, пока безответный вопрос. Наконец, он встряхнулся и все-таки сбежал вниз, направляясь к паспортному контролю. Ветер усилился, кидая в глаза мелкий песок, неведь откуда взявшийся на бетонных полосах Шереметьево.

«Я уже другой человек. Я не прошу внимания к своей особе. Я хочу получить по физиономии, встретиться с грубостью, хамством, невежеством, изнанкой тех чувств, от которых сбежал сюда». — «Пожалуйста, предъявите паспорт», — остановил его пограничник. «Неужели я так похож на россиянина, что он со мной заговорил на русском? — мелькнуло в голове Иверова. — Пожалуй, это и есть начало нового пути... Куда приведет он меня? В мир разгула чувств, к полной виртуализации сознания или в бездну сна разума? Хватит ли у меня решимости довести мой план до конца?» Мысли путались в его голове, и князь робко взгля-

нул на человека в униформе, как ребенок на воспитателя. Он готов был тут же выполнить любое его приказание и угодить во всем, даже в самом невероятном. «Ваш паспорт!» — «Вот, пожалуйста». — «Фамилия?» — «Там же записано. Иверов». — «Не мешайте работать. Отвечайте только на вопросы». — «Пардон. Пожалуйста». — «Имя и отчество?» — «Андрей. Прошу прощения, Андрей Константинович». — «Год рождения?» — «Тысяча девятьсот шестидесятый». — «День и место рождения?» — «Двадцать восьмое сентября. Ницца, Франция». — «По какому делу приехали в Россию?» Князь был обескуражен вопросом. Он совершенно не знал, что ответить, сконфузился и замолчал. «По какому делу приехали в Россию?» — повторил упрямый настойчивый голос. Иверов хотел было бросить: «Какое ваше дело. Я — свободный человек! Имею право перемещаться по свету — как мне вздумается», — но сдержался. «Пусть он унижает меня вопросами и действиями. Ведь я именно этого желаю». — «Вы понимаете меня? По какому делу приехали в Россию?» — «Найти самого себя», — прозвучал еле слышный ответ. «Кого найти?» — «Самого себя». Пограничник явно был весельчаком. Ударив штампом в паспорте, он язвительно произнес: «В Москве так много людей ищут самих себя, что можно вконец потеряться. Впрочем, возьмите себе в помощники Вадима Михайлова. Он знаком со всеми столичными лабиринтами и, пожалуй, окажет вам помощь». «Странный тип, с идиотским выражением лица, — подумал прапорщик. — Проходите».

«Вадим Михайлов. Надо запомнить это имя. Здесь уже, видимо, существует сервис, предлагающий услуги по поиску самого себя, — радостно подумал князь. — Прекрасный, должно быть, бизнес». Мрачные мысли разлетелись, словно летучие мыши перед рассветом, и растворились в

глубинах сознания. Иверов выбрал зеленый коридор и буквально влетел в зал аэропорта. Он въехал в Россию. Он уже на родине предков. В стране своих грез. Сейчас он был готов на любое безумие, на самое фантастическое унижение собственной личности. Словно инфицированный менадой, Иверов захлебывался от желания как можно быстрее оказаться на дне общества, в его смердящей клоаке. Неожиданное прикосновение прервало его мысли: «С приездом в Россию, Андрей Константинович». Он сначала не понял, что голос прозвучал наяву. Кто мог его знать в Москве? Но приветственные слова повторились, и это вынудило его обернуться. Перед ним стояла молоденькая женщина в салатовой блузке «биарриц» и зеленой юбке «полинезия». У нее были светлые волосы и глаза изумрудного цвета. «Виолетта Шиндяпкина, дочь дипломата из Марселя. Папа поручил мне встретить вас и проводить в гостиницу. Где ваш багаж?» — «Господи, откуда она взялась? Надо немедленно сбежать от нее. Но как? Куда? Что выдумать? Да я толком и врать не умею». — «Где ваш багаж? — снова неумолимый вопрос. — Или вы прилетели без багажа? В одном костюме оказаться в Москве — это оригинально. Только очень богатые люди могут позволить себе такое». Князь почувствовал себя почти в западне: «Я никак не могу найти в себе силы переступить заповедный порог, оказаться в том мире, к которому стремлюсь. Разве нельзя, не обращая на эту даму никакого внимания, выйти из зала аэропорта и направиться в сторону города. Идти быстрым, уверенным шагом. А еще лучше просто бежать. Или умчаться в такси. Это так просто! Почему же я — я — не могу? Откуда этот неведомый внутренний тормоз? Культура? Воспитание? Стереотипы? До изнанки жизни так не добраться». Он попытался заставить себя без слов двинуться к выходу:

принял позу спринтера, поднял локти, взглядом оценил расстояние. Но у него ничего не вышло. Дискомфорт, вызванный встречей с непрошеной дамой, достиг предела.

И тут Иверов вспомнил отца Шиндяпкиной, его удивительную способность понимать виртуальные речи. Спасительная соломинка! Сейчас он вступит в виртуальное общение с этой особой. Не мог же отец не научить ее этому. И Иверов сказал про себя: «Прошу вас, мне необходимо остаться одному. Я здесь впервые и лишь наедине с собой смогу понять эту страну и построить планы на будущее. Простите меня, вы замечательная девушка, но идти дальше я должен без вас». Показалось: он услышан и понят. Иверов уже сделал пару осторожных шагов в сторону, словно выбираясь из зарослей, как вдруг до его сознания долетел женский голос: «Куда вы, милый Андрей Константинович? Все-таки за багажом? Так это направо. Пойдемте за мной, я вам покажу место выдачи багажа». Нога князя застыла в воздухе, зависла в пространстве, почти как на фотографии прыгуна. «Что с ним, — усмехнулась Шиндяпкина, — он что, идиот? Не проронивши ни слова, застыл в такой позе, смешной и нелепой? Вообще, знает ли он русский?» «Что с вами, где ваш багаж?» — спросила она на французском. «Почему катары так рьяно отвергали женщин? Видимо, не только потому, что в них видели сатанинское порождение, но больше за их глупость и приставучесть. Ни один мужчина не способен быть столь неотступно навязчив, как это делают дамы по отношению к нам. Если они заинтересовались мужчиной, то весь необъятный мир перестает для них существовать. Женское сознание будет целиком и полностью поглощено избранником. Их виртуозная способность преследовать жертву сравнима с назойливостью овода, с одержимостью душевнобольного. Этот порок

уравнивает всех женщин», — размышлял Андрей Иверов, не меняя позы. «У вас уже заказана гостиница? Если нет, то советую вам поселиться в «Метрополе». Там лучший ресторан в городе. Впрочем, вы можете остановиться у меня. Посмотреть, как живет обычная московская студентка, и заодно сэкономить деньги. «Метрополь», «Националь», «Мэриотт», другие пятизвездочные гостиницы стоят триста пятьдесят долларов в сутки. У меня тарифа нет. Сколько дадите. Всему буду рада. Даже если вы не заплатите...» Странная поза и упорное молчание князя смущали Виолетту все больше. «Может, он на самом деле шизик?» Но тут Андрей Константинович Иверов, рассуждая про себя, пришел наконец к выводу, что только его неуверенность тормозит искомое погружение в изнанку действительной жизни. И эта мысль, тут же завладев сознанием, вызвала на сей раз особенно горестное раздражение, захотелось во что бы то ни стало, здесь и сейчас победить свою нерешительность. Словно шаровая молния, адреналин ударил в голову Иверова. Забыв обо всем на свете, он понесся к выходу. Князь бежал красиво и динамично, подобно спринтерам, изображаемым на греческих амфорах. Публика, глядя на него, расступалась. Кто-то в толпе бросил: «Небось, кошелек украл». Другой отозвался: «Или таможенников объегорил». Барышня Шиндяпкина остолбенела. Беспардонное бегство Иверова привело ее в ужас. Такого поворота событий она представить себе не могла. Противоречивые мысли роились в ее голове. «Отец что-то с этим типом напутал — он больной какой-то. Столько лет я жила во Франции, а французского идиота встретила впервые в России. Может, мчаться за ним? Куда он мог бежать? Только к такси ...» Но она не стала догонять князя. Поспеть за ним у нее не было никаких шансов. Да и какой смысл об-

щаться с душевнобольным? По мобильнику Виолетта Кузьминична набрала Марсель. «Папа, привет. Кого ты прислал? Твой Иверов идиот». Она кратко описала Кузьме Ивановичу встречу с князем, уверенная, что отец освободит ее от бесперспективного поручения. «Пока, папулька!» — по обыкновению хотела она завершить разговор. Но Шиндякин-старший в ответ завопил: «Стоп, Гёня. Отбой! Дурочка, не глупи. Я о нем все узнал. Иверов — один из самых богатых людей Франции. Это находка для нас. Не упускай его из виду, находишься постоянно рядом, присутствуй при каждом шаге. Стань его спутником, превратись в преследователя. А лучше — поручи кому-нибудь телеграфировать мне, что ты тяжело больна. Тогда уже завтрашним рейсом я вылечу в Москву, к тебе на помощь. Торопись, Гёнька. Лови фортуна, обвораживай сумасшедшего богача. Если он душевно болен, не беда, это нам на руку. Это наше преимущество! Впрочем, мне кажется, с ним все в порядке. Подобные странности характерны для многих богатых людей. Читай «Фигаро», «Пари матч» — там много историй о чудачествах сильных мира сего. Если будешь всегда рядом с ним, случай подчинить его твоим чарам рано или поздно представится. Ты должна стеречь и оберегать его от посторонних, как Владимир Гусинский — Бориса Ельцина. Запомни: только постельничий спит в одной комнате с монархом. Только ему дано негласное право лицезреть тело властителя, вмешиваться в его сновидения, убаюкивать его на ночь или усыплять его бдительность. Чем талантливей постельничий — тем чаще августейшее покрывало охраняет его самого, чем вкрадчивее его интонации — тем больше власти плывет к нему, вопреки положению в обществе. Догоняй Иверова, дочь моя! Ты в двух шагах от потрясающего успеха. Ни один человек в России не знает, кто

такой этот иностранец с российским паспортом. У тебя огромное преимущество. Используй его! Ты можешь оказаться на вершине богатства».

Отцовское внушение сделало свое дело. Поворот на 180 градусов был обеспечен. Госпожа Шиндяпкина выключила мобильник и понеслась за своей судьбой. Молодая дама преисполнилась рьяной решимости немедленно найти странного французского богача. Она неслась за Иверовым, как мчится за опасным зверем ученик-охотник, потерявший голову от желания получить богатый трофей. Надеясь догнать Иверова, Виолетта Кузьминична буквально выпрыгнула из здания аэропорта Шереметьево. Но здесь ее встретила обычная сутолока. У автомашин толпились десятки людей. Носильщики виртуозно маневрировали багажными тележками между громоздкими чемоданами и отупевшими пассажирами. Милиция разгоняла водителей, нарушивших правила парковки. Начиналась гроза. Первые громовые раскаты пронизывали площадь аэропорта, а упругие капли дождя уже застучали по крыше, как барабанная дробь. Накал людской суеты, подстегнутой взбунтовавшейся стихией, обострил восприятие госпожи Шиндяпкиной. Она зыркала воспаленными глазами по сторонам, впивалась взором в незнакомые мужские лица и спины, скользила взглядом по головам в надежде увидеть черную короткую стрижку, не упускала из виду и отъезжающие такси, но князя нигде не было. Теряя надежду, неистово, словно тонущий, цепляющийся за соломинку, она выкрикнула в толпу: «Не пробежал ли тут мужчина? Гражданин, кто видел бегущего мужчину?» Публика молчала, никто не реагировал на взбалмошный, истеричный вопль. И тут опыт участия в мероприятиях госпожи Вараксиной, подсказал барышне Виолетте спасительный выход. Она

бросилась к милиционеру. «Уважаемый, две-три минуты назад вы должны были видеть бегущего мужчину. Он был одет в черный льняной костюм». — «Припоминаю, был такой, — сказал офицер службы порядка, — чесал прочь ваш господин в черном, да так энергично, будто от тюрьмы скрыться хотел. Впрочем, вид у него был приличный. На вора он был совсем не похож. Он украл у вас что-то?» — «Нет, нет, что вы... Куда он побежал?» — «Да за потоком машин». Госпожа Шиндяпкина ахнула: «Где же мне теперь его искать?..» — «Когда любовник убегает, девушке пора завести нового ухажера», — сострил милиционер. Ничего не ответив заигрывавшему с ней стражу порядка, Виолетта Кузьминична бросилась к своему «Рено». Она думала сейчас лишь об одном: как искать Иверова? Где выловить этого странного богатея? Молодая москвичка завела автомобиль и рванула с места — в непогоду, на поиски пропавшего князя.

Тем временем Андрей Константинович добежал до дорожного указателя перед гостиницей «Новотель». Надпись «Шереметьево-1» указывала налево, надпись «Москва» — направо. Не раздумывая долго, князь свернул к Москве, продолжая марафон. Ливень был в самом разгаре. Но желание бежать дальше не ослабело, хотя полные воды туфли и отяжелевшая под дождем одежда требовали куда больших физических сил, чем те, которыми располагал князь. Прошло уже полчаса. Иверов наметил себе добежать до рекламного щита «Водка «Большой» — одна из лучших в мире» и лишь потом перейти на шаг. Князь был доволен собой. Мужчина зачарованно смотрел в бескрайние просторы, омываемые проливным дождем. Впервые в жизни он совершил поступок, бросающий вызов его прежней культуре. Шаг к новой жизни был сделан. Не заблуждение

ли это? В одобрение или в укор себе самому совершил он этот поступок? Иверов сменил горячность на рассудительность. Он перешел на шаг, держась поближе к кромке автострады. Князь ни разу не обернулся. Никто здесь не знал его, и это особенно радовало. В самом деле, откуда взялся этот пришелец, шлепающий сейчас под проливным дождем по трассе Шереметьево — Москва? Из мира духов, оазиса капитала, пустыни обездоленных? Вышел ли он из стен мрачного каземата или явился из благоухающей Ниццы? Этот вопрос давно повис в безответности. Дождь хлестал его по лицу, пронсящие мимо автомобили окатывали ливневкой, а гром, словно набат, напоминал о начале нового жизненного пути. Князь упивался своим состоянием, глубина его душевного покоя казалась невозмутимой, как бездонность Вселенной. Он уже напрочь забыл, что грубо обошелся с женщиной, не сделавшей ему ничего дурного. Что всего несколько минут назад несся, как умалишенный, сквозь толпу пассажиров аэропорта. Князь вообще мало что помнил сейчас. Да хотел ли он этого? Картинки прошлого в новой жизни помочь не могли. Иверов выстроил собственное одиночество и по своему соизволению пребывал в нем. За последние несколько месяцев он впервые почувствовал себя свободным и счастливым. Чем более отчуждал он себя от прошлого и будущего, тем легче сосредоточивался на сиюминутной радости. Даже непогода вызывала восторг. Ливень лишил его легкой походки, но даровал уверенность поступи. Он твердо шагал, словно местный житель, досконально знающий дорогу, прислушиваясь к шлепанью отяжелевших башмаков с тем же усердием, с каким меломаны внимают музыке. Он ощущал хлесткие удары дождя по лицу с тем удовольствием, с каким иные воспринимают струю туалетного спрея после тща-

тельного бритва. Он с легкостью и изяществом салонного ловеласа нес на себе промокший до нитки костюм, то и дело поправляя полы пиджака, словно вот-вот собирался пригласить на танец даму приятную во всех отношениях. Андрей Иверов пребывал в состоянии высшего наслаждения, доступного лишь людям, всецело поглощенным идеей. И он хотел уйти от всех на свете, чтобы сохранить душевное блаженство. Он шел навстречу мечте. Не шел — неся, бежал, как бегут во сне. Как летают в грезах.

Стрелки «дворников» ерзали по стеклу автомобиля, как щетки штрафника по палубе фрегата. Проливной дождь и острая необходимость обнаружить беглеца не позволяли госпоже Шиндяпкиной гнать «Рено». Автомобиль ехал медленно, словно патрульная машина. Впрочем, кроме водяной стены и контуров бокового ограждения ничего видно не было. У барышни Виолетты пересохло в горле. Ее возбуждение можно было понять. Слова отца разбредили таившуюся в ее душе неукротимую страсть к беспредельному достатку. Поэтому все ее помыслы были направлены сейчас лишь на одно — найти Иверова. Добыть из-под земли! «Сколько у него денег? — размышляла молодая особа. — И что означает «очень богат»? У него один миллион? Пять миллионов? Одиннадцать миллионов долларов? Дом на побережье Франции из пяти, из восьми комнат? Яхта, два, три автомобиля? Горничная? Водитель? Какой кайф! Какая сказочная лафа!» — шептала она про себя, взволнованно переводя дыхание. Шиндяпкина с упоением предавалась своим сладким видениям. Она уже представляла себя в «Мерседесе» класса С последнего выпуска, в купальнике из коллекции престижного столичного бутика «Дикая Орхидея», в тусовочных очках от «Версаче» где-нибудь на вечеринке в баре в Сан-Тропе. Красивые, воспламеняю-

щие душу образы и сюжеты обостряли в ней чувство собственного достоинства. Ей очень нравилось представлять себя молодой, красивой и богатой дамой. С длинным мундштуком в зубах и роем поклонников. В ювелирных аксессуарах, в одежде от ведущих кутюрье мира. Пизанская башня, шпили Ульмского и Кельнского соборов, верхние ярусы парижского Эйфеля и московского телецентра не смогли бы захватить дух барышни Виолетты сильнее, чем мечтания о респектабельном стиле. Пелена радостных чувств обволакивала сознание. Она даже остановилась, включила станцию «Серебряный дождь» и, слушая голос Зураба Соткилавы, мечтательно прикрыла веки. И вдруг она ощутила в себе невесть откуда взявшуюся ревность или, пожалуй, даже навязчивую зависть. Зависть к безграничным возможностям князя. К его материальной независимости, к его гражданскому статусу — подданный Франции, гражданин Европейского Союза. Безвизовый режим — при въезде во все страны мира! Неограниченное по срокам пребывание почти в любом государстве планеты. Полная смятения, свойственного людям, возвращающимся из сновидений в суровую реальность, госпожа Шиндяпкина продолжала лелеять трепетную мечту о райской жизни, построенной на капитале Иверова. Госпожа Шиндяпкина оберегала ее так трогательно, так бережно, точно боялась ее потерять, разбить, упустить из виду. Понимая, что промедление смерти подобно, она стала молиться и просить Всевышнего помочь ей найти беглого князя. Барышня Виолетта никак не хотела покориться своей участи и возвращаться в одинокую квартиру одной. Ей нужен был Иверов. Ей нужна была сладкая жизнь. И она продолжала борьбу за поиск французского богача. Шиндяпкина во второй раз объехала «Новотель». Заглянула в регистратуру, распро-

сила портье, проживает ли в гостинице господин Иверов. Виолетта Кузьминична осмотрела бары и ресторан, но поиски князя ни к чему не привели. На выходе из гостиницы ее взгляд упал на пожилого швейцара в ливрее. Он стоял под козырьком здания и любовался разгулом стихии. Сама судьба дала ей шанс, и барышня Шиндяпкина воспользовалась им. «Эй, папаша, вот, возьми десятку на пиво. Скажи, ты видел здесь бегущего в черном костюме мужчину?» — «Никакой десятки мне не нужно. А минут десять назад мужик в черном бежал по трассе в сторону Москвы», — сказал он раздраженным голосом. «Ты уверен?» — «Да. Мужчина бежал в сторону Москвы по правой стороне дороги». — «Спасибо, старик. Надеюсь, что все так и было». Она бросилась к «Рено» и помчалась вдогонку за беглецом. «Но почему он не взял такси, этот идиот, — стала размышлять Виолетта Кузьминична. — Зачем он побегал? В такую непогоду? Он, собственно, сейчас не бежит, он плывет. И почему он меня так испугался? Я ведь его ни о чем не спрашивала, только о багаже. Может быть, все дело именно в нем? Чемодан Иверова объяснит его странное поведение? Но багаж-то он не взял... У него, видимо, совсем крыша поехала». И тут сквозь плотную стену дождя госпожа Шиндяпкина различила темный силуэт. По мере приближения он превращался в человеческую фигуру. Сердце забилося часто, оно готово было выскочить из груди. На малой скорости Шиндяпкина подъехала ближе, но фигура вдруг исчезла. Призрак растворился в разбушевавшейся стихии. Ветер усилился. Стоял сплошной гул падающей воды. Это было подобно реву океана. Казалось, лобовое стекло автомобиля уже полностью ушло под воду. Жестокая пытка водной стихией набирала силу. Мрачное предчувствие поселилось в душе барышни Виолетты. Она потеряла всякую

уверенность, что ей удастся еще раз увидеть это чудаковатое существо. Провал ее планов становился все более реальным. Мгновенный переход от радужных видений к серой повседневности вызвал у нее приступ кашля. Госпожа Шиндяпкина уже готова была оставить преследование и разрыдаться, как человек, выигравший огромный приз по фальшивому лотерейному билету. От этого длительного испытания неизвестностью ей становилось невмоготу. Если можно сказать о машине, что она плетется, то «Рено» барышни Виолетты именно плелось по автострате в сторону Москвы. На таких скоростях едут в густом тумане, чтобы на ощупь чувствовать дорогу. Однако летняя гроза и дождь имеют обыкновение не только неожиданно начинаться, но и внезапно заканчиваться. Ливень убывал. Ветер стал разгонять свинцовые тучи, висевшие над самым аэропортом. Природа стихала после безрассудного разгула. На несколько мгновений установилась полнейшая тишина. Эти несколько секунд абсолютного покоя были даны людям, автомобилям, самолетам, чтобы они осознали: пора начинать новый виток борьбы за выживание. Необходимо включаться в обычный ритм жизни и расставлять декорации, приготовленные судьбой. А человек всегда с воодушевлением и энергией принимает этот загадочный вызов.

Госпожа Шиндяпкина смогла, наконец, осмотреться. Вокруг блестел мокрый асфальт. Галки, крылатые чистильщики дорог, бросились жадно подбирать жертвы взбодраженной стихии. Сбитые ветром и ливнем птицы, утонувшие в бурных потоках дождя мелкие зверьки — стали объектами их азартного соперничества. Каждый ищет свое. Кто не находит, тот погибает сам. Таков закон жизни. Барышня Шиндяпкина, охваченная приливом энтузиазма, по-

чувствовала в себе новую волну страсти к поиску Иверова. Она машинально прибавила скорость и уже не чувствовала ни обиды, ни растерянности. Все ее помыслы вновь сводились к самому главному — найти князя. Разыскать этого престранного субъекта. За холмом, где горизонт беспредельно расширился, она вновь увидела черный силуэт. Постепенно он рос, приобретая человеческие контуры. Шиндяпкина погнала «Рено» на пределе возможного. «Неужели все получится, Господи!» — надежда заполучить желаемый объект воспламенила ее разум. Она уже отчетливо различала человеческую фигуру. «Скорее всего, это он, — всматриваясь вдаль, вполголоса сказала она самой себе. — Еще пара минут, и он оказался бы на трассе Москва — Петербург. Но почему он идет пешком?» Обрадованная, что наконец нашла князя, госпожа Шиндяпкина поехала рядом с ним и через открытое окно бросила: «Андрей Константинович, залезайте в машину. Я подвезу вас к центру. Не будете же вы идти двадцать километров пешком...» Князь не повернулся, а лишь прибавил шаг. «Опять она рядом. Куда бежать? Где спрятаться от нее?» — пронеслось в его голове. «Я не пойму, почему вы молчите? — настойчиво продолжала Виолетта Кузьминична. — Я никак не хотела вас обижать. Садитесь в машину. Я довезу вас до гостиницы и не стану больше докучать своим присутствием. Завтра приедет отец. Он будет опекать вас в Москве. Садитесь. Вы что же, боитесь меня?» Когда до сознания Иверова дошло, что завтра прибудет еще и марсельский дипломат, князь почувствовал, что взбешен. Поглощенный мрачным предчувствием, он лихорадочно стал думать, как навсегда оторваться от назойливого семейства Шиндяпкиных. Интуиция подсказала ему, что Шиндяпкин приезжает в Москву, чтобы прилипнуть к нему с какими-то коммерческими проектами. «Этот дипло-

мат — дьявольская бестия, — в негодовании подумал князь. — Какая горькая насмешка судьбы! Я не смогу опуститься на дно общества, если вокруг все будут знать о том, кто я такой. Тысячи людей начнут обращаться ко мне за финансовой помощью и сделают мою жизнь невыносимой. Впрочем, не только я могу сойти с ума от этого кошмара. Самый выносливый и психологически стойкий рискует потерять свою суверенность. Остается только бежать. Выбрать самый трудный маршрут и бежать без оглядки. Пока не свалюсь от потери сил». — «Садитесь в машину, Андрей Константинович», — донесся до него голос барышни Виолетты. Тут Иверов опрометью бросился в сторону от дороги. Он несся по пшеничному полю. Колосья к концу июня успевают подняться чуть выше лодыжки. Тяжелая, влажная глина сразу облепила его подошвы, сокращая скорость, сковывая движения. Князь, не оглядываясь, бежал все дальше. Впервые в жизни он удирал от преследования. Эта ситуация постепенно начала его забавлять. Через четверть часа запыхавшийся Иверов обернулся. Следом за ним, метрах в пятидесяти, поспешала Виолетта Шиндяпкина. Впереди в десяти минутах бега виднелась трасса. Она была забита автомобилями. Мужчина остановился, чтобы отдышаться, обдумать дальнейшие действия. Что делать? Куда бежать? И тут совершенно неожиданно ему в голову пришла забавная мысль. Дождаться молодую даму и разбросать перед ней деньги по полю. Пока она будет собирать их, он легко сумеет оторваться и доберется до автострады. Иверов вытащил из кармана пиджака промокшую пачку долларов, но купюры набухли и вряд ли могли бы разлететься. Госпожа Шиндяпкина приближалась. Князь уже легко различал ее укоризненный взгляд. Он стал раскидывать доллары по полю, как крестьяне разбрасывают семена во время сева. Барышня Виолетта

никак не ожидала столь необычного поворота событий. Все десять тысяч, полученные князем в марсельском банке, валялись теперь на пяти-шести сотках подмосковного поля. После того, как последняя ассигнация легла на колоски пшеницы, господин Иверов побежал вперед с новой силой. Преисполненный гордости, что неожиданно нашел лукавый ход, он не мог сдержать улыбки.

Тем временем Виолетта Кузьминична стала собирать деньги.

Глава XIV

Князь в замешательстве остановился: плотный поток автомобилей, в который он уперся, полз влево. Иверов уже отметил про себя, что на каждом шагу его ожидает препятствие. Ему нужно было срочно решать: куда направиться, чтобы навсегда оторваться от назойливого семейства Шиндяпкиных. Посоветоваться было не с кем. Спрашивать некого. В таких случаях человек начинает разговаривать с самим собой. Но тут голос сердца и доводы разума часто расходятся в споре о верном решении. Господин Иверов растерялся. Ничто не поражает людей так, как незнание пути, по которому необходимо следовать в поисках истины. Князь был совершенно чужим на этом подмосковном сплетении дорог. Вереница грузовиков незнакомых марок, извергающих смрад, словно из котлов преисподней, преградила ему дорогу. Мужчине показалось, что сама судьба противится его бегству от неотвязной преследовательницы.

Мокрый асфальт, разогретый шинами груженых монстров, дышал испариной. Водители удивленно косились на Андрея Иверова. Его измятый, промокший насквозь

льняной костюм и отяжелевшая от липкой грязи обувь не могли скрыть от их пристальных взглядов, что этот человек не российского разлива. Лощеное лицо, непривычная легкая походка, особое выражение глаз сразу выдавали в нем иностранца. А как известно, иноземцы вызывают у россиян чувство особого уважения. Ни одна нация мира не имеет такой ментальной особенности — поклоняться пришельцам из других земель. Француз глазом не моргнет, увидев русского, англичанин не проявит никакого интереса к россиянину, немец продолжит попивать пиво, столкнувшись с москвичом, итальянец не остановит свою пылкую, витиеватую речь при свидании с нашим соотечественником. Европейцы предпочитают любить себя, питая уважение к национальной ментальности. Россияне уважают чужестранцев и пренебрежительны к собственной истории. Князь потоптался на месте. В голову ничего не приходило, кроме мысли продолжать бег. И он побежал дальше, словно уличенный в краже вор. Вряд ли смог бы он объяснить, почему вдруг, выбрав удобный момент, перебежал на противоположную сторону трассы. Сам того не подозревая, Иверов выбрал направление дороги, ведущее к центру Москвы. Как будто сама судьба вела его. Восьмиполосный, двусторонний нескончаемый поток автомашин делал его практически невидимым для барышни Шиндяпкиной. Он бежал уже больше четверти часа. Миновал противотанковые ежи, недоуменно разглядывая памятник Второй мировой войны. Кромка дороги постепенно оживала. Появились первые торговые палатки. Здесь продавали всякую всячину: от садового инвентаря и овощей до газовых плиток и эмалированных бидонов. Иверов перешел на шаг. Все чаще, все кучнее стали появляться молоденькие, раскрашенные девицы для ра-

зового знакомства. От них тянуло сладким душком дешевой косметики. Некоторые из них весьма оригинально приветствовали князя. Одна куртизанка в оранжевой накидке вместо платья, ущипнув его за ягодицу, расхохоталась зычным голосом. Иверов от полной неожиданности как-то смешно подпрыгнул и отскочил в сторону. Другая, скрывающая широкий лоб под ярко-красной челкой, сцапав его руку, самым решительным образом протиснула ее в свою необъятную грудь. Андрей Константинович с трудом вырвался, сконфузился и смущенно попятился в сторону, но тут же был захвачен группой «ночных бабочек». Они повисли на нем, поглаживая его черные короткие волосы. Одна чмокнула его в ухо, другая успела растегнуть ширинку, третья ухватила ртом его палец, стала облизывать. Черноокая, низкорослая, с широкими бедрами девица, в синем парике потребовала: «Дай денег на шампанское нашей подруге Аньке. У нее сегодня День ангела». Другая, со свежим шрамом на шее, спросила: «Знал ли ты из истории святую княгиню Анну Кашинскую? Мы ее падшие падчерицы. В понедельник работа у нас дрянная, брось коллективу денежку». — «Не скупись, красавчик, — подступила стройная блондинка лет семнадцати с узким кротким лицом. — Бог воздает каждому дающему!» Такой сцены Иверову никогда не приходилось наблюдать, тем более в ней участвовать. «Глубокое отвращение, которое я сейчас испытываю, — стал размышлять князь, — может быть лишь уловкой судьбы. Она готовит меня к еще более мерзким сюжетам. Впрочем, именно в этот самый ужасный мир я мечтал переселиться. Не негодование, а радость слияния с чудовищными обстоятельствами я должен теперь переживать. Я обязан не противиться глумлению над собой ради внутренней потреб-

ности отыскать, открыть верховное существо в человеке, Царя Небесного в собственной душе. Раньше на Руси таких людей называли «страстотерпец». Как мощно звучит это слово! Человек, позволяющий унижать самого себя в угоду всепоглощающей страсти своего сердца». И он вдруг сам со слезами умиления на глазах стал обнимать смазливых путанок. Его широкий порыв к праздничному христосованию напугал девиц наилегчайшего поведения. «Эй, вначале заплати!» — вскричала молоденькая проститутка на высоких шпильках, чья рука застряла в его ширинке. «Поцелуй стоит десять долларов», — бросила коротышка с широкими бедрами. «Вначале Бог создал деньги, — шепнула князю в ухо блондинка с кротким лицом монахини, — а уж потом беспредельную любовь. Плати, дружок — получишь тотальный секс. Любовь non stop. Страсти-мордасти по Фрейду». Андрей Иверов уже не слышал, не понимал, что происходило вокруг. Видимый мир уже не существовал для него. Желание обогреть исстрадавшиеся души куртизанок охватывало князя все сильнее. Тайное пламя душевного возбуждения то и дело вспыхивало во взгляде князя, бросая отсвет на лица жалких уличных проституток. Он то хотел изменить жизнь этих созданий, сделать ее достойной и справедливой, то преобразить, то осыпать их райскими цветами и умиротворяющими ласками. «Эй, жадина! Дай денег-то на шампанское нашей Аньке!» Эти громко брошенные слова как бы пробудили Иверова. Он достал из брюк свой бумажник, вытащил из него последние шесть стоевровых купюр и протянул молоденьким дамам. Чтобы на него не обиделись за столь скромную сумму — шестьсот евро — Иверов предъявил женской аудитории для осмотра свой пустой бумажник. «Croyez — moi, c'est tout mon argent

liequite. Je n'ai plus rien sur moi»¹. «Это что он прокукарекал? Кто из вас понял, на каком языке он тут с нами говорит, подружки?» — спросила растерянная молоденькая особа в оранжевой накидке. «На испанском», — бросила коротышка с широкими бедрами. «Это румынский. Он на молдавский похож...» — сказала брюнетка со свежим шрамом на шее. К деньгам никто из куртизанок не притронулся. Только тут князь понял, что по ошибке заговорил с публикой на французском языке. «Прошу прощения. Дорогие сестры, я хотел просить вас взять все мои деньги. Это шестьсот евро. Больше у меня нет». В одной руке Иверов держал тонкую пачку ассигнаций, в другой — пустой бумажник. Протянутые руки мужчины замерли в воздухе, как гипсовые. Воцарилась тишина. Никто не решался первым нарушить напряженное молчание. «Прошу вас взять деньги, — обратился князь к московским путанам. — На них можно купить шампанское и праздновать День ангела вашей Аннушки». Услышав его интонацию, девицы тут же про себя отметили: говорит он на русском языке, но произношение явно не русское. Какой-то непонятный акцент. Он иностранец. Притом, чудной иностранец. Не бежит от них, не плачет, не просит помощи. А уважительно относится к ним, называя «своими сестрами». «Спрячь деньги, — назидательным тоном сказала молоденькая девица на высоких шпильках. — Мы не грабители и не нищие. Желаете сексуальный сервис — выбирай и плати. А нет — так проваливай». — «Да как он дальше пойдет? Его же выпотрошат. Смотри, сколько вокруг бездельников. Они только и ждут, чтобы поживиться», — вставила дру-

¹ «Поверьте, это все мои наличные деньги. С собой больше ничего нет.» (Франц.)

гая. «Сажай его в такси, останавливай любую машину. Жалко мужика без денег оставлять», — выкрикнула девица в обтягивающих джинсах. «А он мил», — бросила блондинка с лицом святой. Тут к Иверову вплотную приблизилась коротышка с широкими бедрами. Уставившись на него злобыным взглядом, она сказала: «Как ты все правильно просчитал. Тонкий психолог или вероломный искуситель. А вот я возьму твои деньги. Плевать мне, что ты останешься без гроша». С ловкостью крупье она выхватила из его руки тонкую пачку ассигнаций и в знак одержанной победы подняла европейские денежные купюры высоко над головой. Вот, дескать, любуйтесь, денежки мои. И тут началось невообразимое. На нее налетела толпа куртизанок. Коротышку сбили с ног и повалили на землю. Началась свалка, мелькали полураздетые женские тела. Трудно было понять, что происходит. Кто кого избивает и за что? За отказ поделиться добычей, несправедливый дележ или нечестный поступок дамочки с широкими бедрами? В ушах князя звучал безудержный хохот одних, визг и стоны других, непристойные словечки третьих. Такого он не видел еще никогда. Иверов и не представлял, что такое вообще может происходить с людьми двадцать первого века. Да! Изнанка жизни распахивала ему свои объятия. Дарила острые сюжеты бытия. И он с душевным подъемом первооткрывателя погружался в них. Он следил за дракой девиц с таким вниманием, с каким другие перечитывают книги Бальзака и Толстого, рассматривают полотна Левитана и Брюллова. Сцена неожиданной потасовки настолько увлекла его, что он забыл обо всем: кто он таков? где находится? в какое время живет? какую цель поставил перед собой? Побище агонизировало. Прошло лишь несколько мгновений, а куртизанки перепачкались, как регбисты на игро-

вом поле после проливного дождя. Куски грязи летали над кучей женских тел. Вдруг невесть откуда взявшаяся внутренняя сила стала толкать мужчину к участию в беснующемся побоище. И неожиданно, самым непостижимым образом он ощутил свое виртуальное присутствие в потасовке. То ему казалось, что он получил удар в глаз, то он чувствовал, что все лицо облеплено грязью, то явственно ощущал запах сырой земли, или ему вдруг чудилось, что у него оторваны подошвы и он в одних носках стоит по щиколотку в грязи. Все это дразнило пьянящим наслаждением. Иверов больше не владел собой. Грязная свалка на обочине Ленинградского шоссе, как магнит, притягивала его с новой силой, и в какой-то момент, совершенно потеряв рассудок, он стал на колени и упал в самую середину этой кучи малы. И тут произошло невероятное: девицы вмиг угомонились. Наступил полный штиль. Словно по волшебству, остановилось яростное движение женских тел. Андрею Иверову так и не удалось наяву вкусить всю радость пребывания на задворках антимира. Он даже обиделся на свою судьбу. «Почему все так быстро завершилось, — с горечью подумал он. — А ведь еще минуту назад я имел реальную возможность оказаться в самой изнанке жизни». Пуганы стали молча подниматься. Кто-то принес пятилитровый бидон «Святой воды». Одна за другой они смывали грязь со своих молодых тел. «У меня две купюры. У кого остальные?» — спросила молодая женщина со шрамом на шее. «Вот, одна, но разорванная пополам», — сказала блондинка. «Еще одна. Но она в такой грязи, что надо ее отмыть», — сказала женщина, измазанная до неузнаваемости. «Две остались у меня», — вызывающе вставила девица с широкими бедрами. «Отдайте все деньги мне. Я вручу их нашему кавалеру», — потребовала молоденькая путана со шра-

мом. «Верно!» — в один голос заявили проститутки. Тут их всех охватил такой бурный восторг, на перепачканных лицах засияли такие чистые, искренние улыбки, что Иверову показалось, будто души этих жалких уличных созданий открылись навстречу Господу. «От греха до покаяния всего один шаг! — подумал князь. — Но какое великое наслаждение пристально наблюдать за этим замечательным движением души! Из тьмы — к свету! Из мрака подземелья — к лучистой ауре небесной. У меня такое ощущение, что именно я соткал из черных душ опустившихся проститутток лоскут светящейся ткани». — «Возьмите ваши деньги, — прервала его размышления молоденькая особа со шрамом. Она протянула ему шесть ассигнаций. — Мы, друзья сексуальной демократии, не оставим вас без помощи. Москва — город неожиданностей. Можно проснуться в морге. Или вдруг твое сердце окажется однажды ночью в неизвестном теле, а душа упорхнет в иные края. Берегите свои органы. И не только с помощью презерватива. Вот так, дружок-иностранец. Возьми свои деньги и проваливай. Берите тачку, девки!» Иверов не знал, что и думать. Внезапное предложение, высказанное таким приказным тоном, его обескуражило. «Что мне эти деньги, за которые они передрались, чтобы вернуть их мне? Стыд охватывает меня. Путаны возвращают мне шестьсот евро, добровольно отданные на День ангела их подруги, — князь был тронут и восхищен этим поступком. — Но почему они не взяли денег? Какая логика, какие побуждения остановили их? Ведь именно они должны представлять собой дно жизни. Именно в их поступках не должно быть никакой морали. Никакой человечности. Неужели это я вызвал в них жалость? Да, такое возможно: у падших, живущих в вечном грехе, — пробуждение святости! Но странно, теперь именно эти шесть-

сот евро становятся для меня самым желанным капиталом. Я очень хочу его иметь — за него шла борьба между силами зла и добра. В случившемся есть что-то от промысла Божьего». Тут Андрею Константиновичу припомнилась Мария Магдалина, слезами омывающая ноги Христа, и он подумал, что присутствует сейчас при повторении евангельского сюжета. Такой поворот событий никак не входил в планы Иверова. Он хотел остаться с падшими, он мечтал быть униженным, оскорбленным, но его выталкивали со дна жизни, прогоняли в привычный ему мир, как существо, здесь совершенно чуждое. Еще совсем недавно восторженный и сияющий, теперь он сделался подавленным. «Чем же мне их заинтересовать? Как остаться с ними, чтобы оказаться равным им?» — думал князь. Но с Иверовым случилось еще одно странное происшествие. С первых часов пребывания в России ему на ум все чаще приходили тексты из Святого Писания. Князь никак не мог понять этот феномен. «Неужели именно Библия из глубины моего подсознания вела меня все это время? Вот только что неведомая сила бросила меня в кучу дерущихся женщин. Какую цель я преследовал при этом? Растащить их? Ввязаться в драку? Самому получить по физиономии? Ударить падшую женщину? Отнять отданные только что деньги? Позволить себе быть измазанным грязью? У меня нет ответа. Потому что нет в моих действиях никакой логики. Да, интересные вещи происходят в моем сознании. Создается такое впечатление, что не страсти человеческие одолевают меня, а вирусный сбой компьютеризированного мышления с неведомой силой постоянно преследует мое существо». Вдруг господина Иверова посетила совершенно другая мысль: «Не надо было показывать молодым женщинам свой пустой кошелек. Как будто я отчитывался пе-

ред грабителями. Дескать, извольте убедиться, дамы и господа, в бумажнике ничего нет. Да, это было непростительной ошибкой. Этим буду корить себя всю жизнь». В этот момент кто-то толкнул его в плечо: «Торопись, парень. Тебя ждет «Москвич». Он доставит тебя по адресу». Девушки энергично стерли грязь с лица и одежды Иверова и усадили в автомобиль. «Куда тебе, мужик?» — спросил водитель. Это был тридцатилетний парень с большой светловолосой головой. Он не дождался ответа, улыбнулся, включил скорость и двинулся к центру столицы. Машина была старенькая и с первых метров стала чихать и кашлять, словно простуженная. «Другой дороги у нас нет. Впереди только Москва, — как бы разговаривая с самим собой, продолжал водитель. — Должно быть, вы очень понравились плечевым девушкам. Такого не припомню, чтобы они за мужика расплачивались. Так все-таки, вам куда? К метро?» Иверов решил не отмалчиваться, а участвовать в жизни, которую дарит ему сама судьба. «Добровольное и полное принятие реальности, несомненно, поможет сближению с поучительной изнанкой мира, — подумал он и сказал: «Мне как-то все равно. Высадите меня, где вам удобно». — «Ха-ха-ха. Так не бывает, — рассмеялся водитель. — Вы должны выбрать. Мне дали сто рублей. До стадиона «Динамо» я вас могу довезти. Потом я сворачиваю и еду в Марьину рощу. Сегодня исполняется ровно пятнадцать лет, как мы ушли на дембель. Последний дембель советских пограничников с Новой Земли. Мы с друзьями гуляем всю ночь. Ха, ха, ха. Водку будем пить ведрами». — «Прошу прощения, а что такое дембель?» — «А вы в армии не служили?» — «Нет!» — «Дембель — красивое слово. Содержательное. Это конец службы в армии. Это — триумф свободы! Это водка, девушки, музыка. Дембель — это радость жизни. А вы сами откуда?» Иверов не

сразу нашел, что сказать. Он никак не хотел говорить, что приехал из Ниццы. Обманывать он тоже не мог и не желал. Князь вспомнил, что его дед был из Петербурга и жил на Фонтанке. Но что такое Фонтанка, господин Иверов не знал. Это могла быть улица, площадь, квартал. Он нашел компромиссный ход и вышел из трудного положения. «Вся моя родня из Петербурга». — «А, питерский. Москва сейчас наполняется людьми из Петербурга. Модный город в современной России. Наш президент тянет в столицу всех своих земляков. Но откуда у вас этот акцент? Вы в Финляндии не учились? Она же у вас там рядом». — «Нет, я в Финляндии не был». — «Вы знаете иностранные языки, вы переводчик?» — «Да, я владею несколькими языками». — «Несколькими?» — «Да». — «Интересно, какими?» — «Французским, английским, итальянским, немецким, арабским. Не плохо говорю на испанском. Изучаю иврит и турецкий». — «Ничего себе. Не врете?» — «Нет». — «И читать и писать умеете?» — «Да. Конечно». — «А я в школе изучал немецкий. Правда, ничего не помню. Ха-ха-ха. Вас вызвал в Москву сам Путин?» — «Нет. Я просто приехал». — «Вы фээсбешник?» — «Нет». — «А где вы работаете?» — «Нигде. Пока думаю». — «А кого в Москве знаете?» — «Никого». — «Совсем совсем?» — «Совсем никого!» — «Меня зовут Леня. Леонид Мурашкин». — «Очень приятно. Я — Андрей Иверов». Именно в этот момент старый автомобиль раскашлялся и заглох. Господин Мурашкин все же успел припарковать машину к обочине. «Андрюша, помоги. Уже половина десятого. Мне надо спешить. Попробуй подтолкнуть меня». Иверов вышел из «Москвича» и стал толкать машину. У него в этом не было никаких навыков. Но, ему нравилась эта демократичность в общении. «Андрюша» — звучит совсем не плохо, — думал он. — Следует именно так и представлять-

ся: «Андрюша из Питера». Однако старый, прогнивший автомобиль не хотел заводиться. Он стрелял и пыхтел, но мотор никак не запускался. Вышел Мурашкин: «Ты водишь машину?» — «Да. Но у меня нет с собой прав». — «Бог с ними, с правами. Теперь ты садись за руль. Я стану толкать». После долгих, мучительных усилий автомобиль наконец заработал, и мужчины поехали дальше. «Ты где остановился?» — «Пока еще не знаю». — «Может, гульнешь сегодня вечером с нами?» — «Право, не знаю. Я водку не особенно пью». — «Будет много бочкового пива. Мой армейский дружок Платон Буйносов всегда в этот день приносит для себя французские вина. Я уверен, что он с тобой поделится своим вином. Так что выпивка на любой вкус. Поехали, Андрюша». Иверов уже поставил диагноз этому простому парню. Без сомнения, это не интеллект, но он и не представитель городского дна. Мурашкин, по мнению Иверова, был бесхитростным парнем, принадлежавшим к среднему по умственному складу и ниже среднего по экономическому потенциалу российскому классу. Князь пока совершенно не понимал, кем этот Мурашкин мог работать: механиком, слесарем, техником, агрономом. Впрочем, его сейчас интересовало совсем не это. Князь обдумывал предложение Леонида Мурашкина. «Что может дать мне этот разгул русского пьяного духа, если я ищу совсем другое? — размышлял он. — С другой стороны — я вообще должен понять, в какой именно среде россиян я могу найти изнанку жизни? Быть может, она вовсе не на дне, не в трущобах. Не в подвалах среди нищих, не в подземелье среди людских отбросов, а в залах Кремля, за кулисами Большого театра, в кабинетах на Старой площади, в Белом доме? Нужно совершенно точно определиться, где именно продолжать поиск. Вот ведь давеча сам убедился: среди уличных

московских проституток мораль крепка, как в женском монастыре бургундского Бона. Рассказать во Франции, в Европе, как я неуклюже пытался подарить московским куртизанкам шестьсот евро, а они постеснялись брать эти деньги и вернули их мне, более того, помяли бока своей черной овечке, — этому никто не поверит. Скажут, Иверов — русский, придумал все это для поднятия национального авторитета. Надо обязательно согласиться на предложение и начать знакомство с российским народом. Иначе мои шаги к изнанке жизни могут оказаться фальшивыми. Я могу заблудиться и попасть не в ту среду, о которой мечтаю». — «Ну, что?» — «Да, я согласен. Идем». — «Правильное решение. Где в такой поздний час ночлег искать? Цены в гостиницах теперь просто сумасшедшие. Не хочешь за ночлег тридцать баксов отстегивать? Да еще с клопами, в духоте. Где-нибудь на Автозаводской или в Теплом Стане. Уж лучше провести ночь с моими друзьями на природе возле дома. Нас ждет шашлык из свинины и корейка из баранины. Барбекю уже дымится. Ночью пойдем ко мне. На диванчик можно прилечь, душ принять, о жизни поговорить. Теперь у нас в Москве стало спокойней. Не так, как в девяносто третьем и в девяносто пятом. Трупы на улицах не валяются, перед подъездом не поджидают прохожего с дубиной, чтобы разбить голову и обобрать. В столице есть порядок. Впрочем, скорее, его тень. Народ стал хоть и неохотно, но прислушиваться к закону. Воспринимать его, но с оглядкой, чтобы не мешал жить. Подумывать, правда, про себя, чтобы не навлечь беду, как изменить жизнь к лучшему. Мечтать, чаще во сне, как жить в достатке. Размышлять, пусть пока украдкой, чтобы не привыкать, о справедливости. Но это уже прогресс. Развитие общественного сознания. А власть и сила, как нетленный симбиоз, успели под-

мять под себя все ресурсы, все атрибуты свободного предпринимательства, все подходы к рынку. Они заглушили голоса свободы и стоны соотечественников, призвав общество вслепую поклоняться лишь одному Богу — золотому тельцу. Они спровоцировали бессмысленную дискуссию: кто с кем? «Вы с «Единством»? Отлично! А вы?» — «Я — с «Яблоком!» — «Тьфу! Плохой тон! А вы?» — «Я сам по себе!» — «Какая гадость! Все хотят быть президентом!» — «Да нет же. Я сам по себе!» — «Но зачем? Чтобы стать президентом?» — «Нет, хочу обрести черты человеческие!» — «Не понимаем, к чему вы клоните». Господину Иверову понравился яркий, образный язык водителя. «Не прав я был, когда решил, что он человек среднего интеллекта, — размышлял князь, — такой лексикой владеет интеллектуал. Надо разузнать, кто он, этот незнакомец». — «Прошу прощения, господин Мурашкин, что вы заканчивали?» — «Я физик. Окончил МВТУ имени Баумана. Занимаюсь проблемами поиска гравитона. Низкая зарплата в Институте физики — тысяча шестьсот рублей — вынуждает меня подрабатывать в аэропорту грузчиком багажного отделения. Работая по три дня в неделю, я имею шесть тысяч в месяц». — «А какой курс рубля к доллару?» — «Один доллар равен тридцати одному рублю». — «Значит, как физик вы получаете пятьдесят один доллар шестьдесят центов в месяц?» — «Точно так. А как грузчик — двести долларов в месяц. Еще подрабатываю на своём подержанном автомобиле. Приплюсуйте еще две тысячи рублей. Вот мой месячный бюджет. Я почти все рассказал о себе. Теперь ваш черед. А вы сколько именно хотели бы получать? Знаю, что переводчики нынче зарабатывают приличные деньги». — «Не представляю», — князь уклонился от ответа. «Спросим у Буйносова. Он все расценки знает. Я так понял, что вы лингвист?» —

«...Можно сказать, что да». — «А профессия?» Господину Иверову не очень хотелось говорить о себе, но деваться было некуда. «Экономист» — «Впервые слышу, что экономисты владеют таким большим количеством языков. Вы жили за рубежом?» — «Да!» — «Где?» — «В Европе». — «Чудесно. Дышали воздухом свободы. В нашей стране его нет. Мы здесь добываем газ, алмазы, нефть, золото, но никак не можем найти и обрести самих себя. Столько проклятий, видимо, посылали на собственную землю невинные жертвы красного террора, что Россия проклята в веках. Пока не обновится весь этнос, пуповиной связанный с режимом красных, мы не выберемся из трясины насилия». — «Если они никак не могут обрести самих себя, то каким образом это удастся мне, совершенно чужому?» — горестно пронеслось в голове Иверова. Автомобиль господина Мурашкина перед Беговой улицей съехал на малую дорожку Ленинградского шоссе, развернулся под мостом Белорусского вокзала, свернул на улицу Расковой, потом на Сущевский вал и покатил в сторону Марьиной рощи. Тучи, гонимые ветром, уплывали на восток, а солнце медленно садилось за горизонт. Асфальт просох, никаких следов буйства водной стихии не было видно. В машине воцарилась тишина. Лишь двигатель продолжал болезненно кряхтеть. Перед церковью Иконы Божьей Матери «Нечаянная Радость» стоял пятиэтажный, длиннющий, весь в трещинах панельный дом. Рядом с ним разместились еще несколько таких же ветхих, обшарпанных строений. Тут «Москвич» господина Мурашкина притормозил, свернул к густым кустам сирени и остановился перед дымящимся барбекю. «Приехали». Князь вылез из машины. Пахло сыростью, зеленью, дымом и чем-то совершенно незнакомым, но резким. Вокруг, прямо в грязи, лежали кучи бытового мусора. Казалось,

над ним сошлись в смертельной битве несметные полчища насекомых: мух, оводов, комаров, ос, жужелиц, подёнок и всяческой мошкары. Незнакомый, какой-то ущербный, гнетущий мир бедноты поразил Андрея Иверова. Несмотря на то, что всё происходило почти в центре современной Москвы, в районе Марьиной рощи, у него возникло подозрение, что стоял он в урочище злых духов. Уродство окружающего мира вызвало приступ тошноты, тяжким гнетом ложилось на сердце. «Вот, оказывается, как убого, как неряшливо и пакостно живет обездоленный русский народ, — думал он. — Они еще не познали фундаментальную истину западной цивилизации: жизнь — это непреходящая, ежечасная битва с собственным безволием. Надо пробудить в себе честолюбие, воскресить энергию соперничества, заставить себя денно и нощно ломать голову, как заработать капитал, как сохранить плоды своего труда, как интеллектуально обыграть конкурента, как подчинить своим финансовым замыслам улицу, квартал, город, страну, континент, весь мир! Только так можно изменить свой быт, украсить свою жизнь, окружить себя достижениями современных технологий. А мои горемычные, бедные соотечественники, привыкшие к иным представлениям о добре и зле, постоянно проигрывают эту битву. Как можно жить среди такого всепоглощающего упадка: обветшалых, аварийных домов, омерзительных клетушек — покосившихся панельных квартир, в зловонных, разрушающихся подъездах, среди ржавых труб и полнейшей антисанитарии? Нет! Прежде всего у этих людей отсутствует гордость. Нет внутренней требовательности к себе, к своему телу, к своему обонянию, зрению, осязанию, вкусу. Зачем природа одарила россиян этими великими человеческими свойствами? Почему они не востребованы? По-

чему не возникает желание покрасить стены, убрать мусор, избавиться от насекомых, грызунов, облагородить землю? Это же окружающий их мир! Их среда обитания!» Но тут совершенно неожиданно господину Иверову пришла в голову совсем другая мысль: «Но, может быть, человек устроен так, что если вокруг него именно такой бедлам, разруха, гниль и грязь, то душа его чиста, как у ангела. Помыслы невинны, как заповеди Господни, а деяния озарены Божественным светом. Если же человек изнежен роскошью, капиталом, опрятностью среды обитания, то душа его больна, она во власти дьявола. Душа в таком мире опустошается, как бокал вина у жаждущего захмелеть, она высыхает, как колодец под нещадным палящим солнцем, она отравляется пороками: пресыщенностью, высокомерием, чванством, развращается непомерным достатком — гибнет. А разве я сам не жертва этого мира? Моя душа не угнетена, не изуродована? Мой разум — не нуждается в услугах психиатра? Я-то бегу от мира внешней красоты, в изнанку мира внутренней свободы! Из мира опрятности — в мир грязи! Признаюсь, таких, как я, не много. Россияне, наоборот, спасаются от своего прискорбного быта в нашем цветущем мире. Но чем больше навоза в почве, тем великолепнее цветы в оранжереях. Чем шире стоки клоак, тем более душиста сирень в окрестностях». И еще одна деталь отпечаталась в сознании Андрея Иверова, когда он с интересом разглядывал прохожих на московских улицах: «Как-кая-то чертовщина! — в нашей цветущей Франции, в элитных ресторанах, на вечеринках шикерии, на площадях и пляжах не встретишь такого количества красивых женщин, как на изрытых, вспученных асфальтовых тротуарах Москвы. Что это за феномен? Божественный подарок русскому этносу? Тайное вмешательство КГБ в генную инже-

нерию? Или тот же банальный вывод: чем больше нечистот, тем смачнее плод! В наших стерильных, компьютеризованных роддомах на свет появляются женщины. В России рождаются красавицы. У нас отрезают пуповину у здоровых девочек, у них же у — милых и стройных. У нас они плодятся с карими глазами, хотя наш мир так многоцветен, у них — с голубыми, хотя их мир столь неряшлив и скучен. У нас они богатые и тоскующие, у них — обездоленные, но радостные. Тут есть какая-то мистическая, обратная зависимость. Стоит присмотреться к русской душе. Что это за лоскут материи? Высшая организация или низшая субстанция? Соткана ли она из Божественных символов или из дьявольских арканов? К чему ее более влечет? К реальному быту потребления или виртуальному миру изгоев? В горе познавать радость, ликование предпочитать печаль разочарования, искать утешение в одиночестве? Или неисцелимый недуг обуздал ее целиком, и погружение в порок оказывается неизбежным?» — «Андрюша, что ты так глубоко задумался? — привел его в чувство господин Мурашкин. — Помогай жарить шашлык. Знакомься, это сержант Гришка Кутерьма, а это — Платон Буйносов и Анатолий Ашурков. Перед вами питерец Андрей Иверов. По-моему, он владеет всеми языками мира. Прибыл в Москву устраиваться. Знакомьтесь. Именно вас я назначаю ответственными за прожарку шашлыка и корейки. Да, вот еще что, Платоша, Иверов пьет только вино. Поделись с ним, пожалуйста». После этого Леонид Мурашкин отошел к другой группе сослуживцев. Наступила пауза, обычная при новом неожиданном знакомстве. Иверов вообще не хотел разговаривать. Буйносов, опасаясь, что питерец начнет приставать с просьбой об устройстве на службу, тоже отмалчивался. «Или в Петербурге считают, что в Москве

некому работать? — решил продолжить знакомство Анатолий Ашурков, обращаясь к князю. — Ваши люди заполнили город, как беженцы из неблагополучных регионов. Москва буквально трещит от питерцев. Тянетесь за президентом, мечтаете о карьере чиновника? В нынешней России основные деньги у бюрократов». — «У меня нет таких поползновений», — отрезал Иверов. — «Обиделись?» — «Вовсе нет». — «Какое место хотите получить?». — «Пока раздумываю». — «Хотите сказать, что будете выбирать, или согласитесь на первое же предложение?» — «Я еще не определился, господин Ашурков». — «Понимаю, вы только что с юга. Загар бронзовый, на душе расслабуха. Хочется попить винца, побродить по столице... Поддайте жару, Иверов». — «Сколько вам лет, Иверов?» — поинтересовался Буйносов. — «Сорок два». — «В таком возрасте редко кто хорошо устраивается. А какая у вас профессия?» — продолжил Платон Филиппович. «Экономист». — «О, вот как. Оказывается, в Петербурге есть экономисты, — рассмеялся Буйносов. — Экономист, уважаемый, это не профессия, это вид деятельности. Вот я изучал теплофизику, а занимаюсь экономикой. А что вы изучали и где работали?» — «Уважаемые господа. Предположение, что я ищу работу, несколько ошибочно. Спасибо за участие в моей судьбе, но я предпочел бы с честью выполнить общественное поручение Леонида Мурашкина, а не злоупотреблять вашим вниманием, тем более, когда речь идет о проблеме, которая для меня не актуальна». — «Какой странный у него язык, — бросил Платону Филипповичу Ашурков. — Сразу видно, что господин Иверов готовится стать чиновником. Желает занять стол начальника департамента?» — «Кончай, Толик. У питерцев свои ходы во власть. Иверов в нас не нуждается». — «Спасибо, господа, за понимание». Наблюдательный Буй-

носов уже обратил внимание на респектабельный внешний вид Иверова — совсем не русский и уж точно не питерский. Его ухоженные, изящные руки, красивая форма ногтей, съезжившийся от дождя костюм из великолепного льна, перепачканная, но превосходная, из дорогой кожи обувь, золотые плоские часы фирмы «Вашерон Константин», непривычная манера выражаться — все это подсказывало, что перед ним не совсем обычный человек. Платон Филиппович был единственным среди присутствующих, кто понимал эти тонкости. Впрочем, он не торопился раскрывать загадку этого господина, хотя и был изрядно заинтригован. «Все мое время, — мелькнуло у него в голове. — Однако начнем-ка с вина. Попросил же Мурашкин угостить Иверова моим любимым напитком. Но почему меня так тянет к этому типу? Я просто не в состоянии его игнорировать. Какой-то гипноз». — «Какое вино предпочитаете?» — «Что можете предложить?» — «Барбареско» девяносто пятого года от Гайи». — «Спасибо. Непременно воспользуюсь угощением». — «Что вы можете сказать об этом напитке?» — «Он хочет проверить меня, — подумал князь. — Никогда не предполагал, что так трудно врать. Казаться невеждой — тоже обман. Краткость и лаконизм должны лечь в основу нашего диалога». — «Италия. Пьемонт. Хороший урожай. Известная марка». — «Вы сами что предпочитаете?» — «Я пью разные вина». — «Известно ли вам вино «Лесоло»? Или другие марки — «Хванчкара», «Гурджаани», «Фетяска»? — «К сожалению, я с ними не знаком». — «И этот тип хочет меня убедить, что он из Петербурга?» — про себя ухмыльнулся Платон Филиппович. Легенда о питерском происхождении Иверова рушилась на глазах. «Еще несколько таких вопросов, и я окажусь перед выбором: признаться или убежать», — подумал князь. Андрей

Константинович прекрасно понимал, что собеседник держит его за горло, желая выведать истинную биографию. «В его улыбке столько лукавства, что неизвестно, смеется ли он надо мной и, называя марки вин, не перечисляет ли он на самом деле марки холодильников, стиральных машин, сорта картофеля или имена производителей велосипедов, — продолжал размышлять князь. — Эти расспросы мучают меня, как неотвязные осенние слепни на берегах Жиронды». — «Господин Иверов, не обращайте внимания на нападки Буйносова. Он добрый мальчик, но заделался олигархом. А деньги, как известно, портят человека. Поэтому в последнее время Платон Филиппович фасонит перед нами своими экзотическими знаниями, — сказал Ашурков. — Буйносов, дружище, давай, наконец, выпьем. Объявление для всех — первый тост пьем до дна. «Многие лета!»»

Так началась первая настоящая русская пьянка князя Иверова.

Глава XV

Есть народ, в душе которого нет Бога. Есть народ, в кармане которого нет денег. Есть народ, увенчанный наследием богатейшей культуры. Есть народ, отмеченный пылкой страстностью, но немощный социально. Этот народ легко обнаружить, но очень трудно понять. Он скор на самопожертвование, но заповеден для поиска истины. Этот народ постоянно уходит в себя, сжимается, подобно шагреновой коже, под натиском власти, этнос вымирает, культура мельчает, а честь вырождается. Спокойствие этого народа зиждется на произволе тиранов. Этот народ никак не может сплотиться для отпора беззаконию. В нем чрезмерная доброта соседствует с рабской безропотностью и анархической распущенностью. Он вечно проигрывает в борьбе за собственные идеалы. С 91-го года этот народ обитает в стране, в которой нет государственных служащих, им на смену пришли сообщники, живущие «по понятиям». Этот народ именует себя гордо — мы русские! Мы другие! Мы отчуждены от мира и девственны в понимании проблем современности. Мы европейцы, но с шаманским оскалом,

мы христиане, но с необузданными порывами духа, мы образованны, но с извечным горем от ума!

У этого народа разумом управляет душа, страстность разъедает порядок, нищета склоняет дух и тело к соблазнам греха. Кто знает, сколько еще продлится эта дьявольская пляска страстей человеческих? Запятнал душу — прими водки. Растерзал сердце — залейся горькой. Изранил тело — натришь спиртом. Затосковал духом — упейся сорокаградусной. Захворал — лечись «Столичной». Такие обширнейшие возможности у массового россиянина. Сама жизнь, дырявые карманы, душа, потерявшая Бога, обреченные поиски самого себя, опустошенное существование предлагают россиянину лишь две отдушины. Что может позволить себе русский человек, если у него ничего нет? Открыть бизнес? Построить дом? Купить автомобиль? Пойти в театр? Подарить любимой женщине вечернее платье? Помочь матери? Накормить сироту? Погреться на южном солнце? Посмотреть мир? Сбережений нет! Денег нет! Их постоянно нет! Их никогда нет! Что остается русскому человеку? Как, а Бог? Его давно уже нет! Честь? Она потеряна в суматошной жизни. А мораль? Она истреблена разгулом власти. Разумность? Она утонула в пучине идеологии. Что осталось у русского человека? Что может взять он от жизни? Какая у него отрада? Волшебная водка и упительный секс. Водка дешевая, слава Супостату, всегда доступная. Секс бесплатный, слава Супостату, нелицензионный. Вот вся Россия и гуляет. Бесится до чертиков, до провалов в памяти и потери пульса. Можно ли упрекнуть? Народ-то доволен! Или лишь грезит, что счастлив? А сам стонет. Мучается, страдает. Этот раздирающий вопль слышен во всей Вселенной. Исстари богатые страны сетуют: русская душа — потемки. Русская душа — недоступна пони-

манию. А окажись в нашей нищете, в мире убогих, мизерных возможностей уважаемые господа с берегов Темзы, Сены, Рейна, Тибра! Через годок-другой заглянем в их души: и что там откроется? Русская бесшабашность? Тоскующая загадочность? Мистическая бездна?

Андрей Иверов подходил то к одной, то к другой группе и прислушивался, что говорили люди о своем житье-бытье. Неприличные выражения и непечатная грубость уживались в их речах с богатством литературной лексики, накалом чувств и патриотическим пафосом. Ему предложили выпить водки. Князь согласился: находиться среди русских и игнорировать национальный напиток было бы невежливо. Опрокинув стакан, он стал глубже вникать в смысл речей, не переставая думать об увиденном. «Какую цель ставит перед собой народ российский? Не надо быть мудрецом, чтобы понять: она близка, она сродни общечеловеческим ценностям, стремлению к добру, достатку, миру, ко всему тому, что сделало человека венцом Вселенной. Россиянин, переместившись в другие земли, континенты, на незнакомое правовое и историческое поле, соприкоснувшись с другими этническими и социальными традициями, легко, без особых усилий находит свое место в новом социальном пространстве, с успехом интегрируется в экономическую и политическую инфраструктуру нового общества, нередко обогащает ее культурный и научный потенциал. Россияне ни в одной стране мира не выглядят неприкаянными пришельцами, отщепенцами, бросающими вызов родовой сущности человека. Как раз наоборот, там, где царит дух свободы, они украшают собой генофонд землян. Но почему в собственной стране они так беспомощны, что почти ни на что существенное в социально-экономическом плане не способны? Почему

они никак не могут наладить свой быт, облагородить свою жизнь в глазах всего мира? Почему они постоянно бегут от родной земли, с маниакальным упорством ищут счастья в других странах? В чем причина такого неистового исхода? Российский народ, все мировое сообщество разрушили «империю зла», развенчали коммунизм как фетиш человеческой мудрости. Но напитаться духом свободы, вкусить плоды общечеловеческих ценностей власть народу не дала. Непреодолимой преградой на пути к свободе предпринимательства встала незримая бумажная стена бюрократизма. Право первой ночи бесцеремонно, как в Средние века, перешло к хозяину жизни, к государственному чиновнику. Почему российское стремление к свободе, богатству и святости всегда оборачивается разгулом инквизиции, гражданской войной, усилением власти опричников? Почему простая мысль: «Я материально обеспечен, значит, я свободен» — за тысячелетие российской истории так и не вошла в повседневный менталитет россиян? Или они психологически подвержены давлению синдрома «крепостничества»? Быть может, за трехсотлетнюю историю крепостного права природа на генетическом уровне видоизменила в россиянах фундаментальный в своей красоте и незыблемости человеческий инстинкт — быть свободным?» Тут к Иверову подошел Леонид Мурашкин. «Тоскуешь?» — «Размышляю». — «Не нравится?» — «Необычно». — «Ты по-другому проводишь свободное время? Ваши тусовки иные?» — «Да, у нас несколько иначе. Мы редко говорим о смысле жизни и национальных проблемах». — «Пока москвичи трезвы, они с удовольствием беседуют о политике, экономике, социальных проблемах. Но как только хмель одолевает наш разум, мы принимаемся плакать в жилетку. Печаль наша безгранична. Расскажу я

тебе одну поучительную историю. Несколько дней назад сижу я ночью здесь на лавке...» В этом месте господина Мурашкина перебил отставной сержант Гришка Кутерьма. «Выпей, Леня», — сказал он, протягивая ему водки. «А Иверову?» — «Налейте питерцу». Кто-то налил Иверову. «Будем!» — «Будем!» — «Так вот, сижу я на лавке и пью пиво, — продолжал Леонид Сергеевич, — перед подъездом останавливается «Волга». Фонарь слабый, но все видно. Гляжу, выходит из машины водитель и открывает переднюю дверь. Пассажир, видимо, пьян в стельку и сам выйти из «Волги» не может. Голосов мне не слышно. Водитель буквально вытаскивает пассажира из автомобиля, подпирает его, и они несколько минут стоят плечом к плечу, о чем-то переговариваясь. Вдруг шофер расстегивает ему ширинку, вытаскивает хозяйство пьяного мужика и, держа его в своих руках, направляет струю урины в мою сторону. Когда тот закончил мочиться, водитель стряхнул его член, заправил его в брюки и поволок мужика в подъезд. Вот она, наша рабская ментальность. Конечно, с такой психологией изменить жизнь к лучшему невозможно. После Второй мировой войны прошло уже более пятидесяти лет. Что изменилось в жизни подавляющей массы людей нашего Отечества? Ста пятидесяти миллионов россиян? Новых поколений от Балтики до Тихого океана? Пятьдесят пять лет для человеческой жизни — срок огромный. Европейцы, американцы, азиаты, латины увеличили свое благосостояние в сотни раз. А наш народ? Почувствовал, ощутил ли он какие-либо изменения к лучшему? Надел ли он приличное платье, насытил ли свой желудок калорийной пищей, построил ли себе добротный, теплый дом, облагородил ли свой быт, и явилась ли ему, наконец, национальная идея? Открылась ли формула успеха, горизонты будущего? Ни-

чуть не бывало! Ничего подобного не произошло. Хотя нет. Был народ бедным, стал нищим. Но по ходу этих перемен — от бедности к нищете — произошло одно знаковое событие. Раньше атмосфера людской доброты объединяла нас в нашей ущербности, в тех невыносимых страданиях, которые выпали на долю нашего обездоленного народа в двадцатом веке. Сегодня для проявления доброты душевных сил у народа почти нет. Впервые за всю свою историю он стал терять веру в человечность, доброту, радость жизни. Не означает ли это начало трагического конца?» — «Странно, — подумал Иверов. — Мы живем на разных полюсах, в неравных условиях, а пришли к одному и тому же: близости трагического конца. Из меня общество сделало пресыщенного, из них — обездоленных, я оказался в сословии богатых, они стали нищенским материалом избыточного разочарования в унижительном социальном эксперименте. Я стал искать изнанку жизни, они — веру в человечность, я потянулся к бедности, они — к богатству. Я стал искать виртуальный мир, они — в бюрократическом мире — гармонию. Что это такое? Парадоксы мира? Извращение сознания, на которое обрек нас Создатель? Мошенничество собственного духа, провоцируемого лукавым Мефистофелем?» — «Как чувствуешь себя, Андрей? Смотрю, ты водкой увлекся», — подошел к князю Платон Буйносов. «Беру пример с москвичей, — улыбнулся Иверов, — преодолеваю собственные привычки. Первые два-три стакана шли с трудом, теперь значительно легче, более того, скажу откровенно — потянуло. В конце концов, раз в жизни могу я напиться?» — «Неужели ни разу в жизни ты не набирался до чертиков?» — «Признаюсь вам, господин Буйносов, такого со мной еще не было. Я часто глядел на водку, как смотрят на запретный плод. И всегда она вы-

зывала у меня ощущение опасности, подобно тому, как боишься учителя, который может дать тебе линейкой по голове за глупую шалость. Меня никогда не тянуло к алкоголю. Но сегодня я постараюсь не отставать от вас». — «Водка — опасная штука. Как бы тебе не потерять контроль над собой. Впрочем, если употреблять ее разумно, то она не причиняет зла, а как раз наоборот, щедра, помогает лечить души обездоленных сограждан. Пробуждает страсть у робких и вдохновляет на подвиги сдержанных. Развязывает язык флегматикам и рассеивает мнительность у ипохондриков, гасит возбудимость сангвиников и затыкает рот холерикам. Ее по праву называют дьявольским напитком. А ты так быстро забыл, что предпочитаешь всем напиткам красное вино? Нет, видать, в тебе цельности, такого опасно иметь в партнерах. Нет никакой уверенности, что не сойдешь с дистанции. У тебя был свой бизнес?» — «В моей жизни было все». — «Разочаровался? Устал бороться с бюрократами? Обанкротился?» — «Апатия! Мне открылись новые ценности». — «Нетрадиционные?» — «Вот-вот». — «А компромисс между новым и старым невозможен?» — «Меня не увлекают половинчатые решения». — «Но как жить? — «Что имеется в виду?» — «Новые ценности, я так понимаю, лежат за порогом обыденного сознания?» — «Да! Они очень индивидуальны». — «Прельщает жизнь изгоя?» — «Вам известен постулат безумия: «Так хочу я!» — «Вы намного сложнее, чем я предполагал. Так вот, объясните, а может ли вообще счастье быть нравственным?» — «Скажу, как я сам это понимаю: если мое личное счастье — продукт виртуальный, оно нравственно, так как не посягает на чужую собственность, мораль и свободу. Если мое личное счастье — товар реальный, земной, а значит, неизбежно затрагивающий интересы других людей, то в нравствен-

ном отношении это меня не устраивает, ибо чуждо моей душе, моим воззрениям. В бесконечном потоке событий последнего времени природа души и стремление воли у меня вступали в ожесточенную схватку. Изгой ли я? Да! Да! Да! Конечно! Изгой! Ведь там, где грех и отступничество, там для всеобщего блага должно последовать покаяние сердца и страдание духа». — «Всеобщее благо» — по-моему, это кантовский термин. Так что если ты вспомнил Канта — значит, вслед за ним размышлял на эту тему: «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики». Человеку свойственны совершенно иные побудительные мотивы для обретения самодостаточности. Как дитя природы, он улыбается вместе с солнцем, тоскует, когда небо закрыто тучами». — «Господин Буйносов! Жизнь — это таинственный формат самосознания, где ведется непрерывный поиск не предмета, а душевного образа, не единственно идеального, а истинного в своем многообразии. Внешние признаки, о которых вы говорите, это раздражители инстинктов пустой души. Я знаю и другие примеры: человек смеется, когда переживает смерть близкого или ощущает, как гложет его собственная совесть. Или обливается горячими слезами, будучи не в состоянии уверовать в то, что он любим женщиной, которую боготворит. Позволю себе, если вы не возражаете, продолжить: только чувственно воспринимаемое бытие, не требующее практического подтверждения опытом реальности, и есть то истинное таинство счастья, которое всегда нравственно. Иными словами, я совершенно не хочу иметь материализованные вещи и предметы, мне абсолютно достаточно иметь их в грезах. И эта формула морали пока единственная, способная спасти элиту, а затем и все человечество от неизбежных проблем глобализации. Для нас уже полностью из-

живает себя последняя догма современной экономики - «производим — продаем — опять производим — опять продаем». Круг рыночных отношений замкнулся для человека массового сознания, но широко распахнул двери для элиты общества. Почему именно на этой стадии экономического развития возникли предпосылки к глобализации? Формула «производим — потребляем — производим» или «товар — деньги — товар» разделила человечество. Большая часть потянулась к потреблению, развивая в себе лишь прагматический рассудок и спекулятивный разум, эксклюзивная — к запредельному понятию виртуальности мира. Если массовость — прочный фундамент, на котором может развиваться глобализация, а индивидуальность — основа элитарности, то рано или поздно они столкнутся в непреодолимом антагонизме, поставив мир на грань катастрофы. Этого кризиса не избежать — слишком уж полярны ментальности одних и других, различна природа субстанций, приносящих радость душе и пищу уму». — «Налью-ка я ему еще водки. Пусть распахнет свое «я» пошире этот загадочный мистер Андрей Иверов, — подумал Платон Филиппович. — Все более убеждаюсь, что не простой он человек». — «Возьми стакан и давай выпьем, — интригующим тоном начал Буйносов. — Ты хочешь сказать, что если я дам тебе сейчас тысячу долларов, то ты откажешься от них, потому что виртуально можешь владеть сотнями миллионов, и твоя радость от возможности иметь такие сногшибательные суммы будет значительно выше, чем от реальных денег в бумажнике? От тебя, брат, я ожидаю услышать мужественный ответ. Подумай еще раз — вот в моих руках одна тысяча долларов. Откажись от своей опрометчиво высказанной идеи, что радость владения деньгами в грезах выше, чем наяву, и ты получишь эти зеленые».

— «Я выпью еще?» — как бы невзначай спросил господин Иверов. «Конечно! Пей!» — «Мне незачем отказываться от собственных мыслей. Благодарю, но тысяча долларов мне действительно не нужна». — «Сколько у тебя в кармане денег, Андрюха? Признайся, как перед Верховным судом». — «Шестьсот». — «Рублей?» — «Рублей у меня нет. Евро». — «И ты, дурень, отказываешься от тысячи долларов?» — «Да!» — «Ты хочешь меня убедить, что человек может отказаться от реальных денежных купюр ради возможности иметь их в сновидениях?» — «Именно так!» Вокруг оживленно спорящих мужчин мало-помалу собиралась подвыпившая публика. Буйносов в азарте выхватил мобильный телефон и бросил: «Принеси мне сто тысяч рублей». Буквально через минуту из автомобиля, стоявшего рядом, к нему вышел охранник с пачкой денег. «Пусть все увидят, как ты ломаешься перед реальными деньгами. За отказ от утверждения, что деньги в грезах слаще реальных купюр в кармане, я готов заплатить сто тысяч рублей!» — «Андрюша, бери деньги у богача. Что ему эти сто тысяч? Признай, что он требует. Какие огромные деньги получишь!» — обняв Иверова, нетрезвым голосом сказал Мурашкин. «Забирай капитал». — «Хватай деньги, нечего тут раздумывать», — выкрикивали из толпы. Уличный фонарь осветил самодовольную улыбку Платона Филипповича. «Я жду!» — «Налейте еще», — Иверов протянул свой стакан Гришке Кутерьме. «А, у водки поддержки просит», — усмехнулся Буйносов. «Что же это я простых людей обманываю? — промелькнуло в голове у князя. — Они-то не знают, кто я таков, поэтому верят в тяжелую борьбу, которая якобы происходит в моей душе. Может, действительно, усладить их банальное мышление, отказаться от своих утверждений и взять деньги? Тотто возрадуются, и ликование не будет предела». Вдруг со-

знанием Иверова неожиданно овладел пьянящий азарт игрока фондового рынка. «Налейте!» — еще раз повторил он. «Прошу!» — «Здорово расхотелся, мужик». — «Разливай». — «Доверху!» — «Водки!» — кричали из публики. Незаметно, подобно смене театральных декораций, в голове князя небольшая, слабо освещенная площадка внутреннего двора между 5-м и 7-м домами по Второй улице Марьиной роши превратилась в биржевой зал. Он видел одержимые лица брокеров, беснующихся вокруг ползущих вверх ставок, и как бы машинально включился в эту борьбу нервов и интуиции. «Сто тысяч меня не интересуют!» — капризно бросил он. «Платон! Давай больше!» — «Буйносов! Бей питерца кушем!» — «Дави его бабками», — вопила толпа. «Даю пятьсот тысяч! Отрекись, Иверов!» — свирепо произнес Платон Филиппович. «Даже раздумывать не стану!» — князь усмехнулся и пьяно захлопал в ладоши, словно предвкушая шальной выигрыш. — Господин Буйносов, пожалуйста, отступитесь от идеи снабдить меня деньгами и наслаждайтесь своим «Барбареско». Вас обуревают пустая тщета. Семена, не имеющие шансов на всхожесть, растениеводы называют «мертвыми». Ваша идея так же мертва, как плевелы, неспособные дать побегу будущему урожаю зерна. Я остаюсь принципиальным приверженцем обладания деньгами в мечтаниях. Звон монет и шелест ассигнаций наяву не увлекают меня точно так же, как игрока фондового рынка не могут интересовать четыре туза на руках во время фьючерсных торгов на евробонды». — «Дави питерца дальше, Платон!» — «Подними ставку, победишь, Буйносов!» — «Олигархи начинают и выигрывают». — «Души его, Платоша», — слышались крики со всех сторон. Такой искренней, безобидной интриги князь никогда в жизни не видывал. Происходившее настолько умиля-

ло Иверова своей детской непосредственностью, что Андрей Константинович невольно рассмеялся. Из его пьяных глаз текли слезы умиления, сверкающие под неоновыми огнями уличных фонарей. Князь размечтался, возрадовался. Пьяный угар возбуждал в нем юношеский задор. Иверов готов был совершить сейчас самый невероятный поступок. — «У вашего Платона Филипповича ресурс тонок, чтобы победить! — опять захлопал в ладоши князь. — А сила моей воли беспредельна!» — «Хвастун этот питерец! Выложи, Буйносов, сумму, чтобы у него дух захватило, глаза на лоб полезли!» — решился высказаться отставной сержант Кутерьма. «Иверова голыми руками не возьмешь, это вам не Ньюрке боты покупать», — вмешался Ашурков. «Кончай, ребята, займемся чем-нибудь другим», — примирительно воззвал к собравшимся господин Мурашкин. «Даю миллион рублей! Это тридцать три тысячи долларов. На них легко можно прожить три года. Бери деньги и соглашайся, что реальное материальное благо ближе сердцу человеческому, чем фантомы больного сознания. Откажись от своей глупой амбиции, Иверов. Других ставок не будет. Предложение последнее». Тут князю пришла неожиданная мысль: «Может, мне самому объявить ставку, чтобы Буйносов отказался от убеждения, что реальные деньги предпочтительней виртуальных? На кон можно поставить десять, сто миллионов долларов. Нет, нет, это пьяная мысль. Я во власти хмеля, вот глупости и лезут мне в голову». — «Уважаемый господин Буйносов! Я хочу вас огорчить, а себя порадовать: спасибо, ваш миллион рублей меня совершенно не интересует. Более того, он представляется мне губительным вирусом для духа человеческого. Деньги — семена зла и саженцы греха. Чем больше этого презренного металла, тем глубже грех в человеке и больше зла вокруг

него. Позволю себе перефразировать Климента Александрийского: счастлив тот, кто отказался от всякого денежного владения ради свободы в царстве духа». — «Что он гонит? Что он гонит? — вскричал Гришка Кутерьма. Он выхватил из рук Платона Филипповича пачки тысячерублевых купюр и лихорадочными движениями стал рассовывать их в карманы Иверова. — Бери, чудак, деньги. Нашелся мне питерец бесчувственный. Блаженный нищий! Существо, наполненное воздухом! Ты что, экзотическое животное?» — «Значительно хуже, я человек!» Андрей Иверов сделал попытку оградить себя от насилия отставного сержанта. Но не тут-то было. Несколько захмелевших мужчин уже выламывали ему руки, помогая Гришке Кутерьме набивать пиджак и брюки князя пачками денег. «Ты что, полный идиот — от денег отказываться? Завтра перед новенькими ассигнациями плясать станешь. Чудесный день ждет тебя», — бубнил одно и то же отставной сержант. «Дайте мне водки. Господин Мурашкин, можно в России водки выпить? Мне сегодня везет: проститутки за такси заплатили, теперь на вашем празднике бесплатно водку подают. Но руки ломать не следует. Больно! Господа, право, больно!» — взвыл Андрей Константинович. «Налейте мужику!» — потребовал Леонид Мурашкин. «Я предполагал, что у водки наш питерец защиты потребует, — тихо произнес Буйносов. — Ты, Иверов, деньги-то взял, а теперь пора и сакраментальную фразу произнести. Она мне до боли в сердце нужна. Я посвятил свою жизнь этой фантастической субстанции, а ты ее анафеме предаешь. Нехорошо. Исправляй ситуацию, говори: не в виртуальных, а в реальных денежных знаках сила! Без денег человек — пустышка. Я сам знаю, как скверно без денег жить. Два года по Москве побирался. Пирожок в день съедал, трехлетние ботинки

донашивал. Деньги должны быть рядом. В бумажнике, в руках, на счете. Тогда силой владеешь исполинской. А виртуальные деньги? Это для душевнобольных. Ими сердце не согреть, девок не побаловать...» Андрей Иверов слабо внимал словам Платона Филипповича. Голова опустела, мысли иссякли, перед глазами поплыли круги, ноги не чувствовали под собой земной тверди. Язык высох, стал горьким и шершавым, как табачный лист. Где-то в подсознании князя маячило лишь одно смутное желание — упасть и заснуть. Опытные хозяева русского пира заметили это состояние своего гостя. Кто-то хихикнул, другой толкнул приятеля локтем: посмотри, дескать, как нализался приезжий из Петербурга, третий с сожалением следил за неуверенными движениями князя, чтобы при необходимости оказать помощь. «Мурашкин, твой друг совсем окосел. Скажи Анатолию Ашуркову, чтобы протерли Иверова льдом, холодной водой окатили голову. Он нужен мне трезвым. Если он не выполнит условие спора, то чего ради я должен дарить ему миллион рублей? Пусть приходит в себя». Московский физик не стал дожидаться посторонней помощи. Перед барбекю он усадил князя на лавку, холодной водой ополоснул его голову, протер льдом грудь и шею. После настойчивых манипуляций господин Мурашкин убедился, что почти безжизненное тело Иверова постепенно пробуждается. Наконец князь вздрогнул, как под ударом дефибрилятора. Невыносимо ныл затылок. Руки отекли, пальцы стали ватными, словно набитые опилками. Странное, непонятное состояние. Перед глазами сплошь незнакомые контуры, в ушах тревожный рокот ударов сердечной мышцы. Он долго смотрел на Леонида Сергеевича, но никак не мог взять в толк, кто перед ним. Князь ужаснулся. «Где я? Что со мной происходит? Ужель я в изнанке жиз-

ни?» — пронеслось у него в голове. Постыдное состояние, в котором он оказался, пробуждало душевное негодование и галлюцинации. Вдруг какие-то исполинские трещины огромного сооружения завладели его вниманием. Кирпичные стены здания расплзались на глазах, парадные консоли разрушались, колонии насекомых разлетались по сторонам, подобно напуганным выстрелом пернатым. Алкогольное помрачение стало рассеиваться. Андрей Константинович медленно приходил в себя. Он увидел хлопчущего над ним Мурашкина и слабо улыбнулся. «Прошу прощения, — произнес князь, едва ворочая языком, — что обременил вас. Я бы желал оплатить все расходы за вечеринку...» — «Будешь платить моими деньгами? — перебил Иверова Платон Филиппович. — Набил карманы миллионом и уже поверил, что он твой. Нет, братец, денежные знаки еще не твои. Если не выполнишь условие, я их выбью из тебя, как пыль из матраца выбивают. Жду твоего признания. Торопись». — «Не понял, господин Мурашкин, — обратился князь к Леониду Сергеевичу, — о каких деньгах он говорит». — «О тех, которые осели в твоих карманах! Неужели ты не чувствуешь, что твоя одежда серьезно отяжелела? У тебя возникло желание оплатить вечеринку. С чего бы это? Мои деньги прикарманил... — Буйносов подошел к князю, ощупал его одежду и спросил: — А это что?» — «Платон, так он же не может вспомнить. Ты же видел, что с ним было? Ему этот миллион наши мужики насильно впихивали», — поспешил заступиться Леонид Мурашкин. «Я действительно этих денег не брал. Они мне совершенно не нужны. Возьмите их назад», — трезвея, князь с трудом стал вытаскивать из своих карманов обернутые банковской лентой плотные пачки, складывая их на бордюр барбекю. Стоящий рядом господин Ашурков ворошил

угольки очищенной от листьев и мелких прутьев березовой веткой, нагоняя жар на кусочки баранины, нанизанной на шампуры, и тихим, пьяным голосом напевал из Лермонтова:

*Герой наш был москвич, и потому
Я враг Неве и невскому туману.
Там (я весь мир в свидетели возьму)
Веселье вредно русскому карману,
Заняття вредны русскому уму.
Там жизнь грязна, пуста и молчалива
Как плоский берег Финского залива.
Москва — не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.*

«Мне не в чем признаваться, и денег мне не надо». — «Но ты же согласился, — обиженным тоном произнес отставной сержант. — Обещал публично заявить, что деньги в руках полезнее, чем в самом красивом сне». — «Я свидетель. Ты дал на то согласие и взял бабки. Вот тебе крест», — шутливо напевал Ашурков. «Прошу прощения, но я ничего такого не говорил, не обещал и делать не буду, — князь ломаной, кривой стенкой выстроил на барбекю пачки денег. — Вот, уважаемый господин Буйносов, весь ваш миллион. Пожалуйста, возьмите его назад». — «Братцы, он надо мной смеется! Над всеми нами издевается! Отказаться от миллиона? От тридцати трех тысяч долларов? От двух-трех лет беспечной жизни? От «Мерседеса»? Ста девок от Циммермана? Но почему? Мои деньги грязные? Не заработанные умом и трудом? А что взамен? Что мы хотели от него услышать? Что мы все хотели увидеть? Он должен был предъявить свою логику, человеческое понимание, мен-

тальность здорового мужика, практичность нашего современника. Мне лично нужно было лишь отвечающее нашему здоровому смыслу суждение: мы живем в реальном мире. Наш успех, наши женщины, личное здоровье, собственные деньги должны быть осязаемы. Осязаемы и реальны. Я должен ощущать все эти предметы своей плотью, а не в грезах, мечтаниях, воспаленном воображении. Иначе порвется связующая нить между реальным и мнимым, рухнут основы моего жизненного кредо. У меня столько замечательных, высокорентабельных проектов, а этот тип призывает меня к виртуальному богатству и радости. Дуры! Безумие! Или Иверов больной, или ни на что путное не способен. Лишь у подобных ему людей может быть такого рода ментальное юродство. Отдавая ему миллион, я защищаю себя и вас от опасности ввергнуть собственное существование в хаос. Пропадет желание есть, пить, ласкать женщин, побеждать в споре друзей, защищаться от врагов, зарабатывать миллионы, стремиться к успеху. Нужна ли нам такая безотрадная жизнь? Мертвое поле грез? Виртуальное владение собственностью? Почувствуем ли мы радость от такого образа жизни? Слушай, ты, извращенец питерский, соглашайся с нашей логикой и публично заяви, что предпочитаешь все реальное. Ставлю тебе ультиматум! Как Вселенский Собор в Констанце поставил его Яну Гусу: откажись от ереси, признай нашу правоту. Гус остался при своем мнении, и был сожжен. Инквизиция потребовала, чтобы и Галилео Галилей отказался от идеи, что Земля вертится. Мудрый итальянец согласился с Церковью и остался жив. Иверов, перед тобой несколько иной выбор: либо ты с нами — или пошел вон. Хватит уговаривать, друзья, пришло время принимать решение. Всемогущество здравого смысла должно править бал на нашем празднике.

Иначе пусть этот пришелец из ниоткуда опять проваливается в неизвестность. Ульгиматум еще в силе, предлагаю выпить. Иверов, ты тоже возьми стакан. Для тебя он может стать последним в нашем обществе или первым в череде людей, живущих в реальном измерении». — «Платон, если питерец откажется, разреши намять ему бока и поставь реальный фингал под реальный глаз, — попросил Гришка Кутерьма. — Я бью таких умников с великим удовольствием. Два прямых левой, удар снизу в подбородок и правой в печень. Заказывай носилки». — «Друзья мои, — растерянно начал Мурашкин, — Иверов наш гость. Кто же изгоняет приглашенных? Кто же позволяет избивать одиночек? Вон нас сколько. Человек имеет свое мнение. Бог с ним. Забудем эту историю. Впереди у нас еще с десятков бутылок и вся ночь». — «Нет уж, позвольте, я пью только с единомышленниками. Чужих на дух не переношу, — продолжал Гришка Кутерьма. — Мой друг Платон Филиппович поставил этому странному типу ульгиматум, время которого истекает через два тоста. Один мы уже выпили. Осталось совсем немного. Второй стакан. Не примет требование — пусть катится колбаской по Малой Спасской. Бить не стану, но один раз тресну». — «Пусть проваливается!» — «По горло мы сыты этими питерцами! Водки не дают спокойно выпить». — «От миллиона отказался, фасон держит». — «Кеша, запиши меня в очередь. По такой роже руки чешутся». Князь только начал приходить в себя после изрядной дозы незнакомой русской водки, а тут такая яростная схватка, такое жестокое противоборство двух полярных мировоззрений. «Сколько же усилий потребуется, чтобы мои ценности дошли до разума этих заблудших русских. Они наивны, как князь Мышкин, они инфантильны, как господин Обломов, жестоки, как помещица Салтычиха,

слепы, как Василий Темный. Мне остается лишь подчиниться их требованиям: быть изгнанным и побитым». Сколько неведомого, неожиданного пережил Андрей Иверов! Казалось, нынешний день вместил в себя события целого года. Душа наполнилась неизгладимыми впечатлениями. Желание прибиться к изнанке жизни обратилось в явь. Шиндяпкины, проститутки, бывшие физики, отставные пограничники, новые богатеи с причудами — совершенно чуждый ему мир со своими флюидами, пронизавшими всё окружающее пространство, реальное и трансцендентное. Они ли формируют империю зла? Они ли являются ее сутью? И зло ли это? «Как искренне, заинтересованно Мурашкин рассуждал о реформах, — вспомнил князь. — Они болеют за свою страну. А мы болеем каждый за себя. Кто рассудит? Алмазы сокрыты глубоко в земле, так почему умные мысли должны быть на поверхности?» Чем упорней размышлял он об этом, тем больше сердился на самого себя: «Почему мысль о переезде в Россию не пришла мне на ум раньше?» Князя пленило новое его окружение. Иверов хотел, чтобы Гришка Кутерьма выполнил свое обещание намять ему бока. Князь мечтал, чтобы его взяли за шиворот, дали пинка и выбросили вон, как приставучего попрошайку. Он горел желанием выпить еще стакан водки, чтобы в усмерть пьяным упасть и забыться сном где-нибудь в подворотне. Столько радости, сколько он пережил в первый же день по приезде в Россию, он не испытывал в Европе уже многие годы. Но он уже желал и ждал большего. Внутренний голос подсказывал Андрею Константиновичу, что главные события еще впереди. Иверов взял стакан, валявшийся под ногами, попросил Мурашкина наполнить его до краев и залпом выпил. Возникло ощущение, будто легкие наполнились парами спиртовой переработ-

ки. Дыхание прервалось, в висках застучало, горло обожгло, словно адский огонь пламени объял слизистую. «Во, махнул! — вскричал Ашурков. — Ты, Иверов, закуси. Куда это годится, на голодный желудок стакан водки закладывать». — «Валяй отсюда, питерец! Не по пути нам с тобой!» — бросил кто-то из мрака. «Принимай ультиматум или проваливай». — «Дай ему слово сказать». — «Говори, да побыстрее!» — слышались реплики со всех сторон. «Уважаемые господа! — начал князь спокойным, звучным голосом. — Неверно, что Всевышний создал нас всех по Своему образу и подобию. Это великое заблуждение, изначально противоречие Книги Бытия, применительно к истории рода человеческого. Мы разные, мы всякие, мы неодинаковые. Сам Господь, если бы захотел найти на земле Себе подобных, пришел бы в ужас от разнообразия человеческого материала и тут же признал бы или Свою отстраненность от акта творения, или его неудачу, незавершенность. Ни одному из известнейших кондитеров никогда не удавалось из одного теста сделать одинаковые по вкусу и форме булочки. Несмотря на самое точное тарирование и рецептуру. Во все времена какая-то таинственная сила мешает этому. Некая загадочная мощь, вопреки божественному повелению, дегармонизирует суть вещей. И откуда столько двуличия, если Творец создал нас всех по своему образу и подобию?» — «Ближе к теме, Иверов. Ты нам мозги не пудри. Принимай ультиматум», — потребовал отставной сержант. «Мы на митинг собрались? Или душу уголить, водкой залиться?» — «Мне не слова целебные нужны, а стакан на грудь принять. Сходи с трибуны, Демосфен». — «И без него на душе тошно!» — неслось отовсюду. «Пусть говорит, — категорично отрезал Платон Буйносов, — у него складно получается». — «Господа, я пьянею. Господа, боюсь, я теряю

нить разговора. Пленник Бахуса не имеет шанса проложить нужный маршрут по незнакомой дороге и дойти до цели. Итак, самый искусный губитель божественного духа в каждом из нас — невежество. Злейший враг нашей собранности, а я ее понимаю как гармонию между природой, словом Создателя и собственным духом, — это злоба, провоцируемая сознанием неизбежности и бесконечности смерти. Именно эти два фактора влияют на нас, деформируя изначально разработанную Творцом суть человеческую. Что я хотел сказать? Да, почему вы требуете, чтобы я жаждал денег наяву? Дайте волю фантазии, позвольте мыслям парить в неведомом. Тогда вы откроете в себе неисчерпаемые силы для проникновения в самую тайну жизни, в ее истинную суть». — «Он мешает нашей тусовке. Проповедника мы не приглашали. Не желаешь принимать участие Буйносова — проваливай!» — донесся злобный голос из толпы. Андрей Константинович тяжело, враскачку, направился в темноту кустарников. Кто-то бросил в него пустую бутылку. Потом в него полетели томаты и куски шашлыка. Банка пива прилась ему прямо по голове. Князь остановился, чтобы испытать радость унижения. Потом наступила полная тишина. Рассудок Андрея Иверова потемнел и ушел за горизонт сознания...

Тлеющие угольки слабо потрескивали в барбекю. Платон Филиппович молча подошел к шашлычнице. Он перебрал пачки денег и отдал их охраннику. «Леонид, — сказал он вполголоса Мурашкину, — пойди за ним. Он вот-вот вырубится. Гарантирую. Поможешь ему. Теперь, дорогие друзья, продолжаем праздновать пятнадцатилетний юбилей нашего дембеля. Без наставников и иноверцев. Без проповедей моралистов и политических тостов. Пьем! Еще раз пьем! Опять пьем! Русский человек без водки, что японец с круг-

лыми глазами, что эскимос с сачком для бабочек, что еврей, просящий милостыню. Каждому свое! Жизнь крепка традициями». Впрочем, надо было знать Платона Буйносова. Все это он говорил своим армейским сослуживцам с определенной целью. Уже несколько лет, как он уверовал в свою особую значимость. Сколоченный им приличный капитал давал ему такие преференции. В нем проснулась харизма лидера, ментальность человека, отмеченного печатью жизненного успеха. Нарциссизм стал ему привычен. Ему льстило, что его армейские приятели смотрели на него с завистью и восхищением. Они добровольно признавали в нем вожака стаи. Платон Филиппович высоко ценил свое имя, окруженное благоговейным единоклассным почтением, а потому с большой охотой брал на себя роль судьи в последней инстанции. Сам Буйносов чрезвычайно осмотрительно относился к алкоголю. Движимый инстинктом самосохранения, он выпивал два-три стакана вина, никак не больше. Но при этом испытывал какую-то особую потаенную радость при виде встельку пьяных приятелей. Эти картинки взбадривали и возвышали его над простыми смертными. Заставляли верить в собственную непогрешимость, понуждали одеваться с изысканным лоском, подбирать друзей из верхнего эшелона власти. Господин Буйносов мечтал быть очень богатым, всеми любимым, признанным лидером своего широкого окружения. Революция 1917-го года востребовала человека с ружьем. Платону Буйносову были нужны образованные интеллектуалы, способные реализовать его дерзкие коммерческие фантазии. Вот почему яркий представитель предпринимателей современной России усмотрел в Андрее Иверове чрезвычайно полезный для себя материал.

Теперь Платон Филиппович задумался, в каком проекте использовать этого незаурядного чудака.

Глава XVI

Ночь с 24 на 25 июня была напряженной. На мега-яхте «Святой Дух» не ложились до двух часов. Госпожа Понсэн была подавлена случившимся. В креслах на палубе было душно, но ее знобило, и руки коченели. Элизабетт не принимала участия в общем бурном споре, хотя ее сердце сжималось от скорби и недоумения. Шок, вызванный известием о тайном отъезде князя и письмом, в котором Иверов делал ее полноправной распорядительницей его состояния, породил растерянность, перерастающую в безотчетный страх. Если Анна-Валери Болль, Сисмонда Паппалардо, красотка Марч напряженно обдумывали, как найти, как вернуть Иверова, то госпожа Понсэн пребывала в отчаянии, и потому происходившее вокруг с трудом доходило до ее сознания.

Узкий лоб, спрятанный в рыжих растрепанных волосах Паппалардо, сморщился, на тонком лице обозначилась вкрадчивая гримаса, словно женщина замышляла что-то дурное, и наконец она промолвила: «У каждого физика есть своя теория относительности, у каждой гадалки есть своя пиковая дама, в душе каждого следователя живет свой Пуаро. Мы видим, что мадам Понсэн в отчаянии. Но на смену

печали и унынию рано или поздно приходят возбуждение и эйфория. Предлагаю перебраться в гостиную, чтобы оставить ее в одиночестве, дать возможность прийти в себя и наметить план действий на завтра. Дорогая Элизабетт, Вы не против?» Юрист Иверова ничего не ответила. Она вряд ли расслышала вопрос. Паппалардо, наблюдая за ее состоянием, на это и рассчитывала. У итальянки уже созрел дерзкий проект, и ей не терпелось обсудить его со своими компаньонками. Три дамы, встревоженные неординарными, деликатными обстоятельствами, удалились в гостиную. Анна-Валери Болль приготовила себе кампари с апельсиновым соком, пригубила глоток и бросила: «Я как чувствовала, что все свое состояние Андрэ оставит этой фурии. Но почему он отказался от такого баснословного капитала?» — «Надо состряпать дело таким образом, чтобы иверовский капитал полностью перешел в нашу собственность, — твердо заявила флорентийка. — И на этот счет у меня уже созрел план. Поскольку главная роль в этом проекте отводится мне, то хочу без обиняков заявить: претендую на семьдесят пять процентов. Иначе я за это дело не возьмусь. Тогда транзакция по смене владельца практически бесхозного миллиардного состояния окажется проваленной. Надеюсь, никто не станет оспаривать, что князь сошел с ума. Именно это обстоятельство должно лечь в основу моего плана. «Non e meglio parlarne prima tra di noi, oppure vuoi dirlo in sua presenza? — Alla nostra bella sara riservata una parte insignificante». — «Hai ragione, allontaniamoci. Poi vedremo cosa dirle»¹. — «Я считаю, что,

¹ «Говорить при ней или вначале обсудим интригу между собой? Красотке будет отведена незначительная роль». — «Ты права. Давай уединимся. Там видно будет, что ей рассказать» (*итал.*).

пока мы будем обсуждать детали твоей авантюры, Жаклин лучше пойти отдохнуть. Бедняжка, она вчерашнюю ночь совсем не спала, — засуетилась Болль. — Иди, поспи. Уже третий час ночи. Завтра надо быть в форме. Утром мы распишем полный сценарий нашего замысла». — «О' кей, — бросила Марч, — смотрите, чтобы самим не оказаться в западне». Она закурила и с недовольным видом вышла из гостиной. «Итак, что у тебя на уме?», — заторопилась Анна-Валери. «Деньги. Их так много, что они не дают мне покоя. Я — иезуитка: цель оправдывает средства. Прибрать к рукам такое огромное состояние без злодейства невозможно. В этом ты со мной согласна? Как далеко ты готова зайти в осуществлении этого плана?» — «Я еще не знаю, о чем идет речь. Но в целом ты права. Я понимаю, что эти деньги сами не упадут нам в руки». — «У нас существенное, дорогая Болль, у нас потрясающее преимущество: владелец состояния фактически отказался от него. Сбежал под тяжким бременем своего психического расстройства в неведомую страну, оставив весь капитал одинокой старенькой даме, впавшей в глубокий шок от сего происшествия. Такой счастливый случай может выпасть один раз в тысячу лет! Что мы знаем о юристе? Ей шестьдесят пять лет. Старая дева. Всю жизнь посвятила Иверову. Родни лет. В бизнесе мало что понимает. Внезапное исчезновение князя до основания потрясло ее старческое сознание. В этом мире у нее осталось лишь единственно близкое существо — капущин Мишель. Он должен стать главным объектом предстоящей интриги. Как девственница перед эшафотом принадлежала палачу, так и фавн должен принадлежать мне и стать главным инструментом нашей игры». — «Капущин-фавн?» — «Да! Именно бурая обезьянка Мишель». Госпожа Болль отхлебнула еще глоток кампари. Злокозненные мысли зав-

ладели ее воображением. «Как Сисмонда собирается перехитрить Понсэн? Этой колдунье все по плечу. Она не только чародейка, но и авантюристка. Я соглашусь участвовать во всех ее происках, кроме убийства. Впрочем, пора выуживать детали сценария. Сколь велика сумма, предназначенная для меня? В самом невероятном сне такое не увидится. Еще голову придется поломать, как их потратить. Но как поделить с Марч оставшиеся двадцать пять процентов? Пятьдесят на пятьдесят? А за что ей, собственно, пятьдесят процентов, если, со слов Сисмонды, ее роль будет совсем ничтожна? Стоит крепко поторговаться. Может быть, она и с пятью процентами будет счастлива?» — размышляла Анна-Валери. А вслух она сказала: «Предоставляю тебе все права режиссера этого спектакля. Но ты, дорогая, должна взять на себя и всю полноту ответственности. Боюсь, что меня подведут нервы и в самый важный момент я скажу или сделаю что-нибудь не то. Провалю такое замечательное дело. Дорогая Сисмонда, скажи мне, пожалуйста, что я должна делать? Какой кусок этой аферы уготован мне? Уж не роль ли Марлен де Бренвилле или Шарлотты Корде?»¹ Ее крупная голова как бы выросла в плечи, и госпожа Болль закатилась глухим отрывистым хохотом. «Твоя миссия должна быть проста, как у солдата, охраняющего вещевой склад. Твое оружие должно быть примитивно, как крестьянская тятка. Твоя лексика должна быть предельно незамысловатой: «да, мадам», «нет, мадам», «не положено», «не разрешено». Твой распорядок дня должен быть незатейливым, как у провинциальной старой дамы, целый день томящейся у телеэкрана. Но все твои помыслы и душевные порывы должны быть направлены к глав-

¹ Известные французские женщины-убийцы (XVII и XVIII вв.).

ной цели — добраться до иверовских миллиардов». Обе женщины погрузились в обсуждение мельчайших деталей предстоящей авантюры, успешное осуществление которой должно помочь им, наконец, обрести спокойствие. Отдохнуть! Избавиться от денежной лихорадки, поминутно преследующей их, изгнать из тайника подсознания, со дна живота щемящий ужас перед пустым кошельком, страх перед нуждой, рабскую философию, порожденную нищетой. Каждая мечтала о невероятной власти, которую она сможет обрести в результате успешной транзакции. Непоколебимо уверенные, что лишь миллиардный капитал в состоянии создать для них вселенскую гармонию, они шли к своей цели с упрямством Моисея, преодолевающего пустыню. «Я чувствую искреннюю жалость к несчастной иверовской юристке. Госпожа Понсэн рождена, чтобы застирывать пятна на простынях правовых соглашений, взваливать на себя ношу радетельницы за исполнение желаний работодателя, если они не в ладах с законом или противоречат его интересам. Но не больше! «Una creatura insignificante si e messa sulla nostra strada, come una spina in gola!»¹ Я навалюсь на нее всей мощью своего коварства, всеми злодейскими наветами и тайными приемами колдовской магии, и она дрогнет. Элизабетт отдаст нам иверовский капитал, как избавляются от смертельной инфекции, как кидаются прочь от чумы, от ужасающего несчастья. Капитал князя пахнет медом, у него аромат утреннего свежего круассана. Я предвкушаю этот гипнотический, этот головокружительный вкус. Беспрекословно выполняй мои распоряжения. Стремись без оглядки быть мне по-

¹ «Что за жалкое существо преградило нам дорогу и, как кость, застряло в горле!» (*Итал.*)

лезной. Только в этом случае самим Богом и Сисмондой Паппалардо тебе будет даровано насытиться роскошью, узнать, что такое блажь беспредельно богатой женщины. Фортуна повернет к тебе свой лик, и ты будешь управлять ею, как собственной колесницей!» — мастерство, с которым госпожа Паппалардо вплетала в свою пылкую речь столь магические образы, наполнило душу Анны-Валери Болль слепой надеждой заполучить иверовский капитал. Он стал для нее змеем-искусителем, идеей-фикс. Как капитан Наполеон Бонапарт грезил покорить захваченный англичанами неприступный Тулон, чтобы вызвать восхищение соотечественников, так и госпожа Болль была снедаема страстью — заполучить огромное состояние князя, дабы потешить собственное тщеславие и неумную жажду непомерных денег. Она грезил о покупке дома в престижных оазисах Лазурного берега, но мысль, что афера с Понсэн может провалиться, не давала покоя. Болль мечтала о шопингах в самых дорогих магазинах женского платья, но сознание бередило дух сомнений: а делиться ли с лондонской манекенщицей? Анне-Валери хотелось приглашать на званые вечера элитарное европейское общество, но внутренний голос внушал ей предательский страх перед преступным планом. Парижский агент по особым поручениям мечтала развалиться на сидениях «Феррари», но интуиция неумолимо подавала сигнал беды, и от этого ее кожа становилась гусиной. Все эти противоречивые стремления причудливо соседствовали в ней, каким-то непостижимым образом соединялись понятия «добра» и «зла», как в человеке, не имеющем внутреннего стержня. Черные мысли и радужные грезы перемешались в сознании, словно свет и тень божьего дня. Госпожа Болль была убеждена, что никогда больше не увидит Андрэ Иверова, и

это обстоятельство, казалось, освобождало от бремени этических норм и моральных обязательств. В душевном смятении, но в то же время в здравом уме и трезвой памяти она позволила втянуть себя в аферу, авторство которой добровольно уступила Сисмонде Паппалардо. «Я готова повиноваться тебе, я жду твоих указаний. Ты обладаешь неслыханным талантом обольщения. Тебе подвластны и душа строптивого, и сердце каменного изваяния, и ум расчетливого Гобсека». — «Сегодня пополудни, пока вы охали и стонали, я созвонилась с ветеринарной службой Италии. Я расспросила о капуцине семейства «Cercopititicoidea». Я достаточно разузнала о его повадках и особенностях, как человек, решивший завести его в собственном доме. Интересный зверь, скажу я тебе. Мне срочно нужны ключи от квартиры юриста. Не задавай лишних вопросов. Я должна сегодня же ночью попасть в ее жилище. Предложи Элизабетт успокаивающие таблетки и уложи спать. Чем крепче окажется ее сон, тем решительней будут наши шаги, а чем смелее мы станем действовать, тем ближе продвинемся к цели». Интрига сплачивает женщин куда теснее, чем представителей сильного пола — соучастие в выпивке. В меркантильном деле они доверяют друг другу куда больше, чем мужчины в авантюрном предприятии». «Прошу тебя, дорогая, никакого насилия». — «Не могу этого обещать. Но я предпочитаю душить жертву не руками, а хитросплетением обстоятельств. Чтобы добиться своего — не бить ее палкой, а ласкать словами, не приставлять нож к горлу, а нежно касаться губами лба. Надеюсь, что вскоре ты овладеешь этим искусством столь же успешно, как и изумительной способностью называть белое — черным. Анна-Валери Болль, ты же — великая лгунья! В тебе есть что-то от цыганки, гадающей туристам на площади Святого Марка.

Порой я ощущаю в твоей душе такой омут, в пучину которого мне страшно даже заглядывать. Как приятно иметь рядом человека, близкого тебе по духу! Уверена, мы вместе переиграем любую команду, и капитал Иверова осядет на наших банковских счетах. Торопись. *Per aspera ad astra*¹. Я ожидаю тебя в гостинной». — «Обратиться ли мне за помощью к Марч? Выкрасть ключи без ее помощи будет не просто». — «Решай сама, дорогая. Но помни: сегодня ночью мне необходимо попасть в квартиру Понсэн».

Модистка Жаклин Марч лежала в своей каюте. Она понимала, что невольно оказалась втянутой в чудовищную интригу, и мысль об этом не давала ей покоя. Еще полудни, когда Сисмонда Паппалардо стала шептаться с ней о коварном плане, некто незримый, скрывавшийся в тайниках ее души, послал ей тревожный сигнал к глубокому раздумью. Слабый свет падал на бледное, напряженное лицо. Что делать? Какое решение принять? Каковы ее интересы во всей этой истории? Вот вопросы, которые постоянно адресовала самой себе лондонская модель. Конечно, ей хотелось заполучить огромное состояние Иверова, чтобы еще больше упрочить свое финансовое положение, но в эти авантюрные мысли постоянно врвался притягательный образ князя. Жаклин вспоминались энергия его пылкой любви, дарованная минувшей ночью, его человеческая привлекательность и оригинальность. Как в марте погода меняется поминутно, так и голова модистки была раздираема совершенно противоречивыми мыслями. Жаклин Марч то видела себя сообщницей Паппалар-

¹ Через тернии к звездам (*лат.*).

до, то подумывала о самостоятельном сценарии, чтобы присвоить капитал князя, то ее сознание заслоняли черные, выразительные глаза Иверова, и ей неудержимо хотелось его объятий. А иногда молодой красотке казалось, что лучше бросить все к чертям и со своим огромным гонораром первым же самолетом улететь в Лондон, чтобы полностью посвятить себя профессиональной карьере на подиуме Высокой моды. «Но как несправедлив мир, — размышляла Жаклин Марч, — почему никак нельзя получить все сразу? Почему всегда приходится довольствоваться фрагментами, а не цельной мозаикой? Общество ждет от меня одного, собственная душа жаждет другого, внутренний голос толкает к третьему. Что за хаос царит в короткой судьбе человеческой? Кто виноват в этом вселенском раздоре?» Она одновременно хотела присвоить деньги Иверова, всей душой мечтала любить его и быть им любимой, обмануть своих партнеров — несносную Болль и блестящую шарлатанку Сисмонду Паппалардо, и иметь головокружительный успех на подиуме, прекрасно понимая, что все эти желания несовместимы. Осмысливая всю вздорность своих притязаний, она тем не менее ничего не могла с собой поделаться: собственная природа толкала ее именно к этому абсурду. Что это? Форма новой свободы? Ослепление жадностью? Или внутренняя связь с творцами новой гражданской присяги: «Клянусь жить без Принципов, без Морали, без Бога, без Фемиды, а повинуюсь лишь собственной Страсти»? А может быть, в этом и есть суть человеческая? Всего три дня прошло с тех пор, как она познакомилась с новым для себя миром, а сколько изменений в ее психике, поведении, финансовом статусе! Ей стал смешон пафос искренности, ее радовали пошлые высказывания, она была заинтригована низостью коварных пла-

нов, увлечена подлостью предстоящего преступления. Жаклин Марч запомнила, что владеет почти двадцатью миллионами долларов. Она не ощущала праздника души от того, что материальная часть жизни уже обеспечена, что ее состояние позволит ей десятилетиями жить безбедно, ни в чем себе не отказывая.

Откуда все это? Неужели в душе каждого из нас столь глубокая бездна низких страстей, столь обширный выбор скверных инструментов, столь неиссякаемая готовность к дьявольским поступкам? Быть может, все дело в том, что в нас нет Бога? Что душа пуста, как выброшенная банка на мусорной свалке? Как мертвая материя? Впрочем, какая разница между пустой банкой на свалке и трупом в могиле? В них больше сходства, чем различия. И то и другое — человеческое производное. И то и другое — одноразовое. Временное. Подверженное гниению. И то и другое становится отбросом: мертвец попадает на кладбище, банка — на помойку. А что, кладбище и мусорная свалка не одно ли и то же? Именно сюда стекается весь отработанный ресурс цивилизации, именно здесь сгинет время, энергия, красота, страсть, вкус. Смотришь на погост — воображаешь город пятьдесят лет назад: другая мода, музыка, автомобили, отношения между людьми, общечеловеческие ценности. Оглядываешь свалку — представляешь гипермаркет, наполненный замечательными товарами, сверкающими в лучах яркого света. В чем все же разница? Что товар не имеет души? Но с высоты Небес человек и банка имеют общую судьбу. Ну, заполнишь ты душу Богом, а банку пивом! Бог в душе и пиво в банке — не насилие ли это анонимного производителя? А почему не дьявол в душе и оливки в банке? Или Юпитер, Будда, Ахурамазда, Кришна в душе, и джем, личи, сухини, арахис в банке?

«Почему человек должен ограничивать себя одной истиной в ущерб другим? — размышляла модистка. — Если моя душа хочет иметь все и сразу? Ограбить Иверова, но страстно любить его, обмануть Паппалардо, но уважать ее вероломный ум, иметь огромный успех на подиуме, но с упрямой лояльностью к патрону, чтобы в подходящий момент изменить ему и всему Лондонскому дому высокой моды Рассела Вильсона». В последние дни в сознании Жаклин Марч рождались феерические фантазии. В ее душе развернулся черный флаг флибустьеров. В мыслях возобладала взбалмошная путаница добра и зла. «Можно ли сегодня смотреть на окружающий мир сквозь призму этих устаревающих представлений? — думала красотка Марч. — Не архаичны ли сами понятия: добро и зло? От дискуссий на эти темы тянет нафталином, как от изношенного платья. Размышления о добре и зле выглядят сегодня столь же неуклюже, как кадры хроники сороковых годов с подиумов высокой моды, как обильные слезы о канувшем в Лету прошлом. Действительно, непосредственность, наивность, открытость жизни ушли безвозвратно. Мир шагнул в пропасть. Он широко открыл сердца и души людей для производства себялюбцев, для фантазий собственного «я», для причуд независимой от нравственных наставлений воли, для выброса энергии в погоне за честолюбивой мечтой. Жаклин Марч хотелось позволять себе все, чего жаждала ее душа, доставлять себе все, чего желало ее тело и к чему стремился разум. Ее внутренний протест против обыденной, привычной и размеренной жизни уже не казался таким ошеломляющим: пропал аппетит к потреблению проповедей, нет жажды припадать к источникам Святого Писания, нет трепетного благоговения перед голосом совести. Война наставлени-

ям! Никакого верноподданничества перед абстрактным добром. Только следование властным императивам личного желания! Но правда заключалась в том, что не Жаклин Марч хотела изменить мир, а властная сила денег изменяла ее саму, формировала в ней новое сознание, инфицировала вседозволенностью, лепила из нее совершенно свободную от старых догм личность. Именно она, Жаклин Марч, оказалась одной из тех натур, в которые золотой телец почти молниеносно ввел дурманящее зелье для расцвета абсолютного эгоизма. Поэтому уже сегодня ей хотелось кричать «да» всему тому, чему еще вчера она твердила «нет». А может быть, прежде красotka лишь прятала от себя самой свой взбалмошный внутренний мир, а теперь он неожиданно вырвался наружу? Так ли неожиданно? Она едва-едва обрела богатство, и вся потаенная гнусность человеческая сразу вылезла наружу. Она как-то сразу приобрела черты «сверхчеловека», взметнувшие ее к небесам, и одновременно породившие высокомерное пренебрежение к людям. Требовательная, якобы непрístupная совесть скинула маску и в миг обернулась вседозволенностью. Что же будет с ней, если ее капитал возрастет в десятки раз? Богатые люди не покровительствуют непорочным упрямам, с презрением относятся к угодливым душам. Все эти незнакомые чувства ей еще предстояло узнать. «Сегодня я мечтаю всю жизнь болеть тяжелой формой эгоизма.., — продолжала размышлять лондонская красotka. — Я притворюсь, что вхожу в их заговор, чтобы следить за ходом событий. Надо выработать собственный сценарий для изъятия финансовых активов Иверова. Начнем все по порядку. — Тут Жаклин Марч начала говорить с собой, как с соучастницей предстоящего преступления: — На яхте у князя свой

кабинет. В кабинете есть компьютер. По словам Болль, Андрэ Иверов целыми днями проводил время в Интернете. Современные технологии позволяют управлять денежными потоками с собственных банковских счетов через модемную связь. Значит, можно попробовать взломать программу и перевести на свой счет круглые суммы денег. Все может быть настолько просто, что невольно уверуешь в собственную легкомысленную гениальность. И выглядеть эта история будет вовсе не как ограбление, а как баловство, компьютерная игра, шалость. Несколько манипуляций — и иверовские деньги на моих счетах в Лондоне и в Мельбурне. За десять минут можно очистить иверовский счет, как изголодавшийся вылизывает тарелку спагетти «болонезе». О'кей! Как я все здорово придумала! Если на «Святом духе» уже спят, то можно пройти в кабинет Иверова, чтобы открыть...»

В этот момент размышления молодой красотки оборвал стук в дверь. Требовательный голос Анны-Валери Болль вызвал у нее раздражение и озлобленность. Она рванула на себя дверь каюты и сердито бросила: «Что такое? Почему так бесцеремонно?». — «Нас ждут великие дела, дорогая Жаклин». — «Вы имеете в виду ограбление Иверова?» — «Прошу тебя не пользоваться такой лексикой». — «Вы хотите, чтобы это преступление я назвала великим спектаклем?» — «Брось, дорогая. Пойдем в каюту юриста, надо утешить бедняжку. Я прихватила для нее снотворное. Пожалуйста, не оставляй меня». Модистка неохотно повинувалась, держа в голове свой план попасть в кабинет Иверова, а госпожа Болль, недовольно пожав плечами, как обычно делают люди, раздраженные собеседником, первой пошла к каюте Понсэн. Каждая думала о своем. «Надо остерегаться этой Марч. После получения иверовского

гонорара она резко изменилась. Не поймешь, что у нее на уме. Как отшить ее от наших планов? Партнерша из учтивости, она должна стать посторонней из необходимости. В двадцать лет иметь капитал почти в двадцать миллионов евро! Она ли не баловень судьбы? А баловни судьбы всегда обречены на болезненное высокомерие и необузданную дерзость. Надо использовать ее в нашей афере, чтобы потом выбросить. У меня с ней нет и не может быть ничего общего».

Жаклин Марч имела существенное преимущество. Она была молода и очень красива. И то и другое усиливает притязания на самую высшую ступень в иерархии человеческого рода. К слову сказать, эта женская очаровательная особенность из столетия в столетие корреспондирует с нравами предыдущих поколений. Чаровницы времен ассирийского царя Саргона передали эту незамысловатую эстафету покорять мир красотой и молодостью патрицианкам и плебейкам Римской империи, воительницам эпохи Великого переселения народов, дамам периода правления Валуа и Бурбонов, жеманницам расцвета импрессионизма и авангардизма, кралям современного общества, в высшем свете которого вновь господствуют молодость и красота, облаченные в модные одежды от известных кутюрье. Мужская половина была более разборчива и требовательна к поиску самих себя в различных цивилизациях. Во времена Сократа и Платона жили мечтой стать философами, в эпоху Креза и Красса — богачами, в век Атиллы и Алариха — завоевателями, Леонардо да Винчи и Микеланджело — художниками, Наполеона и Веллингтона — полководцами, Ницше и Вагнера — сверхчеловеками, Бора и Энрико Ферми — физиками, Уинстона Черчилля и Шарля де Голля — политиками. В наши дни, время Джорджа Со-

роса и Билла Гейтса, мужчины стремятся быть финансистами. Слабый пол копирует умиротворенность природы, тогда как сильный — буйство стихии. Если мужчина, чтобы достигнуть согласия с собой, мечтает проявить доблесть и преданность, то женское сердце, добиваясь гармонии, отбирает у него всю полноту власти ночью, а день посвящает подготовке к этому мистическому обряду колдовства. Ее упорство в покорении мира красотой и молодостью сродни невероятному упрямству дятла, настойчиво выдалбливающего из ствола деревьев свою пищу. Впрочем, сейчас красотка из Лондона больше думала не о власти над мужчиной, она грезила владычеством над его состоянием. На Вселенском Соборе в Латеранском дворце в Риме одним епископом было совершено святотатство: вольнодумец заявил, что женщина и грех — одно и то же. К чему вступать в спор с церковником, тем более еретиком, ибо известно, что именно Бог создал такие творения, как мужчину и женщину. Но можно понять и Жаклин Марч: богатство украшает молодость! Большие деньги идут красоте! Нет предела у слабого пола совершенствовать свою внешность: прически от Вилаччи, драгоценные камни от Картье, карандаши для глаз от Кардена, платье от Живанши, убаюкивающие массажи от Тоцци, тонизирующие коктейли от Баккарди, автомобили от Ламборджини — всю эту роскошь она уже могла себе позволить. Для полного счастья, расцвета красоты и молодости ей не хватало лишь одного: десятизначных сумм на собственных счетах в Barclays Bank. Как у капризного, избалованного дитяти, достигнутого строгой гувернанткой во время проделки, у нее перехватило дух при мысли, что она вот-вот станет обладательницей еще более могущественного состояния. Не колеблясь, модистка устремилась за госпожой Болль, уве-

ренная в успехе своего авантюрного предприятия. Сейчас, как никогда прежде, она была убеждена в своей порядочности, в правоте своих помыслов. «Дорогая Элизабетт, так никуда не годится, — начала Болль. — Если вы хотите помочь нашему Андрэ, пожалуйста, усните. Нас ожидает очень тяжелый день. Я принесла легкое снотворное. Примите его, дорогая. В начале девятого мы позвоним в Генеральное консульство России в Марселе. Надеемся, что они помогут нам с информацией об Иверове. У вас должна быть светлая головка. Вполне возможно, нам зададут вопросы, на которые только вы сможете ответить. Выключай большой свет, Жаклин. Оставь один ночник». — «Спасибо. Ваша забота меня очень трогает», — госпожа Понсэн еле ворочала языком. «Теперь, красотка, ты можешь отправляться в свою каюту, я сама через минуту пойду спать», — бросила Анна-Валери. «О' кей. Доброго вам сна», — манекенщица вышла из спальни. «Зачем она взяла меня с собой? — мелькнуло в голове. — Тут есть какая-то тайная цель. Видимо, они с флорентийкой желали выслушать мои рассказы о том, как осуществляется авантюрный сценарий. А я молчала, как рыба. Теперь они убедились, что меня этот вопрос не очень-то занимает. А может быть, они дали ей снотворное, чтобы поработать в кабинете Иверова? Не думаю! Вряд ли эти тетки разбираются в компьютерных программах. Впрочем, необходимо подождать дальнейшего развития событий. Куда направится Болль из спальни юриста? Жаклин Марч вышла на палубу мега-яхты «Святой Дух». Она выбрала место, откуда просматривались все возможные передвижения француженки и Сисмонды Паппалардо, придвинула к себе кресло и огляделась. Мерцающее небо, словно сказочный шатер, раскинулось над ней. Мириады звезд золотой и алмазной россыпью разброса-

ны в черной бездне Вселенной. Подобно тому, как часовой мастер заводит часы, так и какая-то тайная сила стала сжимать ее душевные пружины. Окрыленная надеждой запросто прибрать к рукам огромное состояние князя, очарованная предстоящим предательством и возрастанием искренних любовных чувств к своей жертве, она ощущала, как воспялялся ее рассудок. Лондонской модистке казалось, что горящие спички, хаотично летающие по небу, вонзались в ее тело, воспламеняя кровь в жилах. Голова раскалывалась от разноречивых мыслей, а стук сердца напоминал барабанную дробь военного марша. Яркие вспышки в памяти, освещавшие любовные сцены в иверовской спальне, вызывали в ней острое желание немедленно разыскать князя, заключить его в свои объятия, целовать его тело, чувствовать его упругие мышцы. Вдруг до ее слуха долетел цокот женских каблучков. Поздней ночью и ранним утром на яхте из прислуги и персонала, как правило, никого не было. Лишь дежурный матрос смотрел в своей каюте телевизор. Жаклин, как опытный хищник, притаилась за спасательной шляпкой. Легкая, быстрая походка подсказала Марч, что это шаги госпожи Паппалардо. Красотка уже видела, как та спускалась с яхты на причал «Пленев-Валь». Неоновый свет падал на ее долговязую фигуру, шагающую в сторону острова Красоты и улицы Двух Эммануилов. Австралийка следила за ней, пока та не растворилась в море огней. Какие опасности могут подстергать Марч? Понсэн усыплена. Дежурный матрос не имеет права общаться с гостями или ограничивать их передвижение по судну. Каюты не запираются. В дверях отсутствуют замки. «Даже если появится эта мегера Болль, я смогу наплести ей тысячи историй об увлекательных играх в Интернете», — подумала Жаклин. Несмотря на успо-

коительные мысли и ожидание успешного поиска безналичных денег в компьютерной памяти, она как никогда прежде нуждалась сейчас в укреплении силы духа. Как грешник перед смертью требует покаяния, так и Жаклин Марч, перед тем как совершить преступление, стала искать в своей душе одобрение предстоящему поступку. Но она была пуста. В ней не возникли скорбные псалмы, жалобные стоны и елейные вздохи. Лондонская красотка решила немедленно приступить к взлому иверовского компьютера и провести финансовую транзакцию: с банковского счета господина Иверова переслать миллионы на свой финансовый адрес. Таким образом претворить, казалось бы, утопическую фантазию — стать обладательницей несметного капитала. А зеленый свет к началу ее преступления дала ментальность современного эгоиста. Мораль поколения потребителей. Культура массового сознания. Философия себялюбия. Этика вседозволенности. И Жаклин Марч решилась! Она направилась в кабинет Иверова так же стремительно, как танки Северного Альянса на позиции талибов, как американские ракеты на подземные укрытия Усамы бен Ладена. Ей тоже нужна была победа! Триумф бескомпромиссный! Полный! Не вызывающий угрызений совести! Не толкающий к раскаянию! Не обременяющий память души, не оставляющий рубцов на сердце! Дверь кабинета князя отворилась легко, как будто сам дьявол помогал красотке. Она села за Note book, как виртуоз Ашкенази — за свой рояль. Умело и изящно дотронулась до клавиатуры, как будто желала сыграть «Крейцерову сонату» Бетховена. Если бы кому-то удалось научиться слушать души других, то попавший сейчас сюда, в иверовский кабинет, наверняка остолбенел бы перед звуками, лившимися из души юной госпожи Марч. Это был бой часов

колокольни на Гревской площади, где с гильотины скатываются еще горячие отрубленные головы. Это было пронизывающее многоголосье Фемиды, возвещающее миру, что настал час браться за работу. Это был угрюмый лязг конвойных цепей, злоеющее громохание затворов и навязчивый перезвон ключей караульного. Это была трель рекламной индустрии, набат, взывающий к роскоши, шелест новых купюр и радостное ликование открывателя мира. Как итальянцы на лепешку бросают многодневные остатки некогда смачной провизии и, обжарив в духовке, все это называют «пиццей», так и сейчас в душевном мире госпожи Марч смешались все звуки прошлого и будущего, вседозволенность и унижение, блеск затаённых помыслов и коварство их исполнения. Молоденькая австралийка на рекламе игру этих противоречивых нот «гала-фатумом». Легким движением руки она нажала на кнопку пуска компьютера. На мониторе высветилось окно с просьбой ввести имя пользователя и пароль. Непостижимая уверенность подсказывала ей, что пароль где-то рядом. Она осмотрелась. Справа от компьютера лежала записная книжка. На темной лайковой обложке с золотым тиснением — сложный рисунок герба. «Это фамильные символы», — мелькнуло у нее в голове. Неторопливо, как человек, располагающий достаточным свободным временем, она стала пролистывать исписанные страницы. Обычно цифровые коды входа в программу привязывают к памятным датам или к простым комбинациям цифр вроде шести единиц. А слово для пароля выбирают из имен ближайшего окружения. Подобное она уже встретила на июньской странице. Иверовской рукой, крупным, вальяжным почерком было записано: третья декада июня 2002 года — Жаклин. 36 20 02. Лондонскую красотку словно током пронзило. Она

онемела. «Не может быть, — подумала она. — Он что, заранее знал, что я захочу взломать его компьютер, и пожелал помочь мне в этой краже собственных денег? Фантастический тип! Я в него по-настоящему влюбляюсь. Стоит пролистать эту книжицу, какие еще послания мне удастся обнаружить? Первая декада июля 2002 года — Жаклин. 17 20 02. Вторая декада июля 2002 года — Жаклин. 27 20 02. Третья декада июля 2002 года — Жаклин. 37 20 02. Иверов — какой-то пророк, ясновидящий! Князь вычислил, что я приду к компьютеру, чтобы взломать его, и хотел уберечь меня от мучительных поисков секретного ключа. Какая великая доброта!». Драма ограбления оборачивалась фарсом. Страх перед преступлением отступал под натиском раскованной вседозволенности. «Зачем он это сделал? — размышляла Жаклин. — Чтобы сказать мне о своих симпатиях? Чтобы возбудить интерес к своей личности? Или записи в книжке — свидетельство его мстительности: Андрэ Иверов наверху, на пьедестале, провидец и покоритель человеческой судьбы, а Жаклин Марч внизу — падший ангел, богатая воровка, но беднейшая душа? Признание в любви или обвинение в греховности? Какая мне, собственно, разница, о чем думал этот фантастический тип. Мне плевать! Передо мной огромные деньги — вот что главное!» В глазах модели сверкнул восторг. В этот момент она была как никогда обольстительна. Казалось, ее душа сияла ангельской непорочностью. «Так, что же я найду на его банковских счетах? Не надругался ли он надо мной? Вдруг я обнаружу лишь одну тысячу евро? Или еще меньше? Сколько же оставил он мне на своем текущем счету?» Тяжелейший гипноз обогащения владычествовал над ней. Красотка Марч ввела имя пользователя — «Жаклин». Ей казалось, что прошла целая вечность, пока на мониторе, на фоне

прекрасного голубого неба не появилось несколько значков. Выбрав знак с изображением пирамидки из золотых монет, модистка ввела пароль 36 20 02 и два раза щелкнула мышкой. Через секунду в окне появилась полнейшая информация: название банка, номер счета пользователя и остаток на текущем счету. Жаклин Марч никак не могла понять, какая же именно сумма оказалась в ее полном распоряжении? Цифр было так много, что ей понадобилось время, чтобы подсчитать нули и осмыслить сумму. Но когда лондонская модистка уже поняла, какое состояние лежит у ее ног, она, совершенно не контролируя себя, вскрикнула от восторга! Это был крик новорожденного! Это был вопль безумца! Это был возглас отчаянного ликования. Юная австралийка стала непроизвольно стучать кулачками по компьютерному столу, целовать страницу в записной книжке, на которой был написан пароль. Ей хотелось прижать к груди чарующие цифры. Сердце выпрыгивало из груди, душа требовала еще и еще раз взглянуть на монитор, еще и еще раз убедиться, что было именно восемь цифр. Компьютер упорно показывал сумму в шестьдесят семь миллионов евро. Шестерка, семерка и шесть голых нулей. Эти цифры не перебивались точками, запятыми, другими знаками пунктуации и математики. Госпожа Марч была уже абсолютно убеждена: ее ждет сумма в шестьдесят семь миллионов евро. Она продолжила манипуляции на клавиатуре компьютера. И уже через несколько минут деньги с иверовского счета перекочевали в Мельбурн и Лондон. «Где же его миллиарды»? Восторг сменился лихорадочным поиском других иверовских счетов. После часа изнурительного труда она медленно начала понимать, что нет шансов найти основное тело капитала. Он депонирован на тайных депозитных вкладах. Он спря-

тан за секретными замками, за семью печатями. Если первый поцелуй вызвал у лондонской модистки головокружение, первый мужчина заставил ее стонать, первый выход на подиум пробудил в ней тщеславие, первый любовный роман обнаружил тягу к высшему свету, а первый огромный гонорар — вкус к роскоши, то первый грабеж открыл в ней склонность к поступкам предательским и гнусным. Безрезультатно закончив поиск основных денег Иверова, госпожа Марч подумала, что оставлять счет пустым, без единого цента, не совсем уважительно по отношению к его замечательному владельцу. И она тут же дала по Интернету поручение своему миланскому банку перевести на иверовский счет двести тридцать евро. Почему именно такую жалкую и непонятную сумму? На этот вопрос она сама не смогла бы ответить. Жаклин Марч еще раз осмотрела записную книжку князя. «Но почему, фантастический тип, ты оставил мне лишь жалкую часть своего капитала? Что я, не стою большего? Это же меньше одного процента от твоего состояния. Ровно столько стоит одна твоя яхта. Ну и жаден ты, князь. Мне надо будет найти тебя. Ты должен, ты обязан дать мне свободный доступ к своим счетам. Впрочем, торопиться некуда. Следующий шаг за Паппалардо. Она наверняка приготовила что-то невероятно эффективное. Эта злодейка по-своему доберется до иверовских денег. На мне она и Болль уже заработали. Теперь моя очередь получить с них свою долю. И никуда они от меня не денутся. Необходимо вырвать из записной книжки листы, где князь давал мне рекомендации, каким образом войти в его компьютер, — это всегда пригодится для алиби — и пойти спать. Уже начало пятого. А в восемь надо присоединиться к их обществу».

Красотка Марч вернулась в свою каюту.

Глава XVII

Госпожа Паппалардо, сжав узкие губы, спешила на квартиру Понсэн. Энергично жестикулируя, она разговаривала сама с собой и, казалось, была недовольна этим диалогом. Худоба, важная походка, необычайно длинное платье, рыжие волосы, развевающиеся на ветру, дующим с моря, придавали ее образу решительность. Улица Двух Эммануилов была почти пуста, лишь несколько обнявшихся парочек сонно застыли вдоль причалов. Флорентийка села в такси и бросила водителю: «Бульвар Семье, семьдесят семь». Это поместье находилось в престижном районе Ниццы. Перед францисканской церковью Нотр-Дам де Семье женщина рассчиталась и вышла из автомобиля. Она прошагала еще пару сотен метров, запыхавшись, подошла к небольшому строению, в котором жила юрист господинна Иверова. Весь дом был погружен во мрак. Самое время для крепкого сна. С фасада строение было обсажено магнолиями и кустами сирени, а позади возвышались вековые пихты и плакучие ивы. Возбужденная предстоящим преступлением, Сисмонда Паппалардо остановилась перед дверью и достала из сумочки ключи. Женщина согну-

лась, чтобы найти замочную скважину и открыть входную дверь. Но именно в этот момент раздался звонок мобильного телефона. На бесшумной ночной улице этот писклявый звук больше походил на раскаты грома. Флорентийка вздрогнула, едва не лишившись чувств. Ее обуял страх, что этот беспощадный звук разбудит и спящий дом, и всю округу. Сисмонда Паппалардо с необыкновенной скоростью остановила дальнейший вызов мобилника. «Кто это?» — шепотом спросила она. «Болль». — «Что такое?» — «Хотела узнать, как идут дела?» — «Пошла к чертям, дура!» Женщина раздраженно выключила телефон. Теперь ей надо было отдышаться и прийти в себя. Она закурила, помедлила несколько секунд и решительно вошла в дом.

Квартира юриста состояла из трех комнат в цокольном этаже. Уличный неоновый свет едва проникал в нее. Паппалардо увидела, что капуцин проснулся. Он сидел на голой ветке. Фавн был ростом не более пятидесяти сантиметров. Просторная клетка позволяла ему свободно перемещаться среди декоративного бамбука. На его мордашке застыло вопросительное выражение. Известна редкая сообразительность этих животных. Мишель как бы желал спросить: кто вы? Что привело вас к нам? Женщина знала, что фавн любит грецкие орехи. Готовясь к своему тайному визиту, она вымочила орехи в растворе мышьяка, затем в настое *Amanita muscaria*¹, высушила их и теперь была готова «угостить» ими понсэнского любимца. Поначалу фавн молчал. Но как только флорентийка попыталась приблизиться к нему, он начал издавать звуки, напоминающие рычание небольшого пса. Женщина вытащила из сумки небольшую пачку чищенных грецких орехов. Она выбрала са-

¹ Красный мухомор. (лат.).

мый крупный и протянула его обезьянке. Капуцин лишь усилил рычание. Тут она вспомнила советы ветеринара и стала напевать ему убаюкивающую песенку. «Надо все время улыбаться», — подсказывал ей собственный голос. «Слишком темно. Надо включить небольшой свет», — подумала она. Женщина нашла торшер, и в комнате посветлело. Теперь она уже отчетливо видела бурую шкурку капуцина, его карие бойкие глазки. Взгляд фавна бегал по лицу Паппалардо, а его выразительная мимика постоянно менялась: от грусти к радости, от негодования к удивлению. То ли голос женщины был скрипучим, то ли чернота ее помыслов ощущалась животным, но Мишель никак не хотел успокаиваться и не брал пищу. Понимая, что общение со зверьком может затянуться, госпожа Паппалардо решила использовать эффектную заготовку. Женщина достала из сумки портсигар, извлекла из него кусочек гашиша, накрошила его на металлическую крышку и подожгла. Когда заструился дымок, она стала выдувать его прямо в мордочку животного. Вначале Мишель бросался от него в глубь клетки, где прятался в ворохе сухих веток, но мало-помалу успокоился и стал с любопытством вдыхать этот дурмящий дым иранской конопли. «Через пять минут капуцин начнет заливаться смехом, а через десять — потянется за орехами», — размышляла Паппалардо. Именно так и произошло. Она затушила гашиш, собрав остатки в портсигар, и стала угощать фавна отравленной едой. Когда капуцин съел последний шестой орех, женщина включила на полную мощность кондиционер, чтобы очистить помещение от постороннего запаха. Затем она выключила свет и, выждав время, и кондиционер. Потом вышла на улицу.

Скоро она уже спала в своей каюте на яхте «Святой Дух».

Утром 25 июня тучи над морем висели так низко, что плотный дождь крупными стежками сшивал их с серой гладью Лигурии. Было душно и влажно. Постельное белье липло к телу Марч. Часы показывали 8.20 утра. «Странно, — подумала модистка, — я проснулась с капиталом более восьмидесяти миллионов евро, а никаких изменений в своем душевном состоянии не ощущаю. Более того, погода вызывает во мне дискомфорт, а вынужденное общение с известными дамами — негодование. Мне сегодня лететь в Лондон, а я думаю совсем о другом, какие-то бытовые мелочи лезут в голову, раздражая мое сознание. Где же она, радость миллионерши? Где оно, ликующее торжество обладания капиталом? Я могу позволить себе очень много — но мало чего желаю. Воистину усомнишься: являются ли большие деньги той магической субстанцией, которая делает человека абсолютно счастливым? А если все дело в меланхолии? Может же быть у богача скверное настроение? Любопытно, как именно нынче изменятся мои покупательные тормоза? Позволю ли я себе покупать все то, о чем мечтала, пока не владела миллионами, стану ли я расточительной, или скардность все же возьмет верх? Ведь говорят же: «Я не бедный человек, чтобы богато одеваться». Тут размышления Жаклин Марч прервал звонок телефона. «Болль. Ты проснулась, Жаклин?» — «Да! Все о'кей». — «Мы ждем тебя в гостиной». — «О'кей!» Тут модистка опять поймала себя на мысли, что каким бы по размеру капиталом ни обладал человек, а все равно приходится принуждать себя к общению с неприятными тебе личностями. «Для чего они мне нужны, эти тетки? Чтобы увеличить мое состояние? — задумалась красotka. — Никак не могу понять себя. Заполучив эти иверовские деньги, я совсем потерялась». Она встала, вошла в ванную, всмотрелась в зер-

кало. Совершенно неожиданно, впервые в жизни, Марч вдруг захотелось отвесить себе глубокий поклон, что она и проделала три раза. «Молодец, женщина, — пронеслось у нее в голове, — в двадцать лет занять такой капитал! Не умница ли я? Не божественный ли это подарок судьбы? Никто не сможет упрекнуть меня в краже, даже я сама. Да было ли это чистой кражей? Вообще воровством? Князь просто подарил мне эти деньги. Это было его желанием, его идеей — улучшить мой достаток. Но почему он сделал это? Вот вопрос, который я буду задавать себе всю жизнь. Если Иверов влюбился в меня, то почему так беспардонно бросил? Если желал посмеяться надо мной, то тоже почему? Не для того ли, чтобы доказать мне: если я продала себя на год в наложницы, то способна на все что угодно? До боли хочется знать мотив его экстравагантного поступка. Но не для горьких упреков в свой адрес, а чтобы лучше понять психику князя и управлять им безраздельно. Ведь именно он своим двадцатимиллионным гонораром пробудил во мне неизвестные доселе стремления. Неужели я была так же опасна и страшна до этого сумасшедшего гонорара? Да нет же! Именно иверовское предложение о миллионах в обмен на совместное проживание явилось тем семенем, из которого проросла неумная страсть к деньгам. Хотя начиналось все по-другому. Буквально с колыбели внушали мне, что успех в работе делает человека счастливым. Что другой заповеди нет и быть не может! Но почему же эти наставления в мгновение ока улетучились и растворились без следа? А на смену родительским заветам пришел всепобеждающий порыв к богатству? Да, я миллионерша! Но странно, я могу себе честно признать, что именно сейчас все назойливее мечтаю иметь больше и больше денег, наращивать свой капитал с таким же

упорством, с каким некоторые дамы отращивают волосы или ногти. Впрочем, должна ли я быть так искренна даже с собой? Способствует ли эта правдивость успеху в погоне за состоянием? Нет! Заглядывать в зеркало собственной души небезопасно. Все люди охотятся за деньгами, поэтому и мне надо поторопиться в гостиную. Не следует задавать обременительных вопросов собственной совести. Как можно меньше щепетильности в вопросах чести. С какими мыслями двигаться дальше? Найти Иверова! Отыскать его капитал. Стать еще богаче!» Жаклин Марч улыбнулась в зеркало, отвесила себе еще один поклон и стала готовиться к выходу.

В гостиной завтракали. Болль читала газету, Сисмонда Паппалардо ковыряла вилкой омлет с помидорами, а госпожа Понсэн, откинув назад голову, маленькими глотками пила крепкий кофе. Каждый был поглощен своими мыслями. «Доброе утро. Желаю всем успешного дня. Готова посвятить всю себя поискам князя. Вы же знаете, как я его люблю и как теперь тоскую», — входя в гостиную, сказала модистка. Искушенные дамы глубоко усомнились в искренности ее слов. Лишь после того, как Жаклин уселась рядом и налила себе кофе, госпожа Паппалардо довольно неохотно улыбнулась, а Элизабетт смерила красотку бесчувственным взглядом. «Начнем?» — осведомилась Анна-Валери. «Кто будет звонить в консульство?» — спросила Сисмонда Паппалардо. «Я!» — госпожа Болль стала набирать номер Генерального консульства России в Марселе. Воцарилась мертвая тишина. Нервы женщин напряглись, как у родственников обвиняемых перед чтением приговора суда.

Дежурный дипломат господин Шиндяпкин всегда с каким-то брезгливым чувством принуждал себя снимать на

рабочем месте телефонную трубку. Кузьма Иванович уже привык, что телефонный голос всегда что-то такое желает и требует, чего он сам не знал, не хотел знать и тем более исполнять. Встречаются две категории ничтожеств: одни считают себя большими талантами, но неценеными по заслугам и неоправданно обиженными, другие, осознавая свою полную ничтожность и глупость, лишь лестью и усердной навязчивостью прокладывают себе жизненную тропу. Российский дипломат Шиндяпкин принадлежал к первой категории. Не подозревая ничего необычного, Кузьма Иванович зевнул, подумал, что ужасно утомлен этой неблагодарной службой, но взял трубку: «Российское генеральное консульство слушает». — «Болль, Двадцать четвертого июня в понедельник у вас в консульстве побывал князь Андрэ Иверов. Со слов водителя, князь получил новый российский паспорт, а затем исчез. Мы, близкие ему люди, предполагаем, что он отправился в Россию. Какое-то необычное, загадочное решение. Я хочу найти вашего коллегу, который общался с Иверовым. Известно, что это был человек около пятидесяти лет, полноватый и обладающий каким-то оригинальным, редким талантом. Вы смогли бы нам помочь?» — «Какая феноменальная случайность», — пронеслось в голове у господина Шиндяпкина. Дипломат тут же самым необыкновенным образом оживился и стал лихорадочно искать такую формулу интриги, которая способствовала бы развитию этого случайного контакта. Он размышлял, как повести разговор, чтобы ни в коем случае не упустить эту многообещающую даму. Лицо российского гражданина уже светилось алчностью в предвкушении крупного выигрыша. «Да, я что-то вспоминаю, — начал импровизировать Кузьма Иванович, — действительно, в понедельник, в самом начале дня подъез-

жал к нам на Rolls-Royce симпатичный мужчина...» — «Что вы говорите? — вскричала госпожа Болль. — Так это вы с ним общались?» — «Да! Мне не очень удобно говорить по служебному телефону. Вы наверняка знаете, что во Франции действует запрет на разглашение информации о частной жизни граждан...» — «Можем ли мы приехать к вам? Впрочем, если вам удобно, то за вами приедет тот же Rolls-Royce и мы пообщаемся на мега-яхте в Ницце». — «О, на мега-яхте», — мечтательно пронеслось в взбудораженной голове дипломата. «Я буду ждать ваш автомобиль в двенадцать пятнадцать у клиники Античеми, перед мэрией». — «Прекрасно, а мы ждем вас в Ницце. Спасибо. — Парижанка тут же обратилась к юристу: — Дорогая Элизабетт, пожалуйста, дай указание, чтобы Богосиан в двенадцать часов был в Марселе перед клиникой Античеми».

За разговорами дамы просидели в гостиной около часа. Искушение оказаться в центре происходящих событий, чтобы поднять свой имидж, преобладало у Анны-Валери Болль над обещанием, данным Паппалардо, быть сдержанной и немногословной в общении с юристкой Понсэн и красоткой Марч. Парижанка много болтала, потрясенная неожиданной удачей — сразу наткнуться на того самого российского дипломата. Ей хотелось удостоиться похвалы, получить признательность присутствующих дам. Но никто не проронил ни слова. Болль посчитала, что виной этому является ревность. Получить согласие российского дипломата на приватную беседу в Ницце? Это был потрясающий успех. «Все складывается очень удачно, — говорила Болль. — Можно рассчитывать, что в самое ближайшее время мы найдем нашего Андрэ. Я настаиваю, что нам необходимо вылететь в Москву. Судьба всегда обходит лентяев». Всего в жизни она добилась сама, поэтому как никто

другой знала, что волка ноги кормят. «Говорить больше не о чем, — сухо сказала юрист. — Раньше трех часов этот человек здесь не появится. Но только после общения с ним мы сможем принять решение, что делать дальше. Я поеду домой. Надо купить свежих фруктов Мишелю. Как он там? Скучает, наверное?» Госпожа Понсэн вызвала автомобиль, с усилием встала и медленно пошла к выходу. К ней тут же пристроилась флорентийка. Она взяла ее руки, каким-то колдовским взглядом впиалась в ее состарившееся лицо и несколько минут воздействовала на ее биополе своей черной энергетикой. Потом женщины расстались. «Я бы тоже поспала. Ночь была тяжелой». Модистка направилась в свою каюту. «Без Элизабетт ничего не произойдет, — успокаивала она себя. — Необходимо дождаться дипломата, а там видно будет».

Как только дамы остались одни, Болль сразу же начала расспрашивать флорентийку о ночном визите на квартиру госпожи Понсэн. Но Паппалардо не была словоохотлива. Она даже и для себя не хотела восстанавливать в подробностях события прошедшей ночи. Однако флорентийку, по природе своей женщину коварную, равнодушную и бессердечную, все же не оставляли мысли, связанные с капучино. Что с ним? В каком состоянии Элизабетт найдет его нынешним утром? С минуты на минуту она ждала ее звонка и была целиком сосредоточена на этом. У Паппалардо возникло такое ощущение, что этот жизненный эпизод она уже когда-то переживала. То ли это было во сне, то ли наяву. Но что-то до боли знакомое виделось ей во всей этой истории. Неудивительно, что ее посетило такое чувство: память этой женщины была полна подобных сюжетов, и каждый раз при сердечном волнении они всплывали наружу. В мире не было сейчас силы, способной оста-

новить ее замысел. Любое тщание преградить путь ее коварным планам, повернуть их вспять столкнулось бы с неукротимой, адской силой госпожи Паппалардо. Но как же она изменилась! Как преобразился ее облик! Потускневшие глаза светились яростной страстью, увядшие щеки освежились розовым румянцем, узкие синеватые губы налились кровью и заалели, как у двадцатилетней девушки, безучастно сложенные руки оживились, как у вязальщицы. Как вор получает удар адреналина во время карманной кражи, так и аферисты перед финалом организованного им спектакля обретают душевный допинг самой высокой пробы. Сисмонда Паппалардо стала мерить шагами гостиную, как нетерпеливый актер за кулисами в ожидании своего выхода, как арестант, рвущийся к свободе. Болль заметила это ее возбужденное состояние, но не решалась что-либо спросить, а лишь безмолвно наблюдала за режиссером преступления. Наконец, раздался телефонный звонок. Окрыленная флорентийка поспешно бросилась к трубке. «Паппалардо у телефона», — заставила она себя сказать ровным безмятежным голосом. «Ах, Сисмонда! Мишель...», — юрист разрыдалась. «Что Мишель?» — в сердцах крикнула флорентийка. — «Мишель...» — «Говори, дорогая Элизабетт», — взмолилась Паппалардо. «Мишель тяжело болен, — сквозь слезы проговорила бедная женщина. — У него рвота и он в бессознательном состоянии. Он не слышит меня, не открывает глаза...» Понсэн опять зарыдала. «Ты вызвала ветеринара?» — «Да!» — «Успокойся. Я известная целительница и поставлю на ноги любого больного». — «Умоляю тебя, Сисмонда, срочно приезжай. Мне самой очень плохо». — «Какой адрес?» — «Бульвар Семье, семьдесят семь». — «Еду». — «Жди меня здесь, — обратилась флорентийка к Болль. — Присматривай за Марч. Понсэн нуж-

на помощь». — «Можешь сказать, что случилось?» — «Нет! Ты обещала повиноваться беспрекословно. Сказала, жди». Паппалардо закурила, взяла свою загадочную сумочку и вышла из гостиной. Теперь она могла без опаски сказать таксисту: «Бульвар Семье, семьдесят семь».

Дверь была открыта. Женщина нашла хозяйку квартиры лежащей в бесчувственном состоянии. В клетке издавал редкие, почти человеческие стоны капуцин. Понсэн была нужна Сисмонде живой. Поэтому флорентийка сразу бросилась к ней. Она владела искусством врачевания так же умело, как и различными способами отравления. Вначале она дала ей капли валерианы, затем противошоковую жидкость «Мелания». Руки Паппалардо, заряженные положительной биоэнергетикой, гладили лицо бедной женщины. Паппалардо хотела восстановить целостность биополя хозяйки квартиры, нарушенную под влиянием ее собственного сглаза. Сейчас организм Понсэн воспринимал информацию об окружающем мире в искаженном виде, что кардинально сбивало ее биоритм и вызывало болезненный кризис. Флорентийка старалась подчинить ее, едва дышащую, своей здоровой энергетике и послала сигналы к выздоровлению. Она такими выразительными движениями направляла свои целительные флюиды, что, казалось, была способна воскресить мертвого. Затем Сисмонда принялась втирать в ее шею мазь на основе рапсового масла, млечного сока из незрелых головок мака и экстракта желтых цветов одуванчика. Подобно тому, как последняя соломинка может сломать спину нагруженного мула, так избыточная сила Паппалардо могла нанести вред здоровью больной. Флорентийка остановилась. Она уже чувствовала, что пожилой даме полегчало, и опасения за ее жизнь рассеиваются. Гордыня госпожи Паппалардо

была удовлетворена. Едва Элизабетт Понсэн очнулась, как раздался звонок в дверь. «Успокойся, дорогая, я открою», — ласково сказала флорентийка. Через минуту в квартиру вошел высокий молодой человек. В его облике легко прочитывались арабские корни: кучерявые черные волосы, узкое, в родинках лицо, круглые карие глаза. Его приветливый вид и необыкновенно добрая улыбка сразу располагали к себе. «Хануси, ветеринар. Доброе утро, мадам. Что же стряслось с обезьянкой? Где капуцин? По вашему лицу вижу, что он доставил вам много хлопот. А, вот он в клетке». Господин Хануси подошел к фавну и стал внимательно осматривать страдающее существо. Бедное животное находилось в бессознательном состоянии. Капуцин был весь в липком поту, имел сильно учащенный и слабо прощупываемый пульс. Шумное, с хрипотцой, дыхание было редким. Ветеринар отметил непроизвольное сокращение мышц, причем судороги были не постоянными, а приступообразными. Вокруг фавна образовались кучки рвотной массы и слизи. Господин Хануси быстро определил: отравление. «Что он ел?» — спросил ветеринар. — «Бананы, яблоки, орехи, сухой инжир и чернослив». «В шкурках бананов иногда встречаются растительные яды, — подумал ветеринар. — Может, он съел шкурку?» Хануси выписал рецепт, пообещал позвонить во второй половине дня и распрощался. Времени для посиделок с дамами у него не было. Ветеринара ждал другой вызов.

Паппалардо взглянула на рецепт и ахнула: «Дорогая Элизабетт, позволь мне самой взяться за лечение твоего милого Мишеля. Рекомендации господина Хануси не выдерживают никакой критики. Так мы несколько дней будем лечить капуцина, а результат будет пустяковым. Я тоже думаю, что это сильное отравление. Состояние фавна за

это время может значительно ухудшиться. Если в его организм попала щавелевая кислота, он может получить тяжелое поражение почек, если хлорированные углеводороды — сильнейший удар по печени, если нитраты или анилин — нарушение снабжения органов кислородом, если окислы азота — токсичный отек легких, если фосфорно-органические соединения — кому или паралич. Современные врачи и ветеринары удивительно беспечные люди. Им лишь бы заработать деньги. Они редко остаются с больным более десяти минут. К черту этот дневной план! Скажи, дорогая, что делать? Бежать в аптеку или приступить к лечению бедного существа немедленно, полагаясь на собственный опыт? Мне так жаль Мишеля». — «Ты уверена, что спасешь его?» — голосом совершенно сломленного человека произнесла госпожа Понсэн. «Дорогая, несколько минут назад я вытащила тебя из могилы!» — «Начинай», — нерешительно сказала хозяйка квартиры и опустилась на диван. Ей самой было еще очень худо. «У тебя есть обычное молоко?» — «В холодильнике». Паппалардо вскипятила молоко, извлекла из своей сумочки настой льняного и цитварного семени, измельченный ангеликовый корень и стала принуждать капуцина глотать этот раствор. Все это сопровождалось настойчивыми движениями флорентийки, обмазывающей слизистую гортани Мишеля кусочком зуба нарвала¹. Считалось, что именно амулет из зуба этого млекопитающего обладал сильнейшим противоядным действием. К этому моменту стало давать о себе знать снотворное действие алкалоидов, и госпожа Понсэн начала медленно проваливаться в сон. Истощенная духом и обессиленная телом,

¹ Единорог, морское животное.

раздавленная происшествиями последнего времени, она вдруг почувствовала какое-то неожиданное успокоение, безразличие ко всему на свете, и легкие приятные галлюцинации стали возникать в ее сознании. Паппалардо наблюдала за изменениями в состоянии хозяйки квартиры и с все большим усердием продолжала возиться с капуцином. И хотя флорентийка уже испытывала усталость, она с неистовой энергией продолжала усердно трудиться, заботясь об осуществлении своего хитроумного плана. Таков уж характер чародеев, они никогда не упустят возможности блеснуть мастерством. Сисмонда Паппалардо властвовала в чужих апартаментах, как политики в парламенте, как крестьяне — на субботней рыночной площади. Ее гордый дух провидицы соперничал сейчас с неистовой страстью прощелыги, мечтающего прибрать к рукам огромное состояние князя, — и опережал. Наконец, Мишель задышал ровнее. Потом капуцин стал извергать из себя жидкость, которой давеча поила его флорентийка. Когда рвота прошла и Мишель утих, женщина тут же принялась тщательным образом чистить клетку больного существа. «Что ж, — говорила она себе, — было время разбрасывать камни, теперь пришло время их собирать». Она отнесла фавна в ванную, чтобы как следует помыть его. Потом завернула капуцина в легкое одеяло, положила ему на язычок маленький кусочек гашиша и устроила беспомощное существо на диване, рядом с госпожой Понсэн. «Поспи, дружок, теперь тебе легче станет», — заботливо сказала она и тут же плюхнулась в соседнее кресло. Женщина начала пожинать плоды своей работы, в которую вложила весь талант изобретательницы. Первый этап ее плана был утонченным и коварным. Вначале капуцину должно было стать плохо, чтобы вызвать потря-

сение у Элизабетт Понсэн. Затем Мишель должен был выздороветь, чтобы хозяйка квартиры уверовала в феноменальное мастерство целительницы, прониклась к ней особым доверием.

Погрузившись в раздумья, она молча сидела в кресле, как рыболов на пирсе Пленеф-Валь. Флорентийка обдумывала дальнейшие шаги, способные приблизить ее к иверовскому капиталу. По своему душевному состоянию она была сейчас сродни Агате Кристи, сочиняющей хитроумные ходы. При всем коварстве натуры, в ней было что-то детское, порой наивное. С того дня, как флорентийка примкнула к охотникам за иверовским капиталом, она ежедневно думала, как доказать себе и участницам хитроумной аферы, что она и только она одна способна разрабатывать и выигрывать комбинации, ведущие к победе. Навязчивая идея собственной неповторимости доходила у нее до фанатизма. Внуши ей, что она заурядная шарлатанка, и ее самооценка могла бы упасть до самоуничжительной. Впрочем, самовлюбленность — не самый отвратительный порок человеческий. Есть вещи куда более омерзительные. Тут ее напряженное лицо сменила легкая улыбка, в глазах блеснул огонек избранницы судьбы. Женщина редко предавалась мечтаньям, но сейчас, когда перед ней в наркотическом опьянении почивали две ее жертвы, а до несметных денег полоумного князя оставалось рукой подать, Паппалардо хотелось витать в облаках. Какой злодей не желает этого! Ведь сладостные видения обволакивают сознание, отрывают человека от мира реального и уносят вдаль от места преступления. Но Сисмонда Паппалардо была больше, чем женщина, и больше, чем злодейка. Она была яркой представительницей магии. Колдуньей! А эти существа не имеют ни пола, ни профессиональной этики,

они не признают ни Библии, ни Конституции, ни законов улицы. В них причудливо перемешаны красота и мерзость, утонченность и дикость. Их сердцу неведома добродетель, а хитрость подчиняет себе сердечные порывы. Они сотканы из порока, как финансисты из забот по извлечению прибыли. Как обольстительницы, погубив любовника, понастоящему влюбляются в него, так и флорентийка, одурачив юриста, прониклась к ней искренней жалостью. «Она, бедолага, помрет, после того как я вырву у нее иверовский капитал, — размышляла Паппалардо. — В который раз я спрашиваю себя: зачем ей такие огромные деньги? Ведь капитал у одинокого пожилого человека — все равно, что бомба, готовая взорваться под мышкой. Если бы она по доброй воле передала мне права пользования состоянием князя, я, со своей стороны, готова была бы дать ей все гарантии, что буду заботиться о ней и ее капюдине до последних дней жизни. Это ли не лучшее свидетельство моего великодушия? Но она, к сожалению, не согласится даже обсуждать эту тему. Как суд перед вынесением приговора не интересуется состоянием здоровья подсудимого, так и законопослушной Элизабетт Понсэн сама эта идея покажется абсурдной — ей чужды простые и ясные человеческие решения. Впрочем, госпожа юрист, вы должны знать: у меня достаточно терпения, чтобы добиться цели. Если вы не откажетесь от состояния Иверова в мою пользу — я все равно добьюсь успеха и капитал князя окажется на моих счетах. Я не злопамятна! Я пощажу вас, как палач, протягивающий носовой платок своей жертве, чтобы та перед казнью могла высморкаться. Я буду беречь вас, как ревностные католики опекают жирного гуся, предназначенного к Рождеству. Да здравствуют понимающие все жертвы чужого вероломства! Слава разумным пострадав-

шим! Если бы у обворованных, ограбленных, обманутых было на толику мозгов больше, если бы они в решающий момент вняли призыву нашей братии — с достоинством найти выход из «пикантной ситуации», — то сколько голов человеческих осталось бы на плечах! «Отдай свое — и жить останешься. Отдай чужое — и будешь здоров». Казалось бы, простая истина, а воспринимается с трудом. Вот почему жертв — просто жуть сколько! Конечно, тяжело сознавать, что мой успех омрачит спокойную жизнь Элизабетт. Но таков закон жанра! Впрочем, объясняй, проси, требуй разумной справедливости сколько пожелаешь — потерпевший все равно глух к пониманию диалектики жизни: сильный побеждает слабого, ловкий — недотепу, хитрый — простака. Так было и будет во веки веков! Госпожа Понсэн, подобные вам — воистину неисправимы! Вам же ничего не поможет. Популяция вашей породы людей обречена».

Госпожа Паппалардо была всегда готова пойти на компромисс: если ее кусок добычи окажется большим, чем у жертвы или компаньона, и если дело кончится миром — типичный волчий устав. Во всех других случаях она билась до последнего. Оставалось еще немного времени до пробуждения спящих. А, значит, начиналась очередная сцена битвы за иверовский капитал. Какие неожиданности поджидают участников этой беспрецедентной схватки? Кто докажет свое превосходство: юристка Элизабетт Понсэн или шарлатанка Сисмонда Паппалардо?

Глава XVIII

Андрей Иверов очнулся, но никак не мог открыть глаза. Ему казалось, что на веки поставлено по утюгу. Во рту было горько и сухо. Язык прилип к нёбу. Голова, налитая свинцом, болит, как от тяжелой травмы. Сознание возвращалось медленно. «Но почему я лежу на кровати, а не на голой земле? Где я?» Он захотел приподняться, но силы покинули его, и князь лишь застонал. В этот момент он почувствовал, что кто-то приложил к его воспаленному лбу мокрое холодное полотенце, потом поднес стакан к его губам. «Хлебни, Андрюха, рассолу. Он силы восстанавливает. Это я — Гришка Кутерьма», — расслышал Иверов. Князь почувствовал пряный незнакомый запах, осторожно сделал глоток, другой, потом жадно выпил целый стакан. Действительно, стало лучше, жидкость, казалось, погасила огонь похмелья. Князь с трудом открыл глаза и осмотрелся. Перед ним стоял отставной сержант. Он улыбался, сверкая двумя передними металлическими зубами. Небольшая комнатка, в которой оказался князь, была залита солнцем. Незамысловатая мебель, опрятные светлые обои, простенькие льняные затертые коврики, ветки благоуха-

ющей черемухи, полотняные кружева, развешанные по стенам, — все выглядело скромно и пристойно. Подобный интерьер был неведом французскому аристократу, но пришелся ему по душе. «Где я, уважаемый Григорий?» — «Очнулся, чужак? Это квартира Леньки Мурашкина. Он живет здесь с матерью. Все на службе, мне, работающему в клинике день на третий, поручили присмотреть за тобой. Ну, ты был хорош. От миллиона отказался, в стельку напился, в кустах черемухи так храпел, что всех бездомных собак распугал. Пришлось внести тебя к Мурашкиным и уложить на диван. Что, действительно, такая пьянка у тебя впервые?» — «Тяжело, господин Кутерьма. В первый и последний раз напился. Буду сторониться водки, как злейшего врага. А вы смогли бы мне сказать, сколько же я вчера выпил?» — «Немного, около четырехсот граммов». — «А каждый из вас?» — «По шестьсот — семьсот и несколько бутылок пива». — «И хорошо себя чувствуете?» — «Прекрасно. До пяти часов утра армейские песни пели. Вспоминали дни службы. Скажи мне, Андрей, ты по пьяни отказался от миллиона?» — «Может быть. Я ничего не помню». — «Я так и подумал, захмелел наш питерец, потерял рассудок, совсем не соображает, что делает. А я так жалел, что эти деньги тебе не достались, что рыдать хотелось. Что Платону этот миллион? А нашему брату он нужен. Водка знает, как новичков приневолить. Но на наших мужиков ты произвел впечатление. Прости, что я в тебя бутылку бросил. Мне надо было Буйносову подыграть, по его линии выстроиться. Я на его деньги живу. Он мне десять тысяч рублей в месяц отстегивает, чтобы я на вечеринках балагурил, на гитаре играл, песни пел, когда он потребует, рядом с ним крутился. Конечно, на это не разгуляешься, но на жизнь хватает. Так и существую. Стало быть, Платон Филиппович мой барин». — «А

на работе тяжело? Как платят?» — «Санитар-охранник больницы для психов. Бюджет мизерный. Какие там деньги?». — «А бизнес? Или профессиональное обучение?» — «Рисков много. Мне спокойней за спиной Буйносова жить. На кутежах песенки распевать, его волю исполнять. Вроде шута среди своих. Свыкся. Он мне под утро пятьсот рублей сунул с наказом: «Присмотри за нашим другом. Будь ему нянькой и дядькой. А как очнется, позвони мне. Я за ним машину пришлю». Так что теперь буду звонить Буйносову, что ты в порядке. Пусть принимает решение, как жить дальше» — «Спасибо, но у меня дела. Вы понимаете, Григорий, я в Москву по делу прибыл. Тороплюсь». — «Как Платон распорядится, так и поступим». — «При чем тут Платон? Я свободный человек и хочу заняться своим делом». — «Свободный человек? Что это такое? Ты что, дружище, слушатель радиостанции «Эхо Москвы»? Или активный член партии «Яблоко»? В Москве на все есть свой хозяин: за каждым кустиком, пядью земли, булочной, газетной строкой, выстрелом из «Макарова» — фигура собственника видна. Вот тебе мой совет: когда увидишь Буйносова, шепни ему на ушко имя твоего покровителя, и если они с Платошей в одной весовой категории, то тебе ворота на волю мигом откроют. Ну, а если нет, если он твоего патрона не знает, если тот по ранжиру где-то внизу, под лавкой, станем мы, Андрюха, коллегами. Ты, дружище, поумней, наверх пойдешь, хорошие бабки зарабатывать станешь». — «Что, я уже стал узником? Рабом? — мелькнуло в голове у Иверова. — Пожалуй, да, совершенно неожиданный оборот. Читал, что в Чечне пленников держат как рабов. Но в Москве? А впрочем, во Франции я тоже стал заложником вещиизма и собственного капитала. Почему же не испытать самому чувства человека, которого держат

невольником? На привязи, как собаку. Проверить себя насилием извне? Исходящее от тебя принуждение не так заманчиво, не столь душераздирающе, как закрепощение твоего «я» другим. Добровольно признать за этим другим — лучше пошлым и мерзким, чем воспитанным и интеллигентным, — все права на тебя, на твое «я»! «Эй, где мой холоп Андрюха? Крепостной Иверов, единым духом к барину!» Я же мечтал быть униженным? Пожалуйста, получай, Андрей Константинович, чего хотел в реальной жизни. Не обманываю ли я сам себя? Раб всей душой рвется на волю. А если я сам себя готов отдать в крепостную зависимость, имею ли право называться рабом? Ведь я буду оставаться невольником ровно столько, сколько сам захочу. Не каприз ли это богача Иверова? Не погоня ли миллиардера за острыми ощущениями? Не дикая ли, наконец, разновидность мазохизма? Нет, нет, какой там мазохизм. Я не эротических наслаждений ищущу, а познать самого себя желаю, свой мир создать. Надломить в себе гордыню человека, у которого есть все. В виртуальную среду переселиться, чтобы знать все о существах из реальной жизни. Но с другой стороны, если все мы рабы Божьи, то кто мы по отношению друг к другу? И если мы, с нашей рабской сущностью, созданы по Его образу и подобию, то не таков ли и Он Сам, Создатель? Раб чего-то совсем уж непостижимого, какой-то вселенской умонепостигаемой Бездны? Пока со мной не случится ничего такого, чего я сам не хочу, я готов быть в рабстве, яко в божественной среде и в любом другом незнакомом мне бытии. Я же в состоянии одним ударом отключить этого жалкого паяца, каким является Гришка Кутерьма. Я смог бы разнести эту жалкую дверь в щепки, если бы душа потребовала свободы. Но разве для этого я прибыл в Россию? Нужно ли мне, властителю виртуальной

Вселенной, применять физическую силу против побирушки-нахлебника? Охранника психушки? Мне ли бить лежащего? Топтать нищего телом и духом? Оскорблять семью ни в чем не повинных Мурашкиных? Необходимо ломать себя во всем и испытывать радость от темных сторон жизни, коими я взят в настоящий оборот. Судьба хочет помочь мне стать рабом. Я должен быть благодарен ей за такое поощрение. Все же интересно, какую работу предложит мне Буйносов?» — «Что делать дальше?» — кротко спросил князь. «Ждать повеления Платона Филипповича». — «Так уж и повеления? — рассмеялся князь. — Рабы всегда преувеличивают грозность и крутой нрав своих хозяев, чтобы умерить в собственном сознании зов к бунту». — «От счастья не бегут». — «В рабстве искать счастье — это ли удел человеческий?» — «А мне нравится. Лучше быть невольником у одного, чем рабом миллионов чиновников. Имея над собой лишь Буйносова, я с удовольствием плюю на весь остальной российский мир. Барин везде за меня заступится, голову мою сохранит. Как говорится — Богу богово, а кесарю кесарево». Гришка Кутерьма взял телефон и набрал номер: «Платон Филиппович, ваш умник очухался. Тяжел! Что делать? Хорошо, ожидаем!» — «Требуют ждать?» — «Сейчас за тобой придут, — с жалостью в голосе сказал отставной сержант. «Позвольте оставить вам сто евро?». — «На что?» — «На расходы по личному усмотрению». — «Валяй! Я не против». — «А что, Григорий, вам нужно для полного счастья?» — «Мне?» — «Да!» — «Чтобы ты, Андрюха, побыстрее убрался отсюда. Надоел! Уж больно мудрён ты. Не рабское это дело — попусту языком чесать».

Санитар-охранник психиатрической клиники вышел на балкон и взглянул на залитое солнцем небо. Для поте-

рянных душ это весьма полезное занятие. В голубом небосводе таится великая сила самоочищения. Другое дело, хотел ли этого Гришка Кутерьма? Тот, кто обладает собственным мнением, не повинуется чужим наставлениям, а тот, кто весь во власти приказов других, а не собственного голоса, никогда не познает восхитительную радость безоглядного поиска истины. Ведь вольный разум всегда выступает в роли собеседника совести. Свобода, разум, совесть — это ли не составляющие божественной стрелы, запущенной Создателем в бесконечность нашего духовного развития? «Отставной сержант, холоп Гришка Кутерьма, и княжий изгой, он же раб Андрей Иверов, — сотоварищи по работе на барина Буйносова. Ну не прелесть ли это? Кто еще может похвастаться такой «фантастической судьбой», — вслух произнес князь и расхохотался. — «Что с тобой, пьяница? — Кутерьма недовольно окинул взглядом Иверова. — Ты еще в алкогольном бреду? Скоро десять часов. Приди в себя, за тобой уже едут. Шеф не любит беспорядка в голове и в поведении. Если хочешь получить приличную работенку, меньше смейся, как идиот. Понял?» В этот момент раздался звонок в дверь.

К машине шли молча. В черном «Мерседесе» 500 сидели четверо. Один за рулем, другой рядом, двое сзади. Между ними и поместили Иверова. Автомобиль тронулся. «Прислать четверых громил, чтобы привезти меня в офис? Да! Таковы особенности менталитета воротил российского бизнеса, — размышлял князь. — Никто не здоровается, не улыбается. Видно, сердца их очерствели от ежедневной необходимости воздействовать физически. Впрочем, нередко под мрачным равнодушием скрываются неизлечимые душевные раны. У них, по-видимому, ощущение, что не человека они везут, а мусор на свалку. Ну вот, один глянул на

меня в переднее зеркало. У него челюсти бандита, взгляд волка, и, кажется, что он вот-вот наденет на меня наручники. Может, и руки самому протянуть?» Иверов рассмеялся своим мыслям и действительно протянул руки вперед. «Что такое?», — спросил тот, что сидел слева. «У вас такие лица, как будто вы стесняетесь надеть на меня наручники. Смелей, господа!». — «Ну что вы, — слабо улыбнулся сидящий впереди. — Вы гость нашего шефа. Простите нас, мы охранники, нам по службе не положено улыбаться и молотить языком. Наша задача привезти вас невредимым. Платон Филиппович так и сказал: «Чтобы ни один волос не упал с головы моего Иверова». — «С моего Иверова?», — удивленно переспросил князь. «Да! Так и сказал: «с моего Иверова». — «Очень приятно. Главное, вежливо. А какой бизнес у вашего патрона?» — «Он вам сам расскажет. У работающих на господина Буйносова правила поведения строгие. Через пару минут мы уже будем на фирме».

Господин Буйносов встречал их у входа. Иверову показалось, что сегодня Платон Филиппович был добр и прост. Он легким движением пожал князю руку, потом полюбнел его и сказал по-приятельски: «Перебрал вчера? Смотри, не пей больше водки. Это годится для пролетариата! А мы, люди бизнеса, можем позволить себе получать удовольствие от красного вина. Лучше — французского! Я рад, что ты нашел время и приехал ко мне в офис. Пройдем в кабинет. Чем тебя угостить?» — «Мне так скверно, что и сам не пойму, что выпить». — «Можно посоветовать?» — «Слушаю». — «Выпей холодного пива, а минут через двадцать — куриного бульона. Быстро восстановишься». — «Прекрасно. Совет принят».

Мужчины вошли в кабинет и расположились в креслах. «Слушай, Андрей, твоя вчерашняя фраза до сих пор

звучит у меня в ушах». — «О чем это?» — «Ты сказал: «Звон монет и шелест ассигнаций наяву не увлекают меня, впрочем, так же, как не интересуют и четыре туза на руках во время фьючерсных торгов на евробонды». — «Да, смысл моих слов был таким». — «Ты знаком с фондовым рынком?» — «Господин Буйносов, сегодня многие общаются с рынком ценных бумаг. Домохозяйки, студенты, спекулянты, игроки». — «Где эти — многие? В России, по моим сведениям, людские массы еще не понимают слов «фондовый рынок». Так вот, внутренний голос подсказывает мне, что ты разбираешься в этом бизнесе. Но, видимо, есть причины, которые вынуждают тебя молчать об этом. Не хочу ничего выяснять, а могу предложить коммерцию. Пятьдесят на пятьдесят. Даю тебе деньги, кабинет, рабочий стол, крышу. Возьмешься?» — «Спасибо за доверие. Но у меня нет времени. Я занят своим делом». — «Бизнес»? — «Нет. Личные проблемы». — «Сколько лет ты жил за рубежом»? — «Прошу прощения, уважаемый Платон Филиппович, но мне не хотелось бы листать страницы своей биографии. Ваш кабинет не место для такого интервью». — «Хочу понять логику твоего отказа и не могу. В этом весь вопрос. Человека должно задевать и злить все то, что он не может осмыслить». — «Если разумное существо постарается подавить в себе заносчивость и воспитать терпимость, то простое обстоятельство, что собеседник дает уклончивый ответ, не вызовет у него злости. Попробуйте оставить за человеком право отвечать на вопрос так, как он считает нужным». — «Ты совсем западником заделался. У нас в России все по-другому. Аrogантность у нас в моде, без нее здесь не проживешь. Я бы не хотел продолжать вчерашнюю дискуссию о деньгах, где их лучше иметь: в воображении или в кармане? Для здорового человека ответ однозначен. И

все-таки, ответь на один вопрос: почему ты отвергаешь деньги?» — «Уважаемый Платон Филиппович, вы заблуждаетесь. Я вовсе не отвергаю деньги как замечательный, основополагающий инструмент рынка. На современном этапе, когда в мире господствует массовая культура, без денег наступил бы мировой коллапс. Я говорил, что лично меня они не интересуют. На это у меня есть свои философские причины. Я не хотел бы сейчас обсуждать их». — «Вообще никакие суммы не интересуют? Миллион долларов тоже?» — «Мне в принципе не нужны деньги». — «А на что ты живешь?» — «Это мои проблемы». — «Ну а женщины? Хочешь на ночь телку?» — «Спасибо, не надо». — «Значит, на меня работать не хочешь, поэтому от всего отказываешься?» — «Если за мной остается право решать, то я ни на вас, ни на кого другого работать никогда не стану». — «А если заставлю?» — «Это сделать непросто. Все будет зависеть от аргументации. Насколько эффективным окажется ваш способ устрашения». — «Не боишься?» — «Скажу откровенно: чем хуже, тем лучше». — «Ты мне нравишься. Я еще не встречал таких оригинальных типов. Все думаю, кто ты? На бандита не похож, на жулика, бродягу, чиновника — тоже. Для ученого — слишком роскошен: костюм, часы, обувь. При деньгах?» — «В бумажнике — несколько купюр по сто евро». — «А за душой?» — «В душе — постоянный поиск самого себя». — «Такие люди богатыми не бывают. А что ищешь? Нефтяную скважину? Золотую жилу? Тайный проход в кладовые Сбербанка? Или бескорыстную любовь? Койку в желтом доме?» — «Изгой — это человек, который потерял все, и прежде всего самого себя. Так вот, я принадлежу к этой компании». — «Чем могу помочь?» — «Очень просто — распрощаться. Я должен продолжить поиск». — «Ну, отпустить такого, как ты — расточительство. Как современ-

ный российский предприниматель я не могу пойти на такие очевидные убытки. Я обязан извлечь из тебя пользу. Скажи откровенно, ты знаешь, как функционирует фондовая биржа?» — «Да!» — «Можешь сыграть на ней?» — «Да!» — «Выиграешь?» — «Вполне возможно». — «Предлагаю другой вариант договора: я даю тебе три миллиона рублей и одну молодую даму. Ты берешь ее в обучение и играешь на московской бирже. Сколько дней уйдет у тебя на подготовку?» — «Позвольте...» — «И слушать ничего не хочу. Ведь ты не хочешь, чтобы у тебя отняли документы, одежду, заперли в квартирке с Кутерьмой и посадили на водку. А о Гришке говорят, что он не только женщин любит... Через пару недель ты сам себя не узнаешь. Неплохая перспектива для человека, который ищет самого себя». — «Господин Буйносов, вы выложили веские аргументы. Но они меня лишь позабавили. И только чтобы смирить свою прежнюю гордыню, я даю согласие на вынужденную неволю. Кроме того, мне самому любопытно будет взглянуть, как работает российская биржа. Мое условие таково: я день готовлюсь сам и один день играю. Кстати, прошу поверить, господин Буйносов, если я назвал свое условие, то нет на свете силы, способной его изменить. Впрочем, одно важное примечание: у меня нет преподавательского опыта. Что знает ваша дама о фондовом рынке?» — «Получила отличные оценки по теории и какое-то время играла виртуально». — «Я позволю ей присутствовать во время работы и учиться у меня. Да, скажите, пожалуйста, почему вы не хотите нанять профессионалов? Платите им приличные деньги, и они будут на вас работать». — «Где их взять? В Москве таких кадров нет. Любопытно, что ты совершенно не стыдишься на меня работать. И обиды в тебе нет. Когда ломаешь людей, навязываешь им свою волю, они выглядят иначе». Смиранный,

но независимый и невозмутимый вид князя начинал раздражать Платона Буйносова. Он хотел увидеть его подавленным и напуганным. «Остаться у вас на два дня — это мое собственное решение, и никакие внешние факторы не влияли на меня. И описанные вами карикатурные кошмары меня не ужасают. Я человек из другого, виртуального мира. Сегодня вторник. В среду в семнадцать часов я распрощаюсь с вами, — сказал Иверов. — И никакие ваши интриги, увещевания или угрозы меня не остановят. Я мечтал бы, чтобы какая-нибудь земная или потусторонняя сила помогла укротить мой непокорный, строптивый дух. Но такой силы нет! Итак, я буду ночевать в вашем офисе. Мне нужны комната, компьютер, интернетовский адрес, полные реквизиты вашего банка и номер счета, код и пароль пользователя, термос с кофе, минеральная вода...» Господин Иверов перечислил все, что еще было ему необходимо, чтобы в среду утром начать работать на фондовой бирже.

Минут через тридцать господин Иверов приступил к знакомству с возможностями российского интернет-трейдинга. С помощью программы «Альфа — Директ» «Альфа-Банка» князь получил доступ к торгам акциями на ММВБ, РТС, Московской и Петербургской фондовых биржах. Эта программа позволяла участвовать в торгах на рынке ГКО-ОФЗ и на площадке срочных контрактов. «Альфа-Банк» предоставлял также через систему «Интерсток» возможность доступа практически на все крупнейшие биржи мира. Андрей Константинович стал изучать конъюнктуру российского рынка. Программа «Альфа-Директ» давала возможность получить экспресс-информацию о последних мировых экономических и политических событиях. Большинство мировых фондовых индексов топталось на

месте. Фьючерсы на индексы Dow Jones и SP — 500 незначительно выросли, а на NASDAQ столь же незначительно упали. Впрочем, его ничто не интересовало, кроме ситуации на российском фондовом и финансовом рынках. Господин Иверов обратил внимание, что котировки американских и глобальных депозитарных расписок на акции российских компаний менялись разнопланово. Цены на российскую нефть слегка понизились, тогда как фьючерсы на нефть со сроком поставки через два-три месяца — возросли. Князь знал, что большинство голубых фишек в России — это акции предприятий топливно-энергетического комплекса. Их движение было самым заметным. Но в основном ситуация была неопределенная и не предвещала для рынка акций существенного подъема. Андрей Константинович вошел на сайты Финмаркет, РБС, Финам, РТС, МДФ, АКМ, Гарант, Легал, Бухгалтерия. Он стал изучать совершенно незнакомое для него экономическое пространство России. Информация, которую он получил, смешала его явной противоречивостью оценок ситуации на фондовом рынке. В одних комментариях приводились факторы, которые должны были бы привести к подъему рынка. В других — те же самые данные преподносились в качестве доказательства предстоящего спада. Особенно шокировала князя неприкрытая предвзятость прогнозов, касающихся котировок ценных бумаг: субъекты хозяйствования медиа-холдинга Миллера предсказывали рост курса акций «Газпрома», Ходорковского — прогнозировали скачок курса акций «Юкоса», Чубайса — обещали взлет ценных бумаг РАО «ЕЭС России». Ободряла лишь возможность доступа к оценкам западных источников информации, предлагавших объективные комментарии. Андрей Иверов просидел за компьютером весь день и только поздно но-

чью занялся собой. Он постирал сорочку, носки, почистил туфли, принял душ и мгновенно заснул на диване.

На следующий день, 26 июня, около десяти часов утра в кабинет Иверова вошла молоденькая женщина. На вид ей было не больше двадцати двух лет. Высокая, стройная, просто одетая — в кроссовках, джинсах и голубой кофточке, на шее поблескивал золотой крестик. Короткие волосы на изящной головке были приглажены, а голубые глаза светились лоскутками ясного неба. Все в ней дышало волнующей свежестью. Иверов взглянул на нее и на мгновение почувствовал дуновение чистейшего воздуха альпийских лугов. Ожило, всколыхнулось в его душе что-то давно забытое. «Доброе утро! Вы Андрей Константинович?» — «Да. Добрый день». — «Я Мила Семирадова. Господин Буйносов сказал, что вы разрешили несколько дней у вас стажироваться. У меня небольшой опыт. Я всего месяц играла на бирже, и то виртуально. Без реальных денег». — «С какой программой вы работали?» — деловым тоном спросил князь. «С «Альфа-директ». — «Хочу вас предупредить, у меня нет никакого опыта в тренинге волонтеров. К тому же, у нас всего один день. Что он может вам дать? Впрочем, когда начнется игра, вы можете сесть рядом со мной и следить за моими решениями. Вам не запрещается записывать мои ходы. Если возникнут вопросы — без стеснения задавайте их. Пожалуйста, присаживайтесь к компьютеру», — князь произнес все это в некотором замешательстве, все время пряча глаза. Смущенная этим обстоятельством, барышня Семирадова уселась рядом с ним.

В 11 часов начались торги на биржах. Князь сразу окунулся в привычную атмосферу. Он был обречен вступить в игру, которая для одних оборачивается ликованием, для других — ужасающим ударом судьбы. С ожившим чув-

ством охотника за капиталом Иверов начал рыскать на большой дороге, полной неожиданностей. Первые двадцать минут игроки и сам рынок как бы разминались. Котировки всех голубых фишек беспорядочно скакали то вверх, то вниз. В этом кажущемся для непосвященного беспорядке выстраивалась органическая связь. Внутренние, напряженные нити работы биржи не видны человеческому глазу, только богатая интуиция и виртуальный опыт игрока позволяют овладеть ими и проложить свой путь к успеху. Взгляд Иверова на хаотичное движение котировок выявил четкую тенденцию. Каждый откат котировок сменялся их ростом во все большем размере. «Первые час-два можно ожидать их роста», — подумал князь. На счету Буйносова — три миллиона рублей. «Альфа-Банк» может предоставить кредит в размере 90 процентов от этой суммы. Иверов решил сыграть на все деньги — на пять миллионов семьсот тысяч рублей. Тут князь полностью ушел в совершенно другой, привычный ему мир, и все на свете потеряло для него смысл. Он распределил свой ресурс в зависимости от оборота голубых фишек в акции РАО «ЕЭС России», «Сургутнефтегаза», «ЛУКОЙЛа», «Ростелекома», «Газпрома». За полтора часа цены выросли в среднем на один процент. Прибыль уже составила пятьдесят семь тысяч рублей. Князь чувствовал неопределенность в конъюнктуре фондового рынка, поэтому никакого роста цен ждать не приходилось. Он решил проверить свое предположение и стал смотреть на график котировок купленных им акций. Результаты ошеломили его. За последние десять дней курсы акций выросли на пятнадцать — двадцать процентов. Рост шел непрерывно, без малейших спадов при стагнации мирового рынка. Господин Иверов прикинул отношение суммы ро-

ста курсов акций ко всем изменениям курсов. Итоги оказались поразительными. Столь невероятная картина состояния рынка не встречалась за всю его многолетнюю практику ни на одной бирже мира. Выходило, что рынок не просто перекуплен, а перекуплен несколько раз. Немыслимо высокое соотношение между числителем — суммой ростов курсов акций — и знаменателем — суммой всех изменений курсов акций — предвещало их немедленный массовый сброс. В современной теории фондового рынка аналогичная ситуация почти невозможна. Тут князю вспомнилась знаменитая тютчевская строка «Умом Россию не понять», и он громко рассмеялся. «Что-то случилось?» — услышал он женский голос и вспомнил, что рядом с ним сидит молодая женщина. «Думаю, что через час-два весь рынок обвалится». — «В этом есть что-то смешное?» — «Для меня несомненно. Я смеюсь великолепно выстроенной антилогике. Но я сумею выиграть». Он быстро продал весь пакет акций и тут же взял у «Альфа-Банка» кредит в пятьсот тысяч акций РАО «ЕЭС России» и четыре тысячи акций «ЛУКОЙЛа». Существует такая банковская практика — выдавать своим клиентам, игрокам фондового рынка, кредит акциями. Но «Альфа-Банк» больше ничего не смог предоставить, не хватало кредитного покрытия. Будучи уверен в силе своего предвидения, Иверов уверенно бросил молодой женщине: «Рынок в самое ближайшее время обрушится». Он виртуозно проделал следующий ход: продал полученные в кредит акции РАО по четыре рубля пятьдесят копеек, а «ЛУКОЙЛа» — по четыреста семьдесят рублей. «Для чего вы это сделали?» — поинтересовалась Мила Семирадова. «Когда акции достигнут самых низких отметок, мы купим необходимое количество акций обеих компаний,

чтобы вернуть их в счет погашения кредита. Таким образом мы заработаем приличные деньги. Теперь надо ждать, пока цены не скатятся в подвал». — «У нас есть время для расспросов?» — «Да!» — «Я хочу купить американские и глобальные депозитарные расписки на акции «Ростелекома» и «Сургутнефтегаза». Как это сделать?» — «Через систему «Интерсток» подключайтесь к операциям на берлинской бирже. Но чтобы купить эти расписки, необходимо открыть счет в евро в одной из стран Евросоюза». — «Поняла. Спасибо. Значит, пока это невозможно. Цена за акции РАО уже упала до четырех рублей двадцати пяти копеек. Пора покупать?» В эти минуты он жил своей привычной полнокровной жизнью человека кипучей страсти и холодного ума. Все его существо ждало победы. «В нашей ситуации торопливость может помешать. Еще на пару пунктов можно рассчитывать». Наконец цена скатилась до 4,1 рубля за РАО и 430 рублей за акции «ЛУКОЙЛа». Господин Иверов прибегнул к испытанному приему — он купил акции и моментально вернул свой долг «Альфа-Банку». Ловким маневром удалось успешно рассчитаться с кредитором. Чистая прибыль на этой операции составила 280 тысяч рублей. Успешно закрыв кредит, князь тут же приобрел один миллион бумаг РАО и четыре тысячи «ЛУКОЙЛа». В своих интуитивных расчетах князь опирался на огромный опыт, точнейшую аналитику и интеллектуальную изощренность игрока фондового рынка с мировым рейтингом. А они подсказали ему, что после обвала котировок неминуемо последует их коррекция. Действительно, к концу торгов акции РАО «ЕЭС России» поднялись в цене до 4,2 рубля, а «ЛУКОЙЛа» — до 445 рублей. Перед самым закрытием биржи Андрей Константинович с энергией спринтера продал все имеющиеся ак-

ции и заработал еще 160 тысяч рублей. Иметь финансовый ум и жажду к победе дорогого стоит. Вся прибыль, извлеченная 26 июня из игры на фондовой бирже, составила 397 тысяч рублей, то есть 13 процентов от стартового капитала. Это был потрясающий успех. Иверов сделал знак головой своему стажеру, дескать, все закончено, взял ее руку и с изысканной галантностью поднес к губам, как принято в аристократических салонах Франции, но совершенно не принято в России. «Спасибо, — сказал он, пристально взглядевшись в ее голубые глаза. — Эта было замечательное партнерство. Работа на фондовой бирже существенно отличается от игры в теннис. Но если бы, как в теннисе, в играх на бирже признавали бы смешанные пары, я обратился бы к вам с просьбой помочь создать команду. Уверен, что наша пара стала бы непобедимой на всех площадках мировых бирж. А сегодня ваше присутствие помогло нам выиграть. Вы талантливый человек, госпожа Семирадова», — произнес Иверов искренне, с безупречным благородством и прямоотой. Услышав панегирики в свой адрес, барышня смутилась. Между ее знаниями и мастерством, с которым она сейчас столкнулась, была невероятная дистанция. Как между Еленой Фурмен и Питером Паулем Рубенсом или как между Еленой Дьяковой и Сальвадором Дали. В течение всего дня князь ни разу не обратил на нее внимания, а тут вдруг делает ей игривый, пробуждающий честолюбивые мечты комплимент. Она не могла понять, что имел в виду этот таинственный мужчина, когда так пристально всматривался в ее глаза, целовал ей руку, произносил трогательные, красивые слова. Неискушенное юное создание, она растерялась, как юная студентка перед маститым профессором. Семирадова молчала. Да и что она могла сказать

своему наставнику в состоянии столь сильного душевного волнения? Она смотрела на князя, совершенно не понимая, кто он. Откуда взялся этот мужчина? Костюм и сорочка помяты, холеное лицо, пелена мечтательности в черных глазах и застенчивость, южный тип, едва заметный французский акцент, внутренняя собранность и внешняя небрежность. «Он то молчаливый, сухой, сосредоточенный наставник, — размышляла она, — то вдруг экспрессивный, доброжелательный партнер. Какой он на самом деле? К кому толкнул меня Буйносов? Для чего? Чтобы один день полюбоваться игрой замечательного мастера? Подняться, взлететь на вершину профессионализма?» — «Прощайте, я должен уходить. По договору с господином Буйносовым...» — «А он обещал, что вы останетесь в офисе на целый месяц», — робко вставила она. — «Месяц? Один игровой день!» Иверов усмехнулся и подошел к двери, чтобы открыть ее. Она не поддавалась. Андрей Константинович насутился. С озабоченным видом человека, обдумывающего, как поступить дальше, он стал шагать по комнате из угла в угол. Было видно, что он понял свою ситуацию и нашел ключ к ее разрешению. «Буйносов, видимо, решил подселить ко мне этого ангела в надежде, что я увлекусь ею и останусь здесь, чтобы сорвать невинность. Да, вероломство этого человека безгранично». Иверов подошел к окну. Этажом ниже он увидел балкон. Князь стал раздумывать над следующим шагом. «Я сейчас на третьем. Балкон на втором этаже, — думал он. — Оттуда до земли — не более семи метров. Это не та высота, которая способна меня остановить. Впереди совершенно другой мир. Но какая банальная развязка! И какое острое ощущение! Какой сильный зов нового бытия!» Он шагнул к встревоженной барышне, взял ее за руку

и отрывисто, казалось, с потаенной надеждой увидеться вновь, сказал: «Прощайте. Удачи вам в жизни». Юная дама оцепенела. Все произошло неожиданно и молниеносно. Понимала ли она свое состояние? Какие-то неведомые, волнующие чувства ворвались в ее душевный мир. Но она и вообразить себе не могла, что именно задумал ее странный наставник. Андрей Константинович приблизился к окну. Июньское солнце осветило спортивную фигуру князя, бросило сверкающий отблеск на черные короткие волосы. Он отворил окно, как-будто распахнул перед миром собственную душу, и разом, точным движением гимнаста перепрыгнул через подоконник и опустился на балкон второго этажа, а затем, не раздумывая, спрыгнул вниз — на столичную мостовую.

Затаив дыхание, Мила Семирадова долго смотрела ему вслед. Андрей Константинович так и не оглянулся.

Глава XIX

Госпожа Сисмонда Паппалардо неподвижно сидела в кресле и, обхватив руками колени, с нетерпеливым любопытством ожидала пробуждения своих жертв. Капуцин, завернутый в махровое полотенце, безмятежно спал, а тревожный сон его хозяйки разительно отличался от умиротворенного состояния животного. Элизабетт Понсэн съезжилась на диване, сраженная страхом. Ее морщинистое с желтизной лицо выражало беспокойство, а хрупкое тело частенько меняло позы в тщетном поиске умиротворения. Внешне собранная и даже задумчивая, госпожа с берегов реки Арно сознательно вытравляла из памяти события последних дней, продолжая чертить в уме план хищения иверовского капитала. Флакон со спермой князя, хранящийся в тайнике, покуда был единственным залогом того, что ей удастся получить часть огромного состояния Иверова. Но козырная карта будет разыграна последней. Поначалу ей хотелось испробовать набор собственных ухищрений, чтобы полностью овладеть ситуацией, а не оказаться заложницей модистки из Лондона. Когда-то она довольствовалась двадцатью тысячами лир,

гадая туристам, а бурное время перемен изменило не только курсы валют и благосостояние итальянцев, но и ментальность энергичных, талантливых людей. Погоня за деньгами стала для многих состязанием, олимпийскими играми, чемпионатом. Компромиссов в этом соревновании ловцов капитала нет и быть не может! Чем больше денег на личном счету, тем выше степень восхищения общества, тем громче восторженные голоса окружающих, звонче колокола признания. Она мечтала вырвать эту победу у своих соперников. Золотую медаль она не хочет делить ни с кем, и истории уступок в Солт-Лейк-Сити были не для ее натуры. «Глупые простофили, — твердила Паппалардо, — и слабые духом, прочь с дороги, освободите место триумфатору, не отвлекайте его пустяками, дайте сосредоточиться на главном. Вам все равно не видать состояния Иверова, как слепому — росписи Сикстинской капеллы в Ватикане, как глухому — не слышать музыки великого Россини». В этот момент глазки фавна открылись, забежали по комнате, и взгляд его неожиданно остановился на лице Паппалардо. Флорентийка взяла капучина на руки, принялась гладить болезненную мордочку и громко, чтобы пробудить от наркотического сна госпожу Понсэн, обратилась к Мишелю. «Дорогой мой! Слава Богу, ты очнулся. Это я, врачевательница и гипнотизер Сисмонда, чудом воскресила тебя, уберегла от могилы. Это я, Паппалардо из Флоренции, спасла жизнь твоей хозяйке, замечательной даме из ближайшего окружения нашего любимца — князя Иверова. Это я, друг вашей семьи, способна вернуть Андре́ Иверова в Ниццу. Пойми, Мишель, мной движет не только милосердие, поступки мои вдохновляются не только человеколюбием, которого у меня в избытке. Порывы моей души продиктованы

любовью и глубоким уважением к Элизабетт, такой яркой, такой незаурядной женщине. Она предана князю, как настоящая мать, для всех других — она Мать Тереза, в ней нет и грана меркантильности, она знает, кому доверять, а с кого спрашивать», — флорентийка бросала пристальные взгляды на госпожу Понсэн. Ей даже хотелось ущипнуть фавна, чтобы тот закричал, она жаждала, чтобы рухнул книжный шкаф, с грохотом опрокинулся буфет с посудой, чтобы по комнате с оглушительным ревом пронесся мотоцикл, чтобы какая-то сверхъестественная сила пробудила хозяйку квартиры, дабы до ее слуха донеслась ее льстивая речь, изливания наигранных увств. Эта женщина была столь же коварна и вероломна, сколь сентиментальна и доброжелательна. Она с удовольствием выманивала деньги у своих жертв, грабила и с помощью различных ухищрений прижимала к стенке. Но она никогда не смогла бы замучить жертву насмерть или оставить ее голой и босой. Сисмонда Паппалардо была способна на многие мерзости, но всегда сторонилась крайних проявлений вероломства.

По всем признакам наркотический сон ослабевал, возвращая юриста к жизни. Действительно, многое из сказанного женщиной с берегов реки Арно дошло до слуха хозяйки квартиры и было воспринято ее пробуждающимся сознанием. «О, мой славный Мишель, если бы ты понимал, как дорого ценится длительное созерцание добродетелей твоей повелительницы», — продолжала раскручивать клубок интриги флорентийка. Однако, интуитивно чувствуя, что Элизабетт Понсэн уже очнулась или близка к пробуждению, Сисмонда отвела от нее пристальный взгляд, боясь встретиться с ней глазами, и теперь смотрела лишь на фавна. — Твоя госпожа -это ангел во плоти, исполнение

долга для нее превыше всего на свете! Ее необыкновенный талант, сердце, исполненное любви и преданности, помогут преодолеть любое самое невероятное препятствие, стоящее на пути вашего благополучия. Ее главное призвание — дарить князю Иверову, тебе, Мишель и людям, которым она доверяет, — свою безграничную любовь. Я приложу все силы, чтобы ты выздоровел, окреп, я уверена, что мы с госпожой Понсэн вернем нашего любимца Андрэ Иверова во Францию». В этот момент Сисмонда Паппалардо почувствовала прикосновение чужой холодной руки. Она быстро поднесла руку юриста к своим губам, взглянула ей в глаза и быстро произнесла: «О, как я счастлива, ты ожила. Я использовала все свое умение врачевать, призвала всех святых, чтобы вытащить вас обоих из могилы. Моя дорогая Элизабетт, в нашем возрасте чрезвычайно опасно так глубоко отчаиваться. Надо держать себя в руках, ведь спасение Иверова стало для тебя целью жизни. Я права? Скажи мне, пожалуйста, я близка к истине?» — «Да! Конечно!» — еле выговорила госпожа Понсэн глухим голосом, и глаза ее стали наполняться слезами. Ее бледное лицо, дрожащие синюшные губы, отяжелевшие веки, вздувшиеся вены на висках убеждали Паппалардо, что состояние хозяйки квартиры отнюдь не безупречно. «Как ты себя чувствуешь, дорогая Элизабетт? Надеюсь, тебе стало лучше. Глаза твои посветлели, пульс выровнялся, а Мишель просто умница, он добросовестно помог мне проделать все процедуры и ожил», — промолвила Сисмонда. В это незамысловатое выражение нежности она вложила столько негативной энергии, что нервы больной расстроились еще более. «Мне очень худо. Неужели я умру, не повидав Андрэ?» — «Элизабетт, я надеюсь, что ты беспрекословно будешь исполнять мои рекомендации. Лишь в этом случае я

могу спасти тебя, убереечь капуцина и вызволить Иверова», — каким-то заговорщицким шепотом произнесла она. — «Спасибо! Ты моя единственная благодетельница», — слабым голосом сказала госпожа Понсэн. Она попыталась пожать флорентийке руку, ей это оказалось не по силам. Казалось, что юрист ощутила дыхание смерти. Но какой тяжелой больной не ценит чуткости и внимания, состоящего из сотни мельчайших услуг, чуткости голоса, оберегающего его здоровье, душевных порывов, которыми одаривает его сиделка, чтобы облегчить страдания? Не мудрено, что в минуты особого упадка сил, даже сухая и черствая дама, какой была юрист князя Иверова, оказалась столь отзывчива на заботу о ней. «Никогда в жизни я не встречала женщины, которая бы так нежно оберегала поверженных недугом людей, с таким воодушевлением лечила животных. Ты, Сисмонда, образцовая католичка!» — задыхаясь от переполнявшего ее чувства благодарности, сказала Элизабетт. Паппалардо коснулась пальцами ее губ: «Пожалуйста, помолчи. Это сохранит силы и пойдет тебе на пользу. Когда я вошла в эту квартиру, я нашла тебя и фавна в жутком состоянии: он был в коме, а ты с сердечным приступом и еле дышала. Мне тогда показалось, что силы преисподней пытаются отнять у Бога твою замечательную душу. Мой опыт вместе с божеской помощью взяли верх. Вы остались живы! Кстати, ты помнишь, в три часа дня к нам на яхту «Святой Дух» привезут российского дипломата. Через полчаса надо начать собираться. Как ты себя чувствуешь? Готова ли ты пойти на эту встречу?» — «Смогу ли я? Я еще слаба», — еле слышно промолвила госпожа Понсэн. «Ты угнетена печальными и мучительными мыслями. Твое женское сердце полно сострадания к князю. Переступи через это. Чтобы помочь ему, тебе необходимо здоровье. Я дам

взбадривающие капли, они быстро поставят тебя на ноги. Без твоего профессионализма мне трудно рассчитывать на успех в переговорах с русским». Она открыла свою сумочку, отыскала нужный флакончик, взяла чайную ложку и отсчитала семь капель экстракта ароматного коккового листа. Эта жидкость быстро восстанавливала силы, позволяла забыть о горестях и невзгодах. Впрочем, пару часов спустя она вызывала в человеке слабоволие, угнетенность и депрессию. Как планировала флорентийская колдунья, латиноамериканские капли должны были стать главным инструментом покорения психики и воли госпожи Понсэн. «Ну и горечь», — скривила болезненное лицо юрист. «Знай, дорогая, — доверительным тоном сказала Паппалардо, — эта жидкость поможет тебе, она как эликсир жизни. Я хочу видеть вас всех здоровыми, счастливыми, стремящимися любить и уважать друг друга. Мне, одинокой немолодой женщине, нет другой отрады, как видеть симпатичных людей, живущих под сводами звездного неба в христианском согласии».

Действительно, не прошло и нескольких минут, как юрист посвежела, приподнялась, обняла капуцина, чмокнула его в мордочку и, обращаясь к флорентийке, коротко сказала: «Я молюсь за тебя!» — «Хотела бы я слышать твои молитвы, когда я начну требовать от тебя иверовские деньги! — мелькнуло в голове Сисмонды. — «Мишеля надо взять с собой, его состояние заметно улучшилось, но он еще нездоров» — произнесла вслух Паппалардо. — У меня с собой сумочка с набором лекарств. Никаких неприятных неожиданностей быть не должно». — «После всего пережитого я теперь никогда не оставлю его в квартире одного». — «Наши мысли совпали». — «Не могу себе даже представить, что Мишель страдает. Тяжело думать

об этом». — «Я принимаю все так близко к сердцу, что чужие переживания и человеческая боль не могут быть мне безразличны. Ты готова? Поехали!»

Шел четвертый час. Солнце стояло в зените и палило так беспощадно, что, казалось, все живое, поджаривалось на раскаленной сковородке. Rolls-Royce Seraph подкатил к мега-яхте «Святой Дух». Из него выскочил господин Шиндяпкин. Он с какой-то патологической жадностью стал осматривать судно, то и дело шепча себе под нос: «Вот так штукавина, ничего себе собственность!» Российскому дипломату хотелось все увидеть, ощупать каждый сантиметр этого рукотворного чуда, понять функциональные особенности сложных, блестящих на солнце механизмов, и он взбежал на корабль, как победитель — на пьедестал, чтобы получить лавровый венок. В душе господина Шиндяпкина бесы зависти издавали сейчас какой-то восторженный визг, заставляя всесторонне познать предмет обожания, чтобы затем беспредельно его возненавидеть. Но как только российский дипломат ступил на палубу, его встретили четыре пары озабоченных женских глаз. Госпожа Анна-Валери Болль, конечно, не смогла бы запомнить столь экзотическое имя российского чиновника, как «мсье Шиндяпкин». Ни с кем не посоветовавшись, она решила обращаться к нему «Ваше Превосходительство». Впрочем, она была не так уж и далека от истины: ведь если бы господин Шиндяпкин был не вице, а Генеральным консулом, то именно так и надлежало бы к нему обращаться. Гость впился глазами в лица женщин, с которыми ему предстояло общаться. «Эта слева на Клавку похожа, больше ста килограммов потянет, совершенно не востребовавшийся материал, — стал размышлять Кузьма Иванович, — а старушенция

в центре, видимо, мать Иверова, злость из нее так и прет. Рядом с ней — рыжее страшилище, только после полного пятилетнего сексуального воздержания на такую взглянуть можно. А справа? Вот эта девка на нашу красотку похожа. Жена или дочь? Ух, такая в угол попадет — не отпущу! Сама природа вопиет!» — «Ваше Превосходительство, пожалуйста за мной в гостиную. На палубе слишком жарко», — произнесла госпожа Болль подготовленную фразу. «Я не против, но только после милых дам». А сам подумал: «Красотка пойдет последней. Можно к талии прикоснуться. Ух!» Российский дипломат обладал той залихватской бесшабашностью, которая порождает презрительный цинизм и пренебрежительное отношение к этикету. Кузьме Ивановичу, типичному российскому обывателю, было совершенно наплевать, что о нем подумают и какое впечатление он произведет на окружающих. Такие люди мыслят ordinarily: они меня сами пригласили, значит, во мне нуждаются, а тогда пусть терпят мою беззастенчивость. Есть выражение: «вдохнуть душу». Но в таких типов, как господин Шиндяпкин, «вдохнуть душу» было бы невозможно. Такие люди бездушны по природе. У Кузьмы Ивановича вместо души человеческой было скопище пороков, тьма тьмущая грехов и ведро помоев.

Когда красотка Марч перешагивала порог гостиной, господин Шиндяпкин, так сказать, «помог» ей, подхватив ее под локоток. Модистка из Лондона тут же отреагировала презрительным взглядом. «Ух! Какая кусачая девка», — подумал российский дипломат. Впрочем, инцидент не был замечен публикой. Все расселись. Слово взяла госпожа Болль: «Ваше Превосходительство! В минувший понедельник, 24 июня, у вас побывал близкий нам человек, князь Андрэ Иверов. Мы готовы вознаградить вас приличной

суммой денег, чтобы уточнить цель и детали этого визита...» — «Вам известны законы Франции, запрещающие давать информацию о частной жизни граждан?» — «Да! Вы уже напомнили мне об этом во время нашего телефонного разговора. Поэтому мы даем вам три тысячи евро, чтобы знать...» — «Я готов выполнить вашу просьбу чрезвычайно деликатного свойства, но попрошу за мою услугу десять тысяч евро». Болль взглянула на госпожу Понсэн, потом на Сисмонду Паппалардо. Их глаза ничего не выражали. Вдруг все услышали голос Жаклин Марч: «О'кей. Вы получите ваши десять тысяч». — «Вначале деньги, потом все остальное». — «Но у меня нет такой наличности. Кто из вас, — обратилась Марч к присутствующим дамам, — одолжит мне до завтра десять тысяч евро?» — «Я сама расплачусь!» — бросила Паппалардо и вышла из гостиной. Наступила тишина. Шиндяпкин встал, прошелся по залу и начал с деланным интересом рассматривать картины. Когда вернулась флорентийка, он уселся на прежнее место. «Вот, возьмите свои деньги и приступайте к рассказу», — Паппалардо подошла к столику, за которым сидел дипломат, аккуратно уложила перед ним пачку купюр, налила себе черного кофе и приготовилась слушать. «Вначале я хотел бы знать: кто его ищет? Могу ли я просить уважаемых дам представиться и объяснить, кем вы приходитесь Андрею Константиновичу Иверову? Хочу заявить, что господин Иверов въехал на территорию России по российскому паспорту, поэтому все отношения с ним могут строиться исключительно в правовом поле Российской Федерации. Кто вы ему? — обратился чиновник к Жаклин Марч. «Я... я невеста!» — «В России такого юридического статуса нет. А вы?» — взглянул он на Анну-Валери Болль. «Я старая приятельница». — «То есть, никаких родственных связей нет.

Теперь вы?» — указал дипломат на госпожу Понсэн. — «Я Элизабетт Понсэн, его адвокат и временно управляющий всем его имуществом». — «У вас есть заверенный нотариусом и утверждённый апостилем документ, подтверждающий ваш статус?» — «На территории Франции в этом нет необходимости...» — «В России с вами никто разговаривать не станет. Как юрист вы должны понять свое бесправное положение. А кем вы приходитеесь Иверову?» — уставился он на Паппалардо. «Я его кузина. Иверов по матери — итальянец. Его мать и моя — родные сестры». — «Есть документы?» — «Конечно». — «Какая самоуверенная лгунья», — мелькнуло в голове Анны-Валери Болль. «По существующему праву вы являетесь родственником третьего круга. Скажите, пожалуйста, есть ли у него более близкие родственники?» — «Нет». — «Госпожа Понсэн, можно у вас поинтересоваться, какой собственностью вы управляете?» — «Всеми активами Иверова». — «Их оценочная стоимость?» — «Уважаемый! Вы находитесь во Франции. Такие конфиденциальные вопросы с посторонними не обсуждаются, — вмешалась флорентийка. — Вы запросили десять тысяч? Они перед вами. Берите деньги и рассказывайте или покиньте яхту». — «Позвольте, кто желает найти Иверова? Может быть, дипломат Шиндяпкин? Передо мной ваши опечаленные лица, именно вы пригласили меня помочь найти князя Андрея Константиновича Иверова. У меня складывается впечатление, что вы не имеете никакого опыта общения с государственными служащими. Если мои вопросы задели ваше самолюбие, значит, можно предположить, что в этой истории присутствует какая-то тайна. В ваших интересах открыть мне ее. Тогда розыск будет более продуктивным». — «Никакой тайны здесь нет. Мы разыскиваем близкого человека», — развела руками госпожа

Болль. «Это вы так говорите, а у меня другое мнение. Впрочем, об этом позже. Итак, имеются два способа отыскать князя. Первый — официальный. Но чтобы включить этот механизм, мне потребуется заявление родственников, заверенное нотариусом. Это путь долгий и мучительный. Бюрократы всех стран, получив такое задание, не торопятся. Устраивает ли вас это? Думаю, что нет! Пройдут месяцы, быть может, годы, пока придет первая весточка. Второй путь — частный розыск. — Тут российский дипломат запнулся, подождал, подумал, потом вдруг взял со стола пачку денег и опустил ее в задний карман брюк. — Здесь результат может быть просто мгновенным. Сегодня соглашение — завтра князь. И не в Москве, а в аэропорту Ниццы. Ну, как, подходит?» — «Этот мерзавец ломает всю мою игру», — с горечью подумала флорентийка. «Скажу вам больше: близкие мне люди общались с ним в Москве в понедельник вечером. Он у вас большой оригинал. Говорят, что он очень богат. Да об этом пишут все газеты. А людям с таким огромным состоянием находиться на московских улицах небезопасно. Впрочем, не только на московских — лондонских, парижских, нью-йоркских... Уважаемые дамы, — Шиндяпкин понизил голос, словно кто-то мог его подслушать, — думаю, что нам следует немедленно организовать круглосуточную охрану Андрея Константиновича. Ведь его могут распознать, выкрасть, потребовать за него выкуп». — «Боже мой, несчастный Андрэ...» — зарыдала госпожа Понсэн. «Необходимо торопиться с *in vitro*», — промелькнуло в голове у Марч. «Плакали мои гонорары», — подумалось Анне-Валери Болль. «В нашем генконсульстве многие слышали о владельце огромного состояния. Так вот, представьте себе, что один из энергичных сотрудников консульства наберет нужный номер в Москве и пере-

даст информацию, что, дескать, в городе с частным визитом находится миллиардер Иверов. Да еще добавит, что за ним замечены болезненные странности. И что он в Москве никого не знает. Из аэропорта Шереметьево я запросил его таможенную декларацию: при въезде в Россию он задекларировал десять тысяч долларов и шестьсот евро, а кредитные карточки в декларации не значились. Час спустя свои десять тысяч долларов он отдал какой-то незнакомой молодой женщине. Это ли поступок здорового человека? Вы хотели со мной распрощаться? Ну, тогда я пошел». Кузьма Иванович встал и сделал несколько шагов к выходу. «Необходимо срочно пригласить этого негодяя в партнеры, — подумала Паппалардо. — «Минутку, — остановила она его. — Вы хотели что-то предложить?» — «Да! Но не всей вашей компании. Для конфиденциальной беседы из вас всех я бы выбрал кузину князя. Она самая дерзкая, а значит, может самостоятельно принимать решения. Вы готовы?» Флорентийка подошла к госпоже Понсэн. «Что делать?» — наклонилась она к ее уху. «Торопись спасти Андрэ. Бог помог тебе спасти жизнь Мишелю, а меня вывести из глубокого кризиса. Буду молиться, чтобы Он помог тебе вернуть нам Иверова. Сама я не смогу быть соучастницей такой интриги. Иди, дорогой друг. И помни: моя дальнейшая жизнь возможна, лишь, если рядом будут Иверов и мой маленький Мишель». — «А я, госпожа Понсэн?» — «Да-да, и ты тоже» — «Я вас люблю». — «Торопись!» — «Пожалуйста, следуйте за мной», — обратилась к дипломату Сисмонда Паппалардо. «Никак не пойму, почему невесте нельзя присутствовать?» — обратилась ко всем сразу Жаклин Марч. Кузьма Иванович отреагировал молниеносно: «А потому, что сегодня вы невеста одного, завтра — другого, послезавтра — третьего!» — «На каком основании вы

оскорбляете меня?» Шиндяпкин не счел нужным ответить. Первый раз в жизни красотка из Лондона оказалась мишенью для презрительной реплики. Ей не оставалось ничего другого, как покинуть гостиную. «Еще посмотрим, кто будет в дураках», — пронеслось в ее надменной, честолюбивой головке. Господин Шиндяпкин будто и не слышал реплики Марч. «Этот тип хорошо осадил заносчивую красотку», — усмехнулась про себя Болль. «Правильно, пусть воспитывает молодую особу, убежденную в том, что внешностью можно покорить мир», — мелькнуло в голове у Паппалардо. Российский дипломат и флорентийка вышли из салона, проследовали по судну и расположились в каюте, где в прежние времена гости играли в карты. «Слушаю вас!» — Сисмонда вся обратилась в слух. «Россия — страна безумно дорогая. Тарифы на все виды сервиса, особенно деликатного характера, очень высоки. В чем заинтересованы лично вы? Убежден, что прежде всего — в наследстве. Ведь ваш князь — душевно болен. Да и кузен ли он вам? А богатство — не для сумасшедших. Я вспоминаю наше с ним общение, его поведение в Москве, детально обрисованное моими людьми: поступки князя характеризуют его как полного идиота. Если вы хотите заполучить его огромное состояние, возьмите меня в партнеры. Без Шиндяпкина вам не обойтись. Поторопитесь с ответом, время сейчас работает против нас...» Сисмонда Паппалардо задумалась. Она почувствовала себя окруженной глухой стеной. В таком безысходном положении она еще никогда не бывала. Страсти накалялись. Проблемы обострялись. А ей нужно было принимать решение. Сейчас она производила впечатление человека, обремененного своим одиночеством — с одной стороны, а с другой — она была окружена охотниками за брошенным богатством сбежавшегося

князя. За капиталом Иверова уже выстроилась очередь: Болль, Марч, теперь Шиндяпкин. Кто будет следующим? Она не сомневалась, что вслед за российским дипломатом явятся новые персонажи. «Что же делать, какой ответ дать этому проходимцу, который вцепился в эту историю мертвой хваткой, - думала она. — По всему видно, что с первых минут общения с князем он начал плести свою паутину. Надо же, он даже успел запросить московскую таможеню, что именно задекларировал при въезде в Россию Иверов. Хитер этот российский дипломат и на деньги у него нюх, как у шакала — на падаль. Мне предстоит сложнейшая игра, как Клеопатре против ее брата Птолемея, как Анне Австрийской против Ришелье. Уверена, он уже имеет свой сценарий присвоения состояния князя. Но какой?» Тут флорентийская колдунья бросила столь обличающий взгляд на Шиндяпкина, какой редкий прокурор бросает по ходу своей обвинительной речи на физиономию обвиняемого. «Чувствую, что вы давно открыли охоту на Иверова, — произнесла она. — И это обстоятельство породило у меня дерзкую мысль: а почему бы не ознакомиться с вашим планом? Вы, видимо, мастер в таких делах. Разумеется, мне не доставит удовольствия наблюдать, как вы станете потрошить состояние моего кузена. К слову, не забудьте, что в случае, о котором не говорят вслух, приличная часть его активов по решению суда отойдет мне. Закон есть закон! Но я совершенно не стремлюсь к этому. Я скромный художник по текстилю, и мои девять тысяч евро в месяц меня вполне устраивают. Ни у меня, ни у князя нет потомства. А эта красотка Марч, или, как она себя называет, «невеста», плетет свои интриги, хитроумно пробираясь к основному телу капитала. Вся наша малочисленная семья всегда была против этого союза. Представляете, эта куртизанка,

живущая на деньги Иверова, привезла в Ниццу своего любовника Алесандро Тимпери и поселилась с ним в гостинице «Негреско». Как вы догадываетесь, вопрос, на чью сторону встать, не столь сложен. Моя задача — спасти потерявшего рассудок кузена. Я дорого заплачу тому, кто вернет его во Францию. Но для окончательного принятия решения я обязана выслушать ваш план. Меня интересует только одно: есть ли в нем человеческая составляющая? Или это чистый криминал?» — «Если вы окажете мне помощь, ваш кузен обязательно вернется на Лазурный берег, а вы получите приличные дивиденды». — «Вы не о том говорите. Если бы мне нужны были деньги, я смогла бы их получить в любом количестве. Иверов очень добрый человек. Я интересуюсь деталями вашего плана. Вопрос не праздный: как вы заставите князя раскошелиться? Его сознание преисполнено странными фантазиями, но он человек неглупый, и провести его на мякине у вас нет никаких шансов. Открою вам секрет: ему не нужны деньги. Он был бы беспредельно счастлив, если бы случайно потерял весь свой капитал. Но потерял случайно, по независящим от него причинам, при форс-мажоре. Но вот надуть себя он никому не даст. Я сама сторонник того, чтобы у него не было никаких активов. От них одни беды и расстройство души. Но пытаться выманить у моего кузена деньги бессмысленно. Впрочем, рассказывайте о своем плане, меня это очень занимает. Художники по текстилю интересуются блестящими интригами. Они помогают нам создавать новые сюжеты для современных тканей в стиле «ретро». — «Вам действительно не жалко денег Иверова?» — «Конечно, от них он сам отказался». — «Как отказался?» — «Андрэ недавно спросил меня, не хочу ли я управлять его капиталом и тратить его по своему усмотрению. Я отвергла его

предложение, у меня куча своих проблем. Тогда он переписал на госпожу Понсэн все права на свою недвижимость и денежные активы. Она порядочная женщина, много лет проработавшая с моим кузеном. Но они ей тоже не нужны. На сегодняшний день несколько миллиардов евро не могут найти себе хозяина. Единственный реальный претендент на них — красотка Марч. Но мы настроены против этой выскочки. Она провела одну ночь с князем и тут же объявила себя его невестой. Вы правильно заметили: сегодня — она невеста Иверова, завтра — Лафонтена, послезавтра — Берлускони. Такие нравы! Я жду вашего рассказа...» Флорентийка наблюдала за Шиндяпкиным, как внимательный врач за богатым и капризным пациентом. Ее интересовало в нем все: зависимость выражения глаз и ширины зрачков от состояния его души, реакция на дерзкие слова, движения рук, умение слушать собеседника, мимика, увлеченность и страстность, смущенность и агрессивность. Когда она присмотрелась к его личности, ее напряжение, подобно морскому отливу, начало спадать, озабоченность сменилось хладнокровным спокойствием, а тревога — благоразумием. «Какая жалость, — подумала она, — что боя достойных соперников не будет. Я уже подумывала, что судьба свела меня со львом, готовым вырвать у меня добычу, но на поверку оказалось, что российский дипломат — дворовый пес, который грозно лает, но тут же поджимает хвост при виде лакомой кости». Такое умозаключение вызвало в Сисмонде Паппалардо глубокое разочарование. Ей хотелось вступить в борьбу с равным, она жаждала блеснуть умом, проявить все свои знания, чтобы победить противника. Но ее диагноз был убийственным: Шиндяпкин оказался человеком, стоящим по уровню где-то далеко внизу. Неинтересным! Она взглянула на него

иронически и пристально, словно женщина с полотна Леонардо да Винчи «Портрет дамы с горностаем», и тихим, но чрезвычайно требовательным голосом произнесла: «Синьор! Жребий брошен! Начинайте осуществлять свой коварный план с исповеди. Рассказывайте все откровенно — иначе я вас выгоню. Бескорыстному человеку сделать это очень легко». Запомните, синьор, там, где торжествует ложь, там, где слова пропитаны обманом, там, где язык отравлен ядом и где нет ни искры надежды, — всегда льется кровь...» Он уже был ей скучен и противен. Но она находилась под обаянием собственных поучительных наставлений, которыми обильно одаривала его. Это ее нынешнее состояние было схоже с чувствами, которые она испытывала при изготовлении эликсиров и отравляющих снадобий. Ей было приятно сознавать свое превосходство над всеми фигурантами интриги вокруг Иверова. «Как все примитивные люди, он возбуждается от собственного пафоса. В громкие слова легко вплетаются коварные замыслы. Как я недавно себя накручивала: Птолемей! Ришелье! А его, оказывается, просто впрягай в оглобли да погоняй», — горько усмехнулась она про себя. «Мужчина, увлеченный интригой, не знает границ, — гордо заявил Шиндяпкин, скидывая голову. — У нас говорят: «Поскреби русского — найдешь татарина». Я вспомнил эту фразу для того, чтобы продолжить свою мысль: поскобли интеллигента — найдешь злодея! А еще в России говорят: «Не надо чистить перья перед посещением сауны». Правильно ли я вас понял? Вы не против моей охоты за состоянием князя, но только все должно быть проделано в белых перчатках?» Флорентийка молчала. Серьезный тон, воспаленные глаза и высокопарный слог россиянина рассмешили ее: «Я погружаюсь в интригу с таким же увлечением, с каким Жорж Сименон

начинал писать свои детективы. Bravo! — усмехнулась она про себя. — Неужели все русские такие банальные?» — «В Москве у меня есть знакомая женщина. Ее зовут Софья Вараксина. Она будет моим главным партнером в атаке на капитал князя. Мы с ней составим такой сценарий, что ваш кузен сам принесет нам с вами денежки. Не смотрите на меня со снисхождением, у меня большие связи в России, да и сам я многое могу». — «Никакого плана у него нет, но как статист, источник информации, как жупел для Понсэн он может подойти», — подумала Паппалардо. «Например, я могу говорить, как чревоушатель». — «Неужели?» — язвительно спросила флорентийка. «Разрешите продемонстрировать?» — «Если это недолго». Кузьма Иванович заговорил своим необычным образом. «Вы что, циркач? Мило, мило. Но вернемся к нашей теме, — флорентийку совершенно не заинтересовал столь редкий талант российского дипломата. — Когда у вас будет четкий план, я готова вас выслушать. Уверена, что такой опытный человек, как вы, придумает что-то невероятное. Я отдам свои сбережения, если вы позволите мне заснять для семейного архива сцену, когда Иверов сам принесет вам деньги. Будет великолепная лента. Итак, мы заканчиваем. Звоните мне, когда у вас появятся новости. Меня зовут Сисмонда Паппалардо. Я дам вам все свои телефоны». — «Прекрасно. Завтра же я вылетаю в Москву. Я сам подключусь к поиску Иверова. Скажите, какой суммой я могу располагать, чтобы взять под охрану князя?» — «Вначале его надо найти», — недовольным тоном сказала флорентийка. — «Разумеется». — «Вы подсчитали, во что обойдется ваше мероприятие?» — «Пять человек, двенадцать часов. Смена — сутки через трое. Итого — двадцать человек. Каждому по две тысячи долларов в месяц. Это сорок тысяч. Две машины по

тридцать тысяч. Это уже сто тысяч. Плюс зарплата шефа, который будет держать связь между мной и охраной. Еще десять тысяч. Другие непредвиденные расходы. Думаю, ста пятидесяти тысяч в месяц будет достаточно. Что, много?» У Сисмонды Паппалардо тут же созрел гениальный план. «Таким дешевым экспертам я бы никогда не доверила охранять любимого кузена. Вы в своем уме! Что за охрана в пять человек для лица, владеющего миллиардами? Своей охране во Франции он платил по двадцать тысяч евро в месяц. Откуда вы взяли, что пяти человек достаточно? Где это написано? Наймите десять, пятнадцать, двадцать. Возьмите ручку и не на словах, а на бумаге, перечислите все необходимые расходы. Синьор! Скупой платит дважды! Не жадничайте, включайте в смету самое современное оружие, последние новинки техники, передовые технологии. Я должна быть уверена, что мой кузен в безопасности. Объем затрат меня совершенно не интересует. — «Если это твой бизнес, дурень, то именно ты за все должен платить, — фыркнула про себя флорентийка, а вслух продолжала. — Как вы думаете, если русская мафия узнает о богатстве Иверова и выкрадет его, чтобы потребовать выкуп, то сколько они запросят? У нас бы потребовали сто миллионов евро». — «Честно, не знаю. Миллионов десять — пятнадцать». — «Вы не знаете, что такое мафия. Вы государственный чиновник и, слава Богу, далеки от этой публики. Я думаю, они попросят не меньше, чем во Франции или в Италии, даже значительно больше. Все газеты пишут о жестокости русской мафии. Запишите на всякий случай и эти возможные расходы, чтобы знать весь бюджет этого предприятия». — «Вот дура, — подумал про себя Шиндяпкин, — она подсказывает мне, сколько денег я смогу получить, если сам найду Иверова. Этих итальянцев не зря в Европе

называют «макаронниками». Сто миллионов евро. Даже дух перехватило. А я запишу сто пятьдесят миллионов! Кто проверит? Имея такие деньги, можно легко, за пять — семь миллионов, купить должность министра. И весь мир прочтет Указ Президента России: «Господин Шиндяпкин К.И. назначен Министром иностранных дел Российской Федерации». Ох, как я рога пообломаю своим нынешним начальникам! Помогите, Господи! Эта Паппалардо — дуреха, но славная баба. И абсолютно равнодушна к деньгам. Бабы что в России дуры, что в Италии или во Франции. Никчемный материал». Кузьма Иванович записал отдельную графу: «Возможное требование за выкуп Иверова — сто пятьдесят миллионов долларов». А про себя подумал: «Россия — долларовая страна. Мы все считаем в долларах. Евро тут не пойдут». Бюджет расходов по возвращению во Францию целого и невредимого Иверова российский дипломат оценил в сто семьдесят миллионов долларов. Когда он сам увидел написанные им цифры, то понял, что его жизнь приобрела новую цель, и он готов полностью посвятить себя ее достижению. Мысли его теперь были заняты лишь Москвой и господином Иверовым. Он быстро убедил себя, что его призванием была не карьера скромного дипломата, а принадлежность к сильным мира сего. Теперь господин Шиндяпкин источал самовлюбленность, не меньшую, чем у Нарцисса. От столь невероятных цифр и порожденных ими фантазий сердце российского дипломата загорелось восторгом, горло перехватило. Когда эту же бумагу увидела флорентийка, ее внутренней радости не было предела. «С учетом инфляции или без нее?» — спросила она у почти обезумевшего российского дипломата. «Признаюсь вам честно — не знаю. А как правильно?» — «Допишите фразу: «Без учета инфляции» и поставьте сегодняшнюю

дату, чтобы не было споров, какую сумму начислять дополнительно, когда Андрэ окажется во Франции». — «Ах, да! Правильно, спасибо. А как пишется слово «инфляция?» — «По-итальянски пишется «inflazione», по-французски — «inflation». На другой стороне листа запишите номер телефона и большими, разборчивыми буквами вашу фамилию. Мне кажется, я ее никогда не смогу выговорить: Шанапкин, Шадапкин, Шувапкин...» Кузьма Иванович усмехнулся, буркнул что-то себе под нос и энергично стал выполнять поручение Сисмонды Паппарардо. «Можно ли надеяться, что вы будете молчать о нашем разговоре? Не дай Бог, если подробности попадут в прессу: «Кузина Иверова готовит план ограбления родственника». Вы понимаете, чем я рискую?» — «Клянусь. Вот вам крест», — тут Кузьма Иванович перекрестился и широко раскрыл глаза. «Верю!» — сказала она, заливаясь смехом. Это пробудило в ней заносчивость и презрение к своему собеседнику: «Синьор! Вы меня основательно разочаруете, если не придумаете такую замечательную интригу, о которой со временем будут складывать легенды во Франции и в России. Замахнитесь на что-нибудь грандиозное!» — «Будет сделано!» — совершенно искренно заверил московский прожектор.

Флорентийка проводила российского дипломата к выходу. Кровь его кипела, голова шла кругом, словно он был участником бразильского карнавала. На причале «Пфанев Валь» они попрощались. «Богосиан! Отвезите нашего друга в аэропорт Ниццы». А на итальянском прибавила: «Опасный тип, меньше говорите с ним о наших проблемах. Любая информация может повредить Андрэ. Прощайте!»

Когда Rolls-Royce скрылся из виду, Паппарардо поднялась на яхту «Святой Дух» и, убедившись, что она совершенно одна, взяла лист, исписанный почерком Шиндяпкина,

и несколько раз поцеловав его, спрятала у себя на груди. Безмерно довольная собой, она направилась в гостиную.

Многообещающий финал переговоров с российским дипломатом невероятно взбудоражил женщину с берегов реки Арно.

Глава XX

Иверов вышел на улицу Достоевского. Дорогу он не выбирал, потому что совершенно не понимал, где находится. Не задумываясь, он почему-то поспешил в сторону площади Борьбы. Низко склонив голову, князь лишь изредка скидывал ее, поглядывая на прохожих и окружающий его мир. У пешеходов складывалось впечатление, что странноватого вида мужчина был погружен в тяжелые раздумья. Напряженно-сосредоточенное состояние духа легко прочитывалось на отрешенном лице, как если бы он страдал зубной болью. Куда торопился? К кому хотел поспеть этот оригинальный субъект с московской улицы в час пик? И только раз выражение лица Иверова слегка изменилось и просветлело, когда его сознанием овладел образ барышни Семирадовой. Воспоминание о ней до такой степени отвлекло его от мучительных мыслей, что мужчине почудилось, будто бы он вообще не в России, а на Лазурном берегу Лигурии. Но это мимолетное видение так же неожиданно и быстро исчезло, как и возникло, и князь продолжал шагать навстречу потоку столичного люда, болезненно воспринимая грубые толчки прохожих. Наконец он

остановился, чтобы перевести дух и оглядеться, но тут же зашагал дальше еще быстрее. Князь миновал ветеринарный центр «Сопико», прошел мимо старинного особняка медицинской академии имени Сеченова, сам не зная, зачем, перешел дорогу перед 59-й городской больницей и вышел к Перуновскому переулку. Погрузившись в себя, господин Иверов воскрешал в памяти тексты сайтов констатинговых фирм, изученные перед игрой на московской бирже, конструируя в воображении десятки различных проектов, способных изменить экономическую ситуацию в России. «Создается впечатление, — размышлял князь, — что я действительно попал в какой-то уникальный, внеземной мир, где границы между реальным и виртуальным эфемерны, где все легко и просто переходит в свою противоположность. Пока я познакомился лишь с финансовым рынком. Но сколько же вещей уже поразило меня своей несовместимостью! Курсы акций здесь совершенно не зависят от производственно-финансовой деятельности их эмитентов. Когда я просматривал архив котировок, то увидел, что в девяносто шестом — девяносто седьмом годах они выросли в десять раз. И это в условиях стагнации производства, паралича платежей и наличия денежных суррогатов! В двухтысячном году промышленность России выросла на девять процентов, а курсы акций претерпевали перманентную тенденцию к снижению. В две тысячи первом году на мировом фондовом рынке бушевал кризис. В России же — за исключением вялой реакции на наиболее сильные падения мировых индексов — все было спокойно. От чего же зависят курсы акций в России? Понять это совершенно невозможно. Рост или падение котировок в этом странном государстве — чисто виртуальный феномен. А государственные ценные бумаги? В России поче-

му-то считают, что они должны служить только для покрытия дефицита федерального бюджета. Сколь же горька цена такого заблуждения: емкость рынка сократилась в десять раз, с шестидесяти пяти миллиардов долларов в тысяча девятьсот девяносто седьмом году до шести миллиардов к началу две тысячи второго года. Как же помочь моим историческим соотечественникам устранить бессмыслицу? Создать фондовый рынок, подобный рынкам других стран мира? Вступить в контакт с управленческой элитой и дать рекомендации по оздоровлению экономики? Побеседовать с министром финансов и министром экономики, дабы убедить их в парадоксальности нынешней ситуации? Какова реальная значимость этих встреч? Поймут ли чиновники настоятельную необходимость скорейших реформ? Российская фондовая площадка имеет ошеломляюще-спекулятивный характер. Большая часть участников торгов проводят операции «день в день», то есть покупает акции, а затем продает их в течение одного дня. Широкое хождение получили операции «минута в минуту» и даже более скоротечные. Подобных операций на западных рынках практически не встретишь. Они проводятся лишь в период кризисного ажиотажа на биржах. Среднесуточные, не говоря уж о долгосрочных, вложения в ценные бумаги в России большая редкость... Господи, зачем мне все это нужно? Какое мне дело до экономических и финансовых реформ? Разве для этого я сюда приехал? Имею ли я право, приняв присягу на верность виртуальному существованию, выходить за рамки собственного духовного мира? Ведь я сам нахожусь в процессе реформирования собственного сознания, в поиске самого себя, ищу ответы на вызов Времени и думаю, что уже близок к цели. Я сам для себя — и Истина, и Путь, и Жизнь, и Веч-

ность! Должны ли меня беспокоить и оскорблять своей глупостью и несовершенством поступки закулисного экономического кардинала Гайдара, бюрократа Грефа, властного минфиновского чиновника Илюкаева и им подобных, не сумевших добиться необходимых знаний для реформирования экономики, превзойти уровень массового сознания обывателя и оказавшихся лишь убогими управленцами? Это их беда, их драма, что они лишены таланта менеджера, опыта ученого, совести честного простолюдина, которая помогла бы им отказаться от постов и претензий на власть. Людьюми без чести и совести полна Россия. Вот в чем беда этой страны! Из нескольких нулей никогда не получишь единицы. Массовое сознание априори абсолютно бессодержательно: в нем не встретишь ни движений душевного эфира, ни следов восторженных фантазий». Тут не без основания князь вновь стал недоуменно вопрошать себя, а какое же мне, собственно, до всего этого дело?» И господин Иверов с изумлением признался себе, хотя и вслух, но еле слышно: «*Se non e vero, e ben trovato*»¹. Князь невольно замедлил шаг, чтобы внимательнее прислушаться к неожиданному голосу собственного «я». «Что, что еще ты хочешь потребовать от меня? — Реформировать российский фондовый рынок? Влюбиться в Милу Семирадову и начать с ней новую жизнь во Франции, в России, в Италии? Вернуться холопом к Буйносову? Опять напиться до чертиков и свалиться под уличную скамью? Искать Вадима Михайлова и просить его помощи в поиске самого себя? Записаться на прием к психиатру? Почему я шарахаюсь из стороны в сторону, словно человек с нарушенным вестибулярным аппаратом? Ты хочешь, чтобы во мне совсем угас

¹ «Если это и неверно, то все же хорошо придумано» (итал.)

интерес к реальной жизни? Он уже истлел! Чтобы я полностью отрезился от привычного быта? Я уже отрезался от него! Но что за энергия продолжает взвинчивать мой воспаленный разум и толкать на противоречивые помыслы и поступки? Что за неистовая сила в моем внутреннем «я», постоянно бросающем мне дерзкий вызов? Внутренний голос, как правило, сопряжен с собственными инстинктами. А природа потому и властвует, что она гармонична. Да! Именно гармония — верный страж вечности. Ведь только из хаоса рождается слаженность. Видимо, в моей голове так много беспорядка потому, что главный инстинкт увяз в мучительных поисках ноумена. Ура! Bravo! Ответ почти найден: во мне слишком много человеческого. Той самой массы красной глины, из которой Создатель сотворил человека думающего. Адама во мне столько, что Ницше причислил бы меня к сверхчеловеку. Впрочем, мне никогда не доставало досуга, чтобы обсудить с самим собой, что это за субъект — сверхчеловек? Не опасный ли вопрос я поставил перед собой? Исследовательские задачи часто губят тех, кто их поставил. Признав себя сверхчеловеком, Архимед потребовал точку опоры, чтобы перевернуть мир, но получил удар мечом от римского воина в собственном доме в Сиракузах. Мария Склодовская — Кюри, изучая воздействие облучения на человека, сожгла свои руки радиацией и была вынуждена всю жизнь носить длинные перчатки. Янош Бойяи, вознамерившийся преобразовать Евклидову геометрию в науку о многомерном пространстве, успешно решил задачу и сошел с ума. Рихман, изучая причины возникновения шаровой молнии, погиб, сраженный ею же...» Размышляя об этом, Иверов скривил в недовольной grimase губы, нахмурил брови и понесся дальше. Он миновал особняк банка «Санкт-Петербург», прошел мимо

обувных лавок господина Минасяна, свернул налево на Палиху и устремился к Новослободской. Вечерело, прохладная тень от высоких зданий пала на раскаленную мостовую. «Кого же все-таки считать сверхчеловеком? — продолжал размышлять господин Иверов. — Резидента реального или виртуального мира? Человека с душой, посвященной Богу, или безбожного грешника с солидным счетом в банке? Амбициозного приверженца вещизма или аскета с кротостью херувима? Взгляну-ка в самого себя: интроспекция обнаружит во мне избыток этих противоречивых качеств. Изнутри я столь же светел, сколь снаружи — мрачен. Благородные желания нередко оборачиваются грехопадением, порывы к святости сулят лишь путешествие в египетскую ночь, а осознанное стремление переселиться в виртуальный мир неизменно разбивается о рутинную повседневность. Я завяз в «человеческом, слишком человеческом», как неопытный сборщик клюквы в гнилом болоте, и поэтому не имею права считать себя сверхсуществом. Да и нужно ли мне это? Сверхбогач, сверхкавалер, сверхэксперт, сверхпотребитель, сверхинтеллектуал! Не от этого ли я бегу в изнанку жизни, не это ли гложет мою душу и взыскует виртуальности? Не это ли толкает меня жить на задворках общества?» Тут Иверову стало не по себе: он проникся глубоким сочувствием и искренней жалостью к собственной персоне. Размышлять над этим было выше его сил, тем более что его оскорбленный разум выхватил из потока собственных мыслей одно, по его разумению, интригующее слово, все более распалывшее его сознание. В последнее время князь желал нравиться только самому себе и сейчас ему очень хотелось увидеть себя со стороны. «Египетская ночь по силе страсти должна напоминать кремлевское подземелье, где я мечтал поселиться. Но как

попасть туда? Почему пограничник в аэропорту посоветовал мне обратиться к какому-то Вадиму Михайлову? Страж границы тогда с загадочной усмешкой бросил: «Он поможет вам найти себя». Странная манера рекомендовать незнакомцу конкретное лицо, будучи уверенным, что оно де поможет. «Умом Россию не понять...» Князь вышел на перекресток Палихи и Новослободской улиц, повернул налево и зашагал в сторону китайского торгового комплекса. Перед ним выстроились в ряд бутики современной одежды. Господин Иверов недовольно фыркнул себе под нос: «Они меня даже здесь преследуют», — опустил глаза и пошел дальше. Когда князь проходил строение под номером шестнадцать, он ненароком обратил внимание на рекламный щит, призывавший посетить располагавшееся в доме интернет-кафе «Ностальгия». Андрей Константинович не сразу понял, что именно заставило его остановиться как вкопанного. Голова на сей раз была совершенно не обременена мыслями, а внутри него звучала Лунная соната Бетховена. Он очень любил эту вещь, и она неотступно преследовала его. Вдруг какая-то неведомая сила неумолимо направила господина Иверова в открытую дверь. Он прямо-таки влетел в кафе. Лестница, выложенная белым кафелем, привела его на второй этаж. Здесь был светлый, просторный зал примерно в сто квадратных метров, заставленный компьютерами. Они располагались по продуманной схеме, что было удобно для пользователей. «Чем могу помочь?» — перед князем выросла несколько странная фигура человека средних лет. Это был сухопарый тип со сбившейся белокурой шевелюрой, густым румянцем на скуластых щеках, с подведенными глазами и накрашенными жидкими ресницами. На белой хлопчатобумажной майке красными буквами было размашисто выведено сло-

во: «Дефект». Солнечный свет падал на его покрытое макиажем, в едва заметных морщинах, лицо. «Голубой? — мелькнуло в голове у князя. — Кажется, он возбужден и встревожен. Не очаровал ли я этого бедолагу? Упаси, Боже!» . «Прошу прощения, — начал Андрей Константинович, — я хотел бы арендовать компьютер для поиска одного лица...» — «Разрешите сделать вам комплимент», — с пафосом в голосе начал на него атаку служащий интернет-кафе. «Я тороплюсь...» — «Вы сама ангельская невинность. Я никогда в жизни не встречал такого независимого характера, который прочитывается в ваших дивных глазах. Обладая весьма жестким нравом, вы остаетесь непорочным ребенком, мечтающим познать окружающий мир. Пожалуйста, выбирайте себе место сами и принимайтесь за работу. Первый мегабайт бесплатно. Вам нужна линия Интернета или игровая программа? Впрочем, прошу прощения, вы сказали, что желаете найти знакомого. Садитесь. Начинайте искать. Уверен, вам повезет». Иверов про себя отметил характерную мягкость жестов и слащавость субъекта в макиаже.

«Случаем, вы не знаете такую личность, как Вадим Михайлов?» — спросил князь. «Как же, знаком. Вы имеете в виду лидера российских диггеров?» — «Возможно». — «У диггеров свой сайт. Вам его легко найти». — «Надеюсь. Я сяду за номер семь?» — «Отлично!» В этот момент какой-то молодой человек с расстояния пятнадцати шагов вдруг крикнул: «Валентина, тебя к телефону». — «Так это женщина? — удивился князь. — Странно, никогда бы не сказал». Так закончилась первая короткая беседа новых знакомых. Господин Иверов поспешил занять кресло за компьютером под номером семь, но не торопился включать его, чтобы начать поиск Михайлова, так как в голову опять полезли

неотступные мысли. «В чем же состоит различие между обычными людьми и подлинным сверхчеловеком? Человек массы мечтает о близлежащем, желает получить то, что видит у богатых, стремится походить на популярных людей; он целиком занят проблемами быта; он весь в борьбе за комфорт; он с упорством взывает к роскоши, как сверхчеловек — к одиночеству и аскетизму; он живет программой, а не чувствами и эмоциями; он падок на пряник и покоряется кнуту; он сладок в речах, но вероломен в поступках; он горланит на площадях, но запинается на бумаге; он влюбляется в женщину, но онанирует на обложку «Плейбоя»; его стихия — мещанская среда, его честолюбивые планы — высокая зарплата, чиновничья должность и орден на лацкане пиджака. Он вымалчивает у Бога дивиденды за раскаяние, но не требует наказания за содеянное, он весь в своенравных капризах, но глух к проблемам ближнего. А сверхчеловек? Что это за субстанция? Из чего соткана эта необыкновенная материя? Из безбрежного разгула гения реального измерения с неистовым обольщением виртуальностью. Из беспредельного благоговенья перед сумасшедшей идеей вопреки многоголосому хору порицания. Из преодоления противоречивой противоположности цельного в раздвоенности, единства в многомерности? Из умерщвления в самом себе понятий Добра и Зла для победы в сознании абсолютного духа непорочности и целомудрия. Если дела и поступки массового «я» объективируются в вечно изменяющемся правовом поле цивилизации, то выражение помыслов сверхчеловека объективируется во всем мироздании. Как природа генерирует самое себя, так Творец воссоздает свое подобие в сверхчеловеке. Это он — посланец Бога, это он — его духовная и материализованная субстанция. Это он позволяет себе спорить с веч-

ностью, мечется в поисках неведомого...» В этот момент к господину Иверову подошел тот самый странный субъект в майке с надписью «Дефект». «Заминка? Трудно войти в компьютер? Не ожидал, а то бы поторопился с помощью...» — «Нет же, — перебил его князь, — я задумался. Спасибо. Сейчас я начну». — «О чем думает такой красивый, холерный, богатый мужчина?» — «Богатый? Что вы имеете в виду?» — почти шепотом проговорил Иверов, словно боясь быть услышанным. «Я уже давно ищу спонсора. Этот поиск научил меня приглядываться к людям. Мне трудно объяснить, как во мне развились такие способности, но я безошибочно могу заявить, что вы очень состоятельный человек. Далее, вы долгое время жили на Западе, скорее всего в Европе, пожалуй, даже во Франции. Бьюсь об заклад, что вы очень добрый малый. Уверен, что вы поможете моей беде. Я прав? Какие у вас замечательные часы! Какая фирма?» — «О чем идет речь?» — «О двадцати тысячах долларов. Минус семь, которые мной собраны». — «Слушаю вас!» — «Как к вам обращаться?» — «Андрей Константинович...» Князь хотел было добавить «Иверов», но почему-то запнулся. «При чем тут мои часы?» — подумал он. «Андрей Константинович, я Валентин Валентинов, ошибка природы. Я должен был родиться женщиной, но появился на свет в мужском обличи. Так всю жизнь мучаюсь и веду двойной образ жизни. Только хирургическая операция способна помочь мне. Ее стоимость — двадцать тысяч долларов. Мне не хватает тринадцати. Какую сумму вы готовы проспонсировать? Брать взаймы я не имею права. Зарплата мизерная, отдавать будет нечем». — «Вы меня озадачили...» — «Я слышу голос вашего сердца, оно толкает вас к милосердию, оно располагает вас к великодушию, оно призывает вас к жертве. Неужели в вашем сердце никогда не было

желания подать больному на излечение, а бедному — подаяние? Ах, оставим это! Позвольте угостить вас чашечкой кофе». Господин Валентинов метнулся к стойке бара, мигом приготовил черный кофе и вернулся к князю. Его порыв попотчевать Андрея Константиновича был далеко не формальным знаком внимания, это был жест искреннего расположения к объекту своего пробуждающегося нежного чувства. Валентин Валентинов, исстрадавшийся телом и душой в поисках решения своей деликатной проблемы, вдруг поверил в этого оригинального незнакомца. Он бросил на князя долгий жалобный взгляд. Благодаря своей богатой интуиции консультант интернет-кафе вдруг почувствовал, что его визави дрогнул. Он прочел в глазах князя едва уловимую перемену состояния его души. Он преклонил перед ним колени, как верующий перед алтарем в храме. Этот скорбный взгляд и поза, которую он неожиданно принял, породили в душе князя приступ обостренного великодушия. Просящий помощи был сегодня в ударе. Никогда прежде ему не удавалось столь кокетливо себя завуалировать и возбудить такое глубокое чувство сострадания в собеседнике. Андрей Иверов представил себе нескончаемые муки этого бедняги, всю жизнь безуспешно стремящегося изменить признаки своего пола, и жалость овладела его сознанием безраздельно. «Сколько горя и страдания испытал этот человек, — думал князь. — Вот он, клочок реальной, униженной жизни! Неприукрашенная тайна бытия. Какая мощная энергия страсти осталась не востребованной. Если бы он задумался о виртуальности, и стремление к ней оказалось бы выше, чем плотские вожеления, то как нескончаемо счастлив был бы этот грустный, обиженный природой человек. Но как внедрить в его сознание, что только трансцендентность обладает бо-

жественной силой устранять дефекты природы, изменять архитектуру тела, ускорять или замедлять бег времени? Панацея всех обездоленных — спиритуальный, виртуальный мир! Я должен помочь этому пасынку судьбы. Я оплачу его операцию, но дам ему урок пребывания в виртуальности. Конечно, без уязвления его гордыни транссексуала, его тщеславия глубокого неудачника. Сила ущербного духа редко рождает доброту сердца, но попробовать просто необходимо». — «Скажите, пожалуйста, как вас зовут?» — спросил Иверов. «Я уже говорил: Валентин Валентинов». Тут совершенно другие мысли стали одолевать князя. «Странная вещь, — думал он, — современные русские фамилии являются какими-то слишком простыми производными. Преимущественно от имен или от наименований различных животных. Раньше было не так. Если вспомнить имена великих личностей, то среди них, пожалуй, не встретишь нынешних заурядных фамилий. То были Ломоносов, Карамзин, Достоевский, Чайковский, Голицын, Овчина-Телепнев-Оболенский, Менделеев, Циолковский, Столыпин, Шостакович, Булгаков. А теперь, сплошь однотипные, незамысловатые имена: Иванов, Петров, Сидоров, Волков, Комаров, Сазонов, Карпов и так далее. Не влияют ли они на поведение их носителей? Первые дни пребывания в России показали мне, что русские столь же наивны, как незатейливы их фамилии. А французы? Парротен, Растиньяк, Руссель, Корнель, Бержерак, Лемордан, Панлю, Риэ, Эглемон, Тайфер, Дюрок. Интересно, есть ли существенная связь между заковыристыми фамилиями французов и их непредсказуемой ментальностью, между незамысловатыми именами россиян и их неприятным поведением? Что лучше, что более удобно для возникновения виртуальной инфекции? Кто ближе к грезам? Простецкий

русский или замысловатый француз? В процветающей капиталистической Франции ежегодно более двух тысяч раз народ выходит на демонстрации с требованиями улучшить условия жизни, а в нищей России, как показала вчерашняя информация, — не более двух-трех раз! В год! В стране с почти стапятьюдесятьюмиллионным населением! Невероятно! Нищих более девяноста процентов, и ни малейшего протеста. Десятилетия носят одно платье — и никакого социального взрыва! Едят один картофель — и ни одного голодного бунта. Кто же в этих условиях станет возражать против моего вывода, что русские — пионеры виртуальности! Кто позволит себе выступить против новой крылатой фразы: «Россияне — аргонавты бытия в грезах». Виртуальность окрыляет русских больше, чем успех на Елисейских Полях в Париже — французов. Конечно, протестующие — дальше от виртуального мира, чем терпеливые граждане. Терпение — первый шаг к грезам, в мир спиритуального бытия, а требование поднять экономический уровень — прямой путь в мир социальных взрывов, потрясений и разочарований. Так где же она, земля обетованная? Кто он, Богом избранный народ? И кто будет владеть миром?» Тут господину Иверову пришла на ум старая байка: собрались как-то Гитлер, Папа Римский, Сталин и Рузвельт, чтобы обсудить вопрос, кому будет принадлежать мир. Гитлер сказал «Нам!». — «Почему?» — спросили его. «За мной раса!» — «Ничего подобного, — возразил Пий XII. — Будущее мира за нами». — «Почему?», — спросили его. «За мной месса». «Ничего подобного, — вставил Сталин. — Мир будет принадлежать нам!» — «Почему?», — спросили его. «За мной масса!» — «Такому не бывать», — парировал Рузвельт. — Миром будем владеть мы. За мной касса!» «Вот опять какая-то чертовщина лезет в голову». «Так о чем мы

говорили? Что я хотел вам сказать?» — осторожно вымолвил князь. «Я задал вам вопрос о спонсорстве...» — «Да, да, я готов вам помочь». — «Извините, в объеме какой суммы?» — «Не суммой, но спасительным рецептом: вводите себя в виртуальность, и вы быстро достигнете того, о чем мечтали всю жизнь». — «Никогда не слышал, что существует виртуальная хирургия. Операция, любезный Андрей Константинович, очень уж материальное мероприятие. Работает скальпель, перекраивается тело, теряется кровь, видоизменяются очертания органов и конечностей. Впрочем, я, видимо, понял: вы нашли отговорку, чтобы не выкладывать деньги. А я так рассчитывал на вас! Я не думал, что ошибусь в вашей благородной натуре. Вы светитесь добротой и благородством. Бросьте же долларовый спасательный круг стареющему транссексуалу!»

«Я готов участвовать в решении вашей проблемы. Но лишь на моем условии. Если у вас ничего не получится с переселением в виртуальность, я готов оплатить операцию. Но позвольте, уважаемый, что, собственно, такое — тяга или влечение к полу? К своему или противоположному? Фрейд писал: «Сегодня стонущее под игом половой потребности человечество нуждается в развитии новой силы по сублимации сексуальности»¹. Такой силой является лишь виртуальность. Преодолейте свою сексуальную страсть, войдите в мир Интернета, окунитесь в сферу грез, взгляните на мир глазами Творца, возбудите в себе волю к победе над собственным «я», и вы превозможете свою транссексуальность. Только победив самого себя, по настоящему испытаешь счастливую самодостаточность. По-

¹ Свободное обращение с авторским текстом Фрейда. (Примеч. автора)

мимо всего, внутренняя борьба с собой — преувлекательнейшее занятие. Ведь любая зависимость уничтожает в человеке свободу поиска, тем более — поиска трансцендентного, среды обитания в грезах, парализует способность к абстрактному бытию. Обостренный феномен сексуальности присущ лишь людям массовой культуры. Секс вообще совершенно не царское дело!» — тут в своих размышлениях Иверов был унесен за порог, куда еще никогда не заглядывала его страстная натура. «Вы хотите отобрать у меня последнее, что у меня есть?» — «Я желаю подарить вам новые, невероятные возможности. Я был бы рад, если бы ваше сердце вняло моим советам. Если вы сможете сублимировать неистовый деспотизм сексуальной страсти, то очень быстро обретете необыкновенное чудо страсти виртуальной, доступной пока только избранным! Торопитесь, господин Валентинов. Спасайте себя в ирреальности». — «Не хочу думать, что ваши советы всего лишь попытка скрыть собственную жадность. На луна вы не похожи. Скажу откровенно, я боюсь потерять мою мечту стать женщиной. Если б не эта мечта, я был бы сломлен нашей чудовищной жизнью. Очень уж это оскорбительно — вдруг утратить столь утешительную фантазию. Почти тридцать лет она спасала меня от самоубийства. Дайте мне денег, Андрей Константинович». — «Сделайте шаг себе навстречу! Если вы не получите радость в виртуальном мире, если идея-фикс не исчезнет, а усилит давление на вашу психику, я оплачу хирургическую операцию. Но попробуйте найти себя в царстве грез, в фантазиях воспарившего ума. Только путем упорных медитаций, используя весь потенциал души, вы сможете победить секс». — «Свойств души, о которых вы так красноречиво рассуждаете, у меня давно уже нет. Все мои внутренние пустоты заполнены лишь одним

желанием: иметь женское обличие. Хочу вам напомнить: я — стареющий извращенец, глашатай трансвеститства и постригаться в монахи мне уже поздно. Если у вас есть средства, так помогите. Дайте же наконец кесарю — кесарево! А проповеди для моей больной души столь же опасны, как ураганный ветер гнилым плодам, едва держащимся на ветке», — при этих словах жалкое существо встряхнуло головой, уронив на лицо белые крашенные волосы, являя фигуру беспредельного отчаяния. «Пожалуй, вы правы. Пора заканчивать. Я просил вас сделать первый шаг. Но знаете, что, если вы не облачитесь в ризу виртуала, то я не стану помогать вам. Итак, перед вами сорок девять компьютеров. Начинайте...» — «Я уже давно в исподнем гомосексуала, а вы требуете от меня невозможного», — тут несчастное существо горько зарыдало. Господин Иверов выразительно отвернулся и сам включил компьютер. В это мгновение мир потерял для него какое-либо значение. Он вновь впал в то самое состояние загадочной отрешенности, которое чудесным образом освобождало его сознание от пут повседневности. Князь стал рыскать по Интернету в поисках слов: «Диггеры» и «Вадим Михайлов». После нескольких манипуляций он нашел нужный адрес и задумался над посланием. Воспитанный в пуританском духе, Иверов не хотел, чтобы оно было длинным и сентиментальным, а потому написал всего две строчки. «Господин Михайлов! Прошу вас встретиться со мной завтра 27 июня в одиннадцать часов утра в интернет-кафе «Ностальгия». А.Иверов». Едва он отослал сообщение, как его вновь стали одолевать тяжелые раздумья. «Не обидел ли я этого бедолагу? — задумался князь. — Утешить душу человеческую за тринадцать тысяч долларов — это ли не поступок, которого взыскует мое новое «я»? Отчего же я отказал транссексуалу? С чего

это вдруг я стал таким суровым и принципиальным? Ведь это первый случай, когда столь жалкое существо в России попросило финансовой помощи. А моя щедрость дала трещину. А если бы Семирадова попросила помочь ей? Как бы я поступил?» Стремясь совладать с угрызениями совести, он решил непременно оплатить счет хирургов. «Такая милая просьба. Был человек Валентин Валентинов, станет Валентиной Валентиновой». Но в это мгновение князя вновь осенила новая мысль, которая заставила его вернуться к экономическим сайтам предыдущего дня. «А почему бы не направить в правительство свои размышления о том, как правильно организовать экономику России? Можно же, наконец, попробовать? Кто знает, а вдруг прочтут? Прислушаются? Этот Греф, он же просто не ведает, что творит. Такими действиями экономику не поднять, а вот положить на лопатки — проще простого. Да, собственно, она у них уже давно лежит». Господин Иверов нашел e-mail министерства и стал сочинять аналитический комментарий, касающийся экономического положения России. «Уважаемый господин Греф! В странах с развитым рынком на сфере услуг приходится до 80 процентов ВВП. Как же обстоят дела с этим главным показателем у вас? В 1995 году доля сферы услуг в ВВП составляла 54, а уже к началу 2002 года составила 47 процентов. Налицо регрессивное изменение структуры рынка между сферой производства и сферой услуг. Еще более удивительные процессы происходят с венцом сферы услуг, главным локомотивом рыночной экономики — торговлей. В 1992 году на ее долю приходилось 28 процентов ВВП, а в конце 2001 года она скатилась до неприличной отметки — 16 процентов. Это настоящая беда. Пора кричать «Караул! Тонем!» Что же вы имеете в сфере производства? В странах с развитым рынком доля

промышленности не превышает 25 % ВВП. В России в 1995 году эта цифра составляла 30, а сегодня — более 33 процентов. Налицо движение вспять! Теперь предлагаю взглянуть на изменения в самой промышленности. Как пятнадцать лет назад основу всей промышленности составляли топливно-энергетический и военно-промышленные комплексы, так и сегодня. Где структурная перестройка в экономике? В западных странах с начала семидесятых годов идет структурная перестройка промышленности в пользу ее менее энергоемких отраслей. В России за годы реформ цены на электроэнергию выросли в 12 тысяч раз, а на сельскохозяйственную продукцию в две тысячи раз. Это первое свидетельство роста энергоемкости ВВП. Вы даете лукавые цифры, когда говорите о росте ВВП в 2001 году на 5,5 процента. Для меня очевидно, что этот рост был существенно меньшим. Объясняется это следующим образом: в стране с 2001 года был введен 12-процентный налог на прибыль с физических лиц. И часть теневого производства и теневых денег была легализована. Таким образом, реальный рост ВВП составил не на 5,5 процента, а всего лишь на 3. А как меняется структура субъектов рынка? В развитых странах основу предпринимательства составляют малые предприятия, на которые приходится до 80 процентов ВВП. В России же доля малых предприятий составляет около 20 процентов. Чрезвычайно слабый, неэффективный показатель. Важнейшим показателем перехода на рыночные методы хозяйствования является изменение структуры управления экономикой. Но у вас вместо развития рыночных институтов — неимоверно разбухающий бюрократический аппарат и беспардонное вмешательство чиновничества в бизнес. Важнейшим показателем развития инвестиционного формата является бухгал-

терская отчетность. Она должна стать рыночной. Но как может развиваться экономика, если инвестиции предприятий в расширение бизнеса ложатся не на затратную часть, а на прибыль. Это фундаментальная ошибка, господин Греф! Важнейшим элементом улучшения инвестиционного поля является перестройка работы банков — прежде всего «Сбербанка». Сегодня «Сбербанк» выполняет не свойственную ему роль — кредитует юридических лиц. Главная же задача этого финансового института — выдача дешевых кредитов населению на покупку домов, квартир, бытовой техники, мебели, автомобилей. То есть кредитование конечного спроса. Если увеличивается конечный спрос, то растет производство по всей технологической цепочке предприятий-смежников. Это исключительно эффективная мера по оздоровлению всего сегмента рынка. А.И. Экономист. P.S. Если вас заинтересуют мои консультации, пишите на интернет-кафе «Ностальгия».

Отправив письмо, господин Иверов вошел на сайты мировых бирж, чтобы ознакомиться с котировками акций и общим положением дел на фондовых рынках, впрочем, долго задерживаться не стал, подумав: «Опять я принялся за старое..» Князь резким движением выключил компьютер, вскочил и подошел к консультанту Валентину: «Спасибо. До завтра. В одиннадцать часов утра я назначил у вас в кафе встречу Вадиму Михайлову. К этому времени постарайтесь окончательно определиться, какую именно помощь вы хотели бы от меня получить». — «Позвольте произнести это немедленно: доллары». — «Прощайте». — «Вы и в самом деле зайдете завтра?» Иверов окинул это жалкое существо долгим взглядом, словно желая постичь его до самого дна, поразмыслил, усмехнулся и ничего не ответил. Обрывочные, бессвязные раз-

мышления вновь бередили его беспокойную душу. Князь, казалось, вновь погрузился в чудесные игры духа и, не желая обнаруживать их перед консультантом интернет-кафе, устремился к выходу.

Июньские вечера необыкновенно светлы. Похоже, этот свет вызывает в душах москвичей благородное томление духа. По статистике в июне совершается меньше всего преступлений и правонарушений. Потаенные мысли людей светлы и гармоничны, человеческая природа являет миру лучшие образцы благородства, живое тянется к солнцу, как храмы — в божественную высоту. Концерты, фестивали, фольклорные праздники, вечера поэзии, балетные премьеры, спортивные соревнования, любовные и романы — столица России бурлила страстями человеческими.

Господин Иверов с отрешенным лицом шел по Новослободской улице, мало что замечая вокруг. Сейчас его мысли занимали события предстоящей ночи. Впервые в жизни князю предстояло спать под открытым небом, неизвестно где, в незнакомом городе. У него оставались деньги, но он не хотел искать гостиницу. И это необыкновенное, острое по своей новизне ощущение увлекало его. С восторгом влюбленного, обретшего, наконец, предмет своего обожания, господин Иверов упоенно смаковал нюансы предстоящего ночного отдыха. «Надо нарвать листьев, чтобы положить их под голову. Сеном можно было бы укрыться, а из ручья пить воду». Он взглянул на широкую улицу. Кроме металлических фонарных столбов, на ней ничего не было. «Лучше свернуть в сторону, чтобы подыскать себе подходящее местечко», — подумал князь. Мечтатель из Франции свернул налево, вышел на Суцесвскую улицу и жадным, цепким взглядом стал изучать все

вокруг. Москва была охвачена строительной лихорадкой. Даже в столь поздний час — по многочисленным стройплощадкам сновали рабочие, лязгали металлом лебедки и краны. Господин Иверов поплелся по Суцевской улице. Миновав «Инфомедстрах», китайский ресторан «Лотос» и красочную пирожковую, он увидел большую группу людей, ожидавших трамвай номер девять. Князь остановился, потоптался на месте, пока они заполнят трамвайный вагон, и лишь затем двинулся дальше. Он оставил позади фитнес-центр, офис компании «Русазэро», перешел Селезневскую улицу и совершенно неожиданно вышел к главным воротам Пименовского храма. «Очень странно, — признался себе князь, — почему судьба привела меня кусыпанным гравием дорожкам церкви? У меня такое ощущение, что я буквально уперся в православный крест. Он преградил мне дорогу, как непреодолимая стена. Он вознесся надо мной, как величественный Монблан. Что это значит? Уж не насмешка ли это над моими воззрениями? Мне не раз приходило на ум, что чем ближе к Церкви, тем дальше от Бога. Но такого вероломства я никак не ожидал! Судьба вновь готовит мне очередной удар по самолюбию. Через несколько минут я опять пожелаю чего-то такого, что взбудоражит ум человеческий. Неужели сама фортуна вознамерилась привести меня к служителям православия? Неужели она жаждет примирить меня со Святым Писанием, с самим Богом? Нет, нет! Меня с дороги не свернешь. Я твердо шагаю в изнанку жизни, в виртуальный мир. Никакие ухищрения, никакие силы не могут свернуть меня с наметенного пути». Внешний вид господина Иверова несомненно свидетельствовал о его решимости. Он с таким жаром и с таким возбуждением вел внутренний монолог, что черты его лица необыкновенно преобразились. Глаза от-

ливали стальным блеском, тень глубокой задумчивости лежала на выразительном лбу, а полудетская улыбка выдавала непорочность его души. Со стороны Иверов походил на поэта, на ходу сочинявшего стихи. И некоторые московские барышни, даже идя под руку со своими молодыми людьми, невольно останавливали взгляды на одинокой фигуре, бредущей по вечерней улице. Господин Иверов остановился у ограды церковной усадьбы. Ворота, тронутые ржавчиной, оказались наглухо закрытыми на два старых висячих замка. «Слава Богу!» — усмехнулся князь. Ему показалось, что тут он даже сумел перехитрить обстоятельства, приведшие его к воротам церкви. Он потоптался у ворот, взял вправо и заглянул через невысокую ограду на заросший кустарником церковный двор. «Просто замечательное место для ночлега. Ничего лучшего и не найдешь». Но как проникнуть за ограду? Ворота закрыты. Не лезть же через забор. А почему бы и нет? Еще светло. Подожду, пока стемнеет. Это, пожалуй, наилучшее решение. Как же я доволен! Что-то действительно новое, что-то из иной жизни ожидает меня этой ночью. Не антиквариат от «Сотбис», не перина и белье от «Ив Делорм», не шелковые халаты от «Версаче», а чудесные творения природы во всем своем естестве создадут мне ночной комфорт. Лицо ощутит прикосновение пахучих гроздьев сирени, тело — влажный запах теплой земли, заросшей густой дикой травой. А рядом — наглухо запертый храм. Прямо-таки гоголевский сюжет. Близость закрытого храма успокоит мою утомленную душу и подкрепит ослабшее тело, душистый запах сирени навеет крепкий сон, шелест листьев породит виртуальные наслаждения, воздух свободы и одиночества усилит во мне обретенное чувство самодостаточности. Воистину, в эту московскую ночь, проведенную на природе, моя душа без-

мерно возрадуется. Много ли нужно человеку?..» Сгущались сумерки. Пару минут он потоптался на месте, потом вдруг неожиданно признался самому себе: «Зачем мне ждать крошечной тьмы? Чего я стесняюсь или стыжусь? Я же сам стремлюсь изведать эти чувства. Вперед! Начинаю ломать и изменять себя!» Господин Иверов решительно перелез через ограду, подошел к благоухающим кустам сирени, выбрал место поудобнее и стал укладываться.

В его воображении как-то сразу возник образ барышни Семирадовой. Потом видение исчезло, и разум Иверова уже безмятежно витал в ноуменальном мире.

Глава XXI

С напускной утрюмостью и показной скорбью Паппалардо вошла в гостиную. Ее рыжие волосы были растрепаны, глаза, как у греческой плакальщицы, блестели от слез, руки дрожали. Она подошла к госпоже Понсэн и обратилась к Болль: «Анна-Валери, пожалуйста, оставь нас. Мне необходимо срочно обсудить ситуацию, которая может оказаться тайной семьи Иверовых». — «Ты уже стала ее членом?» — раздраженно бросила парижанка. «Ты видела, что российский консул переговорщиком выбрал меня. Не спрашивай, почему. Не знаю. Но без согласия Элизабетт у меня нет прав разглашать чужие тайны. Понсэн сама решит, как ей поступить с информацией господина Шиндяпкина». — «Анна-Валери, пожалуйста...» — слабым голосом взмолилась юрист. Госпожа Болль приподнялась, глубоко вздохнула, словно ей не хватало воздуха, и тяжелой походкой пошла к двери. «Не томи, рассказывай. Сердце разрывается». Паппалардо не торопилась. Она мерила шагами гостиную, издавая глухие стоны. В ее интересах было как можно сильнее возбудить атмосферу. «Мы несчастные люди, дорогая Элизабетт, что живем в таком кошмарном

мире. Вокруг ни чести, ни совести. Теперь я уже почти уверена, что это Шиндяпкин и его группа долгое время психологически обрабатывали Андрэ, побуждая его к переезду в Россию. Думаю, что без людей из КГБ такая сложная операция была бы невозможна. Иверов был гордостью мировой финансовой элиты, и вдруг этот тайный, какой-то непостижимый переезд в Россию и бегство от тебя, дорогая, и от своего состояния. Нет, ты можешь думать, что угодно, но я убеждена, что это тонко спланированный ход, чтобы увести все активы князя. Мы часто читаем в прессе, как КГБ срастается с российской мафией. Иверов стал ее жертвой. Взгляни на эту бумагу, дорогая, вдумайся, какие аппетиты у этих людей, с какими требованиями они явились в ваш дом, как прожорливые нувориши. Я понимаю, что ты заплатишь за Иверова любые деньги, потому что он для тебя бесценен, но самомнение этих типов явно гипертрофировано. Они требуют, чтобы его охрана состояла из двадцати бойцов, еще десяток должны координировать связь между нами, им нужны последние марки автомобилей, современное стрелковое оружие, бронежилеты, переговорные устройства, вертолеты. Такое ощущение, что они хотят вооружить целую армию. Андрэ прожил на Западе всю жизнь, но кроме одного безоружного охранника, каким являешься ты, дорогая, у него никого не было. Сам Жак Ширак не имеет такой охраны, какую они требуют для Иверова. Я понимаю, что президент Франции не лучший пример, но о масштабности аферы красноречиво говорит составленный ими бюджет расходов по вызволению князя. Отнюдь не факт, что это последняя цифра! Просмотри документ сама». Во время своего монолога госпожа Паппалардо неотступно наблюдала за собеседницей, ожидая побочного эффекта, который должен был дать экстракт

коккового листа. Когда глаза Понсэн подернулись пеленой задумчивости, лицо приняло покорное выражение, а язык то и дело облизывал синеющие губы, — именно в этот момент женщина с берегов реки Арно передала госпоже Понсэн текст написанный российским дипломатом. «Нам необходимо торопиться с ответом. Он завтра вылетает в Москву. Этот негодяй ждет меня в зале VIP. Сейчас уже пять вечера. Ехать мне к нему или нет? Если ехать, то с чем? Я же, дорогая Элизабетт, не могу появиться в аэропорту без полномочий. Он профессионал, ты в этом могла сама убедиться, без конкретных предложений с нашей стороны вторая встреча вряд ли состоится. К сожалению, решать придется тебе! Это очень опасная публика, и, сказать по правде, я побаиваюсь иметь с ней дело. Может, поручишь эти деликатные переговоры Болль или кому-то другому? Я пока не вполне понимаю, в какой мере ты полагаешься на меня. А в таком опасном и сложном деле без абсолютного доверия можно ожидать чего угодно, вплоть до насильственного устранения. Не перевелись еще ловкие фокусники, искусно выворачивающие суставы. Говорят, только в России остались мастера, способные вязать галстуки из вырванных языков своих жертв. А Шиндяпкин требует, чтобы я, как кузина Иверова, в самые ближайшие дни оказалась в Москве, чтобы предъявить ему платежное поручение. Так что, если я прибуду без денег, он выставит меня вон. А у Андрэ возникнут проблемы. Ты сама видела, какой это опасный тип. Начать операцию по возвращению князя можно лишь при наличии денег! Кстати, прости, что я представилась его родственницей. Я опасалась, что он откажется от диалога с нами». Понсэн ничего не ответила, несколько раз лишь моргнула своими воспаленными глазами: дескать, в этом нет ничего дурного, и для пользы дела

можно и не такое сочинить. Впрочем, очень скоро глазки госпожи Понсэн сузились, а потом и вовсе закрылись. Понеслось легкое посапывание. «Неужели заснула? Надо было дать меньше капель, — с досадой подумала у Паппалардо. — Теперь пора ее срочно будить, а то она провалится в сновидения до позднего вечера». Она достала из сумочки пузырек с аммиаком, намочила им кусочек ваты и поднесла к носу Понсэн. Уснувшая была дама встрепенулась, дернула головой и открыла глаза. «Что?» — «Ты ослаблена болезнью, очнись, дорогая, скажи, как поступить? Ехать в аэропорт?» — «Да! Конечно! Значит, я говорила с тобой во сне? Мне казалось, что я уже дала тебе все полномочия и выделила ресурсы. Мы принимаем их условия». — «Это было во сне, я поняла тебя, Элизабетт, но они требуют письменных гарантий наяву». — «Что им нужно?» — «У тебя больше опыта, подскажи». — «Предоплата невозможна. Ни денег не увидим, ни князя. Сама судьба сделала тебя главным посредником между Иверовым и этими бандитами. Я дам тебе чек на сто семьдесят миллионов долларов. Бери все переговоры в свои руки. Эту информацию не доверяй ни Болль, ни вообще кому бы то ни было. Деньги обналичишь на своем банковском счету и по мере необходимости будешь выдавать им частями. Еще сто тысяч долларов я дам тебе на все расходы, связанные с Москвой. Думаю, тебе не раз придется туда съездить. У меня к тебе и другой разговор. Но это уже после аэропорта. Теперь пройдем в кабинет». Элизабетт Понсэн понадобилось не более минуты, чтобы выписать чек на сумму в сто семьдесят миллионов сто тысяч долларов. Она передала чек флорентийке с такой легкостью, с какой деловые люди вручают визитные карточки. Паппалардо на мгновение растерялась. Внутренне она приготовилась к борьбе, к натиску, к ис-

пользованию черной магии, а тут вдруг так легко и просто ей в руки упал огромный капитал. Застенчивость и робость вдруг овладели новой обладательницей миллионного состояния. Она только и смогла проговорить: «Вызови, пожалуйста, машину, мне надо торопиться к господину Шиндяпкину». — «Больше решительности, — ободрила ее юрист. — Спешу взять все в свои руки, у меня для этого нет сил». — «Поняла! Вернусь через час». Флорентийка выбежала из комнаты, боясь расплакаться. В самый успешный день своей жизни она переволновалась, настрадалась не меньше, чем в пору тяжелейших разочарований и обид. Внезапно все человечество показалось ей эфемерным, а неутолимая тяга к богатству, преследующая ее всю жизнь, обернулась тошнотой, переходящей в приступ рвоты. Прошло несколько мгновений. Женщина успокоилась. Всепоглощающая пустота заполнила ее сознание. Как будто альковная тайна стала известной и обнажилась неприглядная правда жизни. Кураж победы оказался мимолетным, а на языке проступил стойкий привкус горечи. Прежнее предчувствие, что книга жизни вскоре окажется закрытой и перевязанной подарочным бантом, вызвало у нее горькую усмешку, а мир денег начал стремительно терять былое очарование. «Неужели к этому я стремилась? — мелькнуло в ее голове. — Порядочному человеку без денег жить нельзя! И я всю жизнь добивалась этой цели. А теперь передо мной встал другой, неожиданный вопрос: вообще, что это за материя, — деньги? Прошло всего несколько минут, как я получила их в избытке, а голова уже раскалывается от совершенно новых мыслей. За всю жизнь я ни разу не задумывалась о порядочности, как вдруг, отхватив немойственный капитал, ощутила, что эта абстрактная категория — порядочность — стала тревожить меня. Да, деньги — та-

инственная материя. Когда они в избытке — тебя влечет к благородству, когда их нет — ты способен на преступление! Так кто же я — католичка с берегов реки Арно или авантюристка, играющая на страстях человеческих, предпочитающая порочную материю — духу святости? В любом случае — вперед, к радости, которую дает богатство. Хватит интриг и предсказаний, заговоров и ворожбы, пора начинать жизнь завсегдапятизвездных гостиниц, светских салонов и кинофестивалей. Поживи в роскоши, в покое. Утром за чашечкой кофе читай светские новости в «Фигаро», днем посещай выставки собак и цветов, а вечером — презентационные праздники «Картье» или «Булгари». Чтобы в полной мере насладиться сознанием того, что я миллионерша, позволить себе любое, самое невероятное сумасбродство. Обезумевшая богачка с чувством сладострастного нетерпения намерена купить партнера для секса, водителя для развозов, слугу для утреннего кофе, чтеца для знакомства с прессой, массажиста для улучшения кровообращения. Накормить себя самыми изысканными яствами, нежить свое тело шелковыми кружевами, баловать себя украшениями, наконец, общаться с привидениями в каком-нибудь старинном замке. Неужели вся тайна счастливой человеческой жизни уместается в один непреложный закон — в нужное время оказаться в нужном месте? Но тогда какое же это жалкое существо — человек!»

К мега-яхте «Святой Дух» подкатил автомобиль. Флорентийка устроилась на заднем сидении, глухо бросив водителю: «Пожалуйста, площадь Сен-Франсуа, а затем в аэропорт». Она откинулась на спинку кресла и взбудораженная последними событиями дала волю эмоциям. Слезы слепили глаза, от возбуждения участился пульс, под-

нялось давление. Она бросила на язык успокаивающую таблетку и горько усмехнулась: «Конечно, ничего этого мне не нужно. Как палачу нельзя дотрагиваться до младенца, так и мне нельзя давать возможность распоряжаться финансовыми ресурсами. Мне хочется иметь все самое престижное, дорогое, но внутренний голос подсказывает: это суета, не стоит серьезных усилий. Вот гнусный парадокс борьбы за самоутверждение. Ловишь упругую нить жизни, а она, оказывается, опутывает тебя быстро рвущейся паутиной. Никак не удастся ухватиться за прочную материю! Во всем — зыбкая, преследующая, как тень, сиюминутность. Я чувствую, что не могу оторваться от своего ремесла, заняться чем-то новым, не связанным с погоней за крупными купюрами. И при этом странная вещь: я не способна ответить, почему я так старательно стремлюсь к богатству. Ведь, прежде чем желать чего-то конкретного, необходимо познать его значение и необходимость. Поневоле размышляешь стать *Alter ego* нравственного человека».

Между тем автомобиль въезжал на площадь Сен-Франсуа. Госпожа Паппалардо не желала, чтобы водитель видел, что она направляется в учреждение под названием «Banque de France». «Пожалуйста, остановитесь. Минут через десять я вернусь». Убедившись, что она вне поля зрения водителя, флорентийка вошла в банк, обратилась в отдел VIP-клиентов. Тут она предъявила подписанный Понсэн чек на сумму сто семьдесят миллионов сто тысяч долларов с поручением, чтобы указанные деньги зачислили на ее личный счет в *Banco di Roma*. Паппалардо сделала копию со своего внушительного чека и спустилась в подвальное помещение, где располагались личные сейфы клиентов бан-

ка. «Sapienti sat»¹, — сказала она пароль охране и подошла к сейфу. Это был металлический ящик размером 65?45 сантиметров. Женщина с берегов реки Арно была вынуждена абонировать столь внушительный сейф. Дело в том, что только здесь мог поместиться портативный холодильник, в котором хранился флакончик с иверовской спермой. Затем с помощью банковского офицера она открыла сейф и заглянула в холодильник, убедилась, что драгоценный флакончик на месте, вложила в файл копию драгоценного чека, закрыла ящик и вышла на улицу. Чтобы все выглядело достоверно, Паппалардо направилась в аэропорт. Общаться с российским дипломатом она не собиралась. Но если бы такое свидание состоялось, она не уклонилась бы от беседы. Ей, профессору авантюрных сюжетов, такие встречи приносили профессиональное удовлетворение. Кроме того, облапошить господина Шиндяпкина, как, впрочем, любого другого мужчину, было ее насущной потребностью. Аэропорт Ниццы находится в черте города. Так что уже через пятнадцать минут она входила в здание аэровокзала. Вылет рейса номер 209 «Ницца — Москва» задерживался на час. «Сама судьба хочет, чтобы я с ним встретилась», — подумала Паппалардо. Женщина прошла по залу, подошла к бару и заказала «эспрессо». Здесь ее стали одолевать странные мысли: «Склонна ли моя натура лишь созерцать красивые и спокойные картинки высшего света? Не помру ли я от скуки, общаясь с подобной публикой? Мне нужна стихия риска, накал страстей, мне нужен азарт обогащения, а не деньги сами по себе. Меня интересует победа, а не громкие стенания жертв. Быть всегда на один шаг впереди любого человека — вот мое кредо! Мой сце-

¹ «Мудрому достаточно» (лат.).

нарий жизни — не заведование мертвым капиталом, не обладание шелковыми нарядами и ювелирными иллюзиями. Мое место там, где кипит практический ум! Где каштаны превращаются в изумруды, где маски правят душами и страстями людей, а льстивые восхваления вызывают меньше угрызений совести, чем гнусное предательство друзей. Там, там источник вдохновения для авантюрных личностей! Но как мне себя реализовывать, если буду скована светскими обязанностями, если меня будут окружать слуги в ливреях? Нет, дорогая! Человек, бегущий от самого себя, сходит с дистанции. Назад, к своему «я»! Назад, к собственной ментальности, к Сисмонде Паппалардо, какой она была до этого судьбоносного дня. Я буду и впредь заниматься своим замечательным ремеслом, но на новом уровне, в обличье светской богачки, в кружевах салонной дамы, в бриллиантах аристократки». В этот момент она услышала знакомый голос с сильным акцентом: «Рад тебя видеть». Перед ней стоял улыбающийся Шиндяпкин. От него несло перегаром. «Ты не представляешь, какая ты замечательная тетка. Ты открыла мне новые горизонты, я обрел полет мечты. Ты пришла в аэропорт, чтобы увидеть меня? Желаешь что-то сказать? Вспомнила какую-то важную деталь?» — «Нет! Я хотела убедиться, что ты действительно летишь в Москву спасти Иверова». — «Но это станет тебе в копеечку!» — «Твой бюджет меня совсем не напугал. Скажу откровенно, я предполагала более высокие ставки. Ты не разбойник, а прямо волонтер «Каритас»¹. — «Что, мало денег насчитал? Давай перепишу». — «Бумага уже в работе. Поздно!» — «Ну, итальянцы, вас хлебом не корми, только дай русского объегорить. Дай бюджет переделать.

¹ Благотворительное общество Римской католической Церкви.

Речь же идет о твоём братце». — «У тебя странная особенность: постоянно убеждать меня, что ты полный кретин. Это твоё личное качество или характерная черта всего русского народа? Ты взялся ограбить моего кузена, то есть в буквальном смысле выкрасть мое наследство, и обижаешься на меня, что я отказываюсь стать твоей сообщницей. Подумай, как ты выглядишь в глазах здравомыслящих людей! Ты напоминаешь мне короля Испании Филиппа Четвертого, который требовал от своей родной сестры, королевы Франции Анны Австрийской, обворовывать собственную страну». В этот момент она про себя хохотала: «Никто еще не сравнивал этого жалкого типа с королем Испании». — «Чудовище! — с улыбкой сказала она. — Иди и не являйся ко мне без детального плана действий в Москве. И не пытайся от меня чего-нибудь требовать — иначе я сведу с тобой счеты по-персидски». — «Ха-ха! Это как?» — сверкнул он пьяными глазками. — «Очень больно!» — «Но как?» — «Жертву растягивают, как гамак, закрепляя руки и ноги. Потом кладут на живот крысу, накрывают ее ведром и привязывают его крепко-накрепко. Зверек мечется, а никакого выхода не находит. Тогда он начинает прогрызать себе ход наружу через человеческий живот...» — женщина с берегов реки Арно выговорила все это спокойно и просто, так что ее нельзя было заподозрить в особой ненависти к российскому дипломату. «Разреши хоть водки выпить? Ты на меня такую жуть навела, что без водки и не выдержать. Бррр! А мое чревоущание тебе не жалко?» — «Господи, что ты за человек! Таких в Европе не встретишь. То предать кузена просишь, то водку тебе подавай. А еще дипломат!» Сисмонда Паппалардо рассчиталась с барменом и направилась к выходу. Пьяный Шиндяпкин последовал за ней. «Госпожа Паппалардо, ты понадобишься

мне в Москве. Могу ли я рассчитывать на твой приезд?» — «Звоните!» — она пошла так быстро, что российский дипломат, у которого заплетались ноги, отстал и выругался: «Черт с тобой, «макаронница». Я еще вытяну у твоего брата все его активы!» Крайне возбужденный, господин Шиндякин вернулся к стойке бара, чтобы опрокинуть еще одну рюмку водки.

Флорентийка нашла автомобиль и велела возвращаться на мега-яхту «Святой Дух». В сознании опять всплыли чек на огромную сумму и флакончик со спермой, хранящийся в банковском сейфе. Мытарства прежней жизни ярко вставали перед ее глазами. Беспорядочные воспоминания выползали из памяти, как встревоженные муравьи из муравейника. Родилась она в 1955 году на Сицилии, в год, когда на острове была объявлена федеральная программа «Антимафия». Когда Сисмонде было пять лет, овдовевшая мать перевезла ее в маленький городок Пратолино, в десяти километрах от Флоренции, столицы Тосканы. И именно в Пратолино маленькая Сисмонда впервые узнала, что, кроме итальянцев, на этой земле живут еще и русские. Самая роскошная вилла провинциального городка принадлежала русскому дворянину Павлу Демидову. А ее первой подружкой была дочь русской, которая служила у наследников Демидова. В этот сказочный край ее забросила жестокая революция. Сисмонда и Сонечка, так звали русскую девочку, бегали по живописным холмам Пратолино, и это были самые счастливые годы Сисмонды. С семи лет она начала зарабатывать на хлеб. Рядом с ней жило несколько еврейских семей. Это были очень набожные люди, во всем следующие предписаниям Талмуда. Они договорились с матерью Сисмонды, что девочка каждое

субботнее утро будет включать свет, топить печи, разжигать керосинки, варить кофе, потому что религия запрещает им по субботам выполнять какую-либо работу. Два года спустя она начала разносить обеды, гладить белье, присматривать за детьми. Сисмонда получала по несколько лир в день, и у нее формировался характер волчонка: в начале шестидесятых улицы Италии представляли собой агрессивную среду. Именно в это время она с матерью переехала во Флоренцию и начала думать о постоянном заработке. Конечно, тогда ее аппетит был значительно скромнее нынешнего. Но от одной лиры она неуклонно поднималась к десяткам, сотням и тысячам. Девочка попробовала себя во всех уличных профессиях: уводила кошельки и сумки зевак-туристов, вскрывала автомобили приезжих, помогала фотографу искать клиентов, была помощницей у гадалок, ломщицей денег¹, воровкой велосипедов, продавщицей местных поделок, предсказательницей и даже индивидуальным гидом. Весь день Сисмонда жила на улице, а когда городская жизнь перемещалась в рестораны, она бежала в вечернюю школу. Чтобы стать преуспевающей гадалкой и предсказательницей, надо было украсить свою речь метафорами, и она зарылась в книги. Она принялась изучать творения великих земляков в галерее Уффици, в музее Сан-Марко, в палаццо Питти, в церкви Санта Мария Новелле, на площади Синьории. Чтобы быть быстрой и шустрой — отказалась от транспорта и всегда обходила свой замечательный, заполненный туристами, город пешком. Чтобы производить хорошее впечатление — училась великому искусству общения, чтобы приобрести ловкость рук, способность лукавить — час-

¹ Один из способов мошенничества при пересчете ассигнаций (жарг.)

тенько гостила у местных цыган, чтобы приобрести коммерческую хватку — посещала еврейские семьи в Пратолино. Так она высекала и лепила себя. Но в отличие от великих земляков-скульпторов, работающих резцом по осязаемому материалу, Сисмонда Паппалардо шлифовала внутренние грани своего характера. Она не стремилась, войти в интеллектуальную элиту, в кружки поэтов, музыкантов или философов. Женщина с берегов реки Арно готовила себя к битве за материальное благополучие. И улица подсказывала: для того, чтобы сохранить и приумножить тот дух вольности, к которому она привыкла с детства, ей необходимо иметь особый набор профессиональных навыков. К двадцати годам она поняла, что Бог не наделил ее той внешностью, которая могла гарантировать хотя бы сносную личную жизнь, и Сисмонда Паппалардо раз и навсегда зареклась даже думать об этом. К двадцати пяти годам женщина была убеждена: она сделала из себя человека, способного выжить в любых условиях. Ни инфляция, ни безработица, ни падение курсов акций, ни снижение котировок, ни экономическая депрессия, никакие другие финансовые потрясения не могли лишить ее заработка. Она мастерски владела своей главной профессией — находить и обольщать жертву, чтобы увеличить свой материальный достаток.

Поглощенная видениями былого, флорентийка подкатила к яхте «Святой Дух». На палубе стояли Жаклин Марч и Анна-Валери Болль. Молоденькая дама, лицо которой скрывала летняя шляпка, курила, Анна-Валери ела мороженое. Со стороны казалось, что их совершенно не интересовал приезд госпожи Паппалардо. Флорентийка же выглядела взволнованной. Воспоминания о безвозвратно ушедшем времени обволакивали ее сердце глубокой печалью.

лью. Она желала мыслями задержаться в минувшем, но ярчайшая белизна корабля засветила пленку ее детства и юности и они бесследно исчезли с экрана сознания. «Опять эти невыносимые рожи, — мелькнуло у нее в голове. Впрочем, она тут же взяла себя в руки и с доброжелательной улыбкой произнесла: «Салют, дорогие дамы». — «Сейчас начнет притворяться и лгать!» — подумала Болль. «Надо выманить у нее флакончик со спермой и немедленно отбыть в Лондон», — сказала себе красotka Марч. «Болль начнет допытываться о переговорах с Шиндяпкиным, а Жаклин станет выпрашивать у меня соглашение по *in vitro*». Сисмонда Паппалардо поднялась на палубу, предвидя до мельчайших подробностей всю схему переговоров с компаньонками, когда править балом будут обман, коварство и жестокость. Ждать, что дележ украденного состояния окажется в согласии с моральными принципами, — значит готовить себе горькое разочарование. Госпожа Паппалардо отлично понимала это и впала в меланхолию, которую могут себе позволить лишь состоятельные особы. Большая ошибка думать, что обеспеченные люди управляют с собственным «я» успешнее, чем простолюдины. Чем человек богаче, тем больше он подвержен душевному разладу. «Ну что, милые дамы, пообщаемся в гостиной? А где госпожа Понсэн?» — «Она отъехала. Сказала, что скоро вернется», — парижанка пристально всматривалась в глаза Паппалардо, надеясь прочесть ее мысли. «Куда подевался российский дипломат? Расскажи нам поподробнее, Сисмонда», — оживилась Жаклин Марч. «Спокойно. Отлично понимаю, что вы желаете приобщиться к большим деньгам Андрэ Иверова. Но дайте дойти до гостиной...» — с преувеличенной веселостью бросила флорентийка. «*Perche sei con lei e non aspeti in cabina? C'era un*

accordo fra noi, Boll. Tu fai solo cio che dico io. Oppure hai voluto fare il tuo gioco?» — «Niente affato. E'successo per caso...»¹ — «О'кей! Вы уже начали секретничать. Я не собираюсь торчать здесь вечность. Мне, собственно, не так уж важно, о чем вы вели переговоры с русским чиновником. Я-то представляла себе дипломатов с несколько другими лицами...» Дамы вошли в гостиную и расположились в креслах. «Если вы помните, я говорила, что двадцать девятого июня наш дом высокой моды Рассела Вильсона показывается в Париже. Так что мне надо торопиться. Предлагаю рассмотреть мой вопрос первым. Если совсем недавно я еще колебалась по поводу *in vitro*, то сейчас совершенно уверена, что хочу родить наследника Иверову. Давайте решать, когда вы отдадите мне пузырек?» В этот момент дамы услышали, что к яхте подъехал автомобиль. «Анна-Валери, дорогая, посмотри, пожалуйста, кто там?» Болль выглянула на пирс Пфанев-Валь и объявила: «Это госпожа Понсэн». — «Одну минутку, — встала с кресла Паппалардо, — я должна сообщить ей срочную новость», — и тут же вышла на палубу. «Это страшилище не так-то просто оседлать», — отметила Марч. «Она всех нас дурит», — пронеслось в голове у Болль.

Элизабетт Понсэн и флорентийка, беседа, сошли на пирс. Сисмонда Паппалардо поставила перед собой следующую задачу: очередные атаки на иверовского юриста вести по трем направлениям. Первая линия — беременность с помощью спермы Иверова. Вторая линия — российские дела, за которыми стоял господин Шиндяпкин. Ее

¹ «Почему ты с ней, а не ждешь меня в каюте? У нас же с тобой уговор, Болль, ты полностью подчиняешься мне. Ты что, решила вести свою игру?» — «Да нет, все вышло случайно...» (*итал.*).

целью было стать эксклюзивным посредником между атакующими фигурантами и защищающейся Понсэн. В этом случае она получала широкое поле для развития интриги и весь переговорный процесс проходил бы под ее полным контролем. Третья линия должна была стать знахарской. При помощи различных зелий необходимо было держать Элизабетт под постоянным психотропным воздействием, чтобы управлять движениями ее ума и сердца. В этом случае решения Понсэн принимались бы под ее диктовку. Помимо воплощения стратегической сверхзадачи, Паппалардо желала сделать несколько тактических шагов. Поэтому разговор затягивался. Флорентийка воздействовала на почтенную даму с помощью гипноза и красноречия, завораживая ее увлекательными сюжетами и хитрыми схемами. В конце беседы флорентийка убедила Элизабетт Понсэн не подниматься на яхту, пронизанную негативной энергетикой, а отправиться к себе на квартиру. «Спокойствие для тебя — лучшее лекарство». Получив от Элизабетт все необходимые полномочия, Сисмонда усадила ее в автомобиль, распрощалась, обещала вечером навестить и вернулась в гостиную яхты «Святой Дух».

Госпожа Болль обладала солидным весом, грубым голосом и слабым умом. Она смотрела на флорентийку, расположившуюся сейчас в соседнем кресле, и негодовала. Болль подозревала, что Паппалардо, уже ограбившая Иверова, мечтает улизнуть с нажитым добром, оставив ее в дураках. «Что ты сейчас собираешься делать, Сисмонда?» — госпожа Болль сжала свою голову руками, словно боялась, что она разлетится. «Голова болит? — участливо спросила женщина с берегов реки Арно. — У меня есть эффективные таблетки, которые помогут». — «С тобой не только голова разболится, но сердце разорвется. Почему ты всегда

одна ведешь переговоры? Я тебя вызвала, чтобы ты мне помогала, а не плела за моей спиной интриги». «Una parola ancora e ti butto fuori. Non metterai piu piede su questa nave. Un paio di giorni fa eri d'accordo che io fossi a dirigere le trattative con tutti quanti. Ed invece hai dato spettacolo»¹. Злая реплика Сисмонды угнетающе подействовала на состояние духа Анны-Валери. Неизъяснимый ужас выразился на лице парижанки. Ошалев от потока Паппалардовских флюидов, совершенно подчинивших себе ее сознание, госпожа Болль, бормочущая себе что-то под нос, проявляла явную неадекватность. Жаклин Марч была поражена тем, что происходило на ее глазах. Она хотела что-то сказать, но запнулась, потому что парижанка вдруг зарыдала. — «Пройдем ко мне. Надо поговорить. Она сама успокоится», — сказала Паппалардо. — «О'кей!» Обе дамы удалились в игральный салон. «Что будем делать?» — первой спросила модистка из Лондона. — «Спасать князя». — «Хочу с тобой договориться по *in vitro*». — «Сделай предложение, от которого невозможно отказаться». — «Двадцать процентов!» — «Такие цифры пролетают мимо моего сознания». — «Двадцать пять процентов и ни цента больше!» — «Слышу приятный голос, до слуха доносятся чарующие цифры. Это уже предмет для диалога. Ты понимаешь, я должна согласовать твоё предложение с Анной-Валери. Но эта бедняжка в таком жутком состоянии, что лучше отложить решение вопроса на несколько дней. В принципе — я за! Осталось подготовить текст договора. Если ты не против, то договор между нами будет основан на английском праве».

¹ «Еще одно слово — и я вышвырну тебя вон. Твоей ноги на судне никогда не будет. Пару дней назад ты была согласна, чтобы я руководила переговорами со всеми участниками интриги. А сегодня закатила концерт» (*итал.*).

— «О'кей. Тогда я лечу в Лондон, чтобы уже послезавтра быть в Париже». — «Прелестно, милочка! Дай я тебя поцелую на дорогу. Кстати, возьми «Ягуар». Он доставит тебя в аэропорт. Как только будет готов договор, мы тут же вылетим в Лондон на его подписание. Не забудь условленную цифру — двадцать пять процентов от всех активов иверовского состояния, которые тебе достанутся». — «О'кей. Сисмонда, еще один вопрос: я хотела бы хранить пузырек сама. У меня он будет в безопасности». — «Прекрасная идея... Впрочем, он помещен в специально оборудованный спермобанк около Сен-Тропе. Так что, увы!» — «Я бы съездила за ним». — «Нет, солнышко, занимайся своими делами, и после твоего триумфа в Париже мы встретимся для подписания договора. Чао!» Они еще раз поцеловались и разошлись. «Красота затмила ей разум, — усмехнулась женщина с берегов реки Арно. — Она готова отдать мне двадцать пять процентов иверовского капитала! Вы подумайте! Какая щедрость! Какой размах благотворительности! Какое тонкое понимание бизнеса! А пиццу за десять евро не желаешь? Подумай, Сисмонда, зачем она вообще тебе нужна? Сперму Иверова ты сама можешь продать за девяносто процентов. За девяносто девять процентов! А один процент от его состояния — это восемьдесят миллионов евро! Это тоже невероятно много! Прислушайся, Сисмонда, к своему практическому уму, к голосу своего лукавого сердца: восемьдесят миллионов! Зачем выбрасывать на ветер такие бешеные деньги, если в странах Балтии, Восточной Европы женщина-донор стоит пятьдесят тысяч евро. Эксклюзивное право на усыновление — еще двадцать тысяч евро! Кто, кроме меня, может знать, что ребенок — наследник миллиардов? Скажу, что это сперма моего погибшего сына. И за семьдесят тысяч евро я получу прием-

ника Иверова. В моих руках окажется золотой ключ ко всему состоянию одного из богатейших людей Франции. Я получу себе сына! Это будет лучшей работой моей жизни: сын-красавчик на вилле и миллиарды в банке! Сказка! Но при чем здесь ты, Жаклин Марч? Торопись на подиум и соблазняй кавалеров! Снимайся для эротических журналов. Вот твой формат жизни! Там и оставайся! Но на площадке хитроумных ходов, на ниве авантюрных мыслей, там, где стригут шальные купоны, там, где выковывается истинная страсть человеческая, — посторонись! Это мой мир, моя сцена, и там для тебя места нет. Чао! И надеюсь, навсегда! А теперь необходимо вернуться к Болль. Эта дама совсем обезумела. Надо дать ей отступные, и пусть возвращается в Париж!» Паппалардо направилась в гостиную и застала Анну-Валери за стойкой бара. Болль пила виски «Чиваз» и жадно курила. Ее заплаканное лицо было в сигаретном дыму. Как только агент по особым поручениям князя увидела флорентийку, она воздела руки и взмолилась: «Прости меня, дорогая, мои нервы никуда не годятся. Я виновата перед тобой, но не бросай меня. Кому я нужна в старости?» — «Но почему ты думаешь, что ты нужна мне? Сколько дать тебе отступных, чтобы ты оставила «Святой Дух»? Я не смогу больше работать с тобой, и это понятно. Я несколько раз тебя предупреждала!» — «Сколько ты заработала?» — сдавленный голос госпожи Болль был еле слышен. «На глупые вопросы я не отвечаю. В последний раз спрашиваю: сколько дать тебе отступных?» — «Я надеялась получить еще три-четыре миллиона. Дай мне, пожалуйста, половину этой суммы». — «Договорились! Езжай со всеми своими вещами в гостиницу «Негреско». Подготовь короткую записку, что получила от меня два миллиона евро и ко мне по делу Иверова никаких финансовых претензий не

имеешь». — «А деньги?» — «Через час я привезу тебе чек в гостиницу». — «На все два миллиона?» — «На все два миллиона!» — «В ресторан гостиницы?» — «Именно так. Теперь съезжай с судна. Автомобиль будет ждать тебя у трапа». — «А если ты не приедешь?» — «Тебе никогда не хватало ума! Вон с корабля! Тут я приказываю!» После этих слов Паппалардо сняла трубку: «Пьер Дюлар? Помогите госпоже Болль собраться и оставить яхту «Святой Дух». Автомобиль отвезет ее в гостиницу «Негреско». Спасибо!» Воцарилась тишина. Анна-Валери Болль стояла бледная, боясь шелохнуться. Сигарета почти вся выгорела, и с ее кончика свисал лишь пепельный скелет. «Чао, Болль!» — наконец, сказала Паппалардо. — «Салют! Жду тебя в гостинице». Чтобы не растягивать прощание, женщина с берегов реки Арно вышла первой и направилась к носовой части корабля. «Бездарное создание! Для чего она прожила жизнь? Ни одного мудрого поступка, ни одного проявления человеческой мощи, ни одной радости от полета собственной фантазии! Одни жалобы на жизнь, зависть к богатству и высшему свету, выкуренные сигареты и выпитые стаканы. Скучно и пошло! Чао, Болль! Пора вернуться в гостиную и наедине с собой подумать, что делать дальше». Уверовав, что обращение неверных компаньенок в лоно своей ментальности — совершенно не ее призвание, женщина с берегов реки Арно вернулась в гостиную. Теперь Паппалардо как никогда прежде была уверена в себе. Анализ расставок фигурантов иверовской аферы на игровой площадке свидетельствовал, что главным действующим лицом стала она, Сисмонда. Она являлась сейчас тем центром или главным штабом, откуда только и могли даваться команды и распоряжения по существу вопроса. Более ста семидесяти миллионов долларов уже лежали на ее счете. Кон-

куренты разбиты и рассеяны. Теперь мысль о собственном ребенке князя и несметном состоянии с невероятной силой начинала дразнить ее авантюрное честолюбие. Но как попавший в тужельку камешек нарушает пленительную грацию походки стройной красавицы, так и отсутствие женщины-донора, готовой на *in vitro*, мешало ей наслаждаться достигнутым успехом. Именно теперь Паппалардо решила, что ей необходимо вылететь в Брест, чтобы отыскать персонаж для финальной сцены предстоящей высокоприбыльной оферы «*in vitro*». Почему именно в областной город Белоруссии? Никакого ответа на этот вопрос не было. Просто в ее памяти неизвестно почему всплыло название этого белорусского городка, созвучного французскому портовому городу. «Да! Необходимо сейчас же лететь в Брест». Сисмонда Паппалардо решительно встала и направилась в каюту собирать вещи. Когда чемодан был уложен, она подписала чек на два миллиона евро, завернула его в туалетную бумагу и направилась по адресу, где ее ждала парижанка. Затем ей надо было побывать у Элизабетт Понсэн и уже потом ехать в аэропорт Ниццы. В этом городе на сегодняшний день больше никто не интересовал Паппалардо. Но как знать, где будет разыграна следующая сцена? Впрочем, она должна была еще сюда вернуться. Здесь оставался холодильник в банковском сейфе.

Глава XXII

Андрей Иверов лежал под кустами сирени за церковной оградой Пименовского храма. Но в своих видениях он был далек от Москвы. Как ни старался князь определить, где и в каком именно месте он находится, ничего не получалось. Так обычно бывает с людьми, внезапно пробудившимися или переживающими состояние растерянности. Он не то чтобы совсем сбился с дороги, но по чьей-то воле, по какому-то загадочному умыслу очутился в таинственной власти неизвестного хозяина. Ему представилось, что оказался он здесь не случайно, а был востребован кем-то для очень важного разговора на тему, к которой князь ранее и прикасаться-то остерегался. Душа Андрея Константиновича была сейчас необыкновенно взволнована. Князь предчувствовал, что вот-вот наступит самое важное событие его жизни. Одновременно Иверов предполагал и нечто совсем иное: а что если в пустых, часто нелепых переживаниях он уже давно утратил самого себя? И предстоящий разговор вдруг начинал казаться ему чепухой, блужданием в собственных сумбурных грезах, и тогда ни на какую встречу с невероятным надеяться не приходилось.

Очень уж пустынно и безлюдно выглядело пространство, в котором он пребывал. Какие-то угрюмые, похожие на бу-тафорские с антрацитовом блеском скалы вокруг небольшого неустойчивого озера: вода в нем то исчезала, то появлялась вновь, упрямо окатывая ступни князя. На полумертвом, почти голом, бескрайнем пространстве кое-где виднелись темные скелеты редких деревьев. Они дымились, как после пожара, а разбросанные повсюду валуны выглядели раскаленными на огне. Мрачную картину усугубляли полнейшая тишина и синеватые сумерки. Очертания местности, казалось, были вырублены грубым резцом первобытного человека. Небо было обложено неподвижными, словно бы пришитыми к нему тучами. Тревожное ожидание затягивалось, а близость неведомого все больше подавляла и угнетала рассудок Иверова. Он был в смятении, поминутно раздражался, пытался найти хоть какой-то смысл в своих видениях, но все надежды понять, что происходит и как он попал в этот заброшенный мир, оставались тщетными. И его пронзил ужас. Ницше считал: для того, чтобы стать настоящим немцем, необходимо разнемециться. Князь так и решил: чтобы приостановить навязчивое надругательство неизвестности над своим больным сознанием, необходимо развиртуализоваться, очнуться и окунуться в знакомый и привычный мир. Едва он сделал попытку добиться ясности, как вдруг услышал незнакомый, саркастический голос: «При виде закрытых дверей церкви душа твоя возрадовалась. Как ты объяснишь это свое состояние Ему?» — «Слуховая галлюцинация», — подумал Иверов. Он прислушался более внимательно. «Ты слышишь Меня?» — спросил голос. — «Да. Но кому я должен давать отчет? С кем вообще я обязан согласовывать состояние своего духа?» — ошеломленный, сам похожий на приви-

дение, бросил Иверов в гнетущее пространство. «А если бы он явился сейчас сюда для разговора с тобой...» — «Кто он?» — «Он Сам...» — «Сам он! Как — Сам он?..» — потрясенно и тихо проговорил Иверов. «Да! Да! Он Сам! Ты же стал бы упрекать его за несовершенство сотворенного им, жалкой жертвой которого являешься ты сам?» В начале князю казалось, что он стал пленником непостижимых причуд сознания, выбросивших его в пространство абсурда, теперь же Иверов все более понимал, что становится заложником злейшей мистификации. «Позволь, а ты кто? Почему я не вижу твоего лица?» — «Я — голос воплощения великой радости человеков. Я — повелитель планетарного масштаба, искушающий твоих братьев прогрессом, комфортом, творчеством, страстью, пьянящими чувствами. Это я разжег в человеках неистребимую жажду к власти и богатству. Это я внушил вам создать институты принуждения, обзавестись армиями и органами управления. — Голос становился все более напряженным и напористым. — Это я представляю тебе подобным совершенствовать себя, сферу обитания, строить виллы, автомобили, дороги, дискотеки, курорты, развивать бизнес и мир развлечений. Это я — вначале внедрил в сознание человеков, что красота покоряет мир, а затем — превратил красоту в комфорт и преподнес вам культурный реванш за цивилизационную недоразвитость. Разве он сам способен был создать столь увлекательный мир? Никогда! Это с моего повеления человеки открывают тайны природы, устремляются в бездну Вселенной, начинают клонировать самих себя. Что было от него в Эйнштейне, когда тот создавал теорию относительности? Или в Гане и Штрасмане — открывших расщепление атомного ядра? Именно я — бесконечная пытливость разума. Это я — земная энергия людской страсти. В каждом людс-

ком гении виден мой образ! Я — царь человеческого ума и повелитель его плоти! Теперь ты понял, Кто именно говорит с тобой?» — «Да! Но эта встреча несколько не порадовала меня. Мне чужд твой пафос, и я бегу из твоего мира». — «Ты не желаешь открытыми глазами и непредвзято смотреть на мои дела? Может, взглянешь на его бездействие?» — «Не имею никакого желания слушать хулу в его адрес». — «Нет уж, слушай. Я поминутно борюсь за каждую душу человеческую. Поэтому умы и сердца едва ли не каждого из вас уже давно принадлежат мне. И лишь души отдельных представителей вашей породы еще тянутся к нему. Я хочу вернуть тебя в твою прежнюю, безмятежную, исполненную радости жизнь, Создатель которой я!» — «Скажи, а почему ты сам живешь в таком мрачном мире?» — «Я с умыслом выбрал эту площадку, чтобы показать тебе, что он сотворил. Я принял власть над этой землей именно в теперешнем ее виде. Я получил ее в огне и пепле, с хищниками в пещерах, кровожадными драконами, неистовой стихией и немногочисленным стадом флегматичных человекоподобных существ... А как прекрасна она сейчас! Земля — это единственное место во всем мироздании, где существо, не признающее его, может прожить в нескончаемой радости и удовольствиях. Ты сам — какой изысканной роскошью пользуешься! Тебе, а не ему, принадлежит этот мир! А ведь это исключительно моя заслуга. Разве он способен был дать тебе все это? Он видит жизнь своей паствы в молитвах и грезах. В сказках! А мы существуем в реальном измерении. Мы осязаем жизнь со всей силой страсти! Именно поэтому я творю денно и нощно, чтобы улучшить, совершенствовать вашу жизнь. А он — ленивец, он посвящает вам лишь сороковые четверги, да и то в час снисхождения. Он никак не найдет времени для своего так

называемого Второго Пришествия. В его храмах молятся, стонут и просят: «Эй, гряди!..» С другой стороны, сами книжники и церковники глаголют, что-де не ваше дело знать времена и сроки, которые он положил в Своей власти. Сам он говорит так: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам: и тогда придет конец. Итак, когда увидите мерзость запустения, реченую через пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы <...> ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть: но ради избранных сократятся те дни. Тогда если кто скажет вам: вот, здесь, он, или там, — не верьте <...> ибо, как молния от востока и видна бывает даже на западе, так будет Мое пришествие...» Празднолюбие! Не желает покинуть сладостный Эдем и заняться улучшением жизни своей паствы. Я — его противоположность. Я — трудоголик! Посекундный Творец! Признай, я никогда не покидал землю!» — «Неубедительно!» — выдохнул в страшном напряжении господин Иверов. «Тебе нужны доказательства его лени и слабости? Изволь выслушать: если бы он имел ту Силу и ту Любовь к вашему роду, о которых глаголют его книжники, разве допустил бы, чтобы Храм Рождества Его в Вифлееме множество раз по колено заливали кровью христиан? Разве позволил бы, чтобы большевики грабили церкви и уничтожали толкователей его догм и Его слов? Почему он не предотвратил террор мирового масштаба? Почему не покарал за массовую педофилию католических пастырей, почему позволил венчаться однополым? И не затушил печи в Освенциме, не заткнул пушки мировых войн, не прекратил продажу индульгенций тем,

кто обворовывает христиан? Почему позволил разжечь костры инквизиции, не пресек крестовые походы и многократный разгром христианского Константинополя, Своего Царьграда? Если он — Творец, то почему не заступился за евреев, огнем и мечом изгоняемых из Испании? Если он — Альфа и Омега, начало и конец, то как он мог позволить Своей армии огнем и мечом обращать в христианство мавров Испании, индейцев в Латинской Америке, палестинцев на Своей родине, литовцев, эстов, латгалов в Балтии? Почему вообще ему так необходим меч?! Помнишь ли ты Апокалипсис? Он всегда готов пустить в ход Свой меч, заточенный с обеих сторон. Скажи, нужен ли Творцу меч? Хотя бы и символически? Молчишь? Сказать нечего! Тогда ответь мне, почему в христианских молитвах братья твои называют себя «рабами Божьими», а не его сыновьями, учениками, послушниками, в конце концов? Ведь слово «раб» должно унижать ваше достоинство как свободных людей, да и он Сам обещал дать вам полную свободу. И главное: разве может душа раба ощутить веяние Святого Духа? Не в том ли цель его учения, чтобы освободить человека от рабства? Иначе зачем он сказал: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» — «Ты манипулируешь знаниями с изощренностью саддукея. В Новом Завете словосочетание «раб Божий» встречается лишь один раз, — так называл себя апостол Павел: «Павел, раб Божий, Апостол же Иисуса Христа...». Как видишь, «раб Божий» и «апостол Иисуса Христа» здесь синонимы. Но разве можешь ты, отец лжи, верно уразуметь Писание? Ты просто смеешься надо мной! Вспомни евангельскую притчу о блудном сыне! Как воплотил ее Рембрандт! «Раб — существо подчиненное и униженное, в отличие от сына, равного по достоинству, суверенного, истинного наследника! Но в твоих уп-

реках есть и горечь правды: церковникам-фарисеям не дано понять слова апостола Павла: «А как вы — сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче!» Или «Посему ты уже не раб, но сын: а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа». Именно по этим причинам я не посещаю храмов, где воцарились чиновники от Божьего Завета. Они перекраивают евангельские заповеди по своему усмотрению. И, конечно, не без твоего участия!» — «Да! Попы ваши и кардиналы — удобный материал, чтобы лепить из них тайных проводников моего образа жизни. Это я подсказываю им благословлять бизнес, ездить на дорогих машинах, иметь охрану, шить свои одежды из самых изысканных тканей, окружать себя золотом и роскошью, фаворитами и послушницами. Это я возбуждаю их плоть страстью, а помыслы лукавством. Это по моему наущению они прячут под рясой листки «Интим», счета в банках и яды для устранения соперников. Они проповедуют, что служат ему, на самом деле — это моя армия. Скажу тебе откровенно: редко случается, чтобы служитель его Дома устоял перед моим главным постулатом: живи для угождения своей плоти! К монахам я суюсь редко — это люди его паствы, но среди церковников — я повелитель, и моими стараниями ничто человеческое им не чуждо. А это главная моя забота — чтобы все, на что человек способен и в чем талантлив, они могли проявить свободно, без оглядки на Его заповеди. В этом и ни в чем другом и состоит Наш спор, Наше противостояние! Вам же я повторяю денно и нощно: человек смертен! Радуйтесь жизни теперь, берите от нее все, что сможете взять, окружайте себя красивыми, полезными и дорогими вещами, не делите свою жизнь на черное и белое, на день и ночь, на гармонию и стихию! Будьте счастливы в благородстве

и в низости, в так называемом грехе и в кошерном поступке, любите и ненавидьте всем сердцем, силой разума, крадите и не плачьте, если будете ограблены! Насилуйте мир своим талантом или коварством, признавайте сильного и побеждайте слабого. При этом вы не должны нести бремя греха за свои поступки и мысли. Тем более выкупать прощение! я освобождаю вас от фантома совести!»

Вдруг, именно в этот момент Иверову вспомнились строки Андрея Белого:

*В глухих
Судьбинах,
В земных
Глубинах
В веках,
В народах,
В сплошных
Синеродах
Небес —
Да пребудет
Весть: —
Христос Воскрес!
Есть.
Было.
Будет.*

«С чего бы это? Внутренний протест против монолога супостата или веяние ангельских крыл? Или в моей душе так отражается вечный поединок между звездным небом над головой и болотной корыстью под ногами?»

Голос тем временем продолжал: «Я же учил человека: будьте амбициознее, сами берите власть! Сейчас заканчи-

вается чемпионат мира по футболу, финальная игра в Иокогаме будет венчать эту феерию, в которую вовлечена вся планета. Что в этом мировом празднике от него? Что? Скажи же, что? Ничего! Ни капли! Этот игровой марафон чужд его учению. А его участники?! Работа на износ, травмы, погоня за деньгами, азарт, подкуп, разгул страстей, вражда, ненависть, национальная истерия, пьянство, раскрашенные лица, карнавальные парики и платья, ритмы барабанов — все от меня! Я — хозяин этого мира! Ты это понимаешь? Он завещает вам носить белые холщовые одежды — я советую одеваться в костюмы от «Китон». Он говорит: «Не хлебом единым жив человек, но каждым словом Божиим». А я говорю: «Дух принадлежит твоему свободному разуму, не ограничивай себя химерическими постулатами». Он твердит: «Не чревоугодничай», — я подсказываю открывать по всему свету рестораны, которые ломятся от деликатесов. Он проповедует: «Не прелюбодействуй», — я нашептываю развивать эротическую индустрию и секс — бизнес, в который уже вовлечены миллиарды людей. Он твердит: «Не укради», — я настаиваю: обогащайтесь, как можете, всеми способами и поминутно». Он говорит: «Не сотвори себе кумира», — я внушаю человекам: «Любите Рональдо», — и они создали из него идола. Я советую: «Обожайте Мадонну», — и вы сделали из нее владительницу чувств. Я только намекаю: «Вознесите Тайсона», — и вы превращаете его в фетиш! Он говорит: «Не лжесвидетельствуй», — Я бросаю другой клич: «Для успеха твоего дела и сохранения твоей жизни все средства хороши».

Неужели ты думаешь, что собор Святого Петра в Риме, Сикстинская капелла в Ватикане, Нотр-Дам в Париже, собор Святого Павла в Лондоне и Богоявленский собор в Москве — это его дома? Наивный! Ничуть не бывало! Это

мои площадки для атаки на души человеческие. Это по моему науськиванию возведены сии шедевры зодчества. Это я внушил кардиналам, епископам и митрополитам выделять огромные гонорары для лучших архитекторов всех эпох — Браманте, делла Порте, Виньолы, Рена, Виоллелле-Дюка, для лучших скульпторов и художников — Бернини, Рави, Микеланджело, Перуджино, Боттичелли, Рафаэля, Лебрена — за сооружение памятников, порочно влияющих на человеческую натуру. Чтобы именно его Дома стали источниками одухотворенных соблазнов. Я знал, что людская природа не выдержит этого великолепия, и в ней родится глубокая зависть, а зависть, даже не злобная, — перелицовывает материал, из которого вылеплен ваш род. Он хотел видеть свои дома простыми и скромными, где души человекoв могли бы безмятежно пребывать в согласии с его писаниями и откровениями его апостолов. Наивный! Он думал, что последователи станут выполнять его заповеди. Он пробыл среди вас тридцать три года, а замахнулся на вечность! Человек не хочет спасать свою душу на земле, тем более, что сам его дом уже дрогнул! Я предвидел, что лучшим местом для спора с ним станут его собственные дома. Я пожелал возбудить в человеках протест, позволив пронзить сердце каждого дисгармонией между его словами и делами его посредников. Казалось бы, простая уловка. Но получилось! Человеки клюнули! Начали меняться! С какой-то суетливой торопливостью стали забывать и, не боясь, предавали его заветы! Хочу похвастаться одним из замечательных моих достижений в преобразовании людской ментальности: теперь наказания, которыми грозит забвение его заповедей, доставляют острые ощущения и кружат головы, а не внушают тревогу за принудительную ко-

мандировку в ад! Мир стал меняться быстрее, чем я предполагал. Повсеместно строятся новые роскошные соборы, церковники взяли за правило шить себе платье из самых дорогих тканей у лучших портных, украшать себя ювелирными изделиями выдающихся мастеров, их быт наполнился роскошью и золотом, как кладовые удачливых купцов. Запомни! Там, где создают богатство, ты всегда найдешь мой след! Поэтому сегодня он все более и более теряет власть на этой земле! Он говорит: «Исполняйте десять заповедей и спасайте души свои». Но у современных людей этот императив вызывает лишь ухмылку, какую может вызвать ворчание простодушного старца! Не обращай внимания на толпы католиков и протестантов, православных и коптов, толпящихся возле его храмов на его праздниках. Большая их часть бессознательно участвует в рукотворных действиях, организованных посредниками. Народ нуждается в развлечении». — «Этими измышлениями ты глубоко оскорбляешь сокровенные чувства верующих». — «Я несу вам свою правду. Если в тебе нет ханжества, если ты обладаешь аналитическим умом, то ты признаешь очевидность моих слов. Я сильнее его! Эрозия христианской морали — плод моей неистовой активности. Я всегда, в любой час в каждом из вас присутствую! Мое наивысшее творение — капитал! В самом недалеком будущем динамика бизнеса, неисчерпаемая энергия свободного рынка превратит его учение в истлевший папирус безвозвратно ушедшей культуры. А за всем этим стою Я! Светлые стороны моей безудержной энергии — тоже потемки. Предвидеть логику моей триумфальной поступи невозможно! Я владею на этой земле с ее океанами и морями не только всеми лоциями, выводящими меня на все континенты. Я изучил не только все

автострады, ведущие меня к крупным мегаполисам. Я запомнил не только все дороги, приводящие меня к любым поселкам и деревням. Я познал не только все тропинки к вашим домам и квартирам! Главное, что я владею всеми нитями, связующими меня с похотливыми страстями и нечистыми помыслами каждого из человеков. В этом моя роковая сила! Так что не поддавайся проповедникам: я — князь мира сего, а не «чёрт полосатый». Я — прагматик и голос вашего разума, поэтому мир принадлежит мне! И лишь через меня — вам!» — «Не стану спорить, но именно из такого мира я хочу убежать, потому что он стал чужд всему моему существу». — «Завидуешь моему величию или недоволен своей слабостью?» — «Мне явились другие ценности, нежели те, кои ты назвал неисчерпаемой энергией свободного рынка. Тревога за судьбу мира и непримиримость к агрессии. Установки твоей квазиморали вынуждают меня искать новое место своего обитания». — «Другие ценности? Ха-ха-ха! А я думал, что ты в здравом рас-судке! Желтые и казенные дома — вот места обитания охотников за другими ценностями. Высокородный князь! Ты что, желаешь принимать внутримышечно и внутривенно антидепрессанты и барбитураты? Полно тебе, Иверов! Садись в самолет и возвращайся в Ниццу к привычному быту. У тебя огромное состояние, и ты можешь вволю потешить свое тщеславие». — «Об одном мечтаю — избавиться от твоего влияния». — «Есть идеи?» — «Хочу посоветоваться с ним...» — «А, с ним? Не верю, что ты сам не понимаешь бессмысленность этой затеи. Ты цитируешь Евангелие, значит, знаешь, что рекомендовал он вам две тысячи лет назад. Он свои слова не корректирует. Это я меняюсь и изменяю окружающий мир! Впрочем, не буду мешать. Иди к нему! Только ничего нового и полезного

он тебе не скажет. Мы еще встретимся, я уверен, что ты очень скоро вернешься ко мне! Без моего ведома в этом мире ничего не происходит».

В этот момент озарявший Иверова inferнальный свет потух, и он почувствовал, что лежит не у антрацитовых скал, а под кустами сирени на церковном дворе. Врата Пименовского храма уже распахнулись, и лучи утреннего солнца слепящим потоком ниспадали на лики святых. Князь давно не бывал в храме, поэтому с нескрываемым интересом стал наблюдать за всем происходящим. «Странное чувство стыда проснулось в душе, словно я подсматриваю за чужой жизнью, — подумал он. — Нужно ли мне это?» Вдруг Иверов заметил молодую женщину. Черты ее лица были подчеркнута неправильны: большой лоб, огромные глаза, выдвинутый подбородок, невыразительный мелкий нос, впалые щеки. Женщина была высока, с плоской грудью, иссохшая, с болезненной желтизной, словом, одно из тех существ, которые всем своим видом внушают жалость. На ней была белая косынка, из-под которой выглядывал пучок черных волос. Светлая блузка была застегнута до самого горла, а темная юбка касалась каменного пола храма. Князь никогда не видел столь странно одетых женщин. Но его внимание приковали ее глаза — необыкновенные, словно две сверкающие звезды. В этом взгляде Иверов почувствовал вселенскую умиротворенность. Он любовался глазами молодой женщины, в которых жили, воплощались мечта и надежда. Нет! Она была не просто женщиной из человеческой плоти, она казалась Иверову каким-то неземным существом. Князь даже подумал, что лишь душа ангела может быть исполнена такой непорочности и блаженства, какие светились в этих глазах. Ни малейшего оттенка страсти, ни капли гнева, ни налета печал-

ли, лишь ясность и полнота гармонии. Неведомое волнение охватило князя, побудило его подняться и решительно направиться в храм. Пономарь колокольным звоном извещал верующих о предстоящем богослужении. Уже несколько прихожан творили малые поклоны перед иконами Господа Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы, святых, благоговейно целовали иконы, ставили свечи, осеняли себя крестным знамением, некоторые листали молитвенники. Несуточно, с чувством умиротворенности и душевного согласия храм наполняли члены общины. Прихожане готовились к Божественной литургии. На солее уже стояли псаломщики, а к амвону приближался иерей. Он шел величественно и царственно спокойно. Молодой священник был одет в парчовую рясу, поверх которой на груди висел наперсный крест. Его голова, прикрытая сатиновой скуфьей, бледное, худое, обросшее жидкой бородкой лицо, высокий лоб, впалые виски и щеки, тонкий, почти женский нос над взъерошенными усами, обведенные темными кругами сияющие неисчерпаемой добротой глаза — весь облик божьего человека воскресил в сознании Иверова образ православного храма времен его отрочества. В те далекие годы он с дедом часто бывал в церкви. Тут Иверов вспомнил, как перед ектеньей он осторожным, бесшумным шагом подходил к кануну и ставил первую свечу, затем шел к иконам и зажигал в подсвечниках остальные принесенные свечи. Он заслушивался чтением Евангелия, с особой гордостью носил во время крестного хода хоругви на длинных древках, стоял в хоре на клиросе и распевал с Осмигласника церковные песнопения. «Почему все это я так недостойно отбросил и позабыл? — с горечью подумал князь. — Я же любил атмосферу богослужения, а люди, собиравшиеся на службу, являли собой пример благочестия».

На память пришли слова из Евангелия от Матфея: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут: но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут: ибо где сокровище ваше, там и будет сердце ваше». Иверов вспомнил слова деда: «Небо» в Святом писании выступает синонимом души человеческой, а «сокровища» — богоугодные дела. Дед был набожным человеком, он мечтал, чтобы его внук стал добрым христианином. Именно в этот момент его воспоминания прервались вдруг пришедшими на ум строками Валентина Никитина:

*Но коль молитва немоцна как плоть,
А ум впадает дерзновенно в ересь,
Дай силу мне, карающий Господь,
В возмездие мучительное верить!*

*Я на лицо молитвы упаду,
Я буду грезить, грезить наяву!¹*

«Стихи Валентина Никитина, — подумал Иверов, — помогают мне абсолютно и окончательно определиться: мое будущее — слияние с Богом в виртуальном пространстве. И это же ответ на главный вопрос, терзающий меня последнее время: божественен ли виртуальный мир или наполнен дьявольским присутствием?» Тут мысли Андрея Константиновича были прерваны. «Стой! — услышал Иверов грозный знакомый голос. — Не торопись! Я всегда на стороне ученых, богатых, талантливых людей. Такой путь

¹ В.А.Никитин — доктор Богословия, поэт.

приведет тебя к гибели!» — «К спасению! Именно в Боге больше спиритуального, то есть виртуального, чем в Тебе. В твоей морали, в тайнах твоего бытия, которое со всех сторон окружает меня, — натиск материальных ценностей! А именно от всего материального я хочу теперь бежать! Святой Дух — это и есть виртуальность мира. Бог излил Святой Дух на Своих апостолов, на всех тех, кто желал Им преисполниться. И если недавно я еще боялся и прятался, сомневался, впадал в уныние, то теперь мой дальнейший путь пролегает только в спиритуальной жизни. Я хочу быть счастливым своей болью, мечтаю получать радость от своего унижения. История Иуды Искарриота не вызывает во мне негодования, но рождает бесконечную жалость к преступникам. Не вижу никакого смысла общаться с тобой далее. Прощай! Пусть духовная стезя ведет меня в мир отшельников и изгоев».

Иверов вновь очнулся под кустами сирени во дворике Пименовского храма. Непрерывное чередование реально-го и виртуального окончательно запутало его. «Где я теперь? Да и нужно ли делить мир на разные составляющие, если каждый свой поступок я готов сопровождать молитвой: «Gloria Patri»¹. Не все ли равно, где находиться: в заоблачных высотах власти или на свалке цивилизации, в грезах или реальном мире? Что это вообще такое — вдруг, заново открыть в себе Бога? Впрочем, я бы не стал сейчас доказывать его существование изречениями из Святого Писания. Видимо, Бог коренится в тайниках моей души и для непоколебимой уверенности всегда чего-то не хватает, может, даже застенчивости и смирения. Без них его трудно отыскивать в человеческом существе. Неужели и

¹ «Слава отцу нашему» (лат.).

вправду — само христианство антропологично? И душа человека — это поцелуй Бога? Религиозное чувство во мне проснулось и ожило как ответ на агрессивную речь голоса. Судьба послала его мне, чтобы опять испытать мой разум и совесть? Но не много ли тестов для одного человека? Удастся ли мне, наконец, в полном смирении отправиться в виртуальность?!

Господин Иверов поднялся, взглянул на часы, бросил прощальный взгляд на храм и шагнул к ограде. Он невозмутимо перелез через нее, хотя можно было спокойно выйти через открытые ворота, — и заторопился в интернет-кафе, на встречу с господином Михайловым. Тут опять образ Семирадовой всплыл в его сознании.

Глава XXIII

Кузьма Иванович Шиндяпкин мечтал, лежа на диване в своей московской квартире на Амурской улице ранним июньским утром. Целая вереница сладостных видений окружала его. Ему чудились доллары и евро, в огромных количествах и в самых разных видах. То они заменяли матрац, на котором он благодушно почивал в своих апартаментах, то личные сейфы заполнялись мешками с ассигнациями; то банковские офицеры почтительно знакомили его с головокружительными цифрами его же собственных банковских счетов. И чем дольше заигрывался в своем воспаленном воображении с умопомрачительным капиталом российский дипломат, тем глубже утверждалась в его сознании вера, что он буквально в двух шагах от иверовского состояния. Он настойчиво убеждал себя, что судьба готовит ему именно этот долгожданный подарок: стать одним из богатейших людей современного мира. Могло ли быть что-либо слаще этого? — «Нет и нет!» — говорил себе Кузьма Иванович. А он-то знал толк в этой суетной жизни. Тут зрачки российского дипломата расширились, глаза заблестели, из широкой груди вырвались

радостные вздохи, и он бросился к телефону. Для скорого и успешного разорения Иверова ему нужен был сообщник. Матерый партнер! В Софье Никандровне Вараксиной господин Шиндяпкин видел именно такого человека: без совести и чести, без тени сочувствия и смущения. Он набрал номер и услышал в трубке ее суровый, с хрипотцой, голос: «Да! Говорите». — «Привет, подруга, это я, Шиндяпкин». — «Опять нутряным голосом будоражишь мою утреннюю дремоту?» — «Я по срочному делу прилетел в Москву. Речь идет о больших деньгах. Готов работать вместе и разделить приобретенное совместными усилиями. Согласна?» — «Что для тебя большие деньги? Пока ты чистил перышки в Марселе, мое представление о богатстве существенно изменилось. О чем идет речь, Кузьма?» — «Сотни миллионов...» — «Рублей?» — «Долларов». — «Ты ничего не путаешь, дипломат?» — «Нет, нет! Клянусь. Готов перекреститься, да ты не увидишь». — «Где встретимся?» — «На углу улиц Королева и Аргуновской. В такой ранний час только там открыт пивной бар. Хочется глотнуть русского пива». — «У тебя странная особенность, приятель: грезить о сотнях миллионов долларов за кружкой рублевого пива. Твои дела и помыслы, словно мать и мачеха. Удручающая особенность. Надеялась, что ты приобретешь французский шарм или дипломатический лоск. А ты, как был валенком, так и остался. Я буду через тридцать минут. И ты будешь оштрафован на тысячу долларов, если твоя душераздирающая история о сотнях миллионов окажется фантомом. Понял?» Вараксина положила трубку. «Вот это женщина! Чем бездушней она, чем отвратительней ее поступки, чем порочнее ее методы, тем больше у меня шансов прибрать к рукам иверовский капитал. Дух захватывает при мысли о том, что вся дьявольская энергия госпожи Вараксиной вот-вот

обрушится на сумасшедшего француза, поглощая куски его состояния. Хвала тебе, Софья Никандровна! Начинай! Очень скоро с твоей помощью я превращусь в шикарного супермена». Господин Шиндяпкин лихорадочно стал готовиться к встрече.

Утренние лучи солнца с трудом проникали на террасу пивного бара, заставленного двухметровыми туями в кадках, привезенными из Голландии. Кузьма Иванович осмотрелся, нашел укромное место, опасаясь быть услышанным и увиденным в таком небезопасном городе, как Москва. Он отпил несколько глотков бочкаревского пива, у него слегка закружилась голова, и он, будучи в чудесном расположении духа, еще подбодрил себя философским соображением: «Как ни говори, а этот мир поистине прекрасен». — «Вот куда забрался. Надеюсь, ты еще не пьян, — приветствовала его госпожа Вараксина. Она села за стол, отодвинула от себя кружку с остатками пива и заказала «Святой источник». — Выкладывай, что у тебя на уме. Времени у меня в обрез». Кузьма Иванович допил последний глоток и с минуту сидел в раздумье. Он искал слова, способные воспламенить ее алчные чувства и возбудить хищническую страсть к немедленной, тотальной охоте за Иверовым. «Есть состояние колоссальных размеров: восемь миллиардов долларов, — тихим голосом начал российский дипломат. — Полусумасшедший владелец бросил его и втайне от близких перебрался в Москву. Эти деньги ему не нужны. Он о них позабыл, и возвращаться к собственному капиталу не имеет никакого желания. Это известный во Франции и во всей Европе финансист. Видимо, у него крыша поехала, потому что без видимых причин, он вдруг, в один день, не прихватив с собой ничего, с каким-то болезненным рвением дернул в Россию. Здесь у него нет никаких

знакомых. Наследников тоже нет». — «Откуда тебе известна эта история?» — закуривая сигарету, заглянула в его глаза Софья Никандровна. — «Из первоисточника. Я лично общался с этим типом, встречался с его близкими родственниками». — «У него, надеюсь, есть имя и фамилия?» — «Конечно. Более того, известная фамилия». — «И как его зовут?» — «На этом месте предлагаю сделать паузу и поговорить о другом, о главном. Мне нужны гарантии, дорогая, что ты меня не облапошишь, как самого француза. Деньги огромные, согласишься, что любого может попутать бес. Обман нынче вообще знамение времени. К сожалению, Бог не наказывает нечестивцев. Он лишь ласково журит их. А молитва и клятва в нашем деле не действуют». — «Да, простофилям совершенно ничего не остается, кроме как покорно принимать свою судьбу. Знаешь, Кузьма, мне не нужен партнер, снедаемый подозрениями и неустанно контролирующий разгул моего таланта. Я не берусь защищать твои интересы. Если тобой овладела навязчивая идея, что тебя обманут, то ты действительно неминуемо будешь обворован. Приятель, ты должен бы знать, что гарантии дают нотариусы и премьеры. А я занимаюсь бизнесом. Хочешь заработать, выкладывай все, как на духу. Я еще должна понять, есть ли финансовый смысл заниматься этой историей. И только после этого я смогу подготовить сценарий присвоения сумасшедшего капитала и определить, какую роль сможешь сыграть в этой афере ты сам. От этого будет зависеть размер твоих комиссионных, и никак иначе. Ты сам-то на что рассчитываешь?» — «На половину». — «Ты болен, дружище! Сама информация, которую ты мне сообщил, еще ничего не стоит. Я знаю тысячи людей, владеющих огромными состояниями. К сожалению, это знание не приносит мне никаких дивидендов. Но у меня

нет злости на этот мир. Изложи мне все детали. Фамилию героя можешь не называть. Только после анализа всей ситуации я смогу сказать, есть ли у тебя шанс заработать деньги. Реальный шанс, а не беспочвенные претензии на полкуша. Ты знаешь, почему меня никогда не мучает совесть?» — «У тебя ее просто нет!» — «Дурень! Потому что я всегда права».

Навязчивое стремление к иверовскому капиталу, в последние дни целиком овладевшее господином Шиндяпкиным, лишало его возможности жить и мыслить в реальном мире. Он еще не представлял себе, сколько грехов ему предстоит совершить на пути следования к заветной цели, поэтому пока витал в облаках. Присвоение огромного состояния французского аристократа из Ниццы представилось ему делом решенным. Кузьма Иванович был исполнен счастливого ожидания. Да и трудно искать у такого человека, каким был господин Шиндяпкин, трезвые, прагматичные мысли. Современные российские дипломаты — впрочем, как и чиновники внешнеполитических ведомств других стран, — в основном, люди поверхностные. Жизнь современного мира они знают понаслышке, по наблюдениям из окон своих закрытых учреждений. Поэтому голая правда бизнеса, объявленная Шиндяпкину прямо в лицо Софьей Никандровной, шокировала его. Но господин Шиндяпкин не столько обиделся на свою знакомую, охладившую пыл его финансовых притязаний, сколько не хотел прощать ей то, что она замахнулась на святое: бесцеремонно лишив его авторских прав на грандиозный проект. Угрюмая мина омрачила его прежде восторженное лицо. Он задумался и ушел глубоко в себя. Ведро святой воды было бы неспособно привести Кузьму Ивановича в чувства. Лоб вспотел, пальцы затекли, Шиндяпкин поднял

глаза и угрюмо уставился на госпожу Вараксину. «Ну, нет, стерва поганая, — подумал российский дипломат, — не выйдет у тебя обдурить офицера КГБ. Какие бы козни ты ни строила, именно я буду распоряжаться состоянием Иверова. Впрочем, сейчас я должен надеть маску простака. Пусть думает, что я сломлен, раздавлен ее аргументацией. Берегись: ты окажешься в яме поглубже, чем та, которую так старательно мне роешь. Когда на великодушные и доверие отвечают черной неблагодарностью — подобная развязка неизбежна». — «Дорогая Софа! Ты сильна, как дьявол, — покорно сказал господин Шиндяпкин. — Лишь твой интеллект способен распутать клубок этой интриги. Но прошу тебя в порыве творчества не забываться. Перед нами только одна жертва — французский миллиардер. А я, ты и другие возможные участники операции — это партнеры. И вероломство, которое ты обрушишь на человека из Ниццы, не должно коснуться твоих сообщников, особенно меня. Ты понимаешь, о чем я говорю?» Тут они оба рассмеялись. Но смех был глухим и тревожным. «Кузьма, мне вспоминаются советы великих мафиози: мужчина, идущий на преступление, должен обязательно надеть черный фрак. Он концентрирует волю, избавляет душу от страха перед грехом, предательством, способствует успеху бизнеса. Если идти на грабеж, как в зал московской консерватории на концерт Чайковского, то успех аферы обеспечен. Есть ли у тебя черный фрак? Если нет, ты обязан его приобрести. Иначе я не назову тебя своим партнером. Рассказывай, что за жирный перепел прилетел в Москву. Почему ты думаешь, что он может оказаться в нашей духовке?» — «Она смеется надо мной», — пронеслось в голове господина Шиндяпкина. Он заказал еще кружку пива, взял себя в руки и спокойно сказал: «Если только этого недостает, чтобы

приватизировать состояние французского богача, я готов сейчас же нестись в дорогие магазины Столешникова переулка». Они опять рассмеялись. Но смех был притворным и коротким. Потом возникла пауза. «Начинай же!» — поторопила его женщина. Собравшись с духом, Кузьма Иванович стал медленно, с мельчайшими подробностями рассказывать историю Андрея Иверова. Его голос вначале дрожал, потом выровнялся, достиг обычной силы и выразительности. Иногда казалось, что он для пущей убедительности использовал свой оригинальный чревоушательный звук. Господин Шиндяпкин старался описать собеседнице все подмеченные им особенности характера и поступков жертвы, красочно изложил, как Иверов бежал по мокрому полю от его дочери, раскидывая столларовые купюры, как бросил необыкновенную красотку на мегаяхте «Святой Дух», как прячется от своего несметного богатства. Российский дипломат решил основательно заинтриговать Вараксину, ужалить ядом быстрой наживы, пробудить неистовый интерес к этой криминальной истории.

Он напоминал бойкого продавца супермаркета, успешно сбывающего покупателям залежалый товар, или садовника, с усердием окапывающего саженец экзотического растения. Во время своего страстного монолога он опрокинул еще пару кружек пива и, когда закончил повествование, прочел в хитрых глазах Софьи Никандровны неподдельный интерес. Как рамария инвада¹ своим ароматом, изнеженным цветом и грацией линий околдовывает жертву, вызывая неистовый аппетит, так и стремление Вараксиной заполучить деньги французского аристократа и преобразило ее изъеденное пороками лицо. В опытной

¹ Афиллофоровый гриб.

авантюристке проснулось чудовище, способное на самые невероятные и мерзкие поступки. «Где он?» — вскричала она. «В Москве». — «Где именно в Москве?» — «Этого я не знаю». — «Необходимо срочно его найти. Как его имя?». — «Андрей Константинович Иверов. Во французском паспорте записано, что он носит титул князя. В российском такой записи нет». — «Будем искать Иверова». — «Но как? У меня нет никаких идей». — «Его будет искать милиция». — «Милиция?» — «Да! Сейчас же поедem в сорок девятое отделение. Я сделаю заявление, что господин Иверов вчерашней ночью ограбил меня: отобрал кошелек и снял золотые часы. Ты станешь свидетелем и опознаешь его. Понял? Я заплачу деньги, и сыщики достанут мне его из-под земли. Сейчас нужно будет подробно описать князя, чтобы составить фоторобот и разослать его по всему городу». — «Пусть лучше моя дочь Виолетта станет свидетелем. Я задерживаться в Москве не могу. У меня служба». — «Да что она дает тебе, твоя работа? Ради такого дела мог бы ее оставить». — «На этот счет у меня есть другой план. Заплатить за более высокое место. Но об этом потом». — «Такой ход мог бы меня заинтересовать. Административный ресурс в кармане сейчас актуален, как никогда. Потянешь на министра?» — «Весь вопрос в деньгах...» — «Для такой должности финансы можно найти. А как со знанием предмета?» — «Не боги горшки обжигают». — «Прекрасно. Ты должен стать моим министром. Не российским, не президентским или премьерским, а вараксинским. Понял?» — «Пожалуй, я немедленно начну примерять мундир министра», — господин Шиндяпкин еле сдерживал яростное желание врезать по этой гепатитной физиономии. Он был очень бледен. «Впрочем, вернемся к этому позже. Ты говорил, что Виолетта встречалась с Иверовым». — «Да, они виделись в аэро-

порту «Шереметьево». — «Она его узнает?» — «Без проблем». — «Звони ей, и чтобы через двадцать минут она была в Грохольском переулке перед сорок девятым отделением милиции».

Спустя полчаса госпожа Вараксина входила в кабинет начальника милиции. Отец и дочь Шиндяпкины остались ждать ее в светлом зале для посетителей. «Никак не ожидал, что в Москве милиция может располагаться в таком современном помещении. Настоящий офис западной компании, — протянул Кузьма Иванович. — Теперь у меня гораздо больше уверенности в том, что мы найдем нашего беглеца-грабителя. Хорош же он будет в российской тюрьме. В одну минуту отдаст свои миллионы. Тут главное не оплошать, вовремя оказаться у кассы. Как ты считаешь?» — «Этот человек душевно болен, так что угадать его поступки трудно. Сомневаюсь, что мы добьемся успеха. Но у меня другая мысль: почему я всегда оказываюсь на пороге криминального бизнеса? Мне ни разу не удавалось заработать деньги по-честному. Только через вероломство, с применением хитрости и насилия. Неужели мы все здесь обречены влачить криминальное существование? И выхода из этого тупика нет. Ты удивишься хоромам отделения милиции. Если бы ты знал, с какой бюрократической дотошностью они обирают коммерческие структуры. Ты давно уехал и даже не представляешь, что здесь произошло. Власть в России принадлежит исключительно силовым структурам и крупнейшему бизнесу. Лозунг нового русско-го: «Продам и куплю любого и каждого!» Мелкий и средний бизнес подвергается жесточайшим гонениям. Чиновник преследуют его, рэкетируют, обставляют красными флажками, загоняют в криминал. Я не желаю связывать свою жизнь с этой страной. Почему ты не хочешь помочь

мне выбраться из России? Я готова поселиться в Чехии, Парагвае, Израиле, Турции — где угодно. Лучше быть полунищей проституткой в свободной стране, чем обеспеченной моралисткой в криминальной России. Устрой мне фиктивный брак. Я скопила денег и мечтаю об одном: побыстрее выехать на Запад. Но странная вещь: чем больше я зарабатываю, тем сильнее желание скрыться за границей...»

Господину Шиндяпкину не очень хотелось слушать свою критически настроенную дочь, разговоры на такие темы вызывали у него уныние и сонливость. Тем более что сегодня был особенный день. Атака на состояние князя Андрея Иверова началась, и мысли российского дипломата целиком были поглощены этой затеей. Он смотрел на свою дочь, но слышал лишь собственный внутренний голос. «И подумать только, я считал себя счастливым на должности вице-консула в Марселе, с зарплатой в тысячу сто семьдесят евро в месяц, когда совсем рядом можно найти миллиарды? Я уверен, что Иверов не один такой. В этом мире много чудаков, отказывающихся от своих миллионов». На лице господина Шиндяпкина проступила жесткая, насмешливая гримаса, тут же подмеченная Виолеттой Кузьминичной. Она была уверена, что отец слушает ее и солидарен с нею, и поэтому продолжала излагать свои наблюдения над собственной страной, тогда как Кузьма Иванович перебирал в мыслях разнообразные варианты ограбления французского аристократа. Приблизительно так и выглядело общение отцов и детей во все эпохи, но нынешний случай имел свои особенности. Талантливый художник авангардистского толка изобразил бы этот конфликт поколений в виде бесконечной, непреодолимой стены, делящей небо над головой на две составляющие: серое и очень серое, и

лишь где-то почти у самого горизонта оставил бы клочок голубизны.

Тем временем совесть Софьи Никандровны, покрытая нечистотами и не ведающая угрызений, извергала поток злопыхательства на Иверова. Госпожа Вараксина дописывала донос на Андрея Константиновича, обвиняя его в грабеже и изнасиловании. Краснолицый милицейский полковник, со щеками, свисающими на плечи, и животом, лежащим почти на коленях, невозмутимо выяснял сквозь вставные зубы «характерные детали» чудовищного злодейства, а Софья Никандровна величала его «любезным другом». Полковник же Семен Семенович Шандровский обращался к ней исключительно словом «голубушка». Лексика доноса была рассчитана на адекватные меры к беспардонному правонарушителю. Если бы в России сохранились суды сталинского режима, то бедному, ни в чем не повинному Иверову вlepили бы как минимум пятнадцать лет каторги и десять ссылки в Туруханский край. Но нынче у нас, слава Богу, другие времена: суды стали милостивыми и гуманными, более пяти лет усиленного режима где-нибудь на цементном заводе или на лесоповале вряд ли можно было ожидать. Взятка воспитывает российских судей в демократическом духе и поощряет их продвижение к цивилизации. Впрочем, до зловещего перестука колес столыпинских вагонов, следующих по маршруту Москва — Воркута, было еще далеко. Партнеры по бизнесу решали нынче первоочередную задачу: привлечь всю городскую милицию к поимке вероломного негодяя. И эта дерзкая и наглая затея была им по плечу.

Пришло время давать показания и Виолетте Шиндяпкиной. Софья Никандровна вручила ей вечное перо, дала лист бумаги и принялась диктовать. Юную даму тут же

словно околдовали: она слышала, чувствовала, воспринимала, повинуюсь исключительно голосу Вараксиной. А вот голос собственного «я» как-то атрофировался и угас в потаенных уголках сознания. Виолетта Кузьминична, еще минуту назад сокрушавшаяся по поводу кризиса, охватившего общество, быстро вошла в нужное состояние, покорно повторяла: «Да, маман, именно так и было, я так напугалась, маман, когда злодей стал душить вас». Милицейский полковник походил сейчас на советского маршала, гарцующего на белом коне по Красной площади между колоннами фронтовиков перед кучкой кремлевских правителей на мавзолее. Две совершенно разные силы, два полярных мировоззрения. С одной стороны — закон и совесть, с другой — соблазн власти и страсть к богатству. Наш полковник мог примкнуть к любой из сторон, например, к той, к которой примыкают люди с понятием о чести, но он потянулся к мавзолею, символу бесчеловечных деяний, фетишу вседозволенности, квинтэссенции порока, средоточию насилия.

Машина заработала. Карательные механизмы стали набирать обороты. По всей Москве полетели шифрограммы: разыскивается опасный преступник. По всем милицейским факсам прошел фото робот грабителя. Тысячи патрульных машин получили ориентировку: опасен! До каждого постового был доведен приказ: немедленно задержать Иверова! И всего-то за взятку в пять тысяч долларов! За улыбку гиены! За обещание лгуна! За клятву подлеца! Был приведен в движение административный ресурс среднего чиновника. Приказ власти ясен и понятен, он вызывает восторг у исполнителей — раб торжествует над чужим горем. Он заменяет адреналином кусок черствого хлеба — голодный легко принимает иллюзию за реальность. Ах, с каким восторгом сообщники это-

го преступления ударили бы сейчас по рукам, чтобы изолировать, переарестовать всю страну, если бы понимали, что для этого у них не хватит средств. Порочности, злобы, отращения к вечным ценностям у них в избытке, а вот инструментов для реализации глобального проекта — пока недостаточно. С такими поползновениями и помыслами в России сегодня существует не только эта вдохновенная парочка, решившая прикарманить иверовский капитал. На ее просторах носятся сотни тысяч граждан с подобными дерзновенными планами. Кто знает, может, именно здесь и грянет конец света!

«Любезный друг, приготовь для этого негодяя одиночную камеру. Или нет, лучше поместить его вначале к банде сутенеров и насильников. Шепнуть в тюрьму, что этот француз — половой извращенец, голубой и любитель пятiletних девочек. Пусть они покуражатся над ним, разорвут брюки, немного поколотят и изнасилуют. Потом можно будет перевести его в одиночку. И вот тогда приду я! Взбалмошная дама, жаждущая мести, оскорбленная женщина, взывающая к возмездию. Предоставь мне эту великую радость — карать преступника чисто женской вендеттой, с российской изюминкой, с полетом фантазии. Я сотворю чудо! Он станет праведником, забудет, как грабить и насиловать женщин. Но если мне это не удастся, если он законченный гад и мошенник, тогда пусть до окончания века корпит над жалобами в высшие инстанции, гниет в тюрьме, разбивает себе череп о железные решетки камеры — за то, что не услышал меня. И не раскаялся. Не внял моему слову, не поверил моему могуществу. Я спрячу его от мира до конца его дней. Он забудет, что такое свобода! Можешь обещать мне необходимую помощь, чтобы полностью удовлетворить чувства оскорбленной женщины?»

Если я услышу в ответ «да», если легким кивком головы ты дашь мне понять, что выполнишь мою просьбу, то «голубка» принесет тебе еще пять тысяч долларов в клюве. Как, впечатляет? Софья Вараксина знает цену дружбе и тарифу на приятельские услуги. Она всегда платит по своим счетам».

Тут она обвела широким жестом милицейский офис и с леденящим душу достоинством добавила: «Сколько сил и денег пошло на ремонт твоего помещения. Вдобавок ты получил новую звезду на погоны. Поднялся на ступеньку по служебной лестнице. Теперь твоя очередь помочь мне. Жду от тебя решительных действий. Тебе известен девиз современных деловых людей: «Дружба — все двадцать четыре часа». Грош цена убудкам, пасующим перед законом. Салют дерзким и напористым. Сегодня как никогда востребованы личности, подобные тебе: неподвластные страху, не ведающие угрызений совести, не знающие растерянности, упорные до конца, чтящие договорные обязательства. Слово! Дал слово — держи его крепко, как мать держит новорожденного. Таков неписанный закон нынешней российской жизни. Согласен, любезный друг?» — «Я бы еще добавил — разумная осмотрительность и упорство». — «Прекрасное добавление. Ты прав: упорство всегда должно быть осмотрительным». — «Я спешу на совещание милицейской элиты Москвы. Общаясь с коллегами из других округов и департаментов, я смогу собрать в кулак все силовые ресурсы. Мне нравится твой масштабный подход. Правда, голубушка, есть одно «но»: на этом форуме я единственный в погонах полковника. Мне стыдно общаться с коллегами. Однажды ты пообещала сделать из меня генерала. Сколько мне ждать этого события? К какому сроку заказывать форму? На шитье уходит месяц, а раз-

мер у меня нестандартный». — «В сентябре! Я не просто сделаю тебя генералом, ты будешь заместителем начальника всей столичной милиции. Получишь голос на крупных совещаниях в кремлевской администрации, станешь завсегдаем пирушек политической элиты Москвы, я введу тебя в тусовку федералов, в ложу сильных мира сего. А после очередных президентских выборов, в которых я сама буду участвовать, как главный режиссер электората, ты, мой любезный Шандровский, взлетишь еще выше. Станешь заместителем министра внутренних дел России. Ты понял, какая ослепительная судьба ожидает тебя? Какая необыкновенная карьера лежит у твоих ног? Я организую митинги по всей стране с народным требованием, чтобы Семен Семенович Шандровский стал одним из лидеров партии «Единство». Мои эксперты и советники подготовят для тебя план реформирования государства, который ты обнародуешь на партийном съезде. Я сотворю из тебя не просто одного из лидеров партии, я сделаю из Семен Семеныча ее главного любимчика, ее совесть, ее гордость. Завтра же начинай готовиться к сказочной карьере. На занятия я буду присылать тебе лучших мастеров жанра. Николай Сванидзе станет отрабатывать с тобой интонации, соответствующие плюрализму и свободе слова, Виктор Анпилов — умение управлять уличной толпой, Евгений Ясин ознакомит тебя с экономической лексикой, чтобы умело пудрить мозги народу. Виктор Лошак преподаст тебе искусство поведения в высших слоях общества, а доктор наук Гайдар научит, как выворачивать истину наизнанку. Вот так, любезный друг». Женщина знала, о чем тоскует сердце офицера. Как опытный истопник, она разожгла в нем жаркий огонь — огонь честолюбия. Заоблачные мечты господина Шандровского обрели почву и питательную

среду. Потрясение, которое испытывал сейчас Семен Семенович, истощило его скромные способности мыслить. Он растерялся. Он вспотел. Он потянулся к стакану воды. Его тучное тело дрожало от избытка эмоций. Его скромный с горбинкой нос на широком лице сопел, как старый обессиливший бульгерьер. В этот момент он был совершенно убежден, что сама судьба начинает диктовать условия построения новой жизни. И он должен лишь подчиниться этому требовательному голосу. «Езжай, любезный друг. Тебя ждут на совещании. Улыбайся и похваливай Лужкова! Вокруг тебя полно завистников. Лучше позволить себе пару вольных реплик в адрес президента, чем одно неуважительное слово по отношению к мэру! Ведь он — хозяин столицы. Позже сочтемся со всеми! И не забывай главную тему дня: Иверов!» — «Будет тебе твой француз, голубушка! Я помогу утолить твою жажду мести. Гневаться не придется. Да, супруга и дети кланяются тебе и благодарят за все». — «Прощай. Завтра утром буду у тебя. Для срочной связи у тебя есть мой мобильник». Вскинув голову, Вараксина вышла из кабинета полковника и энергичной походкой, подобающей крупному начальству, двинулась к выходу. За нею едва поспевали Виолетта Кузьминична и российский дипломат.

Опасность раковой опухоли заключается в динамике ее развития. Она пускает метастазы, разрушает живую ткань. Госпожа Вараксина была всецело поглощена расстановкой сил. Она уже смаковала отдельные сюжеты и нюансы, ласкающие ее воображение. Опьяненная дерзким замыслом, она была не в состоянии понять вечную истину: неуёмная тяга к росту собственного состояния неизбежно влечет презрение к окружающим, к разрушению любого идеала. Но Софья Вараксина сейчас размышляла совсем

о другом. Не ведая греха, она все возвращалась в своих преступных мыслях к личности французского аристократа. Привлекая весь свой опыт, она хотела угадать душевные свойства князя по куцым фрагментам шиндяпкинского повествования. Но на ум ничего оригинального пока не приходило. «Он должен быть весьма странным типом, — думала она. — А его болезненность — результат какой-то навязчивой идеи. Но какой? Если найти ответ на этот вопрос, то можно легко заполучить ключ и к неподатливой двери его сейфа». Мысли о князе постоянно присутствовали в ее воображении, как до отказа набитый деньгами сейф в планах грабителей. Не приходилось сомневаться, что Андрей Иверов в самые ближайшие часы будет арестован. Но как подчинить себе человека с большим воображением? Это пока оставалось загадкой. Госпожа Вараксина согласовала со своими сообщниками дальнейший ход действий. Перед каждым поставила конкретные задачи. «Позвони его кухне, — обратилась она к Шиндяпкину, — и спроси: кто из друзей, знакомых пользуется его особым расположением. Поинтересуйся, каков круг его интересов. А ты, Виолетта, поедешь со мной на Большую Дмитровку, в прокуратуру. Необходимо организовать давление на силовые структуры. Развязка близка».

Женщины уехали.

Российский дипломат остался в одиночестве. Он заглянул в пивной бар на Большой Спасской. Тут он взял кружку пива и заметил, что все идет слишком уж быстро и неотвратимо. «Зачем я раскрутил такой зловещий механизм? — вдруг подумалось ему. — Хотел ли я засадить этого французика в тюрьму? Смогут ли они чего-то добиться? Он все же очень заметная личность во Франции. Кто поверит, что он ограбил женщину? Пытался изнасиловать это чудови-

ще? Надо всеми силами через наше посольство в Париже постараться скрыть информацию об аресте князя. Черт побери! А что, если у этой прохиндейки все получится? И уже через пару месяцев я займу высокий пост в министерстве, а обещанные деньги обеспечат меня на всю жизнь? Пью последнюю кружку и еду домой. А то ведь, если сам ничего не делаешь, твою работу может сделать кто-то другой».

Глава XXIV

В четверг 27 июня около девяти часов утра по Новослободской улице двигался Иверов в помятом льняном костюме. Он шел быстрой походкой, с улыбкой на лице, но улыбка его ни к кому не относилась. Прохожим казалось, что мужчина расплывался и сиял, радуясь самому себе. Он не мог объяснить, что творилось в его душе. Смутные чувства разрывали его между реальным и виртуальным миром, между угрюмым изумлением и возвышенным созерцанием. И все же ожидание скорой развязки не оставляло князя. Основная масса людей счастлива приобретениями. Меньшая часть радуется избавлению от ненавистного. И лишь единицы проваливаются в самозабвение, вызванное яростной внутренней схваткой полярных сил. Если такая схватка иссякает, если сердца не раздираются больше противоречиями, то эти люди чахнут, охваченные смертельной тоской.

Странно улыбающийся человек, торопливо идущий московской улицей, уже не хотел знать ни уз, ни преград, ни упреков. Иверов желал лишь одного — обрести, наконец, свой окончательный маршрут, но предательский ра-

зум никак не мог облечь это желание в форму законченную и окончательную. Унести ли в виртуальность? Встретиться ли с Михайловым, который поможет обрести самого себя? Или стать бродягой и опуститься на дно общества? Князь понимал, что не в силах сделать выбор. Рассуждая с самим собой, он в отчаянии вопрошал: «Никогда не думал, что во мне столько тяги к чувственным переживаниям! Я вдруг потянулся ко всему на свете! Теперь мне хочется всего, чего я еще не успел пережить. А это огромный мир ощущений! Складывается впечатление, что все предыдущие годы моя душа сидела на голодном пайке. Или в суете жизни омертвела, стала каменной, а теперь, когда я освободился от пут прежних стереотипов, она вдруг ожила, всколыхнулась. Дала ростки! Но, может быть, я инфицирован новой, совершенно непознанной еще болезнью? Неизлечимым недугом? Бичом двадцать первого века? Хворью души, требующей познания запредельного? А действительность, перенасыщенная соблазнами покупательского спроса и атрибутами сверхдостатка, мир блеска и роскоши уже не существует для меня. Она, эта действительность, умерла, как осенний лист, чтобы дать место новым побегам. Вот вокруг меня магазины. Их огромное множество. Но какое счастье, что мне ничего не нужно. Если в Ницце я уже отказался от раритетов и антиквариата, то, попав в Россию, понял, что вообще не нуждаюсь ни в чем. Какое удовольствие испытываю я, понимая, что без всего этого могу, более того — мечтаю прожить. Даже еду покупать не хочется. Питаться можно тем, что пошлет Бог!» Князь взглянул на часы. Было девять часов утра. Интернет-кафе «Ностальгия» открывалось в десять. У человека в незнакомом городе и с весьма оригинальной ментальностью не так уж много возможностей убить время. Мужчина решил побав-

ловать себя прогулкой по московским улицам и своей странной, быстрой походкой направился дальше по Новослободской улице. Андрей Иверов дошел до Савеловского вокзала. Тут он стал разглядывать пеструю российскую публику, и это породило у князя неожиданное любопытство. «Вот — смешной человек. Жаркое утро, а он в сапогах и стеганой куртке. Острая борода напоминает французскую, какие носили в семнадцатом веке. А узел с провиантом через плечо делает его похожим на малороссов второй половины XIX века. Как сейчас помню эти характерные типы с почтовых открыток моей коллекции. А вот еще один, низколобый, толстогубый, с густыми бровями. Нос у него клювом. И он поминутно ерошит рукой пучок рыжих волос. Думает? Очень похож на крестьянина из Лангедока. Упрямый! А у этой барышни походка, как у Жаклин Марч. Будущая манекенщица? С такой фигурой? Уж очень высока! Широкие плечи! Впрочем, шаг поставлен профессионально. А эта? Просто ангел. Редкое сочетание: радостная, праздничная одежда, но печальные глаза. Уверенная поступь, но застенчивые движения. Скорее всего, она истинная славянка. Какие очаровательные глаза! Диво! Или эти два щеголя в галстуках. С утра — в черных костюмах. Куда они несутся в такой час? На свадьбу? Жениться в таком возрасте? А рыночных торговков не отличишь от французских. Только фигуры у россиянок повнушительней. Вон невысокий мужчина с внешностью азиата. И халат у него фольклорный. Татарин, узбек, монгол? Его кругленькие, размером в десять евроцентов, глазки скрыты под лохматыми выгоревшими бровями. А ресницы все время мигают, как будто он поражен тиком. Вид у него явно мошеннический. Высматривает жертву? А вот движется громила! Мускулы мешают ему держать руки по швам. Они у

него растопырены, как крылья штопора. Огромная бритая голова растет прямо из туловища, ягодицы похожи на задницу многодетной африканки. Он смотрит и идет только вперед. Как поезд метрополитена. У таких — в почете исключительно сила. Впрочем, женская оплеуха, даже легкая, может вызвать у них растерянность, а то и слезы.

Вдруг Андрей Иверов столкнулся с нищенкой. На лице побирушки князь заметил крайнюю растерянность. «Простите», — еле выговорила она и остановилась перед Иверовым, похоже, боясь ступить дальше. В коробке из-под обуви, которую она держала в руках, валялись две бумажные десятки и горстка монет. В жалком облике нищенки Иверов прочел глубокую скорбь. Она искренне стеснялась своего положения. Андрей Константинович никак не мог определить возраст женщины. Он чувствовал, что она еще молода, но мешки под глазами, отечное, почерневшее от уличной пыли, нещадного солнца и постоянных выпивок лицо, бесформенная фигура путали карты и скрывали возраст. Она носила не лохмотья, не обветшалое платье, и хотя одежда была еще прочна, но так безобразно неопрятна и столь же потаскана, как лицо и весь вид. «Ей не больше сорока, — подумал Иверов. — Но совершенно очевидно, что когда-то эта опустившаяся женщина была очень красива. Ее потухшие глаза свидетельствуют, что она пережила сильнейшее потрясение». У Иверова защемило сердце. В нем тут же родилось желание помочь нищенке. Не бросить ей горсть монет, а сделать нечто большее. Дать шанс подняться с алкогольного дна. «Захочет ли она говорить со мной? — размышлял князь. — Да и способна ли? От нее так и несет винным перегаром. Возможно, она уже пьяна». — «Прошу прощения, я вас ненароком не ушиб?» — обратился он к ней. Побирушка не расслышала его слов. Кроме об-

реченности, ее взгляд не выражал ничего. «Я хочу помочь вам. Что я могу сделать?» Наконец-то женщина обратила на него внимание: «В чем вы меня обвиняете?» — «Боже упаси! Вы меня не поняли. Что я могу сделать для вас?» — «Меня все вокруг обвиняют. Иногда я думаю, что они правы. Что вам нужно?» — «Помочь вам». — «Спасибо. Дайте на бутылку, на полбутылки, в конце концов». — «Я хочу помочь вам в ином качестве». — «Качество у меня одно: портвейн. Водку не пью». — «Если вы не против, прошу вас, отойдем в сторонку. Здесь многолюдно, и общаться затруднительно. Например, к дороге». — «Вы меня не толкнете под машину?» — «Что вы! Зачем? Впрочем, если вы меня боитесь, то я сейчас же уйду». — «Хорошо, хорошо. Пошли. Но я никак не пойму, что вам от меня надо?» — «Она не так уж и пьяна, — подумал Андрей Константинович. — Хроника. Остаточные явления. Бедная женщина, у нее отек всех конечностей». Они подошли к опорам авто моста. «Есть ли у вас желание, — начал Иверов, — которое из-за сложного материального положения вам трудно осуществить? Извините за нескромные вопросы, но, например, может, у вас нет жилья или нет денег лечиться, начать другую жизнь?» — «Зачем вы навязываетесь с такой помощью теперь? Уже поздно. Мне ничего не надо. Я больна. Жить мне осталось не больше месяца. Но вы можете мне помочь в другом. Что мне нужно?» Тут женщина выскребла всю милостыню, с трудом, дрожащей рукой, засунула ее в карман брюк, отшвырнула в сторону пустую коробку и продолжала: «Мне уже физически трудно ходить и просить милостыню. Сил нет. Но деньги все-таки нужны — только для вина. Без него на душе тоска зеленая. Какую сумму вы хотите пожертвовать бродяге?» — «А сколько вам нужно?» — «Вижу — человек вы добрый и богатый. А чего в вас больше — доброты

или богатства?» — «Всего достаточно, чтобы помочь вам». — «Если вы действительно желаете бескорыстно помочь, то позвольте мне отправиться домой в Отрадное. На день мне требуются две бутылки вина. Пью я портвейн самый дешевый. Но буду рада украсить свою мерзкую жизнь массандровским портвейном из Крыма. Как вас звать?» — «Андрей Иверов». — «Андрюша, запишите мой адрес: Юрловский проезд, дом двадцать семь, квартира сто одиннадцать. Раньше меня звали Светланой Анатольевной Симаковой». — «Мне нечем записывать, но я запомню. Рублей у меня нет, возьмите евро. Поезжайте домой на такси». — «На такси? Нет уж, позориться я не стану. Да в таком виде меня никто в автомобиль и не посадит. И евро не нужны. Без паспорта ни один обменный пункт не согласится поменять эти деньги. Доберусь домой без вашей помощи. Неужто и вправду явитесь с массандровским вином? Не обманете? Собственно, за обман, подаривший надежду, тоже спасибо. Давно не мечтала. Побаловали». — «А где тут обменный пункт? Я сам схожу. Вы подождите меня тут минутку. Только не уходите. Прошу вас, дождитесь...» Иверов побежал искать обменный пункт.

Когда через пятнадцать минут Андрей Константинович вернулся, Симаковой уже не было. Князь обежал вокзальную площадь, заглянул в торговые ряды, зашел в зал ожидания — нищенка как сквозь землю провалилась. Исчезла. «На самом дне общества, а гордости, самолюбия через край. Жаль. Уже одиннадцатый час. Пора идти в интернет-кафе. Но после общения с Михайловым надо будет отправиться в Юрловский проезд. И обязательно купить этого крымского вина. «Массандровское!» — вспомнил Иверов и зашагал в сторону «Ностальгии». Всю дорогу его преследовал образ Светланы Анатольевны Сима-

ковой. «Оригинальная форма самоубийства. Это какое же надо испытывать отчуждение от мира, ненавидеть или бояться его, чтобы полностью отдать себя во власть алкоголя? Видимо, на сопротивление Бахусу у нее совсем не осталось сил. Удушливые испарения заслоняют разум, парализуют волю — и человек уплывает в небытие. Но как можно пить портвейн? Литр и даже два литра в день? В нем же восемнадцать градусов алкоголя и тридцать процентов сахара. Спирт разрушает печень, сахар поражает все органы тела. Портвейн в таком количестве — это самый настоящий яд! Бедная женщина! Что страшнее: яд физический или духовный? Виртуальный секс у меня уже был, теперь надо испытать виртуальное опьянение. Собственно, мне хочется попробовать абсолютно все. Любопытно, при воздержании у виртуального алкоголика возникнет реальная или виртуальная абстиненция? Как вообще найти формулу этих двух состояний? Очень часто я вообще не могу определить: в виртуальном ли я мире или в обществе госпожи Болль и Кузьмы Шиндяпкина. Сюжет с нищенкой сейчас мне тоже представляется ирреальным. Было ли это на самом деле? Или можно пойти дальше: как различать, что же именно произошло на самом деле? Разве виртуальная жизнь — это «не на самом деле»? Стоит ли делить свое восприятие бытия на две составляющие: «на самом деле» и — «не на самом деле»? Нелепость заключается в том, что я сам шарахаюсь из стороны в сторону в поисках ответа: в каком именно мире я сию минуту нахожусь. Почему не упростить себе жизнь и в дальнейшем не противопоставлять одно другому? Я, Иверов, существуя в грезах или наяву, остаюсь Иверовым. И не могу быть никем другим. Иначе в голове будет постоянная путаница»

Тут Андрей Константинович заметил, что стоит уже напротив интернет-кафе. Он вошел в помещение и поднялся на второй этаж. «А, Андрей Константинович? Рад видеть. Вас ждет послание от господина Михайлова, — прямо с порога встретил его Валентин Валентинов. — А я уже побаивался, что вы не придете». — «Где послание»? — «Пардон. Я его уже распечатал. Вот, прочтите». Послание было емким и лаконичным: «Уважаемый господин Иверов! Спасибо за приглашение встретиться с вами. К сожалению, не располагаю временем. Впрочем, суть проблемы вы сможете изложить по e-mail. Всегда готов помочь вам — Вадим Михайлов». — «Жаль! — признался себе князь. — Придется потрудиться, чтобы найти себя без посторонней помощи. Да, собственно, я уже близок к развязке. Мне явилась истина!» — «Господин Иверов! Я долго думал над вашим предложением. Спасибо за сочувствие, за добрый совет, но виртуальность — не для моей натуры. Я хочу чувствовать мускулы физически, а не представлять их в грезах. Меня тянет обнимать волосатое тело, а не подушку из перьев. Я жажду надеть настоящее подвенечное платье, а не только в снах видеть себя невестой. Проявите великодушие к ошибке природы. Я жду от вас тринадцать тысяч долларов. Не заемный, а спонсорский платеж!» — «Дайте номер счета, куда необходимо перевести деньги, — тут же решительно заявил князь. — Через пару дней они будут в банке получателя». — «О, милейший и добрейший Андрей Константинович. Хвала вам, гений солидарности. Но, спаситель, нужны наличные. В российской медицине переводные деньги не работают. Здесь требуется налич!» — он по-женски поправил на голове волосы. «Сожалею, но в таком случае помочь вам не смогу». Тут Иверов вспомнил, что давеча Валентинов расспрашивал его о часах. «Вот что, у меня есть наручные

часы марки «Вашерон Константин». Их цена около пятидесяти тысяч долларов. Можете продать?» — «За пятьдесят тысяч?» — «Теперь вы знаете им цену. А сколько вам удастся за них получить — зависит только от вашей расторопности», — снимая часы, сказал князь. «Можно и за двадцать?» — «Если найдете единственного покупателя, то можно за двадцать». — «Продавать всегда сложно. А на заманчивую цену может быстро клюнуть клиент». — «Но это не значит, что у вас есть право быть простофилей». — «Мне же нужно лишь тринадцать тысяч». — «Разницу сохраните. Я как-нибудь еще к вам зайду». — «Вас обманывали?» — «Пока нет, но у вас есть шанс». — «Что вы, Андрей Константинович! Разве я смогу причинить боль своему спасителю. Теперь вы для меня — все равно что икона! Останетесь поработать?» Тут у князя мелькнула мысль написать еще одно послание Грефу. Но он сразу отмел это желание и произнес: «Нет! Сегодня не буду. Я тороплюсь, у меня дела». А сам подумал: «Общаться с этим Грефом нет никакого смысла. Он не ведает, что творит. Пустышка!» — «Хочу задержать вас по важному делу. По своему обыкновению я каждое утро в десять часов просматриваю милицейский сайт. И что, вы думаете, я сегодня увидел в разделе «Их разыскивает милиция»? Ваш фото робот! А текст меня просто обескуражил. В нем говорится, что в ночь со вторника на среду вы ограбили женщину и пытались ее изнасиловать». — «Господин Валентинов, я не понимаю вашего юмора. Вы меня разыгрываете? Я хотел видеть в вас человека...» — «Да нет же. Вот, смотрите, я сделал распечатку». Иверов не хотел верить своим глазам: с листа бумаги на него смотрел его собственный фоторобот. Текстовка его ошеломила. Все было расписано именно так, как говорил транссексуал. «Где вы ночевали со вторника на среду?» — «В офисе

господина Буйносова. Я был у него безвыходно с двенадцати утра вторника до семнадцати часов среды». — «У вас есть свидетели?» — «Конечно. Там было много людей. Я догадываюсь, в чем дело. Господин Буйносов пытался насильно сделать меня своим рабом. Он угрожал. А я сбежал. Это месть! Вот подлый тип! Но чтобы это юное создание могло оклеветать меня — не желаю верить. Этого не может быть!» Иверов попытался вспомнить ее глаза, улыбку, манеру держаться. Она произвела на него сильное впечатление необыкновенной деликатностью, женской мягкостью. А тут такое предательство. Притворщица! Клеветница! «Что теперь делать? — подумал Иверов. — Самому обратиться в милицию и все там объяснить или стать разыскиваемым? А может, принять обвинения и сесть в российскую тюрьму? Взглянуть таким образом на антимир, на изнанку? Может, сама судьба хочет помочь мне познать обратную сторону бытия? Но какое вероломство! Самодур! Решиться на такое! Что же мне теперь выбирать? И каков мой следующий шаг? Вернуться к нему в контору и принять его предложение? Отправиться в милицейский офис, чтобы оправдаться? Или разлегализовать себя? Пусть ищут. Найдут — сяду в тюрьму. Посмотрю на другой мир. Впрочем, может, я действительно что-то подобное совершил? На меня не похоже. Но эта постоянная смена реального и виртуального? Не тут ли спрятана тайна?» — «Господин Валентинов, вы можете оказать мне услугу?» — «С большой радостью!» — «Хочу оставить у вас мои паспорта». — «Что, у вас их несколько?» — шепотом спросил транссексуал. — «У меня двойное гражданство. Я гражданин Франции и России». — «Пожалуйста, можете оставить. А они поддельные?» — «Да нет! Совершенно официальные документы». — «Я буду хранить их у себя. Не беспокойтесь. Но как же вы без паспор-

та-то? Оставьте себе хотя бы российский. Вся Москва в ментах». — «Теперь чем хуже, тем лучше, любезный Валентинов». — «Выпьете кофе?» — «Пожалуй...» — «У вас есть связи наверху?» — «Я в Москве четвертый день. Мало кого знаю». — «Четвертый день, а уже милиция разыскивает. Не простой вы человек, господин Иверов. Впрочем, я верю вам, что все это клевета. Но крайне интересно знать, чего хочет заказчик этого поклепа? Посадить вас в тюрьму или оказать на вас давление? Вы-то сами как думаете?» Иверов ничего не ответил. Мысли его прояснились, и он ринулся вон из помещения. У дверей он обернулся: «Салют, Валентинов. Я еще зайду, а кофе выпью в следующий раз», — бросил он с улыбкой, сбежал по лестнице и вышел на улицу.

Господин Иверов был готов всем сердцем принять самые неожиданные повороты судьбы. Осудят ли его за грабеж, возьмут ли в рабство к Буйносову, или заставят всю жизнь стоять с протянутой рукой, оказаться отшельником в ирреальности? «Буду искать выход и решать проблемы по мере их возникновения. И ничего не предпринимать заранее. Такой подход разжигает во мне азарт игры с жизненными неурядицами. Разгоняет вязкую тоску. Я совсем не жалею, что перебрался в Россию. Это было мое самое правильное решение. Здесь в короткие сроки столько всего происходит, что хочется бороться, хочется жить. А что необычного случилось бы на берегу залива Ангелов за эти последние четыре дня, что я провел в Москве? Ну, была бы очередная фаворитка. Ну, получил бы свою эротическую, сексуальную порцию. Ну, вел бы скучные беседы ни о чем. Ну, пил бы прекрасные вина. Ну, покупал бы дорогие вещи. Ну, зарабатывал бы деньги. Ну, размышлял бы о новых финансовых проектах. Но что еще? Что еще мог бы я себе позволить? Был бы у меня шанс пережить чувства, подоб-

ные тем, что я испытывал во время бегства от госпожи Шиндяпкиной? И за какие деньги можно было бы организовать такую поучительную встречу с московскими проститутками? Попасть на пирушку ветеранов-пограничников? А встреча с Семирадовой, чей образ продолжает беспокоить меня? Какую необыкновенную радость я испытал во время спора с Платоном Буйносовым о виртуальных аспектах собственности. А захватывающая дискуссия во дворе Пименовского храма? Игра на московской бирже, знакомство с Валентиновым? Угроза тюрьмы? Какие душевные сюрпризы ждут меня в Юрловском проезде? Каждый час убеждает меня, что в России жизнь многогранна и бесконечно более существенна, чем в любой западной стране. Нет, не просто правильное решение принял я, перебравшись сюда, а единственно правильное!» Теперь его мыслями полностью овладела нищенка с Савеловского вокзала. «Раньше меня звали Светлана Анатольевна Симанкова, — вспомнил он ее приглушенный, с хрипотцой голос. — Пока меня не арестовали, я обязан выполнить данное ей обещание: обеспечить месячным запасом крымского портвейна. Где тут поблизости винный магазин?» Иверов осмотрелся. Новослободская улица была многолюдна. Магазинов море, но он не понимал их назначения: продукты, гастроном, универсам — чем они торгуют? Князь вошел в первый попавшийся и сразу обнаружил большой ассортимент винно-водочных изделий. Массандровский портвейн стоил семьдесят рублей за бутылку. Андрей Константинович подсчитал: «Две бутылки в день на месяц. Шестьдесят бутылок. Шестьдесят бутылок по семьдесят рублей — будет четыре тысячи двести рублей. Такие деньги у меня есть. В июле тридцать один день. Две бутылки надо добавить». Князь рассчитался, получил пять ящиков порт-

вейна и пакет с двумя бутылками. «Дай двадцатку рабочему, он поможет поднести вино к машине», — подсказала торговка. Толстуха лет сорока, она по мере сил старалась казаться моложе своих лет. Иверов, видимо, вызвал у нее интерес. Даму потянуло на разговор. «Пикник в лесу или пашлык на даче? Никак гуляем? И почему же без водки?» Князь улыбнулся, но ничего не ответил. Торговка продолжала: «Я думаю так, если сухого не взяли, шампанского не взяли, значит, без женщин гулять будете. Кто из нас портвейн-то пьет! А не скучно будет без женщин?» Андрей Константинович мечтал быстрее убраться из магазина, но ему было неловко оставить вопрос женщины без ответа. Он наклонился к ее уху и приглушенным голосом сказал: «Errare humanum est»¹. — «А, иностранец. Тоже портвешок пьете? Он, наверное, по-нашему-то ни бум-бум». Рабочий вынес ящики с вином на тротуар, поближе к обочине дороги. «Уважаемый, подскажите, как тут такси вызвать?» — обратился к нему князь. «Бог его знает. Подними руку, любой частник подвезет». Иверов поднял руку. Буквально через пару минут перед ним остановилась «Волга». «Куда?» — спросил водитель. «Юрловский проезд, дом двадцать семь». — «Где такой?» — «Отрадное». — «Сколько заплатишь?» — «Сколько нужно?» — «Ящики твои?» — «Мои». — «За триста рублей отвезу».

Двадцать седьмой дом в Юрловском проезде был девятиэтажным блочным строением. Он был похож на тот, в котором жил Сергей Мурашкин: серый, какой-то угрюмый, с характерными признаками разрушения. Сто одиннадцатая квартира оказалась в четвертом подъезде на первом этаже. У подъезда на лавках сидело несколько пожилых

¹ Человеку свойственно ошибаться (*лат.*).

женщин. Их хмурые, непроницаемые лица, седые неуложенные волосы вернули князя к его постоянным размышлениям. «Вот она, оборотная сторона виртуального бытия. Их отрешенные лица говорят о том, что эти старые дамы грезят наяву. Но так ли это? Что им видится? Тайна бытия или нелепость существования? Листают ли они в памяти страницы своего прошлого или вглядываются в будущее? Пожалуй, их можно сравнить с молчаливыми сфинксами, охраняющими входы в священные храмы знаний. Да! Странная схожесть! Они восседают столь же величественно. В них чувствуется то же достоинство. Их глаза, вбирающие окружающий мир, бесстрастны, их сердца, бьющиеся в унисон с ритмом жизни, расходятся с памятью, загромождены фотографиями из семейных альбомов. В их душах — непреходящий, извечный спор между прошлым и настоящим, инстинктом жизни и неизбежной старостью. Что скрывают их деформированные временем физиономии: порок или добродетель, успокоенность чувств или бунтарство духа, ученость или невежество? Известно, что туземцы с островов Фиджи убивают своих родителей, когда те стареют. Что это за ритуал? Ускорение эволюции, месть за низвержение на грешную землю, за телесное воплощение?» Когда Андрей Константинович поравнялся с женщинами, он поклонился и сказал: «Добрый день, уважаемые дамы!» Но никто ему не ответил. Собственно, князь и не ждал ответа. Он быстро вошел в подъезд. Это была не просто общественная прихожая дома, именуемая в России подъездом, — именно так представлял себе Иверов врата ада! Вход в преисподнюю! Дверь сто одиннадцатой квартиры была приоткрыта, вместо замка в двери зияла дыра. Он постучал. Потом еще раз. И — услышал знакомый глухой, с хрипотцой голос: «Да. Кто там? Входите же».

Это была неряшливая, пропитанная запахом алкоголя и дешевого табака двухкомнатная квартирка. Никакой мебели не было. В правом от окна углу лежал матрас. Он был измызган, как тюфяк сторожа в коровнике, как подстилка в тифозном бараке. Вместо подушки — сбитые в кучу старые лохмотья. Вместо покрывала — остатки потерявшего цвет демисезонного пальто. На полу валялись пустые бутылки, ссохшиеся объедки. Окна не мылись целую вечность. Кухня была пуста. Лишь почерневшая от копоти и грязи газовая плита одиноко гнездилась у стены. Ничего подобного Андрей Константинович никогда не видел. Он даже не мог себе представить, что в таких условиях способен жить человек. И у него тут же возникло желание самому немедленно все отмыть и придать квартирке божеский вид. «Странное желание, — про себя усмехнулся господин Иверов. — Видимо, это еще один шаг к оборотной стороне жизни». — А вслух произнес: «Светлана Анатольевна, я сейчас же вернусь». Он вышел во двор, где его ждал водитель «Волги». «Любезный, если у вас есть время, мне срочно нужно попасть в торговый центр. Где тут поблизости что-нибудь такое?» — «Гипермаркет «Отрадное». — «Туда — обратно, сколько получится?» — «Еще сто пятьдесят». — «Минутку. Выгружусь, и поедем».

Князь перенес ящики крымского портвейна в квартиру Симаковой и отправился в торговый центр. Тут он купил раскладушку, матрас, плед, подушку, постельное белье, два стула, раскладной столик, моющие средства, полотенца, другую хозяйственную мелочь, одежду. Со всем этим скарбом он вернулся в квартиру Симаковой. После расчета с водителем у него в кармане осталось тридцать рублей. Старушки, наблюдающие за князем, то и дело вносящим коробки и вещи в сто одиннадцатую квартир-

ку, ворчали: «Светка комнаты продала. Сдала южанам под фрукты». — «Снова пьянь житья не даст». Андрей Константинович слышал обрывки этих реплик, ухмылялся, но в контакт со старушенциями не вступал. «Что вы собираетесь делать? — спросила изумленная Светлана Симакова. Женщина уже распечатала бутылку массандровского, и весь небольшой мир казался ей, полон непостижимыми неожиданностями.

Первым делом князь распахнул окна. Он вытер пыль, соскрёб с окон грязные потеки. Женщине, лежавшей на тюфяке, Иверов помог пересесть на стул, раздвинул перед ней стол, поставил на него бутылку вина и стакан. Затем князь, преодолевая брезгливость, свернул ее старый матрас с остатками одежды, заменявшими постельное белье, и вынес весь это хлам на помойку. Он установил раскладушку, застелил ее бельем и спросил: «Сменной одежды нет?» Смущенная нищенка развела руками. «Я вымою ванну и напущу вам воду. Шампунь и мыло помогут освежиться. После купанья, пожалуйста, завернитесь в простыню и ложитесь в кровать. Я простирну вашу одежду, на солнце она мигом высохнет». — «Зачем вы это делаете? Мне ничего не нужно. Еще никто никогда мне ничего не стирал». — «Светлана Анатольевна! Немедленно в ванную. А я пока займусь вашими пустыми бутылками. Может, выбросить их на помойку?» Симакова выдавила из себя грустную улыбку и опять развела руками. «Идите мыться! Вы должны выглядеть, как женщина!» Симакова позабыла, что такое быть свежевымытой, быть женщиной. За всю жизнь о ней никто не заботился. На глаза нищенки навернулись слезы, с трудом передвигаясь, она поплелась вон из комнаты.

Когда князь закончил уборку, Симакова, завернувшись в простыню, вышла из ванны и опасно присела на край

раскладушки. «Скупнулась! Полегчало! — с жалкой потугой на миловидную улыбку сказала она приглушенным голосом. — Я совершенно не узнаю свою хибару. Спасибо...»

Как при недавнем разливе Кубани схлынувшая назад вода оголяла разрушения, совершенные неистовой стихией, так и омовение госпожи Симаковой обнаружило тяжелые последствия, вызванные воздействием алкоголя. Круги под глазами очертились более резко, ссадины на отеке лице стали багровыми, вены на шее потемнели. Но женщина обрела новый облик, изменилась ее аура! От нее повеяло запахом полевых цветов. Растрепанные волосы, спадавшие на голые, с восковым оттенком плечи, придали ей женственность, в глазах засветилась застенчивая искра радости. Наблюдая за ней, князь с изумлением подумал, что она напоминает павшего Ангела, готового к исповеди перед ликом Спаса. Но, странное дело, метаморфоза, произошедшая с госпожой Симаковой, породила в Иверове глубокую обиду на самого себя. «Бедная женщина! Сколько она страдала, всем видом своим взывала о помощи. А что мне стоило изменить ее жизнь? Пятьсот евро и час работы! Голос человеческого отчаяния дошел, наконец, до моего сознания. А прежде — я был так черств? Жаден? Равнодушен к гласу вопиющего в мире обездоленных, живущих в пороке, обреченных на унижение?» — «Как вы себя чувствуете?» — спросил он. «Если бы я была гимназистской, то поверила бы, что мне явился сказочный принц. Спасибо». — «Что еще могу я сделать для вас?» — «Боже сохрани! Не смею просить». — «Скажите, что у вас на сердце? Что еще не дает вам покоя?» — «У меня есть дочь. Но за пьянство меня лишили родительских прав. Я ни на кого не в обиде. Уверена, что так лучше для самой девочки. Я не смогла сделать ее счастливой, отняла у нее детство, обрекла на

жалкое существование. Если у вас есть возможность, помогите моей дочери. В свои неполные шестнадцать лет она в Москве совсем одна». — «Обещаю вам. Но как ее найти?» — «Не знаю. Но несколько дней назад она звонила соседям и просила передать мне, что тридцатого июня на первом канале она будет участвовать в программе «Независимое расследование», который ведет Николай Николаев. Тема передачи: «Жизнь детей-сирот». Ее зовут также, как и меня, — Светлана Симакова. Она родилась шестого октября восемьдесят шестого года. Я не знаю, где она находится, опекуны тщательно прячут от меня моего ребенка». — «Даю слово: я найду ее! Я помогу вам заслужить право иметь дочь, а ей — вновь обрести мать. Теперь отдыхайте. А я, пожалуйста, займусь стиркой». Женщина было заупрямилась, но от пережитого потрясения сникла, съезжилась, ушла в забытье.

Князь направился в ванную и беспомощно осмотрелся. «С чего начать? — подумал он. — Ломать самого себя!» И тут его как будто прорвало. Он взялся за работу с такой необузданной энергией, как будто хотел доказать всему миру, что способен измениться до неузнаваемости. Его не только не смущали собственные неумелые движения, а наоборот, даже воодушевляли.

Навыков у него, конечно, не было, но это не остановило Иверова. Стирать грязное белье нищенки в трущобах мегаполиса — это ли не истинное переселение в антимир богатейшего аристократа Франции! Он заставил себя прикоснуться к затасканным тряпкам, морщась, набрал воду и насыпал в нее «Тайд». Иверов сделал первое неуклюжее движение, второе... И начал стирать смердящее белье нищенки с таким рвением, с каким отслеживал ситуацию на бирже, ухаживал за красивейшими женщинами, собирал

раритеты для своих коллекций, кутил с друзьями на мировых тусовках. Таким счастливым, как здесь, среди голых мрачных стен крохотной комнатки, он еще никогда не был. Бурая от ржавой воды ванная, дребезжащий водопроводный кран, мшистый грибок, разъедающий вечно влажный пол, — все это вызывало в Иверове жгучее желание общаться с неведомым ему миром. Выстиранное белье он развешивал словно флаги — как знак победы над самим собой. «Грех строить свое будущее в расчете лишь на личное благополучие! Отметая знание жизни других людей. Именно заблуждения прежней жизни привели меня сегодня в эту лачугу. Но как понять: кара ли это Господа, бросившего меня за ошибки и грехи на дно общества, или во всем случившемся можно увидеть просветление собственного духа, позволившее стать никем там, где еще вчера являлся владыкой? Лишь узнав подлинный смысл благородства, можно мечтать о путешествии в виртуальность. Но как же быть с Семирадовой? — совершенно неожиданно спросил он себя. — А она тут при чем? Почему она то и дело возникает в моем сознании?»

Глава XXV

Иверов решил идти пешком. Район новослободских улиц был пока единственным знакомым местом, и Андрей Константинович направился именно туда. Он помнил, что надо держаться строго на юг, по солнцу определил нужное направление и прибавил шаг. Сейчас он наконец почувствовал себя избранником судьбы, ее тайной привязанностью. «Сегодняшний день стал одним из лучших дней моей жизни, — размышлял князь. — Никогда не думал, что изнанка жизни может иметь такую притягательную силу. Прошла целая вечность с тех пор, как безымянный мудрец заявил, что бедность суть порока. Безумцы! Глупцы! Как раз наоборот! Почему именно в России я открыл в себе христианина? Почему атеистическая страна вызвала во мне прилив религиозного чувства? А не цветущая Франция? Не католическая Европа? Не потому ли, что мы в Европе уснули в благоденствии, вдоволь надышались фимиамом достатка, погрузились в мир потребления, оказались во власти греха? Что похоронили и Бога в себе и сострадание в своем сердце? Может, голос прав? Мы, европейцы, уже давно соблазнились его посулами. Его лукавым умом,

его изощренным прагматизмом. Наш слух перестал воспринимать стоны обреченных. Голодные и обездоленные не трогают наших сердец, а распутство и бесовство — не вызывают к покаянию. Надо признаться, что у меня перед французами, немцами, англичанами есть явное преимущество. Я владею русским языком и нахожусь в России. Я постигаю новый мир, мир борьбы с самим собой. Я нашел, наконец, врата, открывающие бесконечную дорогу в виртуальность! Стою у ее истоков, на пороге абсолютного прозрения! Именно здесь земной мир обретает неведомые доселе формы. Я вновь узрел Бога, разглядел человека, познал удивительное чудо сострадания, отшатнулся от греха, ощутил неистребимое желание покаяться, повторяя сакраментальное признание: «Это моя вина, что сыны твои в заблуждении и не ведают, что творят!» Если в школе я выучил, что реки впадают в океаны, то в России понял, что человеческие души должны устремляться в бедность, чтобы обрести спокойствие и благодать, погасить в себе страсти и шагнуть в виртуальность. Если в Ницце я жил иллюзией, что цель жизни — богатство, тяготел к сильным мира сего, окружал себя роскошью, то здесь меня потянуло к скромности, даже к нищете, к абсолютному воздержанию как единственно возможному образу достойного бытия». — «Что это ты говоришь за всю Россию? — ворвался в сознание тот самый голос. — Здесь живут мусульмане, иудеи, буддисты, христиане! Спроси у них самих, чего они хотят. Чего требуют от меня? Просят у своих Богов? Богатства или бедности? Роскоши или нищеты? Секса или воздержания? Не забывай, религий на этом свете много, а я — один на всех! Со мной воюют все конфессии, все так называемые Священные книги. Тора, Библия, Коран призывают своих верных чад бороться со мной. Меня предают анафеме и мит-

рополиты, и кардиналы, и епископы, и муфтии, и раввины, и ламы. Они требуют от своих послушников словом и делом не допускать меня в свои сердца! Изгонять из своих душ! И что? Достигли они успеха в прошлом? Есть ли у них шанс в будущем? Нет! Вот, какая я сила!» — «Ты следишь за мной. Он этого не позволяет!» — «Этот мир мой. Я слышу и вижу тебя помимо своей воли. А он давно оглох для человека. Князь, я надеюсь на твое возвращение в Ниццу! Торопись! Языческие жрецы жаждали человеческих жертвоприношений, раввины — пасхальных агнцев, христианские священники — хлеба и вина, муфтии — драгоценных даров. А я всегда жду душ человека! Я радуюсь им, как вампиры — крови, как голодные — хлебу, как замерзающие — тулупу! Уверен, что еще встретимся!» В этот момент господин Иверов услышал крик: «Эй, парэн, кардаш памаги, прашу вам, да. Дэнги палучишь, сыт будишь. Ни прахади мима, да. Памаги вигрузит памидори и персики». Из малолитражного грузовичка высунул голову мужчина лет шестидесяти. Худощавый, широколицый, смуглый, он остановил взгляд своих карих глаз на Андрее Константиновиче. «Памаги, кардаш!» Князь остановился и спросил: «Не понял вас, чем помочь?» — «Проста памаги, да. Па-русски панимаешь? Вон фруктовая будка, видишь? Садись в машину, пайдем разгружать. Деньги палучишь, сколько хочешь кушать будешь, да? Кардаш? Эта наши фрукты из Акстафы, Азербайджан знаешь? Типер понял?» Князь с видом простачка кивнул головой, сел рядом с водителем, и автомобиль тронулся с места. «Здес радом! Падажди. Двести метрав».

Есть навыки, данные человеку самой природой, его генетической памятью. Если городского жителя обстоятельства вынудят пасти коз или овец, рубить дрова и разжигать костер, защищать себя от голода и хищников,

то он возьмется за такую работу, несмотря на то, что никогда не видел, как это делается. Бог наделил человека талантом не к одной профессии, он вложил в каждого из нас потенциальные способности к проявлению разносторонних умений. Поэтому мир совершенен благодаря богатой палитре профессиональных навыков. Когда подъехали к магазинчику, князь снял пиджак и, не раздумывая, приступил к разгрузке автофургона. Заимствуя из архива, созданного памятью поколений, смекалку и сноровку, присущую опытным грузчикам, Иверов перенес восемьсот килограммов южных плодов из «Газели» в овощной ларек. Он работал как робот, без перерывов. На это ушло у него пятьдесят минут. «Неужели я когда-то жил во Франции? Или я вовсе не в России теперь, а в своей спальне на яхте «Святой Дух», и моя нынешняя реальность — виртуальная? Я преисполнен иллюзий?» — то и дело мелькало у него в голове. Наблюдавший за ним торговец фруктами не мог нарадоваться такому расторопному работнику. — «Эй, кардаш, хачу платит тебя пятсот рублей в день. Давай ко мне на работу. Чем плоха, да? Пятсот долларав в месяц, да? Столько денег наш мэр Акстафы не палучает». — «Спасибо, я должен уходить». — «Как уходишь, да? Кто работат будит?» Андрей Константинович слушал его, благоразумно не возражая торговцу фруктами. Он открыл дверцу автомобиля, взял свой пиджак, накинул его на себя и готов был пойти прочь. «Эй, стой, да! — крикнул торговец. Подобно капризному богачу он приподнял верхнюю губу, закатил глаза, показывая свое раздражение и недовольство. — Куда таропишься, да? Не у тибя аднаго дила есть». Он побросал в пакет спелые, душистые плоды, отдал его князю, с наигранным безразличием сунул ему в карман пятьдесят

рублей и, смягчившись, добавил: «Хочиш, прихади любой мамент. Просиш Кемал. Эта я, да. Работа всигда ест».

Иверов уже не слышал. Он шел своей дорогой и говорил с самим собой. Его мозг был полон привычных размышлений, которые одолевали его в последнее время. В голову лезли разные эпизоды. Князь представлял сейчас то, что обычно видят в грезах. Он задавался вопросом: о чем же все-таки идет речь — о виртуализации собственного рассудка или о душевном недуге? Впрочем, стройная последовательность видений склоняла его к мысли, что он грезил наяву. «Я дал слово Симаковой найти девочку. Но как это сделать? Через Интернет? Дают ли русские списки учеников по школам? Иначе разыскать будет трудно. А можно ли найти местного Шиндяпкина? Чиновника с полномочиями, желающего подзаработать. Или в Москве таковых нет? А если я найду ее дочь, кем окажусь для нее? Опекуном, которого она станет любить, как отца? Отца она не знает, значит, любить станет еще сильнее. Раньше в меня все влюблялись. А вдруг она уже женщина? Почему я так далеко зашел в своих мыслях о ней? Я же ее никогда не видел. Можно ведь оказывать помощь анонимно. Устроить ее в один из престижных интернатов Европы? Например, в Луизенлонг, к сестре шведского короля Густава? Или к герцогу Бернадоту в Линдау? Есть еще прекрасный адрес: Le Rosey на Женевском озере. Заплатить вперед за обучение, положить на счет небольшой капитал. Заключить договор о финансовой опеке со швейцарским юристом. Если она уже представляет, что хочет изучать в университете, то определить ее в Кембридж или в Массачусетс. В Сорбонне тоже дают замечательное образование. Что еще предстоит сделать? Как утешить это бедное, брошенное создание? И способна ли она адаптиро-

ваться к таким разительным переменам, не обременит ли ее стиль незнакомой жизни? Опасность потерять себя на таком крутом повороте велика. Но, так или иначе, нужно помочь Светлане Симаковой-младшей».

Такого рода вопросы никогда прежде не беспокоили Иверова, это было ново для него. Князь стал в деталях продумывать сценарий помощи брошенному на произвол судьбы ребенку. Иверов уже имел опыт общения с нищенкой, и это вселяло надежду, что у него и теперь все получится. Но Иверов понимал и другое: добродетель, неожиданно посетившую его душу, будет невозможно сохранить без помощи Бога. «Я уже добывал ликвидные акции на Лондонской бирже. Я уже обыгрывал финансовые институты, сбрасывая или приобретая доллары перед резким изменением их курса. Я уже прибирал к рукам золотые прииски в Намибии. Я уже перепродавал алмазные трубки в Австралии, пожинал урожай сапфиров в Непале, сортировал лоты изумрудов в Кейптауне. Я жил исключительно для самого себя! Накопительством было пронизано все мое существование. Итогом этой философии стала готовность к самоубийству. И вот сейчас, в России я мечтаю дарить людям мои знания, мой опыт, порывы души — а заодно и мои финансы. Моим нынешним кредо должно стать сострадание».

Иверов вышел на Загородный проспект, осмотрелся, взглянул на солнце и повернул влево. Через двадцать минут дорога вывела его на Дмитровское шоссе, он опять повернул влево и быстрой походкой направился к центру города. Еще через минут пятнадцать он поравнялся с уже знакомым Савеловским вокзалом, про себя ухмыльнулся, что, дескать, безошибочно выбрал путь, остановился отдышаться и посмотреть на публику. И тут к нему сразу по-

дошел невысокий, худой, с бледным нервным лицом ветерана чеченской войны молодой мужчина в милицейских погонах. «Здравствуйте. Младший сержант Юдашкин. Семнадцатое отделение милиции. Северо-восточный административный округ. Предъявите, пожалуйста, ваши документы». Господин Иверов, пребывающий в задумчивости, не сразу сообразил, о чем идет речь. Милиционер повторил свое требование, но более настойчиво и решительно. Когда он говорил, его лицо портил большой неприятный рот, беспорядочно заполненный кривыми, совершенно желтыми зубами. «Господин Юдашкин! Никаких документов у меня нет». — «Как это нет?» — поднял брови постовой. Он снял фуражку, протер платочком свои редкие светлые волосы и почесал за ухом. «Нет привычки носить с собой паспорт». — «Где вы зарегистрированы?» — «Нигде! Я всего лишь четвертый день в Москве...» — «У кого проживаете?» — «Не понял вопроса». — «Где ночуете?» — «А, в разных местах». — «Место постоянного проживания? Откуда вы прибыли?» — «Из Франции». — «Как из Франции?» — «Так, из Франции, из Европейского сообщества». Милиционер залез в карман брюк, вытащил записную книжку, достал из нее сложенный лист, раскрыл его, посмотрел на фото робот разыскиваемого преступника ум смекнул, что появился шанс задержать опасного злодея. «Я французских законов не знаю. С меня никто их не спрашивает. Но российский закон требует от всех граждан регистрацию. Прошу вас пройти со мной в отделение. Это займет не так уж много времени. Вы напишете объяснительную записку, уплатите штраф и будете свободны». — «Очень мило! Пожалуйста, готов пройти с вами или без вас. Но я не знаю, где находится ваше отделение. Подскажите дорогу?» — «Нет, уж позвольте, — рассмеялся постовой. — Я обязан лично дос-

тавить нарушителя паспортного режима в отделение». — «Я не возражаю. Если закон требует, надо подчиниться». — «Не пытайтесь бежать. За побег вы получите пятнадцать суток ареста, а за нарушение правил пребывания в Москве отделаетесь штрафом в несколько сот рублей. Зачем вам неприятности? Пятнадцать минут — и вы свободны».

Князь внимательно посмотрел на него. «Врет! Впрочем, служба обязывает. Простак, видимо, недавно из провинции. Но в целом обычный парень». Князю показалось, что милиционер нервничает. «Господин Юдашкин, вы не беспокоитесь. От себя далеко не убежишь. Да и куда? У вас есть наручники?» — «Нет! А для чего?» — «Чтобы надеть на меня. Вам же спокойней было бы. А то, вижу, что губы у вас затряслись, на лицо пала мрачная тень подозрения, вены на висках вздулись». — «Что это вы, задержанный, ко мне присматриваетесь?» — спросил Юдашкин, глядя на князя снизу вверх. И тут же попытался по рации вызвать подкрепление. Но старенький агрегат издал лишь треск и шум. «Впервые общаюсь с милиционером». — «Пройдемте, гражданин. Не время болтать. У меня служба». Младший сержант попытался взять Иверова за локоть, но Андрей Константинович резко отстранил его руку и зашагал вперед. В этот момент к постовому подбежала полная женщина с криком: «Хватай его, держи! Вон бежит, быстрее, уйдет, — указывала она в сторону торговых рядов. — Да что же ты стоишь, окаанный, он же скроется. Украл мой кошелек. Лови вора!» Толстушка круглыми кулачками стала молотить по хлипкой груди младшего сержанта, требуя принять решительные меры по задержанию карманника. «Я останусь на месте, а вы помогите женщине, сержант!» — бросил князь. «Хватайте преступника! Слышите, арестуйте его!» — вопила юная барышня лет тринадцати, видимо, дочь потерпевшей. Метрах в

двадцати несколько крупных мужчин удерживали белокурого воришку.

Это был малый лет восемнадцати, крепыш, среднего роста. Пока его волокли к милиционеру, набежала толпа. Младший сержант полностью потерял контроль над ситуацией. Согласно ориентировке начальства, Иверова надо было срочно доставить в отделение. А взбудораженная толпа требовала заняться воришкой. Полная дама схватила постового за рукав и стала толкать к задержанному преступнику: «Проверь его карманы. У него мой кошелек. Я осталась без денег. Давай же!» Не понимая, почему постовой упорно сопротивляется, не торопится брать под стражу вора, потерпевшая вдруг заорала: «Да он не милиционер вовсе! Это сообщник. Он отказывается сцапать вора. Мужики, помогите схватить второго! Он в липовой форме! Эта парочка здесь давно орудует». Публика, наблюдая за происходящим, поняла, что в этой истории действительно что-то не так. Мужики навалились на постового, сбили его с ног, скрутили ему руки. В этой схватке младший сержант потерял половину пуговиц рубахи, левый ботинок, форменный галстук. Его фуражка оказалась у расторопного подростка, снующего в толпе, лычка с правого погона была сорвана. Наколотая на острый каблучок местной путанки, смакующей картину захвата гражданина в форме, она выглядела как золотистая набойка. Юдашкин получил еще синяк под глазом, ссадину на щеке и кровоточащую ссадину возле уха. Князь с интересом наблюдал за событиями на привокзальной площади. Жалкий, никчемный милиционер олицетворял для Иверова поруганную, брошенную на мостовую российскую власть, а неуправляемая, движимая эмоциями толпа на площади Савеловского вокзала казалась воплощением России. «Странное дело, — размышлял

Иверов, — культуры в этом народе предостаточно, больше чем в любой европейской стране. А цивилизации — ни малейшей! Инфраструктурное мышление отсутствует. А одно без другого — это как здание без фундамента. Жаль! Каждый отдельный россиянин — интересен, со знаниями, с богатой фантазией, а современной цивилизованности в нем ни на грош. Поэтому страна никак не может состояться. Повсеместно — горе от ума! А виновник этому — большевизм. Не одно поколение сменится, пока Россия сможет подняться, пока будет создана инфраструктура общества. У нас в Европе «инфраструктурность» преобладает над культурой. Скука! Россияне имеют шанс допустить «инфраструктурность» дозированно, чтобы она не возоблудала над культурой». В этот момент к толпе подъехал милицкий фургон. Основные участники этой сцены — человек десять — направились в отделение. Толпа медленно расходилась. Господин Иверов остался один. «Что теперь делать? — мелькнуло в голове Иверова. — Если я в розыске, то нет никакого резона прятаться в подворотнях. Я успею дойти лишь до следующего постового. Так лучше самому отправиться в милицию. Есть хороший повод: разузнать, как оформить регистрацию. Что, без паспорта? Да, без документов. Если на меня действительно завели уголовное дело, можно, по крайней мере, объяснить. А если все-таки посадят, то любой контакт с россиянами чрезвычайно интересен. Только надо узнать, где здесь рядом милиция». Князь присмотрелся к публике и обратил внимание на интеллигентного вида старикашку с орденскими планками на летнем кителе, подошел к нему. «Уважаемый, вы не подскажете, где находится ближайший милицкий участок?» — «Вы желаете сделать заявление о краже вашего имущества?» — «Нет, нет». — «А зачем тогда вам учреж-

дение, где редко открываются двери?» — «Попал на разговорчивого пенсионера, — подумал Андрей Константинович. А вслух произнес: — Хочу явиться с повинной». — «Это поступок правильный. При старом режиме подобные акции приветствовались. Сейчас могут не принять. Впрочем, попытайтесь. Советую вам пройти на Малую Бутырскую улицу. Там и отделение милиции, и следственная тюрьма рядом. В такую жару добираться на воронке до тюрьмы — залятому врагу не пожелаешь. Так что все время идите прямо. Потом первый переулочек налево. Слышу акцент. Откуда вы?» — «Мой род из Петербурга. Спасибо, я пошел». — «У вас преимущество перед другими преступниками. К питерцам суды благосклонны и дают сроки на тридцать процентов меньше». Иверов в ответ ухмыльнулся и зашагал в сторону Малой Бутырской улицы.

Капитан Чертоляс ковырял прыщ, который так беспардонно вылез прямо на щеке перед самым свиданием. Он пытался выдавить его, оторвать головку, но зеркало отсутствовало, и следователю отдела дознания двадцать третьего участка приходилось на ощупь возиться с этакой пакостью. Это был мужчина лет пятидесяти, почти лысый, с карими глазками и лицом, похожим на мордочку хорька. Стрелка часов приближалась к шести вечера. До конца рабочего дня дежурного следователя оставалось четыре часа, а до свидания — два. Капитан надеялся смыться с работы на два часа раньше. В Москве нынешний четверг был жарким, из конторы почти все разъехались, и ничто не предвещало неприятных неожиданностей. К прыщику он то и дело прикладывал монетку, как рефери на ринге прижимают металлический «утюжок» к ссадинам боксеров, чтобы снять гематому. Прохор Чертоляс более двадцати

лет проработал следователем в подразделениях министерства внутренних дел. Форму он носил редко. Сегодня на нем была хлопчатобумажная сорочка голубого цвета, серые брюки, из-под манжет которых виднелись зеленые носки и белые полуоткрытые туфли. Если с сочетанием цветов у господина Чертоляса имелись незначительные проблемы, характерные для армянского населения небольшого города Майкопа, то с женщинами у него были разногласия основательные. Капитан милиции несколько лет назад ушел от жены. Официально развод не оформлялся, но жили супруги раздельно. Господин дознаватель имел потаенную страсть: в контактах с женщинами его интересовали лишь эротические игры. Секса он избегал не по каким-то физиологическим причинам, например, из-за импотенции, а просто так была устроена его половая энергетика. В результате чего с одной и той же женщиной он встречался не долго. Не больше пяти вечеров. Кто захочет ночи напролет лишь целоваться! Что за страсть испытывал господин Чертоляс к целованию, в медицинских книгах про это почти ничего не сказано. В кругу близких людей за ним давно и прочно закрепилось прозвище «целовальщик». Впрочем, свободомыслие в половом вопросе нисколько не мешало ему выглядеть строгим следователем.

Итак, капитан милиции скучал. Жара спадала, но воздух стоял совершенно неподвижно, и духота была жуткая. Ощущение, что все тело завернуто в целлофановый мешок, никак не проходило. И он не знал, чем себя занять, чтобы скоротать время. В тот момент, когда он стал насвистывать песенку «Была я белошвейкой ...», в кабинет зашел его коллега с повязкой «дежурный» на рукаве: «Представь, к нам пришел Иверов! Спрашивает, как ему зарегистрировать-

ся» — «А, это тот насильник, на которого мы утром получили ориентировку?» — «Ну, да. Он! Я его к тебе привел. Минутку, он за дверью». — «Ты помнишь, в девятнадцать сорок пять я сматываю удочки», — шепотом сказал Прохор Петрович. «Забыл! Да ты с ним за час управишься. Признается или нет, отправляй его в Бутырку. Он мне тут до утра не нужен. Понял?».- «Валяй!» Дверь открылась и в кабинет спокойно, твердым шагом вошел князь. На стеллажах кабинета, на столе, на полу, на подоконнике громоздились пухлые папки, кипы пожелтевших бумаг. Они были обвязаны шнурками от обуви, старыми тряпками, стянуты потрескавшимися резинками. Глядя на этот захламленный кабинет, князь понял, что его владелец хаот, а люди с таким характером имеют богатейшее воображение. «Иверов!» — «По какому случаю явились, позвольте спросить?» — «Закон требует от всех вновь прибывших в Москву регистрации. Я пришел узнать, как это делается» — «Какое послушание, какое почитание законов! Вы, случаем, не советник госпожи Хаккамады по правовым вопросам? Или правовед школы Макарова?» — «Он меня подкалывает», — подумал князь. А вслух сказал: «Как абсолютно праведные души не могут похвастаться, что во всех своих помыслах слепо подчиняются закону, так и я не могу присягнуть, что в моих поступках нельзя найти греха». Тут уместно заметить, что господин Чертоляс имел еще одну примечательную особенность: во время допросов он постоянно и упорно что-то жевал. Впрочем, трудно было понять, что же именно покусывал Прохор Петрович — то ли жевательную резинку, то ли сладкую конфетку. Незаурядные люди часто обладают чем-то сугубо своим, характерным. «Как ваше полное имя?» — «Иверов Андрей Константинович». — «Вы преоригинальный человек, Андрей Константино-

вич. Мне понравилась ваша поэтизация явки с повинной. Вы пришли к нам как белый генерал Слащов — с раскаянием? Или как германский император Генрих Четвертый, который прибыл в Каноссу со злым умыслом? Скоренько рассказывайте, как вы опустились до такого мерзкого преступления. У меня всего лишь полтора часа. А это значит: вместо того, чтобы грядущей ночью вас приняла белоснежная постель Бутырки, за вами сохраняется перспектива ночного бдения на голых нарах камеры предварилочки. Вас когда-нибудь кусали клопы? Не просто клопы, а наши клопы? Это новый биологический вид. Эксперты московской службы дознания скрестили клопа, крокодила и пиранию. Как вам перспектива быть покусанным? Заманчива? Начинайте, герой-разбойник. Я готов фиксировать ваше чистосердечное признание. Итак, когда прибыли в столицу?» — «В понедельник, двадцать четвертого июня». — «Откуда?» — «Рейсом двести девять из Ниццы». — «А, с Лазурного берега? В последние годы наши богатеи частенько жалуются, что в Сен-Тропе, Каннах, Антибах и Ницце местные грабители не дают им покоя. Уж не вы ли организатор чистки карманов и кошельков наших соотечественников? Я совсем не против, чтобы их грабили во Франции. Но в России, в Москве, городе, претендующем на звание третьего Рима! Позвольте, за это придется отвечать. Что дальше? Какие дела привели вас в Москву? Неужели только ограбить и изнасиловать женщину? Неужели вам не хватает нашей денежной публики, бороздящей на своих роскошных яхтах бухту Ангелов?» — «Какие дела? Пожалуй, личные». — «Ах, личные. Вы влюбились в Машу Распутину. Вас покорила Алсу! Или вы другой ориентации и прибыли в наш город, чтобы взять автограф у Бориса Моисеева? Что скажете, подозреваемый? Впрочем, теперь,

чтобы пошутить, у нас с вами будет достаточно времени. Впереди долгие годы в казематах Ураллага. Вам будут предъявлены статьи: сто шестьдесят первая — грабеж. И сто тридцать первая — изнасилование. Можно ожидать десяти лет усиленного режима. Ну, как? Понравилось? Выкладывайте! С кем знакомы в Москве? Кто навел на эту даму? Да, кстати, сколько ей лет? Помимо ее чести, что еще вы приватизировали? Бриллиант в пятнадцать каратов или миллион долларов, которые несла несчастная потерпевшая в сумочке для расчета за стрижку?» — «Удивительный человек», — думал Иверов. Присущая ему осторожность в сближении с новыми людьми, естественная для могущественного предпринимателя, стремительно таяла. Князя потянуло к следователю. Ему казалось, что перед ним его старый, добрый знакомый. Артист, а не суровый страж статей закона. «Как Юрий Гагарин впервые полетел один в неведомый космос, так я впервые совершенно один прибыл в незнакомую Россию. Скажу вам откровенно: я достаточно часто пребываю в грезах. Но виртуальный мир привлекает меня именно потому, что он безгрешен. Он чист, как души ангелов. Грабеж? Изнасилование? Ничего подобного я не припоминаю». — «Так что же вас заинтересовало в России? Почему вы прибыли в эту страну, где, помимо вашего сознания и воли, совершаете преступления?» — «Поиск самого себя привел меня в Москву». — «Когда вы себя потеряли? Где это произошло? Вы сделали заявление в прокуратуру? Уже обратились к Вадиму Михайлову? Он самый известный в Москве эксперт в этом вопросе». — «Серьезно с ним говорить нельзя, — подумал князь, — надо заставить себя вторить ему, пользуясь его же лексикой». — «Последние десять лет во Франции я тщетно пытался через парламент пролоббировать закон о судебном пресле-

довании людей, потерявших самих себя. У меня из этого ничего не вышло. Я не только упустил время, но и нанес себе материальный ущерб. Теперь я прибыл в Россию с теми же мыслями. Попытаться через Думу протащить закон об уголовной ответственности за потерю самого себя. Какие у меня есть шансы?» — «Вы что, сами стремитесь в тюрьму? Есть другие способы. Можно довериться заводу «Москвич», который соберет вас вновь. Запчасти не потеряны? Карданный вал в сохранности?» — «Как, вы меня не понимаете? Если бы было наказание за потерю самого себя, то такой сильный инструмент способствовал бы, чтобы граждане держали себя в руках, а не разваливались на части». — «А, понимаю! — кивнул капитал и подумал: — Он шизик. Может, его отправить не в Бутырку, а в институт Сского?» — А вслух спросил: «Где вы остановились?» — «Прошлую ночь спал во дворе Пименовского храма». — «Вы привезли с собой средиземноморский шалаш?» — «Нет! Я спал под кустами сирени». — «Хм-хм... Вы теолог, флорист, поэт или бродяга? Вы встретите кучу коллег в нашей столице. Здесь можно найти кого угодно, кроме законопослушных граждан». — «Вдохновила идея заснуть на голой земле». «Почему я говорю с ним без иронии? Он же сам постоянно ерничает», — мелькнуло в голове у Иверова. «Новая форма извращения, — сказал Прохор Петрович. — Я бы понял, если бы у вас возникло желание спать на голой даме. И целовать ее. Вас там не обобрали?» — «В моих карманах застрял сирокко. Пустые карманы легко обрастают в парус, который несет меня по улицам Москвы, как яхту по Лигурийскому морю». — «Этот Иверов душевно болен, — подумал следователь Чертоляс и кончиком пальца дотронулся до своего прыща. — Он стал меньше. Не вызовет ли он у нее брезгливость? Эти современные

барышни до такой степени зомбированы косметической индустрией, что перед поцелуем готовы наложить на тебя несколько слоев всяческого крема. Впрочем, может, и обойдется. Надо идти по левую сторону от нее. Тогда прыщ будет почти незаметен. Тут еще этот Иверов! Коллеги станут подтрунивать, если я направлю этого психа в тюрьму. Пусть катит в желтый дом!» — «Вы живете во Франции постоянно?» — «Последнее время все больше в виртуальном мире». — «Каким транспортом перемещаетесь?» — «Извилиноходом!» — «Я слышал об этом чудесном достижении ученых. Хотели бы вы рассказать о новом прорыве конструкторской мысли специалистам в психиатрической лечебнице имени С-ского? В этом учреждении можно встретить множество заинтересованных лиц». — «Если они занимаются поиском альтернативной среды обитания, то мои рекомендации помогут выбрать правильный маршрут». — «Я в этом почти уверен! Чем занимались во Франции?» — «Искал себя в разных ипостасях». — «Потерпели фиаско?» — «Напротив! Этот поиск вывел меня на Россию с ее фантастическими возможностями». — «Оказаться в тюрьме или в сумасшедшем доме», — про себя усмехнулся капитан милиции, а вслух произнес: «До чего же мне нравится общаться с талантливыми людьми. Скажите, Иверов, вы грабили и насиловали женщину в ночь со вторника на среду?» — «В реальном мире?» — «Да! Про фантазмагорический мир вы обещали рассказать в институте С-ского». — «В реальном мире ничего похожего не было. Впрочем, хочу признаться, что в последнее время я часто путаю, в каком именно состоянии нахожусь: в обычном или ирреальном. Но вы должны знать — деньги меня не интересуют, женщины наводят тоску». — «Вот вам лист бумаги и ручка. Напишите, чем вы занимались в ночь со вторника

на среду. Помимо этого, ответьте на конкретный вопрос: совершали ли вы ограбление или нет. Больше ничего не требуется. Только конкретно, Иверов! Поняли? Да, и еще: выверните ваши карманы. Я должен составить протокол изъятия личных вещей». — «Я же сказал вам: карманы пусты. Вот, смотрите». — «Что, только восемьдесят рублей? Вы что, французский безработный? Или интернациональный товарищ по партии Геннадия Зюганова? Признайтесь, куда вы спрятали валюту?» — «Денег так много под ногами, что невольно возникнет желание выделиться. Стать нищим». — «Вы спугали обитателей Лазурного берега с жителями России. У нас один доллар — уже капитал. Владелец ста долларов — крупнейший региональный налогоплательщик. Под чьими каблуками лежат деньги?» — «Под вашими». — «Вы хотите предложить взятку? Сколько?» — «Вопрос может звучать иначе: если вы готовы предоставить мне услуги, то обоснуйте их необходимость и назовите сумму гонорара. Я готов нести любые расходы, но мне необходимо знать, за что я плачу». — «Я уже более двадцати лет как следователь. Знаете, в чем я убедился? С душевнобольными можно быстрее договориться, чем с насильниками и грабителями. Особенно после установления диагноза. Но я не понял еще до конца, к какой категории вас причислить. Хочу верить, что у вас есть алиби. Но почему такой тотальный розыск? Поиск самого Чикотило стоил государству меньше денег, чем было задействовано на ваше обнаружение. Какие у вас отношения с ФСБ? Вы сыпали им соль на раны?» — «ФСБ — это что? Футбольный клуб, хоккейная команда или телевизионный канал? Может, это Федеральный Союз Безработных?» — «Как думаете, кому вы понадобились? Кто хочет задержать вас? И все же, Иверов, чем вы занимались в ночь со вторника на среду?» — «Изучал

российский фондовый рынок». — «Это что, цель вашего визита в Россию? Но позвольте, можно сидеть на пляже в Ницце и через Интернет владеть всей информацией о биржевых торгах на ММБ». — «Согласен! Но я был вынужден заняться этим здесь». — «Почему вынужден?» — «Так легли карты». — «Где вы были?» — «В офисе одного предпринимателя». — «Как долго?» — «С двенадцати часов дня вторника до семнадцати часов среды». — «Оставляли помещение?» — «Нет. Я находился там безвыходно». — «Есть свидетели?» — «Да». — «Кто они?» — «Сотрудники фирмы». — «Где находится офис?» — «Не могу назвать точный адрес. Но показать смогу». — «Хватит врать, Иверов! Желаете убедить меня в том, что вы самого низкого мнения о законах нравственности. В этот вечер вы ограбили и насильвовали женщину! Убедите меня в обратном, но лаконично. Без клятв на Библии». — «Я уже знаю эту версию. Это наговор или провокация. Тут вы можете предложить свои услуги. Доказать, что я невиновен — просто. Найдите офис фирмы, где я играл на бирже, и вы убедитесь, что я говорю правду. В памяти компьютера сохранились все мои ходы. Я готов для протокола назвать их. Иначе ваш протокол обыска выглядит уныло. Вы изъяли у меня ремень и аэрофлотовский билет». — «Не говорите чуши! Ночью российская биржа закрыта!» — «Да, вы правы. Это была среда. Господин Чертоляс! Предлагаю поговорить серьезно. Скажите, нужно ли человеку, который в течение одного дня выигрывает тринадцать процентов от капитала на сложнейшей российской бирже, грабить женщину? В тот день моя прибыль в рублях составила около тринадцати тысяч долларов. Что же касается изнасилования, неужели ваш профессиональный опыт позволяет рассматривать такую версию как правдоподобную? Взгляните на меня: я, Иверов, — на-

сильник? Глупость! Даже обсуждать не хочу!» — «А если женщина будет давать против вас показания? И у нее будут свидетели?» — «Вы должны доказать несостоятельность обвинения. Я не юрист, но мне в голову сразу приходят следующие размышления: насилие не может не оставить следов. Сперма, ссадины, кровь, разорванная одежда. Готов оставить вам свои брюки и нижнее белье. Ни крови, ни спермы вы на них не найдете. Возьмите мой пиджак, рубашку, ищите там ее волосы, нитки от ее платья, ручьи ее слез, следы ее крови». — «Куда девались деньги, которые вы в среду выиграли? Не говорите, что посадили в казино «Метелица». Тут Иверов впервые усмехнулся: «В игре на бирже выигрыш нельзя получить день в день. Но дело не в этом. Заработанные рубли я оставил владельцу капитала. Я же говорил, что деньги меня не интересуют». — «Но зачем же тогда играли?» — «Я давал урок мастерства. Как Гарри Каспаров преподает любителям класс игры в шахматы, как Симона Синьоре передавала свое мастерство начинающим артистам, так и я дал урок игры на бирже». — «Московской милиции не хватает только заниматься французскими психами. Разыскиваемый грабитель дает уроки мастерства в игре на бирже? Анекдот на всю страну. Откуда вы узнали, что вас разыскивает милиция?» — «Московский уголовный розыск имеет в Интернете свой сайт. Сегодня утром я снял эту информацию в интернет-кафе». — «Браво! Итак, господин Иверов, что мне с вами делать? У меня еще тридцать минут. Могу начать подготовку документов для направления вас в следственный изолятор Бутырки или в психиатрическую клинику С-ского. Что вашей душе милее и что подсказывает ваша интуиция? Даю вам право выбора». — «Все равно. Я учусь чувствовать себя прекрасно во всех ипостасях. Мне достаточно погрузиться в вир-

туальный мир, и все, что свойственно человеку массового сознания, станет для меня чуждым. Выберите сами вариант, который не повредил бы вашей карьере и репутации». — «Странный задержанный. Подождите минутку. Я запроу вас в специальной комнате и посоветуюсь с коллегами. Я так понял, что у вас двойное гражданство?» — «Да! Франции и России. Вы оставляете приятное впечатление. Могу ли я обратиться к вам с личной просьбой?» — «Обращайтесь. Слушаю. Не просите оружие, чтобы поставить нас к стенке. Не рекомендую требовать напильник, чтобы одолеть вековые решетки на окнах или выпрашивать динамит, чтобы разнести стены следственного кабинета». — «Мне необходимо разыскать в Москве шестнадцатилетнего девочку. Готов щедро заплатить за эту услугу». — «Родственница, или влюбились?» — «Нечто третье!» — «Сейчас нет времени обсуждать вашу просьбу. Завтра в обед я загляну к вам. Ваше предложение заслуживает внимания, — лицо следователя преобразила хитрющая гримаса. — Все, что не мешает мне выполнять функции дознавателя, я готов обсуждать с вами. А теперь пошли». Капитан милиции вывел задержанного в коридор, провел по лабиринтам, остановился перед массивной железной дверью, пропустил его в камеру и бросил: «Ждите! Скоро буду».

Особенности логики и поступков российских следователей являются непостижимой материей. Частенько хочется крикнуть: «Какая жестокость, господа! У вас ухватки палачей!» Другой раз диву даешься. Казалось бы, все улики налицо, злодей совершил страшное преступление, а следствие неумолимо доказывает обратное и освобождает-таки виновного из-под стражи. И дело не только во взятках! Неумолимо хочется российскому следователю любое нарушение закона соизмерить с собственными морально-

этическими нормами. А его индивидуальная, порой творческая этика не всегда созвучна сухой букве закона. Укропцать уголовный кодекс, подчинять его своим душевным порывам — беспримерная страсть отечественного следователя. У него словно бы на роду записано: расследуешь противоправное деяние — загляни не столько в закон, сколько в душу собственную. Смог бы ты сам такое преступление совершить, тогда подойди к арестованному снисходительно, пойми состояние его страждущей души. Не смог — валяй наказание на всю катушку. Чтобы зубы стучали от ужаса!

Мозговая атака была короткой, но интенсивной. Господин Чертоляс получил одобрение своих коллег на то, чтобы направить задержанного в желтый дом. Оставались буквально считанные дни до первого июля. Именно с этого дня, согласно новому закону, следователи лишались права самостоятельно назначать психиатрическое обследование арестованных. Когда документы были готовы, следователь вызвал спецтранспорт, чтобы доставить князя в главную резиденцию московских психиатров. Порадовавшись предстоящему общению с дамой своего неугомного сердца, укрепившись в сознании, что странный, но симпатичный в общении житель Лазурного берега к злощастному ограблению никакого отношения не имеет, господин Чертоляс досрочно покинул контору.

Оставшись в камере один, князь принялся размышлять. Распространенное в мире утверждение, что Россия — это империя зла и место обитания затюканных людей, оказывалось несостоятельным. Таких увлекательных переговоровщиков, каким оказался господин Чертоляс, у князя во Франции никогда не было. А если иметь в виду, что это был официальный диалог между представителем за-

кона и подозреваемым в преступлении, то доброжелательный дух и тональность их общения просто-таки вызвали вызывать восторг у французского аристократа. Иверову все больше нравилась Россия и ее люди. Теперь ему было все равно, где здесь находиться. Более того — он не просто хотел попасть в институт С-ского, но уже всем сердцем мечтал об этом. Его воображение рисовало неожиданные встречи и дискуссии с таинственными россиянами, оказавшимися в психиатрической лечебнице. Необыкновенные обстоятельства, поджидающие его в клинике, повышали адреналин в крови. Усиливали пульс! «Каким окажется исход этой истории? Признают ли меня сумасшедшим, обрекут ли на лечение? Или заявят, что я здоров, и направят в Бутырку дожидаться суда? А вдруг врачи решат, что я здоров, а следователи убедятся, что я невиновен, и тогда меня выпустят на свободу? На улицы Москвы. Счастливые, богатые люди, облеченные властью, так мало знают о мире, в котором они прозябают». Поток его мыслей прервал лязг засовов. Отворилась массивная дверь, и перед Иверовым предстал Гришка Кутерьма в белом халате санитаря. Рядом с ним были еще двое. Милиционер с повязкой «дежурный» на рукаве и детина лет тридцати, тоже в униформе. «Ба! Андрей Константинович! — разинул рот Кутерьма. — Вы что, пациент нашей клиники? Чудеса! Никак не ожидал...» Охватившую его радость отставной сержант выразил ударами открытой ладони по железной двери камеры. «Вот он, след греха! Я предполагал, что это дело рук Буйносова. И Гришка Кутерьма — лучшее тому доказательство!» — пришло на ум князю. Несколько минут спустя спецавтомобиль уже мчался в психиатрическую клинику С-ского. Иверов сидел неподвижно и задумчиво. Он предвкушал столкнове-

ние, единоборство с господином Буйносовым. Человеком, который строил козни, чтобы поработить его. Сделать из него станок для извлечения прибыли в игре на фондовой бирже.

Глава XXVI

Господин Буйносов давал поручения знакомым сыщикам разыскать даму, оговорившую Иверова. В том, что князь был абсолютно невиновен, Платон Филиппович не сомневался. При его постоянном недоверии к людям — типичная черта российского предпринимателя — в порядочность князя ему приходилось верить все больше. Ему не хватало этого загадочного человека. Бизнесмен оценил его отточенный ум, добродушие и предельную честность. Невероятная способность князя выигрывать на фондовой бирже ошеломила господина Буйносова. Когда тот сбежал из офиса, Платон Филиппович устроил разнос службе безопасности. Весь нынешний вечер его терзало любопытство: что же произошло? После сообщения Гришки Кутерьмы о том, что арестованный за грабеж и изнасилование Иверов помещен в клинику С-ского, бизнесмен не находил себе места. «Как все было на самом деле? — Размышлял предприниматель. — Вторник и среду он безвыходно находился у меня. Кто заказал этого, живущего в ирреальном мире человека? Кто автор чудовищного доноса? Что скрывается за всем происходящим? И кто он, этот пи-

терец, на самом деле? Мурашкин рассказал, что Иверова втолкнули к нему в машину уличные проститутки. Сами заплатили за его проезд. Объяснили, что он иностранец. Отказался от миллиона рублей, которые я предложил ему за одно только слово. Бежит от игры на бирже, где способен зарабатывать огромные деньги, но арестован за ограбление женщины! Что нынче можно взять в дамской сумке? Ах, есть свидетели! Насилует едва ли не первую встречную, но отказывается от тесного общения с девицами Циммермана! Абсурд! Может, он помешанный? Иверов часто поминал виртуальность. Не результат ли это коренных сдвигов в его сознании? Может быть, он совершил преступление, погрузившись в грезы? Но когда? Даже если представить, что Иверов ко всему еще и лунатик, нигде нет никаких следов ... Не просочился же он через замочную скважину! Чертова загадка! Что-то совершенно необыкновенное кроется за всем этим. Нужно дать задание, чтобы поискали в интернете: кто таков этот Андрей Иверов? У него легкий французский акцент. Следы надо искать во Франции. Не найдут — пусть посмотрят весь мир. Я должен знать, что это за птица!»

Буйносов метался по кабинету, как загнанный зверь. Никакой новой информации пока не было, а напряженность стремительно росла. С минуты на минуту должен был появиться Гришка Кутерьма. «Этот сукин сын! За деньгами он бежит быстрее лани. Но когда нужен, его не дождешься», — ворчал Платон Филиппович. Перебирая в уме различные варианты, связанные с освобождением князя, Буйносов приходил к единственному решению: побег! Нужно организовать его по всем правилам жанра. Бизнесмен уже представлял себе, за какие деньги он подкупит охрану и в какое укромное место спрячет беглеца. Пла-

тон Филиппович не хотел допускать, чтобы человек, которого он, теперь уже считал за своего, оставался в изоляторе психиатрической лечебницы. Пусть даже одну ночь! Убеждаешься постоянно: статьи уголовного кодекса еще не стали преградой для честолюбивых фантазий российских предпринимателей. «Der Rubel rollt» — эта фраза была самой популярной в Германии XIX века, и нынешние российские предприниматели вдохнули в нее новую жизнь. «Деньги сокрушают стены!», или «Где крутятся деньги — там решаются проблемы», или «Рубль правит бал». Платон Филиппович начал подсчитывать, во что обойдется побег Иверова. «Начальнику смены охранников — трешку зелени, корпусному — две тысячи, часовым КПП — по пятьсот, милицейскому сопровождению — по штучке баксов, следователю, чтобы не искал и закрыл дело, — еще три тысячи. Итого: двенадцать! Что такое для меня двенадцать тысяч долларов? Если вспомнить, что только за один день француз выиграл больше этой суммы. А если бы в начале игры я положил на депозит не миллион рублей, а миллион долларов? Он выиграл бы для меня более ста сорока тысяч долларов. Только за один день! Фантастика! Могу позволить себе потратить двенадцать тысяч долларов — для удовлетворения собственного самолюбия. Во имя будущих прибылей? Мастер фондового рынка вынужден будет отработать эти деньги. Заплачу двенадцать, а скажу, что побег обошелся в тридцать или в пятьдесят тысяч долларов. Кто проверит? Можно и сто тысяч объявить! Шутка ли, такие тяжелые статьи обвинения. Без взятки меньше десяти лет лагерей получить невозможно! Изнасилование и грабеж — его могут раскрутить на все пятнадцать!» Вдруг простая мысль пришла ему в голову: «Чтобы снять обвинения, Иверову нужны мои показания.

Его алиби сможет доказать лишь мой коллектив. Я сам! Мое условие — десять процентов от срока. Это по-божески. Вместо десяти лет в тюрьме, он проведет один год в моем офисе. Не только сто тысяч долларов придется возвращать, а год работать на меня. Я оборудую для него специальный кабинет. Апартаменты на вечном запоре. Окна в клеточку из чугуна. Стальные двери с глазком. И кормушкой! На нарах расстелим массажный матрас. Под голову положим СД-диски с записями сновидений счастливицков. Циммерман получит преимущественное право на поставку девиц для личных свиданий. Господин Новиков обеспечит провизией ресторана «Царская охота». Издательство Зифы Басыровой завалит его деловой литературой, госпожа Муштак зальет французским вином. Владимир Пекарев доставит из Черноголовки виповские прохладительные напитки, Араик Абрамян привезет ароматы сказочного острова Крк, а Александра Маринина одарит детективами. Разве сможет Иверов отказаться от такой сладостной, благополучной неволи? Да и тюрьма ли это? Долг платежом красен! Я — тебе! Ты — мне! Он — вам! Вы — ему! Они — тем! Те — этим! Вот философия жизни, которой я руководствуюсь и не хочу знать ничего другого. Не открывайте мне тома Платона, не цитируйте Аристотеля, не вспоминайте Гегеля. Не указывайте на стандарты Евросоюза. У нас в России своя правда! А, собственно, почему только десять процентов? Посредники берут пятнадцать, российские банки за валютные кредиты запрашивают двадцать, рублевые кредиты оценивают в тридцать процентов! Что ты за бессребреник, Буйносов? Спасашь человека от тюрьмы, оберегаешь от дальних этапов на Колыму, но пренебрегаешь собственными интересами? Откуда в тебе столько филантропии? Хватит! Я

объявлю ему жесткое условие: три года работы на меня или десятилетний приговор! Ему есть о чем подумать!»

Тут в кабинет буквально влетел Гришка Кутерьма. «Привет, барин! Я дал начальнику смены десять баксов, чтобы меня пораньше отпустил. Запиши, чтобы бухгалтеры вернули деньги». — «Валяй! Рассказывай, что тебе известно. Но базар не фильтруй по своему разумению. Мне необходимо знать все подробности. Что он сделал, когда увидел тебя? Умолял помочь?» — «Не-а! Встретил спокойно и сдержанно. Я даже подумал, что он уже когда-то сидел. Новые арестанты так себя не ведут». — «Ничего не сказал?» — «Молчал и улыбался». — «Чему улыбался?» — «А, вроде, самому себе». — «Он что, чокнутый?» — «Похоже на то. Кто же лыбится перед долгим сроком?» — «А следовательно кто?» — «Прохор Чертоляс. Северо-Восточный округ. Его хорошо знает Яна Врубельская, что у Алтынова в референтах ходит». — «А, эта артистка. Знаком я и с Алтыновым. Думаю, он не откажет мне в просьбе использовать его человека из ментовки. Тем более, дело-то сфабриковано. Если я возьмусь защищать нашего Андрюшку, то оно рассыплется в прах. Но есть ли резон брать Иверова под свою крышу? Что скажешь, Кутерьма?» — «Ты, Платон Филиппович, принятие таких важных решений на меня не перекладывай. Но скажу я тебе другое: в конторе слух ходит, что какая-то важная птица из их ведомства очень заинтересована, чтобы Иверов не в нашей клинике содержался, а в Бутырках. Так что надолго он у нас не застрянет. Через день-другой отберут его у С-ского». — «Да-а! Мне нужно немедленно с ним встретиться. Возьми тысячу долларов и организуй свидание с Иверовым». — «Так он ведь в следственном изоляторе. Это та же тюрьма, барин». — «Что, тысячи не хватит? Уж не ты ли сам накручиваешь? Узнаю — голову

снесу! Возьми еще пятьсот. Но чтобы через час Иверов ожидал меня в комнате личных свиданий. Один! Возьми в баре пару бутылок французского вина, по дороге купи фруктов. Езжай! Скоро одиннадцать. Чтобы к полуночи все было в ажуре. Понял?»

«Каким образом вы оказались здесь, дружище?» — «У меня возникло новое увлечение — совершать богоугодные дела». — «Не подозревал, что в России это преследуется законом. Я пришел сюда, чтобы помочь вам, Иверов!» — «Грешным делом подумал, что это именно благодаря вашей заботе я оказался под замком». — «Не понял. Что вы имеете в виду?» — «Представляется мне, что именно вы являетесь режиссером моего задержания. Но я на вас не в обиде. Чтобы узнать Россию, необходимо побывать во всех ее уголках. А встреча со следователем просто порадовала меня. Очень оригинальный собеседник, я счел его общество весьма занимательным». — «Вы глубоко ошибаетесь, Андрей Константинович. Я тут совершенно ни при чем. Поверьте, сам ломаю голову: кто это вас подставил? С кем у вас в Москве контакты? Есть ли деловые партнеры, должники? Арест в Москве — это не шуточки. Что вы думаете по этому поводу?» — «Кроме людей из вашей компании, я ни с кем здесь не общался. С двенадцати часов вторника до семнадцати часов среды я был вашим гостем. Безвыходно. Кому, как не вам, легко подтвердить мое алиби? Помимо вас, меня видели люди из вашего офиса. Все очень просто, господин Буйносов. Вы делаете письменное или устное заявление, и меня отпускают на все четыре стороны». — «Опыт общения с законодательством какой именно страны подсказывает вам такую простую схему развития событий?» — «Мне кажется, необходимость доказательност-

ти предусмотрена любым законодательством. Возьмите Францию, Германию, да любое другое государство. Что, для России это нетипично? Разве доказанность неучастия подозреваемого в преступлении не является главнейшим обстоятельством в судебном разбирательстве или ведении следственных действий?» — «Вы знакомы с историей собственной страны? Или вы иностранец?» — «По происхождению, а именно по отцовской линии, я русский, но в России никогда не жил». — «Я так и подумал. Вы рассуждаете как типичный иностранец. В нашей стране все значительно сложнее. Просто так подтвердить ваше алиби я не имею никакого права». — «Права или желания? Я ожидал услышать от вас деловое предложение. Что я должен сделать? Играть от вашего имени на бирже? Заплатить гонорар за освобождение? Жениться на якобы изнасилованной женщине? Кстати, кто она?» — «Жаль, что вы не поверили. Я с ней не знаком. И организовал ваш арест не я. Вам еще предстоит на очной ставке встретиться с так называемой потерпевшей. Я думал, что мне вы будете верить. Кроме Платона Филипповича, вас некому защитить». — «Ошибаетесь, господин Буйносов. Я сам еще на многое способен. Кроме того, я не просил у вас никакой помощи. Мне показалось крайне интересным оказаться в психиатрической клинике или в российской тюрьме. Предвкушаю массу любопытных встреч. А коль скоро для меня ничто не имеет такого значения, как поиск самого себя, то самая отвратительная сторона жизни человеческой может оказаться самой, что ни на есть желанной и поучительной. Был такой фильм, где герой соглашается участвовать в экстремальном путешествии в мир острых ощущений. Ничто в этом мире меня уже не пугает. Я успел себя виртуализировать. Единственная боязнь — пустота души, не востребованность сердца.

Скажите прямо: чего вы добиваетесь? А я без обиняков отвечаю: приму я это предложение или же нет. Не найдется такой силы, которая заставила бы меня поступиться собственной волей». — «Если перед вами встанет вопрос, сидеть ли по приговору суда десять лет в российской тюрьме, работая на урановых рудниках, в угольных шахтах на глубине в тысячу метров, или по договору со мной три года в моем офисе готовить молодежь к работе на фондовом рынке, — что бы вы выбрали?» — «Эти варианты навязывались бы силой, помимо моей воли и желания?» — «Именно так!» — «Мне было бы все равно. Альтернатива насилию — всегда только свобода. Скажу вам неприятную вещь: фондовый рынок начинает разваливаться, рецессия продолжится несколько долгих месяцев. Так что зарабатывать в игре на бирже сейчас почти невозможно. Нужны длинные деньги. Все очень рискованно. Я бы не взялся прогнозировать, когда начнется оживление рынка ценных бумаг. Кроме того, эти процессы меня совершенно не интересуют. Открылись другие истины. Некоторое время назад мне стало скучно зарабатывать деньги. А сейчас я уже чувствую отвращение к бизнесу». — «Вы загадочный человек, господин Иверов. Вас ожидает принудительное лечение психотропными препаратами или десятилетнее заключение. А вам это безразлично. Вы что, враг самому себе? Саморазрушитель? Андрей, вы сказали, что успели себя виртуализировать. Не знаю, насколько вы знакомы с квантовой теорией поля, но в ней есть понятие виртуальные частицы. Характерная особенность этих частиц заключается в том, что, обретая свободу, они тут же поглощаются другими частицами, например, протонами. То есть свобода губительна для виртуальности, она вызывает невиданную агрессивность среды обитания. Сама среда не желает терпеть вир-

туалов. Общаясь с вами, я постоянно чувствую, что вы хотите выглядеть сверхчеловеком, существом, познавшим главную истину жизни. Как жрец. Но не боитесь ли вы быть отвергнутым обществом, стать изгоем? Порабощенным и униженным?» — «Спаси современный мир от глобализации способна лишь виртуальность разума. Деньги и только деньги делают человека агрессивным. Я бы сказал так: деньги и агрессия — это синонимы. Меня не интересует ваш капитал, но попробуйте заглянуть в самого себя. Вы пытаетесь меня, свободного человека, принудить к тому, чтобы я зарабатывал для вас деньги. Я привлекаю вас как инструмент наживы. Как виртуальные частицы своей невероятной энергией привлекают протоны. Протон поглощает их, чтобы плотно окружить себя облаком виртуальных частиц. Значит, виртуальность востребована, а не наоборот, как вы утверждаете. Но вернемся к главной теме. Спросите себя: для чего вам капитал? Каких размеров он должен быть? Сколько необходимо человеку? На этот вопрос вы не сможете дать ответ. Его не существует! Как можно посвятить всю жизнь проблеме, разрешить которую нельзя? Погоня за миражом! Побег пешком во Вселенную! Охота за солнцем! Борьба с летальностью! Битва с природой! Кто должен лечиться в клинике для психов? Я? Или вы? Виртуалы или богачи?» — «Сегодня начнут лечить вас!» — «За мной историческая перспектива. Я заработал не один миллиард долларов, но к чему в результате пришел? К попытке самоубийства! И это решение было выстрадано. Я готовился к нему, как отличники к экзамену. Как пастырь готовится к проповеди. Но в последний момент неожиданно пришло другое решение. Усмирить плоть, но расширить горизонты духа. Поэтому мне все равно: сплю ли я на нарах, опускаюсь ли в штольню, голоден ли я, подвер-

гаюсь ли побоям. Лишь расширив в себе горизонты духа возможно по-настоящему познать радость поиска ноуменального влечения! Берегите время. Вы двигаетесь по дороге, ведущей в духовный тупик. Сверните с нее раньше, чем она погубит вас. Посвятите себя виртуальности, поиску ирреального мира, постоянному контакту с трансцендентным. Эта истина откроет вам огромные возможности для самоуглубления». — «Значит, когда мы праздновали во дворе Мурашкина наш дембельский праздник, вы блефовали?» — «В чем?» — «Когда заявляли, что деньги в грезах вам важнее, чем в кармане. При капитале в несколько миллиардов, тридцать тысяч долларов — смешная сумма. А я никак не мог понять, почему вы отказываетесь от нее. Действительно ли вы так сказочно богаты?» — «Мое ирреальное сознание стоит значительно дороже, чем все деньги мира. Платон Филиппович! Переходите на мою сторону. Я не призываю вас становиться в шеренгу. Ее нет! Мы, виртуалы, каждый сам по себе. Мы властители глубин духа, но не создатели набитых карманов». — «Вы необыкновенный чудак. Теперь я начинаю понимать, почему вас пытаются засадить в тюрьму. Кому-то известно, что вы в Москве. И через этот трюк с вымышленным ограблением вас попытаются выпотрошить». — «У них ничего не получится. Я не поддаюсь искушению. Меня не угнетает одиночество, не страшит ненависть злопыхателей, не пугают превратности судьбы». — «Вспомните: кто знает, что вы в России?» — «Кроме Шиндяпкина, никто». — «Кто он?» — «Вице-консул российского генерального консульства в Марселе». — «Эту игру с вами затеяли спецслужбы. Они большие мастера на извращенные пытки. Сомневаюсь, что вы выдержите». — «Они будут требовать от меня денег? Валюта за свободу?» — «Видимо, так!» — «У них нет никаких шансов.

Я заставляю себя испытывать радость от физической боли, призову дух — наслаждаться побоями, память — не запоминать экзекуцию, сердце — простить извергов! Вы не представляете, господин Буйносов, какую невероятную силу дает человеку виртуальность разума. Это не просто нечеловеческая сила, это по-настоящему Божественное могущество! Сокрушить его невозможно — ни посулами, ни пытками, ни заклинаниями». — «Вы апологет Бога?» — «Я сын Его!» — «У Иверова крыша поехала, — мелькнуло в голове у Платона Филипповича. — Несчастный мужик. Он не представляет, что его ждет в России. Здесь максимализм вреден, как чахоточному сырая погода. Впрочем, подождем. Посмотрим, какие силы позарились на иверовский капитал. Да и есть ли он? Не плод ли это больного воображения? Миллиарды долларов? Вот замахнулся! А вдруг они все-таки есть? Как вести себя с ним? С миллиардером? Защищать ли его от напасти или шантажировать? Затеять самостоятельную игру или примкнуть к рэкетирам? Вот вопрос, на который у меня пока нет ответа. Я, конечно, упростил проблему. Шел сюда с убеждением, что щелкну пальцами — и Андрей Иверов три года будет пахать на меня. Тут чапаевские методы, кавалерийские наскоки не дадут результата. Мозги нужны. Надо ломать голову, что делать дальше».- «Что задумались, Буйносов?» — «Прикидываю, как развеять ваши мрачные мысли. Предлагаю выпить красного французского вина. Вы же любите его?» — «Свои мысли я бы не назвал мрачными. Я радуюсь любому сюжету, если он встраивается в новую философию жизни. В этом тоже мое отличие от носителей массового сознания». — «Опять его понесло, — подумал Буйносов. — Нет никакого смысла организовывать побег. Что потом делать с больным человеком? Во всяком случае, не надо спешить. Вначале не-

обходимо понять две вещи: здоров он или болен психически и действительно ли так беспардонно богат. А там и план созреет. Тут, видимо, Юрия Алтынова подключать придется. У этого типа изощренные мозги. Ловушки и капканы он расставляет так мастерски, что денежному потоку их не миновать». — «Налить?» — «Пожалуйста!» — «Приличное вино?» — «Ничего особенного». — «Фрукты?» — «Возьму орешки». — «Прошу вас. Скажите, Иверов, на каком рынке вы зарабатывали такие огромные суммы? Я не ослышался — миллиарды долларов? В пищевой промышленности или в сфере услуг таких денег нет». — «Финансовый рынок. Но эта сложная материя. Чтобы понять ее систему, необходимо иметь виртуальное мышление первой скорости. Именно благодаря фондовому рынку, который в последнее время приобретает все более виртуальный характер, я пришел к ноуменальному сознанию». — «Что значит первая скорость?» — «Образное выражение. Жить в современном фондовом рынке, иметь там успех означает поэтапную виртуализацию сознания». — «Действительно ворочали миллиардами? Аж страшно!» — «Когда-то я радовался этому. Теперь стораю от стыда». — «Вы посвящаете себя виртуальному миру. Но деньги — вещь реальная, материальная. Видимо, у вас есть состояние. И оно далеко не скромное. Как вы распорядитесь им? Или уже составили завещание? Отписали его жене, детям, родственникам? Как вообще возможно расстаться с капиталом? Ведь нет ничего более требовательного, идущего из глубин нашего нутра, чем безудержное стремление к финансовой независимости». — «О таких вещах в том мире, в котором вы живете и хотите существовать и дальше, — не спрашивают. Но в моем мире обо всем говорят открыто. Да, состояние есть. Оно довольно внушительное. Все активы составляют бо-

лее десяти миллиардов евро. Наследников нет. Если до конца года у меня самого не получится под программу виртуализации людей начать расходовать эти финансовые ресурсы, то с нового года этим займется мое доверенное лицо». — «Что это за программа?» — «Она сейчас формируется в моей голове». — «Любопытно. Расскажите?» — «Ничего не имею против. Когда она будет готова, обязательно посвящу вас в ее суть». — «В вас рушится и исчезает инстинкт собственника. Это же главная особенность человека, которая отличает его от животного». — «Я всегда полагал, что человека отличает душа, а не инстинкты». Платон Филиппович смутился: «Ну, Бог с ним! Андрей Константинович! Сейчас трясет американский фондовый рынок. Доллар теряет влияние. Что вы скажете по этому поводу? Мнение эксперта поможет сделать правильные ходы, чтобы без больших потерь пересечь штормовое море мировых финансов. В какой валюте держать активы? В евро или в долларах?» — «Истоки кризиса лежат в переоценке перспектив развития компаний hi-tech. В двухтысячном году прирост инвестиций в компании сектора высоких технологий составил сорок процентов. В то же время прирост инвестиций в другие отрасли экономики США составил от одного до семи процентов. В итоге доля инвестиций в сектор высоких технологий составила более половины от их общего объема, что во много раз превысило реальные потребности этого сектора. Над инвесторами висела прежде всего жажда наживы! С начала две тысячи второго года кризис стал ослабевать. К апрелю некоторые индексы даже подросли. Однако во втором квартале увеличился дефицит внешнеторгового баланса США. В июне он составил почти сорок пять миллиардов долларов. За последние двадцать лет впервые начался отток капитала из США. Это

привело к падению курсов акций. Ситуацию усугубили скандалы с целым рядом крупнейших компаний, завышающих свою прибыль на миллиарды долларов. Это относится к ENRON, Merck, Duenergy, Tyco, Kmart и другим. Потеряна вера в финансовые инструменты США. Это происходит, несмотря на увеличение розничных продаж и роста ВВП. Что касается вопроса, в каких деньгах держать капиталы, я отдаю предпочтение консервативной концепции: временно, пока финансовый рынок не стабилизируется и война супервалют будет вяло продолжаться, половину активов держать в долларах, половину — в евро. При обострении противостояния доллара и евро предложил бы уйти на швейцарские франки. Депозитные ставки на них мизерные — не больше одного процента, но это надежная гавань, в которой можно переждать финансовый тайфун. Кстати, Россия имеет сейчас стратегическую инициативу в подготовке битвы двух супервалют. Сегодня утром я хотел было через интернет поделиться мыслями с министром Грефом. Потом передумал. Этот господин не поймет самой сути интриги. Как такой никчемный господин стал министром экономики? Он же в ней ничего не понимает! Внешнеторговый оборот России сегодня составляет около двухсот миллиардов долларов. Если взять все страны СНГ — то около двухсот пятидесяти — трехсот. Около девяноста процентов всех контрактов номинированы в долларах. Этот ресурс достаточно мал, но — неплохая карта для начала интриги. А интрига весьма интересная. Желаете с ней познакомиться?» — «С большим удовольствием». — «В современном мире наиважнейшим вопросом является создание супервалют. Можно сказать иначе: развитие супердержав тянет за собой проблему расширения зон супервалют и подгоняет экономику к глобали-

зации. До недавнего времени существовала одна — единственная супервалюта — американский доллар. Сейчас, после появления евро, их стало две. Супервалютный мир, в отличие от политического и военного, уже не монополярен. В Китае и странах ОСЕАН в процессе становления находится третья супервалюта — китайский юань. Но при этом остается еще ряд относительно значимых для мировой экономики стран, которые не жаждут войти ни в одну из зон супервалют. В их числе Россия, Япония, Индия, Южная Корея, Саудовская Аравия, весь арабский мир, Иран, страны СНГ. Согласитесь, что исторический комплекс проблем не позволит индийцам, японцам, вьетнамцам войти в географически близкую им зону юаня. Скорее всего этим разным по своим политическим, экономическим признакам и характеристикам странам в обозримом будущем не удастся создать четвертую супервалюту, конкурентную с тремя первыми — для этого не хватит не только суммарного экономического потенциала, но и политической координации. Тем не менее России необходимо начинать движение к получению выгод от многополярности супервалютного мира. Как это сделать? Начинать нужно с переговоров с потенциально заинтересованными странами, которые я уже назвал, о создании валютного соглашения по принципу ОПЕК. В эту организацию входят очень разные по экономическому потенциалу, политическим системам и культуре страны. Их объединяет общая идея получения корпоративных преимуществ при предложении своей нефти на мировом рынке. Сейчас самое подходящее время для формирования идеологии корпоративных интересов, для формирования пула стран с внешнеторговым оборотом и оборотом ценных бумаг в три — пять триллионов долларов США. Такую группу стран можно объеди-

нить в «Союз альтернативного валютного соглашения», или в САВС. САВС выставляет на конкурентные торги потенциальные выгоды, которые получит та супервалюта, в которой страны САВС будут номинировать свою внешнюю торговлю и торговлю ценными бумагами. Пул всегда получит больше преференций, чем отдельно взятая страна. Впрочем, если сегодня Россия предложит Японии валютное соглашение, то японцы, мягко говоря, не поймут. А вот если начать дискуссию с вопроса, что станет с иеной и рублем через десять — пятнадцать лет и впишутся ли они в тенденции развития мировых финансов, то разговор будет совсем другим».

Буйносов заворожено слушал князя. Он пытался вникнуть в слова, которыми ему следовало бы вдохновиться. Но, тесно привязанный к материальному настоящему, к коммерческим планам ближайшей перспективы, он не мог серьезно увлечься отдаленным будущим. Впрочем, он все же пытался понять, как новые знания и мысли, только что полученные, использовать уже сегодня для развития собственного бизнеса. Иверов продолжал: «Владельцы супервалют, упустившие возможности САВС, станут испытывать колоссальные экономические потрясения. САВС способен положить на лопатки правительство США, Федеральную Резервную систему Америки, поставить на колени Брюссель, угрожать экономическим спадом Китаю и странам ОСЕАН, девальвировать или прочно укрепить любую из супервалют. От позиции САВС будут зависеть процентные ставки. Кризис на биржах, падение котировок всех акций. Снижение капитализации. На рынке может оказаться избыток супервалют, огромные финансовые ресурсы окажутся невостребованными. Что происходит в странах супервалют, предоставивших САВС наивыгоднейший пакет

преференций? Укрепление финансов. Подъем экономики. Рост ВВП, увеличение розничного торгового оборота, экспорта. Повышение индекса акций. Укрепление банковской системы. Рост процентных ставок! Оздоровление всего финансового рынка! Одна супервалюта начинает энергично теснить другие». — «Прямо голливудский сюжет крушения империи», — с усмешкой заметил Буйносов, а подумал совсем другое: «Или он стопроцентный шизик или финансовый гений». — «Разрешите?» — заглянул в дверь Гришка Кутерьма. «В чем дело?» — «Платон Филиппович, начальник охраны торопит. Пора заканчивать свидание». — «Лады! До завтра, Андрей Константинович. Я приеду около двух часов дня. К этому времени ситуация прояснится. Будем думать, как жить дальше». — «У меня один вопрос: продолжает ли Семирадова играть на бирже?» — «А что?» — «Талантливая барышня. Позвольте ей играть виртуальными деньгами». — «Обещаю!»

Он вышел первым. За ним последовал Кутерьма. Когда они остались вдвоем, Буйносов сказал: «Побег отменяется, точнее — откладывается. Понял?» — «Как прикажешь, барин!» — «Пойду спать. А ты продолжай караулить Иверова. Если что случится, сразу звони».

Вошел угрюмый санитар-охранник. Ему было за шестьдесят. Грубое, тяжелое лицо, густые седоватые брови, ничего не выражающие, выпученные глаза. «Следуй за мной!» — бросил он отрывисто, как будто дал команду собаке. Князь шагнул вслед за ним. Он повел Иверова длинным, тускло освещенным коридором клиники в палату закрытого типа. В темных углублениях камер виднелись самые разнообразные персонажи. Скорбящие, отрешенные, зевающие. Восторженно декламирующие незнакомые тексты. Провожающие новенького со звериной ненавистью

во взгляде. Приросшие к решеткам с безутешным плачем. Бьющиеся на полу в судорогах нескончаемого смеха. Один из них радостно выкрикнул: «Боже мой, какой он красивый!» Другой грустно добавил: «Новый член несчастного семейства». Третий поприветствовал: «Добро пожаловать в святую обитель». Князь шел, погруженный в себя, не замечая происходящего. Ему казалось, что он плывет по заливу Ангелов, в его ушах звучала мелодия Бетховена. Лязг запирающихся замков камеры вернул его к реальности. Потом упала мертвая тишина.

Князь уснул.

Глава XXVII

Прохор Петрович Чертоляс слушал госпожу Вараксину с возрастающим недоумением. Он впервые общался с этой дамой, рекомендованной начальством. Страшилище утверждало, что была ограблена и изнасилована Иверовым. Первый пункт обвинения еще чисто теоретически можно было обсудить, но второй... Следователь был проницательным и опытным человеком. Он отлично понимал тайный смысл намеков Софьи Никандровны. Женщина говорила не просто много, она верещала безостановочно. Ее голос то взлетал до визга, то становился глухим, как шепот заговорщиков. Одержимая надеждой на скорейшее достижение результата, Вараксина была щедра на посулы и обещания. «Мой друг, — изощренное лукавство таилось в глубине ее маленьких, похожих на окисленные медные монетки глаз, — горе и страдания — самый мудрый учитель жизни. Ничто не воспитывает нас так, как собственные ошибки. Я беспечно вела себя в этот вечер. Отпустила охрану, отказалась от автомобиля, пошла пешком и была жестоко наказана». — «Согласен, женщины частенько идут не туда, куда желают. Скажите, уважаемая, — прищурил

глазки Прохор Петрович, — бывают такие случаи, когда человек уверен, что он подвергся насилию, но в реальности ничего подобного не было. Страх, рожденный навязчивой идеей, превращает наваждение в мнимую реальность. Прошли ли вы медицинское освидетельствование? Для доказательной базы это чрезвычайно важно. Именно на таких документах строится обвинение». — «Я была расстроена. Злодей не оставил никаких следов. Он навел на меня такой ужас, что мне пришлось отдать ему все драгоценности и сумку с деньгами». — «Сколько было денег?» — «Семьсот долларов и пять тысяч рублей». — «Итак, грабитель отобрал у вас драгоценности и сумку с деньгами. Что было дальше?» — «Он изнасиловал меня». — «Вы обязаны описать происшедшее. Как это происходило?» — «Не смущайте меня. Какая женщина расскажет такое! Вы подвергаете риску мое расшатанное психическое состояние. Снова пережить такой ужас я просто не в силах». — «Но без обвинительных материалов закон запрещает задерживать граждан более сорока восьми часов. Я хочу вам помочь, но прошу дать подробные показания». — «Вы же сами мастер составления таких бумаг. Ваше руководство обещало мне полную поддержку. Вы вынуждаете меня обратиться к самому министру». — «Успокойтесь, пожалуйста. Конечно же, я вам верю. Вы мудрая женщина и вам легко понять: во мне нет никаких способностей к сочинительству, как, например, у Марининой. Я простой следователь, а не создатель детективных историй». — «Каждый когда-то должен попробовать себя в новом качестве. Будущее — за начинающими!» — «Помимо всего прочего, Иверова трудно будет привлечь к суду. Я уверен, что в клинике С-ского он будет признан невменяемым. Вчера я беседовал с ним более двух часов. Я не врач, но хочу заметить: у него проявляются не-

которые признаки болезни Бирнбаума — синдром бредоподобных фантазий. Он все внимание сосредоточил на поиске самого себя. Врачи могут истолковать эту навязчивую идею как психогению». — «Я желаю с ним встретиться. Немедленно! Дайте мне документ, чтобы администрация психушки не противилась свиданию». — «Вы пойдете одна?» — «Да! А что?» — «Вы не боитесь своего насильника?» — «Теперь нет!» — «Вы знаете, что я не имею на это никакого права?» — «Звонить наверх? Или дать вам пятнадцать тысяч рублей?» — «Подожду приказа начальства». — «Повышаю ставку: тысяча долларов!» — «К сожалению, должен отказать». — «Даю пятьдесят тысяч рублей! Я буквально теряю голову. Пишите разрешение!» — «Госпожа Вараксина, поймите, это противозаконно. Грош цена юристу, если он сам нарушает закон». — «Я несу убытки, вас учили, что время — деньги?» — «Прошу прощения, но я могу потерять работу. Это серьезное нарушение». — «Я сделаю все, чтобы тебя отсюда вышвырнули. Такому кретину место в Чечне. Я направлю тебя следователем в Шатойский район. Или еще круче: на блок-пост перед Панкисским ущельем. Там пули бьют по телу, как град по крыше. Узнаешь, как Вараксиной противодействовать, поймешь, что такое месть пострадавшей!» Взбалмошная дама выскочила из кабинета следователя, продолжая сыпать угрозами.

Ошеломленный бранью так называемой потерпевшей Прохор Петрович приходил в себя и старался обдумать свое незавидное положение. Он надеялся, что за только что случившейся наглой демонстрацией оголтелого хамства ничего не последует. На столе лежала папка дела под номером 29739. В ней были всего три жалкие бумажонки. Постановление об открытии уголовного дела против Иверова, объяснительная записка дежурного о задержании и

копия направления князя в клинику С-ского. За такое худое дело схлопотать выговор начальства — обычная практика. Чертоляс стал было думать, как пополнить его другими материалами, и в этот момент услышал стук в дверь. «Неужели вернулась, стерва», — пронеслось у него в голове. Стук повторился, и в кабинет заглянул господин Буйносов. — «Что вам?» — «Я — Платон Буйносов от Алтынова». — «А, входите». — «Доставил вам письмишко от общего приятеля. Вот, возьмите». Чертоляс вскрыл конверт, развернул вложенный в него листок и прочитал: «Это мой друг, ему можно верить. Помогите!» — «Чем могу служить?» — «Меня интересует задержанный Иверов». — «Есть у нас такая загадочная личность». — «Что вы имеете в виду?» — «Довольно странная история. Подняли всю Москву, чтобы задержать этого мужика. А он не виновен. Вызывает искренние симпатии. Интуиция подсказала мне спрятать его на пару дней в институт С-ского. Чтобы осмотреться и понять, кто за всем этим стоит». — «И кто же?» — «Давеча появилась главная фигурантка, так называемая потерпевшая. Эту даму зовут Софья Вараксина». — «А, эта мерзавка». — «Вы с ней знакомы?» — «Приходится достаточно часто слышать ее имя. Гнусная шарлатанка». — «Согласен. Пренеприятнейшая особа. Угрожала послать меня в Чечню на блок-пост. Рекомендована начальством главка. Фу, мерзость!» — «Вы под нашей защитой. Такие угрозы и в голову не берите. Мы всегда отстоим вас. Как вы думаете, почему она клеветает? У Иверова стопроцентное алиби. Он безвыходно находился у меня в офисе». — «Играл на бирже и заработал около тринадцати тысяч долларов?» — «Он рассказал об этом?» — «Да, но не упоминал никаких имен и названия фирмы. У меня пока нет версии. А у вас?» — «Когда услышал ее имя, тут же подумал: наезд с целью выкупа». — «Иверов богат?»

— «Можно предположить, что он имеет приличное состояние». — «Тогда версия правдоподобна». — «Но Иверов не рядовой случай. Ума и мужества ему не занимать. Человека, поглощенного безумной идеей, на мякине не проведешь. Он окажется не по зубам ни Вараксиной, ни ее команде. Впрочем, надо еще понять, что это за команда». — «Я отказал ей в свидании с Иверовым. Она взбесилась. Через час ее покровители доконают меня звонками. Проявятся другие фигуранты». — «Тут возможна интересная игра. Какие у вас планы?» — «Хочу дождаться звонков, чтобы понять, какая сила стоит за этой гиеной. А в три часа наметил встречу с Иверовым». — «Прекрасно. Я отправлюсь к Алтынову. В этой истории нужен его талант. Около трех часов встретимся у клиники С-ского».

На этом известный московской предприниматель оставил кабинет следователя.

Юрий Алтынов и Платон Буйносов обсуждали историю с французским аристократом. Столичный бизнесмен излагал своему компаньону факты со всеми мельчайшими подробностями. Он останавливался даже на едва заметных деталях, старался не упустить самые крошечные нюансы, потому что был уверен: лишь искусство собирать и осмысливать разрозненные крупички способно привести в движение крупные замыслы, опрокинуть враждебные планы, соорудить надежную ловушку для жертвы. В речах молодых людей сквозила вульгарная лексика, циничное презрение к закону, неудержимая страсть к обогащению. Их жгучая ревность к несметным богатствам Ходарковского и Фридмана, Потанина и Абрамовича превышала все мыслимые пределы.

Упоенные предстоящей интригой, они радовались, словно артисты перед долгожданной премьерой. Им нужна была сцена! Они нуждались в изобретательном сценарии. Их обуревало желание ввязаться в схватку. Повсеместно расставить хитроумные, заманчивые ловушки, выстроить точные мизансцены. Вытаращив глаза, как перед чудом света, вытянув шеи, чтобы заглянуть за горизонт, наострив уши в ожидании аплодисментов, облизывая губы, словно перед сладчайшим десертом, — они рвались к успеху! Без колебаний! Без угрызений совести! Их окрыленные мысли бились о стены, рассыпаясь победными лаврами! Энергия их мечты и фантазий напоминала мощь вечного двигателя. Именно люди, одержимые таким рвением и такой неистовостью, добиваются исторических побед, нобелевских премий, огромных состояний. «Я знаю, что теперь делать, — возбужденное лицо Алтынова расплзлось в мечтательной улыбке. — Да, есть риск пролететь мимо его капитала. Но искушать судьбу — не наше ли это предназначение? Неудержимость в желаниях — не гарантия ли нашей победы! Игра вдохновляет меня, дружище. Триста миллионов долларов, пятьсот миллионов! Такой размах завораживает. Мне не хватает кое-каких знаний, касающихся работы западных банков. Но в самое ближайшее время я добуду информацию. Поезжай в «Альфа-Банк». Возьми пустые платежные поручения. Скажи Чертолясу, чтобы он убедил Иверова подписать платежи за адвокатские услуги, а также за административные нарушения: пребывание в Москве без регистрации, отсутствие паспорта и тому подобное. По российскому законодательству он обязан иметь адвоката. Мы подсунем ему Неупокоева. Этот малый знает свое дело. Я ему доверяю. Мне надо спе-

шить в прокуратуру и там найти крючки, на которые можно будет подцепить нашего француза. Иверов должен оставаться в психлечебнице, где он нам более доступен. Согласен ли ты на такой план?» — «А почему бы и нет. Начинай! Каждый знает свои задачи», — бросил Буйносов.

Молодые люди вышли к лифту.

Диалог партнеров происходил в апартаментах Юрия Алтынова. Элитный дом в Крылатском с прекрасным видом на излучину Москвы-реки был известен в городе. Квартира состояла из семи светлых, просторных комнат общей площадью в триста семьдесят метров. Итальянская топ-мебель и дизайн госпожи Боссарт создали из квартиры оазис комфорта. Такую роскошь могли позволить себе очень немногие. В конце девяностых годов в столице стали формироваться новые, доселе малоизвестные россиянам сословия горожан: представители федеральных и региональных политических кланов, люди крупного и среднего бизнеса, зажиточное духовенство, преступные авторитеты — они стали именовать себя элитой общества. Мелкие торговцы, уличный криминал, люмпены и безработные выпали из сферы ее внимания. Обособленно пребывают лишь творческая интеллигенция, академические круги и околонучная среда, — среди всей этой публики в основном царит невозмутимая посредственность. Границы и устои сословий автономны, жестки и бескомпромиссны — искаженные традиции родовой дворянской спеси девятнадцатого века! Если одни отчаянно, безудержно рвутся в виповские салоны, то другие, окруженные свитой охранников, приходят в бешенство от этого сокрушительного натиска. Глас народа в стране не слышен! Его игно-

рируют снобизм политиков и высокомерие церковников. Он подавлен расчетливостью богачей и действиями силовых структур. Он заглушен потребительским ажиотажем и воем сирен «Мерседесов». Озлобление низов, готовых в любую минуту раздавить имущий класс, сродни ощущениям ограбленных, в засаде поджидающих своих потрошителей.

В последние годы стали известны рецепты исцеления России от нещадной бедности. Чтобы ее, бедность, ниспровергнуть, чтобы окончательно победить, а потом и вовсе изгладить из памяти, необходимы рыночные законы и желание разжечь в себе страсть к деятельности. Казалось бы, просто и ясно, и все равно никак не удастся раскрутить маховик перемен. Никак не наступит пора реформ! Кто виноват? Кто отвечает за жестокое разделение общества на антагонистические классы? Чего здесь больше, порочного инфантилизма, самоуверенного непонимания сути, или осмысленного саботажа? В крови ли российского этноса — использование силы для обновления общества, для изменения условий жизни? Является ли испытание жестокостью характерной чертой россиян? Отличает ли нас от всех остальных бесшабашная вседозволенность, не она ли причина всех бед отечества? Пока глас народа не зазвучит, как гимн Отечества, пока он не станет вызывать умиление, пока будем продолжать с сухими глазами, без сострадания в сердце наблюдать за нищетой общества — мы не изменим самих себя и свою Россию. Годы упрямого нежелания прислушаться к стону собственного народа отрезали элиту от остальной части россиян. Живущая в запредельном изобилии, она оказалась заложницей протеста, тлеющего в душах ста сорока пяти миллионного народа. Кто прозреет первым? Кому явится исти-

на? Неужели Сам Творец задумал нас богатыми духом, но не накормленными хлебом? Пока же в России гуляет страсть к наживе. Жажда денег обуревают элиту. Она породила потребность безудержной эксплуатации лучших умов страны! Стремление разорить ближнего овладело талантами. Черная повязка затмила глаза. Они стали не способны видеть букву закона, сердце исказило картину истинного бытия. Совесть спит, душа замерла, перестав внимать извечным законам морали!

Перед клиникой С-ского толпился народ. Старушки с гостинцами, дамы помоложе с папками бумаг, барышни с цветами терпеливо ожидали под палящим июньским солнцем свидания с родственниками. Складывалось впечатление, что беды пациентов желтого дома волнуют лишь прекрасную половину человечества.

Первым на «Ладе» подъехал следователь Прохор Петрович Чертоляс. Он сам был за рулем. Капитан взглянул на часы — четырнадцать часов сорок три минуты. Кондиционера в автомобиле не было. Господин Чертоляс поставил машину на предохранитель от угона и вышел. Не успел он оглядеться, как прямо перед ним остановились черный «Мерседес» класса С и черный джип «Ланд Крузер». Из джипа выскочили три охранника, а из лимузина показался Платон Буйносов с еще одним сателлитом. Вооруженная свита московского предпринимателя заняла свои места, как в боевом расчете. «Привет, дружище Прохор Петрович. Какие новости?» — «Хороших новостей мало, есть плохие. С каких начать?» — «С плохих». В этот момент подъехал черный «Мерседес» класса С. Из него вышел сияющий Алтынов. «Здорово, Чертоляс». Они обнялись. «Прокуратура

Москвы хочет перевести Иверова в Бутырку», — сообщил следователь. «Ничего страшного. Обратимся к федералам. Они оставят его в клинике», — сказал Платон Филиппович. «У меня таких связей нет». — «Это мои проблемы». — «ФСБ готовит документы, чтобы забрать француза в Лифортово». — «Я успел поговорить с директрисой психиатрической клиники. Раз следователь Чертоляс направил его на обследование к ним, то пока оно не завершится, пока врачи не установят диагноз — Иверова никому не отдадут. Ни ФСБ, ни МВД, ни прокуратуре, — сказал Алтынов. — Мы сами еще не определились, что нам выгоднее. Держать его под замком или выпустить на свободу. Кроме всего прочего, сегодня суббота, двадцать девятое июня. До понедельника в любом варианте у нас руки свободны. Эти два дня помогут нам определиться. Ты взял платежные поручения?» Буйносов протянул Алтынову пачку бумаг. «Дай их Чертолясу. Прохор Петрович! Мне известно, что ты наладил человеческий контакт с Иверовым. Это хорошо. Посоветуй ему адвоката Неупокоева. Он завтра же может встретиться с нашим арестантом. Вот его банковские реквизиты. Их необходимо внести в платежку и дать французу для заполнения. Таким образом, мы узнаем иверовский банк и номер его счета. Я бы построил план общения с Андреем Иверовым таким образом: ты беседуешь с ним, вызывая у него симпатию. Открыто объясняешь ему, кто именно за ним охотится, но цель преследования не называешь. Пусть сам соображает. Подведи его к тому, чтобы он попросил у тебя помощи. В переводе в другую камеру, в освобождении, в покупке продуктов питания и в других бытовых мелочах. Мне стало известно, что Вараксина получила в московской прокуратуре разрешение на свидание с ним. Я привез специальную технику. Ее уже установ-

ливают в комнате свиданий. Эту работу делает человек Платона. После прослушивания беседы Иверова с Вараксиной мы подумаем, что делать дальше». — «Нужно ли мне встречаться с Иверовым?» — спросил Буйносов. «Пока нет. Ждем встречи француза с этой дамой. Давайте не будем мозолить глаза публике и переместимся в ресторанчик «Тарас Бульба». Он в нескольких метрах, за углом. Наши мобильные телефоны включены. Пока». — «Меня вы тоже собираетесь слушать?» — поинтересовался Чертоляс. «Это еще зачем? Ты наш партнер. Я предвидел, что Иверова будет навещать другая сторона. Система прослушивания включится, как только Вараксина переступит порог комнаты свиданий».

Господин Чертоляс направился в клинику С-ского.

«Я искренне признателен вам. Мое пребывание здесь — это истинный подарок. Познакомился с замечательными людьми, уникальными для душевного общения!» — встретил Иверов следователя. «А я пришел с неприятным известием. Начальство требует перевести вас в Бутырскую тюрьму». — «А я рад. Мне все интересно. Я как ребенок, открывающий для себя окружающую действительность. Хочется поспеть везде. Нет лучше чудотворного источника для поиска самого себя, как соприкосновение с чужими судьбами». — «Начальство настаивает, чтобы вас содержали в одиночной камере». — «Тоже не беда! Я интересен сам себе и предан виртуальности. Не огорчайтесь. Приму любое ваше решение без толики обиды. Россия в любом своем проявлении мне интересна». — «Но там жуткое питание». — «Это меня не пугает. Похлебка клиники С-ского пришлась мне по вкусу. Уверен, что тюремная баланда

покажется мне не хуже лучших блюд ресторанов Лазурного берега». — «Но там еще и вши». — «Вы меня уже пугали экзотическим животным. Симбиозом клопа, крокодила и пираньи. Я готов встретиться со всеми видами насекомых, как и любой другой живности». — «Но, может быть, вы хотите остаться в клинике С-ского?..» — «Желаете оказать мне услугу?» — «Если вы попросите...» — «Это не в моих правилах. Вам решать помогать или вредить. В конце этой любопытной истории я для себя, конечно, оценю ваше поведение ...» — «Согласно российскому законодательству, вы должны иметь адвоката. Есть ли у вас кто-нибудь, кому доверите защищать себя?» — «Такого человека у меня нет!» — «Хотите, чтобы я порекомендовал вам знающего юриста?» — «Да! Спасибо. Соблюдать законы — дело выгодное. Кто он?» — «Господин Неупокоев. Ему сорок лет. Выпускник Московского университета. Имеет большой опыт работы по уголовным делам». — «Отлично! Я жду его». — «Необходимо соблюсти еще одну формальность. У нас принято оплачивать услуги адвокатов авансом, который составляет двадцать тысяч рублей. Это около шестисот пятидесяти долларов. Я принес вам платежное поручение. Пожалуйста, подпишите его и укажите в нем ваши банковские реквизиты». — «Уважаемый господин Чертоляс! Все подобные платежи проводит мой юрист. Когда появится Неупокоев, я дам ему необходимые координаты госпожи Понсэн. Она живет в Ницце». — «Есть привычные условия, сложившиеся на рынке услуг. Пожалуйста, не ломайте их». — «Я назвал вам единственно возможный вариант. Никакой другой формы оплаты у меня не существует». — «Я должен предложить ему звонить во Францию?» — «Я сам объяснюсь с ним». — «Он не знает французского языка». — «Нет никаких проблем. Есть ли у него мобильный телефон?» — «Не

знаю». — «Пусть он принесет мне мобильный телефон и листок со своим банковским адресом. Я сам все согласую». — «Задержанным запрещено пользоваться телефоном». — «Пожалуйста, есть другой способ. Дайте мне лист бумаги и ручку, и через минуту мы решим проблему». Получив требуемое, Андрей Константинович написал: «Chere Elizabeth, transfere sur ce compte mille 1000 dollars»¹. Ниже он указал банковские реквизиты российского юриста, взятые из приготовленного платежного поручения. В конце приписал номер факса. «Вот, пожалуйста. За пользование факсовой связью я плачу сто долларов». — «Вы уверены, что она заплатит?» — «Через пару часов деньги будут в Москве». — «Да, кстати, ваша потерпевшая нашлась. И скоро объявится у вас». — «На опознании?» — «Нет! Желает с вами побеседовать». — «Как частное лицо?» — «Да!» — «Это не противоречит российскому закону?» — «Противоречит». — «Бог с ней, пусть приходит. Что о ней известно?» — «Софья Вараксина. Сорок пять лет». — «Это имя мне совершенно ничего не говорит». — «Она настаивает, что вы ее ограбили и изнасиловали». — «Бред!» — «Есть свидетельница. Ее зовут Виолетта Шиндяпкина. Она подтверждает, что видела вас во время преступления». — «Вы сказали: Шиндяпкина?» — «Да!» — «Дочь российского вице-консула в Марселе?» — «Этого я не знаю». — «Понятно, чья это работа. А я, грешным делом, подозревал Буйносова. Они хотят получить от меня деньги. Русский рэкет?» — «Я расследую дело по статье сто шестьдесят первой — ограбление и статье сто тридцать первой — изнасилование». — «Вы с ними?» — «Я сам по себе». — «Она хочет прийти ко мне? Прекрасно!» — «Что вы имеете в виду?» — «Нужна ваша помощь. Вы же заявили

¹ Дорогая Элизабетт, переведи на этот счет тысячу долларов.

о своем нейтралитете». — «Да, готов помочь». — «Установите в помещении записывающую технику. Вам все станет ясно. Можете открывать дело о вымогательстве». — «Ну, что за пройдоха, этот Иверов. Неужели все психи такие ушлые, — подумал Чертоляс. А вслух произнес: — Сегодня суббота. Технику взять негде». — «Садитесь туда», — князь указал на темный чуланчик, где хранились тряпки и веники уборщиц. «Я не имею права быть вашим свидетелем». — «Найдите другого человека». — «Кого я найду? Час-то неурочный». — «Другая идея: я откажусь от встречи с ней и перенесу ее на вторую половину дня понедельника. Вас это устраит?» — «Я должен получить санкцию окружного прокурора на установку подслушивающей аппаратуры». — «Ну, так что?» — «Даст ли он?» — «А вы рискните». — «Буду стараться. Но шансов мало. Мой совет: пообщайтесь с ней открыто. Узнайте, что у нее на уме, выслушайте ее предложения. А сразу после встречи посоветуемся, что делать дальше. Есть резон?» — «Договорились!» — «Вам что-нибудь нужно?» — Чертоляс встал, давая понять, что встреча заканчивается. «Спасибо! Пока ничего. И вообще, я никогда не обращаюсь к вам с просьбой. Когда навязывают себя — я бываю очень капризен. Если своими поступками и отношением вы убедите меня в своей искренности — это не останется незамеченным. Щедрость — моя вторая натура! Но если замечу, что вы ведете двойную игру, — прерву отношения. До встречи!»

Едва Иверов, сопровождаемый охраной, направился по коридору к своей камере, как его догнали с сообщением о новом визитере. Пришлось возвращаться. Князь был спокоен. Лишь желание продолжить диалог со своим сокамерником о взаимоотношениях католической и православной церковью волновало его воображение. Иверов

вновь вошел в комнату свиданий. За столом сидела женщина. Ее пренебрежительнейший вид вызвал у него смешок. «Это ее я изнасиловал? — подумал Иверов. — Мечтал познать изнанку мира — и вот она! Заставь себя подойти к этому чудовищу и поцеловать ей руку. Сказать комплимент! Смотреть на нее влюбленными глазами». Князь расплылся в улыбке, подошел к Вараксиной, приложился к ее руке и сказал: «Мадам! Рад вас видеть». — «Он уже сдался, — подумала она. — Теперь его можно брать голыми руками и вить из него веревки». Кровь госпожи Вараксиной всегда вскипала, когда перед ней начинало маячить чужое богатство. Кипение прекращалось лишь тогда, когда чужие деньги переходили в ее собственность.

Иверов сел напротив. «Чем могу служить?» В него впились два глаза голодного хищника. Князь не отвел взгляда, а еще шире добродушно улыбнулся. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. «Что это ты усмеешься? Я заставлю тебя заплатить за поруганную честь, за моральный ущерб». — «Как, мы знакомы?» Своей репликой князь не обескуражил собеседницу. «Когда грабил, не спрашивал. Но ты теперь в моих руках. Только от меня теперь зависит твоя дальнейшая жизнь или немедленная смерть». — «Мадам! Я ощущаю аромат лучших духов Франции, но вынужден признать и то, что потоки иллюзий заполняют ваше воображение. Может быть, вы не в ладах с собственной памятью? Клиника С-ского — лучшее место, чтобы освободиться от навязчивых недугов. Правда, она заполнена... Впрочем, готов уступить место в собственной палате и ночи напролет читать вам страницы Нового Завета». — «Дурачиться нет никакого смысла, а косить под душевнобольного — тем более. Я получила от высшего руководства мандат на твою жизнь, Иверов. Или

ты станешь подчиняться моим указаниям, или тебя закопают на подмосковной свалке... Хочешь остаться живым и выйти на волю? Срочно предоставь мне эксклюзивную доверенность на управление всем твоим имуществом и банковскими активами. Тогда я гарантирую тебе жизнь и свободу...»

Андрей Иверов почувствовал, как вместо негодования в нем пробуждается страсть игрока. Он даже воспрянул духом и с лукавой улыбкой бросил: «Вы меня интригуете. Что, в Москве есть столоначальники, раздающие мандаты на жизнь граждан России и стран Европейского союза?» — «Есть! И твоя песенка спета. У тебя уже нет выбора. Ты всецело в моих руках». — «Вы гарантируете мне свободу и снятие обвинений в грабеже и изнасиловании, если получите от меня право распоряжаться всей моей собственностью?» — «Именно так». — «Но это же вульгарный рэкет!» — «Нет! Это российский бартер! Ты мне — деньги, я тебе — свободу!» — «И вы готовы подписать со мной юридический документ, где будут указаны ваши гарантии, что я не только окажусь на воле, но и невредимым смогу жить дальше?» — «Да! Все это ты получишь сразу!» — «Кто станет подписывать гарантии? Конституционный суд, Генеральный прокурор, министр МВД, Патриарх Московский?» — «Подписывать буду я!» — «Имеют ли ваши гарантии какую-нибудь цену? Как может частное лицо гарантировать свободу и неприкосновенность? Предлагаю сэкономить время. Госпожа Вараксина, ваши запугивания и уловки на меня не действуют. У вас есть единственный шанс силой выбить у меня доверенность. Начните меня пытаться. Ломать руки, выкручивать суставы, вырывать ногти. Мне самому любопытно: смогу ли я выдержать истязания изуверов. Дрогнет ли виртуал перед

физической болью? А в случае смерти я встречу с великими предшественниками, и это меня вдохновляет».

Софья Никандровна, виртуоз провокаций и закулисных интриг, была до зубов вооружена беспринципностью, наглостью, изощренным коварством, обретенными в империи зла, которой долгое время правило мракобесие. Сначала — в государстве, провозгласившем беспощадный красный террор, потом — в стране с синдромом циничной вседозволенности, внедренным Гайдаром и ельцинским правовым нигилизмом, чудовище в женском обличии, каким являлась Вараксина, могло вызвать у россиянина смертельный ужас. Но французский аристократ, выросший в духе вольности и честолюбия, богач, интеллеktуал, опытный игрок на мировых биржах отнесся к ней, как к комедийному персонажу. Он понял, что в ее арсенале, кроме угроз и провокаций, совершенно ничего нет. Дама была пуста, как мыльный пузырь. Бросив ей вызов, Иверов ждал ответа. И действительно, Вараксина растерялась. Ее грубость и хамский напор не сработали. А чего-нибудь другого, более веского, она предложить не могла. Раздосадованная женщина почувствовала вдруг, что от одуряющих лекарственных запахов психбольницы ей стало трудно дышать. Хотя она еще и пыталась выглядеть победительницей, но голос, которым она угрожала тысячам людей, дрогнул, прозвучал по-новому, более приглушенно: «Ты рано успокоился, и к тебе подберем ключики. Я сумею укротить такого типа, как ты. Я обращаю твою жизнь в муки ада. Еще сам будешь просить, чтобы я приняла капитал под попечительство». — «Скажите, пожалуйста, вы действительно считаете богатых людей тюфяками? Желаю удачи. Разрешите поцеловать вашу ручку..» — «Прочь, умалишенный паяц! Рано радуешься, Иверов». — «Я не совсем уверен, что

у вас что-нибудь получится. В мире виртуального, куда я сейчас унесусь, нет места существам, вроде вас. Вы человек прошлого. Ваши амбиции — жалкий анахронизм, вроде ведовских заговоров. Так что прощайте. Впрочем, если вы кардинально измените свои моральные принципы, я буду рад встретиться с вами».

Единственное, что она могла противопоставить его едкому, насмешливому тону, так это попытку вволю высказаться. Уязвленная до глубины души, она говорила много и бессвязно. В ее речи мелькали неизвестные князю фамилии и географические названия, блатные и матерные слова, лишённые для него всякого смысла. Ущемленная, неукротимая страсть буйствовала под сводами комнаты свиданий, но все это пролетало мимо Иверова. Его лицо было озарено внутренним светом, казалось, он просто не замечал взбесившейся дамы. Князь встал и сказал охраннику за перегородкой: «Пожалуйста, отведите меня в палату».

Так закончилась встреча французского аристократа с госпожой Вараксиной.

Час спустя в ресторане «Тарас Бульба», прослушивая запись разговора Иверова с Вараксиной, Юрий Алтынов сказал своим компаньонам: «У нас был один сюжет для игры. Теперь их стало два. Совсем не уверен, что с французом что-то интересное сварится. Но убежден, что эту даму мы придавим. Надо разузнать, чем она располагает. Всё — наличные, имущество, доли в других предприятиях, акции». — «О, у этой шарлатанки капитал приличный», — усмехнулся Платон Буйносов. «Проخور, пригласи-ка на беседу свидетельницу Шиндяпкину. Она, должно быть, доверенное лицо Вараксиной. Кроме того, папаша у нее вице-консул в Марселе. Может, другой путь к Иверову нащупаем.

Потрепи ее как следует. Можешь меня позвать. Скажешь, коллега из Ростова». — «Мне хочется не столько разорить эту гадину Вараксину, сколько наказать за угрозы», — задумчиво произнес следователь Чертоляс. «Месть не по нашей части. Мы люди бизнеса», — Алтынов дружески похлопал капитана по плечу.

Глава XXVIII

В камере психушки, где содержался князь Андрей Иверов, окна были зарешечены. Лучи солнца с трудом проникали в это закрытое помещение. Поэтому все дневное время здесь царил удручающе-приглушенный свет. А когда тучи низко повисали над городом, то охране приходилось включать электричество. Камера была около двадцати пяти метров, вдоль двух стен размещалось по три кровати, рядом с которыми стояли небольшие тумбочки. Перед окном располагался квадратный стол, покрытый клеенкой. По субботам в клинике меняли постельное белье, и сейчас от застиранных до желтизны простыней несло резким запахом хлорки. Шел пятый час. Обычно по выходным дням, в послеобеденное время пациенты желтого дома отдыхают, и Иверов застал своих соседей по камере безмятежно спящими. Лишь один бодрствовал и, видимо, дожидался князя. Это был Никита Арсеньев, мужчина лет пятидесяти. Его нежная молодая кожа свидетельствовала, что мужчина ежедневно ел пчелиный мед. Широкая кость делала его крепышом, а глядя на небольшой выпяченный животик, легко можно было предположить, что господин Арсеньев

далек от спорта. Он был робок и растерян, как ребенок в огромном загадочном мире. Нависшие над толстыми очками густые брови, теплые, умные, постоянно улыбающиеся глаза нравились французскому аристократу.

Едва князь оказался в камере, как Арсеньев мелкими быстрыми шажками подошел к нему и произнес: «Ведь совершенно ясно, что противостояние славянофилов и западников не было антагонистическим. У них было больше сходства, чем различий. Те и другие оставались патриотами России, они не позволяли себе сказать о родине: «Эта страна». Или, как теперь зубоскалят: «Разве это страна?» Герцен не случайно вошел в историю крылатой фразой о славянофильстве и западничестве как о двуликом Янусе с единым сердцем. А где вы так задержались? Я с нетерпением хочу продолжить наш диспут». Иверов улыбнулся, не сразу уловив смысл сказанного. Он прошелся по камере, заново погружаясь в тему разговора. В России Иверов любил общаться с людьми, получая удовольствие от самых разных разговоров. «Если иметь в виду имперские амбиции России, здесь более уместно образное сравнение с двуглавым орлом, у которого хотя и две головы, но один клюв», — заметил он, а собеседник увлеченно продолжал: «Сегодня в России нет таких течений общественной мысли, но мои соотечественники, как и в прошлом, по-прежнему идеализируют Запад. Раньше западников можно было понять, — тут господин Арсеньев от души рассмеялся, да так, что слезы выступили у него на глазах. Потом он успокоился, снял очки, вытер глаза и продолжал: — Но и славянофил Хомяков писал о Западе как о «стране святых чудес». Достоевский призывал оплакивать «святые камни» католических храмов. Именно идеализация Запада дала импульс славянофилам идеализировать Россию, которая,

дескать, призвана воплотить высшие идеалы Европы. Чем не осмысленное желание строить Третий Рим? С другой стороны, Карамзин, с легкой руки которого в русский язык вошло западное слово «гуманизм», в конце концов, испугался Французской революции и стал отрицать петровские, сугубо «западнические» реформы. Не доказывает ли это помрачение русского разума? Мы, как девственница, мечтающая о замужестве, но при этом кующая себе пояс целомудрия». — «У Федора Михайловича была особая позиция: он стоял над схваткой. А петровские реформы в некотором отношении были пародией на Запад. Это как в утренние часы на Английской набережной в Ницце можно наблюдать за российскими дамами, прогуливающимися на высоких шпильках, в бриллиантах и вечерних туалетах. А вокруг все в купальниках, шортах, майках и тапочках». — «Здесь я с вами не соглашусь, Андрей Константинович. Хотя эти реформы по своим методам были слишком радикальными, можно сказать, варварскими, но они все же вдохновлялись «западническим» духом». — «Относительно духа — возможно, однако форма была все-таки пародийной». Увлеченные разговором мужчины в больничных халатах мерили шагами камеру — от одной стены до другой и обратно. «Во всяком случае, если я вас правильно понял, вы хотите соотнести нынешнюю ситуацию с девятнадцатым веком, но, господин Арсеньев, в современной России, переживающей сложнейшие коллизии демократических и экономических реформ, проводниками вестернизации остаются сторонники сближения с католичеством, то есть новое поколение западников. А ревнители православного благочестия выступают приверженцами самобытного развития России, как в свое время славянофилы. И примирить эти две позиции по-прежнему затруд-

нительно. Но человечеству сегодня необходим плодотворный синтез двух конфессиональных культур». — «Уважаемые господа! Прошу вас отвернуться. Я хочу выпить стакан воды, съесть яблочко и причесаться», — почти шепотом сказал Семен Васильевич Мау, занимавший соседнюю с Иверовым койку. С угрюмой застенчивостью он избегал прямых взглядов пациентов, врачей да и всех прочих. Его карие сконфуженные глаза бегали по сторонам, а постоянно напряженное лицо исказила смущенная гримаса. Господин Мау с юности стыдился своего непривлекательно вида, ограниченности знаний и несовершенства личности. Лицом он страстно желал походить на артиста Меньшикова, знаниями — на ученого Капицу, а самодостаточностью — на политика Явлинского. Как последний хотел изменить Россию за пятьсот дней, так и господин Мау мечтал за этот срок изменить самого себя. Но годы шли, и его бескровное лицо как имело неправильные черты: узкий лоб, широкий нос, длиннющий рот, — таким и оставалось. И как ни хотел он вступить в партию «Яблоко», чтобы создать конкуренцию лидеру, у него из этого ничего не получилось, и он продолжал оставаться беспартийным. Видимо, от глубокого смущения, вызванного крушением честолюбивых планов, господин Мау прятал свое лицо, и любой самый добродушный взгляд терзал его душу, как публичное оскорбление. Нередко он горько плакал над своей участью, но при этом всегда аккуратно причесывал русые волосы, тщательно, правда, на ощупь, так как стеснялся смотреть на себя в зеркало, выбривал лицо и усердно одеколонился. Ко всему прочему, Мау оставался девственником, будучи обязан своим целомудрием тому состоянию, в котором пребывал. Была у него и еще одна особенность: господин Мау частенько играл сам с собой в тен-

нис. Не где-нибудь на спортивной площадке клиники С-ского или на столичном теннисном стадионе, а ворочаясь на кровати в палате номер семь. Никто, впрочем, точно не мог сказать, кем чувствовал себя господин Мау — игроком на корте или судьей на вышке. Он то и дело сам себе нашептывал: «Пятнадцать — ноль... Нет. Второй мяч... За... Четыре — один. Переход...» И так далее. Видения господина Мау не вызывали неприязни соседей. Здесь каждый был занят самим собой. Вот почему загнанные жизнью люди тянутся к желтым домам, как к оазису суверенности.

Мужчины, увлеченные дискуссией, демонстративно отвернулись от соседа, продолжая свой диалог. «Ваш так называемый «синтез» осуществили Ленин и Сталин, если суммировать их деятельность. Первый люто ненавидел русских попов и безудержно обличал «русскую обломовщину», второй систематически, в какой-то эйфории уничтожал православное духовенство, а затем неожиданно возродил церковь, как птицу Феникс, из пепла. Но не ради торжества истины, а во имя сохранения бесовской империи и своей диктаторской власти. Вот вам и «синтез». Реальный «синтез» пока невозможен, — разве что в воображаемой вами виртуальной реальности. Но ведь это утопия! Синод русской православной церкви костями ляжет, но не пойдет на «диффузию». — «Оставим пока разговор о виртуальной реальности. Вам будет трудно меня понять... Продолжим главную тему. Кстати, Сталин уничтожал не только православных попов, но и католических ксендзов, протестантских пасторов, еврейских раввинов и мусульманских мулл. Он не понимал, что, объявив войну на всех фронтах, он тем самым консолидировал небесные силы. Ведь все сидели в одних и тех же тюрьмах,

вместе хлебали одну и ту же лагерную баланду». — «И молились вместе». — «О чем? О раскаянии власть предержащих?» — «О том, чтобы Бог вразумил их, о наказании зла и о милости к страждущим и гонимым. Парадоксально, но факт: в то время, казалось бы, непреодолимые стены между конфессиями действительно не доходили до Небес. Они держали общую линию обороны. Против воинствующего безбожия, против антихриста. И победили!» — «Но сколько было жертв?» — «Что, уже забежали, как тараканы — туда-сюда? — заглянул в глазок санитар-охранник, спортивного вида мужчина лет тридцати. — Угомнитесь, не то в карцере окажетесь». — «Попробуй, тронь, — открыл глазки щупленький татарин. Он лежал голый. Лишь на ногах были длинные шерстяные носки домашней вязки. Станным образом в этом человеке ощущались сила и властность. — Заколю, как жирного барана перед праздником Курбвн-байрам. Хоть они и неверные, но пророк Мухаммед поручил мне оберегать этих людей. Он верит, что они примут ислам». Охранник замолчал и ретировался. Диалог тем временем продолжался, а татарин, казалось, внимательно слушал их. «А чем вы, господин Арсеньев, объясните нынешнюю конфронтацию между православными и католиками? Ведь сколько раз Патриарх Алексей Второй отказывался встретиться с Папой, сколько раз он заявлял об экспансии католицизма, направленной на канонические территории Русской Православной Церкви?!» — «Со своим расставаться тяжело. Не человеческое это деяние — Божественное. Я об этом думаю не без глубокого сожаления. На мой взгляд, вся Земля является канонической территорией Господа Бога. А объективные интересы Российского Государства требуют сегодня, как никогда раньше, скорейшего сближения с За-

падной Европой, интеграции России в Европейский Союз. Порознь им никак не справиться ни с угрозой исламского фундаментализма, ни с китайским колоссом, который крепчает, поднимается во весь рост — и уже не на глиняных ногах, как это было в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году, а на стальных и железобетонных опорах. Я посвятил свою жизнь объединению католичества и православия». — «Ислам — самая мирная религия», — вставил словцо татарин. «Она такая мирная, что спорить с тобой, Ренат Ибрагимович, небезопасно». Тут татарин вскочил с кровати, подошел к Арсеньеву и бросил: «Нет, скажи, что у тебя на уме. Я требую, чтобы ты высказался по исламу. Что тебе в нем не нравится?» — «Бог на всех у нас один. В религиях много общего. Как и в иудаизме, в исламе есть «праздник жертвоприношения». В синагогах и в мечетях забивают сотни тысяч животных. В этом я вижу не божественную волю, а наследие язычества». — «Ты по арифметике в школе какую оценку имел?» — приняв «красивую» позу, спросил голый, стройный и белокожий, словно из воска отлитый, татарин. «Пятерку!» — ответил господин Арсеньев. «Тогда считай, шайтан. Мусульмане, как и христиане, покупают баранину в магазинах. Скажем, нас, мусульман, один миллиард человек. Каждый ест в день по сто граммов мяса. Сколько, получается, они едят в день баранины?» — «Сто миллионов килограммов, или сто тысяч тонн баранины в день». — «Хорошо считаешь. Верю, что пятерка была. Теперь подумай. В день праздника Курбан-байрам мусульманин не покупает мясо в магазине, а получает его от близких или сам режет животное. Значит, в этот день магазинное мясо не востребовано. Промышленность отдыхает. Вместо тех животных, которые должны были бы пасть под ножами на бой-

нях, другие животные попадают под ножи верующих. Количество забитых баранов никак не увеличивается. Твоя логика неубедительна. Я также могу критиковать христиан за то, что во время праздника Пасхи они съедают сотни миллионов яиц, то есть потенциальных цыплят, или во время Рождества Христова жарят миллионы гусей. Ну, что, один — один?» — «Н-да...» — «Вот так!» — усмехнулся татарин и, довольный собой, вернулся на кровать. «Так в чем же причина конфликта между самыми близкими христианскими конфессиями, между братьями во Христе, которые признают друг у друга и преемственность иерархии, и равночестность, и действенность всех семи Святых Таинств? — спросил Иверов Никиту Арсеньева. — Неужели в таких богословских тонкостях, которые попросту непонятны обычным верующим?» — «И в этом тоже. Это важный вероучительный момент, хотя я лично не считаю его камнем преткновения. Католики исходят из слов Господа: «... Когда же придет Утешитель, которого Я — то есть Сын — пошлю вам...»¹ — «Но дальше же сказано: «... от Отца»... «... Дух истины, Который от Отца исходит...» — «... Он будет свидетельствовать о Мне...» — говорит Христос. Но не будем вдаваться в эти терминологические тонкости. Если исходить из другого положения — о равночестности Лиц Святой Троицы, — то согласитесь, что нет ничего принципиально неприемлемого для православного сознания в том, что Дух Святой исходит и от Спасителя. Так считают и некоторые выдающиеся православные богословы, например, Василий Болотов и архиепископ Михаил Мудьюгин». «Уважаемые господа, прошу от-

¹ «... Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне...» (*Иоан.: 15, 26*).

вернуться от меня. Я собираюсь помочиться», — господин Мау прикрылся полотенцем и подошел к параше. Татарин рассмеялся и сказал: «Залей свою урину одеколоном. Его у тебя целый ящик». — «Простите, господа, знаю, что моя моча дурно пахнет». Господин Мау выгнул из тумбочки парфюмерный флакончик и подошел к параше. Собеседники, между тем, продолжали: «Есть и другие догматические расхождения: они касаются существования чистилища, папской непогрешимости, непорочно-го зачатия Самой Девы Марии и, наконец, Ее телесного воскресения. Что говорят православные богословы? Тут много спорных вопросов». — «Отвечу вам, Андрей Константинович, примерно в такой же последовательности, как вы вопрошаете. Чистилище, как некую промежуточную сферу между адом и раем, признают и православные, когда говорят о сорокадневных мытарствах души после смерти, на чем основана традиция сорокадневных поминальных молитв. А несущественная разница состоит в том, что эта промежуточная сфера для православных находится во времени, а не в пространстве. Учитывая, однако, непрерывность и взаимосвязь времени-пространства, о чем свидетельствует современная наука, в частности теория относительности, — это не такой уж непреодолимый повод для разногласий. Учение о папской непогрешимости православные трактуют неадекватно: здесь подразумевается не безгрешность и непогрешимость Папы в каждом суждении, а лишь безусловная авторитетность его позиции, когда он вещает «с кафедры», от лица всей Церкви. Для меня это вовсе не догмат, а экзезиологическая доктрина, имеющая лишь юрисдикционное, а не догматическое значение. Телесное воскресение Пресвятой Богородицы признают и православные —

в этом богословский смысл чудесного Успения Царицы Небесной, и об этом красноречиво свидетельствуют литургические формулы праздника Успения как «второй Пасхи». Вы это сами хорошо знаете, Иверов! Католики догматизировали то учение, которого придерживаются и православные, ссылаясь, правда, не на догмат, принятый Прием Двенадцатым в тысяча девятьсот пятидесятом году, а на Священное Предание. Сложнее вопрос о непорочном зачатии Девы Марии — догмат был принят в середине девятнадцатого века, после Ее чудесного явления в Лурде в тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году. Принятие этого догмата способствовало усилению культа Девы Марии, росту католического благочестия, а добрые плоды — от Бога, не правда ли? «Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые»¹. — «А как же насчет идеи социализма? Разве эта идея не принадлежит Западу, более того, разве ее нет в Католичестве? Вспомним Великого Инквизитора у Достоевского. Или эта идея не представляется вам «добрым плодом»? — «Протестую! Двадцать первый век — не время для обсуждения социалистической идеи. Ее похороны состоялись в конце прошлого века. В седьмой камере я наложил табу на такие дискуссии», — вскочил с кровати бородатый мужчина лет сорока — сорока пяти, бледный, исхудалый, рябой, сутулый, пожалуй, даже немного горбатый, так как спина и плечи закрывали шею. Нос с горбинкой, синие глаза, исполненные яростной энергии, большие, растопыренные уши делали Пересвета Васильевича Каблукова похожим на человека, долгое время находившегося на больничном режиме. Никита Арсеньев не

¹ Мат.: 7, 18.

обратил никакого внимания на возбужденного соседа и торопливо, словно боялся, что кто-то помешает ему высказаться, продолжал: «Спор на эту смежную тему уведет нас в непроходимые дебри. Отвечу кратко. Я не считаю идею социальной справедливости злом. Она есть в «Деяниях Апостолов», о ней писали Энгельс и Каутский в своих работах о происхождении христианства. Но не будем переключать наш спор в другой, сугубо социальный регистр. Мы же беседуем о проблемах метафизических». — «Тут я молчу. Я не против!» — резко сказал Каблуков. «Мне кажется, что причина конфликта между православием и католицизмом заключается именно в этом: на первый план вышли расхождения юрисдикционные и социально-политические, связанные с отпадением или возвращением — в зависимости от точки зрения — так называемых униатов в лоно Римско-католической Церкви. Московская Патриархия, таким образом, лишилась более тысячи приходов и огромного количества доходов, с чем не может примириться. Объективно она отстает на целую эпоху от интересов государства, которые требуют скорейшего сближения с Западной Европой. А принципиальных метафизических и догматических расхождений между католиками и православными нет: «Символ веры» в наше время, после Второго Ватиканского Собора произносится католиками без *«филиокве»*¹, абсолютно идентично с православными. Это и есть Никео-Цареградский Символ веры, который исповедовала более тысячи лет — до тысяча пятьдесят четвертого года — Еди-

¹ «И от Сына» (лат.) Католики считают, что Святой Дух исходит и от Сына, а православные считают, что Святой Дух исходит только от Бога Отца.

ная Нераздельная Церковь ...» — «Стоп! Стоп! — прервал Иверова Пересвет Васильевич самоуверенным голосом. — Тысяча пятьдесят четвертый год еще не финал той истории, а ее продолжение. Все началось в восемьсот шестьдесят седьмом году, когда Папа Николай Первый потребовал от Патриарха Константинопольского Фотия передать христианскую Болгарию под его юрисдикцию. Важно знать основные события, чтобы сделать правильное резюме. А они выглядят следующим образом: шестнадцатого июля тысяча пятьдесят четвертого года, после провала переговоров, которые вел легат Папы Римского Льва Девятого кардинал Гумберт, требующий у византийского Патриарха уступить юрисдикцию над Южной Италией и Сицилией Ватикану и изменить символ веры — ввести догмат «филиокве», — кардинал предает анафеме Патриарха Кирулария. А четыре дня спустя, двадцатого июля, Патриарх Константинопольский предает анафеме кардинала Гумберта. Как говорится: око за око, зуб за зуб! Но только в тысяча двести четвертом году, после жесточайшего разгрома Константинополя, Церкви полностью разделились. И духовная власть над христианским миром стала переходить к римскому Святому Престолу. Конфликт между католиками и православными не имеет никакой догматической подоплеки. Это столкновение интересов! Жажда власти! Стремление к господству! Чисто человеческая история. Как нынешние нувориши не поделили завод «Кристалл», как две группировки предпринимателей — Люберецкая и Щелковская — устроили битву за подмосковный мыловаренный комбинат, так и Церкви в то время. Небеса смеются над нами!» — тут Пересвет Васильевич сам затрясся в истерическом смехе, который перешел в нескончаемый кашель. «Вы циник, гос-

подин Каблуков, — быстро заговорил Никита Арсеньев. — Вы обладаете знаниями, но в вас нет одухотворенности. Видимо, когда вы смотрите на икону, вы разглядываете краски, изучаете мазки и школу, оцениваете ее стоимость, но не чувствуете главного: божественной сути всего земного. С облика Спаса на вас не снисходит Святой Дух! Если наш Мау стесняется самого себя, брезгует своей личностью, то вы озлоблены на весь род людской, и в любом из нас жаждете увидеть только мерзость. Ищите, друг мой, в каждом человеке святое, всматривайтесь в высокие порывы души, а не подглядывайте за его слабостями, не радуйтесь извергающимся шлакам! Человек — божественное создание! Хуля его, вы гневите самого Господа Бога!» — «Ох-ох, сколько высокопарных слов. А куда вы денете грех? Человек — априори греховное создание. Вы хотите, чтобы я не замечал падения нравов? Вы требуете, чтобы я воспринимал каждого, как святого? Не дождетесь! Я оставляю за собой право судить человека по его поступкам и помыслам». — «Не судите да не судимы будете!» — «Господа, пожалуйста, закройте глаза. После бани я хочу надеть чистое белье». — «После какой бани?» — рассмеялся татарин. «Да не смотрите вы так на меня. Прошу вас, Ренат Ибрагимович, я весь в смущении. Да, я плох, но не уничтожайте меня окончательно. Когда на меня так смотрят, я чувствую, что погибаю». — «Не угрожайте адом, Каблуков. Ад — это внутреннее предостережение, это система индивидуальной духовной защиты! — Арсеньев окинул Пересвета Васильевича добродушным взглядом и продолжил: — Для циника все звучит банально, но попытайтесь заставить себя любить самого последнего негодяя. Только Всевышний рассудит, куда его — в райские кущи или в котлы на вечные муки». — «Ты, Мяу-Мяу, на-

день на себя маску. Нас перестанешь мучить и себя прекратишь изводить». — «Боюсь я, Ренат Ибрагимович». — «Чего?» — «Опасаясь не ту маску на себя надеть. Вдруг она мой внутренний мир изменит? А мне так этого не хочется. Уж очень уютно мне в самом себе». — «Кончай шуметь. В карцере сгною!» — через «волчок» пригрозил санитар-охранник. «Заглохни, а то заколю тебя, как барана к празднику Курбан-байрам, — парировал татарин и продолжал — правительство действует лукаво, когда то тут, то там объявляет траурные дни. В это время самый беспечный в мире русский народ гасит водкой остатки своей чести. Согласен, Мяу?» — «Я водкой не балуюсь». — «Но почему?» — пристал к нему татарин. «Чтобы не обнаружить и не открыть себя. Пожалуйста, отвернись, Ренат Ибрагимович». — «Русский мужик не любит ходить в церковь, слушать проповеди, платить налоги. Прав я?» — залился смехом татарин. «Вы, Арсеньев, кем себя считаете: католиком или православным?» — хитро прищурился Каблуков. «Я — православный католик!» — «Как это?» — «Ну и память у вас, Пересвет Васильевич. Я же вам не раз рассказывал...» — «Что, трудно повторить? Соседям по тюремной палате свои истории можно тысячу раз рассказывать». — «Увлеченный идеей, которой посвятил жизнь — объединение двух церквей, — я не имею права оставаться приверженцем лишь одной...» В этот момент к Иверову бросился, казалось, доселе дремавший шестой пациент камеры номер семь. Возбужденный, он приблизил губы к самому уху французского аристократа и стал торопливо шептать: «Князь, смею ли обратиться к вам с покорнейшей просьбой? Не изволите ли оказать мне любезность и споспешествовать в написании прошения высшему начальству? Решаюсь прибегнуть к вашей помощи, поелику ра-

зум мой омрачен безутешным горем». — «Откуда ему известно, что я князь?» — мелькнуло в голове Иверова. «Пожалуйста, но что мне делать?» — «Испытывая сильную боль в правой руке моей, не могу сам держать перо. Убедительнейше прошу вас написать со слов моих всеподданнейшее прошение моему благодетелю Дмитрию Прокофьевичу». — «Ах, вот что... Конечно... Пожалуйста». — «Тогда присядайте, сделайте милость. Соболаговолите взять перо и бумагу и писать под диктовку.

*«Лета 1802 июня в 28 день.
Милостивый Государь мой,
Дмитрий Прокофьевич!*

Сим уведомляю Вас, что просьба моя, которую я имел честь всеподданнейше поднести Государю Императору, сдана Вашему Превосходительству. Будучи уверенным в беспременной справедливости Вашей, которая разумом и проицанием во всякие дни руководствует Вашим сердцем, покорнейше прошу принять в милостивое уваженье учиненную нам несправедливость, в точности которой уверен я по приложенным к тому прошению бумагам. Сей несправедливости вижу я новый опыт. Казенная Палата, получив Указ из Сената, поспешила приказать землемеру уделать по плану ее отвод: а землемер, не дождавшись летнего времени, в которое обыкновенно межеванье производится, приехавши в Москву заменить судом моего поверенного, уделал вновь отвод, не только той земли, которая была прежде назначена, но и прибавил еще по берегу Клязьмы до ста сажень. И так обижены мы не только против плана Ирманова, который план засвидетельствованный находится и теперь в Казенной Палате, но и

по плану даже Палатскому — этого обстоятельства не успел я представить в просьбе моей к Государю Императору. Но Вам, как Заступнику справедливости, почитаю обязанностью доложить о сем и покорнейше просить подать руку помощи Упадшим.

*Засим пребываю с почтением и преданностью
Вашего Превосходительства
Покорнейший слуга
Коллежский Советник и Кавалер
Граф Володимер Зайчиков».*

Лицо Володимера Зайчикова было маниакально сосредоточенным. Но как только Иверов закончил писать письмо, граф Зайчиков вмиг изменился. Болезненная напряженность сменилась добродушной улыбкой, и сидящий напротив князя человек, чье болезненное сознание перенесло его в самое начало девятнадцатого века, вдруг стал мирным и нежным, как старый, добрый друг. «Покорнейше прошу вас, милостивый государь мой, извинить назойливость мою, что вмешиваю вас в темные деянья соседа моего, князя Василья Орлова. Сестрица моя, отвергнув притязанья его на руку и сердце ее, возбудила в сем неблагородном сердце жажду черной мести. Несть счета низостям и подлогам, на кои идет он, обкрадывая меня и тешась своим беспутством. Приходится мне, дабы положить сему конец, припадать к стопам самого Государя Императора. Душевно признателен вам за оказанную услугу». Господин Зайчиков свернул письмо, подошел к двери камеры и постучал. Через минуту окошко открылось, и показалось знакомое лицо охранника. «Чего тебе?» — «Прошу передать сие прошение в Собственную Его Императорского Вели-

чества Канцелярию». Охранник взял послание, повертел его, ухмыльнулся и закрыл окошко. «Теперь же надобно обмыслить дальнейшие шаги касательно тяжбы моей о земельном участке по реке Клязьме».

Зайчиков молчаливо прошелся по камере, разговаривая вполголоса с самим собой так, что ничего не было слышно, потом лег на кровать, повертелся, принял удобную позу и целиком ушел в себя.

«Вы, Арсеньев, религиозные вопросы ставите превыше всего. Меня они интересуют лишь с исторической точки зрения, — было видно, что Каблуков настроился на длительный разговор. — Меня занимают глобальные социально-экономические вопросы развития России». — «Вы прожектер. Грош цена вашим проектам, — усмехнулся Арсеньев. — Андрей Константинович, как экономист вы могли бы стать экспертом, на мой взгляд, утопических идей нашего Каблукова? Пересвет Васильевич, расскажите, например, Иверову о вашем проекте «ЕРИКА». В эту минуту татарин закрыл глаза, Мау сунул голову под подушку, а граф Зайчиков с отрешенным видом продолжал глядеть в потолок. «ЕРИКА?» — «Да, ЕРИКА». — «Ну, что ж, пусть будет ЕРИКА, но, господин Иверов, это один из многих моих проектов». — «Любопытно послушать». — «ЕРИКА — это сквозной автобан Европа, Россия, Индия, Китай, Америка. Около пятнадцати тысяч километров новой дороги и семи тысяч километров уже существующей. Уникальная автомобильная трасса объединит более трех с половиной миллиардов человек. Из Парижа или Берлина на машине в Дели, Шанхай, Чикаго или в Нью-Йорк. Как, захватывает дух?» — «Начало многообещающее» — откликнулся Иверов. «Кому он нужен, твой автобан!» — реплика Арсеньева прозвучала задиристо. «Для современного мира характер-

ны перегрузки авиаперевозок и все увеличивающееся количество воздушных катастроф. С другой стороны, автомобилестроение ищет новые технологические решения для совершенствования, развития своей индустрии. Территория России является главным резервным ареалом планеты, который может принять дополнительные людские ресурсы на случай природных катаклизмов. Ведь ученые предсказывают, что в ближайшие тридцать — пятьдесят лет многие прибрежные территории Старого Света окажутся под водой. Да и сам я уверен, что именно такая участь ожидает многие страны мира. Небесная механика, управляющая миром, не знает чувства жалости. Куда деваться людям? Грядет очередное великое переселение народов. С другой стороны, минеральные ресурсы на традиционных землях иссякают. Через пару десятков лет мир может остановиться в своем индустриальном развитии. Но перед тем как начать добывать минеральные ресурсы на других планетах, надо использовать то, что еще осталось на Земле. Кодар-Каларский комплекс: медь, железо, золото, каменный уголь, титано-магнетитовые руды. Или Удоканский сырьевой район с богатейшими месторождениями меди, никеля, железных руд. В этих условиях проект платного автобана Париж — Нью-Йорк через девственные сырьевые территории России и Центральной Азии представляется мне перспективной затеей. По моим предварительным расчетам, его стоимость составит около восьмидесяти миллиардов долларов. Чтобы дорога была свободна от снежных заносов и обледенения, ее должны обслуживать две атомные электростанции. Потребуется построить туннель или мост через Берингов пролив. Ввести безвизовое передвижение по всему автобану. Появятся пятисот — тысячетонные автопоезда. Оживет глубинка России.

Индия, Китай, Япония, США, другие страны Азии и Американского континента получат новый мощный импульс для развития национальных экономик. Возрастет эффективность корпоративных связей, усилятся интеграционные процессы, объемы инвестиций приобретут невиданный размах. Финансирование проекта? Не вижу никаких проблем. Если Россия проведет в мировых столицах достойную презентацию, объявит о создании международного акционерного общества, осуществит отчуждение земли в пользу этого акционерного общества, что явится ее вкладом в уставный капитал будущего концерна, то деньги на развитие проекта «ЕРИКА» придут со всего мира. Этот автобан необходим жителям всей планеты, поэтому его будет строить весь мир. Как? Заманчиво? Дайте мне точку опоры, через пятнадцать лет дорога будет построена». — «Когда он рассказывает об этом проекте, меня всегда тянет ко сну», — сказал татарин. «Бред!» — усмехнулся Арсеньев. Восторженный Мау заплотировал, напомнив при этом: «Господа, только не смотрите на меня». — «А вы что скажете, Иверов?» — подошел к князю вплотную Каблуков. «Грандиозная идея! Лет через десять — двадцать она станет актуальной. Bravo, Пересвет Васильевич!» — «Вы уверены?» — сконфузился господин Арсеньев. «Действительно, такая дорога необходима человечеству. Но я не смогу участвовать в проекте, потому что довожу до логического конца свою программу. Но об этом не теперь». — «Ох, уж эти программы...» — вздохнул Каблуков. — Сейчас я озабочен одним: как задержаться в клинике С-ского? Мне часто слышится, что они идут за мной. Их шаги отдаются в моих висках так мощно, будто кто-то бьет молотом по ушным раковинам. Эти санитары — самая коварная публика. Они выбрасывают нашего брата на улицу с таким отвращени-

ем, с каким уличные девки вышвыривают мокрые использованные презервативы. С ними бесполезно спорить о Боге, о человеке, о природе, о времени. Никакие самые гениальные проекты не всколыхнут их сердца, не вызовут в них сочувствия. Они прокричат: «Каблуков, с вещами!» — и все, я уже за порогом нашей обители. А как нашему брату жить вне ее стен? Как принять этот безумный мир, культивирующий в человеке лишь страсть к деньгам? Аппетит к богатству растет непомерно и ежеминутно. Он превращается едва ли не в суть человека! Желание владеть окружающим миром, а не сосуществовать с природой, делается все круче, все изощренней, все более открытым, сумасшедшим! Мир маниакально и бесповоротно потянулся к внешней роскоши. Люди сами не ведают, что, покупая дорогую вещь, хоронят в себе Бога! Наступила пора, когда глупцы умничают, а умные безумствуют, когда незнайки властвуют, а таланты безмолвствуют, когда титаны унывают, а легкомысленные творят, когда тронутые умом пишут в Думе законы, а здоровые вынуждены укрываться в психиатрических лечебницах! Эти преследующие шаги... Когда они оставят меня в покое!» — господин Каблуков закрыл руками уши, лицо его исказилось гримасой боли, и он присел на корточки. «Они хоронят божественное в своей душе, убивают ее, потому что божественное есть действительная, реальная природа человеческой души», — грустно изрек Арсеньев. «Я самый умный из вас, — расхохотался татарин. — Мне мешала одежда, так я ее сбросил. Все! Вопрос исчерпан! Никаких переживаний! Никаких других требований! Я больше ни о чем не думаю, мне больше ничего не надо. Поэтому на время ярость спрятал в сундук, говорливость упаковал в чемодан. Свои желания я ограничил расписанием дня в клинике С-ского. Сосредоточен на вещах

и предметах, лишенных всякого духовного смысла: во время поест, проснуться к завтраку, пукать тогда, когда приспичит, а не сдерживать себя при посторонних. Ваши рассказы мне совершенно неинтересны, но я слушаю вас, чтобы у меня не атрофировались слуховые способности. Единственное, что я себе запрещаю, — это онанировать, глядя на мужчин. Для этого дела у меня есть несколько фотографий. Аллах разрешил иметь четырех жен! Вот я и пользуюсь этими предписаниями. В ночное время, чтобы ощущать себя счастливецом, сплю со своей первой, самой любимой женой Азизой; в утренние часы, чтобы почувствовать себя бодрым, укладываю рядом самую сексуальную, Аллегрову; после обеда, чтобы преисполниться мудростью, забавляюсь формами самой умной, Лолиты; а перед ужином, чтобы проникнуться свободой, занимаюсь французской любовью с самой нетребовательной, Апиной. Что мужчине еще надо? Иверов, именно такое состояние ты называешь виртуальным?» — «Да! Вы близки к ирреальному, а мозги ваши уже начали виртуализироваться». — «Вот вам!» — вскочил с кровати татарин и беззлобно потряс кулаками перед присутствующими. «Когда я слышу о сексе, мне мочиться хочется. Господа, пожалуйста, отвернитесь!» — «Не забудь свой одеколон», — рассмеялся Ренат Ибрагимович.

«Если бы представилась возможность, я бы немедленно переселился в «монашескую республику» на Святой Афонской горе, в цитадель традиционного православного монашества. Почему? — задумчиво спросил себя Никита Арсеньев. — Мне никак не удастся подтолкнуть Синод Русской Православной Церкви к дискуссии на тему сближения с католичеством. Может быть, там, среди монахов-интеллектуалов, моя идея начнет реализовываться? Дой-

дет до слуха и разбудит сердца православных? Еще меня интересуют истоки такого обряда, как обращение в святость. На Афоне один критерий посмертной святости — чем раньше истлеет прах почившего, тем безусловней его святость. В то же время, в католичестве признаком святости является нетленность мощей. Как раз наоборот! Как вы уже поняли, Андрей Константинович, я сознательно исповедую христианство, которое великий Гегель назвал «абсолютной» или «истинной религией». В свое время Достоевский впал в формальную теологическую aberrацию, когда писал, что предпочитает Христа Истине. Он неверно сформулировал оппозицию Христос — Истина, ибо Истина и Христос — едины и нераздельны. Тут Гегель более прозорлив. Но не менее важно, что великий писатель остается на стороне Христа!» — «Я, Коллежский Советник и Кавалер Граф Володимер Зайчиков, состоящий Смоленской губернии Юхновского округа в сельце Крутицах, — вдруг послышался голос господина Зайчикова, — и деревнях Бочкиной, Логиновой, Ливенской и Казенках, писанных по последним поданным к ревизии сказкам, мужского полу сто двенадцать душ, с их женами, детьми, совнучаты и рожденными после ревизии обоюга пола душами, скотом, птицами, хоромами, погуменным строением, хлебом стоячим, молоченным и в земле посеенным, с их пашенною и непашенною землею, с их санными покосами, рыбными ловли и принадлежащими к тем деревням шестью пустошами, словом — что мне, графу Зайчикову, принадлежащие в тех деревнях, не оставляя как людей ни единой души, так и земли ни единой четверти, вовсе без остатку передаю без купчии и денег во владение старосты Московской Обители С-ского князю Андрею Константиновичу Иверову, чтобы кировал он ими по своему разумению...» —

«Ну, наш Иверов разбогател», — расхохотался татарин. «Ой, не смотрите на меня, мне тоже смеяться хочется», — высунул язычок Мау.

Иверов попал в эту компанию лишь вчера вечером. Однако ему показалось, что он находится здесь целую вечность. Обычно так бывает с людьми, которые разумом и сердцем не противятся новой обстановке, а принимают ее всей душой. Время, проведенное в клинике имени С-ского, сблизило князя с воображаемым миром, погружение в который он предвкушал в последнее время во Франции и первые дни в Москве. Он еще и еще раз задумывался: что же такое жизнь? Стремление трезво ощущать себя в реальности или без оглядки бежать от нее? Сейчас, как никогда ранее, господину Иверову хотелось верить в вечное торжество виртуальности. Она царила здесь повсеместно. Князь ликовал. Ему хотелось остаться, навсегда сохранить в этом пространстве, не обремененном корыстью и тщеславием. Он еще раз взглядел соседей по палате. Благотворное впечатление, получаемое от общения с ними, проясняло его сознание, укрепляло в желании любоваться этим миром. Как площадка фондового рынка пробудила в нем тягу к ирреальности, так и камера номер семь психиатрической клиники С-ского становилась для князя очередной ступенью к полной виртуализации мышления, подготовительным плацдармом для прыжка в мир грез.

Князь подошел к своей кровати и, вконец утомленный, упал на нее. Несколько минут он пребывал в полной отрешенности. Как только силы вернулись к Иверову, он стал вдруг размышлять на экономические темы. Но почему? Ведь он клялся, что больше никогда в жизни не позволит себе тратить время на подобные материи. «Чем дольше я нахожусь в стране моих предков, тем более убеждаюсь в

правильности своего решения — сменить место проживания. Российский мир не подходит для обычного человека западной культуры. Конечно, все, что я вижу, — мелочи. Но именно из совокупности этих мелочей и состоит цивилизация. Вчера на глаза попала тысячерублевая купюра. Что за цвет, что за рисунок! Какая-то бирюзовая бумажка, более пригодная быть билетом в цирк или в оперетту, чем служить платежным средством. И это при том, что страна богата замечательными художниками! Кому же отдают в подряд оформление денежных знаков? Может быть, художникам-сюрреалистам, чтобы утверждать концепцию виртуальности денег? А какую финансовую политику проводит правительство России? Сжатие денежной массы. Как же работают предприятия, не имея оборотных средств, каким образом можно накапливать инвестиционные ресурсы, тем более их капитализировать? Страна нуждается в реформах. А что предлагает Греф? Суть реформаторских аргументов этого господина сводится к тому, что если цена на нефть будет на уровне двадцати одного с половиной доллара за баррель, то ВВП России вырастет на четыре и четыре десятых процента. Если же цена нефти снизится до восемнадцати с половиной долларов за баррель, то ВВП вырастет на три с половиной процента. Такое заявление можно назвать дискредитацией человеческого разума, плевком в экономическую мысль! Греф не понимает, что такой жесткой зависимости этих двух категорий нет и быть не может. А что еще у него в реформаторском портфеле, кроме благоприятной цены на нефть? Ничего! Ноль! Совершенно никаких проектов по структурной перестройке экономики, ее дебиюрократизации. Никаких шансов на оздоровление рыночного хозяйства. Нищета еще долгое время будет душить россиянина! Но на-

род спокойно и безмятежно существует в таких условиях. Это — удивительные люди. На Западе их считают примитивами, а они намного превосшли западный мир в виртуализации своего сознания. Им отключают электричество, целые регионы замерзают во время зимних холодов. Они получают мизерные доходы. Большинство из них испытывает острую нужду во всем, но непонятно почему счастливы, радуются жизни. Это ли не нация виртуалов? Это ли не пионеры ирреального мира? Может быть, сама судьба привела меня сюда...Или Он подтолкнул?»

Вдруг князь почувствовал, что блуждает в лабиринте сомнений и противоречий. Тесня друг друга, его мысли вспыхивали и гасли, как светлячки в заросшем кустарником ночном лесу. Настал момент, когда он перестал ощущать самого себя, все глубже проваливаясь в черную бездну. Какое-то мгновение ему еще мерещилась слабо освещенная тропинка, выводящая его на открытую дорогу. Но потом все куда-то провалилось, и рассудок князя погас, как догоревший дотла костер.

Глава XXIX

В ресторане «Белое солнце пустыни» готовились к петушиному бою. Бойцовские птицы из Средней Азии и Турции молчаливо, в глубоком унынии ожидали в клетках начала поединка. Веранда ресторана была заполнена посетителями. Десятки официантов в узбекской национальной одежде с переполненными чеканными подносами носились между столами: самые изысканные, вкуснейшие яства Востока предлагал своим гостям один из лучших ресторанов столицы. За передними столами вокруг петушиного колизея сидела высшая тусовка Москвы. Лощеные, умудренные жизнью банкиры; не привыкшие еще к публичным разгулам и не готовые к непомерным расходам политики партии «Единство»; одурманенные, со стеклянными, опустошенными глазами завсегдатаи казино; энергичные, преуспевающие жулики в самой модной одежде с бриллиантовыми аксессуарами; обремененная ответственностью за судьбы соотечественников думская элита, возглавляемая суетливо ерзающим на стуле депутатом всех созывов Пипингаровым; озирающиеся по сторонам в надежде на месте заработать миллион долларов бизнес-

мены; ошеломленные необыкновенным богатством иностранцы. А сколько субботних красоток сидело за столами «Белого солнца пустыни»! И каких! Это были не просто красивые женщины, это были самые удивительные женщины мира! Они могли поразить любого в самое сердце! Они были способны разбередить душу и перекроить судьбу самого стойкого семьянина! И можно было наблюдать, как сильная половина человечества, собравшаяся в этой империи чревоугодия, сосредоточенно решала, чему отдать предпочтение: любовной страсти или вакханалии пира. Эти две главнейшие составляющие вечера дерзновенно соперничали между собой, как Лукулл и Мессалина, как Дионис и Венера! Семейных пар не было. Да и кто из столичного бомонда балует своих жен! Бомонд на то и бомонд, чтобы самые сильные душевные порывы подчинять сладострастию!

Буйносов и Алтынов сидели за одним из столов первого ряда, буквально в двух метрах от петушиного колизея. Было видно, что мужчин совсем не интересовала окружающая обстановка. Отрешенные от вакханалии, к которой с животной любовью тянутся новые русские, эти два господина были погружены в обстоятельный разбор ситуации, сложившейся вокруг интриги с Иверовым. Так как Юрий Алтынов питал необыкновенную страсть к авантюрным замыслам, он не жалел красноречивых слов, его фантазии были необузданны, хитроумные схемы блестящи, он словно соперничал с феерическими криминальными капризами самого Талейрана и с мошеннической расторопностью Калиостро. Неудержимым потоком завораживающей речи Алтынов буквально подчинял себе сознание Платона Филипповича. Вопрос стоял однозначно: надо заработать на этой афере большие деньги.

«Иверов — долгосрочная перспектива. Таких людей с наскока не возьмешь. Когда я слушаю кассету, где записан его разговор с Вараксиной, мне хочется пожать ему руку и воскликнуть: «Браво, коллега! Отличная работа!» У таких людей можно выманить деньги, правда, относительно небольшие, лишь создав непоколебимый фундамент человеческого доверия. Видимость проникновенной дружбы! А на это уходят годы. Впрочем, я думаю, что ты на такое низкое притворство просто не способен. И тут вопрос не только моральных правил, но и расчета. Богатый француз будет нам куда более полезен и интересен как настоящий, истинный друг, из которого ничего не нужно выманывать! Через него мы сможем выйти на мировой капитал, на связи с аристократами Европы, на сильных мира сего разных стран и континентов. С его протекцией и нашими изоциренными мозгами мы приобщимся к фантастическим проектам будущего, заработаем значительно больше денег, чем в результате пусть самой продуманной, самой искусной, ловчайшей аферы. Этот Иверов — акула, избородившая мировые финансовые океаны без единой царапины на теле! Без щербинки в зубах, без нарушения прикуса. Он скорее вскрыет себе вены, прыгнет с двадцатого этажа, удавится, чем позволит себя обмануть. В критической ситуации Иверов действительно способен отключить своей мозг, подавить инстинкты, заглушить рефлексy. Чтобы не страдать, не чувствовать боли, не терпеть унижения, а все это может произойти в результате чудовищной заготовки Вараксиной и ее коллег. Мы должны менять тактику. В случае с Иверовым делать ошибки нам непростительно. С другой стороны, самой судьбой нам предопределено получить от этой интриги крупную сумму гонорара уже завтра. Ведь это наше абсолютное кредо: беспрестанно сно-

вать по улицам столицы от Неглинки до Охотного ряда и от Тверской до «Царской охоты» на Рублевке, подобно хищникам, жаждущим поживы. Прежде всего, предлагаю взяться за Вараксину, за ее окружение и как следует их потрясти. Чувствую, что из этой гниды можно вытянуть порядочный капиталец. Сложившаяся ситуация напоминает мне о решении тюркизированного монгола Тамерлана. После разгрома Золотой Орды он повернул на русские земли Василия Второго. В Ельце ему повстречался загадочный человек, помышлявший не о хлебе насущном, а о сочинительстве песен. «Много тут вас таких?» — спросил его полководец. «Русский человек песней живет, а не золотом», — ответил бард средневековья. Обдумав предложение получить в качестве трофеев песни незнакомой культуры, Тамерлан повернул на Грузию и разграбил своего союзника. Ему досталось тридцать семь подвод грузинского золота! Хотя прошло более пятисот лет, но история с Тамерланом, разорившим своего союзника, похожа на интригу с Вараксиной. Надо признаться, вначале мы видели в ней союзницу...»

Буйносов не перебивал своего приятеля. Воображение несостоявшегося физика рисовало перспективы разорения законченной мерзавки, королевы столичных провокаций. Остатки интеллигентности, сохранившиеся в недрах его души, вынуждали Платона Филипповича ненавидеть ремесло Вараксиной, но предприимчивость нового русского требовала незамедлительно ввязаться в интригу. Деньги королевы провокаций кружили ему голову подобно тому, как грузинское золото вдохновляло хромоногого Тамерлана.

Тем временем Юрий Алтынов продолжал: «Чтобы стать баснословно богатым, вначале необходимо научиться уп-

равлять самим собой, а потом людьми и обстоятельствами. Лишь полная победа над собственной страстью сможет принести высокие дивиденды. Мы сворачиваем с курса. Мы с чистого листа начинаем писать новую пьесу. И назовем ее «Удавка для гиены». Действующие лица спектакля: Виолетта Шиндяпкина — главный потрошитель. Ее отец Кузьма Шиндяпкин — свидетель обвинения. Андрей Иверов — первая жертва. Яна Врубельская — вторая жертва. Старуха, торгующая секретами, прокуроры, следователи — артисты театра. Режиссер- постановщик спектакля — Юрий Алтынов. Директор театра — Платон Буйносов. Ну что, за дело?» — «Твой план меня вдохновляет. Я знал, что мой ум богат коммерческими проектами, но что у меня такие авантюрные наклонности — честно говоря, не подозревал. Меня тянет к этому преступному спектаклю с такой неудержимостью, с какой Наздратенко рвется во властные структуры, с какой Гайдар стремится попасть в экономический блок правительства». — «Чем больше гайдаровского в экономике, тем шире сцена моего театра, тем больше сумм на моих банковских счетах». — «Юрий, я не об этом. Но в продолжение твоей мысли скажу: если пять — семь лет назад нас интересовал лишь нелегальный бизнес, то теперь мы должны поддерживать законное предпринимательство и одновременно пользоваться плодами реформаторства «чикагских мальчиков в коротких штанишках». Останется ли через десять лет черный нал? Вопрос не риторический. Но вернемся к главной теме. У тебя уже есть идея, какую удавку мы приготовим для Вараксиной?» — «Ту, которая взрастила не одно поколение прокуроров и мошенников. Традиционную и самую прочную. Шантаж, замешанный на афере! Кассета с записью ее разговора с Иверовым, подставные свидетели — наши люди в

следственных органах и в ФСБ могут гарантировать полный успех финальной сцены. Я рассчитываю на три миллиона долларов. Именно такую сумму собираюсь отстегнуть у этой московской гиены. Со слов Шиндяпкиной, месячный заработок этой гиены составляет около полумиллиона долларов. Так что три миллиона — не такая уж сумасшедшая сумма. Отбить нашу атаку ей встанет значительно дороже. Хотя говорят, она невероятная скряга. Гонорар мы раскидаем на три части: одна часть пойдет на взятки и премии, оставшиеся деньги разделим пополам». — «А риск?» — «Никакого!» — «Но меня интересуют не столько миллионы Вараксиной, сколько работа с Иверовым». — «Платон Филиппович, ты не торопись. Проблему Иверова я разделил на три этапа: вначале нам необходимо освободить его из клиники С-ского и закрыть дело. Потом быть при нем, не расставаться ни на минуту. И только на завершающем этапе — совместные коммерческие проекты. Ты как-то сказал, что между ним и Семирадовой возникла симпатия. С чего ты это взял?» — «Помимо собственной интуиции, есть и косвенная информация. Следователь Чертоляс сообщает, что в разговоре с ним Иверов интересовался, нельзя ли, в виде одолжения, разыскать в Москве адрес одной молоденькой барышни. Не о Семирадовой ли он думал? При встрече со мной он напрямую поинтересовался, как идут дела у Семирадовой с игрой на бирже. Эти мелкие детали дают мне основание предполагать, что он о ней думает». — «Прекрасно. А она?» — «Я спросил ее сразу после его побега, какое впечатление он на нее произвел. Вопрос застал ее врасплох и смутил так основательно, что лицо стало пунцовым». — «Ты уже спал с ней?» — «Нет. У меня нет времени на ухаживания. С девицами Циммермана мне проще». — «Она мила?» — «Хороша!» —

«Немедленно отправляй ее в институт С-ского. Пусть отнесет ему пакет черешни и корзиночку клубники. Чтобы не боялась пациента психушки, скажи ей, что он там временно, по ошибке». — «Никаких проблем. Она из сиротского дома, слушает меня, как своего наставника». — «Она сможет стать ключом к Иверову. Пошли к ней машину, и чтобы завтра же поутру она была в клинике. Потом мы с ней встретимся. На этом предлагаю завершить обсуждение текущих дел. Сейчас пора обратить внимание на ресторанный сервис и вдохнуть аромат восточной кухни».

В «Белом солнце пустыни» клокотал шумный, сияющий вечер. На столах, освещенных многочисленными свечами, вздымались горы вкуснейших блюд. В буквальном смысле тарелки, наполненные яствами, стояли на тарелках. Прямо на веранде, на огромных мангалах жарились обвернутые в фольгу курдючные бараньи туши. На барбекю в кастрюлищах булькала кипящая вода, ожидая погружения аппетитных кусков молочных козлят, в огромных чугунах томился изысканнейший узбекский плов, своими запахами олицетворяющий прелесть жизни, на сковородках шипел белоснежный амударьинский жерех, а в объемистых пиалах самые разные овощи мешались со всевозможными травами и кореньями: базиликом, мятой, реханом, кориандром — и рождался богатейший восточный салат. Всей этой упоительной благоухающей снеди хватило бы на сотни пышных пиров! Паломничество любителей изысканной кухни в заведение, созданное талантливейшими гастрономами современной России — Владимиром Лисовецким, Игорем Кофманом и Аркадием Новиковым, — придавало этому поистине райскому уголку черты роскоши и уюта. Гости с упоением сорили здесь ворохами ассигнаций, хозяева с вдохновением истинных художни-

ков творили кулинарные шедевры. Эти чувства и желания, спешащие навстречу друг другу — страсть к расточительству и упоение чревоугодием, с одной стороны, и восхижительное поварское мастерство — с другой, — соперничали между собой, как звуки музыки и строфы поэм, как натиск стихии и гармония умиротворенности. Тут деньги превращались в изысканные блюда и великолепные вина, а еда создавала невероятную жизненную энергию. Именно здесь, на веранде ресторана «Белое солнце пустыни», можно было бы экспериментально доказать старую истину: человеческий организм живет лишь благодаря распаду пищи! Видимо, поэтому здесь наблюдался такой невероятный, такой необузданный аппетит! К столу молодых людей подошла исполнительница танца живота. Высокая, грудастая, с широкими полуприкрытыми бедрами. В ее подведенных, обретших миндалевидную форму глазах застыла фальшивая, отрешенная улыбка — сродни пустоте каменистого пейзажа. «Господа, вам станцевать?» — спросила она голосом, требующим немедленной оплаты сервиса. «Не верю, что у молодой женщины с таким безразличным, потухшим взглядом получится зажигательный танец живота», — заметил Буйносов. «Ах ты, какой кусачий! А посмотри на тебя ласково, так ты решишь, что я в тебя влюбилась, начнешь приставать с романтическими предложениями». — «Секс мне не в радость, никакой романтики в нем я не нахожу. Для меня это скорее привычка. Как необходимость принять душ, почистить автоматической щеткой зубы, состричь ногти, с закрытыми глазами отдаться сексу. Если у кого-то он рождает азарт и вдохновение, то у меня — тоску осознанной необходимости». — «Так ты за это замечательное дело всегда расплачиваешься деньгами?» — «А разве любовь бесплатна? Я доволен девушка-

ми господина Циммермана. Они молчаливы и ненавязчивы. Все расписано по минутам. Я привык к порядку!» — «У тебя не было желания понравиться девушке? Купить ей букет цветов, подарить колечко с бриллиантом? Фу, как это скучно!» — «Сознание отражает действительность. Сколько стоит твой танец?» — «Минута — десять долларов. Минимальный заказ три минуты». — «Слышишь, Алтынов, я оплачиваю десять минут танца, а ты ужин. Договорились?» — «По рукам!» — «Ну, что, сексопильная, теперь все культы разрешены. Начинай танец! Как комета озаряет небо — зажги в своих зеленых глазах огонь страсти. Крути бедрами, как смычок Спивакова носится по струнам скрипки. Завораживай магической грудью, как цыганки гипнотизируют ритмами бубенцов. Пошла! Больше огня, экспрессии! Каждая клетка твоего нагого тела должна быть исполнена эротизма. Чтобы сам министр культуры Швидкой пригласил тебя в программу «Культурная революция». Танцовщица призывно взглянула на молодых мужчин, поправила длиннющие вороненые волосы, величественно выгнула лебединую шею, грациозно щелкнула пальцами, прошуршала мягчайшей обувью по полу и понеслась завлекать мужчин соблазнительными вздрагиваниями эротического тела. «Как поразительно меняется женщина при запахе денег», — шепнул на ухо приятелю Платон Буйносов. «Я думаю иначе: какой великий талант вложила природа в женщину, наделив ее чудодейственным искусством превращений», — сказал Алтынов. Мужчины заплодировали. Платон Филиппович достал из бумажника две пятидесятидолларовые ассигнации. Одну вложил за чашечку лифа, другую — за край пояса у самого волнующего узелка. Господин Алтынов полез в свой бумажник. «Оставь, приятель. Я уже рассчитался». — «А я получил удовольствие и хочу

отблагодарить», — Алтынов достал сто долларов, скрутил их в трубочку и спрятал ее в смоляных локонах танцовщицы. «Не понимаю, зачем нужно было платить дважды?» — недовольно фыркнул Буйносов. «Давай договоримся не считать деньги в карманах друг друга, — рассмеялся Алтынов, — а с тщательностью аудитора начнем подсчитывать их у наших клиентов». Подошла официантка. Стилисты ресторана сделали из славянки типичную узбечку. «Меня зовут Амина. Господа, я с радостью берусь ухаживать за вами весь вечер. Вначале прошу заполнить лотерейные билеты. Вы здесь не первый раз, поэтому знаете, что они бесплатные. Сегодня в поединках участвуют три пары боевых петухов. Если вы отгадаете имена победителей, вас ждет комплимент шеф-повара. Итак, выбирайте — первая пара: Хан Тохтамыш против Эмира Едигея. Вторая: Шах Хосров против Чингисхана. Третья: Султан Баязет против Надирхана. Чем украсить ваш стол перед началом боя?» — угодливое лицо Амины светилось восточной покорностью. «Начнем с бутылочки «Брунелло ди Монтальчино» от Банфи девяносто седьмого года», — сказал Алтынов. «Может, что-нибудь еще к этому замечательному вину?» — «Предлагайте!» — «Жареные овощи по-самаркандски?» — «Какие именно?» — «Баклажаны, томаты, курбис, цукини, перец, спаржа на гриле — и все эти лакомства в шафрановой пудре». — «У вас отличный вкус, Амина. К этой замечательной симфонии южных плодов принесите еще кусочки вяленого ферганского фазана, просушенные на ветру песчаной степи дольки помидоров в чесночной пасте и шайбочки инжира в патоке». — «Слушаюсь и повинуюсь», — покорно отозвалась славянка, преобразенная в Амину. «Отдаю тебе право заполнить лотерейный билет. Это твой жанр, мастер вдохновенного азарта. На кого ставим?» — спросил

Буйносов. «В первой паре, уверен, выиграет Эмир Едигей. Во второй — будет ничья. Победителем третьего боя станет Баязет. Между тем на арену вышел петушиный рефери. То ли он был простужен, то ли от природы обладал таким своеобразным хриплым голосом, но он произнес скрипуче, буквально прокаркал: «Боевых турецких петухов представляет известный тренер из Малой Азии эфенди Джабар Али». К публике вышел крупный мужчина в феске с бордовой кисточкой, пронизанной золотыми нитями. Полосатые красно-синие шаровары обхватывал широкий пояс, завязанный узлом на правом бедре, поверх атласной бежевой с широкими рукавами рубахи была надета бархатная безрукавка, расшитая золотом. Пуговицы на стойке были расстегнуты, и публике открывалась волосатая черная грудь, напоминающая лоскут каракульчи. Раздались аплодисменты. Эфенди Джабар Али кланялся и повторял: «Сагол! Сагол! Санда сагол!» На арену петушиного колизея выпускали по одному бойцу. Эмир Едигей в черно-красном оперении был агрессивен: поминутно бил крыльями, словно вызывал противника, задиристо вытягивал шею, высматривая соперника, закидывал голову, тренируя удар, метался по рингу, как будто изгонял враждебных духов. Птица была крупная: в холке — до семидесяти сантиметров. На ринг выпустили Хана Тохтамышша. Спаринг-партнер Едигея выглядел мощнее: атлетический торс, выпяченная грудь, похожая на стальную трубу шея, крупный, сабельный клюв. В холке — около восьмидесяти сантиметров. Золотистый цвет оперения придавал ему царский вид. Он смотрелся непобедимым бойцом. Пернатые соперники на мгновение притаились, пригнулись, готовые броситься в бой. Пальцы ударника заиграли на дайре, вызвав звон металлических подвесок. Усиливающаяся дробь ба-

рабана взывала к бою. Звуки непрерывно нарастали, как в «Танце с саблями» Арама Хачатуряна. Когда раздался оглушительный удар медного гонга, Эмир Едигей бросился на соперника, как воины триумфатора Едигея бросались возле реки Ворсклы на полчища литовского князя Витовта. Едигей прижал соперника в угол. Его напористый клюв бил по голове Тохтамыша с методичностью молотка сапожно-го мастера, вбивающего гвозди в подошву ботинка. Раскинув крылья, словно металлические челюсти щипцов, черно-красный рыцарь перекрыл конкуренту площадь ринга, сковал его движения, ограничил маневренность. Под невероятным натиском грозный соперник дрогнул, запаниковал. Золотистые перья Тохтамыша уже валялись на арене лоскутами королевской мантии. Публика визжала, раздались свист, аплодисменты. Думские депутаты с животным остервенением стали выкрикивать: «Долби его, как Панкисси в Грузии». Банкиры стонали: «Бей его, как доллар должен забить рубль!» Жулики требовали: «Лупи эту ментовскую рожу! Лупи беспощадно!» У женщин текли слезы: «Нам бы такого кавалера! Лихой!» Иностранцы шептались: «Надо прекратить побоище». Когда шея Тохтамыша была вконец изодрана, когда с его поникшей головы потекла кровь ручьем, а глаза помутнели, — гордый Едигей на мгновение остановил свой неистовый, ошеломляющий прессинг. Он словно понимал, что стоит нанести последний, завершающий удар — и противник рухнет на ринг. Он готов был уже яростно наброситься на конкурента, как вдруг Тохтамыш, собрав последние силы, жалким рывком истерзанного воробья скорее перепрыгнул, чем перелетел через стенку ринга и упал на руки эфенди Джафар Али. Раздался оглушительный восторженный гвалт. Первый петишинный поединок закончился. Разгоряченная публика

вернулась на свои места. Возбуждение от схватки пернатых тут же сменилось гастрономическим азартом. Началась тотальная трапеза: стучали челюсти и столовые приборы, звенели бокалы и лились пространные тосты, прожевывались груды деликатесов, мужчины спешили целоваться набитыми ртами и под столами хватать жирными руками соблазнительные коленки соседок. Набивались животы, и выстраивались очереди в туалеты. Богема кутила! Московская элита вкушала дары жизни. Богатое столичное сословие упивалось собственными возможностями, олицетворяя мир низменных желаний. Красными пятнами покрывались угодливые мужские лица, а томные, наполненные лукавой добродетелью глаза женщин лезли из орбит. Людьюми правила страсть! Впрочем, необходимо уточнить: она владела их сердцами безраздельно! Homo sapiens¹ на глазах перерождался в Homo sapiens Ferus²!

Амина с покорностью гейши бесшумно подошла к своим клиентам. «Чем вам еще угодить?» — ласково спросила она. «Скажи тем трем девицам, что сидят за пятым столом от входа, что я приглашаю их за наш стол». — «Прошу прощения, милейший господин, такой сервис у нас в ресторане не предусмотрен. Я смогу лишь передать им вашу записку». — «Тоже неплохо. Дай ручку». Официантка дала ему ручку, и Платон Филиппович написал на белоснежной полотняной салфетке: «Десять тысяч рублей каждой плюс ужин». Он сложил салфетку и передал ее Амине: «Отнеси». Через минуту официантка вернулась с ответным посланием. На той же салфетке чуть ниже написанных Буйновым строк было размашисто брошено: «А кукиш с маслом не желаешь?»

¹ Человек разумный. (лат.)

² Человек озверевший (лат.)

— «Вот сучка!» — процедил Буйносов. Алтынов взглянул на переписку и громко рассмеялся. «Мишка Мельян говорил, что ты очень прижимист. Я не верил. Теперь убедился. Такие женщины стоят дорожке. Дайте-ка мне ручку, дорогая Амина». На той же салфетке он записал: «На роль влюбленной женщины приглашаю девушку, сидящую ко мне в профиль. По сценарию исполнение этой роли должно быть закончено завтра поутру. Гонорар составляет одну тысячу долларов. Других дам приглашаю к нашему столу как весьма приятных особ. В случае отказа, прошу принять от меня бутылочку шампанского «Гранд Мадам». Юрий Алтынов. P. S. В любом случае прошу разрешения оплатить Ваш ужин». Пожалуйста, отнесите!» — Алтынов передал салфетку Амине, встал, широко улыбнулся и отвесил низкий поклон трем молодым женщинам. Он решил не садиться и стоя дожидаться ответа. Прелестная незнакомка, сидящая к Алтынову в профиль, прочтя послание, взглянула на него и жестом указала на себя, казалось, спрашивая, ее ли он имел в виду. Алтынов поклонился еще раз, давая понять незнакомке, что действительно речь идет о ней. Молодые дамы пошутукались, рассмеялись, встали и направились к столу. Господин Алтынов тут же поставил рядом с собой стул. «Платон, прошу тебя помнить, что за стол сегодня плачу я. Не унывай, еще, может быть, договоришься, и прибегать к услугам Циммермана тебе не придется. Больше поэзии, друг. Радость в глазах заворачивает женщин!» Первой к Алтынову подошла его избранница. «Добрый вечер, Юрий. Меня зовут Даша». — «Очень рад. Спасибо, что приняли мое приглашение». Он взглянул на нее более внимательно. Это была барышня двадцати — двадцати двух лет. Правый рукав газовой кофточки соскользнул, почти оголив спелую как кисть акации грудь. Шелковую кожу золотили сотни свечей ресторана. Карие

глаза девушки были необыкновенно красивы и, казалось, невинны. Слегка приподнятые алые линии рта, будто выписанные лучшими творцами эпохи Возрождения, обнажали блестящие жемчужины ровных зубов. Каштановые волосы были подобраны на затылке в пахучий свежий букет, открывая высокую, соблазнительную шею. Девушка, казалось, была воплощением света, и этим выгодно отличалась из всех прочих красоток ресторана. По телу Алтынова пробежала дрожь, дыхание прервалось, в висках застучало. Ему захотелось тут же увести ее в апартаменты ближайшей гостиницы, чтобы спрятаться от всего мира. Тут он почувствовал рукопожатие другой девушки, услышал ее приветливый мягкий голос: «Спасибо за приглашение, Юрий. Я — Алена». Сконфуженный своим южным темпераментом, Алтынов заставил себя улыбнуться и сказать: «Близкие моей любимой женщины — мои лучшие друзья». — «Ах, вот как, — сказала третья юная дама, протягивая руку, — а я Аня, в столице недавно. Мне очень нужны искренние друзья». — «Кто из вас автор реплики в мой адрес?» — с ухмылкой спросил Буйносов. Девушки переглянулись. «Пошлое, дурацкое послание!» — заявила Даша. Вопреки ожиданию Алтынова, господин Буйносов воспринял эту резкость спокойно. «Знакомьтесь, Платон Филиппович, мой близкий приятель. Платоша, давай не вспоминать промахи. В жизни их было так много», — торопливо заметил Алтынов, неотрывно глядя на Дашу. «Как ты хороша! — шепнул он ей. — Веселимся! Веселимся, дамы и господа!» И произнес первый тост: «Весь огромный, необыкновенный мир не должен сегодня выходить за пределы эротических чувств и кулинарных вожделений».

Новые знакомые с неистовой силой включились в общую атмосферу разгула. Здесь главенствовал неписанный

закон: пить до чертиков, есть от пуза, надувать ближнего, фальшиво любить и театрально возмущаться, нарушать приличия и не испытывать смущения, смеяться в лицо общественному мнению и издеваться над нравственностью. Поэтому здесь было выпито бесчисленное количество бутылок и съедено множество блюд. Продавалась женская честь и развенчивались репутации самовлюбленных выскочек, не овладевших искусством приноравливаться к выпавшей им доле. Были высказаны тома ложных обещаний и фальшивых признаний в любви и верности. Были получены взятки за дела, которые никогда не решатся, услышаны заверения в помощи, которая никогда не будет оказана. Таков современный бомонд! Впрочем, во все времена он паразитически одинаков. Не в том ли причина, что мертвых прячут в землю, как зерна пшеницы на всхожесть? Ротация одного и того же человеческого материала! Этот суровый закон неизбежной летальности — самый злоедающий признак жизни!

От людей пахло табаком, спиртом, жареным мясом, чесноком, орехами, парфюмерией — полифония самых разных запахов царила в атмосфере ресторана. За столиками визжали, смеялись и влюбленно шептались. Тут слышался шелест купюр и шуршание дорогих платьев. Алтынов всех смешил своими шутками, рассказывал курьезные истории, анекдот за анекдотом, от длиннющего английского — до лаконичного армянского. Когда первые гости «Белого солнца пустыни» стали покидать империю чревоугодия, Амина по просьбе Алтынова принесла уже восьмую бутылку «Брунелло». Ее глаза были воспалены, по щекам текли слезы. «В чем дело? — спросил хозяин стола. — Кто вас обидел?» — «Депутат Пипингаров сбежал», — официантка разрыдалась с новой силой. «Как сбежал? От кого?»

Горький плач мешал Амине говорить. «Он, видимо, был ее любовником, — сказал Буйносов. — Не тужи, девка. Какие твои годы, на кавалеров еще времени не будет хватать». — «Забудь его, Амина», — жалостливо протянула Алена. «Да нет же, как вы не понимаете, — сквозь слезы пыталась говорить официантка, — он сбежал, не заплатив по счету. Кинул меня на пятьдесят девять тысяч рублей». — «Вот негодяй», — в сердцах бросил господин Буйносов, впрочем, улыбка не сходила с его лица. Если собеседник страдает, то Платон Филиппович, как правило, радуется. «Мерзость», — вставила пьяненькая Аня, глотнув итальянского вина. «Думцы дурят нас повсеместно. Обещают многое, на деле — кукиш с маслом, ноль», — с досадой в голосе заявила Алена. «Успокойтесь, дорогая. Я заплачу за Пипингарова. Может, человек выпил лишку, забылся. Шестьдесят тысяч не опустошат мой кошелек», — великодушно предложил Алтынов. В этом депутате, наверняка, можно найти что-то положительное. Если не в настоящем, то возможно в будущем — талантливых аферистов не смущают низменные поступки. «Он известный кидала. Месяц назад не заплатил моей приятельнице, — Алена не пыталась отстраниться от объятий Платона Филипповича. — Как-то зимой один знакомый все горевал. Построил он Пипингарову в доме роскошную деревянную лестницу. Пришел получить жалование, а на него собак натравили. Не дал он ему ни копейки. Вот они — уважаемые люди. Дерьмо!» — «В начале года они душат нас колоссальным бюджетом, а потом ежедневно лезут в наш карман по мелочам. На какую тусовку ни попадешь — везде приходится за них платить, их угощать. Была бы польза ... — Буйносов продолжал жаться к Алене. — Пойдешь со мной, грубиянка?» — «Аминочка, деньги за депутата с меня получите. Только дайте мне счет, а на нем напи-

шите, что он был выставлен депутату Пипингарову, который двадцать девятого июня две тысячи второго года сбежал из ресторана, не рассчитавшись за стол. Укажите вашу фамилию и подпишитесь. Может быть, еще удастся получить с него деньги, или я уступлю право требования полезным людям». — «Нельзя быть таким щедрым к посторонним, — Даша легла на плечо Алтынова, а на ухо прошептала, — мне тоже хотелось бы получить деньги вперед». — «Конечно, ангелочек. Прямо здесь?» — «Нет. Перед тем как сядем в машину. Согласен?» — «Никаких проблем, мой аленький цветочек! Поехали!» — человеку с капиталом не свойственно плыть против течения, поэтому для господина Алтынова платить вперед было всегда предпочтительнее.

В конце вечера в «Белом солнце пустыни» людьми правил Бахус. Нет, не правил — он владел их сознанием безраздельно! Все вместе и каждый в отдельности томились в экстазе низменных чувств, погружаясь в эротическую, бессознательную стихию страсти. Как повар на кухне мешал животное с растительным, мертвое с живым, интеллект и чувственность, жажду наживы и творчество созидателя, так и какой-то вселенский цинизм публики способствовал ведовской исторической мешанине добра и зла, духовного и материального, поступков и иллюзий. В ресторане царил атмосфера греха: духом и плотью командовал дьявол, горнего полета мечты и низких скотских проявлений. Вечер заканчивался. Огни империи чревоугодия гасли. Потухли романтические свечи, их заменило прозаическое электрическое освещение. Гости, поддерживая друг друга, медленно расходились. Заканчивался вечер отдельного московского микромира, который убедительно подтверждал и обнажал древнейший постулат: человек не в силах

превозмочь себя, чтобы вырваться из магического плена первородного греха. Здесь были убеждены, что фантазии материального мира будоражат сознание куда слаще, чем поиск духовных добродетелей. Телесное всегда побеждает духовное, но сколько продлится этот триумф?

Неужели вечность?

Глава XXX

Иверов очнулся. Июньское солнце заливало палату номер семь ярким воскресным светом. Было около восьми часов утра. Кроме графа Зайчикова, все обитатели палаты уже давно проснулись. Семен Семенович Мау закрыл лицо газетой, проделал в ней дырочки и поглядывал на своих товарищей по клинике С-ского. Каблуков и Арсеньев, увлекшись беседой, шагали взад — вперед по комнате. Ренат Ибрагимович голым сидел на кровати и попивал чай с сухариками. Подушка его была прижата к самому подбородку. Сидел он уже, видимо, долго, так что на щеках у него проявились розовые отпечатки пуговиц наволочки. Он первым заметил пробуждение Иверова и заявил на всю палату: «Отоспался, французик? Это я тебе вчера таблетку этаминала натрия в борщ подбросил. Отошел от следствия, успокоился? Тут твои приятели опять диспут затеяли. Поднимайся, пора тебе тоже в него включаться. Они уже сошлись на неизбежности третьей мировой войны. Кусают ислам, как энцефалитные клещи беззащитное тело. Вставай. Помогай мне аргументами. Ведь мусульмане относятся очень уважительно к христианам и иудеям. Они счита-

ют христиан «людьми Книги», имея в виду Библию. Да и библейские пророки у нас на почетном месте. А Коран признает Евангелие книгой святой, ниспосланной с Неба. Чего еще добавить, Иверов?» — «Ислам — религия мира! Философия покорности!» — поддержал татарина князь Андрей Константинович. «Вот ты и попался, Иверов, — зашелся в силлом кашле Каблуков. — Согласно шариату, переход из ислама в христианство считается вероотступничеством и карается смертной казнью. А ты христианин — и заступаешься за неверных. Грех!» — «Я бы добавил, — сказал Никита Арсеньев, — на словах признав божественное происхождение Евангелия, на деле Мухаммед вводит законы, совершенно противоположные собственной доктрине. Вместо заповедей любви, — в них совсем другие постулаты... Кроме того, Мухаммед говорит в Коране, противопоставляя себя Христу: «... Я послан с мечом и имею повеление убивать непокорных моим словам». То, что ислам обещает мусульманину за тысячу ночей поста и молитв, моджахед может получить за одну ночь войны с гяурами. Вот главное, что побуждает к бесконечным войнам с христианами и иудеями. Вот что стимулирует фанатизм и терроризм. Все это резко контрастирует с нравственными принципами христианства — религии любви и милосердия, призывающей молиться за врагов своих». — «Но ведь в Коране есть и более мирные слова Мухаммеда: «Неверные со временем пожелают быть покорными. Оставьте их, — пусть они упиваются, наслаждаются, обольщаются надеждой на долгую жизнь. Скоро узнают они»¹. Это ли не призыв к мирному сосуществованию? А что нам говорит богословская наука? Я, правда, не большой эксперт по сак-

¹ Хиджр.

раментальным текстам и их толкованиям», — Иверов встал с кровати и в раздумье подошел к окну. «Позвольте, уважаемые господа, прибегнуть к экскурсу в историю, — тут глаза Арсеньева загорелись. — Для полемики с идеологами воинствующего ислама богословие позволяет опереться на авторитеты, на труды православных мыслителей. В самую первую очередь — это преподобный Иоанн Дамаскин и Максим Грек. В контексте современных исторических событий, — а это, прежде всего, одиннадцатое сентября две тысячи первого года, — заслуживают внимания обличительные слова Максима Грека, называющего Мухаммеда предтечей Антихриста». — «Странные вы люди. Я допускаю, что Христос по отношению к Мухаммеду был «Анти-мухаммед», а Мухаммед по отношению к Христу мог быть «Антихристом», так что не балабол. Нашелся тут знаток ислама!» — татарин как-то даже взбодрился. Он сочетал в себе пытливость ума с дерзкой лексикой. «С представителями «классического ислама» возможен богословский диалог, поиски взаимопонимания. Но с фанатиками-фундаменталистами или с теми, кто извращает ислам, провозглашая идею «джихада», такой диалог невозможен. Именно идеология воинствующего ислама — фундамент международного терроризма», — князь говорил ровным, спокойным голосом, как будто чувствовал себя посторонним в этой дискуссии. Успокоенность, безмятежность чувствовались во всем его облике. Казалось, сама тема не вдохновляла, не будоражила его мысль. «Господин Иверов, скажите, это правда, что на Западе продается крем, с помощью которого белый человек становится на всю жизнь черным? Мне бы его достать, я бы изменил свою внешность и не стеснялся посторонних взглядов», — с грустной интонацией заявил Семен Мау. Газета, скрывающая его голову,

трепетала от частого дыхания, как паутина на ветру. «Я что-то такое слышал, но точно не знаю», — уклончиво ответил Иверов. Он взглянул на Мау ласково, как опытный наставник всматривается в своего юного подопечного. — «Мне кажется, Максим Грек называл Мухаммеда «Антихристом» под впечатлением ужасных бедствий, какие испытывали христиане-греки от турецкого султана, — Каблуков подошел к Иверову и шепнул ему на ухо, этаминал натрия — безобидный барбитурат. Наш Ренат любит подкладывать в пищу разные лекарства. У него мания, что он Султан и разбирается во врачевании. Подозреваю, что он подрабатывал как знахарь». — «Спасибо. Понял!» — «Не стоит все сводить к лично-патриотическим побуждениям, — недовольным тоном парировал Арсеньев. — Преподобный Максим оставил нам серьезные аргументы в своем «Слове обличительном на агарянскую прелесть». Он доказывает, что в учении Мухаммеда отсутствуют главные признаки истинности веры. Взять хотя бы представление о рае. Для мусульман — это гарем. В священной войне с неверными магометанство обещает наслаждения в раю с гуриями. За каждого уничтоженного гяура — новую прелестницу. Хорош бартер: убийство — на сексуальное развлечение!» — «Ну что же, в гареме много привлекательного, — рассмеялся Ренат Ибрагимович. — Не потому ли ваш бывший священник отец Вячеслав Полосин перешел к нам в ислам?» — «В христианстве — свобода совести. За такой греховный проступок Полосина у нас не приговорили бы к смерти, — было видно, что Арсеньев побледнел и стал нервничать. — У вас было бы по-другому...» — «Я еще хотел сказать, — Иверов отошел от окна и приблизился к Арсеньеву. — Есть и другая причина противостояния этих двух религий. Для ислама христианство с его учением о Троице — многобожие,

то есть, язычество. Мусульмане думают, будто христиане веруют в трех богов. Кроме того, они убеждены: если бы Иисус Христос был истинный Бог, то иудеи не смогли бы предать Его смерти». — «Спасибо, французик, — откликнулся Ренат Ибрагимович. — Теперь я понимаю, почему наши братья-мусульмане стремятся поселиться во Франции. Вы народ объективный, не то что русские. Может быть, французы находятся на пути к исламу?». — «Андрей Константинович, вы смогли бы мне купить такой крем? Моя матушка заплатит вам вперед», — продолжал свое Семен Семенович. «Я не знаю, когда я окажусь во Франции». — «Что ты к нему пристал, Мяу-Мяу? Слышишь, он мне помогает. Замолкни! Твой голос напоминает мне мышинный писк», — недовольно рявкнул татарин. Испугавшись своего столь странного голоса, господин Мау тут же натянул на голову простыню и стал протяжно ныть. «Да брось ты, Семен, я пошутил», — успокоил его Ренат Ибрагимович. «Преподобный Максим Грек предлагает христианам контраргументы, основанные на образном сравнении, — настаивал Арсеньев. — Но это не только поэтическая метафора. Это серьезная богословская аналогия: «Един Бог в Троице, а не три Бога, да не будет сего! Как ум, слово и дух — все три составляющие называются одною душою, а не три души, так же — круг солнечный, свет и луч составляют одно солнце, а не три солнца: таково и таинство Святой Троицы». — «А мне все больше нравится идеология веганов, — изрек Каблуков напыщенным тоном проповедника. Его явно забавлял этот утренний разговор, повторяющийся в камере раз в неделю. — По соседству, — тут Пересвет Васильевич перешел на шепот, — у нас Веганов состоит. Умный мужик, философ «зеленого движения» и охраны окружающей среды. Так я, когда впервые узнал о веган-

нах, то поначалу мне, чудаку, представилось, что это люди его паствы. Мне кажется, корни протеста веганов тянутся из восемнадцатого века от английских «луддитов». Эту идеологию представляет «Движение за освобождение животных», и на Западе ее перестали воспринимать как экстремизм. В «Движении» находят отзвук самые гуманистические идеи: веганы сравнивают притеснение животных с угнетением людей. Они говорят о «едином притеснении», о сочетании различных его проявлений, имеющих общие корни, — расизме, рабстве, вере в превосходство человека над животными». — «Чистый образ жизни» — без наркотиков, кофе, чая, молока и мяса? Знаю я об этом, — угрюмо сказал Арсеньев. — Перспектива не велика. Пуританство сейчас не в моде. Оно вредит рыночной экономике и философии общества потребления. Сама жизнь доказывает правоту «традиционалистов». — «Странно, что именно в этом вопросе смыкаются люди крайних политических взглядов», — тут князь поклонился всем присутствующим: он был верен своей природной учтивости, говорил без вдохновения и вспыльчивости. «Эти русские могут говорить на любые темы без остановки. Когда же они думают?» — удивился про себя князь. «Традиционные жертвоприношения в иудаизме и исламе вызывают враждебную реакцию у веганов и неонацистов, — стал расхаживать по палате Иверов. — Бриджит Бардо, активистка защиты прав животных, была инициатором идеи депортации всех мусульман, совершающих ритуальные жертвоприношения во Франции. В Англии и США еврейские резники и мусульманские мясники постоянно подвергаются нападению защитников прав животных. Проблема жертвоприношения — обнаженный нерв современной цивилизации. В христианстве эта проблема как будто снимается благодаря Бес-

кровной Жертве Самого Господа. Но на самом деле — остается: ведь христиане употребляют в пищу мяса животных не меньше, чем иудеи и магометане. Зрелище современных боен чудовищно и отвратительно. Бердяев писал, что человек сотворен по образу самого Господа, а животные — по образу Ангелов. Эта его спорная мысль мне нравится, но сколько в ней жуткого в контексте обсуждаемой темы! Мне кажется, вегетарианство в христианском мире получило распространение как протест против убийства животных. Сама же идея вегетарианства уходит корнями в азиатские культуры». — «Мне кажется, убийство животных — это человеческая месть за собственную обреченность на смерть. — Каблуков смотрел на своих собеседников с видом мыслителя. Правая часть губы была у него вывернута, что делало его физиономию надменной. — Кто станет оспаривать, что из ста убийц, закалывающих, отравляющих, застреливающих свои жертвы, большинство в этот момент думают о мщении: «Вот тебе за мою будущую смерть!» С животными дело обстоит еще проще. Человек рассуждает: «Если я — венец природы — летален, то ты, бездушное животное, почему должно жить?» Наш эгоизм повинен во всем. Я не знаком ни с одним вегетарианцем, но, мне кажется, это замечательные люди, и они, как правило, атеисты. Они смиренны и степенны. Им неведомы ни страсти к обжорству, ни властное влечение пола, ни болезненное ощущение собственной обреченности из-за неизбежности конца. Вегетарианцы сливаются с природой органично, как день переходит в ночь, как солнечный луч уступает место лунному свету. Им даровано идиллическое упоение жизнью. Но, видимо, есть и другая тайна. Я верю молодым русским ученым, высказавшим гипотезу, что земля не только крутится, но раз в тридцать тысяч лет

кувыркается, то есть южный полюс становится северным, а северный — южным. Только кувырок стал причиной гибели Атлантиды. Последний кувырок был во времена Ноя. Поэтому ему пришлось в своем ковчеге спасти животных. Они — как тогда, так и теперь — составляют питательную основу жизнедеятельности человеческого организма. Смещение магнитных полюсов времен Ноя состоялось около пяти тысяч лет назад. Значит, следующее состоится через двадцать пять тысяч лет. Если возьмем за основу, что возраст Земли равен пяти миллиардам лет, то легко подсчитаем, что за всю историю было шестнадцать тысяч шестьсот шестьдесят шесть кувырков. Графически цифра оказывается зловещей: единица символизирует стержень жизни, а четыре шестерки — власть дьявола. Не означает ли это, что последний кувырок сбросил нас в мир Люцифера...» — «Куда вас понесло, дружище? — протяжно расхохотался Никита Арсеньев. — Мы говорили о жертвоприношении в исламе и иудаизме, о христианской традиции употреблять в пищу мясо невинных животных. Причем же тут Ной, кувырок, Люцифер?» — «Наш Пророк считал Иисуса Христа великим пророком, своим предшественником. И мы почитаем Христа, но не можем принять Его божественности, как не мог ее признать пророк Мухаммед. Потому что нет другого Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его! Ислам — вот подлинная религия единобожия!» — «Принцип единобожия, действительно, очень рельефно выражен в исламе. Христианское учение о Троице воспринимается мусульманами как «растроение» Единого Божества, а учение о Богочеловечестве — как Его «раздвоение», — Иверову жалко было татарина. Ему приходилось одному полемизировать с тремя начитанными христианами. Поэтому князь искусно вставлял реплики, смягчаю-

щие противостояние сторон. — В исламе есть много принципиально общего с другими мировыми религиями. Мусульмане так же, как иудеи и христиане, верят в загробную жизнь и воскресение мертвых, в Страшный Суд, за которым последует справедливый приговор и воздаяние каждому по его делам: за добрые дела — в раю, а за злые — в аду». — «Ты забыл сказать об исламском благочестии. Мусульмане ежедневно пять раз молятся Аллаху — эта пятикратная ежедневная обязанность называется салям. — Тут Ренат Ибрагимович вскочил с кровати и стал носиться по палате. — Каждый мусульманин обязан соблюдать закят — жертвовать для бедных в общественную казну. Мы строго постимся на протяжении рамадана. И этот пост действительно соблюдается всеми правоверными, от короля Саудовской Аравии до простого бедуина. В христианском мире другая картина. Ваш пост носит формальный характер, демонстративно-напускной...» — «Да, это так. Но в исламе эта демонстративность выражена ничуть не меньше, — усмехнулся Арсеньев. — Какой же, однако, это у вас пост, если в ночное время суток разрешается вкушение всякой снеди?» — «Это пост реальный, каждому по плечу. Не насилие над плотью, не ее умерщвление. Что скажешь, Иверов?» — татарин смотрел на него просящим о помощи взглядом. «Да, честно говоря, следует признать: ислам — религия реалистов. Он отвергает аскетизм как идеологию умерщвления плоти. Эта идея совершенно чужда мусульманам. Безбрачие им противно, девственность существует только у гурий в раю, да и то лишь для того, чтобы бесконечно лишать их девственности. Вот вам перманентная революция через дефлорацию в исламе!» — «Апофеоз счастья — гаремы в раю», — расхохотался Арсеньев. «Там, где гаремы, там и евнухи, — продолжал свою миротворческую линию Иве-

ров. — Но эти кастраты — пародия на христианство, «аскетизм» шиворот-навыворот. Я сам отношусь к религии главным образом как к культурному наследию. И хочу сказать, что ислам как часть мировой культуры увлек в своем движении целые слои христианского мира. Возьмем ту же Испанию в период мавританского владычества. Разве не обязано христианство исламу расцветом математики, астрономии, музыки и архитектуры? Предписанный исламом запрет изображать ангельский и божественный лики привел к несравненному расцвету орнамента. Владимир Соловьев считал, что ислам исторически оправдан. Благодаря исламу арабская цивилизация сделала огромный шаг вперед. Но сейчас меня больше занимает тема, которую неожиданно обозначил господин Каблуков. Про кувырок я никогда ничего не слышал. Что можно прочесть на эту тему?» — «Извини, французик, — уверенно и громко вмешался Ренат Ибрагимович. — Хочу закончить эту дискуссию впечатлениями о времени крестоносцев. Это были нелюди — столько гнева и насилия история человечества не знает. А фашизм? К слову сказать, он возник в христианской Европе. А красный террор большевиков?! У нас в стране христиан больше, чем мусульман. Сталин вообще учился в духовной семинарии. А в Кремле за всю историю Советов не было ни одного мусульманина. Одни неверные. Прошу прощения, корни у этих типов были православные». — «И иудейские», — со злорадством добавил Каблуков. «Раз-два и обчелся. Правители наши, в основном, имели христианские корни, — Ренат Ибрагимович, гордясь своими мыслями, восторженно взглянул на Иверова. — Поэтому чья бы корова мычала, а ваша молчала». В этот момент очнулся граф Зайчиков. Его болезненное, с серым отливом лицо было сконфуженным. Казалось, он никак не

мог взять в толк, где находится и что за странные люди вокруг него. «Я не дам тебе так победоносно закончить, — с напряжением в голосе заявил Арсеньев. — А орды Фатимидов, арабов, несущих зеленые знамена ислама, уничтожавших неверных — то есть, христиан — по всей Северной Африке? Ими были истреблены все пунийцы и романизированное население Триполитании, Алжира, Туниса. А альморавиды, казнившие всех христиан в Южной Испании, Португалии, Марокко, на Балеарских островах? Видимо, поэтому в своей «Божественной комедии» Данте поместил Мухаммеда в восьмой круг ада, как главного зачинщика религиозных войн и слепой мести. Не дави на нас своим голосом и восточным темпераментом, Ренат Ибрагимович, а постигай истину непорочной душой и открытым сердцем». — «Господа! Я считаю, что между религиями, как и между культурами разных народов, должна царить гармония. Я никак не могу понять ту горячность, с которой вы спорите. Все это напоминает мне спор фанатов различных футбольных клубов. «Audiatur et altera pars»¹. — «А, парле франце, мон ами, — вдруг громким, напористым голосом обратился граф Зайчиков к господину Иверову. — Бонжур Помпиду Лион Дюжарден. Уфу Паскаль витрине колине жафа приме. Декольге Ришар мобедик Пуанкаре. Жерминаль Эмиль Золя Стендаль Мопасан Сен-Мишель. Луи Бонапарт Эльзас Бургунди сава треба». Господин Каблуков хихикнул и шепнул Иверову: «Он думает, что говорит с вами на французском». — «А, понял. А как мне себя вести?» — «Скажите ему несколько слов по-немецки, а я переведу, что вы не владеете французским». — «Мне как-то неловко врать». — «Господин Иверов, перед вами сумас-

¹ Дайте возможность высказаться другой стороне (*лат.*).

шедший. Говорите, быстрее. А то он весь день будет долдонить свою чушь». — «Es tut mir leid, ich spreche kein französisch»¹, - князь смутился, покраснел и отошел к двери. «Слышите, граф, господин Иверов не владеет французским, а вы не знаете немецкого, так что русский остается единственным языком общения», — тут Пересвет Васильевич и сам как-то болезненно оживился, его лицо исказилось гримасой высокомерия. Он стал размахивать руками и произносить совершенно непонятные Иверову слова. Татарин заметил недоумение князя, подскочил к нему и на ухо пояснил: «Тут полная бессмыслица. Бранная речь, матерщина. Каблуков пугает его, чтобы граф надолго замолчал. Этот прием действует два-три часа. Потом Зайчиков опять начинает приставать с навязчивыми идеями». — «Понял. Спасибо». — «Тебе не нравится, что я голый?» — «Я не обращаю внимания на привычки других. Каждый выбирает свой стиль». — «Но тебе должно быть интересно, почему я хочу быть нагим? Ты думаешь, я нудист?» Князь был смущен напором татарина, впрочем, быстро справился с растерянностью. «Я научился смотреть человеку в глаза. Считаю оскорбительным для себя разглядывать людские фигуры. Тело человеческое сохраняет интимные тайны, которые при слишком пристальном внимании могут быть разгаданы. Этого я остерегаюсь, поскольку считаю: ничто чужое мне категорически не нужно». Семен Мау сбросил с себя простыню, поправил на голове газету и обратился к Иверову: «Андрей Константинович! Каким слоем необходимо наносить этот крем? Это, должно быть, непростое дело: ровно нанести крем на все тело. Чтобы оно оказалось одинаково черным, должен быть равномерный слой.

¹ «Сожалею, но я не говорю на французском» (нем.)

А вдруг я окажусь полосатым?! Как зебра или собака породы филов бразильеров? Страшно подумать. Скажите, какую самую высокую температуру воды способен выдерживать человек? Я это к тому, что, может, развести краску в огромной бадье, поставить ее на слабый огонь, лечь в нее и кипятиться, пока не почернею. Ведь в Средние века люди, спасаясь от чумы, сами лезли в кипящую воду». — «Прекрасная идея!» — бросил Каблуков. «Семен, ты совсем одурел, — Ренат Ибрагимович залился смехом. — У тебя же слуха нет, а без него ты никогда черным не станешь. Это же раса, имеющая необыкновенные способности к музыке. Начиная с уроков вокала или фортепиано, а уж потом красься и становись черным». — «Читай Библию. Она изменит твой помраченный рассудок», — Арсеньев смотрел на господину Мау с огорчением, крепко сжав кулачки, как это делают нервные барышни в состоянии сильного возбуждения. «Не торопитесь, Семен Семенович, трансформироваться в африканца. Вначале необходимо изучить рекомендации по применению этого крема, а уж потом принимать решение. Я обещаю вам, что, как только окажусь во Франции, тут же куплю нужную вам мазь». В этот момент господин Мау заплакал навзрыд: «Помоги мне, Андрей Константинович, обафриканиться — поменять белую расу на черную. Когда я перестану себя узнавать, изменится мой внутренний мир, я обрету успокоение и земное блаженство». — «Не мешай мне, Мяу-Мяу, беседовать с французиком, заглохни. Твоя новая идея обафриканиться бесит меня своей глупостью. Позор! Как понимать твое желание расславяниться или, точнее сказать, разъевропееиться? Ты хочешь, чтобы в истории твоей болезни было записано: неизлечимо болен психически? Если бы ты мечтал расхристианизироваться и превратиться в мусульманина, то нашел бы во мне

полнейшую поддержку. Вот это — мечта! Прорыв к вечной радости! А то — обафриканиться!? Но я смотрю сквозь пальцы, если ты начнешь надевать на себя разные маски и жить, как на нескончаемом карнавале. Каждый день — новый образ! Ин шала!¹ Ничего другого я тебе не разрешу. Не обманывай самого себя, не пытайся мне лгать! Учти это, Мяу-Мяу! Теперь же — заглохни. А ты, Иверов, ответь на мой вопрос: почему я нагишом бегаю?» — «Не согласитесь ли вы избавить меня от вашего вопроса?» — «Никогда! Более того, я просто требую немедленного ответа!» — «Вы предпочитаете здоровый образ жизни, это — ваша детская привычка, вы закаляетесь». — «Нет, неправильно. А я-то думал, ты все знаешь. И ты еще не признал во мне буджийца Султана Бейбарса! Если ты еще не открыл во мне великого мамелюка, то ты никогда не сможешь ответить на вопрос, почему я расхаживаю голым... Дух Великого Бейбарса вселился в молодое тело Рената Очирова и изменил всю его сущность. Я кипчак, ставший мамелюком. Я мамелюк, ставший султаном. Я султан, победивший династию Саладина и ставший одним из правителей Египта. Когда я разбил крестоносцев в Палестине, то поклялся никогда не носить ничего другого, кроме воинской одежды и оружия мамелюка. Никогда не исповедовать никакой другой веры, кроме ислама. И хотя я плевал на слепое мнение неверных, но скажи: видишь ты во мне Бейбарса? Великого кипчака и грозу Северной Африки? Я отверг султанский трон и славу полководца ислама, я пренебрег богатством и любовью наложниц, я презрел свое честолюбие и планы покорения мира, я вернулся в родные аральские степи и стал простым кипчаком — мамелюком. Спустя годы моя одежда обветшала.

¹ Так пожелал Всевышний! (Араб).

Теперь я здесь в поисках портного, способного сшить для меня доспехи из кожи буйволов с бронзовыми вставками. Я весь в поисках кузнеца, способного выковать мне кольчугу и шлем, нагрудник и наплечники. Вот в чем правда!»

В этот момент окошко в двери открылось, и продолговатое лицо санитар-охранника повисло в рамке. «Пошел вон, а то заколю, как жирного барана на праздник Курбан-байрам». — «Иверов, на выход. К тебе барышня пришла». — «Ах-ах, девушка для развлечений. Расскажешь, как выглядит комната для личных свиданий. Меня интересует, есть ли там мухи. При виде этих насекомых я лишаюсь мужских способностей», — горько осклабился Каблуков. — «Французы — знатоки воскресных шалостей. «В них сияет пламень томный, наслаждений знак нескромный», — улыбочиво процитировал Пушкина Очиров, он же — султан Бейбарс. «Андрей Константинович, пожалуйста, спросите эту молодую даму о черной краске для африканизации», — осторожно вставил господин Мау, прикрытый газетой. — «Я слышу звон колоколов и голос иерея на паперти: «Благослови, душа моя, Господа ...» Вместо того, чтобы торопиться к заутрене, нынешние дамочки по гостям шляются», — раздраженно пробурчал Арсеньев. «Что за молодая барышня? Неужели Шиндяпкина? Не дай Бог! Я лишь взгляну, и если это она — тут же вернусь в палату», — думал Иверов, выходя в коридор клиники.

Князь пристально всмотрелся в щель и не мог поверить своим глазам. Какая-то неизведанная им прежде дрожь пробежала по всему телу. Душа всколыхнулась, словно ощутила приражение смертного греха. Тут сознание Иверова пронзила насмешливая мысль: «Придется похоронить тебе свою виртуальность. Эта молодая женщина способна победить ее». Пульс князя зачастил, как нараста-

ющая дробь военного марша. Голова закружилась, застучало в висках, пересох язык — в нескольких метрах от Иверова стояла сияющая Мила Семирадова. Высокая, стройная, в летнем ситцевом платье, она старалась эффективнее разложить клубнику в соломенной корзинке. Алые гостинцы, казалось, отражались в ее румяных щеках, дышащих целомудрием. Впервые в жизни князь испугался. Он попятился. Прикусил язык. Его буквально прошиб пот. Он хотел повернуться и зашагать прочь, но шею свела судорога, а ноги ослабли и не смогли сделать ни шагу. Он старался прийти в себя, победить замороженность, — но чувства не подчинялись разуму, а сердце отказалось следовать воле. Если бы не голос конвоира, прогорланившего: «Иверов, в комнату свиданий», — неизвестно, как долго князь пребывал бы в оцепенении. «Что ей сказать, как я очутился в этом заведении? Откуда она вообще узнала, что я здесь? Опять интриги Буйносова?» — «Ну, что стал?» — подошел к нему конвоир с тяжелым, как угольный утюг, лицом. Он втолкнул Иверова в то самое помещение, где его дожидалась Семирадова. «Добрый день», — глухо проронил он, не поднимая глаз. — «Прошу прощения, что пришлось вас побеспокоить. Я узнала в офисе, что вы здесь ... Мне посоветовали принести вам подмосковной клубники». Наступила пауза. Князь был не в состоянии поднять глаза. «Я так и думал, что ее прислал Буйносов. Но с каким новым заданием? — размышлял Иверов. — Неужели он еще не понял, что облапошить меня чрезвычайно сложно, а подчинить своей воле — невозможно? Неужели она согласилась участвовать в интриге против меня? Неужели вот так просто приняла на себя роль подсадной утки? Что за невероятная сила исходит от нее, она превращает меня в раба ее желаний. Такого еще никогда со мной не было. Может быть, она вла-

деет секретами черной магии? Ей дали поручение околдовать меня или еще хуже: вызвать во мне сильное любовное чувство? Во всяком случае, я сам себя не узнаю. Какая-то прямо-таки вселенская робость сковала в меня. Надо заставить себя взглянуть на нее. Что-то новое вдруг открывается. Подними свой взгляд, Иверов!» Барышня Семирадова разглядывала иллюстрированную инструкцию про то, как вести себя при пожаре. Она смотрела на плакат и ровным счетом ничего не видела. Молчание князя вызвало в ней растерянность и неловкость. Не имея никакого опыта подобного общения, она не знала, куда себя деть. Собственная поза казалась ей нелепой и неестественной. Красивые длинные руки мешали молодой женщине, как что-то чужое, неуклюже приклеенное или пришитое, аккуратная головка не двигалась, как будто шея окостенела и не желала ей подчиняться. Князь заставил себя, наконец, посмотреть на нее. Их глаза встретились: черные, завораживающие, как цыганские песни, в пелене боязливого любопытства и сильного смущения — и голубые, влекущие, как небесные высоты, излучающие страх и мечтательность, очарование и покорность. Глаза впились друг в друга пылким долгим поцелуем. «Спасибо за клубнику. Я угощу соседей по палате», — первым нарушил молчание Иверов. Он чувствовал себя окончательно плененным этими прелестными глазами, всей необыкновенной аурой молодой женщины. Князь напрочь забыл все свои прежние опасения. Его больше не интересовало, кто именно послал ее в клинику С-ского и с каким заданием. Чьим корреспондентом она является и кому станет транслировать его мысли и чувства. Охваченный волнением, Иверов запнулся и не мог произнести больше ни слова. Никогда в жизни образ женщины не пьянил его рассудок так сильно, как теперь, здесь в этой

убогой комнате свиданий психиатрической клиники. Он не решался подойти к ней ближе, хотя испытывал огромное желание полной грудью вдохнуть легчайший аромат, доносившийся от ее трепещущего тела. Он не переставал изумляться той невероятной силе впечатления, которое производило на него застенчивое выражение ее лица, контур ее губ, тонкая линия носа, открытый ясный лоб, очертания щек и подбородка. Но больше всего гипнотизировали его рассудок глаза Семирадовой. В них светилась какая-то вселенская чистота, в них ощущалась завораживающая таинственность, в них хотелось утонуть и остаться в этой глубокой голубизне навечно. Князь чувствовал, что любое сказанное сейчас слово окажется искусственным, фальшивым и неверным. Они молча смотрели друг на друга, как одушевленные немые изваяния резца великого флорентийца.

Голос санитар-охранника привел их в чувство. «Через пятнадцать минут свидание закончится», — заявил он. Тут отрешенность стоящих друг против друга людей сменилась бессвязным лепетанием неловких извинений с обеих сторон. «Прошу прощения, у меня в мыслях не было вас тревожить. Я потеряла покой, когда узнала, что вы здесь». — «Благодарю вас, что вы потратили воскресное утро на то, чтобы угостить меня этими замечательными спелыми ягодами. Извините, что доставил вам неудобства видом этого казенного помещения. Так уж сложились обстоятельства, неожиданно приведшие меня в этот дом». — «Мне как-то неловко спрашивать о состоянии вашего здоровья. Но все-таки, как вы?» — «Превосходно. Необычное, интересное окружение. Это покажется странным, но мне здесь нравится!» — «Часто вспоминаю вашу блестящую игру на бирже. Жаль, что это был один — единственный урок ...» —

«Сейчас не лучшее время играть. Котировки повсеместно падают. И процесс этот будет продолжаться долго. Впрочем, нынешнее время можно использовать для учебы, наблюдать динамику падения курсов, анализировать реакцию рынка на политические и экономические события, изучать поведение игроков. Я бы посоветовал вам завести портативный компьютер, чтобы не терять из виду ситуацию на бирже». — «Это как же?» — «Через мобильную связь вы подключаетесь к интернету, а затем выходите на сайт биржи». — «Прекрасно. Заработаю деньги и обязательно обзаведусь и мобильным телефоном, и портативным компьютером». «Зачем я призналась, что у меня нет денег? Он может решить, что я с умыслом заявила об этом, чтобы вызвать к себе жалость», - с досадой подумала она. — «А ваш работодатель? Он просто обязан купить вам необходимый для работы инвентарь. Вы продолжаете сотрудничество с господином Буйносовым?» — «Да, но я в самом начале пути. Его же планов я не знаю. Возможно, в будущем он снабдит меня всем необходимым». — «Присядьте, пожалуйста. У нас есть еще несколько минут». — «Принесла вам газеты и журналы. Хотите просмотреть?» — улыбка барышни ярко проявила ямочки на ее щеках. — «Спасибо. Последнее общение с миром новостей и событий у меня состоялось в четверг в интернет-кафе «Ностальгия». К слову сказать, меня к такому общению не тянет. Чтобы не загружать вас посторонней информацией, скажу лаконично: у меня свои счета с этим привычным миром. Но еще раз большое спасибо. Просмотрю, обязательно пролистаю всю периодику». Фраза Иверова, что он имеет свои счета с привычным миром, привела барышню в замешательство. «Может, он действительно, болен? Люди со здоровой психикой таких слов не произносят, — мелькнуло в голове у Семирадовой.

— А Платон Филиппович почему-то сказал, что Иверов абсолютно здоров. Странно. Но, возможно, он просто не так выразился». — «Я бы посоветовала вам прочесть в «Ведомостях» об интригах вокруг «Славнефти», а в «Коммерсанте» — о «Бинбанке». Вы профессиональный игрок фондового рынка?» — «По образованию я — экономист. Окончил Парижский университет «Сорбонну» и Гарвардскую школу менеджеров. Долгое время занимался всеми инструментами финансового рынка: ценными бумагами, деривативами, кредитами, спекулятивными сделками». Мила Семирадова была ошеломлена. «Что это, плод больного воображения, вызванного рецидивом психического заболевания, — думала она, — или сущая правда? Он что, действительно человек из западного мира?» — «Деривативы», прошу прощения, что это?» — сдавленным голосом спросила она. — «Деривативы» — это производные от акций и облигаций ценные бумаги: опционы, варанты, стрипы, американские и глобальные депозитарные расписки, американские депозитарные свидетельства, конвертируемые облигации, а также — финансовые инструменты, не являющиеся производными от акций и облигаций. Допустим, фьючерсы на нефть, металл, зерно. Свопы — операции по обмену национальной валюты на иностранную, с обязательством обратного обмена через фиксированный срок, форвардные контракты». «Зачем я все это рассказал? Что именно меня так расслабило, сделало безвольным? Я Андрей Иверов из Питера или Андрэ Иверов из Ниццы? Я довольный, преуспевающий миллиардер или жалкий, разочаровавшийся в жизни человек, жаждущий изнанки жизни, виртуальности и одиночества? Со мной произошло что-то непостижимое. Я утрачиваю волю, я стал терять нить поиска самого себя». Постоянный в своем недоверии к женскому

полу, князь всегда выстраивал между собой и красотками непроницаемую стену. Но тут его вдруг прорвало, и он готов был открыть себя полностью и рассказать о себе все до мельчайших подробностей. Так бывает всегда, когда душа требует любви.

«Так вы иностранец?» — в растерянности спросила Семирадова. «У меня двойное гражданство. В России я впервые. Прибыл в Москву 24 июня. До этого проживал в Ницце. По отцу — принадлежу к старинному русскому княжескому роду, по матери — к пьемонтским аристократам. Считаю себя французом с русской душой». — «Прошу прощения, мне говорили, что вы Андрей Константинович Иверов из Петербурга. Вы, случаем, не смеетесь надо мной? Все так сказочно, как будто слышишь фантастическую историю. Сорбонна, Гарвард! Княжеский род! Голова идет кругом». — «Позвольте, зачем я должен смеяться или лгать? Как раз наоборот. Именно вам мне почему-то хочется говорить правду». — «Вы приехали к нам по делам бизнеса?» — «Нет, я пытаюсь обрести в России новый смысл существования». — «Вы проигрались?» — Нет!» — «Тогда я вас не поняла». — «Очень часто я сам себя не могу уразуметь. Почти уверен, что со стороны выгляжу то ли законченным циником, то ли сумасшедшим». — «Сказать по правде, мне тоже что-то в этом роде показалось ...» — Семирадова застенчиво опустила глаза. — «Я отверг тот образ жизни, который сложился у меня в последние годы. Он меня удручал своим монотонным постоянством. В одиночестве чувствовать себя хозяином мира — скучнейшее занятие». — «Как это — хозяин мира? Вас преследует навязчивая идея?» — «Да нет же! Человек, который может позволить себе купить все: любовь, товары, корабли, самолеты, города, страны, — заболевает тяжелейшим недугом. У него появляется какая-

то вселенская скука. Душевная язва разъедает его мысли, быт, все его существование. Такой человек или тянется к смерти, в надежде обрести связь с трансцендентным, находящимся за пределами обычного сознания, или ищет себя в изнанке жизни, виртуализировав все свое существо. И в том, и в другом случае человек уходит из реальности».

Молодой женщине хотелось понять его, но неудержимый поток слов и быстрый, воспаленный темп его речи затрудняли это. Она хотела было задать ему вопрос, чтобы осмыслить услышанное, но никак не могла окончательно сосредоточиться: в ее голове стоял сплошной хаос мыслей и чувств. Так обычно бывает, когда мужчина привлекает женщину, когда он смущает ее новизной знаний, когда сама обстановка, в которой происходит общение, вызывает страх и отчаяние. Не ведая всего этого, Иверов вдруг огляделся, словно риэлтор, оценивающий помещение, и с какой-то ребяческой улыбкой спросил: «Здесь не место для таких разговоров, правда?» Семирадова растерялась, совершенно не зная, что ответить, но тут же в глубоком смущении неожиданно для себя вымолвила: «Мне очень интересно вас слушать!» — «А мне не терпится рассказать вам все то самое главное, о чем я сейчас думаю. Надеюсь, вы действительно поймете меня». — «Я бы очень хотела этого ...» — заливаясь краской, выдохнула молодая женщина. — «Я не только не боюсь этого ухода, но я стремлюсь к нему всеми силами души. Впрочем, уйдя из реальной жизни, я надеюсь в трансцендентном сканировать себя по божественному разумению, а распрощавшись с этим миром интеллектуально, тешу себя мыслью обрести совершенную виртуальность, став Абсолютом собственного сознания. Новой среды обитания. Творец, создав нас по своему образу и подобию, хотел

видеть нас Богами: как же иначе управлять таким хозяйством — расстояние Млечного Пути измеряется квадриллионами световых лет в двадцать четвертой степени, а жизнь эфирного острова — их бесконечное множество — составляет секстиллионы лет в тридцать шестой степени. Если все астрономические объекты живут и умирают, чтобы снова возродиться, разве они не сближают нас между собой? Разве скопления сотен миллионов солнц — от планетарных туманностей до застывших поверхностей темных солнц — не провоцируют наш разум на виртуальное общение с этим бесконечным миром, не вызывают острого желания принять всей душой мысли Творца о Богочеловеке? Лишь развитие виртуальности в каждом из нас способно освободить человека от всего человеческого и помочь обрести все Божественное. Ведь перед нами стоят задачи вселенского масштаба. Когда ты задумываешься обо всем этом, насколько жалкими кажутся чисто человеческие потребности современного людского быта! Хочется бросить всему земному миру: останись, Человек! Чем ты, бедолага, занят? Ты мечтаешь заработать деньги, ты хочешь соблазнить женщину, ты помышляешь о профессиональной карьере, ты хочешь носить модные рубашки, душиться туалетной водой известной марки. Взгляни дальше своего носа! Разве для этого ты создан? Творец мечтал видеть тебя похожим на себя! Он вложил в каждого из нас божественные способности. Внемли этой просьбе Господней! Перед тобой разверзлась Вселенная, которой нужны Боги! Ведь нельзя сотворить еще одну Землю без сотворения Неба. А Небо не может быть без Бога! И Бог надеется видеть нас своими Сынами! Стань же Богом, человек! Вся бесконечность космоса незамедлительно требует Творцов! Лично для меня

мир привычного, трехмерного пространства, мир твердых, плотных, осязаемых вещей и предметов начал таять, испаряться, превращаться в ничто. Желание обрести виртуальность, — а с ее великой помощью первые признаки божественного, четырех — пятимерного пространства и исполинские преобразовательные силы — влечет и томит меня. Влечет с чрезвычайной силой. Требуется быстрее переселиться в другой мир, приблизиться к Творцу. Нас еще не разъединяют? У вас есть еще минутка? Мне бы хотелось прояснить весьма существенную мысль. Творец для меня — не тот Бог из библейских текстов, который возник в творческих фантазиях богословов и книжников. Истинный Бог для меня — это проникновенный Дух пространства, времени и сознания. Если исходить из культурно-философской версии — то я христианин. Если из научной — то я трансвиртуал. Человеку определено самим Творцом бежать от Земли во Вселенную. И тут ничего не поделаешь. Переместившись в виртуальный мир, я займусь разработкой этой теории. Пройдет совсем немного времени — и человек станет без труда преодолевать земное притяжение, чтобы путешествовать и управлять мирами».

Семирадова теряла рассудок. Если в начале беседы брошенная Иверовым фраза, что он имеет свои счета с привычным миром привела барышню Семирадову в замешательство, то последняя тирада напугала ее основательно. «Кто он, этот пациент психиатрической клиники имени С — кого? — думала она. — Фантаст, ученый, сумасшедший? Я так мечтала с ним увидеться, а что теперь? Совершенно не знаю, как себя вести: бежать вон, безучастно ждать, пока его не заберут обратно в палату, или принять участие в беседе. Но о чем с ним говорить? У меня нет ни сил, ни слов».

Голос санитаря-охранника прервал ее тяжелые размышления. «Иверов, свидание закончено». Они встали быстро, как будто ждали этого. «Я вас напугал, — он всматривался в ее глаза, как гадалки разглядывают кофейную гущу. — Прошу вас, не бойтесь меня. Я совершенно здоров психически, но болен душой из-за своей бытийной неудовлетворенности. Вы придете завтра?» — «Иверов, выходи в коридор!» — опять прогорланил ретивый служитель психушки. — «Скорее всего. Постараюсь прийти. Нет! Я приду обязательно!» — сказала она сдавленным от подступивших слез голосом. — «Я буду ждать вас».

Когда Иверов шел коридором к себе в палату, неожиданно в ушах возник тот самый знакомый Голос. Он преследовал князя гнусным зубоскальством и требовал одного: немедленно возвращаться в Ниццу с очаровательной Милой Семирадовой. «Опять он лезет со своей чертовщиной. Как избавиться от этого треклятого голоса ...»

Глава XXXI

30 июня 2002 года в Москве было особенно жарко. Температура в тени поднималась выше тридцати пяти градусов. Горожане задыхались от раскаленного воздуха. Асфальт плавился и смердел мазутом. Шел одиннадцатый час утра. Семирадова подошла к буйносовскому водителю: «Вы свободны. Мне хочется пройтись пешком». Она не стала дожидаться ответа, свернула налево и по Садовому кольцу поплелась в сторону Смоленской площади. Самые противоречивые мысли роились в ее голове. «Такое ощущение, что я столкнулась не с отдельным человеком, а с каким-то неизвестным многополярным миром, — думала молоденькая женщина. — Не верится, что он абсолютно здоров. Да он и не отрицал этого. Кажется, что он находится в состоянии непрерывного душевного раздвоя. А что значит быть здоровым? Это что: не пить таблеток от кашля, не полоскать ангинозное горло, не прививаться против различных вирусов? Воспаление души — болезнь ли это? Или именно душевная самоуспокоенность и является тяжелейшим человеческим недугом? Каким скучнейшим мужчиной окажется теперь тот, у кого в душе царят тишина и умиротво-

ренность! Разве с таким интересно? Можно ли от такого получить адреналин, обостряющий чувства? Взяться за ручки и гулять на лоне природы в идиллическом согласии или шагать по улицам Москвы в мирном, безмятежном состоянии духа. Разве такой стиль общения может сегодня вдохновить? Смогла бы я с таким мужчиной встречаться? Способна ли таким увлечься? Да и характерен ли идиллический стиль общения для русской души? А у Иверова в душе вулкан. Этот способен наброситься на человека, как цунами на японские острова. Этот взъерошит, взбудоражит душу собеседника тысячами идей и мыслей. Так где же правда? Кто здоровый, а кто больной?» Молодая женщина изумлялась, что она вдруг стала задумываться над такими, казалось, неожиданными вопросами. Анализируя встречу с Иверовым и размышляя над его словами, она неожиданно призналась себе, что знакомство с ним явилось главным событием ее жизни. «А если я обманываюсь, нафантазировала себе бог весть что, и таких мужчин — великое множество? — засомневалась она. — Что у меня за опыт? Иверов держался подчеркнуто естественно и вполне достойно. Люди, не обладающие знаниями, всегда убеждены, что другие, демонстрирующие интеллект, умаляют собеседника». Вспоминая его потупленный взор и долгие, исполненные нерешительности паузы, она отметила его робость и стеснительность. Именно в эти мгновения молчаливого общения между ними возникло что-то необыкновенное. «Да, да, именно в этот момент он взглянул на меня как-то особенно. Такого я никогда не испытывала. На меня смотрели не просто глаза, в меня вглядывалась огромная душа человеческая», — призналась себе молодая женщина. Она сама разглядывала его с огромным удивлением и страхом. Смущенный, благородный вид Иверова, его все-

охватывающая внутренняя энергия вызвали в ней острое желание по-настоящему узнать этого совершенно незаурядного, загадочного человека. И сейчас накатившее на Милу Семирадову волнение вызвало у нее нервное подергивание губ. Казалось, в эту секунду она была готова разрыдаться. Но это были бы слезы не удручающего разочарования, а глубокого потрясения. Так, в душевном смятении, Семирадова дошла до остановки троллейбуса на Смоленской площади. Здесь стояли несколько человек. Нарастал поток автомобилей, несущихся по Садовому кольцу. Утренняя жара переросла в полуденный, невыносимый зной. В пяти метрах от земли воздух дрожал, терзая глаза болезненной рябью. Здание МИДа, охваченное лучами утреннего солнца, таяло в мареве поднебесья. Все окружающее казалось Миле Семирадовой чем-то призрачным, нереальным. Свидание с Иверовым, которого она ждала с затайненным восторгом, оставило в ее душе глубокий след волнений и размышлений. «Боже мой, эта встреча с ним промелькнула так молниеносно!»

К остановке подполз старенький троллейбус. Она вошла в него и заняла место у окна. Людей в салоне оказалось немного. Перед глазами молодой женщины опять возник образ Андрея Иверова. «Странно, я хочу найти себя в том, в чем он себя потерял. Я хочу достичь того, что он уже отвергает, я хочу быть похожей на него, а он сам от себя отказывается. Как это может быть? Иверова можно было бы понять, когда он уверенно говорит, что не нашел, а полностью растерял себя, если бы он не достиг вершин профессионального успеха. Если бы не было его победоносного шествия по мировым биржам. Если бы он не заработал огромного состояния! Но Иверов добился абсолютно всего, о чем денно и ночью мечтает каждый человек! Чего же еще

искать на этой Земле? Можно спросить иначе: чего он не нашел в этом мире? Знания, успеха в бизнесе, самодостаточности, признания, любви? О чем еще я не додумалась? Что скрыто в этой жизни, о чем я не ведаю? Что нужно постичь, чтобы впредь не искать «новую среду обитания»? Могу согласиться, что всегда есть альтернатива привычному, традиционному человеческому поведению. Но мировоззрение людей складывается годами: от слова к слову, от фрагмента к фрагменту, от странички к страничке. Не вулканобразно. Какой же гром разразился в голове Иверова? Какая новая истина вдруг явилась ему, когда он уже вполне состоялся и, если верить его словам, мог покупать все — чуть ли не города и страны? Мне чрезвычайно важно понять его рассуждения. Иначе наши встречи не смогут помочь нам лучше узнать друг друга. В конце концов, или я пойму, что он безнадежно болен, или он рассудит, что я полная дуреха. Необходимо срочно с кем-то посоветоваться, сделать, так сказать, «звонок другу». Но с кем? Это должен быть экономист? Но кто в нашем университете — достойная фигура? Дормидонт Додохия? Типичный теоретик, этакая «вещь в себе». От него не дождешься полезного совета. Теоретики — люди, как правило, не практичные. Тамара Давко? Может пообещать, но никогда не найдет для меня ни времени, ни мыслей. Виталий Видякин? Провинциален! Гордится, что курит дешевые сигареты. Его рассуждения можно записывать на двенадцатый счет бухгалтерского учета как малоценные и быстро изнашивающиеся активы. Да разве так просто понять сложную стихию чувств, в которую погружен Иверов? Надо искать людей творчества. А если заехать к Ольге Неман? Она художник. Точно. Вначале заеду к ней. Еще можно навестить джазмена Виктора Баранова. Он зрелый мужчина, намного

старше Иверова. Не раз приглашал меня в клуб «Терраса». У него могут быть интересные мысли. Вечером расспрошу и моего университетского приятеля Лешу Камчатова. Сомневаюсь, что он богат оригинальными мыслями, но попытка — не пытка. Надо основательно подготовиться к завтрашней встрече». Мила Семирадова очнулась от своих мыслей и взглянула в окно. Троллейбус подъезжал к Кудринской площади. «Лучше сойти здесь и по Поварской улице пройти к Бульварному кольцу, а там спуститься до Первого Зачатьевского переулка», — решила она. Молодая женщина вышла из троллейбуса и направилась по намеченному маршруту.

Когда она проходила мимо Театра киноактера, ее догнал мужчина лет сорока. Худой, кареглазый, среднего роста, с короткой стрижкой. Каблуки на башмаках были мастерски увеличены, проседь жидких волос подкрашена. Он говорил с южным акцентом и темпераментом: «Я вас один раз увидел, а вы мне уже три раза понравились. Первое, что бы я хотел отметить, это ваша одержимость. Вы буквально несетесь, забывая, что сегодня воскресенье. День отдыха. Второе — это ваша походка. Она выдает в вас человека талантливого. И третье — ваш затылок подсказывает мне, что вам нравится общение с новыми знакомыми. Меня зовут Лоренцо. А вас?» «Как отвязаться от этого Лоренцо, — с усмешкой подумала Семирадова. — Помолчу, может быть, сам отстанет». — «Смотрю на вас и думаю, сколько замечательных идей можно было бы реализовать с вашим участием. Идея первая: в двух шагах отсюда находится японский ресторан «Акитория». Имбирь взбадривает, а мраморное мясо и креветки в соевом соусе облагораживают знакомство. Как принимаете приглашение на японский завтрак? Девушка, молчание не лучший способ коммуници-

ровать с миром. Вариант второй: в семнадцать сорок из Шереметьева летит самолет в Анталию. Предлагаю сменить духоту Москвы на морской воздух Турции. Ни виза, ни деньги вам не нужны. Чтобы вы чувствовали себя комфортно и независимо, я куплю вам билет с открытой датой обратного вылета и дам наперед тысячу долларов, не требуя никаких обязательств. Чем плохо? Если мое поведение не понравится, вы можете бросить меня в любую минуту. Вы сможете вытолкать меня в шею не только из пятизвездной гостиницы, но и из своей жизни. За каждый неверный, некорректный жест или поступок могу быть оштрафован. Скажем, на сто долларов. Например, взял вас под руку, а вы этого не желаете — сто долларов с меня. Поцеловал вас, а вы этого категорически не хотели — еще сто долларов с меня, и так далее. Но позвольте, зачем мне рисковать утратой общения с такой красивой девушкой, как вы. Я буду себя вести как пай-мальчик. Впрочем, если вы пожелаете, то я с удовольствием сменю маску маменького сынка на роль пылкого кавалера. Соглашайтесь! Ведь нет никакого риска. Впрочем, я сказал неправду: есть риск влюбиться в такого мужчину, как я. В моем пакете предложений имеется и третий, чисто деловой вариант. Я фотограф. Может быть, вы слышали мою фамилию: Лоренцо Киласония? Не встречалась она вам? Странно! Я участник многих выставок. Мои работы часто публикует российская пресса. Какие газеты и журналы вы читаете? Ну, не молчите же! Вы хоть взгляните на меня...»

Мужчина не сомневался в безупречности своего наряда и очень хотел, чтобы Семирадова взглянула на него. На нем была черная сорочка, из кармашка которой кокетливо выглядывал красный платочек, белые брюки были выглажены со стрелкой, а от ремня в карман ползла толстая

серебряная цепь. Барышня никак не реагировала, и он был вынужден взять ее под локоть: «Не торопитесь. Скажите хоть слово. Что вам не нравится? Можно высказать деловое предложение? Я хорошо плачу своим натурщицам. Тело снимаю очень редко. В основном — лица. Вы можете неплохо заработать: час съемок — двадцать пять долларов. Поцелуй в мизинец — десять долларов. Поцелуй в средний пальчик — двенадцать долларов. Прикосновение губами к руке выше локтя — пятнадцать долларов. К плечу — семнадцать ...» — «Дальше я хотела бы идти одна». На ее лице обозначилась недовольная гримаса, ямочки на щеках исчезли. «Что, ничего не подошло?» — «У Вас солидные предложения. Но они меня не интересуют. Я занята. Прощайте». Девушка стала быстро удаляться. «Полоумная, — в сердцах пробурчал мужчина, — лучше, чем Лоренцо из Очамчиры, все равно не найдешь». С минуту он возбужденно смотрел ей вслед, потом повернулся и с угрюмым видом побрел в обратном направлении. Казалось, теперь увеличенный каблучок мешал щеголю.

Тем временем Мила Семирадова прошла всю Поварскую, свернула налево на Новый Арбат, спустилась в подземный переход и вышла на другую сторону к ресторану «Прага». Она уже успокоилась и стала мысленно выстраивать свой предстоящий разговор с Ольгой Неман. В этот момент прямо на тротуар въехал БМВ — 735 модели. Автомобиль перегородил юной даме дорогу. Из машины вышел молодой высокий мужчина с русыми волосами. «Что, очень трудно быть красивой? Все пристают, заглядывают в глаза, осматривают фигуру, провожают пытливым взглядом? Я могу поставить на этом крест! — сказал он жестко и беспрекословно. — Ты будешь принадлежать только мне. Поняла? Ни один козел на тебя не взглянет. Тут же оторву

голову. Привет, я Сашка Щёлковский. А ты кто?» — «С этим типом надо быть осторожней», — подумала Семирадова. У нее и ее университетских подруг для таких случаев имелась специальная заготовка. Не растерявшись, она тут же пустила ее в ход: «Я подружка Михаила Стрежина. Спасибо за комплимент, но пропустите меня. Я тороплюсь». — «Что за козел этот твой Михаил ? В гробу я его видел. Садись в машину. Ты теперь моя, что, еще не понятно?» — «Вы хотите, чтобы ваши слова я передала Мише Солнцевскому?» — «Ты что, его девка? Откуда мне знать, кто вы? Но почему без охраны? Что, Михаил Анатольевич разрешает вам гулять без мордоворотов? Я бы своей не позволил. Может быть, вас сопроводить?» — «Спасибо. Я тут рядом, спешу в церковь». Она быстрой походкой обошла автомобиль и тут же свернула за угол в Афанасьевский переулок. «Неужели дуранула, стерва ...Ох, ох, дуранула!» — долго чертыхался Сашка Щёлковский.

На красивых женщин во всем мире объявлена охота. Этой новости уже несколько тысяч лет. Впрочем, есть существенные особенности нынешних времен. Процентное соотношение красивых женщин не растет, увеличивается их количество за счет увеличения численности народонаселения. Но растет количество богатых и очень богатых мужчин. Если во времена римской или византийской империй их число не превышало одного процента от общего демографического ресурса, включающего рабов, а в средние века составляло не более двух процентов общего ресурса, включающего крепостных, то после буржуазных революций в Голландии, Англии и Франции их число увеличивалось на процент каждые сто лет. Сегодня на планете проживает около пятидесяти миллионов мужчин, чье состояние превышает двадцать миллионов долларов, и

около трехсот миллионов особ мужского пола, чье состояние — более одного миллиона долларов. Это составляет четырнадцать процентов от всего мужского населения Земли. Конкуренция с каждым годом усиливается. Становится жесткой и беспощадной. Сегодня охоту за красотками ведут не только богатые или очень богатые кавалеры, но и просто наглые и очень наглые мужики. Число последних имеет постоянную тенденцию к росту, и этот рост напрямую связан с падением культуры в рамках современной цивилизации. Если к четырнадцати процентам состоятельных мужчин прибавим три процента хамов, то получим цифру семнадцать. К этой цифре можно добавить один процент красавцев и пять процентов сексуально взъерошенных. Мы получим шестьсот миллионов мужчин, которые участвуют в активной охоте за суперженщинами. Если красотки составляют шесть процентов от всех представительниц слабого пола, то мы получим цифру сто пятьдесят миллионов. Таким образом, за одной прелестницей приударяют четыре кавалера. Но эту цифру необходимо помножить на девять. Почему на девять? Потому что каждый из шестисот миллионов мужчин подкрадывается не к одной красотке. Согласно этой простой арифметике, каждой женщине с блестящими внешними данными за двадцать пять лет активной жизни подают один миллион сигналов чувственного внимания: взглядов, комплиментов, вздохов и стонов. То есть, 100 различных знаков в день! Тех, которые она видит и слышит, и тех, которые остаются за пределами ее восприятия. Поэтому прав был Сашка Щёлковский, когда говорил Семирадовой, что очень трудно в настоящее время быть красоткой. Их повсеместно терзают соблазнительными предложениями в самых разных вариантах. Им предлагают достаток, материальное благо-

получие, сногсшибательную обеспеченность, абсолютное богатство. Ведь чувственные колебания загадочных, неизведанных волн, которые одни называют химическими, другие — тепловыми, проникая в мужское существо, вынуждают трепетать каждый атом тела, вызывают невиданное движение чувств. Полнота жизни только там и возможна, где носятся огромные запасы любовной энергии. Какая должна быть у красавицы мания величия, если столько мужчин хотят, мечтают, грезят иметь ее всю и немедленно? И ради этого готовы на самые невероятные затраты. Самые неожиданные и фантастические поступки. И все же именно новые русские не перестают удивлять мир поразительными откровениями. Именно они обогатили этот вечный поединок страсти и целомудрия, обольщения и каприза бушующей новизной. Мир такого еще не знал! Рекламные щиты Лондона и Рима, Нью-Йорка и Берлина способствуют продвижению брендов. Ускоряют оборачивание товарной массы. Придают динамику бизнесу! А что в столице России? Огромные рекламные щиты размером в двенадцать — двадцать четыре квадратных метра стали заполняться любовными посланиями. Если в Париже на рекламной панели вы прочтете: «Китон — одежда успеха», то в Москве: «Наташа — моя мечта». Если Мюнхенские улицы пестрят рекламой: «Приглашаем на Октоберфест», то на перетяжках и щитах столицы России можно увидеть: «Машенька В., я жду твоего звонка. Владимир П.» Если голландские цветочники призывают посетить амстердамскую выставку цветов, то московские влюбленные приглашают своих красавиц на демонстрацию чувств: «Оксана, я жду тебя каждый вечер в «Бисквите», «Лора, билеты в рай куплены», «Маша, тебя ждет счастье. Возьми его!» Да, охота за красавицами набирает обороты. Их отбивают друг у друга

самые близкие и доверенные, самые дерзкие и крутые, самые богатые и влиятельные. История продолжается. Время сжимается, а случаи увода женщин все множатся. Так при штурме Мариенбурга граф Шереметев отбил у пастора Глюка Марту Скавронскую, несколько месяцев спустя вельможа Меншиков увел ее у графа Шереметева, пару недель позже сам царь Петр Алексеевич прямо на балу отобрал ее у Меншикова и сделал из нее Екатерину Первую. Так Гастон Орлеанский увел у своего брата Людовика Тринадцатого его жену, Анну Австрийскую, а герцог Бекингом отобрал ее у брата французского короля, кардинал Мазарини стащил ее у Бекингема. Так граф Григорий Орлов отбил у Петра Третьего Екатерину Вторую, а короткое время спустя Григорий Потемкин утащил ее у самого Орлова, несколькими годами позже Платон Зубов увел ее у князя Потемкина. Так Поль Виалар отбил у эсера Тропинина Елену Дьяконову, Пабло Пикассо увел ее у Поля Элюара, Гарсия Лорка отобрал ее для платонической любви у Пикассо, а Сальвадор Дали конфисковал ее у самого Лорки и назвал своей музой — имя ее Гала. Так Артур Миллер увел Мэрилин Монро у бейсболиста ди Маджо, Ив Монтан отобрал ее у Миллера, Джон Кеннеди переманил ее от Ивы Монтана, Роберт Кеннеди утащил ее у собственного брата, Фрэнк Синатра украл ее у министра юстиции Кеннеди, Роберт Слетцер отнял ее у Синатры. Охота продолжается, господа! Кто больше платит, кто одержим чувствами, у кого сильнее воля, кто изворотлив в словах, кто коварен в мыслях, — тот побеждает! Тот наслаждается! Тот владеет!

Прагматики, создавая семью, не прислушиваются к сердцу, а подчиняются разуму. Но кто мешает охотиться за красотками? Создавая семьи, они не приглядываются к лицам, а изучают приданое. Кто узнает о любовницах? Пове-

сы, обжигаясь на первом браке, целиком посвящают себя вечному поединку. Каждый день новое! Поиск красоток — первый и самый мощный импульс наших современников. Но как помогает этому мировому процессу современная индустрия: пошив одежды и обуви, производство косметики и парфюмерии, организация развлечений и туризма. Все модели и манекены, смотрящие на потребителя с миллионов подиумов и витрин — исключительно длинноногие красавицы. На обложках всевозможных каталогов и рекламных брошюр, анфас и в профиль — броские женские портреты. Со страниц ювелирных проспектов — одни голубоглазые прелестницы. Как несправедлив мир к другим женщинам! Ведь их — большинство. Девяносто четыре процента терпеливых дам! У которых ноги — не такие уж длинные, грудь — не такая уж налитая, бедра — не такие уж соблазнительные, руки — не такие уж бархатные. Насколько хватит у них этой выдержки? Можно быть уверенным, что скоро, очень скоро они начнут беспощадную битву за свои права!

Сашка Щёлковский был человеком недоверчивым и в глубине души — боязливым. Первое обстоятельство толкало его вперед, чтобы проследить за «подружкой Мишки Солнцевского». Внутренний голос подсказывал ему: здесь что-то нечисто. «Соврала она», — то и дело мелькало у него в голове. Но другая черта характера, боязливость, сдерживала Сашку. Шутка ли — сам Михаил! «Лучше два года от женщин воздерживаться, чем с ним дело иметь», — думал он. Молодой человек осторожным, неуверенным шагом проследовал за Семирадовой. «Если спросят, почему бил след, скажу, что хотел уберечь девушку Михаила Анатольевича. Улицы полны козлами, у которых нет никаких понятий», — убеждал он себя. Семирадова заметила, что Щёл-

ковский тащится за ней. Она пересекла Афанасьевский переулок, свернула налево в Филипповский и была вынуждена войти в небольшую, стиснутую со всех сторон домами церквушку «Апостола Филиппа». Почти все здесь ей было незнакомым и чужим. Семирадова в глубоком смущении отвесила всем присутствующим низкий поклон, впрочем, этого поклона никто не заметил, верующие были поглощены службой. Она перекрестилась и замерла, затаив дыхание. Низкий баритон иерея разносился по храму: «... Христос истинный Бог наш, молитвами Пречистыя Владычицы нашей Богородицы, Святаго апостола Филиппа и Всех Святых, помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец». Этим отпусом заканчивалась Божественная воскресная Литургия. Иерей с поднятым крестом взошел на амвон. Вокруг него стали толпиться прихожане. Они с рвением подходили ко кресту, лобызали руку пастыря, прикладывались к иконам Спаса и Пресвятой Богородицы. Дароносица медленно наполнялась скромными жертвоприношениями. Юная барышня, случайно попавшая сюда к концу обедни, была ошеломлена: она еще никогда в жизни не видела наяву такого неистового излияния религиозных чувств. Ее словно поместили в кинотеатр, где шел фильм об эпохе полного владычества православия, когда душами людей управляли церковники. Верующие крестились, кланялись иконам, складывали молитвенники и начинали расходиться. Низенькая, исхудавшая женщина опустилась на колени, стала низко кланяться и осенять себя крестным знамением. Потом она поднялась, приблизилась к иерею и стала страстно целовать его руку. «Благослови, Отче. Благослови, батюшка». Иерей был довольно молод: не старше тридцати пяти лет. Из-под камилавки выглядывал пучок рыжих волос, которые в лучах яркого солнца,

проникающего сюда через створки окон, обретали огненный цвет. Священник заметил новое лицо в своем приходе, а также растерянность и оцепенение молодой особы. Прихрамывая, он подошел к ней. «Ты впервые в храме, дочь моя?» — его светло-карие глаза почему-то казались Семирадовой совершенно черными. Молодая женщина не знала, как к нему обратиться. Наконец, после недолгой паузы, она с трудом вымолвила: «Второй раз». — «Что привело тебя к нам?» Она не хотела и не могла врать: «Меня преследовал мужчина, и я была вынуждена найти убежище в церкви. Этого делать нельзя?» — «Ты правильно поступила. Храм — божественная обитель и открыт всем, кто желает в него войти. Во все времена в нем прятались люди от всяких горьких напастей. Ты христианка?» — «Я крещеная. Но, честно сказать, далека от церкви». — «Жаль! Но почему так получилось?» — «Я росла в детдоме ...» — «Сирота?» — «Да!» — «Бедное дитя. Наш Бог Иисус Христос никогда не оставляет одиноких и сирых. Ты знакома со Святым Писанием?» — «К сожалению, нет». — «Жаль! Пройдем к солее. Я подарю тебе Новый Завет. Чем ты занимаешься?» — «Работаю на фирме, а вечерами и учусь на экономическом факультете московского университета». — «Какой курс?» — «Перешла на третий». — «Умница. Господь предоставляет нам свободу выбора. Совесть и есть его глас в каждой душе человеческой. Выбери самостоятельно: желаешь ли ты жить атеисткой или с Богом в душе. Но послушайся меня, прочти Евангелие. Ты увидишь этот мир другими глазами. Святое Писание обогатит твой ум совершенно новыми истинами, душа обретет ранее неизведанный смысл существования, а сердце, источник желаний, исполнится благодати и добродетели». Прихрамывая, иерей заковылял к солее. Неуверенной походкой за ним последовала Семирадова.

Все было для нее столь неожиданно, что молодая особа не могла ни думать, ни говорить. «Подожди меня здесь, дитя мое». Священник скрылся за позолоченными алтарными воротами. Через минуту он вернулся: «Возьми, чадо мое, эту Святую Книгу. Она озарит тебе путь к вечности, приведет в гавань спасения. Благословляю тебя! Наш храм отныне всегда ждет тебя». Глаза молодой женщины вспыхнули искрами любопытства. Иерей перекрестил ее и порадовался ожившему личику молодой незнакомой барышни. Он и сам улыбнулся ей с бесконечной приветливостью, ощутив, что воскресил в этом юном создании надежду найти стержень жизни, и медленно, словно скрывая хромоту, удалился в алтарь. Семирадова спустилась с солеи и по ковровой дорожке пошла к выходу. Казалось, это был незначительный, мимолетный эпизод, но он породил в ней поток разноречивых мыслей. У самых дверей местная служка шепнула ей: «Когда выходишь из храма, надо креститься». Юная дама послушно и быстро три раза осенила себя крестом и вышла из церкви.

Яркое солнце ослепило ее. В голове барышни мелькнула внезапная мысль: «Что за свет так сильно ударил мне в глаза? Неужели лишь лучи солнца? Или что-то другое? Например, проникновенные слова священника. Ведь я случайно сказала этому Щёлковскому, что тороплюсь в церковь. Если бы он не потащился за мной, то я бы прошла мимо храма. Странно, я только начала искать для себя новые истины, чтобы понять Иверова, и вдруг сама судьба привела меня в церковь. Мистика? Знак свыше?» Пораженная столь необъяснимым происшествием, Семирадова с отрешенным видом двинулась по Филипповскому переулку в сторону Сивцева Вражка. Необъятное небо, усеянное белыми веснушками мелких облачков, раздвигало

перед Милой Семирадовой пространство благочестивых фантазий. «Окажет ли на меня Библия такое чудотворное влияние, о котором говорил батюшка? Я сама в последнее время чувствовала, что мне постоянно не хватает чего-то важного. Недостает какого-то главного звена! Как так вообще получилось, что я в двадцать один год впервые задумалась о Боге? Может, именно его мне и не хватало? Как я хотела обрести счастье в этом необъятном, противоречивом мире? Можно ли претендовать на внутреннее равновесие без Бога в душе? Сейчас вокруг меня о Боге мало кто всерьез думает, он в далеком прошлом. Но все ли прошлое стоит игнорировать и забывать? Ведь золотой девятнадцатый век в истории России был временем христианской культуры. А сейчас в народе нет Бога и нет культуры. Но как снизойдет чудо прозрения? Я просто прочту Библию и сразу обрету Бога в душе? Так не бывает. У меня сохранились смутные, обрывочные воспоминания первого посещения церкви. Мне было лет тринадцать. Уборщица интерната попросила меня занять очередь, чтобы освятить пасхальные куличи. Я помню лишь запах сладкой выпечки, липкость сахарной пудры и многоцветие глазури». Полузабытые впечатления далекого детства пробудили в Семирадовой острое желание продолжить поиск самой себя в библейских текстах. «Может быть, в этом случае я смогу лучше понять Иверова? Но что я успею за один день? Беседовать с ним так же трудно, как сдавать экзамен. Надо немедленно взяться за эту книгу». Вдруг ее пронзила мысль: «А если я стану верующей? Не оторвет ли меня религия от моей профессии, от университета, от мира привычных вещей, от друзей, да и от Иверова? Из его слов я так и не поняла: верующий он или атеист? Я никак не пойму, почему мне все время хочется ду-

мать об Иверове, походить на Иверова, видеться, общаться с Иверовым? Я же его толком не знаю. Очевидно, я обладаю богатым воображением и чрезмерной чувствительностью, поэтому мое сердце заполняет этот романтический образ игрока фондового рынка, моего наставника и аристократа из совершенно иного мира. Но я, видимо, никогда не смогу по-настоящему полюбить иностранца. А Иверов, хоть и имеет русские корни, скорее всего истинный француз».

Тут молодая женщина вышла на Сивцев Вражек и повернула направо в сторону Староконюшенного переулка. Жара усилилась. Воздух стоял плотной стеной, словно вбитый в каменные дома Арбата. Редкие прохожие плелись по теневой стороне улицы. «А, собственно, зачем мне теперь встречаться с Ольгой Неман?.. Впрочем, повидаться можно. Встреча с Буйносовым назначена на два часа дня на веранде ресторана «Карпаччио». Первый Зачатьевский переулок в пяти-десяти минутах ходьбы от места встречи с патроном. Сейчас всего половина первого». Она уже была готова перейти Пречистенку, как к ней вплотную подъехал автомобиль «Ауди» 8. Из окна черного лимузина высунулся мужчина лет сорока пяти — пятидесяти. Черные очки скрывали его глаза. На полуоткрытой груди висела толстая золотая цепь. В руках незнакомец сжимал мобильный телефон. «Вы не подскажете, как проехать в Париж? Никак не можем выбраться из Москвы». Серьезность его лица не оставляла сомнений, что мужчина, действительно ищет на московской улице дорогу в столицу Франции. Мало ли что можно услышать в современном городе. — «Кутузовский проспект приведет вас прямо в Париж, к Триумфальной арке», — Семирадова предчувствовала, что этот странный вопрос может быть лишь поводом к знакомству. «Так вы

знаете Париж? — продолжал господин в черных очках. — Милая, для молоденькой девушки не самое лучшее занятие бродить в такую жару по улицам города. Если есть желание, — а оно должно у вас быть, — то можем вместе отправиться от московской Триумфальной арки до парижской. Визу во Францию получим в Варшаве». — «Сколько пошлости в жизни», — с грустью подумала Семирадова. Она перебежала Пречистенку и скрылась за углом Лопуховского переулка. «Ну и дура! Алло, ду-ра!» — крикнул ей вслед господин в черных очках. Он швырнул в ее сторону недокурную сигарету. «Конечно, дура. Дура! Дура!» — шептала она мучительные слова, исторгнутые из самого сердца. Юная дама стремительной походкой спустилась к Остоженке и вышла к Первому Зачатьевскому переулку. Постепенно волнение улеглось, и мысли о религии опять стали настойчиво преследовать молодую женщину. «Почему так неожиданно я стала думать о вере? Случайно вошла в храм, пробыла там не более пятнадцати минут, взяла Евангелие, видела горящие свечи, всматривалась в лики Святых на иконах, и вот теперь все мысли направлены на божественное. А может быть, это сила, исходящая от икон? Или от Евангелия, которое у меня в руках? Иначе просто невозможно объяснить, что со мной нынче творится. Когда я ношу книги Герасименко «Теория переходной экономики» или Гальперина, Гребенникова и Леутского «Макроэкономика», ничего подобного со мной не происходит. Я должна несколько раз их перечитать, чтобы меня задела сама тема. А тут совсем иначе. Хоть я еще и строчки Нового Завета не прочла, меня необыкновенно тянет к нему». Она дошла до дома номер девять по Первому Зачатьевскому переулку. Это был старый покосившийся мещанский дом начала двадцатого века. Снаружи он был выкрашен в темно-

бордовый цвет. Подъезд был до неприличия обшарпанным: пахло мышами, затхлой трухой и войлоком, которым была обита входная дверь. Семирадова поднялась на третий этаж и позвонила в квартиру номер одиннадцать. Она несколько раз бывала здесь, в мастерской своей школьной приятельницы по интернату для детей-сирот. Дверь довольно быстро открылась, и на пороге показалась крупная молодая женщина в измазанном краской фартуке художника. Ее большие умные глаза тут же подобрели и засияли. «Здорово, Милашка, проходи, — приветливо встретила ее Ольга Неман. — Тебе придется подождать минут десять-пятнадцать. Я заканчиваю...» В углу комнаты, рядом с открытыми окнами, стоял мольберт, покрытый большим листом бумаги, а рядом на диване лежал натурщик. Семирадова смутилась и быстро прошмыгнула на кухню. «Свари себе кофе», — услышала она голос художницы. Гостья зажгла конфорку и поставила кипятить воду. На подоконнике сохли размалеванные матрешки, а на веревках по всей кухне было развешано множество разноцветных маек с портретом президента Путина. Художница Неман ничуть не стеснялась подрабатывать ремесленничеством. Она раскрашивала глиняные горшки и деревянные ложки, детских лошадок и птичек, ларцы под хохлому и копилки-свиночки. На творчество времени оставалось не так уж много. Но Неман была чрезвычайно довольна тем, что навсегда избавилась от казенной или подобранной на свалке одежды и жидких харчей. Иногда у нее в мастерской появлялись служители «чистого искусства», находящиеся на иждивении родителей или живущие на деньги любовниц, на подачки чиновников. Эти «творцы» любили долго дискутировать о «чистом искусстве» или об «искусстве ради искусства», решительно осуждали совмещение в творче-

стве истинных талантов «высокого художественного» и «низкого потребительского». В редкие дни Неман посвящала себя природе. Она чувствовала, что искусству необходим натуральный свет. Не красное или желтое, как праздничные шары, а спокойное, вечное, наполненное душевной теплотой солнце. Она уезжала по Старой Калужской дороге в поисках природы вокруг живописного Вороново, то бродила вокруг Голицыно в надежде повстречать лесное озеро, или вглядывалась в липовую рощу усадьбы Шереметева, и работала своими нежными, как кружева, мазками до изнеможения. Ее краски не буйствовали в огне вдохновения, а выражали умиротворенность и тишину природы. Фантазмагория цветов и линий была чужда ее натуре. Как Левитан отличался от Шагала, а Шишкин от Кандинского, так мир страстей и экспрессии разнился с душевным состоянием молодой художницы. Она никогда не повышала голоса в общении с миром — видимо, поэтому в ее живописи никогда не было игры контрастов. Черный никогда не соседствовал с красным, а голубой — с желтым. Ее лес наполнялся солнцем, как сердце добротой. В ее озерах отражалось небо, как в глазах отражаются души людские. Неман не знала стоимости картин, в которые вкладывала талант, и продавала их за цену, предложенную покупателем. Более того, ей не хотелось торговать ими, она мечтала дарить их всякому, кто разглядит в них искру художника. Но Ольге Неман нужно было зарабатывать деньги, чтобы обеспечить свое существование. Она нащупала на рынке нишу и с большим мастерством и талантом стала заполнять ее этюдами и маленькими полотнами. Она великолепно выписывала связку крымского лука. Ее бордовый цвет был спокойным и мудрым, как французское вино. Она с изяществом рисовала пучки укропа и петруш-

ки на фоне разделочной доски, ее куски оранжевой тыквы, обложенные кистями черного винограда и пятнистой форелью, вызывали у зрителей восторг. Семирадова не раз помогала приятельнице продавать ее работы на островках художников в Измайловском парке и в рядах живописцев на берегу Москвы-реки перед Крымским мостом. Не раз она была свидетельницей того, как покупатели отмечали в работах Неман яркую индивидуальность и несравненный природный дар. «Приготовь мне чашку кофе, — услышала Семирадова голос приятельницы. — Я подойду через пару минут». Тут она почуяла шаги и шум закрывающейся двери. «Ушел натурщик», — поняла Семирадова. Вскоре появилась и сама Неман. Она уже сняла свой замызганный фартук, ополоснула лицо, надела свежую белоснежную тенниску. Приятельницы попивали кофе и болтали, ничего не скрывая друг от друга. Они говорили о тех мелочах, которыми заполнен быт современных женщин. Не прерывая беседы, молодые женщины перешли из кухни в комнату, которая служила мастерской. Семирадова стала искать подходящий момент, чтобы задать приятельнице вопрос о Боге. Она приказала себе не замечать новые эскизы и этюды, которыми были заставлены стены, чтобы не терять времени на тему, которая её сейчас совершенно не интересовала. Ей уже пора было уходить, а разговор все еще оставался в пределах бытовых проблем. Наконец, Ольга Неман прервалась, чтобы закурить сигарету. «Скажи, дорогая, какое место в твоей жизни или в творчестве занимают Бог и религия?» — Семирадовой, наконец, удалось задать свой вопрос. «С чего ты вдруг об этом, Мила?» — «Ты что, не можешь ответить?» — «Так сразу не могу». — «А почему?» — «Я не в состоянии говорить на такие темы между обсуждением предстоящего ремонта кры-

ши, пьем кофе и курением сигарет. Вопрос этот деликатный и не простой». — «Ты мне никогда не говорила, что знаешь об этом». — «Бога надо хранить в самой себе. Если физическое существование обеспечивается водой и пищей, то душевная стойкость и целостность человека держится исключительно на вере в Бога! Больше сказать мне нечего! А почему ты интересуешься? Что-нибудь случилось?» — «Да». — «Что?» — «Вдруг впервые задумалась над этим». — «Я сама новоиспеченная христианка. Но вера прижилась в моей душе очень прочно. Не знаю, есть Бог или нет, но вера в него облагораживает жизнь. А таким бедолагам, как мы, это крайне необходимо. Но это пока только начало. Я чувствую, что меняюсь...» — «Мне уже надо торопиться. Патрон ждет меня в «Карпаччио». Пока, Оленька! Спасибо за кофе!» Семирадова попрощалась с приятельницей и пошла к выходу. Неман увидела в ее руке Библию и произнесла: «Пора читать полезные книги. Их доброта оборачивается неистовой силой». «Доброта оборачивается неистовой силой?» — повторила в изумлении Семирадова и выбежала на улицу.

Встреча с Буйносовым и Алтыновым была короткой. Барышня рассказала мужчинам подробности встречи с Андреем Константиновичем, ответила на несколько вопросов, и на этом разговор завершился. Она допила стакан ледяного «Нарзана» и распрощалась. Когда девушка исчезла из виду, Алтынов сказал партнеру: «Видел у нее в руках Библию? Уверен, это иверовская работа. Знаешь, дружище, смотрю я на нее и думаю: она так хороша, что сам митрополит Коломенский без зазрения совести согрешил бы! Но что Иверов? Есть ли у него аппетит к таким вещам?»

Глава XXXII

Было около десяти вечера. Красный диск солнца застрял на крышах столичных домов. До полной темноты оставалось около двух часов. Яна Врубельская мчалась на своем «Вольво» в сторону Белорусского вокзала. В этот воскресный вечер молодая женщина торопилась по важному делу. На Лесной улице у магазина «Обувь» шла ожесточенная перестрелка. Банда тульских преступников, окруженная милицией, яростно сопротивлялась. В таких историях молодая женщина еще никогда не участвовала. Юрий Алтынов расписал ей задание таким образом, что отдельные решения ей предстояло принимать самостоятельно. Женщина нервничала. Она привыкла к салонным интригам и тончайшим финансовым аферам, а тут ей предстояла незнакомая работа с оперативниками спецслужб. Капитан милиции Чертоляс ждал ее за сто метров до места столкновения с бандитами. Как было условленно, молодая женщина припарковалась у дома номер шестнадцать. Несколько зевак уже появились здесь, но дальше никто идти не решился. Кроме частых выстрелов, ничего не было слышно. Прохор Петрович молча встретил Врубельскую, и, слегка

пригнувшись, они побежали на звук перестрелки. Бежать было тяжело, стояла невыносимая духота. Пальба стихала. Отдельные выстрелы раздавались уже совсем рядом. Врубельская ощутила, что ноги не слушаются ее, голова закружилась, выступил холодный пот. Добежав до того самого дома, откуда велась пальба, она с опаской заглянула за угол. То, что Врубельская увидела, совершенно ошеломило ее. Метрах в двадцати лежал окровавленный труп мужчины. Она тут же отвела глаза. Смутный образ собственной смерти вспыхнул и тотчас погас в возбужденном воображении. Внезапно все смолкло, повисла мертвая тишина, которую прорезал незнакомый голос: «Прохор Петрович, надо торопиться. Через пару минут придут скорые». — «Ты прав, дружище. Яночка, давай. Времени в обрез. Пока прохожих нет и врачи не понаехали». Будто лихорадка прошибла Врубельскую. Она вытащила из сумочки конверт и быстрым, неуверенным шагом направилась к трупу. Ее взору предстало жуткое зрелище. Мужчина лет двадцати пяти лежал на боку, уронив руки в лужу крови. Рядом с ним валялись автомат и множество гильз. Две пули попали в голову и еще несколько в грудь и живот. Глаза были вытаращены. От предсмертной икоты на губах выступила пена, смешанная с кровью. Булькая, кровь продолжала струиться из его ран. Одно странное обстоятельство заставило ее поёжиться: мужчина, казалось, прикусил сложенный вдвое небольшой листок бумаги. «Предсмертная записка, что ли? Какой ужас, ужас, ужас...» Врубельская тут же поклялась себе, что больше никогда не примет участия в подобных историях. Сострадание закралось в ее душу, соседствуя с мыслью о необходимости выполнить поручение патрона. Молодая женщина попыталась всунуть конверт в брюки убитого. Но это оказалось не таким простым

делом. Насквозь пропитанные кровью карманы были неподатливы. Врубельская перестала понимать время и пространство. Сознание требовало одного: вложить конверт в карман убитого. Из всех святых Яна больше всего сейчас полагалась на Николая Угодника. Она взмолилась о помощи, но и сама приложила немало усилий, чтобы справиться с заданием. Яна никогда не испытывала ненависти к своей профессии, но сейчас это чувство овладело ею полностью. От невероятных усилий, казалось, даже стали выступать слезы. Наконец, вздох облегчения вырвался из груди Врубельской: конверт оказался в кармане брюк убитого. Бледная, будто подгоняемая гулками ударами в висках, женщина, собрав последние силы, бросилась назад к кустам спиреи. «Ой! Как будто вырвалась из ада!» — воскликнула она. — «Молодец, девка. Bravo! Когда придет скорая, я подойду к мертвецу, а ты выйдешь из укрытия, чтобы тебя видела публика. Запомни, ты наша понятая. Текст не забыла?» — спокойным голосом, поглаживая ее открытое плечо, спросил Чертоляс. Его коллега старлей Козило протянул ей пачку влажных салфеток: «Протрите руки, они же у вас в крови. Но салфетки не выбрасывайте, а верните мне». — «Успокойся. Сейчас начнется основная работа. Инициативу не проявляй, а слушай меня». Теснясь в зарослях белоснежного кустарника, оба оперативных работника стали смаковать анекдоты, не обращая никакого внимания на молодую женщину. Едва следователь Чертоляс рассказал очередной анекдот, как на Лесной улице завывли сирены. Две «скорые» и одна патрульная машина неслись к месту перестрелки. «Пока, Яна! Ты, Козило, встречай автомобили, а я начну осматривать труп. Дырок в нем, как в мишени на стрельбище». — «Не торопись, Петрович, чем больше крови из него выйдет, тем дольше он в морге сохранится.

А то еще головную боль получим: куда через десять дней труп из прозектуры девать-то? Лето! Холод нынче дорого стоит! А где деньги брать?» — «Пошли, пошли, Козило. Торопись! Вон, свора какая к нам несется». Капитан Чертоляс осторожным шагом вышел из скученных кустов сирени. Молодая женщина, казалось, внимательно слушала диалог оперативников, но робость не выпускала ее из своего плена, и беспокойство не ослабевало. Запах свежей крови преследовал ее. Во рту было горько, как будто она жевала табачный лист. Надо было бы идти, но ноги не слушались. Настораживало, что страх все не проходил, и она никак не могла совладать с ним. Наконец, пересилив оцепенение она подошла к трупу. Вокруг убитого уже толпились врачи и милиция. «Эй, вы, женщина, — обратился к Врубельской следователь Чертоляс, — пожалуйста, подойдите ко мне». Слышались другие команды незнакомых людей. «Вызови Пичугина. Слышишь, Пичугина вызывай!» — «Спросите: кто потерял золотой зуб?»- «У мертвецов все зубы на месте!» — «Так кто же зуб потерял?»

Начались следственные процедуры: описание трупа, точного места его расположения, фотографирование пулевых ран, собирание улик, опрос свидетелей и так далее. И все эти подробности капитан Прохор Петрович тщательно записывал. Затем он надел легкие полиэтиленовые перчатки и приступил к осмотру вещей, принадлежащих убитому. При понятой — госпоже Врубельской — Чертоляс вытащил из окровавленного рта записку. Он развернул ее и прочел вслух: «У меня вторая группа крови. Я пятый год сижу на игле. Дневная доза — два грамма героина». — «Интеллигентный бандит. Сделал важное сообщение врачам-реаниматологам. Но, к сожалению, поздно». Из заднего брючного кармана убитого следователь вытащил

плотный бумажник, пересчитал деньги и усмехнулся: «Семь с половиной тысяч долларов. Трехлетняя зарплата нашего постового. Можно с большой уверенностью засвидетельствовать, что малый был не бедный». Когда Чертоляс стал вытаскивать из кармана конверт, он с хитрой улыбкой взглянул на Врубельскую: «Понятая, обратите внимание на этот конверт. Я обязан вскрыть его в вашем присутствии». Бумажная упаковка была вся в крови. Без особых усилий он вскрыл конверт и извлек из него дискету фирмы «Емтес». «По имеющейся информации группа бандитов занималась кражей людей и вымогательством. Не исключено, что этот диск поможет нам открыть некоторые тайные страницы их преступлений», — Чертоляс на сей раз говорил громким голосом, почти пафосно. В этот момент к милиционерскому следователю подошел Козило. «Какие итоги?» — спросил капитан. «Двое бандитов убиты. Третий скрылся. У нас — погиб один прапорщик, а майор УБОПа ранен». — «Ну и напасти в последний день первого полугодия. Как бы выговор не получить». Чертоляс заканчивал опись личных вещей убитого. «Госпожа Врубельская, пожалуйста, подпишите опись изъятых вещей», — следователь милиционерского участка знаком подозвал молодую женщину. Яна повиновалась. «Вы, женщина, тоже подпишите, — обратился он к пожилой статной даме, лицо которой было покрыто родинками и бородавками. — Я все записывал в вашем присутствии, не так ли? Пожалуйста, завтра, в понедельник, прошу вас ко мне в отделение. Часам к десяти. Задержу вас недолго. Если кому на работу нужна справка, она будет тут же выписана. Вам будут также возмещены понесенные расходы по явке. Все чин чинном. А теперь можете идти по своим делам. Отлично потрудились на благо государства».

На этом закончилась первая фаза операции, сценаристом которой был господин Алтынов.

Подкошенная случившимся, Яна Врубельская медленно поплелась к автомобилю, не обращая никакого внимания на толпу. Каждому хотелось знать, что тут только что произошло. Некоторые, видевшие Врубельскую в кругу дознавателей, подолгу задерживали на ней взгляд. К Яне подошел молодой парень с круглым лицом и простодушным взглядом: «Кто стрелял?» — «Бог их знает...» — «Ты же там была, расписывалась...» — «Что пристал, собиратель сплетен? НТВ смотри. Я вам не справочная. Отвали!» — «Что там произошло?» — обратился к молодой женщине толстяк в военной форме с погонами майора. Его толстые очки скрывали цвет и выражение глаз. Рядом с ним стояла размалеванная девица в синем парике и на высоких каблуках. Ее тяжелая челюсть отвисла и, казалось, держалась на ниточках. «Убийство из ревности. Военнослужащий застрелил торговца косметикой, который отпускал его жене различные кремы и помады. В качестве оплаты за свой товар он использовал ее женскую ласку. Вот такая бытовуха», — резко ответила Врубельская и быстро перешла на другую сторону улицы в надежде вернуть себе самообладание и побыть немного одной. Духота медленно спадала. Легкий ветерок вызвал трепетное шуршание березовых листьев. Успокоившись, она стала размышлять над странным, малопонятным заданием Алтынова: «Почему он согласился на такую темную авантюру? В чем ее суть? Первый раз участвую в спектакле, где финальная сцена представляется мне незавершенной. Не верю, чтобы без достаточных оснований он взялся за такую грязную работу. Здесь есть что-то от айсберга с невидимой подводной частью. Что же скрывает Алтынов? Что он задумал в действи-

тельности? Каким будет второе действие этой авантюры? Кто станет исполнителем главной роли? Неужели опять перестрелки, убийства, кровь? Когда я давала согласие войти в его актерскую труппу, то предупреждала, что не желаю быть замешанной в историях с участием силовых структур. Правда, сегодня, кажется, ничего такого еще не было. Но я почувствовала границу. Мистический рубеж! Еще один маленький шагоч, — и я могу оказаться по другую сторону договоренностей. А может, сегодняшняя роль — лишь подготовка к новому амплу? Руки, перемазанные кровью, грохот очередей автомата Калашникова, свист пуль пистолета Макарова, дружба с правоохранительными органами, вой сирен карет «скорой помощи» — что это, своеобразный тренинг перед освоением новых подмоствков? Изучение неведомых технологий творчества?» Молодая женщина в избытке обладала внутренней силой и трезвостью ума, требующей полной ясности в любом деле, в которое она была вовлечена. Поэтому сейчас разные неожиданные мысли крутились в ее голове. Уйдя в себя, она не обращала никакого внимания на публику, с любопытством наблюдавшую за ней. Ее презрительный взгляд и надменное выражение лица вызывали у прохожих негативную реакцию и мрачные предположения. Ей вслед раздавались восклицания: «Фу! Как заносчива! — «Настоящая мегера!» — «Такая может растерзать любого!» — «Ух, злока!» Молодая женщина дошла до своего автомобиля и лишь тут решила включить мобильник. «Салют, патрон! Лучше не спрашивай о моем самочувствии. Скажу только одно: скверно! Отвратительно! Я сыграла одну их жутчайших своих ролей. Тьфу! Теперь хочу забыться. Оставлю машину на стоянке и отправлюсь в ресторан «Сыр». Будет время, подьзжай». — «Дорогая, «Сыр» в ноль часов закроеся.

Давай встретимся в «Желтом море» на Полянке. Я буду там через час. Жду тебя на веранде. Дай слово, что не напьешься до моего приезда. Знаю я тебя, взбалмошная!»

Ресторан «Желтое море», возникший вблизи храма Пресвятой Богородицы, — это сочетание причудливых линий металла, загадочного матово-зеленого изящного стекла, изысканного японского стиля в деликатесах кухни, в одежде персонала. Великолепное решение нашли дизайнеры и стилисты, объединив различные элементы культуры. Яна Врубельская заказала себе двойную порцию водки «Большой» и веточку свежих листьев мяты. После нескольких глотков этого замечательного напитка молодую женщину вдруг охватило неудержимое желание веселиться. Неожиданность в характере молодой женщины: глубокая тайна природы! Она тут же дала себе волю, и на веранде питейного заведения вспыхнула ее обольстительная улыбка, а притягательный голос обжег слух посетителей «Желтого моря». Слабый пол завидовал раскованности незнакомки. А суровые лица представителей сильного пола расплывались в улыбках восхищения перед озорным сумасбродством обольстительной женщины. Реакция публики не прошла мимо Врубельской. В ее душе возник соблазн дразнить и провоцировать гостей ресторана, привлекая внимание к собственной персоне. Молодая женщина опять потребовала водки «Большой». Ее глоток оказался залповым! Она вызывающе швырнула рюмку на пол. Ощущение горькой обиды от своей незавидной роли в последнем спектакле на Лесной улице сменилось мучительной потребностью забыться в песнях, танцах, музыке, в любовных утехах. Широко улыбаясь своей безумной затее, сверкая глазами, Яна Врубельская вскочила на стул, потом грациозно шагнула на стол. Об-

ладая необыкновенно красивым голосом и замечательными музыкальными способностями, молодая женщина страстно запела свой любимый романс «Очи черные». Кажалось, она пела персонально для каждого гостя ресторана. «... Очи страстные, очи жгучие и прекрасные!» — счастливая молодая дама вглядывалась в мужские лица. Ее тело призывно двигалось в такт музыке. Яна была преисполнена гордости, как женщина, чьим обликом восхищается мир. Тут к ее «подиуму» подошел высокий мужчина. Черные одурманенные глаза смотрели на нее с каким-то бешенством. Он бросился на колени, как исполнитель грузинского танца перед своей партнершей, и стал ловить ее соблазнительные ноги, чтобы покрыть их поцелуями. «Дива! Дива! Дива!» — задыхался он. К этой паре — поющей на столе женщине и стоящем перед ней на коленях мужчине — с недовольным видом приблизился метрдотель. «Господа! Прошу прекратить ваш шабаш», — потребовал он. Поклонник Врубельской решительно вытащил из кармана сто долларов, сунул ему в руку и бросил: «Отстань! Дай покуражиться!» Метрдотель обомлел. Не желая возвращать деньги, он в то же время не знал, как поступить. Лицо кавалера налилось кровью, он метнул на метрдотеля неистовый взгляд. Еще минута — и поклонник молодой дамы готов был сокрушить своего противника с такой же иступленностью, с какой Абрам Балашов набросился в Третьяковской галерее на картину Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Служитель питейного заведения дрогнул и ретировался. Публика зааплодировала. Начался новый виток куража. Как тень плывет по стене, так и Яна Врубельская плавно соскользнула со стола в распростертые объятия кавалера. Мужчина и женщина рухнули на пол в долгом поцелуе. Могло показаться, что

это — заготовленный эстрадный номер. Но эта была обезумевшая страсть. Публика опять зааплодировала. Послышались выкрики: «Горько!» — «Браво, крутые!» — «Дальше, дальше! Еще!»

В этот момент порог ресторана с профессиональной опаской переступал Юрий Алтынов. Он был свеж и элегантен, внешне застенчив. Со смущенной улыбкой он исподлобья стал рассматривать присутствующих. Его акулий взгляд плыл по лицам гостей «Желтого моря» медленно, совсем как камера в программе Савика Шустера перебирает лица приглашенных на ток-шоу «Глас народа». Взор Алтынова застрял на смуглой, раскосой узбечке с налитой полуоткрытой грудью. Он тут же получил удар магическим током, природу которого никак не удастся открыть ученым мира. «Прелесть! Надо узнать, кто она такая, это сокровище». Дальше его взгляд встретил приятеля Мельяна. «Мишка верен жанру. Всякий раз вижу его с новой очаровашкой», — отметил Алтынов. Он поднял руку. Михаил Мельян повторил приветственный жест. Они поняли друг друга и улыбнулись. Наконец, на полу он увидел Врубельскую. Она страстно обнималась с мужчиной. «Женщина — огонь!» — подумал он, подошел к ее столу, сел и, не обращая никакого внимания на эскапады своей партнерши, поднял палец. К нему подбежала официантка. «Чем могу вам угодить?» — «Принесите, пожалуйста, «Hennessy» XO». Врубельская услышала голос шефа, оттолкнула поклонника, быстро встала, оправила платье и села рядом. «Это еще кто?» — опешил встревоженный кавалер. — «Это мой шеф! Хватит, набаловались. Пока! Когда-нибудь свидимся». — «Ты что, этой ночью не со мной останешься?» — «С чего ты взял? Проваливай! Меня ждет деловой разговор». — «А я тебя не отдам!» — поклонник побагровел, его глаза нали-

лись злостью. Врубельская нагнулась, несколько раз коротко чмокнула кавалера и бросила: «Запиши мне свой телефон. Обязательно позвоню». — «Не обманешь?» Впрочем, она уже не слушала его, а целиком переключила свое внимание на Алтынова. «Эротика и водка дают прекрасную расслабуху. Ну что, отошла?» — «Да! На душе стало спокойней. Ты не на минутку здесь засиял? Мне необходимо серьезно потолковать с тобой». — «Я целиком в твоём распоряжении». — «Ты что, начинаешь копировать криминальные фильмы? Зачем ты послал меня на этот мерзостный спектакль? Что, Чертоляс сам не мог подложить эту дискету? Чертоляс, Козило, Иванов, Петров — вон сколько их у тебя! Поручил бы мужикам такую незамысловатую работу. Есть такое понятие — «переигрывать». Так ты, господин Алтынов, начинаешь переигрывать самого себя. Тебе хочется вносить в сценарий современные элементы. Но так ли они новы? Я говорила тебе в поезде «Ростов — Москва», что соглашаюсь на тебя работать, если буду вне криминала и насилия. Я дала согласие участвовать исключительно в интеллектуальных играх! А что ты мне сегодня преподнес? Отрывок из чужой игры, эпизод без сценической логики. Кровь, выстрелы, трупы — это же совершенно не мое. Я ведь женщина!» — «Ты очень убедительно доказывала это сейчас на полу. Яна, жизнь быстро меняется. Артисты нашего театра должны владеть всеми приемами современного искусства преуспевания, быть готовыми к любым мизансценам». Алтынов глотнул коньяк и продолжал: «А вообще ты права. Это дурацкое задание — вложить кассету в карман убитого — я мог бы поручить кому угодно. Но такой мой поступок разве можно было бы назвать движением к мастерству? Никогда! Успех достается лишь благодаря высшему профессионализму. А я хочу видеть тебя имен-

но в этом качестве. Хочу быть уверенным, что ты не дрогнешь перед самым сложным заданием. А проникновение в глубины предметов и обстоятельств — это бесподобный родник мастерства. Кто в дороге задержится, сидя на замшелом камне, тот сам покроется дремучим мхом. Яна! Мы оказались на пороге невероятных возможностей. Я хочу, чтобы за тобой навсегда сохранилась заглавная роль. Статус примадонны! Завтра ты станешь активной участницей второго действия мелодрамы. Необходимо прижать к бортику одну ведьму, выбить ее с рынка услуг и вытрясти из нее пару миллионов. Но это не главное. Спектакль будет стартом грандиозного марша по богатейшим особнякам мира. А нашей путеводной звездой станет всемирно известный богач, князь Андрей Константинович Иверов».

Великолепный психолог и артист, господин Алтынов на этом месте мечтательно замолчал, чтобы последние слова поглубже проникли в сознание молодой женщины. Наконец озадаченная Врубельская пришла в себя. «Никогда о нем не слышала. Откуда взялся этот миллионер?» — «Миллиардер! Он из Ниццы. Французский аристократ». — «Как мы его достанем? Билет до Ниццы просто так, как до Петушков, не возьмешь». — «Он в Москве. В клинике С-ско-го». — «В психушке?» — «Да! Но завтра мы его освободим». — «Представляю, сколько там миллиардеров и князей». — «Нет, нет, все точно». В этот момент к столу подошла официантка и молча положила рядом с молодой дамой свернутый лист бумаги. «Можно взглянуть?» — «Конечно! Твоему кавалеру не хватает выдержки». Врубельская развернула записку, улыбнулась и опустила в сумочку. «Итак, завтра продолжим работу над пьесой «Удавка гиены». Первым на антигероиню выхожу я. А ты пока работаешь с Чертолясом». — «Шеф, смазливое восточное личико за соседним

столиком пристально наблюдает за тобой. Но почему она с мужчиной?» — «По работе ты меня поняла? Больше не обижаешься?» — «Нет, нет, все О'кей!» — «Теперь о делах сердечных. Смотрит, говоришь?» — «Еще как! Влюбилась!» — «Счастливо, дорогая. Ночью делай все, что пожелаешь, но утром, трезвая, ты должна быть в отделении милиции. Подойди к узбечке. Не буду учить тебя, как себя вести. Шепни ей: я жду ее в автомобиле. Номерной знак 033. Она попадалась тебе на глаза?» — «Нет, впервые вижу!» — «Ну, прощай! Я заплачу!» Алтынов поднялся и направился к выходу, сделав знак официантке, приготовить счет.

Врубельская взглянула на себя в зеркальце, провела рукой по бровям, медленно поднялась и направилась к юной даме с восточным лицом. Она подошла прямо к ней, обняла ее, всмотрелась в глаза и сказала: «Рада видеть тебя. Как дела?» — «Отлично!» — «Может, выкурим сигаретку и посплетничаем?» — «Ты не против?» — спросила узбечка своего спутника. — «Только недолго». Две женщины направились в курительную комнату. По дороге Врубельская дала знак своему кавалеру, чтобы он следовал за ней. «Слушай, подруга, Юра ждет тебя в машине. Что будешь делать?» — «Так сразу?» — «Да!» — «А где автомобиль?» — «У входа. Это черный «Мерседес». Номерной знак 033». Тут подошел Янин поклонник. «Что у тебя на уме?» — «Танго танцевать можешь?» — «Могу!» — «Так, чтобы голова кружилась всю ночь?» — «Голова будет кружиться, а тело — стенать!» — «Уверен?» — «Сто процентов!» — «Поехали!» — «Куда?» — «Черт возьми! Сам думай». — «А, понял! — расплылся он в улыбке. — А то я собрался уже тебя колотить. Думал, обманешь». — «А мне что делать?» — спросила узбечка. — «Решай сама». — «У меня сумка осталась на столе». — «Что за проблема. Там документы?» — «Нет! Всякая

всячина и немного денег». — «Он возместит тебе в сто раз больше. Бросай и мужика, и сумку». — «Ты уверена?» — «Абсолютно. Возьми мою карточку, в ней указан мой телефон». — «Подведи меня ближе к лестнице». — «О'кей. А ты готов?» Мужчина хотел было поднять Врубельскую на руки, но она воспротивилась. — «Быстрее, не то кавалер моей подружки устроит нам сцену ревности».

Через минуту два автомобиля отъехали от ресторана «Желтое море». Один свернул в Казачий переулок, другой — на Большую Ордынку.

В понедельник, первого июля, в десять часов утра господин Алтынов сидел за чаем в своем излюбленном месте, в гостинице «Мэриотт» на Петровке. Он ждал Вараксину. Софья Никандровна запаздывала. Она не совсем понимала смысл встречи, и поэтому не очень торопилась. Алтынов был спокоен и за завтраком просматривал свежие газеты. Летом 2002 года москвичей как никогда раньше интересовал перспективный прогноз погоды. За последний месяц в городе не выпало и капли дождя. Начинали гореть торфяники. Что будет с погодой в ближайшие дни — вопрос, который волновал многих. Алтынов съел омлет, выпил стакан свежевыжатого сока, заказал кофе. Было уже двадцать пять минут одиннадцатого. У молодого человека стали возникать подозрения, что объект атаки может не явиться. В этот момент к нему подошел официант: «Вас спрашивает дама». — «Она не желает сесть за стол?» — «Нет!» — «Она хочет, чтобы я подошел к ней сам?» — «Она на этом настаивает!» — «Проводите меня. Я не знаю, как она выглядит». Алтынов встал и двинулся за официантом. Они подошли к худющей женщине с изрытым оспой лицом. Вараксина стояла у вазона с желтыми хризантемами. «Это господин Алтынов», — поклонившись, сказал официант. — «У

меня мало времени. Рассказывайте суть проблемы. Учтите, я дорогой консультант». — «Я уже приготовил вам пять тысяч долларов за пятнадцать минут беседы. Прошу вас, давайте сядем за стол. Там у меня некоторые документы, с которыми хочу вас ознакомить». — «Имейте в виду, что этот скромный гонорар не обязывает меня к каким-либо конкретным шагам. Моя помощь или участие в разрешении ваших проблем оцениваются по другому тарифу. Вы знакомы с Рязанским? Он заплатил мне три миллиона долларов! Но все его проблемы я решила! Посмотрите, как он теперь развернул свой бизнес. Душа не нарадуется. Вам известен господин Градов? Он боялся на улицу нос высунуть. Задолжал всей России. Шутка ли, такой банк развалил. За ним шла охота от Калининграда до Владивостока. Пять миллионов долларов — и мужик расцвел! Опять в федеральной тусовке. Деньгами ворочает немеренными. Вам понятно, с каким масштабным человеком вы общаетесь?» — «Ой, не пугайте меня, госпожа Вараксина. Такие имена, такие суммы. Просто дух захватывает. Прошу вас, пожалуйста, к столу. Я пройду вперед. Скажите, Софья Никандровна, неужели за три миллиона долларов можно было расчистить завалы Рязанского? Или за пять миллионов — Градова? Они задолжали субъектам хозяйствования и частным лицам сотни миллионов долларов! Не обманули ли они вас такими скромными пожертвованиями?» — Хитро взглянул на Вараксину господин Алтынов. — «Люди, с которыми я их свела, конечно, получили с них десятки миллионов. Но это уже не мой бизнес. Свое дело я сделала».

Они присели к столу в огромном зале. Высокий, за тридцать метров потолок глушил слова. «Что вам заказать, умнейшая женщина?» — «Натуральный сок из киви. Итак, я слушаю вас». — «Вчера вечером на Лесной улице были

убиты два бандита ...» — «Молодой человек, уличным криминалом я не занимаюсь». — «Прошу минутку внимания, речь пойдет совсем о другом». — «Продолжайте». — «Спасибо. Итак, двое были застрелены, а третий сбежал. Банда занималась похищением людей и вымогательством. В кармане одного из убитых нашли кассету. В присутствии следователей, прокуроров и понятых ее занесли в протокол. А позже прослушали. Она нас очень заинтересовала. Я бы хотел, чтобы вы послушали некоторые фрагменты из записанных материалов. Если вы не против, я включаю диктофон». «... Я получила от высшего руководства мандат на твою жизнь, Иверов, — вдруг услышала госпожа Вараксина собственный голос. — Или ты станешь подчиняться моим указаниям, или тебя разрубят, как свинью на шашлык и продадут с придорожных мангалов трассы Москва — Рязань... Хочешь остаться живым и выйти на волю? Срочно предоставь мне эксклюзивную доверенность на управление всем твоим имуществом и банковскими активами. Тогда я гарантирую тебе жизнь и свободу ...» — «Но это же вульгарный рэкет». — «Нет! Это российский бартер! Ты мне деньги, а я тебе — жизнь!» Лицо Вараксиной исказилось. Глаза налились гепатитной желтизной. Она уставилась на молодого человека, соображая, в какой ситуации оказалась. «Сегодня поутру следователь Чертоляс, который к вам относится с чрезвычайным уважением и глубокой симпатией, взял письменное объяснение у госпожи Шиндяпкиной, признавшей лживость и несостоятельность своих свидетельских показаний. А господин Иверов подробно рассказал о вашем с ним разговоре. На этой встрече присутствовал юрист французского посольства господин Люсьен Гайон. Текст заявления господина Иверова теперь срочно переводится на французский язык и через двадцать

минут, ровно в девять часов утра по европейскому времени, будет лежать в Париже на столах министра иностранных дел, генерального прокурора и министра внутренних дел. Посол Франции в России господин Бланшмезон попросил о встрече с официальными представителями МИДа, чтобы выразить официальный протест французской стороны по этому поводу. В двенадцать часов по московскому времени Жак Ширак будет звонить президенту Путину, чтобы выяснить судьбу господина Иверова, известного гражданина Франции. У вас, дорогая Софья Никандровна, около тридцати минут времени. Если в одиннадцать пятнадцать у меня не будет трех миллионов долларов, то мощная машина власти двух стран начнет набирать обороты, и уже в четырнадцать часов вам придется алюминиевыми приборами хлебать гастрономические деликатесы Бутырской тюрьмы. Связь с убитыми бандитами усугубляет тяжесть вашего положения. Разрешите передать вам в следственный изолятор сдобные сухарики? В тюрьмах во все времена ценилось внимание со свободы. Повторяю, у вас тридцать минут ... Вам еще необходимо успеть написать заявление на имя капитана Чертоляса, в котором вы укажете, что на очной ставке с Иверовым вы не признали в нем грабителя и насильника. Иначе у вас возникнут проблемы по статье 129 — клевета. Думайте!» Это был сильнейший удар по королеве провокаций. Вараксина была повержена. Впервые в жизни она оказалась в роли жертвы. В положении затравленного зверя. Поначалу она стала перебирать в памяти крупных людей из властных структур, к которым можно было бы обратиться за срочной помощью. Но алтыновский набор улик и аргументов обезоружил ее. Ситуация была проигрышной по всему спектру и защиты, и контрнаступления. «Может, связаться

с тамбовскими? Но что они могут сделать, кроме как оторвать головы у этого негодяя Алтынова и его друзей!» Ее практический ум, умение здраво анализировать ситуацию подсказывали, что надо срочно отдавать деньги, жадность вынуждала торговаться и снижать цену, а уязвленное самолюбие толкало к размышлениям о мщениии. «Я рассчитаюсь, погашу этот пожар, вскрыю этот гнойный нарыв, выясню имена организаторов этого наезда. Я буду жить мыслями о реванше! А к рождеству закажу их головы. И тогда родственники получат новогодние подарки. Головы в ведрах. Головы в хлорке! Вместе с отрубленными пальцами, которые прикасались к моим деньгам. С отрезанными языками, при помощи которых они посмели говорить со мной с позиции силы. С искусанными крысами ушами, которые слышали мое унижение!» — «Алтынов! Ты переиграл меня! Но трех миллионов я тебе не соберу. Давай торговаться. Опускай цену. Я дам тебе триста тысяч долларов, и забудем этот инцидент. Как тебе предложение?» — «Софья Никандровна, осталось двадцать семь минут. Я не блефую и не торгуюсь. Надо уметь проигрывать. Впрочем, не уговариваю. В нашем бизнесе это занятие не имеет никакого смысла. Если вы профессионал, то сами поймете: не предоставите требуемой суммы в назначенное время, тогда уже ни за десять, ни за двадцать миллионов машину власти и прессы не остановить!» — «Должна же быть скидка для женщины! Раздавленной и униженной! Которую ты смял, как половую тряпку. Даю миллион долларов!» Алтынов демонстративно закрыл уши и отвернулся. Вараксина показала ему два острых, как карандаши, пальца. Алтынов закрыл глаза салфеткой. Женщина три раза громко стукнула по столу. Алтынов молчал. Вараксина с ненавистью толкнула его в плечо и выкрикнула: «Поехали!» — «Куда?»

— «Я не привыкла носить в кошельке такие суммы. На Делегатскую улицу! Тебе же нужны деньги! Но они еще застрянут в твоём горле!»

«Опасная стерва!» — подумал Алтынов.

Глава XXXIII

Тридцать килограммов стодолларовых ассигнаций, упакованных в две коробки из-под бананов, были размещены в багажнике «Мерседеса». Сложенное вдвое заявление Вараксиной о том, что Иверова она никогда не видела и не имеет к нему никаких претензий, лежало в верхнем кармане рубашки. Юрий Алтынов в машине был один. Он никогда не позволял себе в деликатных делах, подобных тому, какое он давеча состряпал с Вараксиной, брать с собой подельников. Два автомобиля охраны всегда находились в сотне метрах от него, а всю основную работу молодой человек предпочитал делать самостоятельно. Теперь он несся на Плющиху в банк «Коммунар». Нужно было срочно депонировать три миллиона долларов наличности в собственных ячейках финансово-кредитного учреждения. В сам банк Алтынов не собирался заходить. Он должен был скинуть ящики Платону Буйносову, который ожидал его во внутреннем дворе банка, а потом направиться в психиатрическую клинику С-кого. Там его ждали следователь Чертоляс с постановлением об освобождении Иверова и юная барышня Мила Семирадова. На Зубовской пло-

щади он свернул направо, обогнул памятник Льву Толстому, миновал корпуса Первого медицинского института, а за фасадом здания главного штаба ВВС опять свернул направо и въехал во внутренний двор банка «Коммунар». «Привет, Платон Филиппович!» — вылезая из автомобиля, бросил Алтынов. «Здорово, дружище». — «Пусть мужики выгружают из багажника вараксинские деньги. Нашел виллу Иверову?» — «Минуту назад подтвердили аренду загородного дома бывшего спикера Государственной Думы Окунева. Двадцать тысяч долларов в месяц. «БМВ» седьмую модель с шофером я уже подослал к клинике. Вот, передай князю и Семирадовой мобильники. Пин-код и номера телефонов указаны на конверте. Что надо еще?» — «Пожалуй, все неплохо. Я возьму пару пачек долларов для нашего француза и барышни». — «Думаю, что деньги он не возьмет. Я уже пытался...» — «Кому, мне откажут? — искренне удивившись, перебил Алтынов. Неужели такое может быть? Ты хочешь сказать, что есть человек, которому я не смогу навязать свою волю? Созвонимся! Я поехал!» За руль алтыновского «Мерседеса» сел его водитель, который находился в машине охраны, и автомобиль понесся в сторону клиники С-ского.

Семирадова стояла рядом с входом в психиатрическое лечебное заведение. «Я обещала Иверову быть у него поутру. Сейчас уже скоро час дня. И совершенно неизвестно, когда я окажусь у него. Раньше никогда не задумывалась о личной свободе. Теперь понимаю, как важно ощущать себя независимой. Через силу приходится повиноваться наставлениям Буйносова. Он потребовал, чтобы я ожидала Алтынова и целиком подчинялась лишь его указаниям. «Без него ни шагу», — кричал он в трубку. Но как

это мучительно тяжело: сердцем стремиться к Иверову, но сдерживать порыв из-за необходимости повиноваться. Видимо, в моей душе впервые после знакомства с Иверовым столкнулись влечение к человеку, чувственная тяга к нему и обязанность наемного работника, служебный долг. Может, отбросить прочь все условности? И пойти к нему, не оглядываясь на Буйносова? Я смогу заставить себя сделать это, но тут же получу двойной удар по нервам. Первый — сама встреча с Иверовым, которая, конечно, вызовет во мне душевное смятение. Второй — мысль о том, что я нарушила обещание ждать Алтынова, сведет меня с ума. А если сам Буйносов появится в комнате свиданий и выскажет мне свое недовольство по поводу слушания, то я просто помру на месте. Вот напасть! Выросла в сиротском доме, а ранима, как воспитанница пансиона благородных девиц. Стоило бы научиться быть менее чувствительной и более независимой. Иначе придется часто наступать на грабли. Но можно было бы передать ему записку, что я нахожусь перед клиникой и по поручению Платона Филипповича жду Алтынова? Было бы тактично поступить именно так, но писать, что «по поручению Буйносова я перед воротами психиатрической больницы жду Алтынова», — громоздко и совершенно непонятно. Что он подумает? Я обещала прийти к нему, а полдня ожидаю у входа неизвестно чего. Да знает ли он вообще Алтынова? Судя по вчерашнему разговору в ресторане «Карпаччио», — нет. Тогда зачем ему кроссворды? Нет уж, если суждено ждать и подчиняться приказу шефа, то необходимо нести это ярмо. Но надо в себе воспитывать новые качества и изменяться. Не ожидала, что знакомство с Иверовым породит такие переживания. Может быть, это и есть серьезная увлеченность... А если это настоящая любовь?» Барышня порази-

лась своему неожиданному риторическому вопросу. Нежная улыбка озарила ее лицо, глаза засверкали. Щеки заалели румянцем. Семирадова смутилась. Ей захотелось тут же спрятать лицо, чтобы никто не видел ее замешательства. «Неужели это правда? Неужели? — волнение охватило ее. — А я все переживала, опасаясь, что это чувство никогда ко мне не придет. Но, может быть, это другая любовь, христианская? Любовь к ближнему? Сострадание к скорбящему, страждущему? Об этом в Библии много сказано. Ведь скорбь Иверова, находящегося под замком в таком жутком учреждении, должна быть чрезвычайно глубокой. А я его горе, тоску и страдание воспринимаю как собственные. Не в этом ли суть христианского учения? Так что же делать?» Будь у нее зеркало, юная барышня увидела бы собственное лицо в глубокой задумчивости и унынии. Вдруг прямо у входа в клинику С-ского остановился черный «Мерседес» класса С. Из него вышел Алтынов. Он поднял руку, приветствуя молоденькую женщину, и тут же завязал беседу с двумя мужчинами. Семирадова видела этих людей впервые. Один из них был следователь Чертоляс.

Как обычно, Прохор Петрович был одет несколько экстравагантно. На нем была оранжевая сорочка с павлиньим хвостом на спине, голубые джинсы, из-под манжет которых виднелись белоснежные носки, и зеленые башмаки с красными под рубин искусственными камнями на мыске и заднике. Говорили, что сам Модашкин сочинил такую свехоригинальную обувь. Семирадова не позволила себе подойти к мужчинам. Она стояла поодаль и ждала приглашения. «Вот, бери постановление и освобождай Иверова! — бросил Алтынов. С улыбкой счастливчика он подошел к Миле и вручил документ. — С тобой пойдет наш адвокат Иван Сергеевич Неупокоев. Через десять минут

князь будет свободен. Забирай его, и едем в Барвиху. Буй- носов снял для вас роскошный особняк прямо в лесу». — «Прошу прощения, на каком основании вы так бесцеремонно распоряжаетесь мной? Я обещала Андрею Константиновичу быть у него сегодня поутру. Но не больше. Далее, в качестве кого вы меня приглашаете? На роль ученицы игрока фондового рынка? Иверов больше играть не станет. Я недостаточно знакома с Иверовым и с вами, чтобы принимать такие дерзкие приглашения. Поехать в загородный особняк — с какой целью?» — «Дорогая, справедливая, обиженная, рассерженная Мила Георгиевна! Вы совершенно правы. Все ваши упрёки обоснованны. Но у нас тут случай особый. Мы спасаем из заключения уникального человека. Мы освобождаем из психиатрической клиники тюремного типа известного во всем мире финансиста. Этот симпатичный чудаковатый человек, проведший в российской психушке несколько дней, нуждается в срочной помощи. Мы должны, мы обязаны адаптировать его к миру привычных вещей и психически здоровых людей. Вы понимаете, что значит здоровому находиться среди сумасшедших? Вы когда-нибудь встречались с психами? Один душит человека, а ему кажется, что он его ласкает. Другой обливает приятеля кипятком, а ему чудится, что угощает его чаем. Третий смотрит на благородное лицо, а ему видится морда хищного зверя, и от ужаса он прыгает с девятого этажа. Мила Георгиевна, нам известно, что Иверов симпатизирует вам. Так что же в этом дурного, если мы все вместе направимся в загородный дом, чтобы привести Андрея Константиновича в чувство? Чтобы вырвать его из атмосферы видений и грез, из мира, где правит болезненный распад и помраченный разум, и водворить в реальность, в мир людских забот, в среду христианского благодушия? Вы

штудируете сейчас Евангелие, значит, наш проект должен быть созвучен вашей культуре и духу милосердия». — «Откуда он знает, что я читаю Библию?» — недоуменно подумала Семирадова. «Вам будет легче найти свой собственный мотив, чтобы всем сердцем одобрить мое предложение, если вы вспомните библейскую притчу «О милосердном самаритянине». Забота о ближнем является главным постулатом человеческого милосердия. Этот вишневый «БМВ» в вашем распоряжении. Шофер подчиняется лишь вашим приказам. Я советую вам поступить следующим образом: вот вам тридцать тысяч долларов. Не торопитесь отказываться. Это деньги не для вас лично! Возьмите два мобильных телефона. Один вам, другой — ему. Номера и пинкоды указаны на листочках. Заезжайте с Андреем Константиновичем в супермаркет. Приобретите ему белье, одежду, туалетные принадлежности. У него ведь совершенно ничего нет! А после пребывания в казенном доме необходимы сауна и свежее платье. По дороге в Барвиху посетите Дорогомилровский рынок. Пробудите в нем чувство голода. Возбудите в Иверове аппетит гурмана, привычку вкусно поесть, облизывать пальчики. Покупайте самые изысканные деликатесы из южных регионов бывшей империи. Мясистые помидоры и хрустящие огурцы из плодородной Ленкорани. Букет всяческой зелени, душистых пряностей и ассортимент сыров из хлебосольного Зестафони. Красный лук и жгучий перец с крутых ялтинских склонов. Налитые гранаты и гроздья винограда из бархатной Вахшской долины. Muskуную косулю с красных скал Тянь-Шаня. Парную телятину от бессарабских гагаузов и свежайшие грибы из буковинских лесов. Белужью икру из прикаспийского Гурьева. Бастурму и суджук из древнего Помри. Медовые дыни и сахарные арбузы из вечного Самарканда.

Тающую во рту туту с Аюдага. Королевскую форель из волшебного Иссык-Куля. Пятнистую барабульку из уловов скорбящих рыбаков Сухуми. Серебристую кефаль из изумрудного озера Палеостоми. Нежнейшие абрикосы из мифической Араратской долины. Сказочные персики из потемкинской Таврии. Пьянящий кумыс из текинского оазиса. Золотистого фазана с берегов Тисы. Таких яств не пробовал ни один богач мира. Это наше достояние! Покупайте сами. Не спрашивайте совета Иверова. Вы у себя в стране, в своем городе, на знакомом базаре. Он иностранец. Он не знает наших вкусов! Он никогда не пробовал настоящих деликатесов. Сколько ни плати на рынках других городов мира, такой снеди — душистой, сочной, смачной, сверкающей, с кислинкой, с горчинкой, со сладостью, аппетитностью, — такой полифонии вкусов и запахов не найдешь! Не смотрите на князя как на кавалера! Не признавайтесь себе, что он вам симпатичен. Не ловите его взглядов, не осыпайте его комплиментами, не балуйте излишним вниманием, что свойственно нашим женщинам в общении с иностранцами. Смотрите на него, как монахиня на прихожанина храма, как менеджер на клиента, чтобы во всем угодить ему, но не выдать личной симпатии или презрения. Попробуйте почувствовать себя директором. Из вас двоих — вы начальник! Вы хозяйка! Вы сами решаете, что купить, куда ехать и сколько платить. Согласны ли вы с таким багажом наставлений помочь Иверову? Уверен, что многое из сказанного — совершенно ново и для вас, и для вашего склада ума. Что скажете, Мила Георгиевна? Ну, как, вперед?..» Молоденькая женщина молчала. Господин Алтынов обрушил на нее столько невероятных поручений и задач сразу, что она совсем растерялась. Ее голова кружилась, словно в невесомости. Мысли потеря-

ли всякую связность, напоминая клубок из обрывков разноцветных ниток. Алтынов увидел ее растерянность и решил действовать. «Неупокоев! Пройдите с госпожой Семирадовой в администрацию клиники. Предъявите им постановление следователя и заберите Иверова. А вы, пожалуйста, — обратился он к барышне, — немедленно помогите Андрею Константиновичу ощутить свободу. Дайте ему упиться ароматом барвихинских сосен, вдоволь полакомиться деликатесами дорогомиловского рынка, вжиться, вчувствоваться в дружескую атмосферу, которую мы создадим для него. Свобода должна опьянить его, как бутылка французского вина «Мутон Ротшильд», как голос Соткилавы, как хореография Григоровича, как хирургическая магия Бокерия». После этих слов он взял Семирадову под руку и повел ко входу в психиатрическую больницу. Она не сопротивлялась. Казалось, алтыновский гипноз поработил все ее существо. Если час спустя молодую женщину кто-нибудь спросил бы, о чем она думала, входя в клинику С-ского, она развела бы руками и не смогла бы найти слов. Сейчас ее занимал лишь брошенный Юрием Алтыновым требовательный призыв: «Немедленно помочь освобождению Иверова». Этот императив подчинил все ее сознание. Семирадова покорила ему, как повинуются неоспоримой истине, как следуют захватывающей идее. Именно тут молодая женщина всем сердцем осознала, что симпатии к Иверову придадут ее стараниям невиданную силу. Семирадова стряхнула с себя оцепенение. Она как бы очнулась, осмыслила свою роль. Барышня заторопилась в администрацию, чтобы быстрее избавить князя от заточения в камере психиатрической лечебницы. Предстоящее освобождение Андрея Константиновича наполнило ликованием все ее существо. Неизбывная потребность в свидании с

ним завладела ее душою. Следуя указателям, она буквально вбежала на второй этаж прямо в кабинет директора. Адвокат Неупокоев еле поспевал за ней. В приемной за рабочим столом сидела блондинка. Мила Георгиевна остановила свой полный нетерпения взгляд на миловидной секретарше и быстро сказала: «Мы пришли освободить Иверова. У нас постановление следователя». Бесспорное достоинство секретарши заключалось в том, что она научилась слушать и понимать самых разных посетителей. «Пожалуйста, предъявите ваши бумаги». Семирадова суколом уставилась на адвоката. «Почему он медлит?» Господин Неупокоев действительно не торопился. Его полный рабочий день стоил пятьсот долларов. И он никак не хотел его сокращать. Адвокат устроился на стуле и не спеша стал копаться в своем портфеле. Он перебрал кучу бумаг, но почему-то никак не мог найти нужный документ. «Минутку! Еще минутку», — то и дело повторял он. «Скажите, — вдруг обратился господин Неупокоев к секретарше, — как вы кормите своих пациентов? Голодных бунтов не случается?» — «Что вы такое говорите? Я вас не понимаю. У нас в учреждении строгий режим, кормежка по утвержденному рациону», — с обидой в голосе сказала секретарь. Жизненная философия таких людей, подобных Неупокоеву, выражалась самым что ни есть лакейским образом. С работодателем и сильными мира сего он был предельно обходителен, услужливо вежлив, расточал показную добродетель. Иван Сергеевич любил похвастаться, что является спонсором калужского сиротского дома или что он пожертвовал златоустовским инвалидам чеченской войны триста месячных путевок в санаторий «Прибой» в Анапе. Если бы какой-нибудь чудак решил проверить эти его возвышенные рассказы, то быстро убедился бы, что Не-

упокоев, или, как его называли за глаза, «чемодан», был искусным выдумщиком. Чтобы выглядеть в глазах людей лучше, чем он был в действительности, Неупокоев шел на самые скверные уловки. Слюдьми же, от которых Иван Сергеевич не имел никакого проку, он был груб и циничен, всегда готов вздорным словом и тоном унижить человеческое достоинство. «Вы тут наговорите, будто у вас не психушка, а виповский санаторий. Что, из кухни мясо не крадут? А постельное белье не списывается на собственные загородные дачи? Знаю я вашего брата! В бюджетных структурах окопались одни воры», — прогнусавил он. «Прошу прощения, вы с чем к нам пожаловали? У меня нет никакого желания общаться на посторонние темы. Если не прекратите оскорбления, обращусь к охране», — приветливое выражение лица блондинки сменилось презрительным, уголки рта опустились, ноздри дрожали. Она уткнулась в экран компьютера, чтобы оборвать общение. «Почему вы взяли такой странный тон? Я исправный налогоплательщик и юрист, у меня могут возникнуть вопросы о методах контроля бюджетных средств. Что здесь оскорбительного?» — «Пройдите для этого в бухгалтерию», — резко бросила секретарша. Тут в разговор вмешалась барышня Семирадова: «Господин Неупокоев, пожалуйста, предъявите постановление об освобождении Иверова. Мы же пришли сюда именно по этому делу. Нам нужен Андрей Константинович». Адвокат нашел, наконец, документ и протянул его блондинке. Она взглянула на бумагу. «Ждите у выхода. Я все сама организую, — обратилась секретарша к Семирадовой. — Через пятнадцать минут ваш протест покинет клинику».

И он действительно вышел. Свобода не пробудила в нем ликования. Лицо князя осунулось, бронзовый цвет

кожи обрел болезненную бледность. Вокруг глаз появились темные круги. Черные с проседью жесткие волосы подросли и легли на уши. Одежда выглядела мятой, неопрятной, воротник распахнутой на груди рубахи был словно изжеван. Туфли растоптались и поблекли, задники разлезлись. Носков вообще не было. От прежней французской элегантности и респектабельности не осталось ни малейшего следа. Лишь спокойный, гордый взгляд, благородное выражение лица и независимая осанка выдавали бывшего Иверова. Щурясь от яркого солнца, князь осмотрелся. Он столкнулся взглядом с Семирадовой, и, наконец, его глаза потеплели. Андрей Константинович быстрым шагом подошел к ней. «Привет! Я ждал вас утром. Почему меня так неожиданно быстро освободили? Вам что-нибудь известно?» — «Вас не радует свобода? Андрей Константинович, пожалуйста, садитесь в машину. Надо срочно покинуть это проклятое место», — вступил в разговор Алтынов. «С кем имею честь?» — «Я ваш друг. Юрий Алтынов». — «Об этой дружбе мне еще ничего не известно. Куда вы меня хотите увезти? В настоящую тюрьму, в милицию, в другую психбольницу? Я слышал о клинике Кащенко. Говорят, любопытное учреждение». — «Кащенко? Что вы, упаси Бог! Нам необходимо соблюсти некоторые формальности, чтобы подобных историй больше не повторялось. Я вас оставляю, а Мила Георгиевна привезет в нужное место. До скорого свидания, Андрей Константинович». Алтынов похлопал князя по плечу и удалился. «Вы знакомы с этим господином?» — «Слегка. Он приятель Буйносова. Они вдвоем организовали ваше освобождение». — «Жаль. Мне было совсем неплохо в психушке. Поторопились господа! Переусердствовали. Я пожил бы там еще пару недель. Милейшие люди окружали меня. Не представлял, что в желтом доме может

быть так мило и занимательно». Барышня с недоумением посмотрела на него. «Чем можно восторгаться в психлечебнице? Что-то есть, есть, раз он так думает. Но что?» — подумала она. «Куда мы едем?» — «Алтынов дал денег, чтобы вас... прошу прощения, переодеть в свежее платье, — Семирадова отвернулась, чтобы не встретиться с ним взглядом, и залилась краской. — Купить аксессуары для ванны и сауны. Потом необходимо заехать на рынок и набрать продуктов к обеду. Затем мы должны направиться за город. Точная цель поездки в Барвиху мне не известна. Упоминали о вашей реабилитации». — «Алтынов сказал, что необходимо уладить некоторые формальности...» — «Поверьте, я ничего не знаю». — «Ну что ж, поехали. Только прямо на рынок. Переодевать меня в новую одежду совершенно не нужно. Я сам себя обслуживаю, и на мне все чистое. Согласен, что не отглажено, но новые истины, открывшиеся мне, подсказывают, что глажка вовсе не обязательна. У меня остались какие-то деньги. На кусок хлеба или банан мне хватит. От другой пищи я все равно откажусь. Но если вам дали поручение накрыть обеденный стол, то я готов помочь. Раньше мне нравилось ходить по рыбным и овощным рынкам. Имею некоторый опыт. Хочу признаться, что чрезвычайно рад вас видеть. Я уже думал, что напугал вас. Весьма благодарен, что не забыли навестить меня». — «Он говорит вполне искренно», — обрадовалась Мила Георгиевна. Князь заметил, что его слова произвели на барышню прямо-таки магическое действие. Глаза ее вспыхнули внутренним пламенем, лицо озарилось, засияло необыкновенной свежестью, восторженностью. В женщин с такой внешностью быстро влюбляются мечтательные и одухотворенные натуры. «Как она прекрасна!» — подумал Иверов. «В нашем распоряжении этот «БМВ», — потупив взор, сму-

ценно и еле слышно сказала она. — Поехали прямо на рынок? Или надо все же что-то вам подкупить?» — «На рынок!» — радостно воскликнул князь. «Чему я так возрадовался? — спросил он самого себя. — Общению с Семирадовой? Непостижимо! Неужели женщина наяву способна вызвать во мне такое смятение чувств? И впрямь сойдешь с ума! Что же мне нужно в этой жизни? Почему я никак не могу обрести себя? Меня бросает из стороны в сторону, как ветер срывает и уносит куски афиш. Может быть, действительно отдать себя целиком стихии страсти? Жить сиюминутным желанием? Следовать каждому, пусть и противоречивому, велению души? Голова идет кругом. Да о чем это я? Ведь моя душа указывает верное направление — через изнанку жизни в полную виртуальность. А знает ли она, что такое виртуал? У нее был такой влюбленный взгляд. Настоящий! За такой взгляд можно полцарства отдать! Вот, опять я за давнишнее. Хватит тебе, Иверов! Что, кроме денег, ты можешь предложить этой юной особе? Любовь? А на какое время? На одну ночь, неделю, месяц? Знания? Нужны ли они ей? Дружескую привязанность? Но в наших головах совершенно разные мысли. Да, она прелестна. Но имею ли я право в своем нынешнем состоянии сблизиться с этим невинным существом? Надо бежать! Дверь открыта настежь. Мир, богатейший мир изнанки жизни и виртуальных возможностей лежит передо мной». — «О чем он так крепко задумался? — встревожилась Мила Георгиевна. — Может, он чем-то рассержен? Злится? Видимо, я его обидела предложением купить новое платье. В нем столько гордости... Что будет, когда он совершенно износит свою одежду?» — «Андрей Константинович, вам передали мобильный телефон. Возьмите, пожалуйста». — «Зачем он мне?» Но тут князь увидел растерянное, беспомощное лицо

барышни и быстро забрал мобильник. «Еще расплатется», — подумал он.

Автомобиль развернулся над арбатским тоннелем и помчался назад к Смоленской площади, свернул направо и стал спускаться к Киевскому мосту. «Опять сбился с главных мыслей, — подумал князь. — Молчание затянулось, и это смущало Семирадову. «Надо заставить себя пообщаться с этим ангельским существом. А почему заставить? Все утро ждал ее, а теперь вынуждаю себя поговорить с ней. Может быть, в психушке у меня крыша поехала? Или это старый синдром: желаю того, чем не владею. Как только начинаю чем-то обладать, то радость обладания тут же пропадает. Изгой общества!» — тут он вдруг рассмеялся. Да так безудержно, что на глаза навернулись слезы. «Прошу прощения. Смешинка в рот попала. Вчерашние ваши ягоды были восхитительны. Вся палата благодарила вас. Спасибо! Такую клубнику во Франции не купишь. Интенсификация производства и стремление к сверхдоходам лишили клубничный куст индивидуальной обработки. У вас нет ни химии, ни техники. Вы все делаете руками. В результате — замечательнейший вкус. Кажется, погода тоже способствует клубничному Спасу. Вы сами-то клубнику любите?» — «Согласна с вами. Ранней весной и поздней осенью у нас действительно торгуют импортной клубникой. Но россияне редко покупают ее. В ней же совершенно нет ни аромата, ни смачности. Сама я клубнику ем редко. У меня на нее аллергия...» Тут Семирадова сконфузилась, запнулась и замолчала. «Почему я начал с клубники? Можно лишь вообразить, что она обо мне думает. Примитивный обыватель. Если бы мы встретились в Лондоне, то я спросил бы о погоде. Если в Париже — то о реформах французско-

го языка, а если в Берлине — о наводнениях лета две тысячи второго года. Фу, как это глупо! Какая сила заставляет меня общаться с ней на такой скучный манер? Я вовсе не хотел этого. А что это я сам себя накручиваю? Ничего особенно пошлого я не сказал. Поблагодарил юную даму за гостинец. Я же не мог знать о ее аллергии. Что здесь обывательского? Дело тут, видимо, в другом: чувствую, что Мила Георгиевна смущает меня, бередит мои мысли, обрекает на терзание души. Я боюсь с ней говорить. Мне кажется, что бы я ни сказал, все будет глупостью или пошлостью. Для меня это совершенно новый феномен. Никогда еще со мной такого не случалось».

Молодой мужчина сидел в «БМВ» на заднем сидении. Вид у него был задумчивый. Он нахмурился, черные глаза выражали вселенскую тоску. Князь уставился на московские дома, но, казалось, ничего не видел и был погружен в свои мысли. «Ему надо дать время прийти в себя, — размышляла Семирадова. — Он неплохо держится после заключения в таком страшном заведении. Кажется, он хочет помолчать. Помолчим! В четверг в офисе Буйносова он выглядел более решительно. Вчера в комнате свиданий института С-ского — несколько таинственно и загадочно, сегодня — стесненно и неловко». Тут она вспомнила его слова из какого-то вчерашнего болезненного монолога, когда он утверждал, что человеку нужно сотворить из себя Бога, и основательно напугал ее этими размышлениями. Всю ночь воспоминания о его не вполне понятных, виртуальных идеях мешали ей спать. Почти все, что приходило в голову, казалось ей продолжением болезненных мыслей болезненного господина Иверова. Тем не менее, ее природный ум схватывал какую-то едва уловимую суть сумбурного княжеского монолога. Тема и симптоматика

виртуализации экономики были ей знакомы. Но все остальное она слышала впервые. И чем больше времени отдавало ее от воскресной импровизации Андрея Константиновича, тем более притягательной становилась для нее суть новых иверовских идей. «Ничего себе призыв — стать Богом! — размышляла студентка вечернего отделения Московского университета. — А что, если он сам себя чувствует Богом? — Как же с ним общаться? Может ли психически здоровый человек ощущать себя Творцом? Если да, то я еще много не знаю и не понимаю. Не потому ли вчера сама судьба так неожиданно привела меня в церковь? Вручила в дар Библию, чтобы по-новому взглянуть на мир. Открыть для себя хранимые в веках истины. Что я знаю о них? Если цивилизации десять — пятнадцать тысяч лет, а я живу только двадцать один год... Чтобы охватить все — одной жизни никак не хватит!» Здесь мысли Милы Георгиевны вновь обратились к Иверову: «Неужели учеба в Сорбонне и в Гарварде, практическая работа на площадках мировых бирж, аристократическая среда и огромное богатство, привели его к такому печальному финалу? А может быть, это вовсе не финал, а старт? И не печальный, а дерзкий! Выстраданный умом и сердцем! Он же несколько раз говорил, что желает обрести новый смысл существования. Значит, это старт к чему-то совершенно новому! Очень важно понять, что это такое - научная мысль ученого-фантаста или фантазмагория больного воображения. Темы, которым он отдает предпочтение в своих раздумьях, вызывают у меня глубокую тревогу. Но вполне возможно, что эта внутренняя опасение — продукт незнания той материи, в которую он погружен. На самом деле, после ее изучения, может быть, я сама увлекусь подобными мыслями. Меня потянет в виртуальность, и я устремлюсь в бесконечность космоса, нач-

ну искать в себе Бога, чтобы походить на него. При всей странности и загадочности Иверова, меня влечет к нему, как неопытного вулканолога к открытому, выбрасывающему огонь кратеру. Я хочу приблизиться к нему, но в то же время боюсь получить ожоги. Мечтаю ощутить его неистовую энергетику, но опасаясь захлебнуться и погибнуть в лаве. Стремлюсь насладиться его постижением, но мне никак не хватает знания предмета. Воистину светел огонь этого человека — мощный, манящий, но опасный...»

В салоне автомобиля длилось молчание. Лишь кондиционер с едва слышным шумом нагнетал прохладный воздух. «БМВ» пронесся мимо Киевского вокзала и, нарушив правила движения, свернул налево. Через пару сотен метров он въехал на стоянку Дорогомиловского рынка. «Приехали», — слабым голосом промолвила молодая женщина. Она вопросительно взглянула на князя, словно спрашивая, выйдет ли он с ней или останется в машине. Угрюмый и задумчивый еще мгновение тому назад, Андрей Константинович, вдруг вздрогнул, очнулся, осмотрелся, широко улыбнулся и спросил: «Где мы?» — «Дорогомиловский рынок. Хотите пройти со мной за покупками?» Барышня заметила, что во взгляде князя заискрилась безудержная радость. «Чему он так радуется? — Не я ли причина этого? Никогда не видела такого восторженного выражения лица. Как молниеносно в нем все меняется!» — «Охотно! Но есть одна проблема: я еще никогда не покупал продуктов для незнакомых людей, я делал это всегда лишь для себя и многочисленных близких друзей. Как правило, на двух-трех человек. Для приемов и званых вечеров продуктовые проблемы решали мои помощники. Сколько человек придут на ужин?» — «Точно не знаю. Я слышала, что будут Буйносов, Алтынов, ваш приятель Мурашкин, гармонист

Гришка Кутерьма и еще несколько человек. Мне дали денег и приказали не скупиться на затраты». — «Но почему приказали? — в искреннем изумлении спросил он. — Приказ — это же военный термин. Или я чего-то не понимаю?» — «В дневное время я работаю у Буйносова, а в вечернее — учусь в университете. То есть у меня зависимое положение. У шефа я должна отпрашиваться на время сессий и экзаменов. Отношения между мной и работодателем регулирует не закон, а лично хозяин фирмы. К сожалению, это реалии сегодняшнего дня. Поэтому мной могут командовать». — «Жаль! Какая несправедливость! — пронеслось у Иверова в голове. — Дать ей денег, чтобы она обрела независимость? Чувствую я, она чудесный человек. Если бы я решил остаться в этом мире ценностей, то позволил бы себе влюбиться в нее по уши». — «Выйдем? С удовольствием посмотрю, как вы торгуетесь. Есть опыт в этом деле?» — князь с прищуром взглянул на молодую женщину. «Еще не пробовала. Посмотрим, что получится. Я получила подробный инструктаж, что именно покупать, чтобы удивить вас...» — «Мы договорились, что продукты к собственному столу я приобретаю самостоятельно. Мой рацион питания должен походить на освенцимский. Ничего лишнего: ни калорий, ни вкусовых ощущений, ни сервировки. Ровно столько пищи, чтобы не протянуть ноги от истощения. А жизнь мне нужна лишь для того, чтобы прийти до намеченной цели». — «Этот человек не создан ни для любви, ни для семейных отношений», — с сожалением подумала Семирадова.

Они вышли из машины и направились в крытый Дорогомилловский рынок. За ними потянулись азербайджанцы, предлагая свои услуги в качестве носильщиков. «Без тележки не обойдемся, — размышляла она. — Надо нанять

рабочего. Но сколько это стоит? Спросить у Андрея Константиновича? Впрочем, откуда он может знать, если лишь неделю живет в России. — Тут она вспомнила пылкую речь Алтынова, потребовавшего от нее создать для князя изысканный комфорт, чтобы социально реабилитировать его, пробудить в нем аппетит к деликатесам, помочь Иверову вернуться к прежним привычкам и человеческим желаниям. — «Может, мне отбросить все условности, подать ему руку помощи, чтобы он обрел себя прежнего? Я так заинтригована: каким же он был раньше?» Минуту спустя, она уже думала о другом: «Как того требовал Алтынов, придется стать директором, чтобы решать все вопросы, полагаясь лишь на свою интуицию». Мила Георгиевна самостоятельно вступила в разговор с носильщиками, наняла одного из них и направилась в сутолоку торговых рядов. Вспоминая экзотические названия, подсказанные Алтыновым, она обходила одного торговца за другим. Молодая женщина выбирала лучшие плоды, сбивала цену, покупала и взвешивала дары бывших провинций империи на свой страх и риск. Она была похожа на привередливую грузинскую пчелу, избалованную медоносами белой и желтой акаций, вереска, герани, и шалфея, а поэтому игнорирующую клевер, гречиху и подсолнух. Тележка носильщика наполнялась фруктами и овощами, дичью и рыбой, пряностями и бахчевыми. Андрей Иверов следовал за ней. Весь его бодрый вид показывал, что князя действительно увлек и заинтересовал богатейший столичный рынок. Его атмосфера и ритм, запахи и разнообразие товаров. Заискивающие, с едва заметной хитрецой лукавые лица торговцев и надменные или удрученные физиономии покупателей. Эта разница во внешнем облике одних и других вызвала в Иверове презрительную ухмылку. «Для людей массового со-

знания тратить деньги — это огромная душевная мука, а зарабатывать их — чудотворная сила, — подумал князь. — Вот она, обычная картина реальной жизни. Тот, кто отдает, печален, а тот, кто берет, радостен. Все чрезвычайно просто! По своей сути человек массового сознания так примитивен и узнаваем! Кто сомневается, пусть сравнит лица продавцов и покупателей московского, парижского, вашингтонского рынков. Увидит лишь два характерных образа. А Бог задумывал нас совсем другими: он мечтал, чтобы человек испытывал истинную благодать и наслаждение, когда он дарит кому-то самое ценное, сокровенное. Но тут очень важно не перепутать. Когда Наполеон Бонапарт слал со всех концов Европы фантастические дары красавице-графине Марии Валевской, то о чем думал император: бескорыстно положить к ногам этой замечательной женщины богатства мира или подношениями победить ее красоту и неприступность? Другое дело — основатель «Юнайтед Стейтс Стил корпорейшен», промышленник Эндрю Карнеги, безвозмездно передавший жителям Нью-Йорка величественное здание концертного зала. Или мой дальний предок князь Шереметев, соорудивший в тысяча восемьсот седьмом году на собственные средства в дар Москве Странноприимный Дом¹. Или господин Ангерстайн, презентовавший свою богатейшую коллекцию картин Национальной галерее Лондона. Или алюминиевый король Меллон, подаривший уникальное собрание живописи Национальной галерее искусств Вашингтона. А богоугодные дела Кресса, Дайла, де Бона, Ламбера, Сороса? А что же я сам? Стоимость всего вышеперечисленного вполне соизмерима с суммами моих пожертвований частным

¹ Ныне это московский Институт имени Склифосовского.

людям, общественным и государственным фондам. Надо еще подумать, какой след оставить в Москве, что подарить российского народу на века. Мне очень важно сделать это».

Тут князь справедливо рассудил, что вереница мыслей, пробужденная изучением физиономий игроков столичного базара, уводит его в сторону от текущих актуальных проблем. Иверов заставил себя остановиться, прервать свои размышления и продолжить наблюдение за барышней Семирадовой. Ее расторопность и энергичность неизвестно почему стали смущать князя. Он вдруг почувствовал себя обиженным. Ему хотелось, чтобы она постоянно обращалась к нему с просьбой о помощи. Чтобы она искала его глазами, спрашивала мнение, пыталась вызвать в нем интерес к своей личности. Но Мила Георгиевна самостоятельно, увлеченно, будто проделывала это десятки раз, покупала гастрономические изыски лишь изредка, казалось, ненароком, поглядывала на него. Ум, богатая интуиция молодой дамы, сочетались с умением соблюдать дистанцию и быть ненавязчивой. Андрей Иверов еще не знал, что такое русская женщина! Он еще полагал, что все женщины одинаковы! Что между ними нет никакой разницы. Какое заблуждение! Князь смотрел на нее сквозь рыночную толпу, стараясь не пропустить ни малейшего ее движения, ее мимики, выражения голубых глаз, колыхания волос. Он с каким-то доселе неизвестным ему упоением стал ловить обрывки ее речи, с мальчишеским упорством заглядывать в ее лицо, искать встречи с ее взглядом. Казалось, он забывал обо всем на свете, и ее поэтический облик пленял его с невероятной силой. В какой-то момент мужчина почувствовал, что воля его слабеет, что Мила Георгиевна заслоняет собою весь мир. «Как это бесподобно! Как восхитительно!» Андрей Константи-

нович забылся, словно узрев святое видение. Он потерял грань между вымыслом и реальностью и вновь провалился в отрешенность.

Лишь пару минут спустя Семирадова обратила внимание на глубокую задумчивость князя. Бледный, потерянный, в огромном пространстве бурлящего рынка, он, словно замороженный, неотступно следовал за ней. Интуиция подсказала молодой женщине, что лучше его не беспокоить. Уж очень подозрительно безумным казался весь его вид.

Закончив покупки, Семирадова села в машину. Князь молча последовал за ней.

«БМВ» покатил в Барвиху.

С болезненной сосредоточенностью Андрей Иверов уставился в окно. Ему казалось, что по восьмой дороге он едет из Марсея в Ниццу, чтобы перебраться в Россию.

Глава XXXIV

Увидев на пороге особняка господина Мурашкина, Иверов очнулся. Он весьма быстро пришел в себя, и его лицо мгновенно изменилось. Из хмурого, отрешенного Андрея Константиновича князь вновь превратился в самого себя: открытого, с горящими глазами, приветливого, добродушного человека. Он повернулся к Семирадовой и растроганно улыбнулся: «Простите. Со мной такое случается. Я погрузился в свои размышления и выпал из реального мира. Все утро мечтал пообщаться с вами, но, увы. Забылся! Надеюсь, что в следующий раз ничто не помешает нашей беседе. Так много хочется узнать о вас. Я так благодарен, что вы пришли. Огромное удовольствие находиться рядом с вами. Мы, что, уже приехали? Вижу знакомого. Господин Мурашкин — приятный малый. Я встретился с ним в день приезда. Случайно. Впрочем, любое знакомство — это дело случая». Тут они вышли из автомобиля. «Да, видимо, мы прибыли. Я здесь впервые. Алтынов сказал, что этот особняк сняли для вас». — «Для меня? — рассмеялся Иверов. — Бог с Вами, Мила Георгиевна. Ничего такого мне совершенно не нужно. Если бы я желал жить в особняках,

то ни за что не переехал бы в Россию. Прошу вас, объясните этим господам мою точку зрения. Я категорически против любой помощи, я не желаю ни мягко спать, ни вкусно есть, ни богато одеваться, ни много зарабатывать. Неожиданно для самого себя я вдруг стал человеком альтернативной обыденному миропониманию ментальности: недавно ночью я спал на голой земле, положив под голову ветки сирени. Более высокого удовольствия, чем почитать в незнакомом месте на зеленой траве под пахучими кустами, я никогда не испытывал. Понятие «заработать» обрело для меня новый смысл: я никогда прежде так не радовался работе, когда пару дней назад стирал нищенке ее грязное белье, мыл ее запущенную квартирку, драил ее проржавевшую ванну. Какое-то чудо в тот день снизошло на меня, я буквально витал в облаках. Никакая другая работа не способна так прекрасно воодушевить человека! Я живу только одним стремлением: опуститься в изнанку жизни, на дно общества, чтобы жить среди нищих и обездоленных, порочных и страждущих. Мне кажется, что именно там я смогу полностью понять себя, открыть что-то потаенное, недоступное людям того социального слоя, к которому я ранее принадлежал. Мне действительно ничего не нужно. Как богословы сверяют свои шаги с Библией, так и я строго придерживаюсь своего определенного курса познать изнанку быта. На свете нет такой силы, которая была бы способна изменить мой маршрут. Прошу вас, Мила Георгиевна, поясните вашим работодателям мое кредо. Такое ощущение, что русские разучились слушать человека, уважать его волеизъявление. Я сам пытался объяснить господину Буйносову свое мировоззрение. Но он мне не верит. Ему кажется, что я дурью маюсь. Что различными ухищрениями можно изменить мою философию. Ничего из этого не

выйдет. Ни у кого ничего не получится. И пусть они не тратят попусту время. А вы мне нравитесь. Только я не знаю: а что дальше? Что может мужчина с такими идеями, как у меня, предложить барышне? Такой красивой, такой замечательной, как вы. Приятельское общение? Но своим видом он будет шокировать любое общество. Где же общаться? И вот тут может прийти на помощь безбрежный океан интернета! Этот желанный виртуальный мир! Мир грез и мечтаний. Жизнь, оторванная от реальности. Бесполое общение двух интеллектов. Дружба в ирреальном пространстве. Отношения, не обремененные суетой и бытом. Совместный поиск трансцендентного, прогулки по мифологическим тропам античности, катания на метеоритах!» — «Привет, Андрей!» — протянул ему руку господин Мурашкин. «А, салют, дружище!» — «Сегодня опять напешься? Или пьянству — бой?» — «Война всем и всяческим спиртам!» — «А как будет с вином?» — «Оно не входит в этот список». — «Хочу показать тебе новую машину. Толкать ее больше не придется. Не хочешь взглянуть?» — «Я отойду на пару минут», — обратился князь к Семирадовой. — «Конечно», — прошептала она, растерянным взглядом, окидывая князя. «Опять напугал, что ли? — огорчился Иверов. — Что это со мной? На девушке лица нет! Но что я такое сказал? Видимо, я перегружаю это юное создание своими размышлениями о поиске новой среды обитания. Неужели я сознательно провоцирую ее... Чтобы и она этим же увлеклась? Вот, давеча, вдруг, распустил язык. Биографию рассказал. Такое со мной никогда не случалось. Да! Да! Хочу, чтобы она страшилась меня ... Даже не подозревал, что я такой вероломный. Как инфицированный СПИДом эгоист, мечтающий, чтобы весь мир страдал от ВИЧ-инфекции. Какой позор. Какая низость! Фу!» Тут князю захотелось ис-

чезнуть с ее глаз, и он быстро зашагал прочь. Господин Мурашкин еле поспевал за ним.

Едва Иверов удалился и молодая женщина осталась одна, какою с новой силой овладели мысли об Андрее Константиновиче: «Бедный Иверов! Он болен! Болен! Болен! И оказался он в психушке не случайно, как заявили Буйнов и Алтынов... Боже мой! Что мне делать? Чем помочь ему? Да и смогу ли я? Что он хочет найти на дне общества. Почему его туда тянет? Ничто другое, кроме болезни, не может толкать человека в этот страшный мир. А он надеется именно там открыть в себе новые силы духа. Познать смысл неведомого. Жуть! Но я должна что-то для него сделать». Понурилась печально голову, Мила Георгиевна поплелась в дом. «В первый раз понравился мужчина, и такая напасть». Ее душа сейчас разрывалась от обиды и несправедливости. Она входила в незнакомый особняк, совершенно не понимая зачем. Ей навстречу выбежал Гришка Кутерьма. Он был весь красный, озабоченный, разморенный духотой кухни. Его волосы липли ко лбу, в руках был половник, он дожевывал кусок хлеба, а из его кармана свисало вафельное полотенце. «Почему так поздно, Мила? Через пятнадцать минут приедет шеф, а еще ничего не готово. Котлы кипят, а продуктов никаких нет. Ты была на рынке? А где Иверов?» — «Все куплено. И Андрей Константинович здесь. Пожалуйста, не беспокойтесь». — «А где же провизия?» — «В багажнике «БМВ». — «Пойдем быстрее, поможешь разгрузить. — Кутерьма бросил половник там, где стоял, и помчался к автомобилю. — Ой, поколотит меня Платоша, ой, поколотит! И за дело! И за дело!» Гришка Кутерьма хотел все успеть. Терзаемый нетерпением, он переносил продукты с яростью человека, который борется за собственную жизнь. На кухне он был один. Новые рус-

ские, готовые выбросить кучу денег на всякую всячину, еще не имели достаточной культуры накрывать столы и организовывать вечеринки. В современной Москве арендовать на день повара средней руки стоит около трехсот долларов. Повара с именем — тысячу долларов. Кулинарного волшебника — пять тысяч долларов. Но Буйносов пренебрег этими возможностями. Он проигнорировал этот сервис не только для того, чтобы сэкономить несколько столбовых купюр, но потому, что между культурой и цивилизацией — с одной стороны, и богатством — с другой существует огромная преграда. И чтобы ее преодолеть, уходят столетия. Платон Филиппович поручил своему лакею Кутерьме, который был у него на все случаи жизни — и гармонистом, и охранником, и шофером, и поваром — накрыть стол. И Гришка просто лез вон из кожи.

Есть люди, которые хотят прислуживать, стремятся угодить сильным. Которые сами ищут рабство и живут в нем с превеликим удовольствием. Такие люди боятся свободы, лишены честолюбивых планов — они мешают их лакейской ментальности. Им не нужна гордость — они утешают себя чужими успехами. Угрозы, приказы и требования они предпочитают приятельским просьбам. Если хозяин негодует — их сердца трепещут, как осенние листья. Когда властелин с барственным пренебрежением вытирает ноги об их конституционное право — они умиляются, словно празднуют личное торжество. Чтобы доставить радость владыке, они готовы потерять лицо, уподобиться таракану на помойке, окунуться по уши в грязь, предать друга и собственную мать. Если хозяин положит им руку на плечо, они обязательно по-холопски дотронутся до нее щекой, губами. Именно к такой категории людей относился Гришка Кутерьма. В общем-то,

неплохой малый, но лакей! Талантливый слуга! Преданный холоп! Искусный помощник! Как Поскребышев у Сталина. Как Пятница у Крузо. Как Балакирев у Екатерины Первой. Таким был Кутерьма у Буйносова. Сейчас он носился и хлопотал как заводной. Надо было все успеть.

Опять появился Иверов. Он слушал говорливого Мурашкина, но думал совсем о другом. «Что я нашел в этой милой юной даме? Почему мысли мои все время возвращаются к ней? Что же отличает ее от пары сотен женщин, с которыми я был прежде? Красота? Были и красивее. Ум? Были умнее. Тело? Опять не то. Харизма? Она скромна, а в деликатных людях харизма проявляется не сразу, для этого нужно время. Может, дают о себе знать привычки моего прошлого — иметь всегда рядом роскошную фаворитку? Обыкновение о ком-то постоянно думать? Без легкой, новой влюбленности мне было трудно дышать вольготно, зарабатывать деньги, играть на бирже, посещать светские салоны. Внутреннее, бесконтрольное желание задержаться в прошлом? В тайне от самого себя поухаживать за женщиной? Потаенный голос плоти? Недооценил трудности прощания со всем человеческим? Неужели именно так? Или все же что-то другое? Я забыл об очень важном: общении меж собой душ человеческих. Даже помимо воли, вопреки желанию. Ты думаешь о виртуальности, а твоя душа требует любви. И тут совершенно не важны ни расстояние, ни время суток. Ты занят размышлениями о соприкосновении с трансцендентным, а твоя душа тем временем признается семирадовскому внутреннему миру в тайных симпатиях. Да, разговор между собой душ человеческих — еще не исследованная тема. Виртуальность лежит в ее основе. Случалось, что после короткого знакомства с приглянувшейся женщиной я уже через не-

сколько дней встречался с ней, как с хорошо знакомым и понятным мне человеком. Видимо, действительно, если люди понравились друг другу, то начинается интенсивное общение их душ. Как протоны и нейтроны моментально взаимопритягиваются, так и флюиды внутреннего мира симпатизантов в водовороте жизни мигом находят друг друга. Лишь этим можно объяснить мою привязанность к госпоже Семирадовой. Такое ощущение, что я нахожусь постоянно рядом с ней, что мы не расстанемся ни на минуту. Обостренное чувство к Миле Георгиевне, занимающее меня последние дни, убедительно подтверждает, что в каком-то другом измерении происходит тесный контакт между нами. Как проникнуть на эти тайные вечера? Каким образом подсмотреть за собой? За движением собственного духа? За характером этих встреч! Иверов! Почему твои мысли и желания постоянно требуют от тебя познания чего-то запредельного? Что находится по ту сторону сознания? Ведь не пришло же тебе в голову взглянуть на ее тело, а твой рассудок атакует мысль, наблюдать за ее образом со стороны. Как будто можно выпрыгнуть из самого себя и стать соглядатаем собственного поведения. Как будто человек может раздвоиться, разстроиться. Согласен, что многим я могу показаться сумасшедшим — реальным, а не мнимым пациентом психиатрической клиники. Но сам-то я знаю, что меня отличает от всех других. Какими именно свойствами выделяюсь я среди своих современников с их пропахшим нафталином, устаревшим мировоззрением. Опять мысль уводит меня в сторону от Семирадовой. Я все думаю: почему меня так упорно потянуло к этой барышне? И, кажется, нашел ответ: влечение к ней носит виртуальный характер... А вот, кстати, и Буйносов...»

Из подъехавшего автомобиля вальяжно вышел Платон Филиппович. Молодой мужчина взял из рук сателлита букет цветов и направился к Иверову. «Поздравляю с долгожданной свободой. Гостиница, в которой редко открываются двери, вам не наскучила? — Буйносов не стал дожидаться ответа и, слегка улыбнувшись, добавил: — Вот, примите от меня цветы и поздравления. Вы опять вольный человек. Это же прекрасно!» — «Чего это он вдруг стал таким сентиментальным и любезным, — мелькнуло в голове у князя. — Как это пошло: принести мне букет роз». Вначале Иверов хотел было отказаться от цветов, потом подумал, что нет никакого резона создавать инцидент. «Пусть все будет спокойно, так, как они задумали, а я при первой возможности улизну отсюда навсегда», — решил он. Платон Филиппович обратил внимание, что князь замешкался, и хотел было уже спросить его, что случилось. Но в этот момент Иверов протянул руку и взял розы. «Спасибо!» — отрывисто и глухо бросил он. «Что мне теперь с ними делать? — подумал князь. — Маяться и держать в руках. Не выброшишь же букет сразу на помойку». Тут Андрей Константинович залился таким громким смехом, что Буйносов оторопел и смутился. «В чем дело?» — растерянно спросил он. «Пустяки. Я вспомнил случай из психиатрической клиники...» — «Что-то смешное?» — «Да. Весьма забавная история». — «Может, и мне расскажете?» — «Как-нибудь при случае, при первой возможности... Ууууу!» — князь пытался унять свой смех. «Вы можете подарить эти розы Миле Георгиевне». — «Зачем мне ваши цветы дарить Семирадовой? У этого господина нет никакого такта!» — подумалось Иверову. — А вслух он спросил: «Владелец букета я?» — «Да!» — «Я вправе решать, что с ним делать?» — «Бесспорно!» — «Я оставлю его себе». — «Понравился?» — «Французы говорят:

«merveilleux» — замечательный». Иверов с досадой отметил: «Какой навязчивый. Господи, когда же удастся сбежать? Надо не забыть оставить здесь где-нибудь мобильный телефон, который послан мне в подарок. Почему Буйносов стал так меня обхаживать? Опять какой-то хитроумный план?» — «Пройдемте в дом? Вы его уже осмотрели?» — «Пока нет. Я бы хотел побыть на природе». — «Красивое место?» — «Весьма». — «Семирадова и Кутерьма готовят пир в честь вашего освобождения. Я привез вам «Мутон Ротшильд» восемьдесят девятого года. Целый ящик». — «Зачем вы беспокоитесь? Мне даже как-то неловко...»

Подъехал Алтынов. С ним была Яна Врубельская. Она несла фирменные пакеты бутика «Китон». Покупок было много, и руки молодой женщины напряглись, а вены вздулись. «Привет труженикам! У русской женщины столько сил, что она легко укладывает асфальт. Иверов может подтвердить, что французские красотки остерегаются носить тяжести». — «Чем заполнены твои пакеты, примадонна?» — снисходительным тоном спросил Буйносов. — «На сцене алтыновского театра готова играть молотобойца, шахтера, землекопа, кого угодно, — подумала она. — Мои пакеты? О вас, мужчины, думаю. Сегодня — первое июля. Вершина года! За отлично сыгранную роль на открытой площадке Лесной улицы получила приличный гонорар. На что тратит русская женщина деньги? На подарки вам, мужчины. Так что, принимайте презенты!» Врубельская вплотную подошла к Платону Филипповичу и Иверову. Ее хитрый, с прищуром взгляд надолго задержался на князе. «Нет, не простой, очень не простой этот французик, — пронеслось в ее голове. — Вон, глаза какие умные». — «С тебя начну, господин Буйносов, — заговорила молодая женщина. — Ты получишь туалетную воду «Шанель», гал-

стук от «Китон», запонки торговой марки «Дюпон», сорочку «Зенья» и зонт от фирмы «Макинтош». Может, наконец, дождь брызнет, а еще лучше — польет. Вам, Андрей Константинович, поскольку вы частенько мрачноваты, дарю черные джинсы, две черные сорочки, черные туфли, солнцезащитные очки, другие полезные аксессуары от торгового дома «Версаче». Держите пакет, он весь для вас». — «Прошу прощения! Все это очень мило и трогательно. Но я не принимаю подарков от незнакомых людей. У нас так не принято!» Возникла пауза. Князь не желал больше говорить и смотрел на окружающих недовольно. Врубельская же продолжила гипнотизировать Иверова. Вдруг она поменяла тактику и обрушила на него поток брани: «Вы — неудобный и злой человек. Даже если вы очень богаты и вам ничего не требуется, или бедны, но ваше самолюбие превышает финансовые возможности — отказывать женщине, которая подумала о вас, просто недостойно. Никакие нравы и традиции на этом свете не могут позволить вам оскорбить высокие женские побуждения. Еще раз убеждаюсь, что иностранцы не заслуживают симпатии. У них как-то по-особому вычурно проявляется чувство собственного достоинства. Вы хотите выразить эту свою особенность в исключительном праве на суверенность, на одиночество, а мы — за утверждение своей личности в обществе, среди друзей, среди публики. Поэтому мы в России живем более интересно, насыщенно. Согласна, что усредненный наш соотечественник имеет меньше, чем гражданин Франции. Но мы научились бесплатно пользоваться возможностями, данными человеку самой природой. Если француз возбуждает себя фотографиями и фильмами — мы в естественном порыве отдаем тело партнеру. Секс у нас более доступен, а значит, радо-

сти от него больше. Пока вы вкалываете с утра до позднего вечера, мы в это время предаемся разгулу страсти. Вы экономите свет, в ваших квартирах так же темно, как сумеречно в ваших душах. Наши дома залиты светом, как наша душа заполнена энергией жизни. Мы смеемся от горя и плачем от радости, вы делаете как раз наоборот. Мы делим кусок хлеба на площадях, а вы наедаетесь под одеялом в одиночестве. Вы приехали к нам. От чего вы бежали? От хорошей жизни не бросают отчий дом. Вы приехали в Россию, чтобы изменить собственную жизнь к лучшему? Хотели встретить любовь? Заработать деньги? Вас потянули этнические корни? Вас привлекла русская вседозволенность? Масштаб невозможного? Да, здесь за один день можно заработать миллиард долларов, но еще быстрее потерять его и саму жизнь. Скажите, у вас нет ощущения, что вы ошиблись адресом? Может, вы хотели организовать экстремальный туризм? Пощекотать себе нервышки? Пару дней посидеть в психушке, пару поголодать, несколько дней проонанировать на многочисленные памятники, в лохмотьях или голышом побродить по московским улицам, чтобы затем вернуться во Францию и рассказами об экзотическом времяпрепровождении в России снимать аристократок на Лазурном берегу или на тусовках скучнейшей европейской публики?» — «Отлично, девка! — отметил про себя Алтынов. — Эта артистка раскрутит князя. Талант!» — «Не могу себе представить, какими рассказами европейский кавалер может вынудить меня к нему прислушаться. О Париже? О Гайд-парке? Об Английской набережной в Ницце? Мы, русские, знаем обо всем этом лучше вас. Мы родились быть хозяевами жизни. Своими запросами и ментальностью мы отрываем себя и всю окружающую нас публику от реальности жиз-

ни, уносимся от повседневности в бескрайние дали сюрра. Милый мой Иверов! Нет ничего фантастичнее русского духа. Так что же ты нас так чуждаешься? Почему игнорируешь наше внимание, дружбу? Почему не желаешь рассказать о своих проблемах? Исповедуйся! Никто, кроме нас, русских, тебя не поймет, не прислушается к твоей душевной боли. Мы такие же, как и ты, с той же болью в сердце и желанием изменить мир. Надо сказать, что необузданная страсть менять мир — это чисто русская мания. Нас хлебом не корми — но дай поразмышлять о преобразовании мироздания. Хочешь — верь, хочешь — нет, но тоскующий российский разум могут вспалить лишь две сверхидеи: фантастическое распутство или навязчивое пристрастие перекраивать устройство жизни. Ты, Иверов, видимо, инфицирован той же болезнью и страдаешь вместе с нами...» — «Странно, — стал размышлять князь, — Франсуа Савиньен Алькье в тысяча шестьсот семидесятом году писал: «Три вещи надобны французу, чтобы чувствовать себя счастливым: приятная беседа, изысканные кушанья и совершеннейшая и полнейшая свобода». В самом слове «Франция» содержится понятие Вольности и Свободы. Франция так влюблена в свободу, что не терпит у себя рабов; а посему ни турок, ни мавров, попавших в нашу страну, — уж не говоря о каком-либо из христианских народов, — никогда не заковывают в цепи и не держат в колодках. А ежели когда и случается, что во Францию привозят рабов, они так и рвутся сойти на берег и, едва ступив на сушу, радостно восклицают: «Да здравствует Франция и любезная ей свобода!» В России совершенно все по-другому, чем у нас. Тут любят тиранов, а вольности предпочитают тюрьмы. Распутство — характерная черта рабства! Почему оно здесь в таком почете? А такли,

на самом деле, верно, что все русские мечтают изменить мир? Совсем не убедительный тезис. Если они не стремятся изменить самих себя, то откуда желание преобразовать мир? Это ведь взаимосвязано. Одно дополняет и развивает другое. Странный народ эти русские. При полной свободе мы, французы, по ментальности все похожи, а они, при отсутствии свободолобивых традиций, — все разные. Каждый из них — отдельный, обширный мир». — «О чем ты задумался, Андрей Константинович? — продолжала атаку Врубельская. — Возьми подарки красивой женщины, переоденься и будь самим собой. Распахни перед нами свою богатую русскую душу, покажи, на что претендуешь, чему поклоняешься. Тебе самому будет легче! Стань одним из нас! Не только глубоко в генах, но и зримо! В поступках. В желаниях! Платон, налей нам вина. Беру обязательство взбодрить князя, как купанье в проруби будоражит клетки всего тела, как стакан спирта благословляет на великие дела». — «Браво! Хорошо сыграла. Без заготовленного текста. Одна импровизация! Умница!» — подумал Алтынов. «Возьми пакет с подарками и пойдем в дом, князь, — дружеским тоном бросил Буйносов. — Вино и закуска ждут нас. Мила для тебя одного старается, Иверов! Будем праздновать твое освобождение. Напьемся, как в Марьиной роще на дембельском празднике. Хочешь дружить с русскими мужиками? Мы тебе не какие-нибудь французы. Мы будем с тобой до конца. Вот нынче выручили из тюрьмы. Какой француз, какой европеец на такое способен? Нет, брат, это чисто по-нашенски: тратить деньги, использовать связи на благо незнакомого человека. Протянуть руку нуждающемуся в помощи, не оглядываясь на отдачу, на будущие дивиденды, на благодарность и отпущение грехов». — «Вначале посадили, потом

выручили. Арестовывали с одними мыслями, освобождали с другими помыслами. Что у них опять на уме? — рассерженно подумал князь. — Почему они так нежно со мной возятся? Не верю я в бескорыстие. Ни русских, ни французов, ни немцев, ни других этносов. Это совершенно не человеческая черта — быть бессребреником. Особенно в рыночных условиях. Даже когда я стирал нищенке одежду и тер грязные полы — не думал ли я сам о корысти? Конечно, думал. Я все тогда делал, чтобы к своей жизненной цели приблизиться, с изнанкой быта ознакомиться, а значит, душевную выгоду получить. Да и нужна ли мне эта безвозмездная помощь... Одно лицемерие». Опустив глаза, Иверов взял пакет с презентами и молча побрел в особняк. «При первой возможности необходимо исчезнуть. Совершенно не мое общество. Я-то знаю, где мне будет по душе, где возрадуется сердце».

С растерянным видом на крыльцо выбежал Гришка Кутерьма: «Барин, что делать, Милка слезами заливается». — «Иверов, ты ее обидел, что ли?» — бросила в беспокойстве Врубельская. «Не обижал я ее. Где она?» — «На кухне рыдает...» — Кутерьма поглядывал на Буйносова, стараясь уловить приказной жест, чтобы тут же выполнить поручение. «Андрей Константинович тут ни при чем. Влюбленная женщина извелась, ожидая освобождения Иверова. Прорвало юное существо. Князь — ее первая настоящая любовь...» — вставил Алтынов. «Я ничего не знал об этом. Тогда понятно. Да, девичьи слезы — первый признак влюбленности. Что скажешь, Иверов?» — подбросил Платон Филиппович. «Что ему говорить, пусть бежит к ней, чтобы утешить девушку. Я сама бывала в такой ситуации. Горькое ощущение, когда нет взаимности. Ты, видимо, с ней холодно обошелся. Вот и ревет она. Жаль! Милка Семирадова — женщина-

мечта. На свете не сыщешь ничего подобного. Мужики, как правило, дураки, — рядом такое сокровище, а они продолжают поиск неизвестно кого. Ну, беги к ней... Где же твоя французская деликатность, кавалер с Лазурного берега? Или это чисто женская выдумка — насчет галантности твоих соотечественников? Гришка, показывай князю дорогу...» Кутерьма взял Иверова под руку и потащил за собой в дом. «Как можно так заблуждаться? — подумал Андрей Константинович. — Неужели они не видят, не чувствуют, что это — насилие над моим существом. Странные люди, стараются выглядеть цивилизованно, а поступают, как банда насильников». Иверов бросил недоуменный взгляд на стоящих рядом с ним Буйносова, Алтынова и Врубельскую и с беззлой ухмылкой потащился за отставным прапорщиком. «Браво, Врубельская! Ты избрала достойный тон общения. Нечего с ним лебезятничать. Больше напора и независимости, и ты оседлаешь князя. Он станет покорным и, наконец, полезным нам», — сказал Алтынов. «Я не столь оптимистична. Иверов крепкий орешек. Только моими зубами его не расколешь. Тут нужны жернова, усилия многих». — «Мы в одной лодке, Яна, — Буйносов старался говорить дружеским тоном. — Согласен, он человек особенный. Но нас трое: Алтынов, ты и я. К тому же — полезные связи во властных структурах. Если перетянем на свою сторону еще Семирадову, то наша сила окажется сокрушающей. Мне не дают покоя его миллиарды. Его способности зарабатывать на фондовых биржах огромные состояния. Хотя Алтынов придерживается другой точки зрения, что через князя мы сможем выйти на перспективные проекты, — я хочу вести независимую параллельную линию. Линию отторжения части капитала Иверова на наши банковские счета. Интуиция подсказывает, что эта афера прине-

сет нам огромные барыши. Используя невероятные по соблазну средства, строя самые бессовестные козни, мы начнем отъем денег у Иверова. Но зло обернется вселенской добротой, которая поселится в наших душах после успешного воплощения этих намерений. А стремление к вечному чередованию добра и зла в жизни каждого из нас — разве не является основным стимулом существования? Скажу только о себе: часто бывает так, что с самого утра хочется свершить что-то хорошее, но уже к полудню такой порыв сменяется желанием отвергнуть ранее задуманное, отредактировать его, отдав предпочтение легкомысленному, злобному, устрашающему...» — «У меня случается как раз наоборот, — расхохотался Юрий Алтынов. — День начинается с тяготения к скверному поступку, а завершается желанием искупить грех и выстирать собственную душу. Уверен, что неизбежен такой момент, когда влечение к греховности трансформируется в погоню за святостью, а закоренелая праведность неизменно приводит к пороку. Так устроен внутренний мир человеческий. Платон Филиппович, не забивай себе мозги. Эти метаморфозы уже давно известны человечеству». — «А я не раз замечала: чем сильнее духом мужчина, тем легче его переломить. Чередование во мне добра и зла никогда не приводит к внутреннему конфликту, к драме или к скорби из-за непоследовательности. Чувство глубокой симпатии к человеку никогда не лишает меня соблазна объегорить его. Я легко продала душу дьяволу и дружу с ним, но с восторгом читаю библейские тексты и священные заповеди. Господа! Хватит об этом. Вперед, на Иверова! Его огромное состояние нуждается в переделе, в новом собственнике! Пошли в дом. Необходимо усилить атаку на этот разум изгоя, на это сознание виртуала...»

На кухне одиноко сидела Семирадова. Свои влажные голубые глаза барышня вытирала столовой салфеткой. Андрей Иверов приблизился к юной даме. Он положил на лентный плетеный стол букет цветов и пакет из бутика «Китон», потом вытащил из кармана мобильный телефон, опустил его в фирменный пакет и сел рядом с Милой Георгиевной. «Что с ней делать? Просто напасть какая-то: все женщины в меня влюбляются. Но что во мне особенного, кроме капитала? Правда, — размышлял он, — Мила еще не знает, не почувствовала могущественную силу денег. Но зачем я ей нужен? Мне сорок два года, виртуал, ищущий изнанку жизни... Господи, если бы она понимала, как прожил я годы, если бы по-настоящему осознала, чем увлекся теперь! Разве позволила бы себе заинтересоваться таким циником в прошлом и изгоем в настоящем, как я? Но поразительно, что меня самого тянет к ней. Боюсь соблазна. Как бы опять не вернуться в прежнюю жизнь. Это станет великим предательством новых идеалов! А как легко было с ними в последние время жить...»

Иверов и Мила Георгиевна молча просидели несколько минут. Пение лесных птиц действовало на них умиротворяюще. Наконец, он решительно встал и сказал: «Госпожа Семирадова, я должен покинуть вас. Сказать честно, я впервые в жизни испугался женщины. Боязнь, что вы разрушите механизм моих мыслей, вынуждает меня бежать... Бежать не от вас — скорее, от самого себя. От окружающей компании. Но уйти, не спросив, как найти вас, если без Милы Семирадовой станет совсем невыносимо, я не могу. Дайте мне, пожалуйста, ваш адрес и телефон... Я запомню». — «Малая Бронная, дом семь, квартира девять. Двести двадцать девять — семьдесят девять — тридцать пять», — как-то очень быстро, казалось, даже несколько испуган-

но проговорила Семирадова. «Пожалуйста, пройдите со мной до края леса. Наши знакомые в этой прогулке ничего предосудительного не заметят, а у меня появится шанс продолжить беспрепятственно искать свою дорогу...» — Он виновато заулыбался, словно прося прощения.

Они сошли с веранды и направились к густому лесу. Ум Андрея Константиновича теперь сосредоточился на одном: как быстрее покинуть незнакомую усадьбу. Как только они дошли до невысокой ограды, отделанной песчаником, князь прощально взглянул на Семирадову, потом лихо взобрался на забор, спрыгнул вниз по другую его сторону и исчез.

Слезы опять навернулись на глаза молодой женщины.

Иверов бежал не оглядываясь. Чувство полной, чарующей свободы несло его со скоростью спринтера, ветки кустарников хлестали по щекам. Наконец, он добрался до лесного озера. Тут он сбавил темп и перешел на быстрый шаг. Неизвестно откуда к нему прибилась собака, другая, третья. Через несколько минут за ним уже следовала целая собачья стая. Князь окинул ее взглядом, усмехнулся, развел руками и громко бросил: «D' accord, on y va ensemble»¹.

Андрей Константинович быстро шагал по шпалам, рассекающим барвихинский лес на южную и северную части. Июльское солнце с неумолимой жестокостью жгло затылок и спину Иверова. Рот потрескался, язык с трудом двигался и прилипал к нёбу. Страшно хотелось выпить глоток холодной воды. Освежить лицо, ополоснуть тело. «О чем это я размышлял? — Странно, совершенно ничего не помню. Скорее всего, я вообще ни о чем не думал, а нахо-

¹ Я согласен идти вместе (*фр.*).

дился в забытьи. Витал неизвестно где, вне своего сознания. Может быть, опять втайне от самого себя встретился с Семирадовой? Или раздвоился, попал в палату номер семь и продолжил общение со своими приятелями? Как они там? Арсеньев? Каблуков? Ренат Ибрагимович? Мау? Граф Зайчиков? Милейшие люди. Как бы мне попасть туда опять, не в грезах, а наяву. Персонал психиатрической клиники постоянно жаловался на нехватку финансирования. На скудный бюджет. Может, купить этот «желтый дом»? Поручить госпоже Понсэн оформить эту закулисную сделку? Или стать его основным спонсором и вечным пациентом? С правом выбора: хочу — нахожусь в нем столько времени, сколько угодно лишь мне самому, нет — гуляю по своему разумению. Что, неплохая идея? Прекрасный план, но ничего не выйдет. В С-ского работает Гришка Кутерьма. Через минуту Буйносов будет все знать. Эти господа продолжают натиск. Не позволят мне остаться самим собой, в своем мире. Институт С-ского никак не подойдет. А что, если рассмотреть для этих целей психушку К-ко? Арсеньев хвалил это заведение. Якобы в нем много достойных людей...»

В этот момент настойчивый гудок электропоезда заставил князя обернуться. Прямо на него неся пассажирской состав. Вместо того, чтобы быстро сойти с путей, господин Иверов неизвестно почему обернулся, стал лицом к несущемуся навстречу поезду, вытянул вперед руки, как будто желая принять в объятия близкого человека, и расплылся в улыбке. Солнце больно слепило глаза. Князь был не в состоянии определить расстояние между собой и локомотивом, а оно стремительно сокращалось. Раздался скрежет тормозов и лязг металла на стыках. Высунувшийся мордастый машинист грозно замахал кулаком,

выкрикивая непонятные Андрею Константиновичу слова, пропадавшие в протяжном гуле. До расставания с жизнью французскому аристократу оставалось несколько секунд. Иверов уже чувствовал запах тосола, которым смазывались колесные пары. Он уже видел себя раздавленным тоннами стремительно движущегося железа. «Этого бедолагу машиниста из-за меня посадят. Сколько он промучается в тюрьме?» Именно в этот момент он в каком-то акробатическом прыжке перенес свое тело из смертельной зоны на выгоревшую траву насыпи. «Дух захватило! Что это, новый вид русской рулетки?» — рассмеялся он. «Идиот! Кретин! Сумасшедший!» — донесся до его слуха голос из локомотива. Обдав князя горячим порывом ветра, состав прогромыхал перед самым его носом. Иверов улыбнулся, поправил волосы, недоуменно посмотрел на свору собак, вспомнил, что они прибились к нему в самом начале бегства от Буйносова, и вслух, даже радостно, бросил ту же фразу: «D'accord, on y va ensemble». Он погладил мордочку рыжей дворняжки, дружелюбно прошелся рукой по черной спине другого пса, пристально осмотрел каждое животное и направился в сторону березовой рощи. Пять-шесть собак побежали за ним. «Покормить-то их нечем, — подумалось ему. — В кармане оставалось около пятидесяти рублей. В первом попавшемся магазине надо им что-нибудь купить, а себе взять воду». Князь быстро миновал перелесок, вышел на узкую асфальтовую дорогу, петлявшую между огромными, безвкусными особняками, и, выбрав направление на восток, устремился в сторону Москвы. Могло показаться, что мужчина, шагающий со сворой собак по кромке дороги, отлично ориентируется на местности. «Что это сейчас со мной произошло? — стал размышлять Иверов. — Откуда

столь странное желание родилось в моем мозгу? Что я хотел этим доказать себе или машинисту поезда? Свое бесстрашие? Что моя жизнь для меня гроша ломаного не стоит? Что мне совершенно безразличны переживания и нервотрепка машиниста? Никогда раньше такого за собой не замечал. Если бы я не успел отпрыгнуть, замешкался бы, застрял? И погиб? Да бог со мной, но какая жуткая судьба ожидала бы машиниста. Расследование, суд, тюрьма на долгие годы. Разбитая семья, некормленные дети. Неужели я уже сам инфицирован евразийской жестокостью, царящей на этом пространстве последнее столетие? Ведь говорят, что достаточно лишь прикосновения к незнакомому национальному пространству, как меняется ментальность, сама душа человеческая. Позор тебе, Андрей! Подобная аффектация, вызывающая прилив адреналина, заслуживает порицания. Что за шутки, способные исковеркать жизнь незнакомому человеку? Позволительно изменять самого себя, никак не ущемляя при этом суверенности окружающих. Хватит дурачиться! У тебя есть цель и силы, чтобы ее достигнуть», — с горечью раскаяния воскликнул Иверов. От неожиданно прозвучавшего собственного громкого голоса князь тревожно обернулся. Он словно испугался, что его могли подслушать. Но, кроме молчаливых собак, следующих за ним по пятам, вокруг никого не было. Князь прибавил шагу, обогнул поворот и увидел перед собой помпезное строение ярко-желтого цвета, с огромной телевизионной тарелкой и вертолетной площадкой на крыше. «Что это, «желтый дом» для элитных пациентов? Взглянуть бы на этих людей. Не из сословия ли Буйносова?»

В этот момент огромные ворота распахнулись, и на улице появились два огромных мускулистых типа. Они

были в тридцати шагах от князя. Их туловища обтягивали кожаные ремни, а у локтя в кобуре сидели пистолеты. За ними вышла полноватая, коротконогая блондинка, ведущая за собой на поводке таксу. Потом появились еще трое, как братья похожие на двух первых. «Такое количество вооруженной охраны? — удивился князь. — Должно быть, она жена председателя КГБ или самого президента?..» Не успел Иверов закончить мысль, как молодая тучная особа вскрикнула: «Ой! Мой Чарли! Они его загрызут. Немедленно уберите собак!» Охранники тут же стали стеной перед напуганной блондинкой. «Ты, слышал, воробей, немедленно исчезни со своими псами», — заорал сателлит с бритой головой. Он вытащил из кобуры пистолет и направил его на Иверова. Столь агрессивное развитие событий не лишило Андрея Константиновича французской учтивости и аристократического хладнокровия.

«Прошу прощения, господа, но это не мои собаки, и я вряд ли смогу ими управлять. Но это вполне мирные существа». — «Быстрее убирайтесь с дороги, иначе будем стрелять», — заорал второй охранник. Нервозность сателлитов передалась собакам. Бездомные, одичавшие животные начали остервенело лаять и подступать к охранникам. Тут женщина истерично завизжала: «Делайте что-нибудь, олухи! За что вам деньги платят? Чарли, поди ко мне! Мамочка защитит тебя, красавец! Кому только доверили нас оберегать? Ходят тут всякие оборванцы...» Князь понял, что его не желают слушать, взял левее и продолжил свой путь, а обозленные собаки стали прижимать охранников к воротам особняка. «Стреляйте! Стреляйте!» — кричала женщина. Приступ ее гнева был необычайно бурным и совершенно непонятным французам из Ниццы. Раздались выстрелы. Крупная, гладкошерстная дворняга

взвизгнула, припала на задние лапы, но продолжала натиск и бешеный лай. Бело-серая лайка замертво распласталась на дороге. Кавказская овчарка бросилась на стрелявшего, сбила его с ног, повалила на землю, стала рвать его одежду и тело. Князь остановился, взглянул на раненую собаку, на покусанного охранника, валявшегося в нескольких метрах от него, на блондинку, спрятавшуюся за решетчатыми воротами желтого дома. «Боже мой, псы спокойно шли своей дорогой, а тут такое... Этой женщине кажется, что мир принадлежит ей. Сателлитам представляется, что с помощью финансовых ресурсов своих хозяев и личного стрелкового оружия они могут подчинить дикую природу. Ощущение, что властвуешь над миром, характерно не только для людей, обретших вдруг несообразные их уму материальные блага, но и для приближенной к ним челяди. Такое заблуждение нередко заканчивается полным распадом личности. Эти признаки отмечаются у новых русских, у тех, с кем довелось мне общаться, за кого пришлось наблюдать. Эти люди мало или ничего не читают, не знают историю рода человеческого. Как им познать себя?» Господин Иверов отогнал от покусанного охранника овчарку, помог ему встать, взял на руки раненого пса и обратился к блондинке: «Вы могли бы вызвать ветеринара? Пес страдает...» — «Плевать! Твои бешеные псы были готовы разорвать моего Чарли. Моего любимца. Я сама оказалась в смертельной опасности. А покусанный охранник? Проваливай, а то прикажу избить тебя и перестрелять всех псов». — «У меня на руках он не выживет...» — «Пусть подыхает. Будет знать, как на Пиндосовых лаять, зубы скалить. Убирайся!» — «Мадам! Я уже говорил, что собаки вовсе не мои. Они бездомные, требуют особого внимания... Людская мораль обязывает

нас помочь им». — «Хватит болтать, проваливай. Уберите с моих глаз этого типа. Дайте ему пиндосовский подзатыльник, чтобы не шлялся в элитном районе. Пошел прочь!»

Раненая собака вдруг испустила дух и мертво обмякла на руках Иверова. В этот момент раздалось еще несколько выстрелов. Псы разбежались. Андрей Константинович сурово посмотрел на охранника с пистолетом, перевел взгляд на блондинку, ее сателлитов, потом вдруг резко повернулся и молча зашагал в сторону леса. За ним, опустив головы, последовали бездомные псы. Бело-серая лайка осталась лежать на дороге. «Больше не сунется, сволочь нищая», — бросила ему вслед госпожа Пиндосова. «Вид у него бешеный, как у собак... С превеликим удовольствием размазал бы его мозги на вашем заборе, Таисия Павловна», — вякнул один из охранников. Для российских сателлитов нет, вероятно, более убедительного доказательства преданности, чем вовремя лизнуть хозяина и оскорбить его оппонента. Здесь наследие крепостничества соединилось с большевистской ментальностью и гримасами нынешнего бюрократического капитализма. «Почему на моем заборе? — презрительно удивилась госпожа Пиндосова. — Тебе бы, глупец, пришлось из своей зарплаты краску покупать и самому ограду перекрашивать. Для такого благородного порыва асфальт больше подошел бы».

Иверов уложил погибшего пса у низкой ели и, не оглядываясь, продолжил свой путь. Скверное событие перед домом низкорослой блондинки по команде внутреннего голоса «сохранить», словно компьютерный файл, отложилось в архиве сознания, и князь больше к нему не возвращался. Сейчас совершенно другие переживания целиком охватили Андрея Константиновича. Ни о чем

другом он уже не мог думать и полностью ушел в себя. «Я начинаю понимать, что именно является главным дестабилизирующим фактором моего болезненного состояния: фиксированное время! Оно заставляет человека жить в каком-то отведенном биологическим законом коридоре. Для виртуала — это мятежный вирус, способный сводить с ума. Календарь выстраивает жизнь человеческую, как сержанты-сверхсрочники — новобранцев на плацу. Он заставляет жить в текущем времени, принуждает выполнять обязательства, ограниченные в часах, месяцах, годах. Минуты, тщательно, кирпичной кладкой сложенные в стены жизни, напоминают унылые коммунальные многоэтажки, где редко встретишь полет кипучей фантазии. Человек не должен фиксировать в сознании дату собственного рождения. Кому необходимо знать точный день моего появления на свет? Страховым обществам, налоговым службам, пенсионным фондам, органам статистики... Но зачем мне самому знать, когда я родился? Как только ты фиксируешь эту дату в сознании, в документах, то легко расшифровываешь собственную жизнь. Если известен день, когда в родильном доме тебе обрезали пуповину, то легко определить дату смерти с разницей в десять процентов от средней жизни человеческой. А как грустно, наверное, жить, если главная загадка пребывания в этом мире распознана раньше времени. Если начинаешь отсчитывать прожитые годы празднованием дней рождения, то волей-неволей на тебя ложится груз возраста. Человек теряет естественность поведения, непосредственность поступков, вдохновенность душевных порывов. Ты вынужден прогнозировать жизнь, составлять планы, выстраивать формулу успеха, писать завещание... и лишаешься самого сокровенного — познания таинств ир-

реального мира. Как тогда в С-ского я не подумал, что граф Володимер Зайчиков был из нас самым счастливым существом: он жил в том времени, в котором хотел пребывать, — в тысяча восемьсот втором году. Перед ним не стоял упрямый календарь, указывающий ему на июнь две тысячи второго года. Когда ты оторван от реального времени — легко оказаться в другой эпохе, отдаленной тысячелетиями. Виртуальность бытия обретает необыкновенную силу. Можно перемещаться из прошлого в будущее, из настоящего в ирреальное, совершенно не претерпевая ощущения транспортного дискомфорта. Ведь самое фантастическое путешествие — это поездки в разные времена. Только таким образом человек может на несколько порядков удлинить собственную жизнь. Получить образование на настоящем материале, воспользоваться уникальной возможностью познать этот замечательный мир, приблизиться к вечности, к Божественному духу, к Его ментальности. Именно такими мечтал нас видеть сам Создатель. Я должен забыть, что сегодня на календаре лето. Что на дворе июль! Что пребываю в две тысячи втором году! Что мне сорок два года! Я должен стать вне возраста. Вне времени. Только теперь я осознал, именно тот самый голос, прозвучавший в моих видениях перед Пименовским храмом, толкнул нас в этот беспощадный коридор времени. Со злым умыслом бросил нас в эту духовную тюрьму, в этот календарь пленника, чтобы исключительно его последователи вводили нас в нескончаемые искушения. Время и вещи — вечные соблазнительные рода человеческого. Что за примитивное существо человек, если на протяжении всей своей истории очаровывается двумя глаголами: подарком времени и звонком монет? Только избавившись от гнета этих двух со-

ставляющих, можно восчувствовать ту абсолютную свободу, в которой никакие его искушения не действуют. Нужна ли человеку собственность, если он в ирреальном состоянии перемещает себя из времени ГУЛАГа — в дни Священной Римской империи, из стен Тампля Филиппа Красивого — в фанзу Конфуция, со скамьи академии Платона в Афинах — в квартал Сохо в Лондоне? Из разоренного Мехметом Вторым Константинополя — в карнавальное шествие в Рио? Из праздника «Октоберфест» в Мюнхене — в Александровскую слободу Ивана Грозного? Какая радость: ничего не нужно. Никакого багажа, ни одного чемодана, ни действующего паспорта. Да! Я, Андрей Иверов, неизвестно, когда родился, и непонятно, когда умер. На могильной плите будут написаны лишь три слова: Андрей Иверов, виртуал. Тогда ты связан с самой вечностью. Не то что: «Пьер Дефорж, родился в тысяча восемьсот девяносто третьем в Нанте, умер в тысяча девятьсот семьдесят первом в Перпеньяне». Или: «Ганс Майер, тысяча шестьсот четырнадцатый — тысяча шестьсот семьдесят восьмой. Или: Игорь Курчатов — родился двенадцатого января тысяча девятьсот третьего, город Сим, умер седьмого февраля тысяча девятьсот шестьдесят второго, город Москва». Всмотрись в такую эпитафию и померещь со скуки: существо прожило одно мгновение, вываченное из вечности. Сравнимо с одним щелчком двумя пальцами в мире звуков вечной материи, с пылинкой в Млечном Пути мириадом звезд». Эти размышления вызвали у князя ощущение, что он стал частью вечной природы, целиком слился с окружающим его зеленым массивом и растворился в атмосфере умиротворенности. Ему даже показалось, будто тело его потеряно в прошлом, что

состоит он теперь из одного эфира и пребывает в неведомом измерении. Окончательно виртуализовав свое сознание, Андрей Иверов забылся, реальный мир перестал для него существовать, и он целиком провалился в нескончаемый поток грез.

Москва, май 2001 — декабрь 2002

ОТРЕШЁННЫЙ

Филипп Юрьевич Проклов жадно курил, делая частые глубокие затяжки. Сигарета беспощадно жгла его худые, желтые от никотина, длинные пальцы, но молодой человек не замечал этого, не чувствовал колючей боли. Впрочем, до того ли ему было!

Комната, которую он снимал в ветхом трехэтажном доме на Садовой улице, у беззубой, усатой, почти глухой еврейки, была слабо освещена. Настолько слабо, что постороннему, случайно попавшему сейчас сюда в эту грошовую комнатенку, напоминавшую скорее заброшенный чулан, нежели жилое помещение, было бы трудно разглядеть его скомканную фигуру на старом протертом диване, заостренные черты его бледного, вернее, болезненно-бледного, страдальческого лица; его волосы — черные, жесткие, гладкие, его воспаленные с краснецей голубые глаза, большие, странные, изменчивые и в этом полумраке определенно сумасшедшие. Трудно было бы разглядеть зеленую окисленную медную миску, стоявшую рядом с ним на венском стуле, вплотную придвинутом к дивану, в которой перемешались окурки, обгоревшие спички, осколки тонкого стекла, и куски ваты. Вряд ли кто-нибудь разглядел бы названия и фамилии авторов книг, беспорядочно разбросанных на узком, облезшем подоконнике, одежду, развешанную на створках открытого старенького шкафа, скудную домаш-

нюю утварь, липкую, пыльную, пропитанную горьким запахом «Примы».

Молодой человек бросил окурок в миску, примял его, тщательно потер нос, прощупал пульс, подтянул к подбородку старое ватное одеяло, уставился безразличным отсутствующим взглядом в потолок и, лицо его приняло выражение полнейшей отрешенности.

Ум Проклова, доведенный сейчас до высшей точки своего уродливого воспаления, продолжал фантазмагорическую, полную абсурда работу. Из этого душного августовского вечера молодой москвич переселялся в свое, только для собственной капризной надобности придуманное место, где по теперешнему обыкновению и устоявшейся привычке проводил свободное время. Точно определить, где в такие минуты пребывал постоялец убогого жилища, представляется весьма затруднительным. Впрочем, сам Филипп Юрьевич не очень любил и почти никогда об этом своем закутке никому ни разу не рассказывал. Однако, если попытаться по крупницам воссоздать местопребывание молодого москвича, можно было бы предположить, что находился он, конечно, в каком-то неопределенном пространстве, и ведь именно в пространстве, потому что, как правило, ничего под собой он никогда не ощущал, а значит, витал, носился и парил неизвестно где. Впрочем, сам Проклов всем своим существом совершенно безошибочно узнавал это место, которое для порядка прозвал «Фавором». И стоило Филиппу Юрьевичу переселиться на свой «Фавор», как тут же он все начисто и основательно забывал, ну абсолютно все, о чем размышлял, о чем постоянно спорил в кругу своих знакомых, над чем ломал голову, что старался исправить и переделать на собственный манер и лад. Именно там это странное пространство творило с молодым человеком пре-

странные, порой даже уродливые, вещи. Ну разве не уродством можно было бы назвать его страстное, неодолимое желание перенести анус в пятку или не менее болезненное стремление вытянуть себя до самых nepозволительных размеров, чтобы удобнее подпирать небесные тела, стряхивать с ресниц метеоритную пыль, заглядывать в черные дыры вселенной ... Больше всего в такие минуты молодому человеку было по душе и по сердцу все самое бесконечное и нескончаемое. Именно в силу этого обстоятельства то, что с ним происходило на «Фаворе», вернее, почти все эти его фантазии, игры воспаленного ума, протекали вне времени, словно подчиняясь циферблату Дали. И в самом существе каждого из этих наворачивающихся на сознание образов неизменно мелькал, присутствовал, жил и страдал его уродливый рассудок, его скомканная фигура, его болезненная личность. Со стороны, конечно, подобные странности Филиппа Юрьевича, как-то видеть и узнавать себя, свое лицо, свой образ в яростном прибое, в веревках заплечных дел мастеров, в протяжных звуках ночных цикад, в неземном сумеречном молчании, более того, во всем этом находить успокоение, очарование, — показались бы совершеннейшей глупостью, недостойной ни мельчайшего внимания. Однако надо было знать сложную мистическую натуру Филиппа Проклова, который до исступления ревностно относился ко всему личному, им самим придуманному и обожаемому. Впрочем, разве только этим? Слишком много загадочного было еще в его необузданной страсти к воспаленным играм и болезненным превращениям, которые лишь на посторонний взгляд казались ничтожными и уродливыми. Но пожалуй, куда больше таинственного было в самом главном, то есть в самой сути генерального вопроса: из-за чего, по какой надобности, во имя какой цели, каких таких

идей и взглядов молодой человек всякий раз затевал это свое путешествие «на Фавор».

В какой-то момент произошло то, что почти всегда рано или поздно происходило с Филиппом Прокловым: весь этот сложный, болезненный, абсурдный мир вдруг начинал исчезать. Это происшествие, всегда тяжело переживаемое странным москвичом, означало, что сознание возвращается к нему. Молодой человек напрягся, попытался собрать все свои силы, мобилизовать всю волю, чтобы воспротивиться этому, захлопнуть, заколотить дверь в мир, столь ненавистный всей его натуре. Однако в его сознании, неизвестный механик уже начал прокручивать замедленную видеозапись: очереди у Спасского ломбарда, покосившиеся троллейбусы, ползущие по Садовому кольцу, памятники — громоздкие глыбы, вереницы машин и потоки беспорядочно движущихся людей, — все это с каждой минутой становилось все более осязаемым, ясным, превращаясь из зрительных впечатков в реальность. Наконец, молодой человек снова почувствовал себя лежащим на диване в своей запущенной комнатенке, а за окном шумел и клокотал город.

«Опять, здесь, Господи! — Эта дурная последовательность меня окончательно сведет с ума. Никак не удастся изъять из жизни это состояние. Весь этот мир! А ведь как давече было превосходно! Впрочем, — испуганно спохватился молодой человек, — который теперь час? Ой!, ой!, ой! Вот, еще! Не дай Бог закроется. Ведь у меня совершенно ничего нет.»

Тут Филипп Юрьевич услышал слабый скрип открывающейся двери и остановил свои голубые, воспаленные с краснецей испуганные глаза на вошедшей старухе. — «Шалом, лентяй! Проснулся? Студент встает и опять бежит? Опять на всю ночь, день, или уже неделю? У меня необыкновенный квартирант, самый уродливый из всех кого я держала! — про-

шамкала хозяйка, полная еврейка, вот уже несколько лет находящаяся на пенсии. «Вот еще!» — про себя буркнул молодой человек. Он нащупал в медной миске окурков, чиркнул спичкой, прикурил и откинул одеяло. — «Встаешь, вскакиваешь, худоба! Хочешь перекинуться с хозяйкой любезностями? Хочешь сказать, что на кухне пахнет карпом! Запустить в мою сковородку свои костлявые пальцы! Ха, ха, ха! -тут старуха извлекла изо рта остатки какой-то пищи, поднесла их к носу, понюхала, подумала и бросила опять на язык. — Я разрешу, я такая, я добрая! Вставай, иди, присаживайся! Фиш удался, как на Пейсах! Могу поспорить, что ты не придешь, что кроме чая тебе ничего не нужно, что у тебя уже что-то свое на уме. Ты похож на старого еврея, который так много думал о еде, что у него не хватало ни сил, ни времени принимать пищу. Как тебя только ноги носят? Чай! Чай! Чай! Один только чай! — продолжая ворчать, старуха поплелась на кухню, шлепая обносками домашней обуви. Молодой человек расслышал, как хозяйка наполнила чайник и поставила на плиту кипятить воду. «Щепотку **Этого** самого, — мелькнуло у Филиппа Юрьевича, — ну хоть совсем чуть-чуть, Господи. Сейчас же придется вставать, бежать, искать, пока время не ушло, пока есть силенки, пока голова работает».

Молодой москвич вскочил на ноги. Он с трудом натянул на себя джинсы, полувер, кожаный пиджак, обул легкие сапоги и притаился у двери. Такое количество одежды в теплый, душный вечер нормальному человеку, конечно, показалось бы совершенно неуместным. Одной сорочки было бы вполне достаточно. Но надо было наблюдать болезненный озноб Филиппа Проклова, особенно в моменты, когда у него отсутствовало **Это** самое важное. Впрочем, до того ли было ему сейчас! В дверную щель он легко мог наблюдать за хозяйкой, суетившейся на кухне. Дыхание у него сейчас было

поверхностным и учащенным, настойчиво колотилось сердце. Выждав удобный момент, Филипп Юрьевич незаметно прошмыгнул в коридор и выскочил из квартиры. Это, казалось бы, пустяковое дело, потребовало, однако, от молодого человека немалых усилий. На лестничной площадке он отер рукавом потный лоб, прощупал пульс, подсчитывая в уме быстрые удары, старательно потер нос, закурил и вышел на улицу. Здесь Филипп Проклов огляделся, постоял, подумал, помял сигарету, и словно убедившись в чем-то своем, в чем ему надо было убедиться, быстрыми широкими шагами направился в сторону Тишинского рынка.

Сам он, конечно, не обращал никакого внимания на свою походку. Однако человек наблюдательный без особых усилий заметил бы в ней очень даже любопытные детали. Прежде всего Филипп Юрьевич шел немного сутулясь. Голова его сидела на шее упрямо, неподвижно, и могло даже показаться, что она вросла в шею так бессовестно, что и пошевелиться не могла. Весь его вид мог бы подсказать прохожим, что человек идет с болезненной сосредоточенностью. Хотя он был нормального, правильного телосложения, левое плечо висело ниже правого. Ноги при ходьбе находились в полусогнутом положении, левая рука двигалась непрерывно, словно маятник, правая висела неподвижно, напоминая протез. Одной из привычек молодого москвича было время от времени дергать себя за нос, но довольно часто, дотронувшись до него и слегка подергав, он начинал тереть его страстно, заинтересованно, похоже, испытывая при этом какое-то им самим придуманное благодушие. Потом останавливался, щупал пульс и двигался дальше. К перекресткам он всегда подходил крадучись и, убедившись, что ничто ему не препятствует, бросался вперед, в какой-то не поддающейся объяснению панике перескакивал улицу. Перекрестки дос-

тавляли Филиппу Юрьевичу определенные неудобства и огорчения, поэтому он старался выбирать себе маршруты, не связанные с переходом улиц. Сейчас же он торопился, шагая в сторону Тишинского рынка, дороги себе не выбирал, а на перекрестках вел себя как обычно.

Возле винного отдела большого гастронома его окликнули. Потом еще раз. Раздался резкий свист. У Филиппа Проклова мелькнула мысль, что это кто-нибудь из своих. Но он тут же отогнал ее как абсолютно нелепую. «Чего им кричать, свистеть. Где только люди силы находят!» — подумал он. Странный москвич хотел было промчаться мимо, как вдруг, где-то совсем рядом его окликнули снова. Боясь ошибиться, напортить самому себе, своим планам, он оторопел, притормозил свой быстрый, размашистый шаг, основательно потерял нос, словно это действие приводило его в чувство и повернулся в сторону магазина. На фоне винной витрины стояли двое. В мужчине с пунцовыми в кровопотеках ушами, пропитым бурым лицом, с острой бородкой и совершенно лысой головой Филипп Юрьевич признал своего соседа Семена Ивановича Ложкина. В его взгляде, кроме традиционной для Семена Ивановича любезности, хотя несколько наигранной и актерской, Проклов разглядел едва заметную, непонятную для себя хитринку. Ложкинская хитринка отвлекла на какое-то время молодого человека, являя собой совершеннейшую загадку. Сосед Проклова был человеком пенсионного возраста. Давно растратив жизненные ресурсы и честолюбие, сейчас он выглядел уныло, почти нищенски. Чувство брезгливости вызывал весь его облик: развалившаяся парусиновая обувь, мятые, грязные китайские серые брюки, выцветшая, залитая то ли мазутом, то ли портвейном, безрукавка, держащаяся на одной старой, обломанной пуговице. Старый пьяница не отводил своего интригующего, хит-

рющего взгляда от Филиппа Проклова и, как казалось молодому человеку, заинтересованно рассматривал его. Рядом с Семеном Ивановичем Ложкиным стоял худощавый мужчина, определенно моложе своего приятеля, в форме железнодорожника, во всем вполне обыкновенный, кроме одного престранного обстоятельства: уличный забулдыга обладал необыкновенным, прямо-таки невиданным, громадным носом зеленого цвета. Этот удивительный нос совершенно замечательно сидел на его вытянутом аденоидном лице. Преступный нос проводника вагонов дальнего следования очень заинтересовал Филиппа Проклова, отвлекая его на время от хитрющего взгляда соседа Ложкина и от всего того, с чем шел он в сторону Тишинского рынка. «Вот еще! — вскрикнул Филипп Юрьевич. — Какая прелесть, зеленый нос!»

Семен Иванович Ложкин приблизился к своему соседу и резкий запах винного перегара ударил по обонянию странного москвича. Филипп Проклов отступил на пару шагов, но ничем другим не выдал своего раздражения. — «Приветствуем вас, дорогой соседусшка, — старый пьяница с трудом глотнул спертый воздух московских улиц. — Будьте так великодушны, голубчик Филипп Юрьевич, впрочем, как всегда, только на вас рассчитывать и приходится. Помогите братьям своим, изнывающим от необходимости... — в этом месте своей подготовленной речи Семен Иванович не сдержался, сфальшивил и неприкрыто усмехнулся, — выпить нашей русской бормотушки!»

Самым заинтересованным образом Филипп Проклов воспался воображением невероятными играми с бесподобным носом отставного железнодорожника. Он так далеко ушел в своих причудах, так глубоко увлекся очарованием невероятного носа, что весь вид его принял выражение полнейшей отрешенности. В своих фантазмагориях болезнен-

ное воспаление разума заслоняло, затушевывало основную цель, которую он поставил перед собой, выходя из квартиры на Садовой улице и направляясь в сторону Тишинского рынка. Семену Ложкину пришлось толкнуть его в бок, чтобы обратить на себя внимание. — «С вашего позволения, уважаемый Филипп Юрьевич, соблаговолите выдать тридцать рубликов. Если, конечно, при вас окажется такая сумма. Не подумайте, дорогой мой соседка, что старина Ложкин совсем опустился, на склоне лет побираться пошел. Нет, дружок, нет, голубчик родненький, должок мой обязательно верну, ей Богу...»

Выкладывая все деньги Филипп Проклов был настолько охвачен мыслями, что этот его жест можно было бы считать скорее продолжением безумства, нежели вполне осмысленным поведением. Ко всему прочему весь его вид подсказывал, что стоящий перед гастрономом молодой человек был совершенно не в ладах с собой. За поступки, слова, дела свои он не несет никакой ответственности, они не могут быть им осмыслены. Уж очень странным выглядел он, чрезвычайно болезненным было его лицо. — «Отлично, братец! Выручил ты нас, голубчик! Помог! Я бы вас, дорогой мой, пригласил бы на *это* самое, но вы любезный, не по нашему ведомству, у вас другие наклонности, и совсем другие страстишки. Вы, братец Филипп Юрьевич, интеллигент, и занятие ваше новенькое, современное. Сейчас многие в вашем-то положении подобным увлекаются, защиту ищут от бед, неприятностей, разгула разума. У нас на такое, ума, содержания, здоровья не хватит. — Тут Семен Иванович так жалобно искривил свое пропитое, отекавшее лицо, что у его приятеля, человечка весьма далекого от маскарадного перевоплощения, вырвался неодобрительный кашель. — Покорнейше благодарствуем, желаем и вам решить все ваши проблемы ...» В глазах Семена

Ивановича появилась хитринка, он, казалось, даже подмигнул молодому человеку. Впрочем, медлить не стал, а сделав едва заметный знак своему приятелю, он сломя голову бросился к гастроному.

Филипп Юрьевич Проклов продолжал упрямо стоять на прежнем месте, напротив магазина, где затормозил его сосед, старый пьяница. Он прокручивал в своей сумбурной голове разнообразные версии происхождения загадочного, великолепного зеленого носа ветерана чугунки. «Что он с ним сотворил, — про себя хохотал юный москвич, — неужели с таким родился? Вот еще!» Со стороны, конечно, Филипп Проклов выглядел довольно-таки глупо, если вообще не по-идиотски. В его неопределенном, отсутствующем взгляде весьма приметным был болезненный блеск, на тонких губах одна улыбка сменялась другой. Стоял он как-то ненормально, плотно прижав одну к другой полусогнутые ноги, вытянув по швам руки, голова застыла, а вся фигура, напоминала человека окаменевшего, прямо таки замороженного. Но вряд ли кто мог бы сейчас догадаться об интенсивной деятельности его воспаленного ума. Именно в эти минуты молодому человеку представилось, как он в каске и шахтерской робе пробрался в ноздри зеленого носа и с помощью лопаты энергично выгребает оттуда **Это** самое важное. Залежи **Этого** в мохнатых, не совсем обычных шгольнях, казались ему поистине неисчерпаемы. Это обстоятельство привело Филиппа Юрьевича в неописуемый восторг. В его воспаленной голове большая часть человечества, уменьшенная до муравьиных размеров, с завистью следила за его уверенными движениями, охала и ахала, сотрясая стены оригинального помещения. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы молодой человек, вдруг, не задумал поселиться здесь навсегда. «Вот еще!» — хихикнул он на всю улицу Красина. Спohватившись, приостановив свои

фантазии, он испуганно огляделся, словно из-за боязни, что его могли подслушать, задумался, соображая, как поступить дальше и, неожиданно, понесся в сторону Тишинского рынка. Лицо его приняло беспокойное выражение. Он уже забыл встречу с соседом Ложкиным, замечательный нос бывшего железнодорожника, свои недавние фантазмагорические игры. Теперь опять ничего не существовало для него, кроме *Этого* самого главного. Филипп Проклов очень торопился.

Проходя мимо бензоколонки, молодой человек громко выкрикнул: «Который час?» Было, впрочем, совершенно непонятно, обращался ли он с фразой — вопросом вряд ли ее можно было назвать, нет, не так, не так она звучала — к редким прохожим или столь странным образом говорил сам с собой. Однако так уж получилось, что в тот самый момент, когда Филипп Юрьевич прогорланил на всю улицу свою отчаянную фразу, рядом с ним проходила девушка. Обычная, ничем не примечательная молодая особа на вечерней московской улице. Скромный внешний вид, легкое ситцевое платье, матерчатая обувь. Вот, пожалуй, и все что можно было отметить с первого взгляда. Так вот, эта самая девушка остановилась, и бросила в затылок проходящего мимо Филиппа Проклова. — «Девять!» — «Девять?» — обернулся молодой человек. — «Девять!»

Такое явное недоразумение заставило молодого человека вернуться к девушке, которую он было обогнал на несколько шагов.

— «Нет, правда? — Филипп Юрьевич старательно потер нос. — «Девять!» — усмехнулась девушка. «Быть этого не может», — про себя сказал молодой человек. Воспаленные с краснецей глаза Филиппа Проклова остановились на ее лице. Он увидел юное веснушчатое, едва тронутое загаром лицо, на котором сверкали веселые, крупные черные глаза. Волосы табачного цвета волной опускались на плечи, заканчиваясь

кокетливым локоном, прозванный в каферовых салонах «сессоном». — «Неужели, девять, Господи? — Филипп Юрьевич произнес эти слова, но таким подавленным, растерянным голосом, что можно было подумать, что он и впрямь обращался к самому Спасителю. — «Думаю, да! — непринужденность девушки постепенно сменялась смущением. — Вот, вам карта, наберите 100. Узнаете точнее». — «Спасибо». «Знала бы она, чему я не верю. Сказать бы ей какие муки, страдания найдут меня этим вечером, какая драма начнет разыгрываться со мной на Тишинской площади, — подумал молодой человек. — Может, спросить у нее про *Это* самое? Идиот! Еще проговорюсь случайно.»

После этих запутанных мыслей предчувствие опасности целиком и полностью овладело Филиппом Юрьевичем. Основательно сконфузившись, он пробурчал что-то невнятное, прощупал на руке пульс, потер нос и рванулся по улице Красина дальше. «Странный парень», — подумала девушка.

Часы на Тишинской площади показывали 20.55. До закрытия интересовавшего молодого москвича учреждения оставалось пять минут. Филипп Юрьевич подошел к нему поближе, чтобы через витражные окна разглядеть работающих в зале. Молодой человек забеспокоился. Люди в белых халатах оказались совершенно незнакомыми. «Что делать? — пронеслось в его воспаленной голове. — В моем распоряжении всего пять минут. Неужели ничего не выйдет, Господи? Прикинуться что ли простачком, сыграть какую-нибудь роль, отнять, украсть, выманить. Помогите, Господи, заступись! Нет, это совершенно безнадежный, обреченный шанс». Он хотел было уже уйти, даже сделал несколько неуверенных шагов в сторону отярко освещенных окон. Но когда вспомнил, что идти ему, кроме как к себе на Садовую, некуда, а когда идти некуда, когда никто нигде тебя не ждет и помочь не сможет, а возможно-

сти найти, разыскать **Это** самое главное нет, а впереди ночь, утро, день...И когда он подумал, что нет ни одного человека в мире, нет ни одной живой души, которая смогла бы представить всю силу этой безысходности, этого проклятого отчаяния, понять, осмыслить, насколько в действительности страшны, непереносимы предстоящие муки, сколько страданий они несут, какая невообразимая боль от них в сердце, суставах, в голове, в каждой клетке, атоме тела, остановился. Признание ошеломило, обескуражило его. Осознав в полной мере всю глубину трагедии, Филипп Юрьевич бросился к светящему неоновыми огнями помещению. В этот момент ничего на свете не существовало для него. Весь смысл жизни заключался только в одном : любыми путями найти **Это** самое важное!

В зале никого не было. За прилавком одиноко сидела маленькая худощавая женщина с бледно-желтым туберкулезным лицом. Она была настолько увлечена книгой, что не обратила никакого внимания на появление Филиппа Проклова. Резкие запахи, спокойная, обнадеживающая атмосфера ободрили молодого человека. Эта смена одного состояния другим совершенно необъяснимо выразилась в том, что Филипп Юрьевич остановился посреди зала и стал рассматривать «инструкции», «правила», «указания», сосредоточенные на кафельной стене. Могло показаться, что Филипп Проклов опять забывал, зачем явился сюда. Это занятие достаточно долго занимало молодого человека, пока с ним не произошло что-то совершенное новое, потому, как он, неожиданно, боязливо начал приближаться к той самой читающей женщине. Филипп Проклов был уже довольно близко от нее, когда на ее белом застиранном халате увидел вышитого синего паука. «Вот еще. Неужели? — мелькнуло в его голове. — С чего это она паука носит?» Тут на ум Филиппа Юрьевича пришла мысль, что паук талисман игроков, людей, которым часто приходится

ся испытывать судьбу, стоять на грани достоинства и бесчестия. Он вспомнил, что играющие женщины особая категория людей. Им в значительной мере присущи многие человеческие достоинства, среди которых особенно характерным является добродетель. Именно в таких людях, на первый взгляд болезненных и скучных, скрывается, как правило, самое положительное качество: «доброта.» «Вот истинное нравственное величие!» — подумал Филипп Проклов. Такое неожиданное, неизвестно на чем основанное заключение, родившееся, прямо скажем, в воспаленной голове странного москвича, возвысило перед ним эту особу. «Может, она тоже любительница *Этого* самого?» Молодой человек совершенно точно и ясно знал, определенно чувствовал: благородство и привязанность к *Этому* самому важному взаимосвязаны. Одно, является продолжением другого. Эти понятия, он был в этом абсолютно уверен, никак не могут существовать отдельно, самостоятельно, а выступают вкупе, как монолит, как единое целое.

«Выходи вон, парень!» — услышал он скрипучий голос.

Филипп Юрьевич горько усмехнулся. Разочарование сделало его лицо глупым и растерянным. Оскорбившись своим мыслям, возникшим минуту назад в его воспаленном сознании, молодой человек недовольно бросил «Вот еще!» Проклов прощупал на руке пульс, подсчитал удары и старательно потер нос. Конфуз постепенно освобождал его от ошеломляющего плена. Филипп Проклов раскаялся. Он понял, что все это было каким-то недоразумением. «Господи, как такое пришло мне в голову? Эта болезненная женщина увлечена игрой и благотворительностью, обладает высшими достоинствами. Чуть! Ерунда! Да это вовсе не паук. Вышиты инициалы. «С.Н.» Станислава Николаевна. Софья Наумовна. Серафима Никоновна. Стелла Никодимовна. Ха, ха, ха. Вот, еще!» В эти минуты

Филипп Проклов был уже близок к пониманию своего положения, однако и теперь чего-то такого ему опять не хватило или оно отсутствовало вообще и, его ум заработал не в том, нужном направлении. Проклов опять впал в задумчивость. «Ничего подобного, — навязывалось старое и отвергнутое. — Первая буква имя, вторая фамилия. Пожалуй, именно так. Он как-то невзначай вскинул голову и увидел, что стоит возле этой самой туберкулезной женщины. Все прежнее, от чего он совершенно неожиданно для себя отвлекся, навалилось на него с новой силой. «Господи, да что же я медлю-то!» Впрочем, новое обстоятельство, — он был в шаге от женщины, от которой в полной мере зависело решение генерального вопроса — сбило его с толку. «Здравствуйте, — начал было он, — мне хотелось просить вас...» Молодой человек запнулся, растерялся, пот выступил на его разгоряченном лбу, забежали, заблестели, заматались, засуетились его голубые с краснеющей воспаленные глаза. Но, вдруг, все нем оборвалось, остановилось, он замер, застыл, словно манекен. Только дергающееся веко разоблачало в нем жизнь. Конечно, Филипп Юрьевич начисто позабыл, зачем явился в это учреждение и, какие-то не совсем еще ясные видения стали проходить перед ним.

— «Убирайся! Не то вызову милицию!», — решительно потребовала женщина с болезненным лицом.

Филиппу Проклову показалось, что рот женщины в разговоре с ним оставался абсолютно закрытым. На всякий случай он оглянулся, предполагая присутствие других людей. Но зал был пуст. Это обстоятельство вызвало у Филиппа Юрьевича короткий, тихий смешок. Все это, в сущности, уже мало интересовало его. Окружающая обстановка становилась все более далекой, призрачной, пока не исчезла полностью и окончательно. С молодым человеком начало твориться что-то невероятное. Филипп Проклов сбросил с себя кожаный

пиджак, поспешно снял рубашку, и принялся похлопывать себя по левому локтю, приседать, обхватывать колени, закрывать глаза. Носовой платок он скрутил в веревочку и то локоть обвязывал им, то кисть руки. Филипп Юрьевич хотел было потереть нос, и как-то даже приготовился, но, не начав свое любимое занятие, остановился и, как бы забыв о нем, пробурчал что-то невнятное самому себе, подумал и, словно опомнившись, с маниакальной решительностью стал неистово стонать и в своем прямо-таки исступлении перетягивать скрученным платком левую ногу почти на уровне голени. Нездоровая сосредоточенность была характерна для всего его состояния. Когда дело дошло, видимо, до **Этого**, до самого главного, его-то под рукой и не оказалось. Филипп Проклов начал шарить вокруг себя, полез в брюки, заглянул под майку, ухватился за кожаный пиджак, валявшийся на полу у самой стойки, стал ощупывать каждый его сантиметр, каждый шов, рубец, петлю. Но ничего не было! Желание Филиппа Юрьевича заполучить **Это** самое было настолько велико, настолько сильно было это его желание, что молодому человеку, вдруг, явственно представилось ощущение полета «на Фавор». Он чувствовал, как его тело наполняется теплотой, вытягивается, растет всё выше и выше, трансформируется в петлистый луч, несущийся среди множества знакомых и чужих миров. Но именно здесь, в самом начале его пути произошел грубый, беспощадный обрыв. Видения полета к Фавору, продолжавшиеся всего лишь секунды, исчезли. Исчезли грубо. Переселение не состоялось. «Где Фавор?» — прокричал раненый Филипп Проклов.

Произошло, видимо, вот, что. Посещение молодым человеком «Фавора», происходило исключительно после **Этого** самого. Во всех других случаях, как бы ни лукавил, ни ловчил, ни старался он оказаться там, неизвестная, решительная сила

буквально выгалкивала, катапультировала его обратно. Нечто подобное случилось и на сей раз.

Крик собственного голоса привел его в сознание. Филипп Юрьевич истерически рассмеялся и мысли, наполовину трезвые, наполовину идущие от его воспаленного воображения, замелькали в голове. «Опять впереди боль, невыносимая, бесконечная, — лицо молодого человека побледнело, голубые глаза сверкнули отчаянием. Страшно, безумно страшно, когда наступит настоящая тоска по *Этому* самому главному. Очнуться бы раньше, всего на несколько минут, Господи. Что, сейчас? Что прикажешь делать? Минута, одна минута потеряна, а сколько мук, безумства, страдания. Не будь этого вечернего затмения, может, удалось бы найти ...»

В этот момент размышлений, отрываясь от их нескончаемого потока, Филипп Проклов по привычке старательно потер нос, прощупал на руке пульс и опять окунулся в них с головой. Человек, в котором еще слишком много человеческого уже начал в нем свой бег. Бег с земли во вселенную. — Возбужденный ум Филиппа Юрьевича своими выводами, мыслями мог сейчас озадачить любого здравомыслящего человека. Собственно говоря, кто теперь, кто сегодня осмелится оспаривать эти уже ставшие банальными далеко не свежие мысли. Человек побежал, побежал окончательно, бесповоротно и нет, не может быть, ничего такого, чтобы остановить этот бег. А разве абсурдно связывать его с бегом человека от времени, самого себя, разве абсурдно противопоставлять его политическим воззваниям и всем другим назиданием общества. Самое горькое, неприятное, это навязчивые идеи конца, конца бесполового, неотвратимого. Нужно ли противостоять несчастью, нужно ли мешать этому процессу, Господи? Если для этого необходимо убить человека — не согласен. Увольте! Уже столько казнено ради жизни, какой-то истины. И что, разве

стало лучше? Поэтому мне суждено только одно: бежать! Бежать ежеминутно, ежечасно. Какое миссионерство? Что еще за просветители, толкователи? Чушь. Ерунда. Нет Бога, кроме бега! А **Это** самое важное — пророк его!»

Так с сосредоточенностью маньяка, победоносно противопоставляя страсть к **Этому** самому — нормальному человеческому существованию, молодой москвич, с болезненной уверенностью в своей правоте приходил к выводу о начале всеобщего, всеохватывающего бега человека к новым истинам. Впрочем, а маньякли? Филипп Проклов скрупулезно изучал ежегодные данные международных организаций, следил за цифрами, таблицами, выводами и отлично знал о росте любителей **Этого** самого главного в мире. Такой тенденции он по-своему, про себя, радовался, наивно полагая, что только через эту новизну ощущений человечество способно принять вызов по всему спектру современных проблем бытия. В этом он видел панацею от идеологических, других подобных фанатизмов, в этом он видел будущее. И рост **Этого** самого доказывал ему самому, что он на правильном пути, он верно и четко ориентируется в сложностях человеческого существования. Все это придавало силу его убежденности, шлифовало мысли, настраивало философию. Надо сказать, что об этом предмете Филипп Юрьевич всегда размышлял легко, уверенно, с чувством собственной правоты, достоинства. Его мысли, на первый взгляд, сводились к парадоксальным истинам, если, конечно, смотреть на них нормальным человеческим образом. Но для него самого в этих мыслях и истинах было что-то фатальное, только ему самому ведомое и открытое. Он, например, довольно часто рассуждал приблизительно таким образом: «Человек стремится к такому жизненному смыслу, когда духовное будет преобладать над материальным. Это будущее человечества. Но кто, кроме нас доказывает, что уже сегодня

можно жить по таким канонам? Только мы! Именно мы та сила, которая сокращает эволюционный период человечества, движущегося к полной аристократии разума, гармонии интеллекта». Молодой человек почувствовал, как его толкнули в плечо. — «Проваливай, парень. Я все поняла. Мы закрываемся. Поторапливайся!», — бросила женщина в застиранном халате.

Внимание Филиппа Проклова привлекло следующее обстоятельство. У женщины, говорившей с ним, шевелились мутные с желтизной туберкулезные глаза, начавшие заволакиваться бельмами. «Вот еще!» — подумал молодой человек. Он хотел было вступить с ней в разговор, но ему это просто не удалось, не осмелился он воплотить в жизнь ту изначальную идею, с которой пришел сюда, смутился и, поторопился вон. На ходу Филипп Юрьевич сдернул с ноги платок, спустил закатанные брюки, поднял с пола кожаный пиджак, застегнул сорочку, громко, добродушно рассмеялся, старательно потер нос и выскочил на улицу.

Здесь он всем своим существом ощутил вечернюю свежесть. Двери учреждения звучно щелкнули, яркий неоновый свет погас, часы на площади методично отбили 21.00. Только тут Проклов с необыкновенной ясностью понял, в каком трагическом положении оказался. «Как я мог допустить, позволить, — лихорадочно соображал он. — Остаться пустым, лишиться себя самого главного. Чистейший идиот, глупец, трус. Неужели нет никакого выхода, Господи?» Горькая, обреченная улыбка искривила его измученное лицо. «Кого, впрочем, сыщешь в такой неурочный час, кто сможет помочь в таком положении, кто, кроме «Фавора», протянет, подаст мне руку? Но одна, надежда пожалуй, есть...»

Филипп Проклов бросился через всю площадь к телефону. В массивной будке резкий запах плетью ударил его по воспаленным глазам. Филипп Юрьевич заслонился от зловонья

пиджаком и стал торопливо искать монету. Ни мелкой монеты, ни карты в кармане не оказалось. Это происшествие ввело его в еще более нервное, раздраженное состояние, грозившее, как это было не раз, опять уйти в беспамятство. Хотя, другое, более важное и значительное обстоятельство — что звонить-то молодому человеку было решительно некому — прошло совершенно без внимания. Теряя вконец рассудительность, Филипп Юрьевич начал останавливать прохожих. В ранних вечерних сумерках его голубые глаза болезненно блестели, шепот, бессвязная речь, мокрое, покрытое потом, отрешенное лицо, обращающая на себя внимание подвижность и суетливость — странный москвич носился по всей площади — наводили ужас на прохожих. Одни шарахались от него в сторону, другие обходили стороной, спускаясь с тротуаров на проезжую часть улицы. В этот момент произошло то, что в значительной мере повлияло на дальнейшую историю молодого человека. Бросаясь из стороны в сторону, из одного угла Тишинской площади в другой, Филипп Проклов наткнулся на ту самую девушку, которую несколько минут назад встретил напротив бензоколонки на улице Красина. — «Это опять вы?» — девушка улыбнулась. Столкновение с ней было, разумеется, полной неожиданностью для Филиппа Юрьевича. Он мгновенно пришел в себя, но опомнился ровно настолько, чтобы вспомнить ее, но не больше. Едва он очнулся от лихорадочной гонки за утраченными иллюзиями, как приступ с новой еще более решительной силой охватил его, переходя от внутренних к внешним слоям его воспаленного сознания. Он, естественно, тут же забыл про ту самую девушку, стоявшую сейчас напротив, и воспоминание об *Этом* самом важном, опять заслонили весь его взбудораженный рассудок. О какой неожиданной встрече с ней могла сейчас идти речь, если возникшие во всем его теле физическая боль и душевные муки, как

бы продолжали собой, только на ином уровне, те страдания, те муки, которые начались у него в его комнатенке на Садовой и, преследовали его в помещении с ярко-неоновыми огнями. Но они, нынешние его мучения, были сейчас настолько сильны, что воспаленное воображение Филиппа Проклова было на грани полной протрации. Потому-то он и стоял на кромке тротуара напротив той самой девушки с совершенно отрешенным видом. Впрочем, со стороны похожий на человека, обдумывающего серьезные, насущные проблемы своего существования.

Девушке показалось бессмысленным дальнейшее общение с молодым человеком. В ее глазах в этот момент прочитывалась легкая ирония, едва заметная разочарованность, некоторая растерянность. Кроме того, она, видимо, уже пришла к первому суждению об этой странной личности к суждению, с которым трудно было бы не согласиться. Полагая, что не очень-то красиво и благовоспитанно стоять здесь рядом с незнакомцем, она повернула в сторону Васильевской улицы и готова была пойти прочь от этого загадочного в своей странности человека, как необъяснимая, прямо-таки колдовская сила остановила ее, более того, приблизила к молодому москвичу. Тут, конечно, девушка почувствовала определенную неловкость. Она почувствовала также, что это смущение ставит ее в положение человека, который противоречит самому себе. Так или иначе она стояла напротив него. Перед девушкой предстало утомленное, измученное, страдальческое лицо, безумные, воспаленные с краснецей глаза. Весь вид молодого человека подсказывал девушке какое-то, еще не достаточно четко сформулированное, беспокойство и чувство опасности. Не будь в ней врожденного благородства и чрезмерной чувствительности, этого было бы достаточно, чтобы отнестись к нему с подозрением. Однако, испытывая исключительную не-

ловкость, как перед совершением бестактности, она по-женски учтиво спросила: — «Вы больны? Вы страдаете?» «Страдаете! Страдаете!» — эти слова мгновенно вошли в его сознание. Филипп Проклов хотел было подтвердить, заорать на всю площадь, всей Москве, России, всему миру: «Да. Да. Я мученик. Я страдалец.» Но разум опять вернулся к прежнему. Власть над своими мыслями и поступками Филипп Проклов продолжал терять быстро и основательно. Теперь уже его интересовало совсем совсем другое. Отвлекаясь от своих горьких, мрачных выводов, молодой человек высмотрел на асфальте муравья, бесцеремонно и агрессивно прокрадывающегося к его ботинку. «Если пролезет, — защекочет», — вдруг, на всю улицу вырвалось у Филиппа Проклова. Молодой человек отбежал в сторону, усмехнулся, старательно потер нос, и, к великому удивлению, обнаружил целую муравьиную шеренгу, марширующую прямо на него с барабанным боем и пением труб. «Вот еще!» — буркнул себе под нос странный молодой человек. Он встал в позу гладиатора, принимающего вызов, а муравьиный рой, в его воспаленном сознании, превратился в вооруженный легион. Бой был неминуем. Филипп Проклов ощутил в руках трезубец, а под ногами почувствовал мощные улицы Рима. Солнце, горящее на шлемах легионеров, слепило, било по глазам. Неистовый оскал придал лицу молодого человека неприимую решительность. Он шагнул навстречу врагу и тут же был сражен. Его победителем, как оказалось, была определенно знакомая личность. Филипп Юрьевич успел даже с ней про себя поздороваться. «Приветствую Вас, Софья Наумовна». Бестолковый, дурацкий поединок на этом закончился. Точнее, прервался по-прокловски, без финала и логики. Неотступная мысль об *Этан* самом опять вернула молодого человека в августовский вечер на улицу Красина. Филипп Юрьевич, не обращая никакого внимания на девушку, соскочил с тротуара,

вышел на середину улицы, тщательно прощупал пульс, заинтересованно потер нос и засеменил в сторону Большой Грузинской улицы.

Воздух остывал медленно. На сумеречном небе неторопливо выступали звезды. Улица Красина была тиха и спокойна. Людей почти не было. Лишь изредка на дорогах бесшумных машинах подъезжали к бензоколонке новые русские богачи. На всем, что происходило вокруг, стояла печать умиротворенности и спокойствия. Только запах кваса был единственным нарушителем этой гармонии. Такая атмосфера оказывала определенное давление на молодую особу, способствовала размышлению. Где-то впереди своей странной походкой шел Филипп Проклов. Можно было только догадываться, в каком состоянии он оставил ее здесь, на Красина. Но вид ее являл полнейшую задумчивость. Она чувствовала, она была уверена, что молодой москвич болен. Причем болен психически. В первый момент, когда она поняла это и определила возможный диагноз, ее здоровый инстинкт запротестовал, заупрямился. Слишком много было в ней человеческого, женского, слишком много было вокруг щекотливого. Но на смену одному умозаключению пришло другое. Оно еще более оформилось и окрепло, когда молодой человек так внезапно, по-идиотски ушел. Этим новым ощущением была симпатия. Симпатия, основанная на сочувствии к нему, к его безумным воспаленным красивым глазам, к его постоянно меняющемуся юному лицу, к его манере, необычной и навязчивой, тереть нос и постоянно щупать пульс. Но самое важное открытие она сделала, когда решила суммировать свои впечатления: болезнь коренилась не в пороках его личности, а в потребностях его морали, странного устройства ума. Внутреннее сострадание к молодому человеку, которое возникло и начало свой неторопливый путь, подсказало ей необходимость быть сейчас

рядом с этим непонятным москвичом и не оставлять его одного. Только этим можно объяснить, что после недолгих колебаний девушка в ситцевом платье пошла ему вслед. У Большой Грузинской улицы перед светофором, где Филипп Юрьевич задержался, готовясь по-своему перескочить перекресток, девушка подхватила его под руку. Надо было знать — она готовилась стать врачом! Проклов не сопротивлялся, не высказал удивления или замешательства, даже наоборот, он не проявил к этому факту ни малейшего интереса. Они миновали перекресток, повернули налево и пошли по Большой Грузинской улице в сторону памятника Руставели. Молодые люди шли спокойно и мирно, как будто давно знали друг друга. Пройдя пару сотен шагов, быть может больше, странный молодой человек вдруг остановился и с удивлением человека нашедшего давно потерянную вещь, обошел девушку, заглянул ей в глаза и совершенно неожиданно сказал: — «Хорошо, что мы встретились. Я вас искал». Девушка, всматриваясь в него, улыбнулась. — «Где вы работаете? У вас нет случайно ...» — Филипп Проклов запнулся на полуслове. «Не хватает еще признать, идиот. А давеча меня еще удивляли намеки Семен Ивановича. Сам виноват, — пронеслось у него в голове. — Вот, так, видимо, когда-то, совсем как сейчас... А слух ползет, лезет, таится — страстишки, страстишки. Да. Да. Страстишки. Страсти! Мой бег от всего! Мое одиночество!» — «Вы задумывались, что может быть лучше самого себя?» Девушка промолчала. — «Жаль. Когда человек остается наедине с собой, мир его беспределен. Он могущественный, насыщен такими фантазиями, такими сложнейшими играми и превращениями, что, ей Богу, я всегда предпочитаю самого себя любому интересному обществу, кино, теле — интернетконтактам. Я, один только я. Я, я, я! Масс-медиа — вампир сознания индивидуума. Не успел поставить защиту — они вмиг овладеют твоей душой, серд-

цем, начнут по-своему зомбировать тебя, выработать в тебе свое мнение, взгляды, вкус...»

Эта тема воодушевила молодого человека. Своими словами, выводами, сентенциями Филипп Юрьевич доказывал, что мир должен состоять исключительно из своего я. Каждого отдельного человека! Он высказывался против тех суждений, которые все человечество объявляло единым, целостным миром. Свои доводы он подкреплял наблюдениями из личной жизни, защищал свою основную мысль, что нет и не может быть ничего интереснее собственных грез и фантазий. Вся его речь сопровождалась повышенной эмоциональностью. Он говорил горячо и самоуверенно, самозабвенно. Свою речь он строил, создавал, словно искусный оратор, опираясь на образы индивидуального, социального, философского порядка. Он рекламировал, предлагал реформы, проекты, конституции, которые согласовывались с его пониманием мира, с его отношением к понятиям добра и зла. В его монологе чувствовалась полная убежденность в заповедях, в своей философии жизни, в своей, собственно им придуманной модели человеческого существования. Во всех его размышлениях было слишком много серьезного, и совершенно отсутствовали случайные уличные экспромты. — «Повивальная бабка моей философии — одиночество. Только в одиночестве растет, крепнет, мужает величие разума. Одиночество стимулирует полную загрузку ума, помогает проникать за самые отдаленные горизонты таинства существования: жизни, смерти, любви, истины. Какая скука в обществе! Позор! Пощечина человеческому роду! Две силы находятся в постоянном, беспрецедентном противоборстве, антагонизме, вражде. Общество и личность. Личность и общество. Как только личность теряет способность мыслить, защищать статус-кво своего «я», как единого из всего, неза-

висимого от сознания и воли людей, как единожды созданный мир, так сразу же кончается человек. Беспощадность — исконное свойство общества. В нем жестокость — в порядке вещей, ложь и провокации — следствие ее обреченности. Великодушные считаются результатом социальной болезни, сердечность — пережитком прошлого, широта взглядов — пропагандой против патриотизма. Критика институтов общества и книжных догм — неслыханной наглостью, сумасшествием. У стоящих на страже общества свое понятие о долге, чести, добродетелях. Одинаковость — черта времени, характер эпохи. Поэтому, так популярны близнецы. Какая удача! Все на одно лицо! Все на одно чувство! Все на один разум! Но главное, все на одного врага! Все на одного отступника! А он-то хотел всего лишь сказать: «Извините, я человек! У меня своя голова!...хочу по-своему!» Однако достаточно ему сказать так, подумать так вслух, прошептать себе самому — как начнется самая настоящая чертовщина. Неслыханное, чрезвычайное происшествие! Нахальство! Вызов всему обществу! Человек очнулся. Человек подумал. Человек хочет жить по-своему. Согласно своей совести. Своим мыслям. Какая дерзость! Выкорчевать! Стереть! Предать проклятью! Забросать камнями! Спустить в унитаз! Продезинфицировать! Ничего не было. Нет, в действительности ничего не было! О чем, собственно, говорить. Все нормально. Человечество XXI века в высшей степени сознательно! Это новая ступень цивилизации. Куда же деться? Куда спрятаться? Найти бы какой-нибудь маленький уголок на Фаворе. Норку. Гнездышко. Щель! Давеча я всеми силами старался переехать туда — слово «переехать» Филипп Проклов произнес таким тоном, что могло бы сложиться впечатление, что для этого достаточно прийти, скажем, на Савеловский вокзал, купить билет и отправиться в путешествие, -но из этого ничего не вышло. Не состоя-

лось, нет **Этого** самого главного». — «Нет, чего?» — сосредоточилась девушка.

Молодой человек осекся, замолчал. Лицо его стало рассеянным и отсутствующим.

Наступила пауза.

Филипп Юрьевич почувствовал себя основательно запутавшимся в гигантской паутине, тысячами нитей соединяющей его, напоминающей ему, связывающей его с **Этим** самым. Он опять становился ее пленником. Генеральная убежденность, вера в свое жизненное кредо запрещали молодому человеку вот так, напрямик, обратиться к молодой особе с просьбой о насущном. Но вся ее внешность, облик, подсказывали ему и другое. Эта борьба между старым, устоявшимся убеждением и новой, свежей мыслью выразилась в том, что Филипп Проклов в каком-то изумлении обошел девушку, старательно потер нос, закурил сигарету и, сам того не ведая, выпалил: «Проблема у меня. Сущий пустячок. Мелочь ... Что вы посоветуете, если я в поисках ...» Молодой человек все же не договорил, в страшном испуге он отбежал от нее в сторону и выкрикнул на всю улицу: «Я ищу **Это** самое важное!» Через некоторое время, он снова, но уже более гневно, даже как-будто в ярости, повторил: «Вы слышите, что именно я ищу!»

Она слушала его с содроганием, абсолютно пока не понимая, как необходимо ей поступить, какие слова найти, что предпринять, чтобы помочь, успокоить, утомонить молодого человека. В нагромождении сумбурных мыслей, трудно было найти хоть какой-нибудь план разумных действий. Девушка, прежде всего, заставила себя успокоиться. Во всей этой истории, и она это сейчас хорошо понимала, был какой-то риск, и каждый последующий шаг мог подвести ее и его к настоящей неотвратимой опасности. Но молодая особа не желала думать об этом. Ее сердце учащенно билось, а перед гла-

зами ясно встали примеры высокой добродетели, скрижали вечных истин. Но тут она интуитивно почувствовала, что любые увещевания будут напрасными, а слова фальшивыми. Девушка в ситцевом платье стояла в оцепенении. Учтивый взгляд ее красивых умных глаз рассеяно скользил мимо Филиппа Проклова. Она выжидала. Молча и терпеливо. Она чувствовала, что только спокойствие вернет ему самообладание. Пустоту, образовавшуюся вокруг молодых людей на Большой Грузинской, после истошного вопля Филиппа Юрьевича: «Я ищу **Это** самое главное,» — заполняло карканье ворон да скрежет тормозов автомашин, шоферам которых приходилось объезжать молодого москвича, стоявшего столбом посреди улицы. Между тем темнело. Уличное освещение казалось тусклым. От руставелиевского парка тянуло сладковатым запахом павших августовских листьев. Было пустынно. Вечерние Грузины никогда не отличались многолюдностью. Милиционер, дежуривший у особняка Церетели, задержал свое внимание на молодой паре. Однако с поста своего далеко отойти не осмелился. Не положено. Мало ли что произойдет. Друг мэра!

К Филиппу Проклову подъехал автофургон с надписью «Хлеб». Высунувшийся из кабины водитель стал отчитывать молодого человека за нарушение уличного порядка. Неизвестно, чем бы этот инцидент закончился, если бы не девушка. Она подошла к Филиппу Юрьевичу, взяла его под руку и спокойно сказала: «Пойдемте.» Его нарочитое сопротивление было недолгим. «Куда это мы? Вот еще!»

— «Мой дом тут совсем рядом. Васильевская, 4. Третий этаж. Светлана Минина».

Подобно затравленному зверю, который только в логове чувствует себя вне опасности, Филипп Проклов постарался укрыться в играх своего воспаленного сознания, чтобы заглушить, затушевать навязчивые мысли, связанные с отсутстви-

ем **Этого** самого. В своем мутном, взбудораженном воображении он охотно нарисовал квартиру Мининой: недорогую мебель с зеркальными створками, неотъемлемое наследство прошлого, широкий, низкий, шелковый абажур, подоконник, заставленный горшочками с альпами геранями и высокими гиацинтами «Глория Суперба.» Кровать с большими пуховыми подушками, дешевую напольную вазу, разрисованную в добрых традициях русского фольклора, старенькое пианино, на котором в рамках стояли семейные фотографии. Когда же перед ним предстал телевизор и приемник местной сети «Секунда,» раздражению молодого человека не было предела. Все эти наваждения грозили исчезнуть, если бы не одно весьма любопытное обстоятельство. В порыве искреннего недовольства присутствием в квартире средства пропаганды молодой человек заметил сервант, длинный, резной, со множеством полочек и ящичков. «Неужели, — вдруг, мелькнуло у него в голове, — там не найдется **Этого** самого?» После такой ошеломляющей мысли, он уже ни о чем другом не думал, да и думать, конечно, не мог. Такое заманчивое предположение пленило его сознание полностью и окончательно. «Точно, ей Богу, так и есть, — поразился своему открытию Филипп Юрьевич. — В серванте на верхней полочке? Среди флакончиков, помады, пудрениц и прочего. Достаточно лишь приоткрыть дверцу и преспокойно взять. Просить не надо. Ни в коем случае не просить. Вот оно спасение, Господи! Вот она помощь! Удача! Долой боли! Припадки! Болезненность!» Чрезмерно довольный, взволнованный, странный москвич радостно потер нос, прощупал пульс, закурил сигарету и прогремел на всю улицу: «Вперед, на Фавор»!»

Склонность молодого человека принимать воображаемое за нечто реально существующее болезненно оживила Филиппа Проклова, и самые нелепые, дерзкие фантазии стали

овладевать им. Беззастенчивость, с которой он отдался своим грезам, смутила бы, конечно, человека здорового, нормального, но только не его. Тут рассудок Филипп Юрьевича начал подвергаться прямому нашествию. Тысяча разных противоречивых мыслей одна за одной стали посещать его, вызывая на вспотевшем, нервном лице экзальгированные гримасы. С этой минуты он думал только об одном. Самом важном, самом заветном, желаемом: как попасть в сервант! — «Светлана... — начал было молодой человек, но опять запнулся, побледнел, обхватил голову руками, попятился и прислонился к дереву. По коже настойчиво поползли мурашки. Его стало знобить. Верхние слои его воспаленного сознания начали терять контроль над собой. Собственное «я» становилось недостижимым для осмысления. А какое это скверное, непристойное состояние видеть все, кроме самого себя. Ни облика, ни души, ни пульса. Одна мрачная бесконечность, вызывающая только ужас и отчаяние. Кризис Филиппа Проклова переступал через черту человеческих испытаний. Он, словно чума, бешено завоевывал каждый атом его худого болезненного тела. Уже одним сплошным призраком представлялся ему окружающий мир. Все ниже падала температура тела. Все медленнее стучало сердце. Вдруг все куда-то провалилось, и Филипп Проклов впал в беспамятство. Свет уличных фонарей падал на его бесчувственное, искаженное конвульсией лицо.

В душе Светланы Мининой царило смятение. Целый ряд неясных, совершенно неожиданных вопросов встал перед ней. Она старалась найти объяснение своему поведению, своим поступкам, чтобы, проявляя великодушие, гуманность, оказывая помощь, не нанести себе нравственный, моральный ущерб. Свое замешательство она в меньшей степени связывала с собственной опасностью. Как молодой специалист, Минина могла лишь догадываться о характере недуга Филиппа

Проклова, толком, конечно, мало что понимая. Но как женщина и медик — она вот уже третий год после училища работала медицинской сестрой — она не желала снимать с себя ответственности за возможное ухудшение его состояния. Девушка подошла к нему, чтобы поудобнее прислонить к дереву и, если в этом будет малейшая необходимость, оказать первую помощь. При обморочном состоянии лучше всего потереть виски, смочить холодной водой голову. Еще не выбрав определенного метода оказания помощи, она взяла его за руку, чтобы прослушать пульс и поразилась податливости этого, на первый взгляд окаменевшего тела. Оно легко и послушно подчинялось ей. Скорее интуитивно, с чувством облегчения, нежели осмысленно, Минина, держа за руку Филиппа Юрьевича, ступила с ним шаг, другой, третий. Молодой человек исправно следовал за ней. Поскольку перед ней было лишь одно решение возникшей ситуации, все другие были бы просто неприемлемы, девушка спокойно и уверенно повела Филиппа Проклова на Васильевскую улицу, к себе на третий этаж. Могла ли она поступить иначе? Нет! Только пустым, кокетливым, бессердечным особам этот поступок Светланы Мининой может показаться из ряда вон выходящим.

Филипп Проклов приходил в сознание медленно, словно после глубокого сна. В тревожном, беспокойном изумлении он разглядывал очертания темной комнаты и никак не мог понять, осмыслить, где это он находится, и как, вообще, оказался здесь. «Может быть, это и есть одно из тех пространств, ограждающих меня от этой жизни?» — пронеслось у него. Впрочем, на этом его мысль внезапно оборвалась и исчезла. Филипп Юрьевич почувствовал, что что-то злое, неотвратимое происходит с его воспаленной головой: липкая жидкость, хлынувшая оттуда, обрушилась на сознание, сокрушая на своем пути все клетки тела. Боль была просто не-

выносимой. Скорчившись, прячась от диких ощущений, молодой человек в судорогах дергался и стонал на кровати до тех пор, пока жуткий болевой спазм не начал выпускать его из своих кошмарных объятий. Филипп Юрьевич приподнялся, чтобы еще раз попытаться понять место своего пребывания. Кровать, на которой он находился, была незнакомой, очертания предметов, заполняющих затемненное пространство, никак не помогли ему вспомнить все прежнее и прийти в себя уже окончательно. Слишком нереальным, призрачным являлось все вокруг, слишком загадочным и мистическим представлялось его положение. Не обнаружив ничего известного молодой человек готов был поверить, что находится он в каком-то своем, лично ему и только ему знакомом пространстве среди таких же, как он сам, поборников *Этого* самого, вольнодумцев, путешественников за истинами. Но неведомая таинственная сила сбивала его с этого приятного предположения, а червь сомнения все настойчивее донимал его.

Тут началась такая чехарда, круговерть нелепых мыслей и наваждений, что бедный Филипп Юрьевич основательно был сбит с толку и совершенно потерялся. Вдруг его воспаленное воображение остановило свой бег на самой простой, четкой по своей стройности мысли: «А вдруг я нахожусь по другую сторону. Среди человеческой суеты и самодовольства политиков? В сундуке, в российском ящике! Здравствуй, крепостной Проклов! Почему не работаешь? Почему не участвуешь в жизни общества? Неужто, я тут, милосердный Боже? Да! Точно! Опять я здесь! Опять в мышеловке! Вон, в доме напротив, горят огни». В этом его признании было столько боли, отчаяния, столько панического ужаса и страха, что на слабый разум молодого человека нахлынули болезненные видения, характерные приступу абстиненции. Филипп Про-

клов вдруг со всей ясностью заметил, что где-то совсем рядом с ним прячется Ложкин. Его пьяный рот, хитрющие глазки и острая борода то и дело мелькали в темноте комнаты. Желая убедиться в истинном присутствии своего соседа, молодой человек начал лихорадочно шарить по кровати, спустился на пол, стал шлепать ладонью по паркету. Ничего поблизости не оказалось, а сам Ложкин появлялся уже подалее от Проклова, где-то в углах помещения. Огорченный своей нерасторопностью, возмущенный, недовольный присутствием своего преследователя, молодой человек начал носиться по комнате, стараясь настичь его. Натыкаясь на мебель, получая удары и ушибы, Филипп Юрьевич вконец потерял остатки сил и опустил на пол. «Вот еще!», — мелькнуло у него в голове. Химерический преследователь исчез, а тайна окружающего все больше, все сильнее занимала его пошатнувшийся от обиды, угрызания совести, беспомощности, рассудок. В полном отчаянии Филипп Проклов просидел на паркете несколько минут. Не представляя, куда себя деть, чтобы спокойно передохнуть, обдумать свое загадочное местопребывание, молодой человек абсолютно случайно, ненароком, облокотился на какой-то твердый предмет. Предмет этот негаданно издал такой своеобразный звон, что, пережив первый неожиданный испуг, Филипп Юрьевич вспомнил про сервант. «Сервант! Это тот самый сервант! Достаточно приоткрыть дверцу. Среди флакончиков, помады, пудрениц. На верхней полочке. Протяни руку, Филя... Откуда я все это взял? — не постигая полного смысла столь необыкновенного наваждения, задумался молодой человек — Да где же я нахожусь, Господи?» «У девушки, у той самой девушки, что вчера перед бензоколонкой...», — шепнул ему, казалось, голос соседа Ложкина. «Вот еще!» — буркнул себе под нос молодой человек. Однако, он все же выкрикнул для порядка:

«Кто здесь? Есть здесь хоть кто-нибудь?» Вокруг, конечно, никого не было и не могло быть. Где-то на кухне спала Минина.

Филиппу Юрьевичу стало невыносимо жутко от такого бесцеремонного вмешательства мистики. В глубоком негодовании он старательно потер нос, прощупал пульс, предал мысленно анафеме свое скверное состояние и уже решил, что судьба сыграла с ним злую шутку. Впрочем, едва он успокоился, как все прежнее вновь навалилось на него. Все опять казалось возможным и вполне вероятным. Воспоминания восстановили в его памяти телефонную будку с резким запахом, вышитого паука на застиранном халате, почему-то огромную, похожую на соломенную хлебницу хозяйки-еврейки, авоську Светланы Мининой, из которой виднелись французская булка и пакет молока. Но все вчерашнее всплывало отдельными эпизодами, и Филипп Проклов, как ни пытался, был бессилен представить картину минувшего вечера. Одновременно с этим навязчивая мысль стала преследовать его, вытесняя все прежние мелочи и эпизоды. «На полочке! Ну приоткрой дверцу! На полочке!» «Да что ж я медлю-то, Господи!» — выкрикнул молодой человек и бросился к серванту. Именно здесь неожиданный вопрос, пронесшийся в его воспаленном мозгу, беспощадно сразил Филиппа Проклова: «А что если там ничего нет! Если полка пуста!»

Филипп Проклов задрожал всем телом, как при остром приступе малярии. Неизвестно откуда взявшийся яркий молодой месяц забегал, заметался перед его глазами, словно маятник старинных часов, безжалостно отстукивающий тревожные удары, отдающиеся болью в висках и сердце. «Тогда конец! Натуральный конец!» Впрочем, уже ничто не могло остановить Филиппа Юрьевича, его лихорадочных приготовлений, его маниакальной навязчивости поиска *Этого* самого. Молодой человек протянул вдоль глянцевого полирован-

ного серванта свою дрожащую руку и очень скоро нащупал дверную ручку. Едва он коснулся ее, как дверца открылась и, в помещении раздался слабый короткий скрип. Его худые, нервные, желтые от никотина чувствительные пальцы, взбешенные болезненным состоянием молодого человека, засуетились, застучали, понеслись по полочкам полированного серванта, словно лапки морского краба, выброшенного волной на прибрежную гальку. «Вот, оно!» — в отчаянии пронеслось у него в голове. «Вот, **Это** самое желанное!» — выкрикнул счастливый безумный Филипп Проклов. «Вот, оно!» — повторил он дрожащим от подступившего рыдания голосом.

По мере того, как его взбудораженный разум постепенно осознал, что находка **Этого** самого не плод больного воображения, не игра воспаленного ума, а бесспорный, определенный факт, сердце Филиппа Юрьевича начало колотиться все беспокойнее, все быстрее. В висках застучало, в горле пересохло, язык стал жестким, твердым, чужим, температура тела подскочила, его основательно прошиб пот. Глаза, его голубые глаза воспалились, заблестели, выразили свою абсолютную беспомощность, свой бурный восторг, полное непонимание всего происходящего, всего случившегося. Со всех сторон молодой человек был окружен такими загадками, такими тайнами, открытиями, что это нагромождение мистики и реальности, воображаемого и существующего, выразилось в том, что Филипп Проклов, опираясь на зыбкие, хрупкие ощущения того, что он, наконец, стал хозяином **Этого** самого, начинал чувствовать, считать себя победителем всей своей горемычной жизни. Победителем страшного, сумбурного своего бытия, и это приятное происшествие среди контуров темного помещения стало приводить Филиппа Проклова к полному, ясному сознанию. Он становился самим собой! «Какая удача!» — выкрикнул молодой человек. Он вскочил на ноги, стара-

тельно потер нос, рассмеялся самодовольно и искренно, пощупал в руках наиважнейшую находку и бросился в ванную комнату. Все это он сделал смело, решительно, словно знал расположение квартирki давно и прочно. Там Филипп Юрьевич включил свет, щелкнул задвижкой, а через некоторое время оттуда стали доноситься довольно странные звуки. Жалобный стон прерывался визгом и хохотом, хриплое покашливание — звонкой песней, визг пилы — устрашающим гулом. Чем там занимался молодой человек никто не знал, и знать, конечно, не мог, а понять что-либо со стороны было совершенно невозможно. Тем временем гул, скорее всего исходящий из водопроводной трубы, перешел в зловещий вой. Это обстоятельство и разбудило Светлану Минину, которая устроилась на кухне, и только недавно задремала. Проснувшись, и еще не понимая, что собственно происходит в ее доме, молодая особа поспешно раздвинула гардины, зажмурилась от яркого утреннего света и через призраки уходящего сна вспомнила о Филиппе Проклове. Девушка моментально вскочила, благо она легла на диванчик в дешевых польских джинсах и в голубой футболке с номером «33» на спине и бросилась в комнату, где прошлым вечером оставила спящим молодого человека. Молодая женщина первым делом раздвинула гардины. Комната наполнилась утренним светом. Кровать была пуста, но Филиппа Проклова в помещении не оказалось. Светлана обратила внимание на то, что в ее спальне было все как прежде, ничего не было нарушено, все безделушки, вещички оставались на своих местах, дверки шкафа, серванта, тумбочек были плотно закрыты, а из вазы с гладиолусами, стоящей на столе в центре комнаты, исходил затхлый запах. «Нехорошо, — подумала Минина, — необходимо срочно поменять воду». Молодая женщина подошла к ванной. Необычное звучанье, доносившееся из собственной ванной комнаты, щекотливость своего

положения, ситуации в целом основательно смутили Светлану. Она прикоснулась к двери робко, кончиками пальцев, боясь быть обнаруженной. Ванна была заперта. Она почему-то была так напугана этим обстоятельством, что позже с трудом смогла бы вспомнить, сколько времени простояла перед дверьми в нерешительности. Наконец, гул прекратился, задвижка щелкнула, и на пороге появился молодой человек. Такая неожиданность привела Минину в полное замешательство. Хозяйка квартиры оцепенела, совершенно не соображая, куда себя деть, не зная, куда спрятать глаза. Когда это минутное оцепенение прошло, Светлана увидела перед собой приятного молодого человека, аккуратно причесанного, со спокойными умными голубыми глазами. Тонкие бледные губы Филиппа Проклова вытянулись в добродушной улыбке, умиротворенное, светлое лицо каждой своей черточкой говорило о том, что молодой человек выражает хозяйке дома благодарность. — «Я, Филипп Юрьевич Проклов. Большое спасибо за помощь и гостеприимство, — сказал он. — Простите меня, если я доставил вам хлопоты. Я, право, не предполагал оказаться здесь». — «Ничего, ничего. Минина, Светлана Павловна. Все нормально, все хорошо. Как вы себя чувствуете?» — спросила несколько сконфуженная молодая женщина. — «Превосходно! Отлично! Этот вопрос вы задали, видимо, не случайно ... Я вчера выглядел не совсем благополучно. Такое со мной случается». — «Я работаю хирургической сестрой в институте Склифосовского. Если нужна помощь, консультация, пожалуйста. Вы проходите в комнату. Если не возражаете, я приготовлю кофе. Может, вы есть хотите?» — «Нет! Нет! Пожалуйста, не беспокойтесь. Впрочем, я бы, пожалуй, предпочел чай. За конфетку или пряник буду весьма благодарен! — Филипп Юрьевич улыбнулся своей искренней обаятельной улыбкой. — Вашу комнату я представлял несколько иначе, ког-

да давеча проснулся в темноте. Такие тяжелые портьеры. Вот почему было темно. Вы одна живете?» — «Да! Уже два года как умерла мать». — «Кстати, который теперь час? Может быть, время вовсе не для разговоров, для отдыха время? — опять улыбнулся молодой человек. Эта его щедрая искренняя улыбка начинала нравиться Светлане Павловне. — «Около пяти». — «Утром на работу?» — «Сегодня суббота. День отдыха». — «Это чудесно», — как-то мечтательно сказал он. — «А вы чем занимаетесь? Я иногда вас встречала на улице Красина, но больше на Тишинской площади, перед ...» — «Да, да. — поторопился перебить ее молодой человек. Я действительно там частенько бываю. Я ведь снимаю комнатку на Садово-Кудринской. Ничем конкретно не занимаюсь. Не подумайте, что я горжусь этим обстоятельством. Нет! Напротив. Меня это мучает и чрезвычайно тяготит. Хотел стать историком, учился в университете, после третьего курса заболел. Ну, а после болезни все забросил». — «Трудно?» — «Вы имеете в виду материально? Я зарабатываю немного... Правда, это крохи. Работка совсем не мудреная — ношу на себе рекламу. Пока хватает. Да, много ли мне надо... Комната, сигареты, чай. Хватает. Иногда мать что-нибудь пришлет. Нет, мои проблемы не в этом». — «В чем же?» — «Не будем говорить об этом». — «Вы москвич?» — «Нет, я из Таганрога. Можно сесть вот в это кресло? Как удобно! Как чудесно!» — молодой человек по-своему обыкновению старательно потер нос. — «У вас много друзей?» — спросила Светлана Павловна. — «В Москве почти никого. Университетские мои сокурсники давно защитились, видимо уже разъехались. Так что, друзей мало. Пожалуй, их просто нет. Да я никогда их и не искал, — проговорил он, казалось, размышляя с самим собой. — Если довериться наблюдениям, то и по вашей квартире не видно, чтобы вы часто принимали гостей». — «Точно! — усмехнулась Светлана Павловна. — Со своими подружками

я провожу время на кухне. А больше у меня никто не бывает». — «Вы давно закончили училище?» — «В 97-ом. Мне уже 24 года!» — сказала молодая женщина запросто, даже несколько второпях. — «Разве возраст женщины не сокровенная тайна?» Светлана Павловна улыбнулась, но ничего не ответила. Она прошла на кухню, принесла оттуда чайник, поставила на стол несколько ломтиков булки с маком и блюдце, наполненное доверху конфетками и сахарком. — «Вы, наверное, любите все таинственное?» — спросила она. — «Трудно ответить однозначно. Настроение подсказывает стиль поведения, слабость или силу восприятия мира».

Девушка поставила перед ним вазочку со сладкими сухариками, бубликами и суховатым мармеладом. Она разлила чай, наполнила чашечки кипятком, и устроилась сама напротив Филиппа Юрьевича так, что каждая черточка, каждая морщинка его лица были ей ясно видны, а глаза его, воспаленные, с краснецою, голубые глаза, находящиеся совсем рядом, были теперь наполнены чувством бесконечной благодарности. — «Извините, но вы сказали, что после третьего курса заболели. Что именно с вами случилось? Если вам не хочется отвечать...» — «Действительно, говорить сейчас об этом не стоит. Такой вкусный чай! Такие бублики! Вы меня балуете, Светлана Павловна».

Чай, как все горячее, после **Этого** самого, всегда благотворно влиял на молодого человека. Он начинал ощущать в себе силу, обретал энергию, к нему возвращалось чувство реальности и здравого смысла. Он необыкновенно любил это свое состояние. Оно частенько возникало у Проклова после **Этого** самого важного, правда на очень короткое время перед полетом, парением, путешествием в **том** свой мир. В эти минуты он нравился самому себе своей рассудительностью и желанием анализировать все происходящее вокруг, все тво-

рящееся в самом себе. И это ему удавалось! Он был красноречив, всегда вызывал симпатии у своих собеседников. Выглядел он достаточно приятно, эмоционально, здраво, как человек, знающий предмет разговора и прекрасно ориентирующийся во всем том, о чем он страстно, запальчиво размышлял вслух. Именно в такие чудесные минуты своего состояния Филипп Проклов любил поругивать свое отечество, находить в нем отвратительные процессы и симптомы, зловещие призраки и отталкивающие пороки. Филипп Юрьевич обрушивался на все несовершенное, фальшивое, порочное и т.д. и т.п. Словом, как истинный приверженец **Этого** самого, молодой человек любил чаевничать, философствовать, вызывать у собеседников священный гнев против сил зла, мешающих его собственному народу жить красиво, свободно, по законам совести и человеческой добродетели. Впрочем, свои личные обиды он никогда не смешивал с общественным злом. — «Лето у многих наших соотечественников, самая желанная пора, мое самое любимое время года. Природа балует человека так же щедро, как вы, Светлана Павловна. Она награждает его таким ароматом яств, вкусов, воздуха, красок, музыки, цветов и чувств, что невольно появляется лишь одно желание, одно стремление — продлить это замечательное время, эту благодатную пору. Но мы, русские, я бы сказал, ущемлены природой. Ее красота и обаяние слишком коротки. Остальное время, вернее сказать, основное, главное время проживания русского человека на земле, — это холодный, пронизывающий ветер, мелкий, приставучий дождь, сырой, холодный, болезненный климат, жестокий холод. Одним словом, все чуждое его великой натуре, его неумной стихии, его большому сердцу, его фантастической душе! Простите, можно еще кипятку?» — «Пожалуйста!» — заторопилась молодая женщина. Филипп Проклов опустил в чашечку два кусочка сахарку, развернул карамельку,

попробовав ее, отпил глоток чая и продолжал: — «Сколько самых разных мыслей и чувств возникает всякий раз в канун осени. Сколько чудовищного, нечеловеческого наворачивается на сознание, сколько страшных картин встает перед глазами, перед совестью, сколько правды, рассказов, человеческих исповедей воскрешается в памяти, сколько страданий, замученных человеческих натур, сколько жертв вспоминается, восстанавливается в голове, проходит мимо, пропадает в пучине времени. Заметьте, Светлана, все беды русских, во всей истории происходят осенью или же зимой». Тут Светлана Павловна стала замечать, что зрачки красивых голубых глаз Филиппа Проклова стали расширяться, он уже чаще тер свой нос, а гладкие черные волосы повлажнели у самого лба. Молодой человек воспалил свой рассудок, и уже другие противоречивые мысли стали заполнять его, вырываясь наружу витиеватым повествованием. — «Так желательно мне переселиться до осени, — щупая пульс продолжал Филипп Юрьевич. — Исчезнуть, кануть в Лету, прибиться к другому берегу, миру, что я буквально заболел. Всегда чего-то совсем незначительного не хватает, и мое путешествие опять и опять откладывается. А нынешнюю осень я ни за что не хочу провести в Москве, здесь, в этой жизни. Последние годы проходят под впечатляющим исчезновением многих грез и надежд, крушением ложных устремлений и болезненных иллюзий. Русский народ! Каждый из нас! Понял! Осознал! Почувствовал! Мы в тупике! Мы заблудились! Мы в трясине высокопарного слога и туманных призрачных побуждений!» «Господи, он болен, его начинает трясти», — призналась она самой себе. Молодой человек отпил глоток чая, взглянул в окно, посветлевшее, утреннее, старательно потер нос, улыбнулся Светлане Павловне, опять отпил глотки и продолжал: — «Слишком велики границы России! Слишком слаб, ничтожен экономический потенциал! Слишком

богаты наши противники! Непреодолимый барьер разделяет нас! И каждый день и час мы делаем все, чтобы этот барьер становился еще выше, еще прочнее, еще недоступнее. Но главное, мы делаем это помимо нашей воли, вопреки разуму, наперекор совести. Потому, что в тайнах души предчувствуем, порой предвкушаем — чем выше он, этот барьер, тем больше вероятность катастрофы и тем быстрее наступит начало! Вот почему я преисполнен решимости остановиться! Постоять! Подумать! А все ли так сложно! Неужели нет выхода!»

Филипп Юрьевич вынул платок, протер им свое вспотевшее, возбужденное лицо, встал, прошелся по комнате, выглянул из открытого окна на Васильевскую улицу. «Уже солнечные лучи коснулись асфальта» — Проклов бросил взгляд на пустынный тротуар. Потом он вернулся к своему креслу, глотнул остатки остывшего чая и опять принялся возбуждать свое воспаленное сознание.

Молодой человек подумал, что *Этому* его состоянию приходит конец, что он опять близок к переселениям, и тяготы этой жизни, размышления о них скоро сотрутся в памяти, исчезнут из сознания. Он вдруг обрадовался своему признанию и неожиданно выкрикнул: — «Еще минутку... Я уже готов к отчаливанию». Наступила неловкая тишина. Казалось, каждый думал о своем, очень сокровенном. Послышались щелканье лифта и лязг парадной двери. Филипп Проклов продолжал размышлять, но глаза его уже не *так* блестяли, сухости во рту не было и рассудок становился вялым, утомленным. Тут молодой человек откинулся в кресле, закрыл глаза и впал в задумчивость. Его лицо сделалось бледным, тело — спокойным, похожим на изваяние. Наступила какая-то совершеннейшая тишина. И только разум его начинал клокотать, беситься по своему, горячо и страстно. В эти минуты с ним все последнее время как раз и происходила *эта* его болезнь. Молодой че-

ловек воспалял свое воображение политологическими проблемами, как бы полностью разочаровывался бытием, и своим, и окружающих, впадал в глубокую задумчивость и начинал грезить наяву.

Молодая женщина смотрела на него и абсолютно не знала, что сказать, с чего начать и что, вообще, делать. Она не хотела думать о размышлениях Филиппа Проклова как медик, понимая, что сейчас ему нужна помощь. Какая конкретно помощь, она не знала, и это обстоятельство, делало ее положение особенно беспокойным. — «Вы верующий?» — осторожно, почти шепотом спросила она. — «Нет!» — также глухо ответил он. Но сам про себя подумал совсем другое: — «Мне надо бежать отсюда. Пока время терпит, пока озноб не стал хозяином моего тела. Чего это она о вере? Ничто не интересует меня в этой жизни. Я с ней прощаюсь, рассчитываюсь». — «А ведь сегодня великий праздник — Успение Пресвятой Богородицы». — Светлана Павловна как-то интуитивно решила говорить только шепотом.

Молодой человек промолчал.

— Пойдете со мной в церковь, на праздничную службу?

Опять молодой человек ничего не ответил.

Вновь воцарилась тишина. Стрелки часов показывали 6.15. За окном начинал пробуждаться мегаполис. По тротуарам уже постукивали каблучки, скрипели покрышки автомобилей, дворники шуршали метлами, а на балконе ворковали голуби. Красный полукруг солнца показался над Москвой. Светлана Павловна поняла, что говорить с молодым человеком теперь нет никакой возможности, встала, свернула плед квадратиком и направилась на кухню. И в это самое время, буквально, как только повернулась она к нему спиной, Филипп Проклов громко, казалось, даже вызывающе громко, бросил на всю квартирку: — «Нет Бога, кроме *Этого* самого!» — его

воспаленные голубые глаза опять разгорелись. Молодой человек тут как бы загнулся, но пауза была недолгой, и он уже не так озлобленно продолжал: — «Не пытайтесь разбрасывать камни в моей душе! Она суверенна! Она мертва для Бога, лукавого князя, для всех остальных! Мое сердце не подчиняется ничьим истинам. Для многих из вас страсть — это от Дьявола, от адамового порока, вечного греха человеческого. Для меня...» — он как-то резко остановился, словно вспомнив что-то sacramентальное и не желая свою тайну высказать.

«Ему обязательно надо внушить, — подумала Минина, — его лекарство — религия. Только она сможет помочь ему в обуздании страсти, в борьбе с ней. Он занят, увлечен чем-то таким, что чрезмерно омрачает его рассудок. Он постоянно меняющийся, не в себе. В нем очень много странного, необъяснимого, увлекаемого то одной, то другой крайностью, мыслью, причудой». Минина всмотрелась в его бесчувственное тело и шепотом, почти на ухо сказала: — «На Воробьевых горах есть церковь Святой Троицы. Там замечательный батюшка. В 10 утра начинается праздничная служба. Может, пойдете, Филипп Юрьевич. Вы обретете душевную благодать, почувствуете мир на сердце и легкость в душе. Страждущему молитва нужна». — «Нет, нет, я очень занят. Следующий раз. Спасибо». Проклов по-своему прощупал пульс. Тут какие-то страстные помыслы помимо его воли, вопреки его желанию встревожили молодого человека. Они вошли в него неприметно, хитро и лукаво, делая его совершенно неузнаваемым. — Человеку свойственно выражать свое сочувствие или ненависть, — почему-то сказал он. — Но уныние, как у вас говорят, один из грехов человеческих, — это от беса! А я частенько путаю Бога и Беса! Царя небесного и Цезаря лукавого! Где найти истину, да и нужно ли ее искать... Эти мои страсти нередко тревожат, волнуют, воспаляют меня, воспа-

меняют до слепоты душу. Я постоянно в каком-то вечном поиске. Я — ищущий! Я частенько в чем-то нуждаюсь. Я — нуждающийся! Я непременно чем-то увлекаюсь. Я — увлекающийся! Я никак не подхожу для церкви. Я вам совершенно чужой, не церковный я». — «А меня очень успокаивает праздничное хоровое пение. Псалмы наполняют душу радостью. Мудрость Святого Писания дает сердечное спокойствие. Пойдемте, Филипп! Вам обязательно там понравится».

Молодой человек, видимо уже не слышал ее. Он как-то безучастно встал, прошелся по комнате, выгащил сигаретку, но курить не стал, постоял, помолчал, и совершенно неожиданно, не попрощавшись, вышел из квартирки.

Светлана Павловна осталась одна в полном смятении чувств.

Филипп Проклов вышел на Васильевскую, закурил дешевую «Приму», прощупал пульс, старательно потер нос и своей странной походкой понесся в сторону Садового кольца. Молодого человека опять стало уносить на беспредельные высоты трансцендентальных игр его воспаленного сознания. Весь его облик выдавал человека совершенно отрешенного, погруженного в свой непонятный мир. Сейчас в его мозгу каким-то судорожным импульсом пронеслись слова Мининой: «Страждущее состояние греховно». Впрочем, он абсолютно не был уверен в том, что эта фраза принадлежала именно ей. «Вот еще! Лезет всякая чушь в голову! Но почему я никак не могу вспомнить — откуда это у меня», — признался он сам себе, куда-то очень торопясь по утренним московским улицам. Страх греховности этого состояния совершенно не беспокоил Филиппа Проклова. Ему еще никогда в голову не приходило связывать свое воспаленное сознание со страстями, осуждаемыми Библией. Он был настолько влюблен в *это* самое главное, опьянен им, что совершенно не понимал, не чувство-

вал, где начинался он сам, а где заканчивалась Вселенная. Магическая, сладчайшая песня **Этого** самого, его воспаленного сознания навсегда, полностью, до самого последнего атома тела пленили душу, сердце, весь изуродованный рассудок.

Когда-то он понял, что последствия поиска истины такое же опасное занятие, как взятие Грозного в феврале 2000, и потому никогда ничего не искал и новые, вернее сказать — чужие постулаты не интересовали, не волновали его. Он был всегда верен только **Этому** самому, предан до глубины души, как кадет-выпускник, принявший присягу. В его взбалмошной голове даже самое маленькое сокровенное желание, упоминание о нем, в энергетическом смысле было сродни воодушевлению пророков записывать слово Господня. В его греховности было слишком много человеческого, смиренного и светлого. В нем узнавалась бесконечная личная влюбленность в **Это** самое главное и тихое скромное самолюбование своим состоянием. Он абсолютно не понимал чувство утешения грешника. Сейчас он грезил наяву и был чрезвычайно счастлив.

Сутулой походкой Проклов прошел мимо гостиницы «Пекин», свернул направо и устремился по Садовой. Часы на гостиничной башне показывали 6,35. Субботнее утро было теплым и безлюдным. Лишь лавочки суетились вокруг киосков: протирали окна, разгружали товар, ломали тару, чистили прилегающий тротуар. Филипп Юрьевич ничего этого не замечал. Его мистическая натура была занята болезненными мыслями и, он очень торопился в свою сторону. «У планетария можно еще раз **Этого** самого, — мелькнуло у него. — На той разбитой скамейке». Он чрезвычайно обрадовался собственному плану, громко ухмыльнулся, улыбка разлилась на его лице. Сквозь слезы радости, просматривалась его энергия, упоение жизнью, его неистовое желание получить свой элик-

сир и опять отправиться в путешествие «на Фавор». Он лишь на миг заглянул в будущее и от ликования буквально потерял равновесие. «Вот еще! — почему, собственно, на той скамейке? Зачем лишать себя смысла жизни еще целых десять-пятнадцать минут Я сделаю **Это** самое здесь и сейчас! Немедленно!» Тут Филипп Проклов издал какой-то звук, похожий на крик чаек, требующих пищу у пляжных завсегдатаев и буквально вбежал в первый, попавшийся ему подъезд дома на Садово-Кудринской. Глаза, его голубые с краснеющей воспаленные глаза горели какой-то демонической силой.

Он был занят Этим своим делом не больше пятнадцати минут.

Это время явилось для него стеной, отделяющей одно его состояние от другого. Наконец, с почтительной медлительностью восторженного человека Филипп Проклов вышел из подъезда. На его тонких чувствительных губах прямо-таки сияла самодовольная улыбка. Он огляделся, закурил, подсчитал учащенные, колотившиеся удары сердца и страстно-заинтересовано зашагал в сторону Кудринской площади, нашептывая себе под нос какие-то слова.

С глубокой, трогательной гордостью, предаваясь мечтаньям, он познавал высокое блаженство, а **Это** самое его состояние давало ему превосходство над всеми. «Какое счастье быть безумным!» Он с радостью осознал неизгладимое, вечное и готов был долгие часы опять парить в бесконечных скитаниях своих взбудораженных мыслей. Его душа походила на бушующий океан страстей, совершенно новых, причем самому ему почти незнакомых переживаний. «Видимо, именно мне суждено объединить Библию и Чернокнижье, День и Ночь в новую религию третьего тысячелетия. В богодьявольскую, двугосударственную, униатскую, поклоняющуюся двум братьям по отцу, но разным по матери — смиренному и буйному, белому

и черному. Ум должен возвышаться и в молитве и в преступлении, в добром и злом начале. Грех, святотатство должны возвышать человека, возвеличивать его также — как добродетель и великодушие. Мы должны стремиться к райадскому бытию, первое должно дополняться вторым, второе не должно исключать первое. Иначе утопия! Бытие доказало нам, что в каждом праведнике — есть время бесов, а в каждом сатанисте — есть ангельские порывы. Надо примирить оба царства, объединить две философии. В третьем миллениуме я должен построить мост между двумя великими величинами. Осознание человеком своей близости к Богу совершенно не должно означать отрицания Дьявола». «Странное существо человек, — продолжал размышлять Филипп Юрьевич, и его дыхание в этот момент стало особенно поверхностным. — На протяжении тысячелетий ему обязательно нужен четкий водораздел, жесткая воинствующая граница, жуткая пропасть между Богом и Дьяволом, между Библией и Черно книжьем. Но вот пришло время предать анафеме человека вчерашнего, и провозгласить ангельскобесовое существо будущего. И назвать его можно как-то посовременнее: «double-blooded» или «double spirited». Может быть, начать с самого себя и уже сегодня представляться: «двоедушный». Вот еще! — бросил он. — Совершенно неудачная фраза. Лучше «Двош!» Это — куда звучнее! Двош! Нет, нет, опять плохо: вошь — двош ... А, двуш! Вот, вот, Двуш! Все! Двуш! Хорошо звучит: Двуш!» «Нельзя бесконечно искать праведность под песни, отрицающие тьму. Это для многих стало наваждением. Сумасшествием!» — тут молодой человек сконфузился, закурил, помял нос и продолжил дальше игры своего болезненного сознания. «Так говорил Заратустра, осмысливая задние мысли папы» — вспомнил он. «Легкая скорбь Бога не должна быть равновеликой радости Дьявола, а радость лукавого князя не должна быть огорчением Бога».

Погруженный в раздумья, он смутно различал окружающих, как впрочем, совсем забыл и самого себя. Проклов под каким-то гипнозом совершенно новых для себя мыслей проскочил Кудринскую площадь и приблизился к американскому посольству. Совершенно новые для него мысли, пока он еще не растерял энергию **Этого** самого, опять продолжали свой бег. «Вечные муки — какое это число? Лукавая хитрость состоит в том, что вечность числа не имеет. Какое несчастное создание человек — во веки веков он должен испытывать муки за грехи своих пращуров, прародителей! Вот еще! Божественное и Дьявольское соотносятся между собой как белое и черное, как гармония красоты и красота гармонии. Бог умер! Да здравствует Богодьявол!»

Излучая сияние собственной убежденности, он со стороны походил на радостного фанатика, восторженного приверженца самой **главной** истины. На самом деле — в бесконечной дали от него находилась власть здравого смысла. «А секс?» — совершенно, казалось бы, некстати, вспомнил молодой человек. «Вот еще, — одернул себя Филипп Проклов. — Не дело это завсегда «Фавора». Он нашел еще в себе достаточно сил, чтобы вернуться к прежним размышлениям. «Люди! Мы дети Богодьявола!» — закричал он на всю утреннюю площадь перед мэрией столицы. Эта бесспорная с его точки зрения истина, рожденная в его воспаленном рассудке прямо на глазах, казалась ему бесконечно дорогой, близкой сердцу, и он никогда не променял бы ее на зовы честолюбия и посулы достатка. Убежденность в своей правоте неслась впереди его болезненного сознания, она рождала высокомерное презрение молодого человека ко всему на свете, ко всем известным мыслям и авторитетным умозаключениям.

У высотного здания мэрии, облокотившись на гранитную тумбу, стояла пьяная тетка. Это была женщина лет пятидесяти,

совершенно плоская, как фанерка, с отекившим морщинистым лицом в синяках. С головы ее до пояса свисали рыжие веревки, аляповато вплетенные в жидкие поседевшие волосы. На ее плече сидел такой же рыжий дремлющий кот. Пьяная дама прямо из трехлитровой банки тянула пиво. Оно обливало ее лицо и струйками стекало на яркое, в густых жирных пятнах, цыганское платье. Именно эта особа и бросила как бы в ответ Филиппу Проклову: — «Врешь, мерзавец! Я дочь портвейна! А ты сам знаком с Кагором Хересовичем Портвейном? — То-то! Это он создал нас! Это он наш прародитель! Что это еще за Богодьявол ... Чушь! Демократии в этом нет никакой!»

Лишь обрывки фраз дошли до воспаленного рассудка молодого человека. «Вот еще! — проворчал он и добавил: — Вы, любезная, не знаете ли, кто торгует **Этим** самым важным?» — «Что ты поешь?» — пьяница сбросила с себя кота и стала в позу драчуна. «Почему, «поешь?» — удивился про себя Филипп Юрьевич. Но впрочем, тут же позабыл этот инцидент и странной сутулой походкой пошел дальше.

Молодой человек с отрешенным видом шел в сторону Новоарбатского моста. Он все больше становился воплощением полной прострации. «Еще на раз у меня хватит. А что дальше? Но у Мининой ничего нет. Надо будет что-то придумать». Он уже чувствовал себя не так, как давеча на Садово-Кудринской. Энергия постепенно оставляла Филиппа Юрьевича и опять только одна, главнейшая мысль все больше и больше начинала занимать его: «Где достать **Это** самое важное». — «Эй? Чудак! Читить надо только портвейн! — крикнула ему вслед пьяная дама. — За стаканом приходи сюда, здесь меня всегда найдешь! Ха, ха, ха!»

Филипп Юрьевич был уже совершенно глух к ее призывам. Он вышел на набережную Шевченко и своей странной походкой шагал вдоль Москвы-реки в сторону Киевского вок-

зала. Борясь с усталостью, Филипп Проклов пытался вновь овладеть своим рассудком, но ему никак не удавалось мыслить трезво и ясно. То одна, то другая внезапные болезненные мысли делали из его сознания площадку для игр воспаленного сознания. Так, то и дело оглядываясь, щупая пульс и потирая свой нос, он прошел довольно долго, когда, словно спохватившись, вдруг, вслух спросил себя: «Вот еще! А который сейчас час?» Филипп Юрьевич огляделся: часы на башне киевского вокзала показывали 8.40. «Время еще терпит», — как бы приходя в сознание, подумал он. Молодой человек закурил. Его голубые, воспаленные с краснеющей глаза сузились, губы обсохли, язык стал каким-то деревянным, чужим. Он постоял, подумал, словно, человек, потерявший время, соображая куда направиться дальше, и так же неожиданно, вдруг очень спешно, направился в сторону Мосфильма. Весь его облик оставлял тягостное чувство. Первый же встречный признал бы в нем очень странного человека. Сейчас опять поглощенный потерянной радостью и неостребованным созерцанием своего путешествия ««на Фавор»», он — ничего не понимал, не видел, не ощущал, что творилось вокруг него. Новые наваждения стремительно наворачивались на его воспаленное сознание, требуя все большей, всеобъемлющей отрешенности. Он уже осознал, прочувствовал всей глубиной души, что борьба за поиск **Этого** самого становится невыносимой и безнадежной. Но внутреннее упрямство, переходящее в упорство, не хотело сдаваться и проигрывать. Чувствуя в себе взрывоопасную силу, способную раздавить, уничтожить разум и логику — молодой человек стал успокаивать себя тем, что он еще не все забрал у Мининой. «Там, что-то еще осталось, — мелькнуло у него, — в серванте, на полочке, среди всякой утвари... Вот еще!» — вдруг бросил он вслух. Успокоение было мимолетным. Сильный животный инстинкт самосохранения прервал об-

ман и вторг его в реальность. Отчаянность положения, в котором он опять оказался самым абсурдным образом начала проявляться в поведении Филиппа Юрьевича. Он остановился, сбросил с себя башмаки, стянул носки, к которым стал как-то страстно принохиваться. Со стороны, казалось, что он что-то хотел узнать, вспомнить, какой-то тот свой душок. Видимо, у него ничего из этого не получалось, потому, что молодой человек засунул кончик носка к себе в рот и стал в какой-то растерянности пожевывать его, словно через вкус намерен был узнать, прочувствовать что-то совершенно свое. И казалось, удача улыбнулась ему. Потому как Проклов как-то даже успокоился, старательно потер нос, прощупал kloкочущий пульс, присел на теплый асфальт, обхватил руками голову и зажмурился. Напряжение спало и весь его вид выдавал теперь в нем спокойного, невозмутимого человека, пожелавшего погреться на утреннем теплом московском солнышке. Правда, одно престранное обстоятельство могло бы очень даже смутить прохожих. С умиротворенного бледного лица Филиппа Юрьевича, а точнее из его рта, свисал черный носок. Но, собственно говоря, чего только не встретишь на нынешних столичных улицах.

В такой необычной позе он просидел не больше тридцати-сорока минут. Потом Филипп Проклов очнулся, поднялся, спрятал в джинсы насквозь прожеванный носок, взял под локоть ботинки, закурил свою горькую «Приму» и босой понесся дальше. Мысли, наполовину трезвые, но больше сумасшедшие, стали заполнять его болезненное сознание. Ему вдруг представилось, что за ним кто-то наблюдает, идет шаг в шаг, шпионит. Он стал озираться, у Краснолужского моста влез даже на столб ограждения, чтобы осмотреться. Потом пригнувшись, пробежал за троллейбусом, рассматривая незнакомые лица, стал вглядываться в воды Москвы-реки, в надежде

заметить преследователя. Но ничего подозрительного не было. Его взволнованность, сменилась угрюмостью, чувством собственного унижения. «Вот еще!» — выкрикнул он и, уже другие воспаленные мысли стали занимать его. «Как научиться предупреждать неизбежное, бороться с закономерностью, сопротивляться законченности? Вот еще! Так можно додуматься до противоборства смерти! А мне бы только переселиться туда, чтобы забыть. Необходимо опасаться чувств, овладевающих мной помимо моей воли, желания, власти. Иначе, грезы этого бытия инфицируют, отравят меня. Я стану заложником других, более тягостных, вредных, совершенно чужих мне истин. Я должен оставаться только послем страждущих, генералом юродивых, государственным секретарем мающихся, создателем ассоциации беснующихся, вожакom мытарствующих, лидером убегающих «на Фавор» или одиноким скитальцем своей фантазии, но ни в коем случае не искаателем правды! Сподвижником добродетели, апостолом целомудрия, наставником грешников, вестником морали, исповедником алчных. У меня ведь свой момент истины!» Филипп Проклов старательно потер нос, закурил и довольный преданностью *Этому* самому своему состоянию зашагал дальше. Как ни велико было желание Проклова остерегаться посторонних болезненному сознанию мыслей, они, пробивая заслон, вновь и вновь навалились на него. Впрочем, это было с ним почти всегда, когда душевная энергия начинала ослабевать, истощаться *Эта* его жизненная сила.

«Осталось, на один раз, а что дальше? — опять он вернулся к прежним переживаниям. — На Тишинской площади сегодня другая смена ... Может, повезет. Сегодня уж точно повезет! Непременно будет удача!» Это чудесное признание начало душиить его радостью. Уверенность в том, что у него все замечательно получится, взяла полную власть над ним. Он уже

ни о чем кроме *Этого* самого думать, конечно, не мог. Теперь он не боялся использовать остатки *Этого* из мининского серванта, которые припрятал на «самый последний момент». Филипп Проклов стал лихорадочно искать какое-нибудь место, где смог бы он проделать свои процедуры. Молодой человек настолько погрузился в свою мистическую радость, что совершенно не заметил, как оказался у входа в храм Святой Троицы на Воробьевых горах. Прямо перед его воспаленными с краснеющей глазами предстала Светлана Минина, молящаяся у лика Спаса. Одухотворенное, божественное выражение лица девушки заставило молодого человека войти в храм. Еще буквально секунду назад ни о чем подобном он и не помышлял. Но входил Проклов в церковь бессознательно, смутно осмысливая свой поступок. В самой глубине его сознания какая-то таинственная сила помимо его воли вела его к иконостасу. Светлана Павловна, погруженная в литургию, не видела Филиппа Проклова, а он, не обращая никакого внимания на прихожан, очень торопился к ней. «Я у нее спрошу. Она мне все скажет!» — надеялся молодой человек. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы вдруг с амвона не спустился владыка с чашей для причастия. Все собравшиеся в храме опустились на колени. Тут Филипп Юрьевич потерял из виду Светлану Минину. Как ни шарил он своими голубыми с краснеющей глазами по спинам верующих — Мининой среди них он никак не мог распознать. «Вот еще!» — вслух бросил он и в какой-то панике бросился от иерея назад к выходу. Его поврежденный рассудок в этот момент был на грани прострации.

Яркие лучи утреннего солнца ослепили его. Проклов очнулся, отдышался, прощупал пульс, потер нос, вспомнил, что, видимо, потерял где-то обувь, усмехнулся и как ни в чем не бывало пошел босым к смотровой площадке, к трамплину для

льжников. «Там можно спокойно все **Это** самое проделать,» — про себя решил он. Уж очень велик был соблазн здесь, и сейчас заняться своим делом.

На смотровой площадке Воробьевых гор было, как обычно, многолюдно. Одни фотографировались, другие обнимались, торговали, давали напрокат лошадей, рисовали портреты, зазывали в ресторанчики, предлагали московские круизы, обменивались адресами, разливали горячительные и прохладительные напитки, щипали из чужих карманов набитые кошельки... Этот типичный тусовочный гвалт основательно напугал Филиппа Юрьевича, вызвал у него высокомерное презрение. В слепой ярости он прошмыгнул мимо публики и вышел к трамплину. Душа, воспаленная, болезненная душа Проклова, настойчиво требовала скорби, основательно нуждалась в известном эликсире. И не было в мире силы, способной отвлечь, оторвать молодого человека от волнительного мероприятия. Он никак не хотел выставлять напоказ свои занятия перед столичным людом, а потому решил подняться на забытый летом трамплин для летающих лыжников. Филипп Юрьевич потратил много сил, чтобы взобраться на самый верх. Молодой человек взмок, пульс его учащенно бился. Перед ним открылась величественная панорама Москвы. Но сейчас совершенно ничего не занимало его, не отвлекало ни на мгновение от генерального вопроса — как можно быстрее совершить **Это** самое важное.

На это у Проклова ушло десять минут.

До боли знакомое восторженное чувство начало шевелиться в его душе, в воспаленном сознании. От мученических страданий — к богатству радости — был всего лишь один шаг. И Филипп Юрьевич всегда с честью проделывал его. Теперь, как прежде, как всегда, его тело опять стало наполняться необыкновенной энергией теплоты. На смену ей пришла мечта-

тельность, обладающая таинственностью. Ум приобретал величайшую ясность, а возможность самых разных, порой причудливых превращений воспаляла уродливое сознание Филиппа Проклова. Новые игры его очень уж болезненного ума готовы были творить с ним чудеснейшие сюжеты. «Вот еще! Опять я здесь! Здравствуйте!» — бросил он вслух ветру. «Чай да пряники усилили бы волшебное воздействие *Этого*, — признался он себе. — Но как на небесах чай заказывать, кто заварку поднесет ... Ха, ха, ха!» Он опять становился самим собой, голубые с краснецей глаза успокоились. Молодой человек старательно потер нос и ностальгическое благодушие начало опьянять его основательно. Филипп Юрьевич мифологизировал *Это* свое состояние. Теперь он в буквальном смысле оказался, вернее сказать, находился, на седьмом небе. Его радость была глубоко искренна. Но одна примечательная вещь всегда сопровождала его — его рассуждения в этом своем состоянии были всегда фрагментарными, темы, волновавшие его, никогда не повторялись. Каждый раз после *Этого* самого они неизвестно откуда-то возникали, а потом исчезали, пропадали и никогда уже не возвращались вновь. Он всегда думал о чем-то свежем, его радостная душа искала, находила, чаще спонтанно, новоиспеченные страницы для раздумий. Все прошлое всегда оказывалось безвозвратным, невозмутимо потерянным, а будущее без *Этого* самого никогда не наступало! Но как только возникало оно, то с необузданной скоростью на воспаленное сознание Проклова наворачивалось всегда что-то совершенно новенькое! Его болезненная душа в минуты просветления требовала неведомого предмета для общения, свежей темы для размышлений. Так и сейчас, молодой человек вдруг подумал об Александре I. Почему о нем? Странные привычки и неясные помыслы Филиппа Проклова тому причина. «Государь-то славный был Александр Палыч!

— начал молодой человек. На его тонких губах появилась ироническая гримаса. — Эти, его три семерки меня до сих пор мучают! 777 — знаменье великое! И Державин чудо: «Будь на трон человек! Но с Автодеей Петровной поступил не по-царски. О кормилице лишь 20 лет спустя вспомнил, 1000 рублей пожаловал... Ой, не прав был Александр Палыч и с немцем Майером. Обучал его мастер столярному делу, а награды он так и не увидел. Не любят великие долги платить. Болезнь! Им все с неба достань! Хотят, чтобы за честь считали их грудью кормить, императора столярному ремеслу учить». Тут Филипп Юрьевич усмехнулся. Этот собственный смех прервал ход его мыслей. Молодой человек осмотрелся. А сидел он на самой верхушке трамплина. Солнце припекало, далеко внизу под ним на смотровой площадке клокотала тусовка. Августовский, с Воробьевых гор, ветерок трепал его гладкие черные волосы, доносил запах полевых трав и цветов с университетских газонов.

Филипп Проклов попытался встать, как сразу почувствовал легкое головокружение. «Вот еще!» — бросил он. Молодой человек, словно желая прийти в сознание, старательно потер нос и прощупал пульс. В этот момент он почувствовал острую боль в пятке — злой гвоздь беспощадно впился в босую ногу странного москвича. «Вот еще!» — вскричал Филипп Юрьевич. Он как-то заштался, потерял равновесие, руками стал цепляться за небо, выдохся, плюхнулся на трамплиновую дорожку и, его стремительно понесло вниз. Проклов несся как птица, его грудь легко скользила по наутюженным доскам трамплина. Угол наклона не оставлял молодому человеку никаких шансов остановиться. Он все быстрее, все стремительнее летел вниз, похожий на миниатюрный истребитель, выполняющий старт с авианосца. Его скорость уже достигла полета птицы, когда он почувствовал момент отрыва. Тут он,

его тело, его собственное совершенно неспортивное тело стало свободно парить в воздухе. «Вот еще!» — воскликнул Филипп Юрьевич. Он постарался уберечь себя от помутнения рассудка: неужели действительно он летит над Москвой? Как это может быть? Абсурдность восприятия полета, пожалуй, вернее сказать — парения, провоцировала мистическую отрешенность. Он желал унизить себя насмешкой, дескать, что он совсем с ума сошел, как это такое может быть, что человек парит над городом, и этим человеком является он сам. Но прозрения не наступало, а ощущение парения над Хамовниками становилось все реальнее и явственнее. «Видимо, чтобы улететь «на Фавор», — с обидой подумал он, — мне придется парить над столицей, жить в этой жизни, среди этих забот». От такой насмешливой несправедливости ему стало чрезвычайно оскорбительно. Болезненный рассудок молодого человека под влиянием всего происходящего разбивался на отдельные куски, словно глиняный сосуд. Одной частью он никак не хотел верить своим ощущениям, другой — он горько сожалел, что маршрут полета был выбран неверным, ложным, третьей — он умиленно, он трогательно рассматривал красоты московских кварталов, и чудесное состояние парения все больше и больше охватывало его.

Москва в это время года особенно ласкова. Филипп Юрьевич знал ее такой превосходно. Он разглядывал опрятные дома Фрунзенских улиц Хамовников, над которыми парил сейчас в августовском небе, и какие-то смутные, забытые, ностальгические чувства урывками пробуждались в его сознании. Аллеи Нескучного сада воскресили в его болезненном рассудке первую влюбленность в Анюту Веснену, парк Горького напомнил Проклову баскетбольную встречу с командой юрфака, пролетая над 2-ой Фрунзенской он разглядел трактир «Хлестаков». «Какой чудесный квас разносили там», —

вспомнилось ему. Крымский мост — освежил в памяти кегельбан, где он с сокурсниками частенько проводил воскресные дни. Он видел метро «Парк культуры» и трогательные подробности былого вставали перед ним. Проносясь над Остоженкой, Филипп Проклов всем своим телом вспомнил хлорную воду бассейна «Чайка», на Пречистенке — он радостно узнал особняк партизана Давыдова, времен антинаполеоновской кампании 1812 года, где он не раз бывал в студенческую пору. Вдруг перед его глазами вырос храм Христа Спасителя. Его белизна показалась ему тончайшим одеяньем из туалы, способным пройти через ушко иголки. Все строение походило на каменный волшебный цветок. Эта гармоничная композиция всеобъемлющего, казалось, живого существа покорила молодого человека. Проклов никак не мог определить его границы и назначение: то ли это был нескончаемый, безбрежный космос, то ли белоснежная клетка для его воспаленной души. Теперь маршрут его полета был как бы скорректирован какой-то неведомой силой. Если до этого Проклов парил над Хамовниками, то теперь Филипп Юрьевич летел прямо на храм. «Вот еще!» — проворчал он. Он хотел было попытаться управлять своим полетом, но не было совершенно никаких сил воспротивиться этому, и его все быстрее, определеннее уносило все дальше. Тут он увидел перед собой Крест. Огромный, сверкающий под лучами солнца великан. Он походил на птицу феникс, вырывающуюся своими металлическими крыльями из заточения и рвущуюся к заоблачным мирам. Крест убедил молодого человека в собственной способности перемещаться в пространстве и создал совершенно окончательное счастливое ощущение бегства «на Фавор!» Расстояние между ними стремительно сокращалось. Вначале Филиппа Проклова взял было испуг. Но по мере приближения к этому блестящему светилу испуг уступил место любознательности,

предвкушению встречи с чем-то неожиданным, неведомым, желаемым. Крест был совсем рядом. Молодой человеку уже легко мог разглядеть рубцы, возникшие при ручной обработке, толстые стенки и короткий, тонкий ободок по коническому цоколю с балясинами сверху. Поверхность Креста была гладкая, покрытая сусальным золотом, без посторонних вкраплений, но с прихотливо изрезанными краями. Сам корпус опирался на расширяющуюся книзу ножку, укрепленную на прямоугольной плите. Филипп Проклов все ближе и ближе подлетал к чудесной фигурности символа. Столкновение с ним стало неминуемым! Удар!

В этот момент Филипп Проклов успел почувствовать, как его воспаленное сознание, голова, все болезненное тело разбивается, расплзается, растекается по строгим линиям этого золотого исполина, а душа, его русская объемная душа, восходит к алтарю.

Москва. Апрель 2000

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

7

Изгой

43

Отрешенный

707

Александр Потёмкин

«И з г о й»

«Отрешенный»

Редакторы — Наталия Орлова и Константин Агаров
Технический редактор и корректура — Людмила Абаджян
Художественное оформление — Игорь Резников
Технический помощник — Екатерина Музыка

Подписано к печати 28.4.2014.
Формат 60х90/16. Печать офсетная.
Условных печатных листов 48.
Тираж 5 000 экз. Заказ № 0301540.

Издательский Дом «ПоРог».
Генеральный директор издательского Дома «ПоРог» -
Ирина Толмачёва

127206 Москва, Дмитровский проезд, 20 кор. 2
Тел.:(495) 611-03-396. Сайт: www.idporog.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
50049, Ярославль, ул. Свободы, 97